НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы V Международной научно-практической конференции
(30–31 октября 2025 г., г. Минск)

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2025

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43
С69

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института социологии НАН Беларуси

Редакционная коллегия:
Н. Л. Мысливец (главный редактор), М. И. Артюхин, Н. Л. Балич,
М. И. Горбач, С. В. Зенченко, О. В. Кобяк, Е. Н. Новицкий,
А. В. Посталовский, Е. Ю. Смыкова, А. П. Соловей, Н. А. Сосновская,
Н. В. Цыбульская, Т. А. Толстяк

Рецензенты:
доктор социологических наук, профессор *В. А. Клименко,*
доктор политических наук, доцент *В. С. Михайловский*

Конференция проведена в рамках выполнения
Государственной программы научных исследований
«Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства»
на 2021-2025 гг.; подпрограмма 5 «Социология»

С69 **Социальное** знание в современном обществе : проблемы, закономерности перспективы : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (30–31 октября 2025 г., г. Минск) / редкол. : Н. Л. Мысливец (гл.ред.) [и др.] ; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Четыре четверти, 2025. – 452 с.
ISBN 978-985-581-783-4.

Сборник включает доклады и выступления известных белорусских и зарубежных социологов, экономистов, культурологов, историков и науковедов, принимавших участие в V Международной научно-практической конференции, которая проводилась в Институте социологии 30–31 октября 2025 года. В представленных статьях рассматриваются наиболее актуальные и значимые проблемы развития современного общества.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и специалистов органов государственного управления, а также читательскую аудиторию, интересующуюся вопросами современного социального развития.

УДК 316.42(082)
ББК 60.5я43

ISBN 978-985-581-783-4

© Институт социологии НАН Беларуси, 2025
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”, 2025

УДК 349.3

ЦИФРОВОЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЕ: РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Агиевец С. В.
заведующий отделом социологии социальной сферы,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат юридических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В Республике Беларусь по данным Национального статистического комитета за последние 7 лет обеспеченность врачами выросла на 5,9% и составила в 2024 году 53,9 человека на 10 тыс. населения [1]. Для сравнения в Норвегии обеспеченность врачами составляет 49,1 врача на 10 тыс. населения, Германии – 45,5, Швейцарии – 44,8, Болгарии – 44,5 [2]. В 2024 году удельный вес государственных расходов на здравоохранение в Республике Беларусь составил 4,8 % ВВП [3], в Российской Федерации 3,7 % ВВП [4]. Однако на сегодняшний день не только кадровое и материально-техническое обеспечение отрасли являются определяющими факторами удовлетворенности населения организацией оказания медицинской помощью. Не менее значимым фактором, способствующим повышению эффективности медицинской помощи, ее доступности и качества является внедрение и масштабирование цифровых технологий в здравоохранение, поскольку в эпоху цифровой трансформации общественных отношений появляются новые эффективные технологические решения, оптимизирующие работу отрасли. Цифровая трансформация общественных отношений по своей сути влечет переход из одного технологического уклада в другой в результате воздействия совокупности интеллектуальных и управленческих процессов, направленных на внедрение цифровых технологий, которые формируют новые организационно-технологические цепочки с применением электронных средств коммуникации. С целью содействия надлежащему использованию цифровых технологий в качестве цифровых общественных благ с 2020 года Всемирной организацией здравоохранения реализуется Глобальная стратегия цифрового здравоохранения на 2020 – 2025 годы.

Развитие цифрового здравоохранения влечет необходимость его нормативного правового регулирования на национальном и международном уровнях. Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 14 апреля 2023 года № 55-22 утвержден модельный закон «О цифровом здравоохранении» (далее – Закон) [5]. Целями данного Закона являются не только определение единого понятийного аппарата применения правовых норм оказания медицинской помощи в условиях цифровой трансформации здравоохранения, но и защита прав и законных интересов субъектов оказания и получения медицинской помощи.

В Законе содержится определение цифрового здравоохранения – «способ планирования здравоохранения и управления им, организации и оказания медицинской помощи, обеспечения профилактики и формирования здорового образа жизни, информационного сопровождения граждан и медицинских работников на основе цифровизации с использованием результатов непрерывной обработки данных в цифровом виде, при котором существенно повышается их эффективность за счет использования современных методов обработки и анализа таких данных (включая

методы искусственного интеллекта), а также формируется системная информационная основа для принятия управленческих и медицинских (в том числе врачебных) решений, значительно влияющая на эффективность, качество и безопасность услуг и деятельности в сфере здравоохранения. При этом сущностным выражением цифрового здравоохранения является сбор, передача, хранение в цифровом виде всех данных о деятельности отрасли (системы) здравоохранения (в том числе сведений о соответствующих ресурсах, демографии, эпидемиологической ситуации, заболеваемости, деятельности медицинских организаций, состоянии здоровья граждан и т. д.) при обработке указанных данных с применением технологий искусственного интеллекта» [5]. В данной дефиниции ключевым является определение цифрового здравоохранения в качестве гарантии реализации гражданами конституционного права на охрану здоровья в сфере здравоохранения как отрасли государственного управления, при организации оказания медицинской помощи, в процессе профилактики, а также формировании здорового образа жизни.

Субъектами цифрового здравоохранения являются органы государственной власти и управления, физические и юридические лица, а также международные организации.

Основными целями цифрового здравоохранения являются:

1. Обеспечение необходимой полноты и достоверности информации о состоянии здоровья субъектов получения медицинской помощи, а также увеличение количества случаев раннего выявления у них заболеваний.

2. Повышение доступности оказания медицинской помощи.

3. Обеспечение высокого качества медицинской помощи.

4. Обеспечение устойчивого развития систем охраны здоровья граждан.

Задачами по достижению сформулированных в Законе целей определены:

• обеспечение эффективной и оптимальной маршрутизации пациентов при получении ими медицинской помощи;

• развитие электронного документооборота при осуществлении деятельности в сфере здравоохранения;

• оказание медицинской помощи с применением телемедицинских технологий;

• применение в здравоохранении технологий искусственного интеллекта для обработки медицинских данных и поддержки принятия врачебных решений;

• расширение возможностей граждан самостоятельно контролировать состояние своего здоровья с использованием новых технологий [5].

Следует подчеркнуть, что развитие и функционирование цифрового здравоохранения должно основываться на соблюдении базовых и специальных принципах. К базовым принципам относятся общие принципы охраны здоровья: соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий; приоритет интересов пациента при оказании медицинской помощи; приоритет охраны здоровья детей; социальная защищенность граждан в случае утраты здоровья; ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления (управления), должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья; доступность и качество медицинской помощи; недопустимость отказа в оказании скорой и иной медицинской помощи; приоритет профилактики в сфере охраны здоровья; соблюдение врачебной тайны, законорегулируемое ограничение предоставления персональных медицинских данных. В число специальных принципов Закон включает: системность; сбалансированность; ведущая координационная роль уполномоченных государственных органов; преемственность и непрерывность; публично-частное

партнерство; согласованность с общей социальной политикой государства; скоординированность с ключевыми мировыми тенденциями; паритетность в межгосударственном сотрудничестве; сочетание научной обоснованности и экспериментально-практических достижений; ресурсная обеспеченность; эффективная результативность; ответственность; измеримость целей; реалистичность; первоочередность реализации для объектов критической информационной инфраструктуры отрасли здравоохранения; приоритет интересов повышения качества жизни граждан [5].

Правовое регулирование цифрового здравоохранения на национальном уровне осуществляется Законом Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. №2435-XII «О здравоохранении», в который включена глава 7 «Информационное обеспечение в области здравоохранения» (содержит нормы о создании и функционирование централизованной информационной системы здравоохранения, а также об оказании медицинской помощи, медицинском наблюдении и проведении медицинских экспертиз с применением телемедицинских технологий) [6]. Также, согласно Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021 – 2025 годы в стране активно внедряются информационные технологии в здравоохранение, завершается создание централизованной информационной системы здравоохранения. Кроме того, разработана республиканская телемедицинская система унифицированного медицинского электронного консультирования в рамках подпрограммы «Электронное здравоохранение» Национальной программы ускоренного развития услуг в сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011 – 2015 годы, которая применяется по модели консультирования «врач-врач». Есть ряд ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих отдельные сервисы цифрового здравоохранения, которое не является отдельным видом медицинской помощи.

В завершении следует отметить, что национальному законодателю еще предстоит на системной основе создать правовые условия для проведения скоординированной политики по осуществлению цифровизации и цифровой трансформации отрасли здравоохранения с применением соответствующих цифровых технологий, а также предусмотреть правовое обеспечение механизмов межгосударственного сотрудничества, связанных с цифровизацией и цифровой трансформацией здравоохранения. Развитие цифрового здравоохранения требует нормативного правового регулирования наряду с созданием технологической инфраструктуры и обучением медицинских работников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные показатели здравоохранения в Республике Беларусь // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2024/infographics_zdravoohr.pdf (дата обращения: 23.08.2025)

2. Лидер в Европе и СНГ. В Белстате рассказали об обеспеченности населения медработниками // Новости Беларуси. БелТА. – URL: https://belta.by/society/view/lider-v-evrope-i-sng-v-belstate-rasskazali-ob-obespechennosti-naselenija-medrabotnikami-720354-2025/?ysclid=mfcr3qclk5915010606 (дата обращения: 23.08.2025)

3. Ходжаев, А. В. В Беларуси удельный вес госрасходов на здравоохранение в 2024 году составил 4,8 % ВВП / А. В. Ходжаев // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/v-belarusi-udelnyy-ves-gosraskhodov-na-zdravookhranenie-v-2024-godu- sostavil-4-8-vvp.html?ysclid=mfctbubbs4413664319 (дата обращения: 23.08.2025)

4. Мурашко заявил, что расходы на здравоохранение в 2024 году составляют 3,7% ВВП // ТАСС. Новости в России и мире. – URL: https://tass.ru/ekonomika/20790859?ysclid=mfctrp3dc9120466554

5. О цифровом здравоохранении : модельный закон прият постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 55-22 от 14.04.2023 г. // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).

6. О здравоохранении : Закон Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. №2435-XII : с изм. и доп. на 08.08.2024 г. // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 23.08.2025).

УДК 316.346.2(476):327

АНАЛИЗ ПОЗИЦИЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕЙТИНГАХ ПО ГЕНДЕРНОМУ НЕРАВЕНСТВУ

Аксеневич А. М.
заведующий сектором,
Институт экономики НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Сокращению гендерного разрыва в Республике Беларусь уделяется немалое внимание. Ратифицирован и подписан ряд международных актов в части обеспечения гендерного равенства и преодоления дискриминации по признаку пола [1]: Пекинская декларация и Платформа действий, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Факультативный протокол к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Координация и контроль реализуемой гендерной политики, выработка согласованных действий по обеспечению гендерного равенства осуществляется такими институциональными единицами, как Национальный совет по гендерной политике при Правительстве Республики Беларусь (координирующая функция), Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь (координация и контроль). Об активной политике по сокращению гендерного неравенства свидетельствует активное участие Беларуси в международных рейтингах.

Рейтинг гендерного разрыва – исследование, проводимое Всемирным экономическим форумом (*далее – ВЭФ*) в целях измерения гендерных различий в доступе к ресурсам и возможностям в отдельно взятых странах. Интегральный индекс включает в себя 14 показателей социально-экономического развития, отражающих гендерный диспаритет по а) участию в экономической жизни, б) доступу к образованию, в) доступу и качеству предоставляемых услуг в сфере здравоохранения, г) политическим правам и возможностям. Согласно отчету *Global Gender Gap Report 2025* [2], в наибольшей степени достигли равноправия скандинавские страны (Исландия, Финляндия и Норвегия), которые традиционно имеют самые высокие значения индекса среди всех представленных в рейтинге 148-ми стран (рис. 1). Беларусь заняла 54-е место: полученный балл, составивший 0,736, превышает среднемировой (0,688 баллов). Страна опережает своих партнеров по ЕАЭС – Армению, Казахстан и Кыргызстан (что ожидаемо, т.к. перечисленные страны имеют свои культурные особенности, ограничивающие возможности и социальные роли женщин), – а также соседнюю Украину. Но отстает от своих европейских стран-соседей (Литвы, Латвии и Польши).

Анализируя более подробно позиции страны в разрезе выделенных групп показателей, наблюдается следующая ситуация. Отметим высокую вовлеченность

женщин в экономическую жизнь страны. По субиндексу а) страна имеет 0,805 балла, занимая 9-е место в мире. Женщины превалируют в рабочей силе (2,31 млн женщин и 2,29 млн мужчин находятся в трудоспособном возрасте). Среди незанятого трудоспособного населения в возрасте от 15 до 64 лет женщины составляют 2,76 %, доля же мужчин выше (4,16 %). В то же время, женщины больше времени тратят на домашнюю неоплачиваемую работу, чем мужчины: 19,17% времени уходит на домашние дела у женщин против 9,51 % у мужчин. Несмотря на активное участие женщин в экономике наблюдается значительный диспаритет по уровню доходов, о чем свидетельствует невысокое значение показателя предполагаемого уровня доходов в гендерном разрезе. Доля женщин в топ-менеджменте белорусских компаний все еще остается невысокой. Так, доля фирм, в которых женщины владеют контрольным пакетом акций, составляет 19,2 %. В 21,1 % фирм женщины занимают руководящие должности.

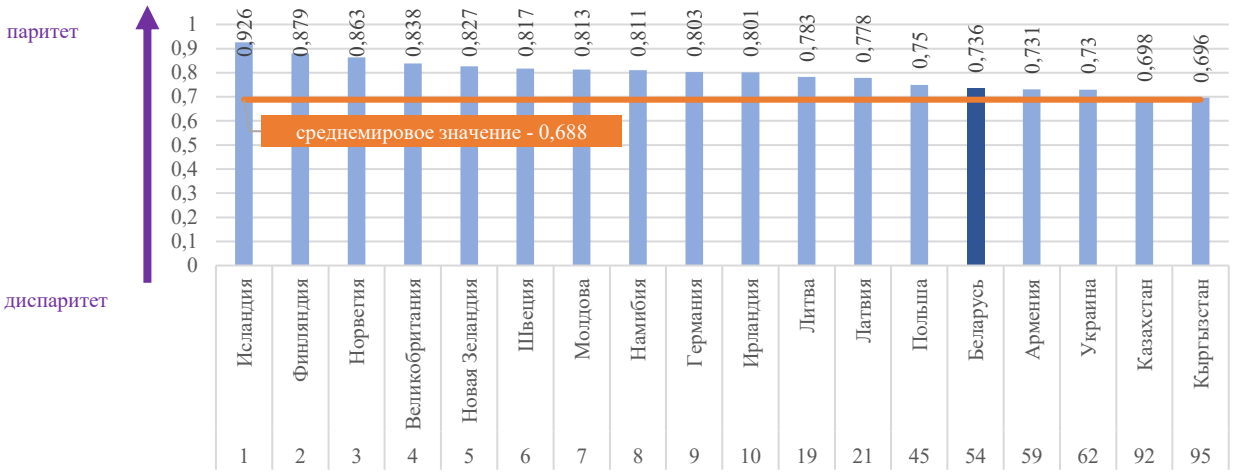

Рисунок 1. Место Республики Беларусь в Глобальном рейтинге гендерного разрыва (ВЭФ) среди мировых лидеров, а также стран соседей и партнеров по ЕАЭС

Значение субиндекса б) также высоко – 0,991 баллов, страна занимает 78 место в мире. Рассматривая распределение выпускников учреждений образования по отраслевому признаку в гендерном разрезе, сложилась следующая ситуация. Наибольший разрыв наблюдается по направлениям: 1) технологии STEM (58,87 % выпускников составляют мужчины, 17,04 % – женщины), инженерные специальности (46,07 % – мужчины, 10,97 % – женщины), информационные и коммуникационные технологии (9,87 % и 2,57 % соответственно) – наблюдается превалирование мужчин; 2) гуманитарные науки и искусства (9,57 % выпускников – женщины, 3,38 % – мужчины), бизнес, управление и юриспруденция (30,49% и 16,38% соответственно), образование (15,53 % и 6,06 % соответственно), сфера медицины и здравоохранения (13,5% и 3,49% соответственно), социальная сфера, журналистика и медиа (4,37 % и 1,62 % соответственно) – превалируют женщины. Интересным выступает тот факт, что по специальности «естественные науки, математика и статистика» доля выпускников-женщин больше: 3,5 % против 2,93 % выпускников-мужчин.

По *качеству услуг в сфере здравоохранения* наблюдается благоприятная обстановка, о чем свидетельствуют высокие баллы: страна занимает 1 место в мире, значение индекса в) составило 0,98 баллов. В Беларуси регистрируется 1 материнская смерть на 100 тыс. живорождений. Степень охвата родов, принятых высококвалифицированным медицинским персоналом, составляет 99,9 %. Средний возраст женщин при рождении первого ребенка – 26,9 лет. В то же время, коэффициент

рождаемости на одну женщину в течение жизни составляет 1,21, что является низким показателем. Неудовлетворенная потребность в планировании семьи в Беларуси составляет 17,5% женщин в возрасте от 15 до 49 лет (именно эта часть населения формирует группу нежелательной беременности и аборта).

Что касается *политических прав и возможностей*, то Беларусь имеет невысокие значения, лишь 0,17 баллов, это 98 место. Женщины слабо представлены в политической жизни страны: доля женщин, принимающих участие в правительстве, составляет 30,51%.

Индекс гендерного неравенства ПРООН [3] является составным показателем Индекса человеческого развития (*Human Development Index*) и представляет собой комбинированный показатель, измеряющий степень равноправия полов по следующим направлениям: а) охрана репродуктивного здоровья; б) гражданские права и возможности; в) экономическая активность и возможности на рынке труда. В отчете *Human Development Report* 2025 [4], приняло участие 193 страны. Беларусь заняла 27-е место со значением показателя 0,08. Страна имеет высокие значения по охране репродуктивного здоровья: по показателю материнской смертности страна превосходит даже лидеров рейтинга. Такая же ситуация обстоит и в сфере образования (охват как мужского, так и женского населения средним образованием составляет 99,3 и 99,9 % соответственно). Наблюдается высокая представленность женщин на рынке труда: уровень их участия в рабочей силе составляет 65,3 %.

Цель 5 «Гендерное равенство» рейтинга «Цели устойчивого развития» (*далее – ЦУР*) [5]. Показателями достижения цели 5 определены: а) «доля мужчин и женщин, имеющих среднее образование», б) «доля женщин репродуктивного возраста, удовлетворяющих потребность в планировании семьи современными методами», в) «доля участия мужчин и женщин в рабочей силе», г) «доля мест, занимаемых женщинами в национальном парламенте». По показателю а) цель достигнута. Требуется реализация системных мер по достижению оставшихся 3 целей: по показателям б) и в) индекс остается на прежнем уровне / увеличивается со скоростью ниже 50 % скорости роста, необходимой для достижения ЦУР к 2030 г.; по показателю г) увеличивается со скоростью более 50 % скорости роста, необходимого для достижения ЦУР к 2030 г.

Подытоживая, отметим, что в Беларуси проводится серьезная работа по сокращению гендерного диспаритета, о чем свидетельствуют высокие значения показателей в рассмотренных рейтингах. В то же время, были выявлены проблемные моменты в части неравных социально-экономических возможностей мужчин и женщин, а именно: диспаритет по уровню доходов, слабая представленность женщин в топ-менеджменте компаний, слабое политическое влияние женщин в стране.

Устранению существующих «узких» будет способствовать реализуемая правительством гендерная политика, которая носит комплексный характер и включает следующие направления [5]: развитие институционального механизма по обеспечению гендерного равенства; выравнивание социально-экономических возможностей мужчин и женщин, содействие совмещению родительских и профессиональных обязанностей; обеспечение гендерно-ориентированной охраны здоровья; противодействие насилию в семье и торговле людьми; информационно-просветительское сопровождение мер, направленных на обеспечение гендерного равенства.

Реализуются меры по совершенствованию институционального механизма по обеспечению гендерного равенства в стране. В целях обеспечения мониторинга прогресса в части обеспечения гендерного равенства Национальным статистическим

комитетом Республики Беларусь был создан веб-портал «Гендерная статистика». Отечественными регуляторами был разработан и представлен в декабре 2024 г. на заседании Национального совета по гендерной политике при Совете Министров Республики Беларусь механизм гендерной экспертизы [6], который позволит минимизировать риски неравенства и принимать более сбалансированные управленческие решения, обеспечивающие равные права и возможности для всех граждан (является новым инструментом, требующим ряда мер со стороны госорганов по его адаптации в правоприменительной практике).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международные акты в сфере гендерного равенства / Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://www.mintrud.gov.by/ru/mejdunarodnye-acty-gender-ru (дата обращения: 25.08.2025).

2. Global Gender Gap Report 2025 / World Economic Forum. – June 2025. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2025.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

3. Gender Inequality Index (GII). – URL: https://hdr.undp.org/data-center/thematic-composite-indices/gender-inequality-index#/indicies/GII (дата обращения: 25.08.2025).

4. A Matter of Choice: People and possibilities in the age of AI // The 2025 Human Development Report. – URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf (дата обращения: 25.08.2025).

5. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: Пост. Совета Министров Респ. Беларусь от 30.12.2020 № 793 – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000793&p1=1&p5=0 (дата обращения: 25.08.2025).

6. В Беларуси разработан механизм гендерной экспертизы проектов нормативных правовых актов. – URL: https://www.undp.org/ru/belarus/news/v-belarusi-razrabotan-mekhanizm-gendernoy-ekspertizy-proektov-normativnykh-pravovykh-aktov (дата обращения: 25.08.2025).

УДК 316

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ГРУПП: ОПЫТ БИСИ

Алейникова С. М.
заместитель начальника управления внутренней политики -
начальник отдела социальных исследований,
Белорусский институт стратегических исследований
доктор политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Социальное самочувствие социально-демографических и профессиональных групп является основой состояния общества, во многом определяет качество и эффективность государственного управления, устойчивость и стабильность общественно-политической ситуации в стране.

К настоящему времени сложилось множество научных методологических подходов к изучению социальной группы. В то же время в социологии государственного управления основной акцент состоит в прикладном характере, позволяющим быстро и точно определить ожидания и запросы группы. В связи с этим определяющим в применимости социологических исследований в управленческой практике является наличие релевантных предмету анализа алгоритмов, шкал и метрик

изучения социальных групп. При в разработке рабочей программы исследования акцент делается на следующих позициях:

цель и задачи исследования. От них во многом зависит, какого именно типа первичные данные необходимы. Если целью исследования является выявление глубинных связей и характеристик объекта, целесообразно использовать качественные методы, если приоритетом выступает понимание «общей картины» – количественные;

имеющиеся данные об объекте исследования, степень его изученности. Так, если имеется количественная информация, предпочтительно сделать упор на качественную, и наоборот. Если же объект мало изучен, целесообразно проведение качественного исследования, которое позволит получить исходные данные для количественного;

доступность респондентов, их образ жизни, место в социальной структуре. К примеру, при опросе группы, значительная часть представителей которой проживает в отдаленной местности, целесообразно использовать онлайн-формат.

На основе обозначенных подходов и имеющегося практического опыта БИСИ выработана собственная методология анализа социально-демографических и профессиональных общностей, который был апробирован в рамках проекта «Социальный портрет белорусского общества». Обобщая массив научной литературы и исходя из белорусских реалий, в проекте предлагается алгоритм изучения группы и последующей работы с обществом – последовательный анализ взаимосвязей между четырьмя параметрами: «картой страхов», иерархией потребностей, ценностей/проблем и запросов граждан (рисунок).

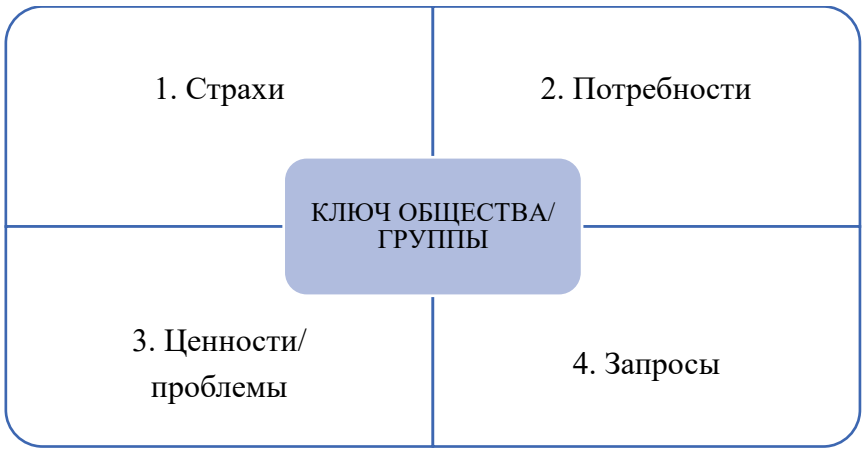

Рисунок. Алгоритм изучения группы (разработка БИСИ)

Параметр 1 (страхи) отражает биологическую, не всегда осознаваемую природу человека, чаще других побуждающую его к действию, в связи с чем чаще других становится главной «мишенью» как маркетинговых стратегий, так и различных деструктивных воздействий.

Параметр 2 (потребности) является «переходным» между биологическим и социальным в природе человека.

Параметры 3 (ценности, проблемы) и 4 (запросы) выступают выражением высшей, социальной природы человека, которая, как правило, закладывается в основу принципов государственной политики в той или иной сфере. Уточнение позиции «ценности/проблемы), как правило, определяется Заказчиком (государственным органом, лицом, принимающим решения) и соответственно – целью исследования.

Суть подхода к изучению группы заключается в выявлении ее «кода» на основе определенных характеристик, эмпирической основой для которых служат, в основном, результаты социальных исследований:

ключевой тренд выявляется на основе анализа социологических и медийных маркеров, формулируется с учетом поведенческих установок и проявлений;

потребности, методологическим основанием дифференциации которых принята «пирамида потребностей» Маслоу;

ценности выявляются на основе социологических исследований и дифференцируются на коллективные (государствообразующие) и индивидуальные (личностно-семейные);

актуальные проблемы выявляются по результатам социологических исследований и ранжируются в «карте страхов» группы;

роль государства выявляется на основе анализа нормативных правовых документов программного и стратегического характера, практики их реализации, представленности соответствующей тематики в информационном пространстве Республики Беларусь;

«образ будущего» как интегральный показатель, формирующийся исходя из оценок общественного мнения, принципов и направлений реализации государственной политики в отношении конкретной социально-демографической или профессиональной группы.

Применение описанного методологического подхода позволило выявить неоднородность профессиональных групп. Так, характерной чертой медицинских работников является их мотивированность и высокая самооценка; особенностью учителей, педагогов и государственных служащих – устойчивые прогосударственные установки; работников торговли – высокая трудовая мобильность и уверенность на рынке труда и т.д. Важной характеристикой группы выступает степень ее консолидированности, которая определяется наличием внутри группы подгрупп (кластеров, сегментов), различающихся социальными установками и общностью со своей профессиональной средой.

В свою очередь, определение приоритетов в потребностях группы становится методологической базой в разработке рекомендаций и предложений. В частности, превалирующими потребностями молодежи выступают признание и самореализация, которые относятся к высшему уровню «пирамиды потребностей», тогда как тема социальной поддержки государства относится к ее базовым уровням. Соответственно более эффективным в работе с молодежью видится позиционирование социального государства не только с позиций защиты и помощи (что более актуально для пожилых людей), но прежде всего исходя из предоставляемых им возможностей, «социальных лифтов», набора индивидуальных и профессиональных траекторий.

Таким образом, изучение социальных групп сконцентрировано в основном рамках социальной психологии и социологии, однако «граница разделения» довольно условная. В зависимости от конкретного подхода при изучении социально-демографических и профессиональных групп целесообразно учитывать их фундаментальные характеристики. Для сбора информации относительно обозначенных групп используются качественные и количественные методы исследования, однако выбор инструментария варьируется в зависимости от конкретной ситуации.

УДК 001.007 (476)

АСПИРАНТУРА НАН БЕЛАРУСИ В ОЦЕНКАХ ЭКСПЕРТОВ

Артюхин М. И.
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Пушкевич С. А.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
магистр социологических наук
г. Минск, Беларусь

Достижение устойчивого развития академической науки невозможно без обеспечения научных организаций высококвалифицированными кадрами, способных проводить исследования на самом высоком уровне. Основную роль в решении той задачи играет институт аспирантуры. Вместе с тем академическая аспирантура в настоящее время не отвечает по своей эффективности и номенклатуре научных специальностей требованиям инновационного развития фундаментальной науки Беларуси. Основанием для критики, как правило, является низкий уровень эффективности деятельности академической аспирантуры. И прежде всего – крайне низкий процент аспирантов-выпускников, успешно защищающих диссертацию в срок обучения в аспирантуре.

Для выявления «болевых точек» в деятельности аспирантуры НАН Беларуси в январе 2025 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен опрос экспертов в области подготовки научных кадров высшей квалификации. Экспертами для данного опроса стали доктора и кандидаты наук из научных организаций всех отделений наук НАН Беларуси, имеющие опыт научного руководства аспирантами. Всего было опрошено 79 человек, из них 21 доктор наук и 58 кандидатов наук.

Опрос экспертов показал, что только 24,1 % опрошенных экспертов высоко оценивают эффективность очной аспирантуры в своем научном учреждении, 39,8 % – средне. 24,1 % респондентов дают низкую оценку эффективности очной аспирантуры своего научного учреждения. Самые низкие оценки экспертов в отношении результативности получили заочная форма обучения аспирантуры и аспирантура в форме соискательства. Высоко их деятельность оценили только 3,6 – 4,8 % экспертов соответственно – таблица 1.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Какова в настоящее время, по Вашему мнению, эффективность деятельности аспирантуры в Вашем научном учреждении», %

Формы аспирантуры	Высокая	Средняя	Низкая	Затрудняюсь ответить
Аспирантура очная	24,1	39,8	24,1	12,0
Аспирантура заочная	3,6	34,9	34,9	26,6
Аспирантура в форме соискательства	4,8	37,3	31,3	26,6

Эксперты считают, что одной из главных причин низкой эффективности деятельности академической аспирантуры является несовершенство системы отбора наиболее способных, мотивированных и подготовленных к научно-исследовательской

деятельности абитуриентов. Так, только одна четвертая часть экспертов оценивает уровень знаний аспирантов по своей специальности, а также владение ими методологией исследования и навыками экспериментального исследования как высокий. Обращает на себя внимание низкая оценка экспертами уровня имеющихся у аспирантов знаний общетеоретических дисциплин, иностранного языка, также умения работать с теоретическим материалом – таблица 2.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете имеющийся у аспирантов уровень профессиональных компетенций и научной квалификации?»

Профессиональные компетенции	**%**
Навыки работы с ЭВМ, цифровая компетентность	55,4
Знание своей специальности	27,7
Умение планировать и организовать свою работу	23,5
Навыки экспериментального исследования	20,5
Навыки целенаправленного самообразования	10,8
Владение методологией исследования	9,6
Уровень знаний общетеоретических дисциплин	7,2
Знание иностранного языка	7,2
Умение работать с теоретическим материалом	6,0
Знание смежных дисциплин	-

К основным причинам и факторам, затрудняющих подготовку аспирантами диссертационного исследования и ее защиту в срок обучения в аспирантуре, эксперты отнесли: потеря у аспиранта интереса к научной деятельности (56,6 %); необходимость совмещать обучение с работой, не связанной с научной деятельностью (42,2 %); отсутствие необходимой опытно-экспериментальной базы (38,6 %); отсутствие научного задела по теме диссертационной работы (31,3 %). Далее следуют: потеря интереса к теме исследования (24,1 %); низкий размер стипендий аспирантов (21,7 %); трудности с подготовкой и публикацией статей по теме диссертационного исследования (19,3 %) – таблица 3.

Таблица 3. Основные причины и факторы, которые затрудняют подготовку диссертационного исследования и ее защиту в срок обучения

Вариант ответа	**%**
Потеря интереса к научной деятельности	56,6
Необходимость совмещать обучение с работой, не связанной с научной деятельностью	42,2
Личные обстоятельства (семейно-бытового характера, проблемы со здоровьем и пр.)	38,6
Отсутствие необходимой опытно-экспериментальной базы	38,6
Отсутствие научного задела по теме диссертационной работы	31,3
Потеря интереса к теме исследования	24,1
Низкий размер аспирантской стипендии	21,7
Трудности с подготовкой и публикацией статей по теме диссертационного исследования	19,3
Трудности во взаимодействии с научным руководителем	14,5
Отсутствие в учреждении, в котором обучаются аспиранты, диссертационного совета по требуемому профилю	10,8
Недостаточная поддержка со стороны организации	9,6
Трудности с организацией предзащиты/защиты	8,4
Другое	7,2

Следует также отметить, что эксперты на первое место среди факторов, влияющих на эффективность аспирантуры, поставили такие факторы, как наличие высокой мотивации к научной деятельности у аспирантов и личную заинтересованность аспирантов на защиту диссертации в срок обучения. Кроме того, к одному из важнейших факторов высокой результативности аспирантуры эксперты отнесли уровень профессионализма и компетентности научных руководителей. Академия наук имеет значительный докторский корпус, призванный передать свои знания и компетенции молодому поколению ученых. Однако, по мнению экспертов, в большинстве академических организаций, в основном физико-технического профиля, научными руководители аспирантов, как правило, являются кандидаты наук. Отказ значительного числа докторов наук от научного руководства аспирантами вызван, по мнению экспертов, тем фактом, что существующий механизм оплаты данного вида научного труда и его размер демотивирует ряд докторов наук к участию в подготовке высококвалифицированных научных кадров. Так считает 34,9 % экспертов. В этой связи эксперты полагают, что для разрешения этой коллизии и повышения мотивации докторов наук к научному руководству аспирантами оплата за научное руководство должна быть повышена в разы. Одновременно должны быть приняты меры, направленные на усиление контроля со стороны администрации научных учреждений за деятельностью научных руководителей аспирантов. В качестве первоочередных мер в этом направлении эксперты предлагают пересмотреть действующую практику и критерии подбора и утверждения лиц, привлекаемых организациями к научному руководству аспирантами (так считают 50,6 % опрошенных экспертов), а также ввести новые нормативы, регламентирующие усиление ответственности научного руководителя аспиранта за результативность всей аспирантской подготовки (16,9 %). Эти меры, по мнению аспирантов, не только повысят квалификационный уровень научных руководителей аспирантами и качество этого руководства, но и будут способствовать росту эффективности академической аспирантуры.

УДК 316.334.3

ПРИОРИТЕТНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Бабосов Е. М.
академик,
Институт социологии НАН Беларуси
доктор философских наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Включённость человека в политическую систему представляет собой процесс становления его активным участником её функционирования, развития и существования. Данный процесс имеет двунаправленный характер. С одной стороны, политическая система (если она демократическая) создаёт предпосылки, возможности и условия включения в неё личности гражданина страны. С другой стороны, чтобы включится в существование политической системы человек должен проявлять гражданскую активность и ответственность, икать и находить привлекательные для него способы и пути политического действия. Если такая направленность политических процессов осуществляется, то человек становится субъектом политики, субъектом политических действий. В своей сущности человек целенаправлен в своей

включенности в политические действия. Такой ракурс рассмотрения активной политической включённости индивида в процесс функционирования политической системы предполагает важность следующего вопроса: Кто же является субъектом политического действия? Демократический взгляд на политику заключается в том, что основным субъектом политики является народ (теория и практика «государства для народа»). Именно народ творит политику непосредственно через участие в выборах, референдумах и массовых выступлениях, а также опосредованно – через представительные органы – парламент, местные структуры власти и самоуправления.

Политическая деятельность – это практическое воплощение социально-политической активности индивидов и общностей (партий, движений, группировок и т.п.), выражающейся в стремлении к участию, организации и осуществлению власти, разработке и реализации методов и средств политики, в выборе политических решений и их осуществлении, в выполнении тех или иных политических ролей (лидер, последователь, оппозиционер и т.п.). Политическая деятельность в современном обществе предполагает в качестве своего непременного условия формирование надиндивидуальных и надколлективных (надгрупповых) социальных организаций и институтов (государства, партий, региональных и местных органов власти, оппозиции), организующих и осуществляющих политическую деятельность. Сама же организация такой деятельности включает в себя совокупность актов управления политическими действиями и отношениями, т.е. властно-управленческую деятельность. Политическая деятельность и функционирование социальных институтов в сфере политики нуждаются в теоретическом и идеологическом обосновании и оправдании определенных видов и способов политической практики.

Приоритетная значимость социальной ориентированности политической деятельности в своей сущности означает первоочередное теоретическое осмысление, выстраивание и развитие методологического фундамента, определяющего архитектонику и практическую ориентированность всех компонентов многоличественной, сложно-структурированной, динамически развивающейся и поливероятностной системы экономических, политических, правовых, социально-психологических, здравоохранительных, воспитательных, организационных, административных мер, осуществляемых государством, его органами, социальными институтами, общественными организациями и конкретными гражданами, направленными на обеспечение социального благополучия, безопасности и высокого качества жизни народа и его социальных групп и личностей.

Осуществленные в мониторинговом режиме Институтом социологии НАН Беларуси в 2022, 2023, 2024 и 2025 годах конкретные социологические исследования показали, что 70,8 % опрошенных считают себя патриотами Беларуси, причем в Гродненской области такую позицию занимают 86,2 % респондентов, в Гомельской – 80,0 %, а в городе Минске – 61,9 %. Очень важным показателем активной и результативной идейно-патриотической работы в нашей стране служит тот факт, что за период с июля 2019 года по июль-август 2023 года количество опрошенных граждан республики, считающими себя патриотами Беларуси, возросло с 68,7 % до 78,4 %, т.е. выросло почти на 10 %.

О широкой вовлеченности граждан республики в мероприятия, посвященные патриотическому воспитанию населения, свидетельствует то, что в них участвуют 85,5 % респондентов. Наиболее активно и эффективно этот важный в идейно-воспитательном смысле процесс осуществляется в Минской и Витебской областях – соответственно 89,8 и 88,7 %, в городе Минск – 89,6 %. Обращает на себя внимание

очень существенное развитие между размахом идейно-патриотической работы и ее результативностью в столице республики – соответственно 89,6 % и 61,9 %, что, по-видимому, объясняется тем, что в Минске проживает больше людей, настроенных более критично оппозиционно, по отношению к существующей и действующей в стране политической системе.

С позицией патриотической направленности респондентов тесно связано существующее у них чувство привязанности к Беларуси. Оно отчетливо прослеживается у 90,0 % от общего количества жителей республики, участвовавших в массовом опросе населения страны. Характерно, что только 4,2 % респондентов признались в отсутствии у них такой привязанности. Наиболее интенсивно такая благодатная для человека привязанность воплощается среди жителей Гомельской (93,2 %) и Гродненской (92,9 %) областей, более скромные показатели такой привязанности выявлены в Могилевской области.

Более сильно развито чувствование себя патриотами у людей, обладающих высшим и профессионально-техническим образованием – соответственно 75,8 и 72,0 %, но гораздо слабее оно реализуется в самой молодой возрастной когорте, у тех молодых людей, которые моложе 30 лет. Это серьезный сигнал, свидетельствующий о необходимости более активно, целеустремленно и более эффективно по своей результативности идейно-воспитательного воздействия государственных органов, учреждений образования, культуры, общественных организаций, прежде всего БРСМ, в налаживании и осуществлении идейно-патриотической воспитательной работы в молодежной среде, желательно в политически действенных формах реализации. Только в таком случае они становятся способными и эффективными способами трансформироваться в реальные и конкретные политические позиции и действия молодых людей.

Важное значение в функционировании политической системы и обеспечении ее социальной ориентированности имеет оценка различными группами и общностями населения социально-политической обстановки, существующей в настоящее время в Беларуси. Весьма существенно, что более двух третей респондентов (68,4 %) убеждены в том, что социально-политическая обстановка в нашей стране спокойная, а 25,4 % из них полагает, что она имеет отчетливо выраженную тенденцию к улучшению. Особенно убежденно и твердо такую уверенность проявляют люди старшего поколения, возраст которых превышает 58-65 лет. Только 4,9 % наших сограждан считают, что социально-политическая обстановка в Беларуси скорее напряженная, а 1,5 % респондентов утверждают, что она просто напряженная (в сумме этих двух показателей оказывается 6,3 % граждан республики в той или иной степени обеспокоены существующей в нашей стране напряженностью социально-политической ситуации), 22,2 % от общего количества респондентов убеждены, что такая ситуация имеет явно выраженную тенденцию к улучшению, и только 1,1 % опрошенных опасаются, что она может ухудшаться.

В социодинамике социально-политической ситуации в стране важным ингредиентом является уровень доверия граждан республики тем или иным государственным органам и общественным организациям. Наибольшим доверием населения Беларуси обладает Православная церковь – ей доверяют 62,2 % от общего количества респондентов. Причем среди женщин, участвовавших в массовом опросе, высокий уровень доверия к Православной церкви высказывают 69 % респондентов, а в возрастной группе старше 60 лет – 73,1 % опрошенных. Гораздо меньшее доверие респонденты высказывают к местным органам власти – 62,8 %, официальным

профсоюзам – 53,5 %, независимым профсоюзам – 28,1 % и различным политическим партиям. Наибольшим доверием у респондентов пользуется Общественное объединение «Белая Русь», которому оказывает доверие каждый третий из опрошенных – 33,4 % респондентов, а партии «Белая Русь» – 29,6 % респондентов.

Такова в наиболее характерных особенностях социодинамика социально-политической ситуации в Беларуси и социальной ориентированности осуществляющейся в ней политической деятельности.

УДК 316.4

МОДЕЛИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕСУРСОВ, ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Балич Н. Л.
зав. отделом региональной социологии,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Современная территория Беларуси разделена на области, районы, города, поселки и другие административно-территориальные единицы, что свидетельствует о ее структурной регионализации.

Государственная политика Республики Беларусь направлена на снижение межрегиональной дифференциации во всех сферах жизнедеятельности общества путем ускоренного развития малых и средних городов, создания условий доступности крупных центров для населения прилегающих территорий (в том числе сельских населенных пунктов). Для этих целей в 2022 г. был представлен проект Концепции государственной политики регионального развития Беларуси, в рамках которого было предложено выделить шесть групп регионов: столица, областные города, регионы «80+», промышленные, аграрно-промышленные и аграрные регионы. В отдельную группу включены пять рекреационных, экологически чистых регионов, где не предусмотрено строительство каких-либо промышленных предприятий.

Частью концепции является проект «деревня будущего», где в малых населенных пунктах вводятся повышенные социальные стандарты комфортного проживания на селе, включая здравоохранение, образование, культуру и досуг, транспортное обеспечение, жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ). В настоящее время на основе отечественного и зарубежного опыта уже выработана система социальных стандартов комфортного проживания и отобрано 25 населенных пунктов, расположенных в каждой области, где данные стандарты должны успешно реализовываться.

Снижение межрегиональной дифференциации предусматривается путем решения задач в двух основных сферах [1]:

• экономической (предоставление государственных льгот в зависимости от уровня развития региона с учетом кадрового потенциала, промышленного производства);

• социальной (комфортное проживание) – обеспечение социальных стандартов в образовании, здравоохранении, культуре, транспортном обеспечении, системе ЖКХ.

Реализация указанных мероприятий вносит важный вклад в достижение Целей устойчивого развития (задачи 9, 10), среди которых развитие качественной, надежной инфраструктуры (включая региональную и трансграничную), в целях поддержки социально-экономического развития и благополучия людей; рост доходов наименее

обеспеченных групп населения на уровне, превышающем средний доход по стране, равенство возможностей населения независимо от места проживания и др. [2].

Для успешной реализации поставленных задач необходимо также раскрытие ресурсных преимуществ региона, его человеческого потенциала, что следует учитывать в вопросах сокращения диспропорций в социально-экономическом и культурном развитии. В данных целях региональная политика должна комплексно сочетать как инструменты для комфортного проживания граждан, так и стимулирование социально-экономического развития населенных пунктов, что позволит закрепить население на местах. Для этого наряду с анализом объективных экономических показателей необходимо обратиться к оценкам реализации поставленных задач на местах, путем проведения мониторинговых измерений, поскольку потребности местных жителей также являются фактором регионального развития (в том числе объектов социальной, цифровой инфраструктуры).

Следует также учитывать, что региональные сообщества обладают спецификой по отношению друг к другу, и без их учета невозможно охарактеризовать общее состояние белорусского социума. Посредством комплексного изучения социально-экономического, социокультурного развития региона можно выявить закономерности и неравномерности регионального развития. Регионологический подход, с одной стороны, необходим для получения целостного знания, а с другой – для полноценного моделирования в практической деятельности по региональному развитию.

Для получения объективных и сопоставимых результатов необходимо следовать определенной методике с выделением конкретных методов сопоставления региональных условий жизни населения и прогнозировать развитие социальной инфраструктуры. В социологии обосновано выявление фактически сложившихся различий в уровне жизни населения относительно разной степени удовлетворения потребностей жителей всех регионов Беларуси, причем уровень жизни населения непосредственно связан с развитием региональной социальной инфраструктуры. По итогам полученных результатов социолог составляет социологический портрет региона, в основу которого положены усредненные данные с учетом закономерностей либо фиксируются изменения в динамике на основе базисных принципов: универсальность, целостность, уникальность.

Социологический портрет региона будет представлять описание уникального территориального объекта, систематизирующего уникальные собирательные черты, выявленные посредством теоретико-прикладного анализа. При построении социологического портрета представляется обоснованным обращение к категориям и понятиям, используемым в рамках общей социологии, закономерностям и процессам, характерным для всех сфер и регионов Беларуси в целом; социальным процессам и закономерностям, характерным для других сфер того же региона. Данные принципы построения регионального портрета позволят представить его в качестве социально-экономической и культурной целостности, которая создается и развивается на основании собственных внутренних и специфических закономерностей, присущих только данной территории.

Без учета региональной специфики и оценок реальных потребностей населения сложно принять объективные решения по улучшению качества жизни местных сообществ.

Социологический портрет региона должен удовлетворять следующим требованиям:

• учитывать все сферы социальной жизни региона;

• представлять регион в качестве целостной социальной системы, в которой все структурные элементы взаимосвязаны и оказывают влияние на друг друга;

• описывать уникальное своеобразие региона в конкретных показателях различных сторон социальной жизни, человеческого потенциала, административно-территориальной специфики (в том числе путем сравнения с показателями других регионов);

• портрет должен носить описательный характер с охватом по возможности всех сторон и аспектов региональных характеристик, которые важны для построения стратегии реализации государственных задач развития территорий и улучшения качества жизни местного населения – комфортное проживание в регионе.

Необходимые показатели для составления социологического портрета:

• данные о социальной структуре населения региона (численность, пропорции различных социальных групп);

• данные о демографической ситуации (брачно-семейные отношения, рождаемость, смертность, внутренняя, внешняя миграция);

• данные о расселении (районирование, плотность);

• трудовой потенциал региона (экономическая активность, занятость, доступность объектов трудоустройства);

• развитие административно-территориальной структуры (наличие и доступность экономических, социальных, образовательных, культурных объектов), работа общественного транспорта, качество дорог и др.;

• уровень социально-культурной жизни региона (культурно-досуговая деятельность, просвещение, межнациональные вопросы и др.);

• данные о безопасной жизни в регионе (охрана общественного порядка, работа судебной системы, уровень преступности и др.);

• данные об экологическом состоянии региона (наличие предприятий, выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух от стационарных источников, водопользование, обезвреживание отходов, затраты на охрану окружающей среды, наличие насаждений и др.);

• цифровое развитие региона (информационная инфраструктура, оснащение, востребованность и доступность цифровых ресурсов и т. п.).

Актуальность вопроса цифрового развития региона определяется тем, что в Беларуси сегодня активно продвигается цифровое развитие за счет реализации программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» [3]. Также следует отметить Указ Президента № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации» [4] и Указ Президента № 381 от 29 ноября 2023 года «О цифровом развитии» [5].

Социологический подход к построению регионального портрета заключается в получении оценок населения по большинству из вышеуказанных показателей, что и является основой для моделирования социально-экономического и культурного развития региона с опорой на действующее законодательство, государственные программы развития территорий, запросы и ожидания местных сообществ.

При разработке моделей учитываются социально-экономические ресурсы и возможности территорий, темпы цифрового развития, экономический и культурный вклад региона в общее развитие страны. Региональные модели корректируют отраслевые модели на основе данных актуальных опросов и статистики о ресурсном и трудовом потенциале, социальной инфраструктуре городских и сельских поселений с учетом специфики территорий (статистические и проективные показатели развития, эффективность управленческих мер, инвестиционные возможности, предполагаемые риски), разрабатываются на основе принципа релевантности с учетом текущего состояния и дальнейших перспектив.

Таким образом, обоснованность применения модели определяется важностью решения комплекса социально-экономических, социально-культурных, демографических проблем регионов, необходимостью разработки моделей социально экономического, культурного развития с учетом целей и задач экономической, демографической, миграционной и гуманитарной безопасности регионов, в контексте имеющихся ресурсов, возможностей и перспектив цифровой трансформации экономической, социальной, культурной сфер общества.

Модели могут быть применимы при разработке адресных практических рекомендаций по региональному развитию для местных органов власти и управления, реализации Программ социально-экономического и культурного развития регионов (в т.ч. сельских территорий); в научно-методическом обеспечении прикладных социологических исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цель региональной концепции – сокращение межтерриториальной дифференциации в экономическом развитии, повышение уровня и качества жизни населения // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/may/70010/ (дата обращения: 18.11.2024).

2. Цели устойчивого развития в Беларуси // База знаний по ЦУР. – Режим доступа: https://sdgs.by (дата обращения: 10.09.2024).

3. О Государственной программе «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы» от 2 февраля 2021 г. № 66 : с изм. и дополнениями // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22100066 (дата обращения: 10.11. 2024).

4. Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации: Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-136-ot-7-aprelya-2022-g (дата обращения: 11.11.2024).

5. О цифровом развитии : Указ Президента Республики Беларусь от 29 нояб. 2023 г № 381 // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-381-ot-29-noyabrya-2023-g (дата обращения: 11.11.2024).

УДК 159.9

ПОНЯТИЕ ГЕНДЕРА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Банщиков А. В.
старший преподаватель кафедры общей и консультативной психологии,
Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы
г. Санкт-Петербург, Россия

Дискриминационные практики пронизывают человеческую историю испокон веков. При этом основания для этого выбираются разные (пол, раса, возраст, религиозные взгляды и т.д.). Представители дискриминируемого класса наделяются разного рода характеристиками, объясняющими причину возникшего вокруг них стереотипа, а сами характеристики, по представлению идеологов имеют биологическую природу. Если такова природа, то дискриминационная практика признается не просто оправданной, а необходимой. М. Л. Гаспаров реконструирует,

как греки объясняли самим себе собственное превосходство над персами, с которыми вели нескончаемые войны: «В Греции все люди – граждане, все сами управляют своим государством; на Востоке все люди – подданные персидского царя, покорно ожидающие его приказаний. Видно, это заложено в самой их природе: грекам свойственно повелевать, варварам – подчиняться» [1, с. 286]. Очевидно, что раз уж персы «по природе своей рабы», то «свободные греческие граждане» обязаны взять над первыми вверх. В средневековой Европе женщины считались «духовно более слабыми, более склонными к одержимости бесами и способными расстроить весь устанавливающий им границы мужской порядок» [2, с. 240], и если они этими характеристиками обладают ввиду своей женской природы, то никакое воспитание их не исправит. Женщин требовалось «контролировать, если понадобится – силой», а «сами женщины эти убеждения разделяли» [2, с. 241].

Наравне с половой и расовой дискриминацией возникла дискриминация интеллектуальная. Европейские страны, имеющие свои колонии на востоке, проявляли интерес к изучению восточной культуры исключительно для того, чтобы «подчеркнуть трезвость и рациональность привычек Запада» [3, с. 136]. Английский психолог Р. Линн построил академическую карьеру на научном обосновании превосходства «белого» населения над «черным» [4]. Согласно его теории, «интеллектуальные расы обычно побеждают и порабощают менее интеллектуальные. Точно так же европейцы и аборигены Южной Азии часто порабощали африканцев, но не наоборот» [4, с. 93], что делает колониальную политику морально приемлемой, а главное – логичной и закономерной.

Однако результаты многочисленных научных исследований разбивают дискриминационные суеверия, отмечая все большее влияние культуры и образования, а не биологии, в развитии личностных и интеллектуальных характеристик [5; 6]. В отношении пола современная наука утверждает, что нет значительных различий в интеллекте между мужчиной и женщиной, но существуют надежные различия в конкретных когнитивных способностях [7]. Например, отмечается преимущество женщин в вербальных, или лингвистических, навыках, причем с младенчества и до зрелого возраста [8]. Также девочки во всех странах в среднем показывают лучшие результаты в чтении [9]. Это все повлияло на хорошую вербальную память у представителей женского пола [7; 8], т.к. хорошо известна связь между вербальными навыками, включая чтение и письмо, с развитием мнемических способностей [10; 11]. Однако различие в пользу мужчин неоднократно наблюдалось в тестах на пространственные, технические, а также математические способности [1-9; 12].

Двадцатое столетие вместе с развитием феминистского движения принесло новое основание для дискриминации – по гендеру. Само понятие, как пишут исследователи, появилось в 50-х гг. в работах сексолога Дж. Мани, а в психологию пришло через американского психоаналитика Р. Столлера в 60-х гг. [13] и означало, по большому счету, социальную роль и поведенческую модель, приписываемую тому или иному полу. Со временем содержание понятия гендер претерпевало изменения и одновременно стало ассоциироваться как с полом, так и с самоидентичностью, отвязываясь от социальной роли и соответствующего ему поведения. Тем самым понятие гендера, что особенно хорошо видно по западному социологическому дискурсу, потеряло предметное содержание.

Стоит отметить, что даже в странах СНГ понятие «гендер» нередко используется как синоним понятия «пол», а словосочетания «гендерные различия» воспринимаются тождественно «половым различиям». Однако, если вернуть предметное содержание в

понятие «гендер» и понимать под ним мужскую или женскую ролевую модель, то разница будет значительной: половые различия – это различия, имеющие биологическую природу, а гендерные различия – это различия, имеющие социальную (культурную) природу. В первом случае речь может идти о различиях, например, в строении костной и мышечной тканях, в развитии нервной системы или гормональном фоне, свойственные для среднетипичного мужчины и среднетипичной женщины. Во втором случае изучаться будет влияние социальной роли, влияние привычек, взглядов, поведения, которые в актуальной культуре ассоциированы с феминностью и маскулинностью. Очевидно, что эти пол и гендер будут часто пересекаться, но считать их равноположенными феноменами методологически некорректно, так как это размывает и без того зыбкие границы биологического и социального, врожденного и приобретенного, nature and nurture.

Если социальные и культурные ожидания, а также уровень образования играют важную, зачастую и доминирующую роль в формировании различий в когнитивных функциях между мужчинами и женщинами, то это позволяет иначе взглянуть на межполовые различия в интеллекте. Вполне возможно, что многие из них не половые, а гендерные. Так, с 2000 года наблюдается значительное улучшение в доступности курсов высшей математики для девушек, а на сегодняшний день девочки успешно сдают математические тесты наравне с мальчиками [14–16]. Половые различия в математике менее выражены в странах с меньшим уровнем культурных стереотипов [9].

В исследованиях, где помимо пола, фиксировалась гендерная роль (полоролевая модель), обнаружилось, что пространственные способности лишь частично связаны с половой принадлежностью, а вербальные способностью полностью обусловлены влиянием среды и культуры [17]. Из всех фиксируемых параметров именно личностные черты (измеряемые BSRI) были самым сильным предиктором как пространственных, так и вербальных способностей. Связь между когнитивными способностями и феминным/маскулинным типом, а не полом, подтверждаются также и на русскоязычной выборке [18].

Гендерные ролевые модели могут быть более важным фактором в объяснении индивидуальных различий в интеллекте, чем биологический пол. Все это лишь увеличивает необходимость разделения понятий пол и гендер в научном дискурсе. Обращение надлежащего внимания на эту тему может способствовать не только преодоления стереотипов, связанных с полом, но, возможно, и других видов дискриминации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гаспаров, М.Л. Занимательная Греция: Рассказы о древнегреческой культуре / М.Л. Гаспаров. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 544 с.

2. Уикхем, К. Средневековая Европа: От падения Рима до Реформации – М. : Альпина нон-фикшн, 2021. – 429 с.

3. Саид, Э. Ориентализм = Orientalism : Западные концепции Востока / Э.В. Саид ; пер. с англ. А.В. Говорунова. - Санкт-Петербург : Русский Міръ, 2006. – 636 с.

4. Линн, Р. Расовые различия в интеллекте. Эволюционный анализ. / Р. Линн; пер. с англ. Румянцев Д.О. – М.: Профит Стайл, 2021. – 304 с.

5. Коул, М. Культура и мышление : Психол. очерк / М. Коул, С. Скрибнер ; пер. с англ. П. Тульвисте Под ред. и с предисл. А.Р. Лурия. – М. : Прогресс, 1977. – 261 с.

6. Нисбетт, Р.Е. Что такое интеллект и как его развивать : роль образования и традиций / Р. Нисбетт ; пер. с англ. М. Кульнева. – М.: АНФ, 2013. – 343 с.

7. Halpern, D.F. The smarter sex: A critical review of sex differences in intelligence / D.F. Halpern, M.L. LaMay // Educational Psychology Review – 2000. – Vol. 12. – P. 229–246. DOI: 10.1023/A:1009027516424

8. Herlitz, A. Sex differences in cognitive functions / A. Herliz, J. Lovén // Acta Psychologica Sinica. – 2009. – Vol. 41(11). – P. 1081–1090. DOI: 10.3724/SP.J.1041.2009.01081

9. Reilly, D. Gender, Culture, and Sex-Typed Cognitive Abilities / D. Reilly // PLOS ONE. – 2012. – Vol. 7(7). – P. 1-17. DOI: 10.1371/journal.pone.0039904

10. Ранганат, Ч. Почему мы помним. Как раскрыть способность памяти удерживать важное / Ч. Ранганат; пер. с англ. А. Петровой. – М. : АСТ : CORUS, 2025. – 320 с.

11. Хисген, Р., ван дер Вейл, А. Человек читающий: Значение книги для нашего существования / Р. Хисген, А. ван дер Вейл; Пер. с нидерл. – СПб. : Ивана Лимбаха, 2025. – 464 с.

12. Анастази, А. Дифференциальная психология : Индивидуальные и групповые различия в поведении / А. Анастази ; пер. с англ. Д. Гурьева и др. – М. : Апрель-пресс : ЭКСМО-пресс, 2001. – 742 с.

13. Воронова, А.В., Мазилов, В.А. Гендер: междисциплинарный анализ / А.В. Воронова, В.А. Мазилов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2015. – №2. – С. 35–40

14. Hyde, J.S. Gender similarities characterize math performance / J.S. Hyde, S.M. Lindberg, M.C. Linn, A.B. Ellis, C.C. Williams // Science. – 2008. – Vol. 321(5888). – P. 494–495.

15. Lindberg, S.M. New trends in gender and mathematics performance: A meta-analysis / S.M. Lindberg, J.S. Hyde, J.L. Petersen, M.C. Linn // Psychological Bulletin. – 2010. – Vol. 136(6). – P. 1123–1135.

16. Hyde, J.S. Sex and cognition: gender and cognitive functions / J.S. Hyde // Current opinion in neurobiology. – 2016. – Vol. 38. – P. 53–56

17. Reilly, D. Sex and sex-role differences in specific cognitive abilities / D. Reilly, D.L. Neumann, G. Andrews // Intelligence. – 2016. – Vol. 54. – P. 147–158.

18. Логутова, Е.В. Влияние гендерных особенностей на интеллектуальное развитие старшеклассников / Е.В. Логутова // Психология способностей: современное состояние и перспективы исследований: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 60-летию со дня рождения В.Н. Дружинина, ИП РАН, 25–26 сентября 2015 г. – М. : Ин-т психологии РАН, 2015. – С. 132–133.

УДК 316.33:321

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ КАК ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА УСКОРЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Барановский Н. А.
заведующий отделом,
Институт социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Национальная идея – это политико-идеологический и социокультурный феномен, формирующийся в общественном сознании путем длительной исторической эволюции на основе синтеза социальных представлений и ожиданий народа о социально-экономическом, политическом и культурном дальнейшем развитии белорусского общества. Современное белорусское общество находится на исторической стадии системной трансформации экономических, политических и культурных институтов, перехода от социалистических общественных отношений к социально

ориентированной рыночной экономике, социальному государству и демократической политической системе. Важной особенностью социодинамики современного белорусского общества является выбор эволюционного пути развития – без так называемой «шоковой терапии», значительных революционных изменений и трансформаций. Вместе с тем следует иметь в виду, что эволюционный путь развития общества не исключает каких-либо реформ, прорывных ускорений и качественных изменений. С одной стороны, эволюционное развитие общества – это хорошо, так как можно не ломать все старое, как это было после революции 1917 года, а сохранить и использовать все, или почти все, позитивное, что было в социалистическом обществе. С другой стороны, эволюционный путь очень трудный, проблемный и противоречивый, так как затягивается процесс реформирования старого и созидания нового. Общество в этот период имеет смешанный характер, в котором сочетается старое и новое, между ними нередко возникают противоречия и борьба, которая может закончиться неоднозначно, как с победой новых, так и старых общественных отношений. Таким образом, на длительное время сохраняется ситуация неопределенности, конфликтности и противоречивости – с социальными движениями, то в сторону созидания нового общества, то возвращения к недавнему прошлому [1; 2].

В научных и журналистских кругах в последние годы активно продвигается консервативная идея о нецелесообразности системной трансформации белорусского общества с явной ориентацией на реставрацию несколько обновленной системы социалистических общественных отношений и социальных институтов. Одновременно с этим, некоторыми современными белорусскими теоретиками и практиками необоснованно чрезмерно много внимания уделяется важности и необходимости учета историко-национальных особенностей развития белорусского народа, поиска исключительно национального пути и национальных моделей развития экономической, политической, социальной и культурной систем с акцентом не столько на специфику, сколько на уникальность и некую великую историческую миссию славянской цивилизации. Некоторыми авторами к узко национальному подходу перспектив развития белорусского общества добавляется православная религиозная идея. Такую национально-религиозную позицию, по нашему мнению, следует рассматривать как путь к явному регрессу общественного развития и возвращения в эпоху средневековья [3].

Результаты мониторинговых социологических исследований, проводимые Институтом социологии НАН Беларуси, анализ статистики и научной литературы свидетельствуют, во-первых, что трансформационные изменения в экономической, политической, социальной и культурной сферах современного белорусского общества имеют различную социодинамику и противоречивый характер политико-идеологической направленности, что существенно препятствует его устойчивому и прогрессивному развитию. Во-вторых, в современном белорусском обществе имеет место рассогласованность и дисбаланс между потребностями экономики, социальной сферы и культуры в трансформационном динамичном и интенсивном развитии и сложившейся в кризисные 90-ые годы, но все еще действующей, централизованной административной системой государственного управления социумом. В-третьих, имеет место углубление несоответствия между недостаточно высоким уровнем развития демократии, правового государства и гражданского общества, с одной стороны, и динамично растущим качеством жизни, уровнем политической, правовой и

духовной культуры, а также новыми социальными стандартами, ценностными ориентациями и социальными ожиданиями населения, с другой стороны. Эти рассогласованности и дисбалансы, как показали поствыборные события 2020 года, могут перерасти в социальные противоречия с негативными экономическими, политическими и другими последствиями для общества. В связи с этим актуальной и социально востребованной проблемой является разработка и практическая реализация социальных и правовых механизмов нейтрализации и устранения этих дисбалансов, прежде всего посредством, научно обоснованной системной модернизации современной белорусской государственности и ускорением процесса развития гражданского общества, которые должны оптимально сочетать социальные инновации и учитывать культурно-исторические особенности развития Беларуси. Важным социологическим показателем уровня демократического развития белорусского государства и гражданского общества является то, насколько они являются народными, то есть в какой мере учитываются и выражаются потребности и интересы граждан, социальных групп, классов и общества в целом, а также в какой степени граждане имеют возможность и практически принимают участие в общественно-политической жизни и управлении обществом [1; 2]. Знаменательным шагом в данном направлении являются дополнения в Конституцию Республики Беларусь, принятые 27 февраля 2022 года, Законы Республики Беларусь «О Всебелорусском народном собрании» и «Об изменении законов по вопросам деятельности политических партий и других общественных организаций» (2023 г.), а также другие меры по модернизации политической системы.

В данном контексте сегодня чрезвычайно актуализировалась идейно-нравственная и социально-практическая потребность в формировании новой национальной идеи, отражающей современную ситуацию развития белорусского общества, его фундаментальные национальные ценности, которая будет определять перспективу и главное направление исторического развития белорусского народа и Республики Беларусь на ближайшее будущее, создавая, тем самым политико-идеологические предпосылки для перехода на качественно новый этап цивилизационного развития – постиндустриального информационного общества.

Главное социальное предназначение национальной идеи состоит в том, что она призвана консолидировать и объединять белорусский народ в единую социальную общность, выражать его фундаментальные жизненные ценности, интересы и социальные ожидания, выступать притягательным идеалом и определять постановку стратегических целей на созидание и достижение лучшего будущего. Национальная идея также позволяет получить ответы на вопросы о смысле существования, историческом предназначении и будущем белорусского народа [4].

Фундаментальные основания и главные направления социально-политического и национально-культурного развития современной Беларуси закреплены в Преамбуле Конституции Республики Беларусь (1994), в которой указывается, что «Мы, народ Республики Беларусь, исходя из ответственности за настоящее и будущее Республики Беларусь, сознавая себя полноправным субъектом международного сообщества и подтверждая свою приверженность общечеловеческим ценностям, основываясь на своем неотъемлемом праве на самоопределение, опираясь на многовековую историю развития белорусской государственности, стремясь утвердить права и свободы каждого гражданина Республики Беларусь, желая обеспечить гражданское согласие,

незыблемые устои народовластия и правового государства, принимаем настоящую Конституцию – Основной закон Республики Беларусь» [5].

Исходя из идейно-политической и духовно-нравственной природы и сущности национальной идеи, особенностей и перспектив современного транзитивного исторического периода в развитии Беларуси, а также общественных настроений и ожиданий, следует полагать, что национальная идея современного белорусского общества должна быть интегративным и системообразующим выражением национального ментально-культурного прошлого, государственно-суверенного настоящего и самодостаточного, демократического, духовно-культурного будущего Беларуси. В связи с этим в качестве новой национальной идеи ускорения общественного развития современной Беларуси может выступать следующий политико-идеологический идеал: «Государственный суверенитет и гражданственность. Достоинство и права человека. Духовная культура и нравственность». Государственный суверенитет и гражданственность – это, прежде всего, независимое государство, патриотизм, социальный оптимизм и активная общественная активность личности, социальных групп, общностей, партий и других формирований. Достоинство и права человека – это самоуважение и самобытность личности, абсолютная ценность человека и его прав, творческая самореализация. Духовная культура и нравственность – это образованность, духовность, соблюдение моральных и других социальных норм. Именно эти политико-идеологические и социокультурные ценности и стратегические приоритетные цели, составляющие идейно-мировоззренческую и социально-практическую квинтесенцию ускорения общественного развития современной Беларуси, а также соответствующие «духу времени» и тенденциям развития мирового сообщества, в настоящее время представляются наиболее актуальными и социально востребованными белорусским народом. На их основе должны базироваться политическая идеология белорусского государства, национальное законодательство, деятельность органов государственной власти и управления, общественных объединений, а также практика экономического, политического, социального и культурного развития современного белорусского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Барановский, Н.А. Социально-политические ориентации населения современной Беларуси / Н.А. Барановский // Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение / И.В. Котляров и др.; Институт социологии Нац. акад. наук Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2015. – С. 24–39.

2. Барановский, Н.А. Современная белорусская государственность: сущность и перспективы развития / Н.А. Барановский. – Вестник МГПУ. – 2019. – № 1. – С. 25–36.

3. Бабосов, Е.М. Современный социум: характер и направленность развития / Е.М. Бабосов, Ч.С. Кирвель, О.А. Романов. – Минск, 2013.

4. Барановский, Н.А. Национальная идея в контексте общественного развития Беларуси / Н.А. Барановский. – 2017. – № 7. – С 18–24.

5. Конституция Республики Беларусь 1994 года и изменениями и дополнениями 24 ноября 1996, 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. – URL: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/?ysclid=mf3x44c28s906517020 (дата обращения: 03.09.2025).

УДК 316.334

ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КАДРОВЫХ ПРОЦЕССАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Богданова А. А.
аспирант кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

В процессе цифровой трансформации социально-экономических отношений человек постоянно взаимодействует с новыми, а порой и кардинально иными информационно-коммуникационными технологиями. Одним из важнейших технологических прорывов современности стало внедрение искусственного интеллекта (ИИ) как инструмента качественной трансформации всех социологических процессов: от решения бытовых вопросов до их применения в решении трудоемких профессиональных задач. Искусственный интеллект – ответ общества на вызов пятой промышленной революции, где информационные технологии – высокопроизводительный и высокотехнологичный исполнитель под руководством человека. Соответственно, осознание роли ИИ в рабочем процессе и понимание перспектив в решении тех или иных задач способно увеличить качество принимаемых решений, снизив издержки временных и финансовых ресурсов.

Наряду с высокой производительностью и широкими возможностями ИИ-технологий состояние рынка труда и, в частности, процессов управлением персоналом, формирует запрос на активное применение моделей искусственного интеллекта. Безусловно, уже существующий тренд на цифровизацию многих кадровых процессов упростил рекрутинг через размещение вакансий в сети Интернет, ускорил документооборот через системы электронных подписей и многое другое. Искусственный интеллект способен в сжатые сроки преобразовать гиперобъем данных и сформировать бесстрастные выводы даже на субъективно воспринимаемые метрики. Способность к высоким темпам решения задач по поиску персонала, их дальнейшего онбординга и обучения открывает эру новой модели «HR 3.0», доступной каждой организации за счет широкого распространения и функциональных возможностей ИИ-инструментов.

Стоит отметить, что тотальная автоматизация процессов подбора персонала требует высоких первоначальных инвестиций и преобразования структуры штата за счет введения специалистов, настраивающих и\или поддерживающих информационные системы. Текущее состояние соотношения цифровых решений в области HR-процессов обуславливают уровень цифровой зрелости: от «HR на бумаге», характеризующегося ручными процессами сбора и обработки информации, до интеллектуального HR как эталона полномасштабной автоматизации и одновременной персонализации многих кадровых вопросов.

Независимо от специфики деятельности бизнеса, искусственный интеллект способен закрывать задачи на любом этапе процесса управления персоналом и, что не менее важно, с использованием любой ее модели. Применение технологий искусственного интеллекта в кадровых процессах наиболее активно проявляется в практике рекрутмента; при этом характер задач обуславливает использование всех основных видов ИИ:

• с помощью генеративных ИИ могут формироваться текст вакансий или же автоматически рассылаемое письмо кандидату;

• использование классифицирующих ИИ-технологий способно провести широкий семантический анализ за счет парсинга резюме и на его основе классификации кандидатов как «соответствующих» или «несоответствующих» заданным критериям;

• предсказывающие модели ИИ полезны в построении прогнозов о результатах рекрутинговой компании;

• возможности рекомендательных ИИ базируются на областях, требующих оптимизации: от структурных элементов текста вакансии до разработки специфических методов собеседования, исходя из запросов бизнеса.

Приведённые примеры подтверждают положение о потенциале всех разновидностей технологий искусственного интеллекта интегрироваться в бизнес-процессы HR-департамента. При этом спектр их применения остаётся открытым и, при условии профессионального управления процессами интеграции, имеет тенденцию к дальнейшему расширению. Современная практика применения технологий искусственного интеллекта не исчерпывает потенциала их дальнейшего развития, открывая новые возможности и направления роста в предстоящем десятилетии. Согласно результатам анализа интервью российских топ-менеджеров, представленных в аналитической записке «Технологии доверия», можно выделить несколько перспективных траекторий развития ИИ в кадровых процессах [1]. Среди них: упрощение и автоматизация разработки внутренних обучающих курсов; внедрение карьерных рекомендательных моделей для действующих сотрудников; создание полностью автоматизированного документооборота с элементами нормоконтроля и планирования сроков; использование персональных ИИ-ассистентов для адаптации работников к специфике должности и корпоративной культуре.

К перспективным направлениям также относится персонализация ИИ-систем под конкретные бизнес-модели на основе анализа корпоративных данных и цифровых следов; совершенствование рекрутинговых практик через обновление профилей работодателей и усовершенствованные механизмы ранжирования вакансий; развитие формата «Talent Marketplace» для внутренней мобильности сотрудников и выявления ключевых компетенций. Дополнительно рассматриваются системы эмоциональной оценки сотрудников как инструмент мониторинга психоэмоционального состояния и удержания персонала, персональные рекомендательные платформы по льготам с учётом социального статуса, а также внедрение интеллектуальных чат-ботов, способных оперативно обрабатывать запросы и предлагать релевантные HR-решения.

Выше обозначенные сферы представляют собой лишь возможные траектории использования ИИ, обусловленные практическим опытом отдельных специалистов и их фокусом на решении существующих проблем. Однако эти перспективы следует рассматривать как частичное отражение потенциала технологий искусственного интеллекта, масштабы и глубина которого на современном этапе остаются трудноизмеримыми.

Высоко оценивая перспективы развития ИИ-технологий, Республика Беларусь в свою очередь принимает ряд мер касаемо искусственного интеллекта в рамках цифрового развития государства. Немаловажно отметить, что в публичных заявлениях 2024–2025 гг. обозначены цели интеграции ИИ «почти во все отрасли к 2040 г.» и планы подготовки концепции/стратегии и включения законопроекта об ИИ в повестку 2026 г. Переосмысление существующей нормативно-правовой базы при внедрении искусственного интеллекта в кадровые процессы Республики Беларусь является

необходимым шагом для обеспечения этичности, прозрачности и справедливости в управлении персоналом. Существующие законодательные акты зачастую не учитывают специфики ИИ-технологий, что может приводить к рискам дискриминации, нарушениям прав работников и недостаточной ответственности разработчиков и пользователей ИИ-систем [2]

Снижение порога доступа к широким возможностям ИИ породило за собой не только расширение ряда запрашиваемых от кандидата навыков, но и принципиально новые профессиональные области. Согласно данным сайта rabota.by, количество размещаемых вакансий с упоминанием ИИ всего за два года выросло на 187%: с 797 вакансий в 2022 году до 2286 вакансий в 2024 году. Примечательно, что всего за период с 1 января по 25 марта 2025 года количество размещаемых вакансий с подобными характеристиками превысило общее значение 2022 года и составило 802 вакансии. Аналогичная динамика прослеживается в разрезе количества резюме [3]. Несмотря на стремительный рост спроса на специалистов в сфере ИИ, отражённый в статистике рынка труда, внутри отдельных организаций интеграция технологий остаётся ограниченной и точечной, что подтверждает пример государственного предприятия «Беларусьторг».

Согласно анализу восьми экспертных интервью с ведущими специалистами HR-департамента государственного предприятия «Беларусьторг», проведенных в июне 2025 года, на сегодняшний день интеграция ИИ в бизнес-процессы предприятия носит постепенный характер. По оценкам специалиста, лишь три из 28 структурных подразделений используют ИИ-технологии: отдел маркетинга и рекламы, HR-сектор и IT-подразделение под руководством бухгалтерии. В части цифровой зрелости HR-направление постепенно переходит от традиционного «HR на бумаге» к частичной автоматизации процессов размещения вакансий, однако большинство операций всё ещё осуществляется на бумажных носителях, а цифровые инструменты ограничиваются сканированием документов и ведением электронных таблиц, что отражает низкий уровень цифровой зрелости.

Сдерживающими факторами выступают средний возраст сотрудников (37–39 лет), отсутствие мотивационных программ и отдельного бюджета на цифровизацию, а также диссонанс между устоявшимися традициями документооборота и внедрением новых технологий.

Тем не менее, наблюдаются позитивные тенденции: отдел маркетинга активно использует ИИ для стратегий продвижения, постепенно внедряются бесплатные цифровые инструменты рекрутинга, организация соблюдает нормативно-правовые акты Республики Беларусь по цифровизации и персональным данным, привлекает новых специалистов в этой области и развивает цифровые системы, включая ИИ, для сокращения ручного труда.

Современный рынок труда требует быстрых и обоснованных решений, а в условиях роста объёма данных полноценный анализ человеческими ресурсами становится практически невозможен. ИИ выступает высокотехнологичным, менее ресурсозатратным и свободным от субъективизма ассистентом. При этом внедрение ИИ в социально-экономическую сферу требует переосмысления действующей нормативно-правовой базы, чтобы минимизировать риски и обеспечить этичное использование технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Искусственный интеллект в HR. Кейсы российского рынка [Электронный ресурс] // Технологии доверия и Knomary. – Режим доступа: https://data.tedo.ru/publications/ai-in-hr.pdf. – Дата доступа: 05.09.2025.

2. Мусостов, З.Р. Использование искусственного интеллекта в HR-менеджменте в современной России: внедрение, риски, особенности / З.Р. Мусостов, А.П. Албастов, А.М. Дудаев // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – №6 (32). – С. 270–273.

3. Работа и будущее: меняется ли рынок труда с приходом ИИ? [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООО «Вся работа». – Режим доступа: https://rabota.by/article/33673?hhtmFrom=article_applicants_list . – Дата доступа: 05.09.2025.

УДК 172.15

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ К ПАТРИОТИЗМУ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОЦИОЛОГИИ[1]

Бровчук Н. М.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В современных условиях развития белорусского общества особую актуальность приобретает проблема патриотизма. Патриотизм – комплексный социально-исторический и социокультурный феномен, в основе которого лежит совокупность идей, представлений и культурно-ценностных установок, направленных на формирование у человека уважительного и бережного отношения к своей Родине, своему народу и его культуре, стремления трудиться на благо страны, отстаивать ее интересы, и т. д. Патриотизм играет важную роль в укреплении национального самосознания и культурно-национальной идентичности жителей Беларуси, что позволяет обосновать необходимость его социологического изучения.

Согласно результатам социологического опроса[2], большинство жителей Беларуси относят себя к патриотам страны: доля положительных ответов составила в целом 84,5 %. Противоположное мнение выразили всего 4,0 % опрошенных, а затруднения с ответом возникли у 10,4 % респондентов (рис. 1).

[1] Тезисы подготовлены в рамках гранта «Великая Отечественная война в исторической памяти современного белорусского общества: социологический анализ», финансируемого БРФФИ (договор № Г25М-018 от 02.05.2025 г.).

[2] В качестве эмпирической базы выступали данные социологического исследования, проведенного государственным научным учреждением «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси» в 2024 г. по республиканской выборке, репрезентативной по признакам пола, возраста, типа населенного пункта и региона проживания (N=1850, $\Delta = \pm 2{,}3$ %, $\alpha = 0{,}05$, метод сбора информации – анкетный опрос).

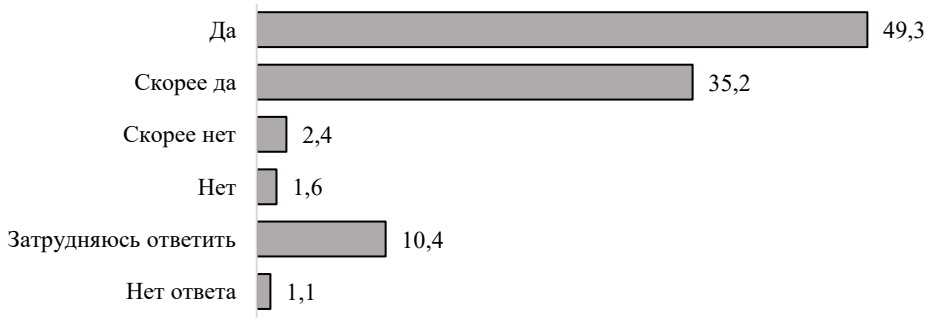

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Считаете ли Вы себя патриотом Беларуси?», %

В контексте социологического исследования патриотизма научный интерес представляет также раскрытие характерных черт, которыми, на взгляд жителей Беларуси, должен обладать патриот. Так, больше половины респондентов придерживаются мнения, что патриот должен жить и работать в Беларуси (53,1 %). Другими значимыми характеристиками патриотизма, пусть и выраженными в меньшей степени, являются: уважение к государственной символике и истории Беларуси (34,3 %), готовность в трудные времена защищать свою страну (32,8 %), любовь к белорусской культуре и языку (31,2 %). Около 30 % респондентов считают важной чертой патриота Беларуси ведение активной деятельности на благо страны; практически каждый пятый опрошенный указал, что вкладывает в понятие патриотизма чувство тесной связи с белорусами (20,9 %). Такое качество патриота, как соотнесение собственных интересов с интересами белорусского государства, значимо для 15,6 % населения. Затруднились ответить на данный вопрос 6,2 % респондентов (рис. 2)[3].

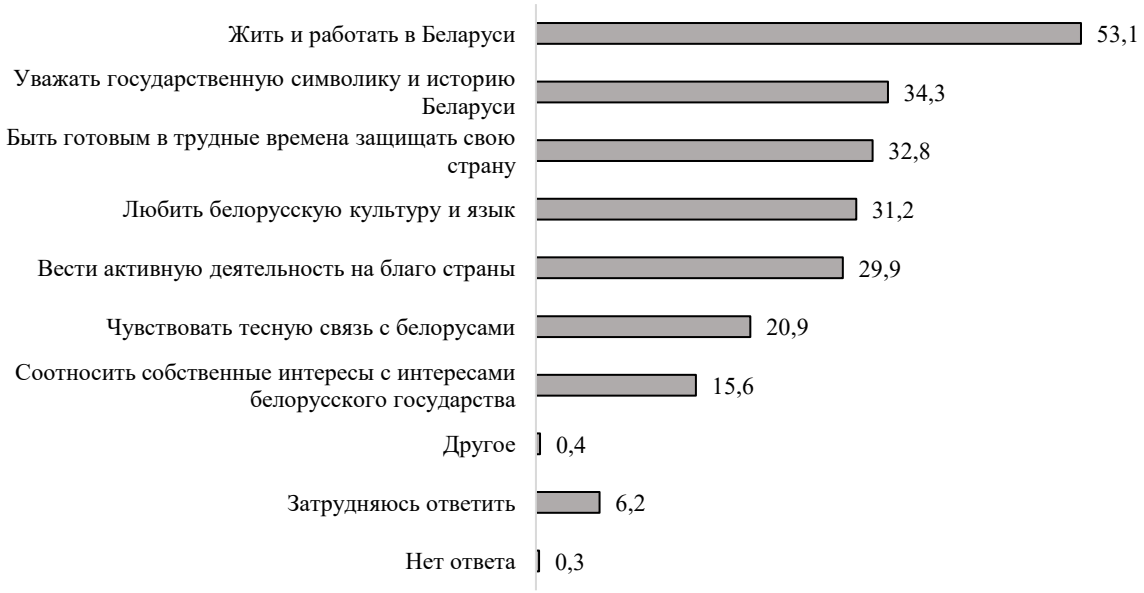

Рисунок 2. Мнения респондентов о том, что значит быть патриотом Беларуси, %

[3] Следует отметить, что в этом вопросе сумма процентов составляет больше 100, т. к. респондентам давалась возможность выбрать больше одного варианта ответа.

Таким образом, полученные результаты показывают, что подавляющее большинство жителей Беларуси считают себя патриотами страны. При этом понимание ими сущности патриотизма достаточно разнообразно. Главной его характеристикой, по мнению более чем половины опрошенных, является проживание и работа в Беларуси, однако при этом достаточно важными для патриота являются черты, связанные с заботой о благополучии страны, сохранении ее культуры и истории. Все это подтверждает важность и необходимость поддержания патриотизма для дальнейшего исторического развития белорусского общества.

УДК 342.9

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ: БЕЛОРУССКАЯ МОДЕЛЬ

Буконкин Д. А.
соискатель кафедры политологии юридического факультета,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

В условиях возрастающего санкционного давления на Республику Беларусь особую актуальность приобретает анализ правовых механизмов обеспечения информационного суверенитета как основы национальной безопасности в цифровую эпоху. Исследование белорусской модели правового регулирования в сфере информационных технологий позволяет выявить специфические подходы государства к защите национальных интересов в условиях внешних ограничений.

Нормативно-правовую основу обеспечения информационного суверенитета Беларуси составляет система взаимосвязанных документов стратегического планирования. Базовым актом выступает Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности от 18 марта 2019 г. № 1, которая определяет информационный суверенитет как «неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами» [1].

Качественно новым этапом развития правового регулирования стало принятие постановлением Совета Министров от 31 декабря 2024 г. № 1074 Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года [2]. Документ впервые на законодательном уровне закрепляет понятие «цифрового суверенитета» как неотъемлемого права государства управлять государственной информационно-коммуникационной инфраструктурой и информационными ресурсами в условиях санкционного давления.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная постановлением Совета Безопасности от 25 апреля 2024 г. № 1, дополнительно укрепляет правовую основу защиты информационного пространства, определяя информационную безопасность как состояние защищенности информационного пространства, информационной инфраструктуры и информационных ресурсов от внешних и внутренних угроз [3].

Особенностью белорусской модели является интеграция мер информационной безопасности с программами импортозамещения. Указ Президента от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» установил обязательные требования к защите критически важных объектов информационной инфраструктуры [4]. Согласно данному документу, организации банковского сектора, энергетики, транспорта, связи и других стратегически важных отраслей обязаны создавать центры кибербезопасности или заключать соответствующие договоры с подрядными организациями.

Приказ Оперативно-аналитического центра от 10 декабря 2024 г. № 259 дополнительно ужесточил требования к системам обнаружения и реагирования на угрозы безопасности конечных узлов [5]. Новые требования являются обязательными для информационных систем классов 3-бг и 3-дсп, что существенно расширяет периметр защищенности критически важной информационной инфраструктуры.

Порядок отнесения объектов информатизации к критически важным определяется Указом Президента от 9 декабря 2019 г. № 449, устанавливающим критерии социальной, экономической, экологической и информационной значимости [6]. В настоящее время в Государственном реестре критически важных объектов информатизации числится более 300 объектов различных отраслей экономики.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных» создал комплексную систему защиты цифровых прав граждан [7]. С 1 января 2024 года функционирует Государственный информационный ресурс «Реестр операторов персональных данных», что позволяет осуществлять централизованный контроль за трансграничной передачей специальных персональных данных [8].

По данным Национального центра защиты персональных данных, в 2024 году число жалоб граждан на нарушения их прав увеличилось в 2,5 раза, было удалено свыше 24 миллионов записей из информационных ресурсов и проведено 47 проверок организаций [9]. Административная ответственность за нарушение законодательства о персональных данных предусматривает штраф до 200 базовых величин.

Практическая реализация правовых механизмов осуществляется через формирование отечественной ИТ-индустрии и программы импортозамещения. За период 2022-2024 гг. в Беларуси создано пять интегрированных информационных платформ в рамках Союзного государства, что снизило зависимость от импортного программного обеспечения на 35% [10].

Белорусская модель правового обеспечения информационного суверенитета в условиях санкционного давления демонстрирует комплексный подход к защите национальных интересов в цифровой сфере. Сочетание превентивных мер информационной безопасности, программ импортозамещения и международного сотрудничества создает устойчивую основу для развития отечественных ИКТ в условиях внешних ограничений. Дальнейшее совершенствование правовых механизмов должно учитывать динамику технологического развития и необходимость адаптации к новым вызовам цифровой трансформации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Эталон-online. – URL: https://etalonline.by/novosti/korotko-o-vazhnom/v-respublike-belarus-utverzhdena-kontseptsiya-informatsionnoy-bezopasnosti/ (дата обращения: 01.09.2025).

2. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 дек. 2024 г. № 1074 // Эталон-online. – URL: https://etalonline.by/novosti/korotko-o-vazhnom/tsifrovoy-suverenitet-belarusi/ (дата обращения: 01.09.2025).

3. Обзор законодательства Республики Беларусь в области информационной безопасности // Право.by. – 2024. – 6 мая. – URL: https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2024/maj/77659/ (дата обращения: 01.09.2025).

4. О кибербезопасности : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // ActiveCloud. – 2024. – 1 февр. – URL: https://www.activecloud.by/news/novosti-kompanii/2024/top-3-trenda-po-kiberbezopasnosti-v-belarusi/ (дата обращения: 01.09.2025).

5. Изменения законодательства в сфере защиты информации // Netland. – 2025. – 16 марта. – URL: https://netland.by/novosti/korporativnye-novosti/novoe-trebovanie-k-zashchite-informatsii.html (дата обращения: 01.09.2025).

6. Об отнесении объектов информатизации к критически важным объектам информатизации : Указ Президента Респ. Беларусь от 9 дек. 2019 г. № 449 // Эталон-online. – URL: https://etalonline.by/webnpa/text.asp?RN=P31900449 (дата обращения: 01.09.2025).

7. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З // Эталон-online. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099 (дата обращения: 01.09.2025).

8. С 1 января 2024 г. заработает реестр операторов персональных данных // Право.by. – 2023. – 17 окт. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/october/75676/ (дата обращения: 01.09.2025).

9. Персональные данные: что ожидать бизнесу в 2025 году? // E-SUD. – 2025. – 13 марта. – URL: https://e-sud.by/news/~showNews/personalnye-dannye-chto-ozhidat-biznesu-v-2025-godu (дата обращения: 01.09.2025).

10. Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2024-2026 годы // БЕЛТА. – 2024. – 29 янв. – URL: https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/january/76679/ (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 316.346.2:355.1(476)

О НАУЧНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Бурмистров В. М.
соискатель кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Происходящие в современном белорусском обществе социальные процессы и явления носят сложный, многогранный, динамичный, а в ряде случаев и негативный характер. К их числу относятся: изменение традиционных духовно-нравственных и семейных ценностей, нестабильность семейных отношений и рост числа неполных семей, снижение репродуктивных установок населения и падение рождаемости, пропаганда «childfree», «старение» населения, и ряд других. Для стабильного функционирования и развития общества, изучения множества происходящих в нем социальных процессов и явлений, и надлежащего управления ими, ключевое значение отводится социальному знанию, без которого принятие и реализация эффективных управленческих решений в современном мире немыслимо. В свою очередь, в решении проблем социальной и демографической безопасностей, являющимися одними из

девяти сфер национальной безопасности Республики Беларусь [1], и обеспечении национальной безопасности государства в целом, в процессе выработки и принятия важнейших управленческих решений результаты социологических исследований, проводимых в различных сферах жизнедеятельности общества, играют основополагающую роль.

Одной из тенденций в современном белорусском обществе, как и в мире в целом, является стремление к равноправию женщин и мужчин во всех сферах общественной жизни, в том числе и военной. Для этого в нашем государстве созданы соответствующие условия, предоставляются права и возможности. Согласно Конституции Республики Беларусь «женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности, а также создание условий для охраны их труда и здоровья» [2]. В соответствии с белорусским законодательством, регламентирующим воинскую деятельность, женщины реализуют свои конституционные права и наравне с мужчинами проходят военную службу по контракту в Вооруженных Силах Республики Беларусь или других войсках и воинских формированиях, согласно перечней воинских должностей, которые могут замещаться военнослужащими женского пола [3, 4]. Как результат, происходит увеличение доли женщин в Беларуси, выполняющих воинский долг на профессиональной основе, растет число военнослужащих женского пола, имеющих военное профессиональное образование и занимающих должности командиров (начальников) различных воинских подразделений. Согласно сообщению телеканала ВоенТВ Министерства обороны Республики Беларусь, опубликованного в марте 2025 года, в Вооруженных Силах Республики Беларусь проходит военную службу по контракту более четырех тысяч военнослужащих женского пола, из них более 900 офицеров, трех тысяч прапорщиков, сержантов и солдат [5].

Особую роль в выявлении и систематизации объективных знаний об окружающей нас социальной действительности в контексте гендерного равенства играют гендерные исследования. Вопросы гендерной проблематики стали предметом обсуждения социальных дискурсов. Растет число научных публикаций в области гендерных исследований, а результаты данных исследований носят междисциплинарный характер и представляют научный интерес для различных специальных социологических отраслей. Под гендерными исследованиями («gender studies») понимают междисциплинарные исследования социально-половых групп с точки зрения их взаимоотношений в обществе и их отношений по поводу власти [6, с. 41]. В фокусе внимания данных исследований находится изучение проблематики взаимоотношений, выявление гендерного неравенства в социальной жизнедеятельности мужчин и женщин. На современном этапе развития белорусского общества среди существующих разновидностей гендерных исследований актуально проведение женских и мужских исследований («women’s and men’s studies»). В современной отечественной социологии история проведения гендерных исследований насчитывает уже более 20 лет [7, с. 13]. Имеется обширный опыт проведения данных исследований в следующих сферах и областях: наука, культура, образование, медицина, юриспруденция, предпринимательство, общественные движения, безопасность жизнедеятельности общества, семья и др. Ряд отечественных исследователей изучали теоретико-

методические основы физической подготовки военнослужащих женского пола [8], раскрывали их профессиональную и гендерную идентичность [9]. Вместе с тем, количество гендерных исследований в военной сфере, в том числе затрагивающих управленческую деятельность, незначительно.

Одной из задач Национального плана действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы является: «расширение возможностей занятости женщин, снижение профессиональной и отраслевой гендерной сегрегации, снижение двойной занятости женщин в пользу развития их личностного потенциала» [10]. В данном контексте и применительно к военной сфере деятельности роль и значение проводимых гендерных исследований определены следующим: ввиду закрытого характера воинской деятельности ее некоторые аспекты мало исследованы; получение военнослужащими женского пола кадрового военного образования, освоение ими новых воинских специальностей и должностей, расширение выполняемых оперативно-служебных задач; наличие и необходимость управления воинскими подразделениями, в составе которых женщины составляют большинство, а также чисто «женскими»; выполнение военнослужащими женского пола социально значимой функции материнства, оказание им помощи в ускоренной самореализации по возвращении в строй; объективная оценка кадрового потенциала и результатов оперативно-служебной деятельности военнослужащих, как мужчин, так и женщин, определение их долгосрочных служебных перспектив, развитие (совершенствование) лидерских качеств и управленческих навыков.

Научный потенциал гендерных исследований в Вооруженных Силах Республики Беларусь заключается в следующем. Инструментарий методов для анализа гендерных процессов включает в себя множество взаимосвязанных количественных и качественных методов [11, с. 179–221], которые имеют прикладное значение в военной сфере. В основе количественных методов лежат приемы, техники и процедуры математики и статистики, что позволяет накапливать социологическое знание о социальных явлениях и процессах. К данным методам относятся: половозрастная пирамида; демографические коэффициенты; демографические таблицы. Эти методы позволяют: представлять социальный анализ в различных формах наглядности; исследовать социальный портрет военнослужащих; отслеживать динамику социальных процессов, протекающих в Вооруженных Силах Беларуси, выявлять закономерности и прогнозировать тенденции их развития; определять подходы к подбору, оценке, расстановке, адаптации и обучению персонала; сравнивать гендерные параметры белорусских и зарубежных силовых ведомств; и не только. В свою очередь качественные методы гендерных исследований позволяют идентифицировать, выявить свойства и характеристики изучаемых социальных процессов и явлений. Данные методы включают: прямое наблюдение различных форм межличностной коммуникации; наблюдение отдельных явлений и ситуаций, индивидов и различных социальных групп; глубинное интервью; групповую дискуссию. Эти методы служат инструментом для: анализа служебного и неформального общения женщин и мужчин в военной сфере; выявления в разнополых воинских подразделениях очагов напряженности во взаимоотношениях, определения способов разрешения гендерных конфликтов и управления ими; оценки, разработки и совершенствования мер по повышению уровня социального самочувствия военнослужащих женского пола и мотивации их к службе; приобретения руководителями различных рангов знаний,

умений и навыков по управлению смешанными в гендерном плане воинскими коллективами; и многое другое.

Таким образом, использование научного потенциала гендерных исследований, проведение их в Вооруженных Силах Республики Беларусь на системной основе и полученные результаты будут способствовать: расширению спектра проводимых гендерных исследований в белорусском обществе; повышению гендерной грамотности граждан; обеспечению равных прав, возможностей и самореализации мужчин и женщин в обществе; применению различных подходов к управлению воинскими подразделениями и принятию эффективных управленческих решений, с учетом гендерных особенностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 64 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

2. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 80 с.

3. О воинской обязанности и воинской службе : Закон Респ. Беларусь от 5 нояб. 1992 г. № 1914-XII : с изм. и доп. от 11 окт. 2024 г. № 36-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2025).

4. О порядке прохождения военной службы : Указ Президента Респ. Беларусь от 25 апр. 2005 г. № 186 : с изм. и доп. от 11 июня 2025 г. № 233 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2025).

5. Сколько белорусок служит в армии? [8 мар. 2025 г.] // Служба новостей Smartpress.by. – URL: https://smartpress.by (дата обращения: 05.09.2025).

6. Гендер и право : учеб. пособие / Е. Г. Абраменко [и др.] ; под ред. Т.В. Телятицкой. – Минск : ЮНИПАК, 2020. – 340 с.

7. Гендерный фактор в развитии современной Беларуси : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2021. – 197 с.

8. Теоретико-методические основы физической подготовки военнослужащих-женщин органов пограничной службы Республики Беларусь : отчет о НИР (итог.) / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; рук. А.В. Козыревский ; исполн.: Д.Н. Савич, Ю.Л. Ефременко, Г.И. Башлакова [и др.]. – Минск, 2018. – 86 с. – Инв. № 33928.

9. Брикса, Ю.О. К вопросу о профессиональной и гендерной идентичности женщин-военнослужащих / Ю.О. Брикса // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. – 2020. – № 7. – С. 73–78.

10. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2020 г. № 793 : с изм. и доп. от 13 июля 2023 г. № 457 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 05.09.2025).

11. Побуждаев, Э. А. Основы гендерологии : учеб. пособие / Э. А. Побуждаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 544 с.

УДК 352.075.31

ВИЗУАЛЬНАЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИЯ ПОЛИТИКОВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ: БАЗОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

Бурмистрова Е. С.
старший преподаватель кафедры истории и археологии,
Пермский государственный национальный исследовательский университет
кандидат политических наук
г. Пермь, Россия

Базовые подходы к исследованию онлайн-самопрезентации в политике носят, как правило, междисциплинарный характер. Одним из подходов к работе с онлайн-самопрезентацией политиков, позаимствованным из социологии, является теория П. Бурдье. Согласно Бурдье, социальный мир в современном обществе делится на особые социальные поля – структурированные социальные пространства со своими правилами, иерархиями и формами капитала. Как отмечают исследователи, в контексте цифровых социальных отношений такие платформы, как Twitter (X) и TikTok, можно рассматривать как отдельные поля, где участники конкурируют за видимость, вовлеченность и символическое признание [1]. Еще одно ключевое для Бурдье понятие – габитус, также применимое к цифровому измерению политики. Пользователи формируют «цифровой габитус», состоящий из укоренившихся практик, стилей общения и стратегий, специфичных для конкретной платформы [2]. Да и в целом, как отмечает М. Рагнедда, социальный, культурный и символический капитал все чаще дополняется цифровым капиталом – комплексным ресурсом, охватывающим технические навыки, возможности курирования контента и репутацию в социальных сетях [3].

Из социологической науки приходит также и драматургическая теория И. Гофмана. Суть этой модели заключается в том, что общественная жизнь людей рассматривается как сцена, а люди – как исполнители. Исполнитель в этих условиях драматизирует свои действия, выражает себя перед зрителями, чтобы убедить их признать его идеализированный характер и достойный образ самого себя [4, p. 27, p. 219]. Современная социология активно применяет драматургическую теорию Гофмана к онлайн-социальным исследованиям, в которых процесс социального взаимодействия людей сравнивается с процессом исполнения. Сквозь драматургическую призму порядок взаимодействия развился до такой степени, что теперь включает не только личное взаимодействие, но также и цифровое взаимодействие [5]. Исследуя интернет-пространство, современные исследователи выделяют на базе модели Гофмана несколько ролей пользователей в интернете (исполнитель, взаимодействующий, наблюдатель), сочетающихся с различными видами поведения (формирующее, сотрудничающее, поисковое и изолированное поведение) [6].

Еще один концепт, предложенный И. Гофманом – гендерный дисплей [7]. В последние несколько десятилетий роль гендера в политике становится предметом повышенного интереса ученых, особенно в том, как женщины-политики воспринимаются публикой и СМИ. Гофман утверждал, что гендер – это не статичная категория, а скорее спектакль, который индивиды постоянно разыгрывают в социальной среде. Это представление, включающее в себя поведение, жесты и внешний вид, усиливает общественные ожидания относительно мужественности и женственности. В применении к политической сфере гендерный дисплей обеспечивает основу для анализа того, как

политики, особенно женщины, управляют своим публичным имиджем, согласовывая его с этими ожиданиями, бросая им вызов или пересматривая их.

Пристальное внимание в отношении женщин-политиков уделяется не только их политической программе и лидерским качествам, но и тому, как они преподносят себя визуально и поведенчески [8]. К внешности женщин-политиков избиратели традиционно проявляют большее внимание, чем к внешности их коллег-мужчин, политические деятели женского пола неизбежно вынуждены выбирать, будет в их визуальном образе подчеркиваться или нивелироваться принадлежность к женскому полу. При этом то, как выглядит на видео- и фотоматериалах женщина-политик, является не просто случайным выбором, а становится символическим измерением власти: визуальные знаки становятся посылом, несущим в себе политическое высказывание. Именно поэтому в контексте политики гендерный дисплей становится стратегически важным инструментом.

Гендерный дисплей также работает в рамках визуальной политики, которая подчеркивает важность образов в политической коммуникации. В современной медиа-насыщенной среде то, как выглядит и как визуально представлен политик, может быть столь же важно, как и его политическая платформа. В этом отношении важно обратиться к теории перформативности Джудит Батлер, которая утверждает, что гендер – это то, что мы «делаем», а не то, чем мы «являемся». Женщины-политики, осознавая видимость своего пола, часто используют одежду, прически и язык тела, чтобы управлять впечатлением, которое они производят. Например, исследования показывают, что женщины-лидеры часто выбирают костюмы в «power»-стиле и нейтральную цветовую палитру, чтобы продемонстрировать авторитет и компетентность, сочетая традиционную женственность с более мужественными коннотациями власти [9, p. 26]. Это балансирование – важный аспект того, как женщины в политике выстраивают свой имидж в глазах общественности.

Что касается вариантов того, какие именно подходы ученые могут использовать для того, чтобы работать с имиджем политика, а конкретно, – с его визуальным измерением, то стоит отметить некоторые ключевые проблемы. Так, несмотря на большое количество публикаций об имиджах политиков, в том числе политиков-женщин, лишь немногие ученые пытались операционализировать элементы визуального образа политического деятеля так, чтобы подобного рода анализ можно было применять в широких межстрановых исследованиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Annaki, F.Visibility and Influence in Digital Social Relations: Towards a New Symbolic Capital? / F. Annaki, S. Ouassou, S. Igamane //arXiv preprint arXiv:2505.08797. – 2025.

2. Costa, C. The habitus of digital scholars / C. Costa // Research in learning technology. – 2013. – Т. 21.

3. Ragnedda, M. Conceptualizing digital capital /M. Ragnedda //Telematics and informatics. – 2018. – Т. 35. – №. 8. – С. 2366–2375.

4. Goffman, E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman. – NY, Garden City, 1959. – 2002.

5. Kien, N.T. Contemporary social interaction: How communication technologies alter Goffman's dramaturgical model? / N.T. Kien //Ho Chi Minh City Open University Journal of Science-Social Sciences. – 2015. – Т. 5. – №. 1. – P. 54-65.

6. Yan, L. Classification of online user roles and behaviors from the perspective of dramaturgical theory / L. Yan, K. Ono, M. Watanabe // Journal of the Science of Design. – 2024. – Т. 8. – №. 1. – P. 151-160.

7. Goffman, E. Gender advertisements / E. Goffman. Red Globe Press London. 1979.

8. Van der Pas, D.J. Gender differences in political media coverage: A meta-analysis / D.J. Van der Pas, L. Aaldering //Journal of Communication. – 2020. – Т. 70. №. 1. – P. 114-143.
9. Hughes, M. How Power Dresses: The Gendered Aesthetics of Uniform A Comparative Case Study of Contemporary Women Heads of State and/or Government in Australia, Indonesia, and the Philippines / M. Hughes. 2020.

УДК 316

К ВОПРОСУ О ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ В РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Васина О. В.
заведующий кафедрой социологии,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
кандидат социологических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

Социальное знание тесно связано с ценностным и нормативным аспектом поведенческих практик, конструирующим социальные роли и формирующим в конечном итоге коллективную идентичность. Любопытно здесь исследовать современные тренды трансформации данной идентичности в условиях глобализации, цифровизации и т.д. На данный момент в социологической литературе мы встречаем довольно много исследований, демонстрирующих ту или иную степень влияния сети «Интернет» в целом, социальных сетей в частности, и Искусственного интеллекта на трансформацию идентичности. Особую тревогу у учёных вызывает самоопределение молодежи, которая, как известно, в силу специфических возрастных социально-психологических особенностей довольно неустойчива и в наибольшей степени подвержена суггестивному воздействию.

Два года назад в систему российского высшего образования была внедрена дисциплина «Основы российской государственности», один из разделов которой посвящен знакомству студентов с темой идентичности на разных её уровнях: личностной, социальной, что, в свою очередь, становится логическим мостиком к пониманию механизмов формирования мировоззрения человека, а далее – и общества в целом. В рамках данной дисциплины кафедра социологии СПбГТИ(ТУ) в сентябре текущего года провела небольшое исследование с помощью рисунка, попросив студентов первого года обучения в свободной форме нарисовать свою идентичность. В результате анализа полученных рисунков (448) студенты технологического института в качестве приоритетных отметили своё позиционирование в качестве человека и личности, свою связь со страной (государственная идентичность «я гражданин РФ», «я россиянин»), со своей культурой и этносом («я русский», «я камчадал»), а также родственные связи («я дочь», «я сын», «я старший брат» и т.д.) и профессиональная идентичность («я студент», «я танцор», «я спортсмен»). Любопытно отметить рост духовных ценностей среди респондентов, многие отмечали, что религия – важный компонент в структуре их личности.

Не столь значимой оказалась для первокурсников гендерная идентичность, и в каждой группе по 30-40 человек зачастую не находилось ни одного студента, кто бы обозначал в качестве главного ответа на вопрос «Кто я?» свой социальный пол. Действительно, сегодня происходит некоторое размытие гендерной дифференциации, хотя и нельзя отрицать патриархальность и традиционность современного российского общества.

Возможность выхода в отпуск по уходу за ребёнком любого из родителей, максимальная включённость современных отцов в воспитание детей наряду с демонизацией материнства со стороны женщин (и параллельной сакрализацией со стороны мужчин), профессиональная успешность женщин, демонстрирующая отсутствие финансовой зависимости от мужчин – всё это приводит к размытию чётко очерченных гендерных ролей, к смягчению их контуров. Также следует здесь учесть и влияние социальных сетей, где идентичность может быть выстроена вообще вне зависимости от гендера.

Безусловно, мы не можем говорить о глобальной трансформации гендерной идентичности современной молодёжи в первую очередь ввиду сильных традиционных ориентаций, стереотипизации гендерной социализации, однако же можем проследить выстраивание приоритетных компонентов коллективной идентичности под воздействием семьи, института образования, средств массовой информации и государственной политики, транслирующей определённую идеологическую и духовно-нравственную повестку.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дробижева, Л.М., Арутюнова, Е.М., Рыжова, С.В., Фадеев, П.В., Щеголькова, Е.Ю. Ключевые консолидаторы российской идентичности // Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты : [монография] / Л.М. Дробижева, Е.М. Арутюнова, М.А. Евсеева [и др.]; отв. ред. Е.М. Арутюнова, С.В. Рыжова; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. С. 37-48.

2. Дробижева, Л.М. Динамика гражданской идентичности и ее ресурс в позитивных интеграционных процессах российского общества // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 7–22.

3. Меджидова, С.М., Орланова, А.И. Анализ «Я-концепции» с помощью теста «Кто Я такой» // Вестник РУДН. Сер. Социология. 2004. № 6–7. С. 169–180.

УДК 618.1-002-06:618.177/.179-085.035

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАРУШЕНИЕ РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ ЖЕНЩИН И ПУТИ КОРРЕКЦИИ

Верес И. А.
профессор кафедры акушерства и гинекологии,
УО «Белорусский государственный медицинский университет»,
доктор медицинских наук
г. Минск, Беларусь

Середа О. Я.
аспирантка,
УО «Белорусский государственный медицинский университет»,
главный врач УЗ «Городской клинический родильный дом № 2»,
г. Минск, Беларусь

Характер рождаемости в Республике определяется рядом ключевых моментов, оказывающих непосредственное влияние на репродуктивное здоровье и рождаемость. Изменение характера репродуктивного поведения имеет существенное значение в аспекте организации акушерско-гинекологической помощи. За последние 15 лет в Республике Беларусь (РБ) регистрируется изменение в структуре возрастного состава родильниц, в том числе первородящих. Удельный вес женщин в возрастной группе 35–39 лет увеличился более, чем на 30 %, а доля матерей оптимального для деторождения возраста 20-29 лет снизилась более, чем на 15 %.

Изменение возрастного состава родильниц в сторону увеличения матерей в возрасте 35–44 года повлияло на частоту и характер перинатальных осложнений. Это повлекло снижение числа нормальных родов более, чем на 13%, что обусловлено ростом экстрагенитальной патологии, артериальной гипертензией, акушерских кровотечений, гнойно-септических послеродовых осложнений. Это обусловлено высоким уровнем соматической патологии возрастных беременных, а также возрастных первородящих старше 30 лет. Данный контингент женщин относится к группе высокого перинатального риска материнской заболеваемости и смертности. Суммарный коэффициент рождаемости за последние пять лет в виду постковидной «эры» снизился, с чем также связано уменьшение числа повторных родов и случаев рождения 3-х и более детей. Данные цифры свидетельствуют о необходимости совершенствования ведения беременности и родов у женщин группы высокого риска материнской и перинатальной патологии, а также послеродового периода.

Сохранение репродуктивного здоровья женщин – приоритетная задача Республики Беларусь. Послеродовой эндометрит (ПЭ) занимает лидирующее положение в структуре перинатальных осложнений и является наиболее частой причиной госпитализации родильниц. В настоящее время достаточно подробно изучен спектр бактериальных агентов послеродового инфекционного процесса [1]. Одним из основных патогенетических механизмов развития инфекционного воспалительного процесса является запуск избыточного тканевого протеолиза, что сопровождается повышением ферментативной активности лизосомальных ферментов гранулоцитов и мононуклеарных фагоцитов в очаге воспаления и периферическом кровотоке, нарастанием синдрома интоксикации, деструктивно-некротическим и гнойно-септическим повреждением тканей эндомиометрия.

В современном научном мире эксперименты на лабораторных животных являются неотъемлемой частью большинства медицинских научных исследований. Экстраполяция на экспериментальную модель эндометрита принципов лечения инфекционно-воспалительного процесса позволит обосновать эффективность проводимых лечебно-профилактических мероприятий.

Цель исследования состояла в экспериментальном моделировании послеродового эндометрита и его лечения для усовершенствования метода консервативного лечения родильниц с данной патологией и укрепления репродуктивного здоровья.

Материал и методы исследования. Эксперимент проводили на 15 половозрелых белых беспородных крысах (послеродовые самки, масса тела 245±30 г), содержащихся в стационарных условиях вивария на биологическом факультете Белорусского государственного университета (БГУ), в соответствии с принципами, изложенными в постановлении Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества независимых государств 31.10.2007 № 29-17 «О модельном законе «Об обращении с животными». Гистологическая и клиническая верификация экспериментального эндометрита у крыс подтвердила валидность созданной модель, что позволяет использовать её для разработки нового комплексного метода лечения у пациенток.

Таким образом, данное исследование позволило разработать валидную модель послеродового эндометрита и его лечения, результаты которой могут быть экстраполированы в клиническую практику для ведения родильниц и усовершенствования методов терапии воспалительных заболеваний. Данное исследование с точки зрения социально-практической значимости направлено на профилактику и укрепление репродуктивного здоровья женщины. Следовательно, предлагаемые пути коррекции репродуктивного здоровья женщины вносят вклад в развитие комплекса мер, направленных на сохранение демографической безопасности государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Верес, И.А. Характеристика микробиоценоза при инфекционном и гипотоническом вариантах послеродового эндометрита / И.А. Верес // Медицинский журнал. – 2021. – № 4. – С. 5–11.

УДК 351:796

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Вечер Л. С.
доцент кафедры государственного управления Института государственной службы, Академия управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат исторических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Важной составной частью государственной социально-экономической политики суверенной Беларуси и фактором социальной безопасности государства является всестороннее и эффективное развитие физической культуры и спорта.

Речь идет о коренном изменении социального статуса физической культуры как одной из составляющих национальной идеи, формирующей здоровый образ жизни людей, престиж государства. Поэтому государственное отношение к этой сфере деятельности как к общегражданской, обеспечивающей безопасность Беларуси и жизнеспособность ее населения. Будучи носителем общественных интересов, наше государство стремится сформировать не только общенациональную модель физкультурно-спортивного движения, но и укрепить его законодательно, начиная от коллективов физической культуры учебных учреждений, предприятий, профессиональных клубов до национальных сборных Республики Беларусь.

Физическая культура нового тысячелетия ознаменовалась в Республике Беларусь лозунгом: «Быть здоровым престижно, быть здоровым модно и красиво». Начиная с 2003 г. физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия проходят под девизом: «За физическое и нравственное здоровье нации».

Особое внимание уделяется укреплению здоровья подрастающего поколения: в школах Беларуси преподаются учебная дисциплина «Физическая культура и здоровье», содержание которой полностью ориентировано на содействие оптимальному физическому развитию, формированию жизненно важных умений и навыков, способствующих укреплению здоровья учащихся, функционируют школьные секции и кружки ОФП, детско-юношеские клубы ОФП, спортивно-технические клубы при предприятиях и ведомостях, структурах ДОСААФ, МЧС, детско-юношеские клубы по месту жительства. Активизирована физкультурно-оздоровительная работа в общеобразовательных, средних специальных и высших учебных заведениях Республики Беларусь. Ежегодно проводятся массовые физкультурно-оздоровительные легкоатлетические пробеги, эстафеты, лыжные гонки, туристические слеты.

Физическая культура в Беларуси сегодня доступна всем категориям граждан. Значительную поддержку, государство и общественные структуры, оказывают адаптивному направлению, т. е. физической культуре людей с отклонениями в психофизическом развитии: проводится конкурсы, встречи, праздники.

Быстрыми темпами развивается научное направление. Создаются научно-методические и научно-исследовательские центры физической культуры. Успешно функционирует Республиканский диспансер реабилитации и спортивной медицины.

Информированное и образованное общество меньше подвержено рискам, связанным с эпидемиями, зависимостями и иными угрозами здоровью, что снижает нагрузку на систему здравоохранения и повышает качество жизни.

Издательством «Аддукция і выхаванне» выпускаются научно-методические журналы «Фізічная культура і здароуе» (1997 г.) и «Здоровы лад жыцця» (1977 г.); издательством «Белорусская Олимпийская академия» издастся научно-теоретический журнал «Мир спорта» (2000 г.).

Характеризуя содержание физической культуры в Республике Беларусь, следует отметить ведущую роль спортивного направления, в котором преимущество отдано любительскому массовому спорту и спорту высших достижений. Набирает обороты профессиональный и экстремальный спорт. Имеет много поклонников и участников адаптивный спорт.

Значение физической культуры и спорта в современном мире основано на признании безусловной важности физкультурно-спортивной деятельности для человека, государства и общества в целом. С позиций гуманизма наивысшей ценностью при этом признается сам человек, его счастье, здоровье, свобода и достоинство, разностороннее и гармоническое развитие, проявление всех его способностей. Одним из средств, в достижении указанного, служат занятия физической культурой и спортом. С учетом позитивной динамики развития физической культуры и спорта в Республике Беларусь, нормативные акты, регламентирующие ее развитие, постоянно дополняются и изменяются.

В 2021–2025 годах развитие сферы спорта осуществляется том числе в рамках Государственной программы «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 гг., которая определила основные задачи государственного регулирования физической культуры и спорта: обеспечение условий для развития массовой физической культуры и спорта; создание условий для организации досуга средствами физической культуры и спорта; пропаганда физической культуры и спорта, подготовки молодежи к труду и защите родины, укрепления здоровья и продления творческого долголетия средствами физического воспитания, формирование здорового образа жизни; координация деятельности учреждений и организаций физкультурно-спортивной направленности [1].

Гарантом развития физической культуры и спорта, охраной здоровья и жизни граждан и воспитания молодёжи служит Конституция Республики Беларусь.

Важным правовым моментом в формировании интересов и потребностей в занятиях спортом среди подрастающего поколения, молодых спортсменов и тренеров является Указ «О мерах по стимулированию достижения высоких спортивных достижений» [2]. На основе данного правового акта принято Положение о порядке назначения и выплаты именных стипендий Президента Республики Беларусь выдающимся спортсменам.

Надо признать, что на сегодняшний день правовые акты в сфере физической культуры и спорта не всегда успевают за изменениями, происходящими в реальной жизни. Нормативные правовые акты административного, финансового, хозяйственного, социального обеспечения оставляют нерешенными ряд проблем, возникающих в связи с появлением новых форм физкультурно-спортивной деятельности. Поэтому, совершенно очевидно, что дальнейшее развитие физической

культуры и спорта в Республике Беларусь требует эффективного, оперативного нормативного обеспечения и правовых знаний от специалистов: руководителей, тренеров, педагогов, инструкторов, методистов, спортсменов.

Таким образом, будучи носителем общественных интересов и гарантом национальной безопасности, наше государство стремится сформировать не только общенациональную модель физкультурно-спортивного движения, но и обеспечить законодательно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Государственной программе «Физическая культура и спорт» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 янв. 2021 г., № 54 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/? guid=3871&p0=C22100054. – Дата доступа: 22.12.2022.

2. О мерах по стимулированию достижения высоких спортивных результатов [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 15 апр. 2013 г., № 190 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

УДК 159.9

МАСКУЛИННЫЕ КАЧЕСТВА В СТРУКТУРЕ ЖЕНСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПРЕДИКТОР ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Виноградова К. С.
аспирант,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
г. Краснодар, Россия

Маскулинизация современных женщин фиксируется сегодня многими исследователями [1]. Ряд из них упоминают, что причина этого процесса как в подстраивании под маскулинно ориентированный мир, так и в стремлении женщин избавиться от гендера, как от клейма, дифференцирующего их от «универсального субъекта», «всеобщего», «настоящей личности», которые всегда в культуре и языке причислялись к мужскому роду и делали нецелесообразным выделение мужского гендера [2]. Социально-конструктивистский подход к гендеру дал возможность пересмотреть место женщины в культуре и обществе, но также открыл двери для стремительных изменений, в том числе негативных демографических: россиянки, как и европейки, все больше отдаляются от семейных и материнских ролей [3]. На данный момент для улучшения плачевной ситуации со стороны государства предпринимаются попытки воспитания «традиционных ценностей», пропаганды феминной жертвенности и многодетности. Однако насколько такой подход эффективен? По мнению Н. К. Радиной, в свете нарастающего конфликта биологического и культурного для его разрешения на современном этапе требуется «не привязка к угасающим нормативам, а сохранение биологической основы человека при учете стремительно изменяющегося содержания социализации» [4]. Женщины активно осваивают маскулинные качества и роли, и это неизбежный процесс, под который необходимо создавать новые стратегии.

Получив доступ к своей субъектности, современная женщина оказывается в конфликте между желанием сохранить этот доступ через маскулинизацию и оставаться

женственной и реализовывать традиционные женские роли [5]. Исследования, направленные на изучение психологического благополучия женщин с различными типами гендерной идентичности, показывают широкий диапазон результатов, наиболее примечательным из которых является большее психологическое благополучие маскулинных женщин даже по отношению к андрогинному типу, который принято считать наиболее адаптивным. При этом имеются данные, говорящие об обратном. Очевидно, что в женской маскулинности имеются некие переменные, влияющие на психологическое благополучие или неблагополучие. По этой причине особый интерес представляет изучение индивидуальных психологических особенностей личности как возможных предикторов и детерминант формирования гендерной идентичности, их возможное влияние на показатели психологического благополучия.

На выборке из 220 российских женщин мы провели исследование влияния показателей онтологической уверенности (Р. Лэйнг, Н. В. Коптева) на тип гендерной идентичности и типа гендерной идентичности – на психологическое благополучие (К. Рифф). Гендерная идентичность респонденток была измерена по авторской методике [6], и было выявлено, что из трех типов – маскулинный, современный феминный и традиционно феминный – именно маскулинный тип наиболее тесно связан с автономией и, как показал регрессионный анализ, обусловлен ею. Высокий уровень аутентичности и витальных контактов с миром также является предиктором маскулинного типа гендерной идентичности женщин, то есть для подлинного бытия и проявленности в мире женщине жизненно необходимы такие традиционно мужские качества, как уверенность, активность, целеустремленность. Говоря о влиянии на общий показатель психологического благополучия различных типов гендерной идентичности, снова следует отметить значимое влияние маскулинного типа. Таким образом, маскулинная женщина – это, прежде всего, онтологически уверенная личность.

Однако у данного факта есть обратная сторона, заключающаяся в уходе от традиционных женских ролей. Как показало исследование смысловых аспектов самопонимания гендерной идентичности, проведенное на той же выборке с применением корелляционного анализа, женщины, ориентированные на автономию, социальный успех не находят личностного смысла в традиционных женских (эмпатийных) ролях матери и жены.

Идентичность – это непрерывный процесс обнаружения себя в системе культурных знаков через самопонимание, то есть нахождение личностных смыслов в предлагаемых культурой паттернах. Современная культура движется в сторону нарциссических и индивидуалистических ценностей, любви к себе, суверенности бытия, социальных достижений, где мало места уделяется реализации себя в материнстве. Таким образом, если перед обществом стоит демографическая задача, необходимо найти способы интеграции в существующую культурную систему соответствующих образцов, благодаря которым женщина, без отказа от субъектности и аутентичного бытия, сможет реализовать и свою фемининность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чуркина, Н.А. Маскулинизация феминности как адаптационная стратегия / Н. А.Чуркина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3–1(29). – С. 199–202.

2. Иванова, Ю.А. Дискуссия по проблеме субъекта в современном феминизме / Ю.А. Иванова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2014. – № 1. – С. 229–237.

3. Доева, Л.И. Представления о будущем супруге и семейно-брачные установки современной молодежи: гендерный аспект / Л.И. Доева // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 2. – С. 222–225.

4. Радина, Н.К. Какая гендерная теория нужна российской социальной психологии / Н.К. Радина // Социальная психология и общество. – 2024. Т. 15. № 3. – С. 21–37. – DOI: 10.17759/sps.2024150302.

5. Сальников, В.И. Социальная маскулинизация как экзистенциальная проблема современной женщины / В.И. Сальников // Эволюция прав и возможностей россиянок: от 1908 года – Первого съезда женщин – к стратегии 2020 г. : материалы Всеросс. науч.-практ. конф., Воронеж, 19–20 сентября 2008 г., г. Воронеж : Научная книга, 2009. – С. 121–125.

6. Тучина, О.Р. Разработка и апробация инструментария исследования гендерной идентичности женщин / О.Р. Тучина, К.С. Виноградова // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 23–33. – DOI: 10.23888/humJ202412123-33.

УДК [316.64+316.752+37.091.4]:355.233.231.1+351.858

О ПАТРИОТИЗМЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ

Войтеховский А. В.
старший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях, когда процессы глобализации, возможности смены места жительства и гражданства как никогда раньше стали влиять на мировоззрение огромных масс людей, патриотизм остается важной составляющей в системе ценностей личности. Под патриотизмом понимают особое эмоциональное состояние, выражающееся в ощущении принадлежности к стране, в гордости за принадлежность к ее гражданству, за свой язык и свою культуру. Патриотизм является активным чувством, присущим зрелой личности [1]. Следует также отметить, что одна из наиболее базовых характеристик национального сознания – патриотизм – в содержательном смысле определяется в научной литературе как духовно-нравственный принцип, который включает в себя сложный комплекс чувств, эмоций, верований, традиций, стереотипов массового сознания, коллективные установки и действия [2, с. 143].

Согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, «патриотическое воспитание граждан является стратегическим национальным интересом» [3, с. 23]. В социальной сфере внутренними источниками угроз национальной безопасности определены «изменение шкалы жизненных ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных ценностей» [3, с. 14]. А одним из основных внутренних источников военных угроз в военной сфере в этом же документе обозначены «ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан Республики Беларусь к вооруженной защите Отечества» [3, с. 15].

В Концепции национальной безопасности также подчеркивается, что «угрозы национальной безопасности Республики Беларусь носят комплексный и взаимосвязанный характер. Отдельные источники способны порождать спектр угроз, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности. Некоторые угрозы могут одновременно воздействовать на состояние национальной безопасности по нескольким направлениям» [3, с. 11]. Основными угрозами национальной безопасности являются «утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров, разрушение национальных культурных и духовных традиций, искажение исторической правды и памяти о героическом прошлом белорусского народа» [3, с. 12].

Эти факты означают, что проблема воспитания чувства патриотизма у граждан Республики Беларусь, получив свое правовое закрепление, приобрела статус государственной задачи. А понятие «патриотическое воспитание» связано с пониманием сущности «патриотизма», с формированием личности человека-патриота, любящего свое Отечество, преданного своему народу, всегда действующего во имя своей Родины, желающего, умеющего защищать ее, готового на жертвы и определенные лишения ради ее процветания.

Патриотизм есть высокое чувство любви к Отчизне, присущее большинству людей, живущих на своей родной земле, глубокое осознание ими своего гражданского, профессионального и воинского долга, ответственности за все происходящее в стране, за её будущее. Патриотизм – это совокупность (сплав) идей, убеждений, чувств и действий, направленных на постоянное развитие, процветание своей Родины, обеспечение духовно-нравственной, экономической, военной, экологической и иной безопасности личности, общества, государства [4]. Патриотизм можно рассматривать как движение, зовущее вперед, как фактор духовного плана, способствующий сохранению всего положительного, что накопили человечество, конкретный народ, общество и государство, в котором живет и действует реальная личность, это форма её существования.

Основными качественными характеристиками патриотизма выступают:

- постоянное ощущение связи с Родиной, с жизнью и деятельностью людей, живущих на родной земле;
- любовь к своему Отечеству, государству, выраженная в конкретных делах, действиях, поступках;
- развитое чувство гордости за свое Отечество, за свой народ, за символы государства;
- моральная ответственность каждого человека за судьбу Родины, своего народа, за их современное состояние, за их будущее;
- развитое чувство гражданского, профессионального и воинского долга по выполнению своих конституционных обязанностей, ответственность за результаты своего труда;
- желание, стремление и умение защищать Родину, отстаивать ее интересы, обеспечивать безопасность во всех сферах жизни своего Отечества;
- обширная деятельность государственных, частных структур, каждого гражданина в целях процветания Родины, своего народа, повышения ее международного авторитета;
- приверженность ценностям, положительным традициям, идеалам своего государства, своего народа, своей профессии;
- внутренняя готовность и конкретная деятельность по сохранению и приумножению славы своего Отечества, проявлению чести и совести гражданина;

• постоянное ощущение величия своей Родины;

• целенаправленная и активная деятельность по сохранению национальной культуры, культурно-национальных ценностей всех народов, населяющих государство, в области литературы, музыки, театра и других видов искусства.

На основе понимания сущности патриотизма и ведётся патриотическое воспитание, базирующееся на принципе историзма, опыте и практике жизни народов, государств, на передовых идеях и воспитательных технологиях.

На современном уровне развития общества сущностная сторона патриотического воспитания личности может рассматриваться в нескольких аспектах и направлениях.

Во-первых, патриотическое воспитание – это сложное социально-педагогическое явление. Оно связано с передачей жизненного опыта от поколения к поколению, с целенаправленной подготовкой человека к труду на благо Отечества.

Во-вторых, патриотическое воспитание следует рассматривать как один из факторов формирования и развития человека-патриота, гражданина своей Родины, личности с высокими патриотическими убеждениями, чувствами и активными действиями во имя возрождения и процветания государства, защиты его интересов.

В-третьих, патриотическое воспитание рассматривается как комплекс (совокупность, синтез, сплав) общих и частных целей, задач, установок. Они определяются общечеловеческими, государственно-национальными, профессиональными и личностными ценностями. Само понятие «патриотизм» выступает как важнейшая ценность, которую надо каждому осмыслить, понять и принять к руководству в жизни, в профессиональной деятельности. Основные ценности патриотического воспитания представлены в качественных характеристиках патриотизма и при рассмотрении его сущности.

В-четвертых, патриотическое воспитание есть сложная управляемая система, включающая многообразие взаимно связанных элементов, параллельных и вертикальных, внутренних устойчивых связей и отношений объективного и субъективного характера, а также подсистемы содержательного, организационного и методического плана.

В-пятых, под патриотическим воспитанием следует понимать специфический процесс целенаправленного взаимодействия его объектов и субъектов, влияния и воздействия на психологию личности, коллектива (группы людей), общества в целом. Патриотическое воспитание – это и особый вид многоплановой, скоординированной, целенаправленной деятельности государственных органов, ведомств, политических партий, общественных объединений и организаций, средств массовой информации, руководителей всех категорий, воспитателей. Оно предполагает формирование и развитие у граждан высокого патриотического сознания, возвышенного чувства любви к своему Отечеству, верности его лучшим традициям, идеалам, готовности достойно выполнять свой гражданский и воинский долг [5].

Общая цель патриотического воспитания состоит в том, чтобы формировать и развивать у граждан патриотическое самосознание, безграничную любовь к Родине, к своему народу, стремление добросовестно выполнять гражданский, профессиональный и воинский долг, соблюдать свои конституционные права и обязанности [6].

Рассмотрение сущности патриотического воспитания, его целей и задач дает основание утверждать, что практическое осуществление воспитания – проблема комплексная, охватывающая различные содержательные, организационные, методические, коллективные и личностно-психологические аспекты деятельности.

Патриотическое воспитание может совершенствоваться и эффективно проводиться по различным направлениям, с помощью всего многообразия методов, средств и форм воспитательного воздействия.

Патриотизм представляет собой сложное и многогранное явление. Будучи одной из наиболее значимых ценностей общества, он интегрирует в своем содержании социальные, политические, духовно-нравственные, культурные, исторические и многие другие компоненты. Проявляясь в первую очередь как эмоционально-возвышенное отношение к Отечеству, как одно из высших чувств человека, патриотизм выступает в качестве составляющей духовного богатства личности, характеризует высокий уровень ее социализации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Артемов, В.Л. Патриотизм и национальная идентичность. О воспитании патриотизма / В.Л. Артемов // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: доклады и материалы XIV Международной научной конференции. В 2 ч. Том. Часть 2. – М.: Московский гуманитарный университет, 2017. – С. 450-458.

2. Магарил, С.А. Смыслы патриотизма – исторические трансформации / С.А. Магарил // Социологические исследования. – 2016 – №1. – С.142–151.

3. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь. Военная доктрина Республики Беларусь. – Минск: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. – 128 с.

4. Малинкин, А.Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А.Н. Малинкин // Социологический журнал. – 2009. – № 1 – С. 23 – 31.

5. Кожевников, С.И. Патриотическое воспитание студентов вузов: На примере изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин: дис. канд. пед. наук 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования / С.И. Кожевников. – М., 2011. – 304 с.

6. Козлов, О.А. Современные проблемы информатизации военного образования / О.А. Козлов // Педагогическая информатика. – 2008. – № 8. – С. 53–57.

УДК 323

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Вонсович Л. В.
заведующий кафедрой социально-гуманитарных
и психологических основ физической культуры,
Белорусский государственный университет физической культуры
кандидат исторических наук, доцент,
г. Минск, Беларусь

В условиях вызовов современного мира, возрастания угроз национальной безопасности суверенная Беларусь стремится сохранить свой конституционный строй, целостность территории, традиции народа, его культурные устои как цементирующий фактор социальной структуры общества, политической стабильности государства. Значимым в этом деле представляется идеологическое основание политической системы страны, которое было сформировано и продолжает развиваться благодаря государственной идеологии и механизму ее реализации – государственной

идеологической политике. Под ней сегодня понимается «совокупность целей, направлений, форм, методов, ресурсов обеспечения идеологии государства» [1, с. 62].

Идеологическая политика Республики Беларусь на нынешнем этапе развития нацелена на обновление идеологических смысловых установок, зафиксированных в сознании общества, укоренение идей и ценностей во внутренних убеждениях и социально-политической активности граждан, также на консолидацию общества, укрепление государственного суверенитета страны. Значимость и верность ориентиров такой политики в условиях недружественных выпадов со стороны коллективного Запада очевидна. Она стала своеобразным щитом в деле защиты национальных интересов белорусского государства, поскольку регламентирует и поддерживает общественные отношения в стабильном состоянии, помогает гражданам сохранять историческую память, объективно оценивать настоящее, моделировать будущее. Эффективность идеологической политики подтверждается сплоченностью белорусского общества перед геополитическими вызовами, его стремлением к мирному сосуществованию с другими народами, созидательным трудом белорусов на благо процветания Отечества. Сегодня большинство наших граждан имеет однозначное представление о том, что добиться желаемых успехов возможно при тесном взаимодействии органов государственной власти с институтов гражданского общества. Подтверждением тому является позитивное восприятие гражданами нового политического органа – Всебелорусского народного собрания, ставшего настоящим оплотом народовластия в стране.

Идеология белорусского государства являлась значимым консолидирующим фактором на протяжении многих лет существования суверенной Беларуси. Но наиболее востребованной она стала в кризисный период после выборов 2020 года, поскольку явилась основанием для стабилизации и дальнейшего развития общественных отношений. Она объединила белорусов, стала способом общественного мышления, руководством к действию по защите страны от попыток дестабилизировать ситуацию, организовать мятеж по свержению власти. Идеология превратилась в настоящую практическую силу, она заставила граждан действовать в направлении сохранения конституционного строя государства. Благодаря выверенной десятилетиями идеологии, белорусы объединились вокруг правящей элиты, которая способна конструировать позитивную социальную деятельность и претворять в жизнь консолидированные общественные интересы.

Процесс реализации государственной идеологии сегодня осуществляется благодаря целенаправленной совместной управленческой деятельности государства и институтов гражданского общества. Важную смысловую нагрузку в такой деятельности играет ориентация граждан «на приоритеты социально-ориентированной модели экономики, правового государства, устойчивого прогрессивного развития социума на основе Конституции Республики Беларусь» [2, с. 151]. Верность указанных выше ориентиров подтверждается тем, что белорусское общество не стало объектом манипулирования со стороны недружественных Беларуси государств, деструктивных политических течений. Белорусы поддерживают начинания Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в деле формирования собственной национальной модели экономики, способной выстоять в условиях санкционного давления, укрепления национального самосознания граждан в духе патриотизма, верности исторической памяти народа, сохранения его традиционных ценностей. Граждане страны сегодня являются действенными субъектами политического процесса, они свободны от влияния деструктивных идей и смыслов. Наше общество заинтересовано в получении верной идейно-ценностной информации, транслятором которой выступает государство. Оно ориентировано на сохранение исторической памяти и правды, через

обращение к которым происходит подтверждение легитимности существующих в стране общественно-политических и культурных институтов и систем.

Важно и дальше двигаться в этом направлении и постоянно совершенствовать идеологическую политику. Одним из направлений такого совершенствования является укрепление и развитие связей между разными поколениями белорусов на основе уважительного отношения к истории белорусского народа, его духовности и патриотичности, значимых для устойчивого состояния страны. Молодое поколение белорусов должно сопереживать боли и потерям предков в годы войн и лихолетий, социализироваться на основе традиционных ценностей, государственности и суверенитета. Только усвоив нравственно-идеологические устои современного белорусского общества, молодые люди могут в будущем их передать новым поколениям белорусов, тем самым обеспечив воспроизводство национальной идентичности. Внедряя основные идейные постулаты идеологической доктрины белорусского государства в сознание подрастающего поколения, есть шанс воспитать достойных граждан своего Отечества, привить им высокие духовно-нравственные качества. В этом плане активно следует использовать информационные и медийные ресурсы, различные формы и методы идеологической и воспитательной работы, преподавание учебной дисциплины «Идеология белорусского государства» в учреждениях образования страны. В содержательном и эмоционально-действенном ключе именно данная дисциплина формирует в сознании молодежи Беларуси приверженность к гуманистическим ценностям, ориентирует на национальную идентичность, гражданственность и патриотизм. В ходе ее изучения «вырабатывается стремление к сохранению и умножению духовного богатства и культурного наследия белорусского народа, готовность эффективно действовать в различных ситуациях, активно участвовать в социально-экономической жизни общества, соблюдать права других людей и выполнять собственные гражданские обязанности, проявлять информационный иммунитет к деструктивной, порочащей честь государства информации» [3, с. 24].

Нужно также вести активный диалог с молодым поколением относительно контуров ценностной системы общества, обрамленной государственной идеологией и накопленным предшествующими поколениями культурно-национальным достоянием. Молодые белорусы должны чувствовать себя строителями новой национальной и государственной реальности, сопричастными к реализации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности государства. В этом случае внешнеполитическое давление Запада, угрозы применения новых санкций нам не страшны.

Еще одним важным направлением совершенствования идеологической политики государства является развитие наук об обществе и человеке, создание своей матрицы обучения, которая отличается от чуждых нам западных идеологем. Нужно устранить наследие попыток, навязанное нам из-за границы, идти в фарватере западных моделей обучения и воспитания. В противовес интеллектуально-гуманитарным технологиям, отрицательно воздействующим на массовое сознание белорусов, следует создать свои и более высокого уровня.

В условиях оказываемого со стороны коллективного Запада давления на Беларусь совершенствование идеологической политики государства актуализирует также задачу поиска эффективных путей организации идеологической работы во всех сферах жизнедеятельности общества. В данном направлении должны активно действовать различные субъекты реализации идеологической политики страны: органы государственной власти, средства массовой информации, учреждения образования и культуры, общественные объединения. Следует больше создавать авторских программ

пропагандистского характера, поддерживать систему военно-патриотического воспитания детей и молодежи, расширять каналы обратной связи органов власти и населения, продвигать прогосударственную повестку дня в социальных сетях и мессенджерах. Важно также своевременно заполнять ниши, которые образовываются в информационном пространстве и, наконец, отказаться от формального подхода при проведении мероприятий идеологического характера.

Таким образом, роль идеологической политики Республики Беларусь как инструмента формирования и реализации идеологии белорусского, трансляции национальной идеи белорусского народа, обеспечения национальной безопасности государства в нынешних условиях продолжает расти. Такая политика призвана быть социальным стабилизатором государственного суверенитета, независимого поведения органов государственного управления во внешней и, что особенно важно, во внутренней политике страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Храмцова, Ф.И. Методология совершенствования государственной идеологической политики в Республике Беларусь / Ф.И. Храмцова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №3-4 (90). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-sovershenstvovaniya-gosudarstvennoy-ideologicheskoy-politiki-v-respublike-belarus (дата обращения: 10.08.2025).

2. Коктыш, М.Г. Основные направления формирования государственной идеологической политики на локальном уровне / М.Г. Коктыш // Вестник Гродненского государственного ун-та им. Я. Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2015. – № 1. – С. 150–156.

3. Вонсович, Л.В. Формирование универсальных компетенций специалистов сферы физической культуры и спорта в процессе изучения дисциплин социально-гуманитарного профиля / Л.В. Вонсович // Роль социально-гуманитарных дисциплин в формировании универсальных компетенций обучающихся учреждений высшего образования : материалы Респ. заоч. науч.-метод. семинара с междунар. участием, 25 марта 2025 г. / Ин-т погранич. службы Респ. Беларусь ; сост.: Н. Е. Бельских, В. А. Красновская. – Минск : ИПС РБ, 2025. – С. 21–25.

УДК 316.42

ПАРАДОКСЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЦИФРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ДИАЛЕКТИКА ЛОГИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ

Воробьева С. В.
доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Актуальность проблемы самоидентификации в условиях цифровой цивилизации обусловлена парадоксальностью ее решения, которое при наличии явных противоречий дает неожиданные результаты [1; 2; 3]. Парадоксальность становится очевидной в диалектическом контексте логических и социальных аспектов самоидентификации. Поэтому цель публикации – раскрыть диалектику этих аспектов как условие решения проблем, связанных с указанными парадоксами.

Самоидентификация – процесс самопознания и формирования устойчивых представлений о себе (личностной идентичности). Парадоксальность самоидентификации вытекает из необходимости переустановки осознаваемых границ (например, *Я*/*Другой*, *свое*/*чужое, уникальность*/*универсальность*). Переустановка подобных границ обусловлена непрерывностью самоидентификации, усложняющейся и ускоряющейся в условиях цифровой цивилизации. Сущностными аспектами таких границ являются логические и социальные аспекты, дополняющие друг друга.

Логические аспекты самоопределения связаны с произвольным пониманием, требующим сознательного волевого усилия в соответствии с поставленной целью. Такое понимание – результат логического анализа, направляющего внимание на вынесение смысла из интерпретируемого текста, так как интерпретация предполагает объективацию чужого сознания. В противном случае, когда смысл вносится, имеет место непроизвольное понимание – бесцельное автоматическое толкование, распознаваемое по информационным фальсификациям ради собственной выгоды или корысти. По своей сути оно является софистическим. Поэтому если произвольное понимание обеспечивает целенаправленную обработку информации, то непроизвольное понимание – выявление значимых внешних стимулов и способов реагировании на них.

Социальные аспекты самоопределения – осознание своей принадлежности к определенным социальным группам и принятие их ценностей и жизненных или иных норм. По мере социальной самоидентификации человек открывает новые стороны своей личности, составляющие ресурсы для ее дальнейшего развития и самореализации. Социальная активность и социальные взаимодействия в цифровом мире в большинстве случаев оказываются иллюзорными, поскольку их основы составляют когнитивные ресурсы, сформировавшиеся преимущественно на непроизвольном понимании.

Главный вызов цифровой цивилизации для самоидентификации – виртуальная идентичность, парадоксальность которой заключается в том, что она в одном отношении является абсолютно статичной, в другом – постоянно переопределяющейся. Ответы на данный вызов множественны и зависят, во-первых, от произвольности/непроизвольности понимания, во-вторых, от социальных факторов контекста. В частности, формирование идентичности в цифровых условиях «сквозь призму феномена власти» проявляется в институциональных и политических формах, что подтверждается анализом алгоритмов цифровых платформ, социальных сетей и управляемых ими структур, выступающих «в качестве современных диспозитивов власти» [1, с. 19]. Термин «диспозитив» введен в научный оборот М. Фуко для обозначения механизмов власти, формирующих знания и практики для управления социальными процессами. Поэтому «цифровая власть проявляется как продуктивная сила, формирующая новые границы и модальности личностного “я” в онтологии сетевого бытия» [1, с. 20].

Парадоксы самоидентификации в условиях цифровой цивилизации связаны с установлением и размыванием семантических границ в разнонаправленных и несогласованных процессах, что затрудняет формирование ресурсов для саморазвития и самодвижения. Причины – изоляция и одиночество (при множественности контактов), поверхностность связей (при постоянном общении), отсутствие смыслов (при большом количестве информационных обменов). В таких условиях решается проблема допустимых границ, указывающих на пределы того, что в состоянии стерпеть

или выдержать человек. Применительно к реальному обществу и реальной личности такой феномен раскрыл К. Поппер в форме парадокса терпимости (определения границ толерантности в социуме): «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости» [4, с. 323].

Парадокс терпимости как *логический парадокс К. Поппер сформулировал в качестве необходимого условия в принятии решений*. Решение о том, следует ли что-либо терпеть, предполагает «взвешивание» аргументов, в котором сопоставляются причины отвержения и выгоды принятия какой-либо идеи ради общественного согласия. Такое «взвешивание» скрывает парадокс толерантности: истинно толерантное общество, как провозгласил философ, должно сохранять за собой право отказывать в толерантности тем, кто пропагандирует нетерпимость. Но он игнорировал обратный ход: в толерантном обществе безграничная терпимость может привести к появлению нетерпимых групп, которые могут поставить под угрозу саму структуру этого общества, так как в нем игнорируется или из него элиминируется моральное несогласие. Если оно есть, то феномен, в отношении которого возникает моральное несогласие, должен стать терпимым.

Анализ, понимание и оценка процессов в глобальном мире, дрейфующем от однополярной формы самоорганизации к многополярной форме, зависят от осмысления прочерчиваемых границ толерантности. Такие границы указывают на пределы терпимости к различным мировоззрениям, общественным порядкам, образу жизни, поведению, которые существуют в обществе и которые не должны причинять вред другим или нарушать фундаментальные права и ценности. В то же время, в соответствии с «окнами Овертона», границы толерантности перекраиваются в соответствии с принципом безразличия или вражды по отношению к Другому, а не в соответствии с принципом уважения к нему. В частности, «нацизм для западных политиков становится терпимым из-за того, что он полезен, поскольку позволяет в короткий срок сконструировать нацию там, где ее никогда не было». А это означает, что «в дальнейшем идеологически подготовленных с его помощью людей можно использовать как “идеальных солдат” для ослабления или сокрушения геополитического конкурента» [3, с. 78].

Ускоренное перекраивание границ толерантности стало возможным благодаря цифровому капитализму. Условия цифрового капитализма разобщают реальную и виртуальную (цифровую) идентичность. Виртуальная самоидентификация, во-первых, осваивает новые формы презентации себя и способы самовыражения (в частности, зависимость от цифровых показателей, например, лайков или подписчиков), во-вторых, обретает особую цифровую форму существования в качестве данных для Big Data, в-третьих, изолирует себя в виртуальном социальном взаимодействии. Вследствие этих факторов виртуальная идентичность оказывается отчужденной от собственной сущности.

Цифровое отчуждение проявляется в двух направлениях. В первом направлении пользователь лишь расширяет человеческие возможности в сфере информации и коммуникации, осваивая практики цифрового номадизма [2, с. 122]. В существовании человека в качестве данных для Big Data имеют значения все его аспекты как личности, связанные с диалектикой экстерриториальности и территориальности (поведение, перемещения, коммуникативные и социальные связи, предпочтения, убеждения, мнения, запросы и др.) [5, с. 42]. Параметризация диалектики зависит от логических и социальных аспектов. Такой логический номинализм позволяет реализовывать

«надзорный капитализм», при котором «средства производства» выступают в роли «средства изменения поведения» [6]. Для этого фиксируются массовые наблюдения в разных технологических форматах больших данных, которые позволяют их качественно и количественно обработать и проанализировать [7, с. 17]. Дальнейшие интерпретации полученных результатов позволяют использовать их для реализации различных целей (коммерческих, политических, социально-инжиниринговых и др.).

Второе направление в цифровом отчуждении обусловлено дефицитом цифровой культуры, которую необходимо отличать от культуры аналоговой. А. Н. Уайтхед раскрыл аналоговый характер индустриальной цивилизации через условия, при которых она «развивается за счет увеличения количества операций, которые мы можем выполнять, не думая о них» [цит. по: 8, с. 22]. Ключевое выражение «не думая» указывает на автоматизм деятельности и непроизвольность понимания, усилившиеся в цифровую эпоху.

Таким образом, диалектика логических и социальных аспектов образует парадоксальный контекст самоидентификации в условиях цифровой цивилизации. С одной стороны, логические аспекты проистекают из формализации структур произвольного и непроизвольного понимания, различимых, по меньшей мере, наличием/отсутствием конструктивной цели, зависимой от социального контекста, с другой, – социальные аспекты выступают как призмы, через которые становится возможным произвольное или непроизвольное понимание. Сдвиг в сторону непроизвольности трактовок мира стал возможным благодаря цифровому капитализму.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Римский, А.В. Идентичность в виртуальном мире: власть и новые границы личностного самовыражения / А.В. Римский, М.С. Сорокопуд, А.В. Ахмаров // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – 2025. – № 2 (54). – С. 19–32.

2. Воробьева, С.В. Цифровая идентичность в сетевом обществе: практики номадизма и пограничные состояния / С.В. Воробьева // Феномен границы в глобализирующемся мире: сборник научных статей. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 121–124.

3. Ильинская, С.Г. Парадоксы толерантности и терпимости / С.Г. Ильинская // Свободная мысль. – 2023. – № 3 (1699). – С. 73–88.

4. Поппер, К. Открытое общество и его враги: в 2-х т. Т. 1 / Карл Поппер; пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1992. – 448 с.

5. Воробьева, С.В. Сетевая идентичность и социальная эпистемология: диалектика экстерриториальности и территориальности / С.В. Воробьева // Женщины-ученые Беларуси и России: матер. междунар. науч.-практич. конф., Минск 26 марта 2021 г. – Минск: БГУ, 2021. – С. 41–48.

6. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Шошана Зубофф; пер. с англ. А.Ф. Васильева; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2022. – 781 с.

7. Артамонова, Ю.Д. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития / Ю.Д. Артамонова, С.В. Володенков // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2021. – Вып. 2 (28). – С. 9–27.

8. Майерс, Д. Интуиция. Возможности и опасности / Д. Майерс. – СПб.: Питер, 2012. – 272 с.

УДК [316.772.5:004.738.5.056]:316.62(476)

ВОСПРИЯТИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ИНТЕРНЕТА И ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ В БЕЛАРУСИ

Воронина С. Н.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В современном мире использование интернета стало неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Однако вместе со стремительным развитием цифровых технологий возрастает и обеспокоенность вопросами безопасности в онлайн-пространстве. Понимание того, как пользователи оценивают уровень безопасности интернета и как это влияет на их поведение, является важной задачей для формирования эффективных мер информационной безопасности.

Одно из недавних исследований [1] Института социологии НАН Беларуси было направлено на выявление мнения населения Беларуси о степени безопасности использования интернета, а также на анализ поведения пользователей в сети в зависимости от этих оценок.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос об их мнении о степени безопасности использования интернета. В результате было выявлено, что мнения разделились практически поровну: 41,1 % респондентов считают интернет безопасным, тогда как 37,2 % – небезопасным. При этом 21,7 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос (см. таблицу 1). Таким образом, можно выделить три группы респондентов в зависимости от их оценки степени безопасности пользования интернетом: 1) «уверенные в безопасности»; 2) «скептики»; 3) «неопределившиеся».

Относительно влияния социально-демографических характеристик респондентов на их оценку безопасности пользования интернетом было установлено, что жители сельской местности чаще считают интернет абсолютно безопасным (10,9 %), горожане – 6,6 %. При этом горожане несколько чаще отмечали вариант «скорее безопасно» (34,5 %, сельчане – 29,2 %) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Оценка безопасности использования интернета населением Беларуси в целом и зависимости от типа населенного пункта, в %

Оценка безопасности использования интернета	**Все население**	**Тип населенного пункта**	
		Город	**Село**
Абсолютно безопасно	7,5	6,6	10,9
Скорее безопасно	33,6	34,5	29,2
Скорее небезопасно	27,5	27,6	26,8
Абсолютно небезопасно	9,7	9,2	11,3
Затруднились ответить	*21,7*	*22,1*	*21,8*

Наиболее положительно к безопасности интернета относятся молодые люди в возрасте 18–29 лет. С увеличением возраста респонденты все чаще воспринимают интернет как опасную среду. Так, абсолютное восприятие интернета как очень

[1] Здесь и далее данные основаны на результатах исследования, проведенного Институтом социологии в мае-июне 2023 г. (N=1848 чел.) по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

небезопасного чаще всего встречалось у респондентов старше 60 лет (11,8 %). Кроме того, представители этой возрастной группы в гораздо большей степени испытывали затруднения при оценке уровня безопасности использования интернета – 31,8 % (см. таблицу 2).

Таблица 2. Оценка безопасности использования интернета населением Беларуси в разных возрастных группах, в %

Оценка безопасности использования интернета	**18–29 лет**	**30–45 лет**	**46–59 лет**	**60 лет и старше**
Абсолютно безопасно	**14,1**	8,2	6,8	3,1
Скорее безопасно	**40,6**	**40,3**	28,3	25,3
Скорее небезопасно	22,5	25,3	**33,5**	28,1
Абсолютно небезопасно	8,1	8,9	9,7	**11,8**
Затруднились ответить	*14,8*	*17,3*	*21,7*	*31,8*

Наибольшая доля тех, кто считает интернет «скорее безопасным», наблюдается среди респондентов с высшим образованием (41,9 %), что свидетельствует о более положительном восприятии интернета в этой группе. В то же время, среди респондентов с базовым образованием эта доля составляет только 21,3 %, что указывает на более низкое доверие к безопасности интернета. Следует отметить, что респонденты с базовым образованием не только более настороженно относятся к использованию интернета, но чаще других затруднялись определить степень безопасности использования интернета (37,7 %, с высшим образованием – 15,5 %) (см. таблицу 3).

Таблица 3. Оценка безопасности использования интернета населением Беларуси в зависимости от уровня образования, в %

Оценка безопасности использования интернета	**Базовое (до 9 классов)**	**Среднее общее (11 классов)**	**Проф.-техн., среднее специальное**	**Высшее**
Абсолютно безопасно	6,6	8,8	7,4	6,7
Скорее безопасно	21,3	31,1	29,7	41,9
Скорее небезопасно	26,2	24,4	28,8	27,8
Абсолютно небезопасно	8,2	11,8	10,0	8,1
Затруднились ответить	*37,7*	*23,9*	*24,1*	*15,5*

Пользуясь интернетом, жители Беларуси чаще всего публиковали в соцсетях, блогах и других платформах такие личные данные, как фамилия, имя и отчество (56,0 %), дату рождения (52,4 %) и личные фотографии (49,7 %). Около трети (29,7 %) делились информацией о месте проживания. Реже всего публиковали сведения о родственниках, детях и друзьях (7,4 %). Треть респондентов (31,4 %) вообще не размещали личную информацию в открытом доступе (см. рисунок 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Какую информацию о себе Вы размещали в социальных сетях, личных блогах или иных платформах с личным профилем?», в %

В рамках исследования выявлена и проанализирована зависимость размещения личных данных респондентами от их оценки уровня безопасности интернета. Так, представители группы «уверенные в безопасности» чаще публикуют личную информацию, в то время как «неопределившиеся» демонстрируют меньшую склонность к публикации личных данных. Например, 43,1 % из этой группы предпочитают не делиться никакими личными данными, что свидетельствует о более осторожном подходе к публикации информации в интернете. Наиболее значимые различия, подтверждаемые статистическими показателями, наблюдаются относительно таких данных, как фамилия, имя и отчество; дата рождения; личные фотографии (V=0,2; коэф. сопряж. = 0,2; p<0,01) (см. таблицу 4). Таким образом, уровень доверия к безопасности интернета влияет на готовность респондентов делиться различными видами личных данных в онлайн-пространстве.

Таблица 4. Размещение населением Беларуси личных данных в интернете в зависимости от оценки степени безопасности пользования интернетом, в %

Тип личных данных	**Группы респондентов**		
	Уверенные в безопасности	**Скептики**	**Неопределившиеся**
Фамилию, имя, отчество	62,5	54,1	43,4
Дату рождения	60,4	53,1	37,8
Текущее место проживания	36,7	27,9	20,8
Текущее местоположение	13,2	8,5	6,3
Информацию о родственниках, детях, друзьях	9,0	6,6	5,8
Номер телефона (в открытом виде)	20,5	20,1	13,8
Адрес электронной почты (в открытом виде)	20,1	15,2	14,0
Информацию о работе, учебе	21,5	14,8	11,8
Личные фотографии	59,4	46,2	38,6
Не размещали личную информацию	21,8	34,2	43,1

Анализ восприятия безопасности интернета и поведения интернет-пользователей в Беларуси показал, что уровень доверия к онлайн-сервисам значительно влияет на активность и меры предосторожности, предпринимаемые ими. Большинство опрошенных осознают потенциальные риски, однако степень их осведомленности и практическая реализация мер по обеспечению безопасности остаются разными. Эти результаты подчеркивают необходимость повышения уровня информационной грамотности населения, а также внедрения и распространения образовательных программ, направленных на формирование ответственного поведения пользователей в сети. Улучшение восприятия пользователями степени безопасности интернета будет способствовать более безопасному и осознанному использованию цифровых технологий, что является важным аспектом цифровой трансформации общества.

УДК 316.4

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ АСПИРАНТУРЫ ЗА ПЕРИОД 2012-2023 ГГ.

Ворошень О. Г.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Аспирантура академического сектора науки – важный элемент республиканской системы воспроизводства высококвалифицированных научных кадров. От эффективности ее деятельности зависит восполнение научной сферы Беларуси специалистами высшей квалификации.

На основе данных ведомственной статистики рассмотрим динамику основных показателей деятельности аспирантуры НАН Беларуси за период 2012-2023 гг.

В 2023 году образовательную программу аспирантуры реализовывали 49 научных организаций НАН Беларуси и Университет НАН Беларуси по 132 специальностям 13 отраслей науки [1].

Таблица. Основные показатели деятельности аспирантуры НАН Беларуси в 2012-2023 гг. [1-6]

Показатели	**2012**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**
Всего обучающихся граждан Беларуси, чел.	690	527	533	543	561	546	515	470	453	455
Принято в аспирантуру	141	156	157	167	176	161	130	124	138	142
Выпуск	150	107	108	106	109	108	106	111	99	77
из них с защитой диссертации	3	8	6	7	6	1	5	6	5	4
% от числа выпуска	2	7,5	5,6	6,6	5,5	0,9	4,7	5,4	5,1	5,2
из них с проведением предварительной экспертизы диссертации	14	5	13	4	4	3	5	1	3	2
% от числа выпуска	9,3	4,7	12	3,8	3,7	2,8	4,7	0,9	3	2,6

В 2023 году десятая часть аспирантов республики (12,6 % или 455 чел.) осваивали образовательную программу аспирантура в научных организациях НАН Беларуси [7].

Как видим из данных, представленных в таблице, за период 2012-2023 гг. произошло сокращение численности обучающихся в академической аспирантуре практически на треть: с 690 чел. в 2012 г. по 455 чел. в 2023 г. или на 34,1 %.

Наиболее существенное сокращение зафиксировано в 2012-2015 гг., когда численность аспирантов снизилась на 23,6 %: с 690 чел. в 2012 г. по 527 чел. в 2015 г. С 2015 г. по 2018 г. наблюдался небольшой рост численности обучающихся с 527 чел. по 561 чел. или на 7,4 %. В последующие годы вновь произошло снижение численности аспирантов с 561 чел. в 2018 г. по 455 чел. в 2023 г. или на 18,9 %.

Анализ динамики численности обучающихся в академической аспирантуре по формам обучения позволил выявить следующие особенности. Численность аспирантов дневной формы обучения за период 2012-2023 гг. сократилась с 401 чел. в 2012 г. по 242 чел. в 2023 г. или на 39,7 %. Значительно более существенно сократилась численность аспирантов заочной формы обучения: с 151 чел. в 2012 г. по 18 чел. в 2023 г. или на 88,1 %. Рисунок.

В противовес дневной и заочной формам обучения соискательство становится все более популярной формой получения научно-ориентированного образования в аспирантурах НАН Беларуси, о чем свидетельствует рост численности соискателей за период 2012-2023 гг. на 41,3 % (с 138 чел. по 195 чел.).

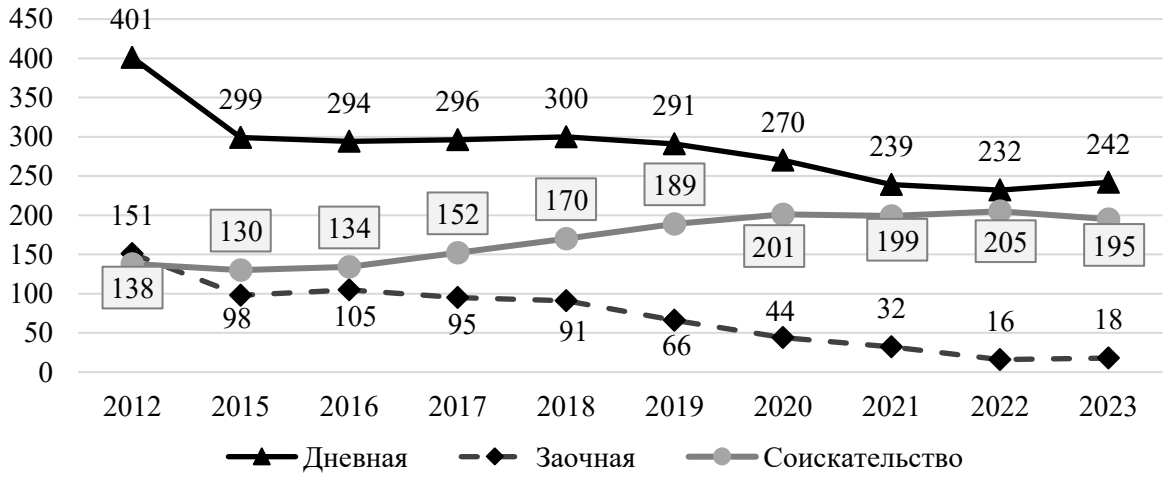

Рисунок. Динамика численности обучающихся в аспирантуре НАН Беларуси по формам обучения в 2012-2023 гг.

Анализ динамики численности аспирантов в разрезе отделений наук за период 2012-2023 гг. показал, что изменения численности аспирантов коснулись всех отделений наук. Положительная тенденция наблюдалась только в Отделении медицинских наук, где численность аспирантов увеличилась практически вдвое (с 12 чел. по 23 чел.).

Сокращение численности обучающихся в аспирантуре в наибольшей степени произошло в Отделении химии и наук о Земле – на 50 % (34 чел.). Существенное сокращение численности аспирантов отмечается и в Отделении аграрных наук – на 44,6 % (103 чел.), и в Отделении гуманитарных наук и искусств (39,3 % или на 59 чел.). Подобная картина наблюдалась в Отделении физико-технических наук, где численность аспирантов снизилась на 31,8 % (35 чел.), а также в Отделении физики, математики и информатики – на 27,7 % (13 чел.).

Анализ динамики численности аспирантов в разрезе отделений наук показал, что, несмотря на отрицательную динамику численности обучающихся в области общественных и гуманитарных наук и сельскохозяйственных наук за 2012-2023 гг., доля аспирантов данных профилей составила практически половину (48,1 %) обучающихся в академической аспирантуре в 2023 году (55,2 % в 2012 году). Таким образом, сохраняется дисбаланс в отраслевой структуре подготовки аспирантов организациях НАН Беларуси. Между тем актуальным является наращивание темпов подготовки аспирантов по приоритетным направлениям, необходимых для развития высокотехнологичных производств, относящихся к V и VI технологическим укладам экономики.

Динамика численности принятых в академическую аспирантуру носит неоднородный характер. В период с 2012 г. по 2018 г. наблюдался рост численности лиц, принятых на обучение: с 141 чел. по 176 чел. или на 24,8 %. В последующие годы отмечается снижение численности принятых на обучение: с 176 чел. в 2018 г. по 124 чел. в 2021 г. В дальнейшем наметилась тенденция к некоторому росту численности принятых в аспирантуру, благодаря чему к 2023 г. были достигнуты показатели 2012 года.

В 2012-2014 гг. численность выпуска из аспирантуры превышала численность принятых на обучение, в последующие годы ситуация изменилась. Так, с 2015 г. число принятых на обучение в аспирантуру стало превышать число выпускников.

Об эффективности деятельности академической аспирантуры свидетельствуют такие показатели как выпуск из аспирантуры с проведением предварительной экспертизы диссертации и выпуск из аспирантуры с защитой диссертации в срок обучения. Анализ данных показателей эффективности академической аспирантуры за период 2012-2023 гг. показал, что наиболее высокие значения показателя выпуска с защитой диссертации были достигнуты в 2015 г. – 7,5 %, наиболее низкие – в 2019 г. – 0,9 %, и в 2012 г. – 2 %. За рассматриваемый период наиболее высокие значения показателя выпуска с проведением предварительной экспертизы диссертации были зафиксированы в 2016 г. – 12 %, в 2012 г. – 9,3 %, наиболее низкие – в 2021 г. – 0,9 %, и в 2019 г. – 2,8 %.

Рост численности приема в аспирантуру не оказал существенного влияния на показатели эффективности деятельности аспирантуры. Так, например, в 2018 г. в аспирантуру было принято наибольшее число обучающихся за период 2012-2023 гг. – 176 чел., при этом число выпускников данного набора в 2021 г. составило только 111 чел., выпуск из аспирантуры с защитой диссертации – 5,4 % (6 чел.). Выпуск с проведением предварительной экспертизы диссертации составил 0,9 % (1 чел.), что стало наименьшим показателем за период 2012-2023 гг.

В целом в последние годы отмечается тенденция к снижению эффективности деятельности академической аспирантуры, о чем свидетельствует как снижение численности обучающихся, так и невысокие показатели выпуска из аспирантуры с защитой диссертации и выпуска с проведением предварительной экспертизы диссертации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2023 году. – Минск: Беларус. навука, 2024. – 528 с.

2. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2021 году. – Минск: Беларус. навука, 2022. – 408 с.

3. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2020 году. – Минск: Беларус. навука, 2021. – 570 с.
4. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2018 году. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 434 с.
5. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2016 году. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 354 с.
6. Отчет о деятельности Национальной академии наук Беларуси в 2012 году. – Минск: Беларус. навука, 2013. – 384 с.
7. О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь по итогам 2023 года: Аналитический доклад / под ред. С.В. Шлычкова, В.Г. Гусакова. – Минск: ГУ «БелИСА», 2024. – 350 с.

УДК 378

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Вычеров Д. А.
доцент, Высшая школа общественных наук, Гуманитарный институт,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
кандидат исторических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Лобатюк В. В.
доцент, Высшая школа общественных наук, Гуманитарный институт,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
кандидат социологических наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Стремительное внедрение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в образовательный процесс породило новую проблему: кризис авторства и утрату осознанного обучения. Особенно остро она проявляется в гуманитарных дисциплинах (история, философия, основы российской государственности и т.д.), когда студенты прибегают к крупномасштабной помощи ИИ для выполнения заданий: от домашних работ и презентаций до полноценных эссе. Главная опасность кроется не только в факте использования ИИ, а в том, что студент не осознает, что итоговый продукт создан не им, и не предпринимает усилий для его верификации. Это порождает феномен "иллюзорного авторства": студент искренне считает работу своей, хотя она была сгенерирована алгоритмом на основе чужих данных и паттернов. Он не прошел через интеллектуальный труд формулирования тезисов, поиска аргументов и их критического осмысления, построения логических связей и стилистического оформления мысли, т.е. ключевых навыков, которые и должны развивать гуманитарные предметы [1, 2].

Последствия этого "отчуждения" от собственной работы катастрофичны для образовательного процесса. Во-первых, студент лишается возможности развить критическое мышление и аналитические способности. ИИ выдает внешне связный текст, но студент не понимает, как он был построен, насколько надежны источники (которые ИИ часто не указывает или фабрикует), насколько логичны связи или характерны признаки, которые выявил ИИ. Во-вторых, возникает иллюзия компетентности. Студент получает хорошую оценку за работу, которую не смог бы

создать самостоятельно, и начинает считать, что освоил материал. Эта иллюзия жестоко разбивается на зачетах и экзаменах, в ходе устного опроса/дискуссий или при выполнении последующих, более сложных заданий, где помощь ИИ недоступна или неэффективна, например, при решении кейсов, поскольку предполагается применение студентами имеющегося у них комплекса знаний, умений и навыков для выполнения конкретных задач; в ходе анализа специальных (профильных) текстов или иллюстративного материала из-за отсутствия у ИИ понимания специфики области знания и контекста. Часто это преподаватель видит во время выступления студента с докладом/сообщением, которое сопровождается презентацией. На слайдах то и дело встречаются изображения, сгенерированные ИИ, которые не соответствуют тематике выступления, содержат недостоверную информацию, а порой – откровенный вздор. И во всех этих случаях преподаватель вынужден уделять много времени разбору каждой подобной «генерации», объяснять важность критического анализа информации. Из-за этого уменьшается количество времени, которое отводится на другие тематические блоки занятия/курса. В-третьих, полностью размывается академическая честность на фундаментальном уровне. Представление работы, созданной ИИ, как своей собственной – это плагиат нового типа. Но если студент даже не осознает, что работа чужая (потому что он просто скопировал/вставил результат генерации, не вдумываясь), то сама концепция авторства и личной ответственности за интеллектуальный продукт обесценивается [3].

Проблема усугубляется отсутствием верификации. Студент не проверяет факты, не оценивает логику изложения, не адаптирует стиль ИИ под свои собственные "стиль" и уровень знаний. Он принимает результат генерации как догму, не подвергая его сомнению. Это приводит к сдаче работ, содержащих ошибки, искажения, поверхностный анализ или даже откровенный вымысел ("галлюцинации" ИИ), которые остаются незамеченными студентом. Таким образом, крупномасштабное и некритичное использование ИИ студентом, не понимающим границ его вклада и не верифицирующим результат, подрывает саму суть образования: формирование самостоятельной, критически мыслящей и ответственной личности, способной к интеллектуальному творчеству [4]. Это требует в первую очередь пересмотра подходов к разработке и оценке работ студентов. Поскольку традиционные письменные работы (эссе, рефераты, ответы на вопросы) легко генерируются ИИ и становятся ненадежным индикатором реальных знаний и навыков студента, преподаватели вынуждены искать альтернативные, гораздо более трудоемкие методы оценки.

Самым «простым» и эффективным методом является устный опрос, в ходе которого в режиме реального времени студент должен ответить на вопросы преподавателя, привести аргументы, подтверждающие его позицию по той или иной проблеме, продемонстрировать знание источниковой базы, историографии. Однако уделить такое количество времени каждому обучающемуся преподаватель не в состоянии из-за высокой нагрузки. По той же причине неподъёмной для ППС будет и практика составления индивидуальных заданий для каждого студента. Нивелировать ИИ можно с помощью письменных работ, которые студенты будут получать и выполнять во время занятия. Но и в этом случае всё упирается в нагрузку, поскольку преподавателю необходимо будет регулярно проверять сотни работ по итогам каждой практики. В результате преподаватель не сможет уделять достаточно времени другим обязанностям, в особенности, проведению научных исследований, участию в конференциях, конкурсах и грантах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белоусова, Т.М. Проблемы и риски интеграции искусственного интеллекта в высшее образование / Т.М. Белоусова, Е.Л. Кузьменко, Е.М. Лещенко // РЕГИОН: системы, экономика, управление. – 2024. – № 2. – С. 164–168.

2. Быльева, Д.С. Философский вызов и онтолитический эффект искусственного интеллекта / Д.С. Быльева. – М.: ООО "Научно-издательский центр Инфра-М", 2025. – 240 с.

3. Соколов, Н.В. Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ / Н.В. Соколов, В.С. Виноградский // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. № 76-2. – С. 166–169.

4. Шипунова, О.Д. Функциональные модели интеллекта в междисциплинарной эпистемологии / О.Д. Шипунова // Социология. – 2022. – № 2. – С. 367–374.

УДК 316.4

СТУДЕНТЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Гаврилик О. Н.
доцент кафедры политологии и социологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
кандидат социологических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Современное общество нуждается не только в модернизации, но и в сохранении своих традиций, исторической правды о своем прошлом. В числе стратегических национальных интересов Республики Беларусь – укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, защита исторической памяти, института традиционной семьи, патриотическое воспитание граждан, сохранение преемственности поколений [1, с. 5]. Историческая память сохраняет воспоминания о тех событиях, явлениях, личностях, которые внесли свой вклад в консолидацию, сплоченность общества, сохранение его независимости и устойчивого развития [2, с. 179].

Молодое поколение воплощает ценный ресурс настоящего и будущего развития страны. Позитивный образ прошлого оказывает стимулирующее воздействие на формирование идентичности современного человека, его представлений о желаемом будущем, стратегий поведения [3, с. 17]. Одним из ключевых направлений социологических исследований в Гродненском регионе является изучение проблем формирования исторического самосознания молодежи.

В 2025 году празднуется 80-летие Победы в Великой Отечественной войне, что актуализирует вопрос о сохранении исторической памяти молодого поколения. Цель исследования – выявить особенности исторической памяти молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Эмпирической базой исследования послужили результаты анкетного опроса, проведенного среди студентов социально-гуманитарных специальностей Гродненского государственного университета имени Янки Купалы по методике, разработанной совместно с социологами Алтайского государственного педагогического университета (выборочная совокупность – 400 респондентов). Сочетание в анкете закрытых и открытых вопросов позволило выявить знания студенческой молодежи о ключевых событиях и героях Великой Отечественной войны, с какими песнями, кинофильмами, книгами о Великой Отечественной войне они знакомы, какими событиями студенты гордятся в истории своей страны.

Согласно результатам исследования, 86,7 % студентов интересуются историческим прошлым своей страны. Больше всего их привлекают истории великих людей. Более 80 % респондентов ответили, что интересуются событиями Великой Отечественной войны. Молодые люди гордятся борьбой белорусского народа и его победой в Великой Отечественной войне, партизанским движением, обороной Брестской крепости: «горжусь тем, как ответили на вызов и как сражались в военное время», «освобождением от немецко-фашистских захватчиков», «сопротивлением немецкой оккупации в период Великой Отечественной войны», «партизанским сопротивлением и рельсовой войной», «победой в Великой Отечественной войне (сплочённость нашего народа в трудные периоды)», «самоотверженностью людей», «героическими подвигами», «героизмом людей», «подвигом советского народа в Великой Отечественной войне», «патриотизмом и волей к победе». День Победы вызывает у молодежи такие чувства и эмоции, как гордость, благодарность, восхищение, волнение, теплоту, радость, «осознание силы своего народа», а также грусть, скорбь, так как победа в Великой Отечественной войне досталась белорусскому народу большой ценой.

Доступным и интересным источником информации о прошлом страны для молодых людей являются исторические фильмы: 3,7 % респондентов ответили, что смотрят их каждый день, 10,4 % – 2-3 раза в неделю, 28,4 % – несколько раз в месяц, 44 % студентов обращаются к историческим фильмам несколько раз в год. Только 13,5 % почти не смотрят фильмы по данной тематике. Среди книг по истории войны, прочитанных студентами в последнее время, – «А зори здесь тихие», «Знак беды», «Возьму твою боль», «Гродненщина во время Великой Отечественной войны», «Армия Краева на Беларуси», «Диверсант», «Мальчик в полосатой пижаме», «Брестская крепость», «Дожить до рассвета», «Обелиск» и др.

Важнейшим институтом, участвующим в воспитании человека и формировании его исторической памяти, является семья. По данным исследования, 79 % студентов обмениваются информацией об историческом прошлом в кругу своей семьи. В то же время каждый пятый студент отметил, что почти никогда эти вопросы не обсуждаются в их семьях. 40,7 % студентов выразили уверенность в своих знаниях истории своей семьи, 42 % знают немного, остальные респонденты знают немного или почти не знают историю своих родных.

В качестве основного источника информации об историческом прошлом своей страны каждый четвертый студент указал учреждение высшего образования. При изучении истории в университете студенты предпочитают работать на лекциях вместе с преподавателем, визуализировать материал с помощью электронных презентаций, что подчеркивает важность педагогической деятельности по формированию исторической памяти молодежи.

Большинство учащейся молодежи регулярно посещают музеи: 77,5 % – несколько раз в год, 11,4 % – несколько раз в месяц. Наиболее посещаемыми являются исторические музеи в Гродненской, Минской и Брестской областях (Гродненский историко-археологический музей, Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны, музей обороны Брестской крепости и др.). На вопрос «Кого из героев Великой Отечественной войны Вы знаете?» студенты чаще всего отвечали, что знают Александра Матросова, Николая Гастелло, Веру Хоружую, Зину Портнову, Марата Казея, Зою Космодемьянскую, Георгия Жукова, Константина Заслонова, Ольгу Соломову.

По мнению студентов, определяющими факторами в достижении победы над фашизмом в Великой Отечественной войне стали героизм народа на фронте и в тылу (22,1 %), патриотизм (20,5 %), вера в победу (16 %), партизанское движение (15,6 %).

Считают себя патриотами своей страны 93,6 % опрошенных студентов. Формированию у молодежи чувства патриотизма способствуют проводимые мероприятия, среди которых наибольшей популярностью пользуются посещения музеев, встречи с ветеранами, походы к местам боевой славы.

Результаты исследования подтверждают необходимость расширения числа студенческой аудитории при проведении мероприятий, посвященных историческому прошлому страны, вовлечения обучающихся старших курсов. Примером такой работы служит реализация междисциплинарного проекта «Геноцид белорусского народа: память и боль Гродненской земли» совместно с прокуратурой Гродненской области, в выполнении которого задействованы преподаватели и студенты исторического, социологического, лингвистического, журналистского профилей Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Также следует больше использовать современные аудиовизуальные средства формирования исторической памяти молодежи, в том числе просмотр кинофильмов, что позволит повысить заинтересованность студентов в изучении истории своей страны, отдельных ее событий и личностей. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в воспитательной и идеологической работе с молодежью учреждений высшего образования, в учебном процессе, при подготовке научных и учебно-методических публикаций, междисциплинарных проектов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларус : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005 (дата обращения: 21.07.2025).

2. Шавель, С.А. Социосферная стратегия развития общества / С.А. Шавель ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларуская навука, 2022. – 387 с.

3. Мысливец, Н.Л. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе / Н. Л. Мысливец // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 3. – С. 9–20.

УДК 316.4

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ СИТУАЦИОНИЗМ: ОБЩЕСТВО СПЕКТАКЛЯ ГИ ДЕБОРА КАК ПОДАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ВООБРАЖЕНИЯ

Галанзовский А. С.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Французский философ и основатель «Ситуационистского Интернационала» Ги-Эрнест Дебор в своем программном труде «Общество спектакля» не только лишь описывает общество, одержимое образами; но в тоже время анализирует фундаментальный сдвиг в самой природе социальной реальности и в способах ее осмысления, указывая на все большую роль опосредованного и объективирующего перед непосредственным. «Спектакль подчиняет себе живых людей в той мере, в какой их уже всецело подчинила экономика. Он есть не что иное, как экономика, развивающаяся ради самой себя. Он представляет собой верное отражение производства вещей и неверную объективацию производителей» [1, с. 26].

Вводя понятие «Спектакль», он описывает с помощью его не совокупность изображений реальности и социальных процессов, но общественное отношение, опосредованное образами. Это универсальная идеология современности, тотальная власть, которая подчинила себе не только экономику и политику, но и самое сокровенное – воображение человека.

Для понимания того, как спектакль управляет нашим воображением, необходимо определить его ключевые категории. Дебор выстраивает историческую диалектику развития социально-экономического отчуждения, вслед за Карлом Марксом и Дьердем Лукачем. Классический капитализм эпохи индустриализации отчуждал работника от продукта его труда, сводя его бытие к функции («рабочая сила»). Общество, уже основанное на экономике обладания (товарами, статусом), трансформируется в общество демонстрации доступности и массовости.

Дебор выделяет две формальной модальности общества спектакля, которые впоследствии неизбежно сводимы в интегрированную модель.

1) концентрированный спектакль. Он ассоциируется с тоталитарными режимами. Здесь один образ монополизирует право на репрезентацию всего общества. Это грубая, императивная форма, где спектакль диктует, что думать и как действовать;

2) диффузный спектакль. Он характерен для либерально-демократических обществ с рыночной экономикой. Здесь нет единого центра, но есть множество конкурирующих образов. Власть спектакля здесь более гибка и обманчива: она предлагает иллюзию выбора, но любой выбор – это всегда выбор между заранее предопределенными товарами-образами. Потребление становится главной формой участия в социальной жизни общества.

Ключевой тезис Ги Дебора можно сформулировать следующим образом: современное общество фрагментировано, атомизировано. Традиционные социальные связи разрушены или подвергаются упадку. Спектакль и возникает как ложная, компенсаторная форма единства. Он предлагает людям, которые больше не общаются напрямую, опосредованную общность через одновременный просмотр одного и того же телешоу, потребление одних и тех же новостей, желание одних и тех же товаров. Это единство негативно, так как оно пассивно и основано на разъединении; о чем невозможно говорить – о том следует молчать [2, с. 97].

Социальное воображение – способность коллектива к производству утопий, идеалов, проектов будущего, к критическому осмыслению настоящего. Спектакль систематически подавляет эту способность, подменяя ее готовыми шаблонами. Спектакль превращает активного, мыслящего субъекта в пассивного зрителя, который и наблюдает реальность вокруг него через и с помощью вещей, которые он подчинил и которым подчинился одновременно. Социальное воображение по своей природе требует участия, диалога, содействия, только так формируются активные образы. Спектакль же предлагает лишь односторонний поток образов для потребления.

Вместо того, чтобы воображать себе лучшее общество, человеку предлагается вообразить себя частью рекламного ролика о этом обществе. Активный процесс подменяется пассивной идентификацией с готовым продуктом. Спектакль живет в вечном настоящем. Он выхватывает образы из исторического контекста и использует их для своих нужд (например, использование образов революции для продажи духов). Историческое сознание, необходимое для социального воображения (понимание причинно-следственных связей, извлечение уроков из прошлого, проектирование будущего), разрушается. Время дробится на дискретные события, которые не складываются в осмысленный нарратив, а лишь бесконечно повторяют самих себя.

Спектакль поощряет не переживание события, а его документирование и представление. Социальное воображение, основанное на непосредственном опыте взаимодействия с миром и другими людьми, вытесняется перформативными практиками. Само воображение сужается до задачи производства контента, который будет соответствовать логике платформ в социальных сетях.

Телевидение стало первой технологией, которая массово и тотально внедрила логику спектакля в домашнее пространство. Новости (где сложные мировые процессы сводятся к зрелищным картинкам и драматичным историям), реклама (прямой каталог желаний спектакля), сериалы и ток-шоу (создающие иллюзию участия в дискуссии) все это работало на создание того самого «негативного единства». Зритель, сидящий у экрана, чувствовал себя причастным к «общественному мнению», которое на самом деле ему же и диктовалось. Зрительное чувство глубоко переплелось с воображаемыми и виртуальными путешествиями, с существованием на экране [3, с. 153].

Если телевидение было репетицией, то социальные сети – это во многом полноценная реализация общества спектакля. Дебор уже в «Комментариях к Обществу спектакля» предсказал появление интегрированного спектакля, который сочетает в себе черты концентрированного и диффузного. Мы сами производим образы себя, сами участвуем в создании спектакля. Это снимает последние барьеры критики, – ведь сложно критиковать систему, соучастником которой ты являешься. Медийные платформы берут на себя функцию концентрированного спектакля. Алгоритм становится проводником, который решает, какие образы, нарративы и идеи будут показаны, а какие нет.

Любая попытка освобождения социального воображения от зацикленных друг на друге нарративов немедленно сводится к количеству лайков, репостов, к вовлеченности. Глубина подменяется апокрифичностью. Спектакль не просто отражает социальное, но он активно его конструирует, и чем более сокрыта в своей основе его конструкция, тем сильнее он мимикрирует под подлинные образы, глубоко осмысленные и несущие в себе фундаментальное основание общественных отношений.

Спектакль не оставляет пространство незаселенным образами. Даже области, ранее считавшиеся неподвластными продажам, рыночным отношениям, превращаются в поля для репрезентации и извлечения прибыли, продавая елейные модуляции, убеждая потребителя этих телеснов в подлинности проживаемых чувств и мыслей. Критическое социальное воображение, желающее выйти за рамки системы, обнаруживает, что сама возможность мыслить вне спектакля поставлена под сомнение.

Теория Ги Дебора постулирует тоталитарную и пессимистичную картину реальности, в которой нет места человеку, его мечтам и желаниям. Обращая внимание на то, как мы дорожим тем, что нам подлинно не принадлежит, ситуационисты предлагали стратегию отклонения, то есть использования образов спектакля против него самого, извращение их первоначального смысла для создания критического высказывания.

Другой тактикой было «конструирование ситуаций», или создание витальных, живых, аутентичных моментов непосредственного переживания и общения, которые разрывают ткань спектакля, возвращая логику.

Важнейшей становится защита сферы непосредственного. Общество спектакля не описывает фатализм неизбежной судьбы, но прежде всего призывает к критической ясности. Понимая, как механизмы визуальной и медийной репрезентации захватывают наше воображение, мы получаем первый и самый важный инструмент для

сопротивления. Задача современного человека – не просто потреблять образы, а заново научиться создавать их самостоятельно, коллективно и осмысленно, вернув себе право на подлинное воображение, способное проектировать иное будущее.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – Москва: Издательство «Логос 1999». – 224 с.
2. Витгенштейн, Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн. – Москва: АСТ, 2019. – 384 с.
3. Урри, Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Д. Урри. – Москва: Изд. дом Высшей школа экономики, 2012. – 336 с.

УДК 316.7

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РАБОТНИКОВ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Галич Л. П.
старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Актуальность проблематики профессионального развития работников в условиях формирования экономики знаний и глобализации конкурентной среды приобретает первостепенное значение. В современном мире именно человеческий капитал становится ключевым стратегическим ресурсом и основным фактором устойчивого конкурентного преимущества любой организации. Профессиональное развитие, понимаемое как непрерывный процесс целенаправленного формирования и совершенствования системы профессиональных знаний, компетенций и личностных качеств работника, обеспечивает не только его служебно-профессиональный рост, но и прямо детерминирует инновационный потенциал и адаптационные возможности предприятия в целом.

В Республике Беларусь государственные предприятия и организации обеспечивают подготовку, повышение квалификации, переподготовку и стажировку работников на основании статьи 55 Трудового кодекса Республики Беларусь [1]. При этом установлено, что наниматель обеспечивает профессиональную подготовку, повышение квалификации, стажировку и переподготовку работников в случаях и порядке, предусмотренных законодательством, коллективным договором, соглашением, трудовым договором. Кроме того, наниматель обязан обеспечивать профессиональную подготовку, повышение квалификации, переподготовку и стажировку работников в соответствии с законодательством, а также создавать им необходимые условия для совмещения работы с получением образования в соответствии с Трудовым кодексом Республики Беларусь.

В современных условиях в различных организациях поступательно формируется особый подход и практики профессионального роста работников, учитывающие мировые тенденции. Основными принципами обучения становятся следующие:

- многоуровневость обучения;
- опережающая профессиональная подготовка;

• поощрение и стимулирование специалистов, повышающих уровень своих профессиональных знаний и квалификации;

• значимость изучения отечественного и зарубежного опыта;

• совершенствование языковой подготовки;

• овладение современными информационными технологиями;

• укрепление и развитие собственной учебной базы (корпоративного обучения).

Акцент в развитии работников постепенно переносится на индивидуальный уровень обеспечения поступательного роста профессиональных знаний, навыков и умений сотрудников. Планирование индивидуального развития рассматривается в качестве необходимого элемента регулирования служебного продвижения и материального стимулирования работников. Особое внимание уделяется перспективным специалистам, которым рекомендуется повышать или приобретать квалификацию с учетом возможного перехода на работу в другие структурные подразделения (внутренняя и внешняя ротация).

Современная система обучения и развития персонала обращена на решение двух задач:

• удовлетворение потребности организации в инновационной, развивающей деятельности, которая достигается высококвалифицированным персоналом;

• снятие несоответствия между требуемыми профессиональными знаниями и теми, которыми располагают сотрудники.

В отдельных организациях для руководителей и специалистов предлагается широкий выбор программ, различных по содержанию, формам и времени обучения, глубине погружения в материал:

• тренинги;

• семинары;

• курсы повышения квалификации;

• получение последующего высшего образования;

• переподготовка;

• подготовка кадров высшей научной квалификации (аспирантура, докторантура) [2].

Что касается программ обучения, в последнее время организации ориентируются на следующие типы:

1. Адаптационные (связанные с введением в должность молодых сотрудников).

2. Профессиональные (в том числе выполняющие задачу ликвидации «зазора» между требованиями к необходимому и имеющемуся уровню знаний сотрудников).

3. Оперативные (предполагающие освоение новых технологий).

4. Программы, направленные на развитие управленческих навыков (для руководителей и лиц, состоящих в резерве).

Особое внимание обращается на необходимость как дифференцированного подхода к профессиональному обучению персонала, на основе которого выделяют:

• самообразование как форму индивидуального развития работника, содействующая расширению его возможностей в профессиональном самосовершенствовании. Оно направлено на самостоятельное изучение вопросов в рамках выполняемых служебных обязанностей, профессиональной компетенции;

• внутриорганизационное (корпоративное) обучение – организуется в структурных подразделениях организации для комплексного изучения прогрессивных технологий, решения конкретных задач и возникающих проблемных ситуаций;

• краткосрочное обучение – направлено на развитие навыков и умений работников, включает учебные мероприятия и проводится в учебных центрах организаций, высших учебных заведениях, иных учреждениях, учебных центрах Республики Беларусь;

• повышение квалификации, стажировка и переподготовка – проводятся в соответствии с нормативными локальными актами, регламентирующими порядок осуществления повышения квалификации, стажировки и переподготовки работников [3, 4].

Отдельного внимания заслуживает технология изучения потребности в обучении работников. Технология включает установление качественных (чему учить, какие навыки развивать) и количественных параметров (какое число работников разных категорий нуждается в обучении). Данные параметры определяются на основе:

оценки информации о работниках (стаж, опыт работы, базовое образование, опыт участия в программах обучения или повышения квалификации и др.);

оценки результатов деятельности работников;

анализа планов организации по профессиональной подготовке работников;

сбора и анализа запросов от работников, с обоснованием необходимости того или иного вида заявок на обучение персонала от руководителей подразделений;

выявления факторов, оказывающих влияние на профессиональную деятельность работников (изменение стандартов или внедрение в работу новых технологий и др.) [5].

В организациях различных сфер применяются разнообразные методы обучения работников:

традиционные методы обучения включают лекции, семинары, учебные кино- и видеофильмы;

активные методы обучения – тренинги, компьютерное обучение, групповые обсуждения, деловые и ролевые игры, ролевое моделирование, разбор практических ситуаций, баскет-метод (позволяющий сформировать навыки работы с информацией, принятия решений, расстановки приоритетов и управления временем);

методы обучения на рабочем месте, которое осуществляется в процессе выполнения профессиональной деятельности – наставничество, внутренние стажировки, рабочая ротация [5].

Анализ сложившейся в Республике Беларусь практики свидетельствует о поступательном формировании зрелой системы профессионального роста, базирующейся на принципах многоуровневости, опережающей подготовки, дифференцированного и индивидуального подхода. Как показано на примере ОАО «Белагропромбанк», прогрессивные организации успешно интегрируют традиционные формы обучения (курсы, семинары) с инновационными методами, такими как дистанционное обучение, тренинги soft skills, баскет-метод и комплексные программы управления талантами. Ключевым трендом становится смещение акцента с простого устранения квалификационных разрывов в сторону опережающего формирования компетенций будущего и управления карьерными траекториями, что ярко демонстрирует высокая эффективность банковского курса по менеджменту.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что профессиональное развитие работников представляет собой сложный, многогранный и динамичный процесс, выступающий системообразующим элементом стратегического управления человеческими ресурсами. В современных экономических условиях его эффективная организация является не вспомогательной функцией кадровой службы, а императивом, определяющим конкурентоспособность и жизнеспособность организации.

Перспективы дальнейшего совершенствования систем профессионального развития лежат в плоскости их глубокой цифровизации и персонализации. Внедрение инструментальной системы компьютеризированного тестирования, средств психодиагностики, методов регулярного мониторинга работоспособности и создание служб психологического сопровождения позволят перейти от эпизодического обучения к созданию непрерывной экосистемы развития персонала. Это, в свою очередь, будет способствовать не только росту профессионального мастерства, но и укреплению психологической устойчивости работников, профилактике эмоционального выгорания и, как следствие, формированию высокоэффективного и лояльного кадрового потенциала, способного адекватно реагировать на вызовы глобальной экономической среды. Таким образом, инвестиции в профессиональное развитие являются наиболее стратегически значимыми инвестициями в будущее организации, обеспечивающими ее долгосрочную устойчивость и динамичное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Трудовой кодекс Республики Беларусь: 26 июля 1999 г. № 296-З: принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : с изм. от 29 июня 2023 г. № 273-З : по состоянию на 1 янв. 2025 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.04.2025).

2. Коробова, Е.Н. Исследования системы развития персонала в организациях Республики Беларусь / Е.Н. Коробова, Е.С. Гончарова // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2018. – № 1 (34). – С. 156–163.

3. Об утверждении Основных направлений повышения институциональной эффективности Национального банка на 2025 год: постановление Правления Нац. банка Респ. Беларусь от 16 янв. 2025 г. // Национальный Банк Респ. Беларусь. – URL: https://www.nbrb.by/today/pp_10_2025.pdf. (дата обращения: 11.05.2025).

4. Литвиненко, Л. Обучение как важный фактор управления персоналом / Л. Литвиненко // Банковский вестник. – 2011. – №22/531. – С. 50–55.

УДК 61:316

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Гапанович-Кайдалов Н. В.
доцент,
Гомельский государственный медицинский университет,
кандидат психологических наук, доцент
г. Гомель, Беларусь

Традиционно содержание профессиональной подготовки медицинских работников включает значительный естественно-научный компонент (биология, анатомия, физиология и др.). Согласно ОСВО 7-07-0911-01-2023 специальности 7-07-0911-01 «Лечебное дело» будущий врач должен обладать такими основными базовыми профессиональными компетенциями, как: решать задачи по молекулярной биологии, общей и медицинской генетике; использовать знания о современных химических и физико-химических методах анализа биологических жидкостей, растворов лекарственных веществ и биополимеров и др. Вместе с тем образовательный стандарт подразумевает приобретение специалистом углубленных профессиональных

компетенций: использование психолого-педагогических знаний о целях и видах коммуникаций, организации коммуникативного процесса в здравоохранении, применение методов эффективной коммуникации при разрешении конфликтных ситуаций в медицине и др. [1]. Таким образом, роль социального знания в медицинском образовании является существенной.

Дискуссия о естественно-научном или социальном характере медицины имеет давнюю историю. Как отмечает Д. Армстронг, «идея рационализации, примененная к современной медицине, позволяет увидеть, как стремление к эффективности, стандартизации и измеримости приводит к дегуманизации лечебного процесса и отчуждению врачей и пациентов. Протоколы лечения, основанные на доказательной медицине, хотя и направлены на улучшение качества помощи, могут игнорировать индивидуальные потребности и контекст» [2].

Социальное знание в структуре медицинского образования обеспечивает формирование необходимых компетенций взаимодействия с пациентами и коллегами в современных условиях информационного общества.

Социальное знание рассматривается как «распределенная форма познания», возникающая в результате взаимодействия между индивидами и окружающей их социальной средой. Оно формируется в ходе совместной деятельности и обмена информацией [3].

На наш взгляд, можно выделить следующие компоненты социального знания медицинского работника: социокультурный аспект (как разные культуры воспринимают болезни, здоровье, лечение и роль медицинских работников; работа с пациентами, подвергающимися стигматизации и дискриминации), социально-экономический аспект (социальная справедливость и доступ к медицинской помощи, социальная поддержка пациентов и лиц с ограниченными возможностями), психологический аспект (психосоциальные аспекты болезни, болезненное поведение, качество жизни пациента).

Особенно важным для системы образования представляется тот факт, что социальное знание выступает основой и необходимым условием профессионального и личностного становления молодого специалиста.

Социальное знание способствует пониманию врачом человеческих взаимоотношений (социальных ситуаций), распознаванию и правильной интерпретации эмоций пациентов, их родственников и других людей. Социальное знание как основа социального и эмоционального интеллекта помогает предсказывать поведение окружающих и эффективно взаимодействовать в обществе. Оно включает знание социальных норм, правил и социальных ролей, умение интерпретировать невербальные сигналы, паралингвистические особенности речи и т.п. [4].

В такой интерпретации социальное знание для медицинского работника может рассматриваться как компонент биомедицинской этики, поскольку она изучает моральные проблемы и этические дилеммы, возникающие в контексте медицины, биологии и смежных наук. Современная биомедицинская этика все больше внимания уделяет социальной справедливости, инклюзивности и необходимости учитывать культурные и контекстуальные факторы при принятии этических решений [5].

В рамках изучения дисциплины «Биомедицинская этика» студентами 1 курса медицинского университета основной целью является приобретение будущими врачами социального знания через разбор проблемных ситуаций, предполагающих моральный выбор врача при оказании медицинской помощи: пациент отказывается от

экстренной госпитализации; пациент проявляет апатию – не выполняет рекомендации, не верит в эффективность необходимого лечения; пациенту назначена необходимая «опасная» и «болезненная» процедура с его точки зрения и др. Кроме того, большое внимание уделяется профилактике и разрешению конфликтов в общении врача с коллегами, администрацией медицинского учреждения, пациентами и их родственниками.

В нашем исследовании было опрошено 134 студента Гомельского государственного медицинского университета в возрасте от 19 лет 21 года. Им было предложено оценить методики «Самооценка развития ключевых компетенций» [6] сформированность у них таких социальных навыков как критическое мышление, креативность, коммуникативность, координация деятельности.

В результате проведённого исследования установлно, что значительная часть опрошенных (72,4%) продемонстрировали средний уровень критического мышления. Более четверти опрошенных (26,1%) имеют низкий уровень креативности и коммуникативности. Примерно столько же респондентов (23,9%) имеют низкие значения по показателю «Координация деятельности».

Таким образом, можно констатировать, что социальное знание играет ключевую роль в подготовке медицинских работников. Социальное знание, приобретаемое студентами, в частности, в рамках изучения дисциплины «Биомедицинская этика», будет способствовать повышению эффективности их будущей профессиональной деятельности – улучшению результатов лечения, сокращению неравенства и преодолению социальной несправедливости в здравоохранении, повышению уровня удовлетворенности пациентов, снижению риска врачебных ошибок, защите прав как пациентов, так и врачей, и в целом улучшению общественного здоровья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образовательный стандарт. Высшее образование. Первая ступень. Специальность 7-07-0911-01 «Лечебное дело». Квалификация «Врач» // Постановление Мин-ва здравоохранения Республики Беларусь от 1 сентября 2023 г. № 302/127 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.01.2025).

2. Armstrong, D. (1995). The rise of surveillance medicine. / D. Armstrong // Sociology of Health & Illness. – 1995. – №17(3). – P. 393-404.

3. Hutchins, E. Cognition in the Wild / E. Hutchins. – MIT press, 2015. – 402 p.

4. Kihlstrom, J.F. Social intelligence / J.F Kihlstrom, N. Cantor // Cambridge handbook of intelligence. – Cambridge University Press, 2017. – Pp. 317-336.

5. Kluge, E.-H.W. Contemporary Biomedical Ethics / E.-H.W. Kluge. – World Scientific Publishing, 2024.

6. Самооценка развития ключевых компетенций (в рамках программы развития компетенций для студентов и выпускников ВУЗов) // ЛОФТ Невского района. – URL: http://loft.imc-nev.ru/file/тест_v2.pdf (дата обращения: 14.01.2025).

УДК 316.4

ВАЖНОСТЬ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОДХОДОВ ПО ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ СО СРЕДНИМ СПЕЦИАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Гаптарь В. М.
заместитель начальника управления образования и социально-культурной сферы,
начальник отдела образования и спорта,
Аппарат Совета Министров Республики Беларусь
кандидат социологических наук,
докторант Академии управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Сокращение в настоящее время количества работников на рынке труда повышает значимость выпускников со средним специальным образованием как основной части трудоспособного населения. Выпускники учреждений среднего специального образования составляют значительную часть на рынке труда, обеспечивая квалифицированную рабочую силу для различных отраслей экономики, таких как машиностроение, металлургия, энергетика, транспорт, сфера услуг и социальная сфера, а также являются опорой технологического и экономического роста страны [1–2].

Отметим основные моменты важности дальнейшего совершенствования подходов по подготовке кадров на уровне среднего специального образования.

1. Быстрый выход на рынок труда благодаря сжатым срокам обучения и практикоориентированным программам позволяет молодым специалистам начать профессиональную деятельность и накапливать опыт. Переход выпускников колледжей в трудовую деятельность стабилизирует рынок труда, способствует его устойчивости и удовлетворению спроса на квалифицированные кадры.

2. Практическая направленность образования, ориентированная на реальное применение знаний и навыков в условиях производства и сферы услуг, повышает конкурентоспособность выпускников, обеспечивает подготовку молодых специалистов с современными навыками и квалификацией, необходимыми для работы на современном высокотехнологичном оборудовании и в условиях динамично меняющейся экономики.

3. Возможность дальнейшего образования и профессионального роста, например, через сокращенные программы в вузах, способствует постоянному повышению квалификации.

4. Несмотря на значимость такой подготовки, существует недостаток выпускников по некоторым востребованным техническим профессиям, а также сложности у молодых специалистов с опытом и полным соответствием требованиям работодателей. Также в настоящее время наблюдается перекос в сторону получения высшего образования, что ведет к дефициту специалистов среднего звена и рабочих профессий.

Для совершенствования подходов к подготовке кадров со средним специальным образованием предлагается комплекс мер, направленных на повышение качества и эффективности обучения с учетом специфики профессиональной деятельности.

Выделим ключевые направления совершенствования.

Компетентностный и практикоориентированный подход. В обучении акцент должен делаться на формирование профессиональных компетенций через сочетание теоретических знаний и практических навыков. Студенты должны проходить целевые практики и стажировки в тех учреждениях и предприятиях, в которые в последующем

планируется их распределение, что будет способствовать развитию их готовности к реальной работе.

Использование системного подхода, учитывающего междисциплинарность образования. Включение в учебные программы дисциплин, развивающих профессиональные навыки, необходимые в будущей профессии.

Адаптация передового международного опыта подготовки работников по конкретным специальностям с учетом региональных и национальных особенностей. Подготовка специалистов в обязательном порядке должна обеспечивать релевантность обучения к требованиям работодателей.

Внедрение модульных образовательных технологий и студентоориентированных форм обучения. Образовательный процесс должен обладать гибкостью, развивать самостоятельность обучающихся, обеспечивать преемственность между уровнями образования – средним специальным, высшим и дополнительным образованием взрослых для поддержки непрерывного профессионального развития специалистов.

Необходимо обеспечить интеграцию программ среднего специального образования в целях снижения избыточности повторения материалов. Сокращенные программы лучше соответствуют тенденциям рынка труда и требованиям работодателей, а также улучшают адаптацию студентов, обеспечивают реализацию концепции «образование через всю жизнь». Ускоренное получение первого квалификационного уровня позволяет быстрее переходить к следующему этапу профессионального развития. Вместе с тем, реализация указанных подходов требует обновления методик и технологий обучения, а также пересмотра учебных программ и интеграции образовательных уровней.

Также, по нашему мнению, повышение престижа среднего специального образования не может быть обеспечено без понятной для молодых специалистов перспективы по трудоустройству после окончания учреждения образования. При этом полагаем, что должна быть выстроена система ступенчатого движения специалистов, обеспечивающая устойчивую систему карьерного роста. При этом в настоящее время имеется ряд препятствий, не позволяющих обеспечивать реализацию такой системы, ввиду наличия нормативных ограничений. К примеру, возможность трудоустройства на государственную службу специалиста со средним специальным образованием является исключением, в общеустановленном порядке трудоустройство специалистов на такие должности со средним специальным образованием невозможно. Более того, как показывает опыт, специалисты, прошедшие свой трудовой опыт с низкого уровня, являются в последующим весьма квалифицированными и способными эффективно решать разноплановые задачи.

Таким образом, среднее специальное образование – это эффективный механизм подготовки кадров, который играет важную роль в обеспечении технологического суверенитета и экономического развития страны, удовлетворяя потребности современных предприятий и общества в целом. Подготовка кадров на уровне среднего специального образования оказывает значительное влияние на рынок труда, являясь основным источником квалифицированных рабочих и специалистов. Совершенствование подходов к подготовке кадров со средним специальным образованием должно быть направлено на усиление практической направленности, междисциплинарности и соответствия профессии современным вызовам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Голубовский, В.Н. Система управления качеством профессионального образования Республики Беларусь: стратегия совершенствования / В.Н. Голубовский // Образование и наука. – 2023. – Т. 25. – № 10. – С. 76–108.

2. Даминова, Ю.С. Сущность совершенствования системы профессионального образования специалистов легкой промышленности / Ю.С. Даминова // Исследования ВКР – в практику профессиональной жизни : сб. материалов III Межд. науч.-прак. межвузовской конференции, Москва, 31 октября 2022 года. Том Часть 2. – Москва: Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2023. – С. 206–209.

УДК [316.334.3 : [324+321] +316.644] (476)

СУВЕРЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЫБОР СУБЪЕКТОВ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Глушакова Е. А.
младший научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Политическая безопасность, согласно Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, представляет собой «состояние защищенности политической системы Республики Беларусь от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее реализацию независимой государственной политики, гармоничное развитие общества и государства, сохранение традиционных основополагающих ценностей белорусского народа, соблюдение конституционных прав и свобод личности» [1]. К субъектам, образующим систему обеспечения национальной безопасности принято относить государственные органы и организации, субъекты гражданского общества, граждан, реализующих свои права и обязанности в сфере обеспечения национальной безопасности в соответствии с законодательством [1]. Мы считаем, что политическая безопасность есть сложное комплексное состояние, которое может быть обеспечено только посредством грамотно выстроенной и проводимой независимой внутренней и внешней политики страны. Обратим внимание на факт, согласно которому одним из составных компонентов политической безопасности является реализация «независимой государственной политики», что предполагает управленческий (элитарный) корпус, который является проводником суверенного политического выбора.

Политический выбор как политологический конструкт есть ситуация определения политической ориентации в процессе выбора или генерирования альтернатив, который базируется на сети факторов влияния, фундированных индивидуальным и коллективным сознательным и бессознательным. Суверенный политический выбор представляет собой тот же конструкт, однако, предполагает более высокий уровень концентрации волевых установок субъекта, принимающего решения, что предполагает следование установленным национальным интересам и приоритетам, национальной системе законодательства. Необходимым качеством суверенного политического выбора является выявление и аккумулирование запросов населения, ориентация на решение проблем наиболее релевантным и эффективным способом.

В ситуации, когда граждане транслируют свои интересы через законодательные инициативы, общественные обсуждения, выборы, референдумы, их целью становится попытка донесения своего политического выбора (предпочтения) до лиц, принимающих решения в системе органов государственной власти, что становится свойством фундирования независимых от внешнего давления политических решений. В свою очередь, целевая установка субъектов принятия решений определяется нами как аккумулирование гражданского политического выбора (в том числе через каналы обратной связи), что позволяет в дальнейшем сохранять гражданское согласие и легитимность политической элиты. Описанная выше ситуация предполагает развитую демократическую систему, функционирующую на основании имплицитных установок, т.е. система запускается и работает за счет внутренних запросов и моделей управления. Такая направленность действий высших должностных лиц, административного аппарата, местных чиновник формируется после завершения этапа «государственного строительства», если данный этап не окончен, находится в состоянии кризиса, пересмотра или трансформации, то суверенный политический выбор субъектов принятия решений, в первую очередь, направлен на поиск модели государственного устройства и определения базовых норм взаимодействия.

Политический выбор как воля субъекта политики, выраженная в соответствующем документе, нацелена на принятие эффективных и результативных политико-управленческих решений. Эффективность принятого политико-управленческого решения определяется, в том числе, независимостью от внешнего вмешательства (давления). Внешнее давление можно определять как внешнее внутрисистемное давление, а также как внешнее внесистемное давление. Ко внешнему внутрисистемному давлению относится, например, лоббизм; а внешнее внесистемное давление будет определяться через «насаждение политической воли»

Процесс выбора решения представляется как определение целей, критериев, приоритетов и ограничений решения; генерализация множества альтернатив; оценка альтернативных вариантов; отбор альтернатив и выбор итогового варианта. Формирование решений является творческим процессом, требующим анализа и синтеза всех предшествующих элементов принятия решений: проблемной ситуации, располагаемого времени и ресурсов, целей и ограничений. Разработка альтернативных вариантов решения исходит из поиска различных способов достижения целей и способов разрешения поставленной проблемы. Следовательно, политический выбор, формирующий основу принятого решения (через процесс формализации), не должен осуществляться исходя из интересов иностранных агентов влияния, цель которых – переориентация государственного курса конкретной страны с внутренних реальных проблем на несуществующие проблемы, или переориентация на решение внутренних реальных проблем выгодным для иностранного агента влияния способом.

Политический выбор субъектов принятия решений есть результат функционирования группы факторов: внутренних и внешних. К группе внутренних факторов относятся биосоциальные характеристики, политическая социализация, политический опыт, идеологические убеждения; к группе внешних факторам мы относим институциональные и законодательные рамки, систему сдержек и противовесов. Политический выбор субъектов принятия решений представляет собой интегральную модель обоснования принятых политических решений, в рамках которой результирующая сила колеблется в трехфакторной системе: национальная политическая система, личные установки и опыт, социальный запрос и требования.

Такая модель дает четкое понимание того, что внешнему давлению, снижающему суверенность (независимость) политического выбора, нет места в выведенной модели.

Для того, чтобы политический выбор определялся как суверенный необходимо четко следовать следующим установкам:

• четкое соблюдение ратифицированных международных договоров и норм национального законодательства;

• коммуникация с гражданским обществом;

• поиск, выбор и принятие решений, соответствующих национальным интересам;

• противостояние потенциальному внешнему внесистемному давлению.

Суверенный политический выбор субъектов принятия политических решений представляется нам необходимым условием обеспечения политической, а, в конечном счете, и национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Республики Беларусь от 24 января 2014 года № 49 // Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0 =P31000575 (дата обращения: 25.08.2025).

УДК 334.028

РОЛЬ ЖЕНЩИН В УПРАВЛЕНИИ И ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ: МИРОВОЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Голякович Ю. О.
заместитель декана по идеологической и воспитательной работе,
Полесский государственный университет
г. Пинск, Беларусь

Роль женщин в управлении и принятии решений является одной из ключевых тем в современных гендерных исследованиях. В последние десятилетия наблюдается повышение внимания к вопросам гендерного равенства в политике, бизнесе и общественной жизни. Однако, несмотря на значительные успехи, женщины всё ещё сталкиваются с барьерами, препятствующими их полноправному участию в управлении.

Мировой опыт демонстрирует, что прогресс в увеличении представительства женщин в управлении происходит неравномерно. Лидерами в этой области являются страны Северной Европы, такие как Норвегия, Швеция и Финляндия, где внедрение квот и законодательных мер способствовало существенному увеличению доли женщин в парламентах и советах директоров компаний. Например, в Норвегии с 2003 года действует закон, согласно которому не менее 40% членов советов директоров публичных компаний должны быть женщинами. Эти меры не только повысили представительство женщин на руководящих должностях, но и улучшили корпоративную культуру и эффективность управления [1].

Однако в других регионах мира ситуация остается менее оптимистичной. В странах Азии, Африки и Латинской Америки женщины продолжают сталкиваться с культурными, социальными и экономическими барьерами. В Японии и Южной Корее доля женщин в советах директоров компаний составляет менее 10%, что связано с традиционными представлениями о гендерных ролях и отсутствием поддержки со

стороны государства. В Африке к югу от Сахары, несмотря на значительный прогресс, обусловленный внедрением квот, женщины всё ещё сталкиваются с ограниченным доступом к образованию и карьерным возможностям [1].

В России и Беларуси ситуация также характеризуется определёнными достижениями и вызовами. В России доля женщин в советах директоров постепенно увеличивается, но остаётся на уровне 10–15%, что ниже среднего показателя по Европе. В Беларуси государственная политика в области гендерного равенства способствовала увеличению доли женщин в управлении до 20–25%. Однако на постсоветском пространстве наблюдаются разнонаправленные тенденции: например, в Туркменистане число женщин-депутатов увеличилось на 0,8%, а в Казахстане этот показатель сократился на 8,7% (таблица 1).

Таблица 1. Представительство женщин в управлении по регионам

Регион	**Доля женщин в советах директоров (%)**	**Примечания**
Северная Европа	>40	Квоты, поддерживающие гендерное равенство
Северная Америка	25-30	Добровольные инициативы компаний
Азия	<10	Культурные и социальные барьеры
Африка	15-20	Усиление государственной поддержки
Российская Федерация	10-15	Постепенное увеличение доли женщин в руководстве
Республика Беларусь	20-25	Государственные программы поддержки гендерного равенства

Источник: [разработка автора на основе [1]].

Современные тенденции свидетельствуют о растущем признании важности гендерного разнообразия в составе руководящих органов. Исследования подтверждают, что компании с более высоким уровнем представительства женщин демонстрируют лучшие финансовые результаты, инновационность и устойчивость. Женщины привносят в управление иной взгляд на проблемы, что способствует более взвешенным и эффективным решениям. Развитие образовательных и наставнических программ для женщин становится важным инструментом их подготовки к руководящим должностям. Международные организации, такие как ООН и Всемирный экономический форум, активно поддерживают инициативы, направленные на вовлечение женщин в управление и борьбу с гендерной дискриминацией [2, с. 165].

Законодательные и политические меры играют ключевую роль в обеспечении гендерного равенства. Введение квот на женское представительство, антидискриминационные законы и программы поддержки женщин в бизнесе и политике являются эффективными инструментами для преодоления барьеров.

Однако современные вызовы, такие как культурные и социальные препятствия, продолжают замедлять прогресс в достижении гендерного равенства. Стереотипы о ролях мужчин и женщин, неравные возможности в образовании и карьере создают неравные условия для женщин. Кроме того, недостаточное участие женщин в политике и управлении бизнесом влияет на принятие решений, включая те, которые касаются гендерного равенства.

Продолжая испытывать воздействие различных форм дискриминации, женщины столкнулись с новыми вызовами в сфере социальной, экономической, экологической и личной безопасности. В последние десятилетия для них возрос риск «одиночного родительства», зависимости от государственной помощи, необходимости ухода за

престарелыми родственниками и временной занятости. Женщины сталкиваются с меньшей социальной защищенностью, риском снижения надежности доходов и одиночеством малообеспеченной старости.

В странах СНГ женщины поставлены перед необходимостью адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Осуществляемые преобразования открывают новые возможности для ускорения интеграции женщин в сферу экономики, политики и культуры, но могут послужить источником обострения конфликта между основными ролями женщины: матери, домохозяйки, профессионального работника и свободно развитой личности [3].

Таким образом, активизация роли женщин в управлении является не только социальной необходимостью, но и важным шагом на пути к устойчивому и процветающему обществу. Будущее управления лежит в создании инклюзивной среды, де женщины и мужчины имеют равные возможности для реализации своего потенциала.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Организация Объединенных Наций. – URL: https://news.un.org/ru/story/2024/03/1450087 (дата обращения: 08.09.2025).

2. Ермакова, Е.В. Государственное регулирование профессиональной и предпринимательской деятельности женщин / Е.В. Ермакова // Новая экономика. – 2020. – № 1. – С. 163–168.

3. Волина, Л.Г. Гендерная политика в Республике Беларусь: процессы и механизмы реализации : автореф. дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Л.Г. Волина ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 24 с.

УДК 355

ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЯХ»

Гончаров А. Б.
начальник кафедры,
Военная академия Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

«Нетрадиционная война», «повстанческая война», «мятежевойна», операции по «принуждению к миру», «сетецентрическая» война, «гибридная война», «системно-сетевая война», «информационная война», «война в сфере смыслов», «ментальная война»: эти и иные многочисленные термины описывают сегодня современную войну. При этом необходимо отметить, что, несмотря на столь пеструю палитру новых понятий, важнейшим компонентом в современной войне является скрытое влияние на политические процессы в государстве. Зачастую речь идет о попытках применения политических технологий для дестабилизации обстановки. Агрессивная политическая деятельность с использованием политических технологий может быть обоснована тем, что «стремлением наиболее деструктивных сил на планете выйти из глобального кризиса, обусловленного объективными глобальными противоречиями и диспропорциями, начиная от противоречия между ростом производства и потребления (с одной стороны) и имеющимися ресурсами, необходимыми для развития, возможностями экосистемы Земли» [1].

К концу 80-х годов XX века в политической практике США и их союзников была выработана достаточно эффективная технология целенаправленной дестабилизации и смены власти в самых разных странах. За последние 30 лет эта технология доведена до высокой степени надежности и применялась на территории постсоветского пространства (Грузия, Украина, Киргизия), а также в государствах Северной Африки (Алжир, Тунис, Египет). Попытки дестабилизации обстановки на основе подобных же сценариев предпринимались и в Беларуси, особо активно в период выборов 2020 года.

Понимание природы и механизма политических технологий является важнейшим условием для противодействия подобных действиям и обеспечения национальной безопасности государства.

Как таковые «политические технологии представляют собой совокупность последовательно применяемых процедур, приемов, и способов деятельности, направленных на наиболее оптимальную и эффективную реализацию целей и задач субъекта политической деятельности» [2, с. 314].

Вместе с тем, применительно к разрушению несиловых оснований государственности под ними следует понимать как описание и классификацию содержательных элементов смены власти путем неклассических, иррегулярных войн конца прошлого – начала нового веков.

Под методологией дестабилизации социума следует понимать совокупность взглядов и учений о структуре, организации, методах и средствах деятельности деструктивных сил по дестабилизации обстановки в обществе в конкретных пространственно-временных параметрах.

Методологическую основу, необходимую для понимания природы политических технологий, в первую очередь мы находим в трудах зарубежных исследователей. Это в большей степени объяснимо тем, что успех цветных революций, с одной стороны, породил определенную исследовательскую эйфорию на Западе, манифестацией которой могут служить труды Дж. Шарпа, Э. Люттвака [3, 4]. С другой стороны – стремление обеспечить свою гегемониальную позицию в мире, заставляет искать новые форму управления.

Имеется достаточно работ и отечественных исследователей, в частности С.Г. Кара-Мурзы, А.В. Манойло [5, 6].

В значительной степени теоретические постулаты всегда уместно дополнить историей применения технологий политической дестабилизации в практике коллективного запада. В частности, к истории Вильнюсских событий в 1991 году, разыгранных по сценариям Джина Шарпа. Итогом этих трагических событий стали гибель 13 человек, обвинение десятков офицеров Советской Армии, в том числе маршала Д.Т. Язова в военных преступлениях, уголовное дело «профессоров» и приход к власти в Литве так называемого саюдиса (народного фронта) поддержки перестройки во главе с Ландсбергисом. Важно подчеркнуть, что, как было сказано многими обозревателями, события в Литве – лишь репетиция главного спектакля, который будет разыгран в Москве в августе 1991 года.

Хорошо известно, что Джин Шарп и его институт – одно из звеньев американского пропагандистского аппарата психологической войны. И не случайно книгу Шарпа собирались издать как закрытую инструкцию. Основная мысль документа проста и понятна – нельзя устроить революцию без организации, тщательного планирования, попросту – заговора с целью экспорта «открытого общества», слома местных механизмов защиты, открытия стран перед американской экспансией.

Таким образом, современные «цветные революции», включая трагические события в конце 80-х – начале 90-х годов в СССР и на постсоветском пространстве уже в новом веке, «революцию» в Сербии, имеют много общего с технологиями применяемыми США в Латинской Америке. Но они имеют и существенные отличия.

В Европе Запад столкнулся с образованным постиндустриальным обществом, имеющим массовый доступ к информации. Кроме того, здесь не столь прочно укоренилось в массовом создании стереотипы гражданской войны. Соответственно была разработана новая тактика и технология экспорта «революции».

Имеют место следующие ее особенности.

Во-первых, экспрессивный характер действий. За счет массированного применения финансовых ресурсов удается сократить период от начала активных действий до завершения операций в течение 1,5 – 2 лет. Все этапы проходят в предельно сжатом режиме с использованием современных возможностей, прежде всего Интернет-технологий.

Во-вторых, ставка на формирование блока всех «демократических» оппозиционных партий, в результате чего власть сталкивается с мощным сопротивлением на выборах (технологии альтернативного подсчета голосов, создания альтернативных Центризбиркомов, акции типа «Площадь» и т.д.).

В-третьих, активный поиск сторонников во властных структурах, создание условий для подкупа чиновников, активное применение методов угроз использования международного суда и т.д.

В-четвертых, создание наряду с использованием сетевого маркетинга и рекламного менеджмента гигантских партий-големов, охватывающих значительное число протестного электората. Особенность этих структур: отсутствие единого руководства и идеологии, высокая степень устойчивости и возможность собрать вместе людей, имеющих абсолютно противоположные взгляды и убеждения.

При этом необходимо понимание того, что главной движущей силой всех «цветных» революций практически везде была агрессивная толпа, как правило, представляемая «революционерами», как народные массы. Это подтверждают события как в Беларуси, так и в других странах в 2010 – 2011 годах, в том числе в Тунисе, Египте. Исключением из правил в некотором смысле была война в Ливии.

И здесь необходимо развенчание мнения тех, кто считает, что «толпа не поддается контролю». Наоборот, в толпе человек опускается на несколько ступеней по лестнице цивилизации и становится доступен для элементарных манипулятивных действий. Цели, преследуемые в управлении стихийным массовым поведением, как правило, оказываются деструктивными, о чем свидетельствует опыт всех «бархатных революций».

Например, в 2011 году подобные же технологии поставили на колени в течение двух месяцев огромное государство Египет. События данного периода хорошо изложены в книге Ваэля Гонима «Революция: «2-0» [7].

Книга инженера Гугл на Ближнем Востоке повествует о революции в Египте, впервые в мировой практике, реализованной через социальные сети, в том числе с цепочками солидарности, девушками с цветочками и т.д. Книга завершается моментом наивысшего триумфа – отставкой президента Египта Мубарака. Но сегодня есть возможность узнать, что случилось после финальных титров. Протесты продолжились и были направлены уже не против мубараковского режима, а против полицейского насилия и беззакония, которые от победы революции никуда не делись. Тем более, что

«демократически избранным» президентом Египта стал кандидат от «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси. Вскоре произошел очередной военный переворот, а сам Мурси, призывавший к джихаду (священной войне), скончался в ходе очередного допроса как подозреваемый в государственной измене…

Новейшая история знает примеры изощренных провокаций, итогом которых было не просто формирование определенного общественного мнения, но и трансформация сознания людей, обусловившая значительные геополитические сдвиги.

При этом важно еще раз подчеркнуть, что «ненасильственные» сценарии смены власти в современной истории, в том числе в ходе так называемых «цветных» революций, весьма условное понятие.

Опыт всех уже совершенных подобных «революций» показал, что их ненасильственный характер является условностью. Ненасильственные действия создают общий фон и на первой стадии вызывают симпатии населения и привлекают массовых участников. Но уже на предварительном этапе подготовки революции в ней создается «жесткая» военизированная группа, которая в решающий момент должна совершить насильственные действия (с оружием или без оружия в зависимости от обстоятельств) [6].

Такой «взрыв народного гнева» не просто предусмотрен в сценарии спектакля, он в нем необходим как ритуал, как кульминация «праздника угнетенных». Вот тогда революция свершилась и политические технологии сработали.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сивков, К. Оценка реальности мировой войны, как основного инструмента выхода из глобального кризиса, и ее вероятный характер. / К. Сивков. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.km.ru/news/oczenka_realnosti_mirovoj_vojny

2. Иванов, В.Н. Патрушев, В.И. Социальные технологии: учебное пособие / В.Н. Иванов, В.И. Патрушев – 2-е издание, испр и доп _ М. : Муниципальный мир, 2004. – 488 с.

3. Шарп, Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения / Пер. с англ. Н. Козловской М. : Новое издательство, 2005. – 84 с.

4. Люттвак, Эдвард Н. Государственный переворот: практическое пособие / Эдвард Н., Люттвак; пер. с англ. Н.Н. Платошкина – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. – 326 с.

5. Кара-Мурза, С.Г. Революции на экспорт / С.Г. Кара-Мурза, А.А. Александров, М.А. Мурашкин, С.А. Телегин. – М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2006. – 528 с.

6. Манойло, А.В., Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию /А.В. Манойло. – М.: Горячая линия–Телеком, 2021. – 496 с.

7. Гоним, В. Революция 2.0 / В. Гоним; пер. с англ. Т. Даниловой. – СПб.: ИГ «Лениздат», 2012. – 325 с.

УДК 316.74

ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЕКТРОННЫХ БИБЛИОТЕК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Горбач М. И.
младший научный сотрудник, аспирант
Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Толстяк Т. А.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В условиях развития информационных технологий библиотека, традиционно выступающая важнейшим источником знаний и информации, адаптируется к трансформациям, внедряя новейшие технологии для обеспечения высокого уровня предоставления библиотечных услуг широким слоям населения с учетом потребностей современного общества. Отмечается, что «ИТ занимают в настоящее время центральное место в процессе интеллектуализации общества, развития системы образования и культуры, дополняя традиционные средства школьного и высшего образования обучающими информационными и мультимедийными технологиями» [1, с. 93]. Кроме того, стремительное возрастание числа источников, транслирующих разнообразную информацию, которая не всегда является достоверной и корректной, актуализируют необходимость верификации данных ресурсов, которые используются в различных видах деятельности. Библиотеки не только предоставляют доступ к разнообразным печатным или электронным материалам, но и выступают организациями, обеспечивающими население качественной и комплексной информацией, а также становятся площадками для проведения познавательных мероприятий, способствующих развитию различных компетенций социальных групп общества.

Одним из наглядных примеров происходящей адаптации библиотеки можно отметить развитие электронных библиотек. Так, «современные информационные технологии позволили приступить к широкомасштабному переводу накопленной человечеством информации в электронную форму и созданию принципиально новых видов информационных ресурсов, к которым относятся электронные библиотеки» [2, с. 141]. Электронные библиотеки выступают одними из значимых ресурсов для достижения образовательных, самообразовательных, а также досуговых целей в силу того, что с развитием информационных технологий в библиотечной сфере пользователю может предоставляться возможность доступа к услугам библиотек из различных городов и стран, что облегчает поиск, анализ интересующих пользователя материалов, а также позволяет экономить время и материальные ресурсы читателей.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, характеризующим основные показатели деятельности библиотек, число публичных библиотек в 2022 году составляло 2 264 единиц, в 2023 году – 2 214, в 2024 году – 2 175 [3]. Численность пользователей публичных библиотек на конец периода по территории Республики Беларусь составляла: в 2022 году –2 711,2 тыс. чел.; в 2023

году – 2 673,5 тыс. чел.; в 2024 году – 2 655,5 тыс. чел [4]. Согласно информации, представленной в СМИ, «услугами библиотек в целом по стране пользуются более 2 млн человек, в том числе в удаленном режиме около 240 тысяч» [5].

В рамках опроса, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 году[1], также были исследованы аспекты использования цифровых технологий в сфере культуры (электронных библиотек, виртуальных экскурсий и др.) в повседневной жизни респондентов. Так, выявлено, что в целом 12,2 % респондентов отмечали использование указанных электронных ресурсов. Среди них 23,7 % опрошенных в возрасте до 25 лет указали, что используют электронные ресурсы в сфере культуры в повседневной жизни. В возрастной группе 25–44 лет использование анализируемых ресурсов распространено среди 15,0 % респондентов. В меньшей степени используют указанные электронные ресурсы 8,9 % респондентов в возрастной группе 45–64 лет, а также 5,3 % респондентов в возрасте 65 лет и старше. Среди мужчин и женщин использование электронных библиотек, виртуальных экскурсий, онлайн музеев и других источников распространено в равной степени – 11,8 % и 12,5 % соответственно. Кроме того, использование электронных ресурсов в сфере культуры в повседневной жизни отмечали 12,6 % городских и 10,6 % сельских жителей. В наибольшей степени использование указанных ресурсов в сфере культуры отмечали жители г. Минска – 18,1 % респондентов.

Согласно полученным данным, цифровые технологии в сфере культуры (электронные библиотеки, виртуальные экскурсии и др.) являются более популярными среди молодых возрастных групп. Данный аспект указывает на необходимость проведение адресной информационной деятельности, направленной на повышение осведомленности населения, в значительной степени старших возрастных групп, о возможностях и преимуществах использования цифровых технологий в сфере культуры (в частности, электронных библиотек), что позволит расширить аудиторию учреждений культуры, а также разнообразить досуг населения. Актуальным представляется продолжение социологических исследований, касающихся использования населением Беларуси цифровых технологий в сфере культуры в повседневной жизни, в том числе с целью уточнения потребительских предпочтений пользователей данных услуг.

Таким образом, электронные библиотеки в современном обществе обладают значительным потенциалом использования различными социальными группами для достижения разнообразных образовательных, самообразовательных, досуговых целей благодаря своей доступности, оперативности предоставления материалов, а также экономии времени и ресурсов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Черемисинова, Л.Д. Информационные технологии / Л.Д. Черемисинова // Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. статей / редкол. : А.В. Тузиков (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск : Беларуская навука, 2020. – С. 85–93.

[1] Опрос проведен Институтом социологии НАН Беларуси в 2022 г. в рамках задания 5.04 «Комплексное исследование социальных ресурсов интеллектуализации, гуманизации и технологизации белорусского общества» ГПНИ 12 «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг. (N = 1848 чел.).

2. Григянец, Р.Б. Электронные библиотеки / Р.Б. Григянец // Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. статей / редкол. : А.В. Тузиков (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск : Беларуская навука, 2020. – С. 140–143.

3. Число организаций культуры на конец периода по типам организации культуры / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10109100001 (дата обращения: 18.09.2025).

4. Численность пользователей публичных библиотек на конец периода по территории Республики Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10109100006 (дата обращения: 18.09.2025).

5. Единая цифровая платформа для библиотек разрабатывается в Беларуси / SB.BY. – URL: https://www.sb.by/articles/vstrechaemsya-na-tsifrovoy-platforme.html (дата обращения: 18.09.2025).

УДК 001 (091)

ИСТОРИЯ, АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Григорьева Н. С.
заведующая кафедрой социологии управления,
МГУ имени М.В. Ломоносова
доктор политических наук, профессор
г. Москва, Россия

2025 г. – значимый год для теории и практики решения вопросов достижения равенства женщин и мужчин во всем мире – в сентябре исполняется 30 лет с момента принятия на четвертой Всемирной конференции по положению женщин (4–15 сентября 1995 г.) Пекинской декларации, в которой была определена приверженность мирового сообщества (пункт 8) равноправию и врожденному человеческому достоинству женщин и мужчин и другим целям и принципам, провозглашенным в Уставе ООН, Всеобщей декларации прав человека и других международных документах в области прав человека…» [1]. Россия активно поддерживала принятие этих документов и взяла на себя обязательства по их исполнению. В подготовке текста Декларации участвовали не только специальные подразделения ООН, государства-члены ООН, но и представители неправительственных организаций (НПО), представляющие, порой, различные позиции. Но благодаря процедуре принятия такого рода документов удавалось в итоге достичь согласованного решения. Являясь непосредственным участником многих ключевых событий (членом разного рода комиссий и групп по подготовке к проведению четвертой Всемирной конференции по положению женщин в 1994–1995 гг., (Братислава, Вена, 1994); неправительственного форума в 2000 г. в Нью-Йорке (Пекин +5), а также 59-й сессии Комиссии ООН по положению женщин, которая бы ла посвящена 20-летию принятия Пекинской декларации и Пекинской платформы действий (Нью-Йорк, март 2015), связанных с обоснованием и продвижением идеи гендерного равенства), могу предположить, что удалось и что не удалось сделать в этом направлении и каково современное состояние и перспективы гендерных исследований в России [2, с.111–113].

В докладе представлены три основных сюжета.

Первый сюжет связан с краткой характеристикой предпосылок и истории появления гендерных исследований в России, их связи с политикой по обеспечению равных прав женщин и мужчин и возможностей их реализации с ретроспективой на современное состояние. Особенность этого периода состоит в тесном переплетении теории и практики. Следует отметить, что политики «первой волны» новой России восприняли гендерные знания и активно их продвигали. Они были влиятельными акторами в Парламенте страны, особенно во время работы 1-й Государственной Думы (1994–1996) и 2-й Государственной Думы (1996–2000), инициировали разработку гендерного закона. Гендерная экспертиза стала частью процесса сбора информации и обсуждений в ходе подготовки законов и нормативно-правовых документов, что во многом определило основные направления гендерных исследований в России. Их условно можно разделить на две группы: социальные и академические – носителями первых стали женские НПО, носителями вторых – научные центры и лаборатории. Этот период был во многом опосредован технологией, которую называют «передачей знаний» [3, с. 96–116]. Однако время калькирования зарубежного опыта быстро завершилось, перейдя в стадию адаптации западных теорий к российскому контексту, и очень скоро –выработке самостоятельных направлений развития. И именно этот курс стал ведущим для российских исследователей.

Второй сюжет **связан** с характеристикой научных и практических достижений, выполненных за период более чем 30-летнего развития гендерных исследований в России, неразрывно связанных с социальной трансформацией общества, перестройкой общественных и экономических отношений, изменивших контекст положения и статус женщин в обществе. Российские исследователи за эти годы проделали большую работу для того, чтобы слова и словосочетания, обозначающие специальные понятия и термины, применяемые в гендерных исследованиях, были не только введены в научный язык в различных областях знания, но и стали использоваться в практической жизни. Особый интерес представляют два обзора научных работ, опубликованных в России. Первый (2003) охватывал период 1993–2003 гг. и включал 1248 публикаций, которые касались изучения распределения гендерных ролей в общественно-экономической сфере, гендерной асимметрии базовых показателей, гендерных аспектов законодательства и правоприменительной практики, а также политического представительства и участия [4]. Второй (2012 г.) охватывал период 2004-2012 гг. [5] по следующим направлениям: обеспечение гендерного равенства в законодательстве и правоприменительной практике; гендерное равенство в образовании и в доступе к системе здравоохранения, уровне здоровья и продолжительности жизни; гендерные проблемы в сфере занятости; положение женщин в политике; проблемы домашнего насилия. Была открыта межвузовская научно-исследовательская программа «Женщины России: проблемы адаптации и развития в новых социально-экономических условиях» с головной организацией – Ивановским государственным университетом, которая объединила исследовательские центры 15 высших учебных заведений России. В результате появились многочисленные программы новой учебной дисциплины и авторские учебники.

Третий сюжет связан с характеристикой основных трендов гендерных исследований последних лет – они наблюдаются в самых различных предметных областях и, соответственно, группировать их можно по разным основаниям, выделяя, например, теоретические подходы к гендерным исследованиям и методологию

гендерных исследований. Отдельно следует выделить исследования молодых ученых, которые преуспевают в изучении гендерных аспектов цифровизации и женского предпринимательства, построения карьерного пути, государственного и муниципального управления. Постоянно проводятся научные конференции, результаты которых регулярно размещает на своих страницах журнал «Женщина в российском обществе», по факту являющийся единственным журналом, на страницах которого представлен научных дискурс исследований по вопросам равных прав и возможностей мужчин и женщин по всем тематическим направлениям. Эти обзоры позволяют представить и оценить современную картину гендерных исследований в России. Вместе с тем необходимо отметить, что в н. в. парламентские структуры, влиятельные органы и комиссии; консультативные органы; НПО – значительно сократили свою активность в продвижении гендерного мейнстрима. А акцент при анализе процессов в социальной политике сместился с гендерного мейнстрима на анализ положения женщин в отдельных областях социальной сферы, как следствие, происходит «размывание» предметного поля гендерных исследований, стремление специалистов уйти от политической повестки гендерного неравенства в более нейтральные темы (семья, родительство, социальная работа и т.д.).

В заключении необходимо подчеркнуть, что гендерные исследования – междисциплинарная научная область, изучающая неравенства во всех сферах жизнедеятельности человека и общества, и в этом смысле они оказывают влияние на государственную политику. Гендерные исследования уже вошли в систему гуманитарных академических знаний как самостоятельное направление. В них рассмотрен практически весь спектр вопросов, касающихся взаимоотношений мужчин и женщин в обществе, начиная с общетеоретических подходов в условиях современных технологических вызовов до освоения инновационных методик измерения гендерного равенства/неравенства, в которых активно разрабатывается новый инструментарий для дальнейших исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пекинская декларация // ООН [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения 28.08.2025).

2. Григорьева, Н.С. Актуальное состояние исследований по вопросам обеспечения равенства мужчин и женщин / Н.С. Григорьева // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). – 2024. – № 4. – С. 111–139.

3. Chubarova, T. International knowledge transfer and Russian social policy: The case of gender mainstreaming / T. Chubarova, N. Grigorieva // Global Social Policy. – 2021. – Vol. 21, № 1, P. 96–116.

4. Баскакова, А. Гендерные проблемы в России. По национальным публикациям 1993–2003 гг. / А. Баскакова, О. Воронина, И. Соболева [и др.]. – М. : Алекс, 2004. – 240 с.

5. Калабихина, И.Е., Гендерные проблемы в России по национальным публикациям 2004–2012 гг., 2012 / И.Е. Калабихина, Н.С. Григорьева, Е.Г. Луковицкая, М.Д. Давтян. – URL: https://demography.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=1799&p=attachment (дата обращения 28.08.2025).

УДК 316.77

СПЕЦИФИКА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СРЕДЕ МОЛОДЁЖНЫХ ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВОВ

Грошева Л. И.
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова
училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
кандидат социологических наук
г. Тюмень, Россия

Грошев И. Л.
профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах),
Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова
училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Грошева И. А.
заведующий кафедрой теории и истории государства
и права, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин,
Филиал Автономной некоммерческой организации Высшего Образования
«Институт деловой карьеры» в Тюменской области
кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Феномен демонстративного потребления выступает одной из древнейших форм фиксации социального статуса и получения общественного признания достигнутого положения. Возможность приобретения и потребления лимитированных благ исторически рассматривалась как результирующий показатель качества достижительной стратегии конкретного человека или социальной группы. Даже в современных условиях представители различных слоёв общества в той или иной мере ориентируются на социальные стандарты потребления, чтобы обеспечить своё включение в референтную статусную группу. По этой причине рассмотрение демонстративности следует определять не как исключительно рисковую группу, но и как естественный феномен, устранение которого технически невозможно [1, с. 57]. Следовательно, демонстративность в трудовой социально-экономической среде в целом может носить и конструктивный характер, однако он поддерживается в случае рационального подхода к её реализации и объективной оценке финансовых возможностей потребителя.

Разрушение социально значимых устоев (семьи, религии, идеологии) обуславливает наличие пустот в ценностных системах молодёжи, которая, отказываясь от следования традиционным ценностям и жизненным ориентирам, в итоге оказывается перед ситуацией утраты системы целеполагания, ввиду недостатка очевидных мотивов и стимулов к действию [2, p. 218]. По этой причине накопительство благ выступает своеобразным компенсаторным механизмом ценностной дезориентации, а трудовой коллектив зачастую становится заменой системе семейного взаимодействия.

Проблема оценки рациональности поведения молодых людей при определении своих потребительских установок стала актуальна по мере появления банковских и иных финансовых продуктов, которые значительно упростили процесс заимствования и реализации транзакций. Упрощение систем оплаты, рассрочка, кредит – стали основными способами для наполнения жизни людей теми продуктами и объектами, которые при стандартных условиях для них не были доступны, что в классическом формате определяло увеличение трудовой активности ввиду необходимости повышения дохода. Однако при всей эффективности и благотворности данных инструментов в условии интенсивного повышения цен, сам факт высокой доступности финансов содержит в себе непосредственные риски высокой долговой нагрузки, которая при чрезмерном накоплении либо секвестируется (посредством банкротства), либо входит в сферу ответственности ближайшего социального окружения (родственников, супругов, детей) [3, с. 28]. Таким образом, длительные трудовые усилия определяют не столько доступность благ, сколько вероятность их получения. Наиболее острой выступает проблема целевой ориентации направления средств. В то время как решение объективных проблем со здоровьем, оперативное решение жилищного вопроса сопряжено с повышением качества жизни, демонстративные покупки переоценённой бытовой техники и портативной электроники формируют долговые обязательства как результат импульсных потребностей и соответствия социальным стандартам, условно значимым для конкретного человека.

С целью анализа качества восприятия демонстративного потребления в зависимости от характера социальной среды трудового коллектива авторами статьи в январе-марте 2025 года было проведено исследование методом фокус-групп (N=24, по 5-7 человек), в рамках которого приняли участие молодые люди в возрасте 18-35 лет, выступающие в качестве блогеров, инфлюэнсеров и владельцев телеграм-каналов, нацеленных на узко-профессиональную аудиторию (менеджмент, обрабатывающее производство, сфера услуг) с объёмом подписчиков не менее 100 тысяч человек.

В ходе исследования было выявлено несколько значимых закономерностей в реализации потребления исходя из оценки качества референтных трудовых групп. Молодые люди предпочитали приобретать те материальные ценности, которые ассоциировались с положительными эмоциями, обусловленными комфортом и стабильностью на рабочем месте. Участники фокус-групп отметили востребованность трендов и вайба, связанных с повышением психологического комфорта и укрепления личностных границ в системе межличностного взаимодействия. В значительной мере установка на демонстративность определялась стремлением к самопрезентации счастливого состояния как противовеса общему информационному фону систем массового информирования и средства повышения удовлетворённости от выбранного способа получения дохода. Противопоставление собственного образа социальным негативным установкам проявляется в большей степени в среде женского сообщества, а также среди людей, чья жизненная ситуация в значительной мере сопряжена с общими социальными трендами (развод, потеря близких, утрата здоровья и пр.). В системе потребления актуализируются условно «здоровые» образы питания, жизни, социальных установок, но при наличии позитивного закрепления в непосредственном окружении.

Молодые люди отмечали, что в системе определения демонстративного потребления наиболее значимую позицию занимает социальное окружение целевой аудитории, в роли которой чаще выступают именно трудовые коллективы. Социальная среда нацелена на формирование одобряемого образа жизни, который включает

определённый набор целей, ценностей, уровень жизни, характер коммуникаций и набор материальных благ. Таким образом, через инструмент социальной оценки она способна корректировать деятельность индивида и определять его установки и ориентиры, но ровно в той мере, которую допускает сам субъект деятельности. Социальная среда организации представляет набор стереотипических конструктов, заключающихся в визуально определяемом благополучии: наличие семьи, работы, карьеры, хобби и пр. Для уточнения целевых ориентаций могут определяться оптимальные возрастные границы для достижения определённого социального статуса. Закрепление желательных образцов экономического поведения происходит посредством сообществ и референтных групп, которые ориентированы на целевые аудитории с определёнными задатками и потребностями. Их задача определяется сохранением устойчивости предлагаемых поведенческих образцов, через взаимную демонстрацию их реализации и эмоционального удовлетворения от осуществлённых действий.

В зависимости от степени включённости субъекта в социальную среду организации обозначается определённого рода отклик или рефлексия, стимулирующая или депривирующая следование установленным образцам. Потребность принадлежности индивида к трудовому коллективу формирует у него целевую ориентацию на достижение хотя бы минимальных установленных параметров и требований. Посредством системы межличностного общения и опосредованной цифровой коммуникации индивид формирует в своём мировоззрении образ успеха, сопряжённого с достижительной стратегией и накопительством. Наиболее простым результатом взаимодействия двух сред для молодёжи является превалирующая репродукция социальных образцов на индивидуальном уровне. Однако в ситуациях, когда стратегия сопряжена с большим количеством затруднений и не достижима для субъекта, также как в случае с кардинальным несоответствием предлагаемых ценностей его внутренним установкам, поведенческий образец нивелируется и рассматривается как стандарт для формирования оппозиционных взглядов и идеологии (концепция рационального потребления). В подобной ситуации молодые люди отстаивают образ жизни, минимизирующий зависимость от внешней среды и материальных объектов, что в целом также сопряжено с установкой на одиночество и отказ от деторождения. Во многом это обусловлено тем фактом, что семейный тип домохозяйства выступает экономически более затратным в определении стратегии экономической активности.

Однако вне зависимости от выбора достижительной или рациональной концепции потребления, сам фактор демонстративности сохраняет своё значение ввиду необходимости позиционировать свой выбор и определять его объективную выгоду. По этой причине «экономные» варианты потребления остаются демонстративными даже в ситуации существенных ограничений собственной финансовой активности ввиду подражания более финансово успешным коллегам, что является результатом размывания служебных статусов. Указанная проблема во многом обусловлена ориентацией молодых людей на быстрый карьерный рост и интенсивное повышение дохода в краткосрочной перспективе.

В системе установок молодёжи проявляется противоречие в рассмотрении и анализе социальных образцов и трендов, актуализируемых в средствах массового информирования и трудовом коллективе. Молодые люди отмечают сужение доступности к базовой системе благ в виде обучения, медицины, перемещения, что принуждает их к сознательному отказу от стандартных достижительных стратегий и

переориентирования на потребления комфортного типа (система Хюгге), определяющего условно минимальные траты на конструирование личностного комфорта. В этих условиях достижительность уступает принципу рациональности труда, и в ряде случаев – рестриктивного поведения. При этом ориентация на данный тренд не является определяющей для снижения трат, но отражает признаки кризисного общества, а также усталости от геополитического фона массового информирования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев, М.М. Экономика и управление в социальных и экономических системах / М.М. Васильев, Д.М. Васильева // Вестник Самарского муниципального института управления. – 2020. – № 4. – С. 56–64.

2. Browman, A.S. How economic inequality shapes mobility expectations and behaviour in disadvantaged youth / A.S. Browman, M. Destin, M.S. Kearney // Natural Human Behavior. – 2019. – № 3. – С. 214–220.

3. Горчакова, О.Ю. Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи / О.Ю. Горчакова, А.В. Ларионова, Н.В. Козлова // Психология и Психотехника. – 2021. – № 4. – С. 15–32.

УДК 316(075.8)

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОЛОГИЯ: СТРАТЕГИЯ КОЭВОЛЮЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Данилов А. Н.
зав. кафедрой социологии факультета философии и социальных наук,
Белорусский государственный университет
доктор социологических наук, профессор,
член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси
г. Минск, Беларусь

История предстает перед современностью в своей бесконечности. И каждое поколение уже в новой современности старается утверждать свое видение эволюции человечества и в многозвучии смыслов отыскивает свой путь созидания будущего. Зачастую кризисные явления становятся креативным импульсом развития, сигналом о трансформации современности. Как правило, современность вырастает из прошлого, эволюционизируя и сохраняя родовые черты в своем изменении. И только сфера науки и технологий придает этому процессу ускорение, провоцируя переход в новое качество, тем самым определяя и бытие человека в новых условиях. Рассматривая проблемы актуализации стратегии коэволюции в выработке видения будущего, нам предстоит раскрыть ее эвристический потенциал, проанализировать многозвучие смыслов в определении контуров новой цивилизации. При этом следует отметить, что новая цивилизация ассоциируется со средой сохранения и возможной передачей культурного цивилизационного наследия. Перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменения культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. В культуре кодируется исторический опыт цивилизационного развития человечества. Речь идет о переосмыслении проблем эволюционного развития, раскрытии в новом звучании «пределов роста», преодолении

сложившихся стереотипов в логике понимания многозвучия смыслов созидания будущего, обозначении точек роста.

Современность человечества представлена многовариантностью образа будущей жизни на нашей планете. Однако время вносит в эти сценарии все больше пессимизма. Возникает реальное опасение: «Не ожидает ли нашу планету судьба Вавилона?» На глазах одного поколения очевидны разительные перемены: меняется климат, загрязняется окружающая среда, ощущается демографическая перегрузка и т. п. Произошли крупнейшие природные и социальные катастрофы. Чего стоят только аварии на Чернобыльской АЭС, японской АЭС Фукусима – 1, войны и бесконечные конфликты, террористические акты, уносящие сотни тысяч человеческих жизней, другие кризисные события, может быть, менее известные, но столь же опасные для всего живого на Земле. Неужели эволюция бытия человечества является доказательством слабости человека, его порочности и отсутствия у него возможности осознать опасность для собственного существования?

И если природа, мир, окружающая среда заметно истощаются или изменяются к худшему, то что же происходит тогда с человеком? Он не может оставаться неизменным. Получается, что все перемены последнего столетия были направлены против человека доброго, гуманного, ответственного, нравственного. Мировые войны, революции, кризисы только умножали неравенство, несправедливость, человеческое горе, истощали духовные силы, веру в добро и справедливость.

Новые вызовы современности, которые диктуются глобализацией, приоритетом материального, информационными технологиями, искусственным интеллектом могут привести к расчеловечиванию человека. Не утешает и оптимизм философа А. А. Зиновьева, который сказал, что «все эти кибернетические существа, какими бы они не были, не заменят главного – того, что рождает человек – *огонь разума*. Это чудо никто не может заменить» [1, с. 3]. К сожалению, современность и эту образную тираду ставит под сомнение. Вопрос остается: «Насколько человек-разумный действительно бессмертен?». Угроза наступления экологической катастрофы не преодолена и требует наращивания усилий всего человечества по созданию стратегии своего безопасного будущего.

К сожалению, в настоящее время не происходит существенных изменений в сфере социально-экономического развития, во многих случаях предпочтение отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. Предстоит широкое создание экологобезопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и сферы

образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

Однако и сегодня система экономического роста основывается на господстве человека над природой, что породило локальные, а затем и глобальные экологические кризисы. Такие представления вошли в научную картину мира и обрели мировоззренческий смысл. Н. Н. Моисеев писал: «Сегодня мы постепенно начинаем понимать, что наши нравственные основы, наш духовный мир, тем более наше поведение в биосфере уже не соответствует тем условиям жизни, в которые погружается общество, наше понимание обстановки недостаточно для преодоления появляющихся трудностей развития. <…> Другими словами, деятельность человека, основанная на выработанных цивилизационных парадигмах, ведет, вероятнее всего, к деградации биосферы и не способна гарантировать сохранение человека в ее составе. Вот почему реальность такова, что род людской сможет выжить лишь при изменении самих цивилизационных начал» [2, с. 23-24]. «Выживание человека на Земле, сохранение гомеостаза нашего биологического вида потребует смены основных цивилизационных парадигм. На смену присваивающей экономике, на смену погони за сиюминутной выгодой должна прийти совсем иная структура ценностей» [3, с. 42].

В условиях надвигающейся катастрофы необходимо либо избрать путь согласования социально-экономического развития с законами биосферы, утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, либо – путь самоуничтожения. «Созидание будущего будет зависеть от тех, кто сотворит новый мир на основе коренного перелома в сознании, направленного на сохранение биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления» [4, с. 469].

Во многом ответом на новые вызовы и угрозы жизни на Земле выступает теория коэволюции. Пока она смотрится как некая утопия, фантастика. Но приходят времена, когда человечество будет вынуждено наполнить коэволюционную фантазию конкретным содержанием. И это будет вынужденный и болезненный шаг. Н. Н. Моисеев точно заметил: «…наше будущее состоится лишь в том случае, если мы усвоим аксиому: ‘‘человек – элемент биосферы и может развиваться только в развивающейся биосфере’’. Этот принцип я называю принципом коэволюции человека и биосферы. Его выполнение – необходимое условие сохранения человека на Земле. Его достаточно полная расшифровка – задача большой науки. Я думаю, что в настоящее время это важнейшая проблема фундаментальных знаний. Если XVIII в. был веком механики и пара; XIX в. – веком, когда в мир пришло электричество; XX в. нам принес открытие ядерной энергетики, то главной задачей, которая поднимается во весь рост перед человечеством на грани нового века это проблема коэволюции: как научиться жить на Земле, чтобы Природа и общество могли совместно развиваться. Это высшая задача гуманитарных знаний – знаний, которые будут опираться на современное естествознание, на физику, биологию, химию… Но все-таки это задача, прежде всего, гуманитарных знаний, поскольку речь должна идти о поведении человека, о его способности гармонично вписаться в жизнь биосферы и воспитания в рамках определенных стандартов» [3, с. 175-176].

Коэволюционная стратегия прорастает в практической жизни: формирует и утверждает новые ориентиры человеческой деятельности, выдвигает новые экологические регулятивы природопользования и организации социальной жизни, утверждает ценности биосферной экологической этики, направленной на поддержание, защиту и расширение жизни, на увеличение ее разнообразия. И,

пожалуй, самое главное: коэволюционная стратегия способствует осознанию глубинных истоков экологического кризиса и намечает пути выхода из него.

И. К. Лисеев обоснованно утверждает, что «…коэволюционный подход претендует на универсальную роль, дает возможность проследить общие закономерности возникновения и функционирования взаимно адаптивных, оптимально подогнанных друг к другу систем, необходимых друг для друга. Философский анализ роли коэволюционной стратегии в современных условиях, впервые осуществленный в 1995 г., и по сей день продолжает успешно развиваться, принося все новые доказательства своей универсальной роли для оценки процессов, разворачивающихся в современном мире. Его авторы показывают, что коэволюционная установка оказывается ныне и регулятивным методологическим принципом биологических наук, задающим способы введения ими своих идеальных объектов, объяснительных схем и методов исследования, и новой парадигмой культуры, позволяющей осмыслить взаимоотношения человечества с природой, понять единство и дополнительность естественнонаучного и гуманитарного знания» [5, с. 104].

В условиях нарастания кризисных явлений в жизни современного общества особую актуальность приобретают такие тренды научного поиска, которые направлены на разработку проблем ближайшего будущего. К числу такого рода проблем относятся, в первую очередь, кардинальные вопросы прогнозирования дальнейшего роста численности народонаселения, качественные параметры окружающей среды, истощение природных ресурсов, недостаток продовольствия, финансовых активов и многое другое. От успешного решения этих проблем, в конечном итоге, зависит выбор направлений развития человечества и его будущее. Вместе с тем, изучение положения дел, сложившегося при изучении цивилизационного развития, показывает, что осмысление чаще всего идет в традиционной плоскости, не затрагивая происходящих фундаментальных трансформаций, а развитие концентрируется вокруг потребительских концепций прежних лет: достижения прибыли любым путем, обладания ресурсами и т. п., а не в направлении концентрации усилий на необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, принятии как аксиомы неизбежности сохранения биосферы и утверждение биоантропоцентристской парадигмы мышления. Приходится признать, что коллизии во взаимоотношениях человека и природы порождены самим человеком, его стремлением безрассудно пользоваться ее дарами и максимально освободиться от зависимости от природы. Это обстоятельство свидетельствует о необходимости поиска новых путей социально-экономического развития, ориентированных на снижение индустриального давления на биосферу.

В этих условиях «изучение стабильности биосферы – ключевая проблема современной науки, от эффективного решения которой зависит дальнейшая судьба цивилизации. По резонному замечанию Н. Н. Моисеева, достижение коэволюции человека и биосферы означает такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, ее гомеостаза, сохраняет для него необходимый «эволюционный канал» [4, с. 285], а значит, новая современность сумеет найти ответ на вызовы времени и в полифонии смыслов выстроить стратегию безопасного будущего.

В процессе своей трансформации современность формируется через кризис мирового сообщества, который порождает разобщенность, разрушение устоявшихся общемировых договоренностей, невозможность совместного устойчивого развития государств, доминирование групповых и самоизбираемых интересов, обесценивание

человеческой жизни, отвержение гуманистических традиций сложившейся культуры. Все эти явления фиксируются и развиваются во взаимосвязи с политическим, антропологическим, экономическим, социальным, экологическим кризисом. Происходит утверждение двойных стандартов. В этих условиях «совершенно четко обозначается общемировая тенденция хаотизации во всех сферах жизни. Продуктивные взаимовыгодные отношения заменяются на меркантильные односторонне приемлемые связи, при этом вытесняются потенциальные возможности созидательных инициатив в планетарном масштабе» [6, с. 13-14].

Но жизнь не стоит на месте и рождает новые вызовы и угрозы. Шошана Зубофф отмечает в своей новой книге: «Подобно тому как индустриальная цивилизация процветала за счет природы и теперь угрожает погубить саму Землю, информационная цивилизация, сформированная надзорным капитализмом и его новой инструментарной властью, будет процветать за счет человеческой природы и угрожает отнять у нас нашу человечность» [7, с. 22]. Мир опят предстает как поле битвы, на котором развертывается борьба за возможность человеческого будущего уже в условиях новой современности.

По существу, главным остается вопрос: «Как научиться жить на планете Земля в полной гармонии с Природой?» И есть уже ответ, а точнее, подсказка – жить в согласии с законами биосферы. Сохранить биосферу – значит сохранить жизнь на Земле, сохранить человечество. В этой связи предстоит актуализировать изучение проблем социальной экологии, эволюционной теории и положить ее стратегические выводы по сохранению стабильности и мира на Земле в основу стратегии созидания будущего, раскрыть ее эвристический потенциал, обозначить многозвучие смыслов в определении контуров новой цивилизации.

Также следует выделить регулятивную и программирующую роль культуры в выборе вектора направления эволюции, понимая, что все перемены в человеческой жизнедеятельности предполагают изменения культуры, которые, как правило, являются результатом переосмысливания глубинных жизненных смыслов человеческого бытия и его ценностей. Проблемы формирования человеческого сознания в контексте изменений культуры должны быть осмыслены как определяющие все другие сферы человеческой жизнедеятельности.

Надо полагать, что в ближайшем будущем человечество столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует иного уровня социально-гуманитарных научных исследований. Активное внедрение в жизнь информационных технологий ставит задачу сохранить саму возможность человеческого будущего уже в условиях новой современности. Очевидно, что потребуется существенное приращение знаний, в том числе – социально-гуманитарных наук, чтобы осмыслить позитивные возможности коэволюционного развития цивилизации и обеспечить доминирование тенденций совместного созидания, приемлемых для сохранения общества и природы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зиновьев, А.А. «Я мечтаю о новом человеке» / А.А. Зиновьев // Российские вести, 22-29 марта 2006 г.

2. Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н.Н. Моисеев. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – 224 с.

3. Моисеев, Н.Н. С мыслями о будущем России / Н.Н. Моисеев. – М. : Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. – 210 с.

4. Водопьянов, П.А. На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего / П.А. Водопьянов. – Минск : Беларкская навука, 2023. – 469 с.

5. Лисеев, И.К. Новые методологические и онтологические акценты в развитии современных наук о жизни / И.К. Лисеев // Вопросы философии. – 2020. – № 9. – С. 99–105.

6. Водопьянов, П.А. Глобальные вызовы в современном мире и коэволюционный подход в достижении безопасного будущего / П.А. Водопьянов, П.М. Бурак. – Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2022. – №3. – С. 7–14.

7. Зубофф, Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф; пер. с англ. А. Ф. Васильева; под ред. Я. Охонько и А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2024. – 784 с.

УДК 331.101.5

ЦИФРОВЫЕ НАВЫКИ КАК ДИФФЕРЕНЦИРУЮЩИЙ РЕСУРС НА РЫНКЕ ТРУДА

Денискина А. И.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровизация и автоматизация трудовой деятельности трансформируют требования, а также способы организации труда и обучения. В этих условиях овладение новыми цифровыми компетенциями, включающими как базовые информационно-коммуникационные навыки, так и продвинутые умения работы с данными, цифровой безопасностью, программами и оборудованием, работающими на базе цифровых технологий, становятся одним из ключевых факторов индивидуальной устойчивости и конкурентоспособности.

Многочисленные международные исследования показывают, что цифровая трансформация увеличивает долю рабочих мест, требующих цифровых навыков, и одновременно уменьшает относительную важность рутинных операций, которые легче автоматизируются [1]. Эти изменения наблюдаются как в развитых, так и в развивающихся экономиках и сопровождаются смещением спроса в пользу навыков более высокого уровня. Ввиду роста спроса на цифровые навыки и изменений в архитектуре рынка труда возникает необходимость непрерывного обучения и переподготовки кадров, требуются механизмы постоянного обучения (lifelong learning), гибкие системы переподготовки [2,3]. С целью согласованной подготовки кадров и оценки уровня цифровой грамотности разрабатываются рамочные модели компетенций, то есть можно говорить о стандартизации цифровых компетенций и подходов к их оценке, например, европейская рамка DigComp [4].

При отсутствии политики развития цифровых навыков неизбежны социально-экономические риски усиления неравенства и потенциальный рост безработицы в группах, не имеющих доступа к цифровому обучению – особенно среди пожилых работников, низкоквалифицированных работников и уязвимых социальных групп. В качестве основных мер, направленных на минимизацию рисков, могут рассматриваться программы по цифровой инклюзии работников на предприятиях. На национальном рынке труда имеют место те же тенденции, что и на глобальном. Автоматизация производств, рост потребности в специалистах ИТ и цифровых сервисов, а также необходимость мер по переподготовке для поддержания занятости у групп с низким уровнем цифровой грамотности. Республика Беларусь официально заявила о приоритете цифрового развития: утверждена государственная программа

«Цифровое развитие Беларуси на 2021–2025 годы» [5], включающая мероприятия по развитию инфраструктуры, внедрению цифровых сервисов и повышению цифровых компетенций населения и работников.

Министерство связи и информатизации реализует инициативы по развитию ИКТ-сектора и запуску образовательных платформ для повышения цифровых навыков. Это свидетельствует о целенаправленной государственной политике по формированию цифровых компетенций.

В 2024–2025 гг. на государственного уровне были инициированы проекты по запуску образовательных платформ и программ повышения цифровой грамотности (например, проект образовательной платформы «Лічба» [6]), направленные на обучение и переподготовку различных групп населения. Такие программы рассчитаны на снижение цифрового разрыва и подготовку компетентных кадров для цифровой экономики.

Белстат и профильные государственные органы выстраивают систему национальных статистических показателей цифровой экономики, фиксируя рост показателей по ИКТ-инфраструктуре, цифровой торговле и участию организаций в цифровой трансформации [7]. Мониторинг этих показателей позволяет корректировать программы обучения и занятости.

Овладение новыми цифровыми компетенциями повышает индивидуальную конкурентоспособность, расширяет набор доступных вакансий, повышает продуктивность труда и потенциал дохода, даёт возможность участвовать в гибридных и удалённых формах занятости, а также повышает способность к профессиональной мобильности в условиях отраслевой реструктуризации. Специфические цифровые навыки становятся важным дифференцирующим ресурсом: работодатели всё чаще включают цифровые требования в описания должностей, а компетенции, сформулированные в рамках международных стандартов (например, DigComp), облегчают верификацию квалификации. В настоящее время владение продвинутыми цифровыми компетенциями еще даёт конкурентное преимущество, темпы технологического прогресса и распространение цифровых рабочих инструментов означают, что в обозримом будущем многие из этих компетенций станут базовой профессиональной грамотностью – необходимым условием сохранения рабочего места. Отсутствие этих навыков увеличит риск вытеснения с рынка труда. Массовое повышение цифровых компетенций снижает риск маргинализации уязвимых групп, способствует интеграции в экономическую жизнь и помогает предотвращать рост безработицы, связанный с автоматизацией. Государственные программы выступают важным инструментом достижения цифровой инклюзии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Skills for the Digital Transition /Assessing Recent Trends Using Big Data // URL: https://www.oecd.org/en/publications/skills-for-the-digital-transition_38c36777-en.html (дата обращения: 15.11.2024).

2. Digital Jobs and Skills // URL: https://www.worldbank.org/en/topic/digital/brief/digital-jobs-and-skills (дата обращения: 15.08.2025).

3. Skills for Digital transformation / International Labour Organization // URL: https://www.ilo.org/skills-digital-transformation/ (дата обращения: 11.09.2025).

4. The Digital Competence Framework // URL: https://joint-research-centre.ec.europa.eu/projects-and-activities/education-and-training/digital-transformation-education/digital-competence-framework-citizens-digcomp/digcomp-framework (дата обращения: 11.09.2025).

5. Государственная программа ”Цифровое развитие Беларуси“ на 2021 – 2025 годы // URL: http://scienceportal.belisa.org.by/upload/2021/Feb/gosudarstvennaia-programma-tsifr-razv.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

6. Образовательная платформа повышения цифровых компетенций "Лічба" будет запущена в начале 2025 года // URL: https://belta.by/society/view/obrazovatelnaja-platforma-povyshenija-tsifrovyh-kompetentsij-lichba-budet-zapuschena-v-nachale-2025-674105-2024 (дата обращения: 12.09.2025).

7. О национальных статистических показателях развития цифровой экономики в Республике Беларусь / Национальный статистический комитет Республики Беларусь // URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika/o-natsionalnykh-statisticheskikh-pokazatelyakh-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-v-respublike-belarus/ (дата обращения: 11.09.2025).

УДК 316

ВНЕШНЯЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ КАЗАХСТАНА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И МЕРЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

Джусибалиева А. К.
докторант Института социологии НАН Беларуси
кандидат экономических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Молодежная миграция является существенным фактором развития человеческого капитала, социально-демографического, экономического развития страны. В настоящее время поток молодых мигрантов из Казахстана с целью получения образования или трудоустройства в зарубежных странах, только возрастает. Основные характеристики этих миграционных процессов определяются глобализацией и широким доступом к информации, которые дали молодым людям больше сведений и данных о возможностях эмиграции за рубеж с целью получения образования или трудоустройства.

Экономической причиной международной миграции молодежи зачастую выступает большой разрыв в размерах заработной платы в различных странах за аналогичную работу. Этот фактор мотивирует молодежь к получению качественного образования за рубежом, что открывает перспективы получения лучших условий труда, качества и уровня жизни. Внешняя миграция молодежи, отток человеческого капитала за рубеж повышает риски для национального рынка труда, как в долгосрочном, так и среднесрочном периоде. Результаты проведённого нами исследования показали, что привлекательность Казахстана, как страны для получения образования, жизни и трудоустройства – у молодёжи неоднозначна [1].

За последние годы наблюдается негативная тенденция отрицательного сальдо внешней миграции молодежи Казахстана, которая мультипликативно и отрицательно влияет на социально-экономическое и демографическое развитие страны, на национальный и локальные рынки трудовых ресурсов, снижает качество трудового потенциала в целом. Отток молодёжи из страны для получения образования за рубежом на наш взгляд, одна из острейших социальных проблем современного Казахстана.

Тем не менее, образование за рубежом, предлагаемое зарубежными университетами в виде интересных образовательных программ, доступного или бесплатного высшего образования, привлекательных условий для учебы, адаптации и

проживания студентов за рубежом – остаётся доминирующим фактором образовательной миграции казахстанской молодежи за рубеж. Развитые страны и ВУЗы этих стран привлекают молодежь Казахстана образовательной политикой, экономическими, социальными, трудовыми, профессиональными, культурными возможностями и перспективами [2].

С учётом международной конкуренции в образовании и несовершенства рынка труда в стране остановить эмиграцию молодёжи в ближайшее время представляется сложной задачей. Приоритетным направлением успешного социально-экономического развития нашей страны является регулирование процессов внешней миграции молодежи и решение проблемы невозвратной миграции молодежи Казахстана из зарубежных стран.

Поэтому, исследование вопросов внешней миграции молодежи Казахстана за рубеж, подходов к регулированию образовательной и трудовой миграции молодежи, проведение миграционного анализа, решение проблемы невозвратной миграции молодежи, а также, разработка научно-обоснованных рекомендаций по совершенствованию проактивных мер государственного регулирования внешней миграции молодежи – имеет важное социально-экономическое значение и высокую актуальность. Очевидно, что важна роль, значение и необходимость глубинных исследований происходящих миграционных процессов среди молодежи, большую роль имеет проведение научных социологических и экономических исследований по этой проблематике [3].

Динамика миграционных потоков последних лет показывает рост численности эмигрантов из Казахстана с высшим образованием и сокращение встречного притока в страну высокообразованных иммигрантов: за 10 лет число въехавших в страну лиц с высшим образованием сократилось более чем вдвое. Тревожным фактом и актуальной проблемой является то, что эмиграция в большей степени охватывает лиц, формирующих «человеческий капитал» страны. Казахстан ежегодно теряет: талантливую, образованную, целеустремленную, инициативную молодежь; квалифицированных молодых специалистов различных сфер; ученых и интеллигентных людей, амбициозных и трудолюбивых граждан. Такие миграционные тенденции приводят к большим, к невосполнимым демографическим потерям молодежи Казахстана [4].

Негативная тенденция оттока квалифицированных кадров из Казахстана в течение последнего десятилетия наряду с сокращением встречного притока образованных иммигрантов, а также недостаток квалификации у выпускников учебных заведений, в том числе остро востребованных в настоящее время Казахстане рабочих профессий – требуют реализации новых подходов в реализации миграционной и молодежной политики, в т.ч. для компенсации возникающих потерь на рынке труда.

Роль государства состоит в регулировании и умении стимулировать возвратную миграцию, в особенности молодежи, а также заинтересовывать остаться в стране наиболее квалифицированных, молодых, активных, образованных, предприимчивых граждан; предвидеть и предотвратить усиление напряженности на рынках труда и в обществе с помощью принятия и реализации своевременных интеграционных, социально-экономических, стимулирующих и прочих мер государственного регулирования [5].

Эффективная реализация новых концепций, плана действий и комплекса мер молодежной и миграционной политики Казахстана, должна сократить растущий отток нашей молодежи за рубеж по разным причинам, факторам и мотивам миграции, в

основном с целью получения образования или с целью трудоустройства. Миграционная и молодежная политика должны быть направлены на решение проблем невозвратной миграции молодого поколения и политику удержания талантливой молодежи [6].

Сочетание «притягивающих» и «выталкивающих» факторов, из-за которых молодёжь стремится выехать из Казахстана, может быть весьма сложным и разнообразным, однако, в большинстве случаев основными являются именно экономические, социальные и демографические факторы. Велика роль и так называемых интегральных факторов, т.е. общей оценки ситуации на родине и в другой стране. В совокупности проведенное исследование и анализ полученных первичных и вторичных данных позволил определить «привлекающие» и «выталкивающие» причины и факторы, влияющие на казахстанскую молодежь при принятии решения «уехать за рубеж» с целью получения образования и/или с целью трудоустройства.

Уровень миграции зависит и от уровня благосостояния национальной экономики в целом. В современных реалиях усиления миграционных потоков молодежи в мировом масштабе, образовательные мигранты являются самой желательной категорией. Образовательные мигранты в основном – молодые, амбициозные, инициативные люди, отличающиеся открытостью и готовностью получать новые знания, умения, технологии, получающие национальное образование и квалификацию, приспособленные к местному рынку труда и адаптированные к культурной и языковой среде в зарубежной стране [7].

Нормативно-правовую базу регулирования миграционных процессов в Казахстане составляют Закон «О миграции населения» от 22 июля 2011 года №477-IV, утвержденная Постановлением Правительства РК от 30 ноября 2022 года №961 Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы и План действий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 гг.

В Казахстане вопросам регулирования миграции со стороны государства уделяется большое внимание. Однако, проведенный исследовательской группой анализ основных результатов реализованных в Казахстане концепций и мероприятий по реализации миграционной и молодежной политики, позволил определить, что актуальные проблемы и вопросы внешней миграции молодежи Казахстана, результативность мер и регуляторов молодежной миграции, механизмов удержания талантливой молодежи в стране, и ряд других проблем – требуют дальнейшего исследования, объективной оценки, изучения и анализа, доработки и совершенствования на региональном и на республиканском уровне. Меры и регуляторы миграционной и молодежной политики недостаточно эффективны и результативны, и не трансформируются в реальные механизмы регулирования молодежной миграции, способные и направленные на удержание в стране образованной, инициативной, талантливой молодежи Казахстана [1].

В соответствии с Концепцией миграционной политики Республики Казахстан на 2023-2027 годы (далее – Концепция), вопросы миграционной политики в экономике страны занимают важное место. Третий период (2011–2022 гг.) в развитии миграционной политики Казахстана обозначил характерные условия глобализации, доминирующего влияния внешних социальных и социально-экономических факторов, под воздействием которых усилился отток квалифицированных кадров за рубеж.

Согласно Концепции, сочетание притягивающих и выталкивающих факторов, из-за которых молодёжь стремится выехать из Казахстана, может быть весьма сложным и разнообразным, однако основными являются экономические, социальные, демографические и интегральные факторы.

Доклад о миграции в мире 2024 года охватывают целый ряд «сложных и вновь возникающих проблем миграции», включая следующее:

• сужение возможностей выбора формы мобильности для людей из развивающихся стран после 1995 года и необходимость обеспечить больше легальных каналов миграции;

• безопасность человека в контексте миграции;

• гендерные аспекты миграции;

• изменение климата, отсутствие продовольственной безопасности и миграция;

• глобальное управление миграцией;

• миграция и мобильность в постковидном мире.

Согласно данным Доклада о миграции в мире 2024, молодежь Казахстана ежегодно уезжает учиться за границу. Болонская система высшего образования, к которой Казахстан присоединился в 2010 г., поощряет обучение молодежи Казахстана за рубежом. Образование уже стало глобальным, а академическая миграция является мировым трендом. По некоторым оценкам, ежегодно из Казахстана на обучение за рубеж уезжают около 100 тысяч студентов [8].

В соответствии с Концепцией миграционной политики РК на 2023-2027 годы, в сфере внешней миграции молодежи выделены основные проблемы и тенденции:

• отрицательное сальдо внешней миграции;

• отток квалифицированных работников с их замещением низко-профессиональными кадрами и рост дисбаланса на рынке труда;

• нехватка квалифицированных специалистов, снижение доли миграционного прироста в росте численности населения Казахстана;

• рост миграционных настроений среди населения, особенно среди молодежи [9].

По результатам проведенного исследования, автором разработаны некоторые рекомендации в отношении подходов к регулированию внешней миграции молодежи Казахстана и реализации миграционной политики:

1. Необходима реальная оценка *роли, значения, масштабов и социально-экономических последствий* образовательной и трудовой миграции молодежи, рассматривая её как неизбежное явление, которое оказывает конкурирующее воздействие на формирование высококвалифицированных и конкурентоспособных молодых кадров. Глубинное изучение и измерение экономических, демографических, социальных последствий внешней миграции молодых людей, в особенности сокращения численности рабочей силы среди многих молодых людей наиболее высокопродуктивной возрастной группы в направляющих странах, даст возможность применить необходимый комплекс мер по регулированию внешней миграции молодежи, мер по борьбе с невозвратной миграцией молодежи и миграционных процессов в целом.

2. Растущая *проблема невозвратной внешней миграции молодежи* Казахстана требует применения действенных мер проактивного реагирования и государственного воздействия на миграционные процессы. Для решения данной проблемы необходимы новые подходы в реализации миграционной и молодежной политики, реализуемой с учетом влияния основных причин миграции молодежи, а также эндогенных и экзогенных факторов, факторов «притяжения» и «отталкивания» молодых мигрантов,

основных мотивов, стимулирующих молодежь Казахстана мигрировать в зарубежные страны.

3. Необходима эффективная модель реализации инструментов и рычагов молодежной и миграционной политики в стране, нацеленная на сокращение растущего оттока молодежи Казахстана за рубеж, как с целью получения образования, так и с целью трудоустройства, а также на уменьшение числа молодых людей, которые принимают решение об эмиграции за рубеж по разным причинам и мотивам миграции. В стране необходимы *эффективные механизмы регулирования миграционных процессов*, которые включают в себя строгую систему визового контроля, требования к квалификации иностранных специалистов, механизмы контроля и учета мигрантов.

4. Миграционная и молодежная политика должна реализовываться в зависимости и взаимосвязи с динамикой молодежной миграции, её объемов, а также мотивов, драйверов и факторов, влияющих на молодых людей при принятии миграционных решений. Необходим мониторинг результативности молодежной и миграционной политики страны, который должен проводится на регулярной основе, а также анализ взаимосвязи молодежной политики с инструментами государственного регулирования миграционных процессов и институтами, её осуществляющих.

5. Необходимо создание отдельного государственного органа (комитета, агентства или управления при Министерстве труда и социальной защиты РК, при Министерстве информации и общественного развития РК, либо другом органе государственной власти), который будет функционировать как самостоятельный государственный орган, регулирующий и контролирующий миграционные процессы в целом, в частности процессы миграции молодежи за рубеж, проводить на постоянной основе мониторинг количества и направления выбытия молодых людей из страны, проводить аналитическую и информационную работу по проблемам, причинам, последствиям миграции молодежи Казахстана за рубеж, принимать активное участие в реализации Концепции миграционной политики Казахстана на 2023-2027 гг., Концепции государственной молодежной политики Казахстана на 2023-2029 гг., и др.

6. Необходимость институционального обновления, пересмотр подходов работы и обеспечение координации миграционных мероприятий на местах. Миграционная политика Казахстана должна быть направлена на снижение миграционного оттока и создание условий для привлечения квалифицированных специалистов. В регулировании миграционных процессов в Казахстане, государство должно сконцентрировать сейчас свои усилия на молодёжном сегменте, особенно на проблеме невозвратной миграции молодежи, усилении конкретных мер по сдерживанию растущего оттока молодежи за рубеж, создании необходимых условий для возможности реализации молодежных инициатив, в том числе, для развития предпринимательской деятельностью.

7. Необходима разработка комплекса действенных мер и механизмов для государственных органов: – по стратегии удержания талантливой молодежи Казахстана, удержания эмиграции молодежи в целом; – по решению проблем невозвратной миграции молодежи; – по стратегии удержания высокообразованной молодежи, квалифицированных кадров. Государственная политика в сфере миграции должна сопровождаться современными информационными системами и технологиями обработки больших массивов данных для разработки прогнозных сценариев развития событий на кратко-, средне- и долгосрочный периоды и формирования максимально транспарентной и прозрачной системы принятия миграционных решений.

8. Необходимо внедрение интеллектуальной системы регистрации (и отслеживания) трудовых и образовательных молодых мигрантов. Особенно и остро необходимо создание проактивных мер по развитию информационных систем государственных органов для автоматизации процессов миграции, т.е. необходимость внедрения цифровой системы регистрации, учета и контроля эмиграции и иммиграции казахстанской молодежи, соответствующей лучшим международным стандартам информатизации, которая позволит проводить *цифровую идентификацию мигранта,* отслеживать место его обучения и/или трудоустройства, при необходимости мониторить его местонахождение и маршруты передвижения.

9. Необходима *разработка прогнозных оценок* тенденций миграции молодежи Казахстана за рубеж, миграционных настроений молодежи, а также, необходима глубинная оценка степени влияния внешней миграции молодежи и невозвратной миграции молодежи на социально-экономическое развитие Казахстана в целом. Также, необходима разработка и реализация системы взаимодействия с высококвалифицированными соотечественниками – трудовыми эмигрантами, для использования их потенциала в развитии национальной экономики. В данном случае особенно важна система защиты трудовых прав казахстанцев, работающих за рубежом.

10. Глобализация движения трудовых ресурсов требует от молодежного рынка труда его трансформации, и в современных условиях он, как никогда, нуждается в поддержке государства. Поэтому системность, эффективность и прозрачность использования всех ресурсов, направленных на молодежь, должны быть обеспечены на высоком уровне. Также необходимо проведение системного мониторинга молодежного рынка труда в Казахстане, так как качество человеческого капитала в стране зависит от потенциала нынешнего молодежного сегмента.

Несмотря на то, что исследований и публикаций по вопросам миграции населения большое количество, необходимо отметить, что исследований и трудов, рассматривающих методологические и концептуальные аспекты миграции молодежи за рубеж, подходы к регулированию образовательной и трудовой миграции молодежи – не достаточно. Также не исследованными на должном уровне остаются проблемы, касательно вопросов *регулирования эмиграционных процессов среди молодежи Казахстана*, вопросы и пути решения проблемы невозвратной миграции казахстанской молодежи. По нашему мнению, большой проблемой является тот факт, что образовательная миграция молодежи всё больше перерастает в трудовую миграцию [10].

Конкуренция за лучшую молодежь становится существенным фактором развития для многих стран. Казахстану сегодня в полной мере приходиться отвечать на вызовы глобального миграционного режима. Необходимо понять роль Казахстана в современной международной миграции. Казахстан должен участвовать в поиске путей эффективного миграционного взаимодействия государств на основе концепции международного сотрудничества.

Таким образом, молодежь Казахстана рассматривается как человеческий и демографический потенциал страны, и в условиях глобализации молодежь становится более мобильной, активнее мигрирует для получения образования за рубежом, и включается в международную образовательную и трудовую миграцию. С точки зрения анализа миграционных процессов у молодежи наблюдаются здоровые амбиции с желанием быть конкурентоспособными, повысить уровень своей жизни и иметь достойные условия жизни и труда.

Основные тенденции и противоречия, формирующие современную миграционную реальность, нельзя исключить из процесса глобализации и его миграционной составляющей. Все эти процессы требуют глубокого научного осмысления. Сейчас особенно необходима точечная направленность концепций, программ, планов реализации миграционной, молодежной и образовательной политики Казахстана на исполнение действенных и стратегических решений, мер по минимизации миграционного оттока молодежи. В результате успешной реализации таких мер должны быть созданы необходимые условия для молодежи: получения молодежью доступного, качественного высшего образования; обучения востребованным специальностям, профессиям; поддержка в трудоустройстве, обеспечения стабильной занятости; поддержки предпринимательских идей молодежи и молодежных инициатив, и других мер государственной поддержки.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Джусибалиева, А.К. и др. Рекомендации по подходам к регулированию миграции молодежи Казахстана за рубеж и реализации миграционной политики: рекомендации. – Астана, ТОО «НПП "Инноватор"» – Астана, «Печатные решения», 2023. – 37 стр.

2. Джусибалиева, А.К. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж. Монография / ТОО «НПП «Инноватор» – Нур-Султан, «Печатные решения», 2021. – 104 с.

3. Аналитический доклад «Молодежь Казахстана – 2024». / Социологическое исследование «Молодежь Казахстана»: Научно-исследовательский центр «Молодежь», Астана, 2024. – 104 стр. / https://eljastary.kz/upload/iblock/3d2/90lx4begmhrsrgaen53cfakrxamzezi8.pdf

4. Постановление Правительства Республики Казахстан от 30 ноября 2022 года №961 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы» / https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961

5. Jussibaliyeva, A. Main factors, reasons and motives of educational and labor migration of youth of Kazakhstan abroad // A. Jussibaliyeva, D. Iskakova, D. Iskakova, I. Amerkhanova. // The III International Science Conference «Interaction of society and science: problems and prospects», October 05–08, 2021, London, England, P.53-60.

6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 марта 2023 года №247 «Об утверждении Концепция государственной молодежной политики Республики Казахстан на 2023–2029 годы» / https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2300000247

7. Джусибалиева, А.К. Экономические аспекты и факторы образовательной и трудовой миграции молодежи Казахстана за рубеж // А.К. Джусибалиева и др. // Экономика, стратегия и практика. Том 17, № 2. – 2022. – с.126-145. – URL: https://esp.ieconom.kz/jour/article/view/715/343

8. Маколифф М. и Л.А. Оучо (под ред.), 2024. Доклад о миграции в мире 2024. Международная организация по миграции (МОМ), Женева.

9. Приложение 2 Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы «План действий по реализации Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы» / https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961

10. Jussibaliyeva A.K., Iskakova D.M., Kurmanalina A.A., Duisenbayeva B.B., Iskakova D.B. Internal Migration of Youth in Megacities as a Factor Influencing the Migration of Youth Abroad (on the Example of Almaty) / Economics: the strategy and practice. №18(1). – 2023.- c.87-102. – URL: https://esp.ieconom.kz/jour/article/view/973/396.

УДК 316.454.5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ОРГАНИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Домасевич И. В.
доцент кафедры социальной политики и идеологии,
Институт государственной службы
Академии управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

Особое место в социальном развитии любого государства имеет его социально-экономическая стабильность и социальная защищенность населения, которая реализуется, в том числе, на организационном уровне. Социальная компонента все чаще приобретает главенствующую роль в стратегии развития организации.

Современные организации – это сложные социальные образования, которые функционируют в условиях постоянных изменений внешней среды, ситуациях неопределенности. Их успешное функционирование зависит не только от производственных и структурных аспектов, но и от человеческого фактора, межличностных отношений, культуры и ценностей. Сегодня становится понятно, что необходима стабильность внутри организации, внедрение корпоративной социальной политики, которая сохранила бы лучшее из прошлого опыта, и, в то же время, способствовала бы развитию нового мышления, новых направлений и других методов работы.

Так как ключевым ресурсом любого предприятия или организации являются люди, то именно для повышения эффективности их деятельности необходимо создать и применить систему социальных гарантий и поддержки, что может быть обеспечено на основе формирования и реализации корпоративной социальной политики организации. Кроме того, существование продуманной системы социальной политики в организации, охватывающей всех работников, не только приводит к улучшению их благосостояния, расширяет и укрепляет трудовые ресурсы организации, но и способствует экономическому росту и стабилизации политической и социальной ситуации в стране.

Важно отметить, что повышение качества жизни сотрудников организации как одного из важнейших элементов корпоративной социальной политики способствует не только формированию положительного имиджа организации, привлечению в нее высококвалифицированных кадров, но и наиболее полному использованию трудового потенциала работников и, как следствие, росту результативности труда.

Необходимость реализации социальной политики в организациях на современном этапе связывается с рядом причин. Во-первых, это обусловливается конкуренцией и появлением организаций с зарубежным капиталом, где собственники предлагают своим сотрудникам социальные программы, более привлекательные в сравнении с отечественными работодателями. Среди белорусских организаций появляется осознание того, что конкурировать на рынке труда можно не только по уровню заработной платы, но и по объему и содержанию социальных программ. Возникает стимул для руководства организаций к внедрению современных систем повышения мотивации работников.

Во-вторых, проблема реализации социальных программ в белорусских организациях возникает в связи с дефицитом трудовых ресурсов, проблемами привлечения квалифицированных сотрудников и омоложения трудовых коллективов, с которыми уже сейчас сталкиваются многие организации. Поэтому перед организацией возникает задача поиска новых механизмов привлечения и удержания работников.

В-третьих, для современных организаций возникла необходимость интенсификации внутриорганизационных отношений, на что указывают и сами сотрудники, демонстрируя определенный социальный заказ.

Качество проводимой в организации социальной политики обусловлено внешними и внутренними факторами. К внешним факторам относятся, прежде всего, система государственной поддержки, социальной защиты и оценка эффективности деятельности организации, а также адекватная система налогообложения. К внутренним факторам – обучение и переподготовка сотрудников, социальные гарантии для работников организации, участие организации в реализации государственных программ и мероприятий, затрагивающих социальную сферу, участие в благотворительных акциях.

На наш взгляд, эффективность корпоративной социальной политики организации можно оценить с помощью объективных и субъективных показателей. К первой группе можно отнести: 1) степень участия организации в решении социальных проблем, а именно участие в государственных социальных проектах, в развитии региона, экологическая безопасность, оказание благотворительной и спонсорской помощи; 2) наличие социальных гарантий для работников, сюда относится наличие профсоюзной организации, добровольного медицинского страхования, обеспечение достойных условий труда и уровня заработной платы; 3) оперативное и результативное управление персоналом: обучение, подготовка, переподготовка, повышение квалификации сотрудников, возможность карьерного роста, разрешение трудовых споров в коллективе; 4) существование корпоративной культуры в организации: наличие внутрикорпоративных ценностей, коллективного договора, четко разработанной миссии, целей и задач, организация культурно-массовых и спортивных мероприятий для сплочения коллектива; 5) репутация организации в социуме: насколько эффективно она взаимодействует с контрагентами, социальная отчетность и др. Ко второй группе показателей относятся степень удовлетворения работников организации реализацией корпоративной социальной политики, оценка работы профсоюзной организации, возможности карьерного роста, эффективности кадрового менеджмента, удовлетворенность морально-психологическим климатом в коллективе.

В качестве примера корпоративной семейной политики, что очень актуально в ситуации демографических вызовов, можно привести реализуемую в Республике Беларусь инициативу *«Компании, дружественные родителям»,* направленную на продвижение среди нанимателей социально значимой и экономически выгодной практики создания благоприятных рабочих мест и условий труда для сотрудников-родителей, построенной на принципах равенства, баланса семьи и работы. Координатором выступает Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. В настоящее время более 120 организаций различных форм собственности и сфер деятельности присоединились к данной инициативе.

Создавая благоприятные условия для работающих родителей, компании трансформируют рабочую среду, используют разнообразные подходы и методы

управления. Среди них: гибкие формы занятости (занятость, связанная с нестандартными режимами рабочего времени, гибкие графики рабочего времени, частичная занятость); оказание поддержки будущим мамам и папам, включая консультирование у специалистов, предоставление возможности прохождения курсов для подготовки к родам, в том числе семейным, и т. д.; предоставление трудовых гарантий сверх норм законодательства (оплата отцовского отпуска, увеличение его продолжительности, оплата свободного от работы дня родителям с двумя детьми, предоставление свободного от работы дня в День знаний (1 сентября), День защиты детей (1 июня) и др.); разработка программ поддержки родителей, находящихся в отпуске по уходу за ребенком (возможность частичной занятости, материальная помощь во время отпуска по уходу, реализация программ поддержки квалификации и возврата к работе и др.); субсидирование услуг ухода за детьми (при выходе сотрудников на работу до окончания отпуска по уходу, в случае частых болезней ребенка), возможность для сотрудников взять ребенка на работу при необходимости; создание и поддержание внутренней корпоративной культуры, которая ценит здоровый баланс между работой и личной жизнью и поддерживает работающих родителей [1].

В рамках инициативы работа с организациями ведется по следующим направлениям. Первое – это проведение оценки корпоративной среды, позволяющей определить точки роста в конкретной организации. Второе направление – это проведение обучающих мероприятий, направленных на повышение знаний руководителей, сотрудников кадровых служб, отделов маркетинга, связей с общественностью, представителей профсоюзов. Третье направление – проведение онлайн-школ для родителей по различным темам. Четвертое направление – информационное сопровождение.

Таким образом, внедрение корпоративной социальной политики – это не только этический выбор, но и стратегическая необходимость для современных организаций, стремящихся к устойчивому развитию, конкурентоспособности и позитивному влиянию на общество. Поэтому правовое регулирование данной сферы деятельности организации, разработка структуры плана социального развития и состава индикаторов позволит достичь социального эффекта, а также обеспечить эффективное функционирование организации в современных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Итоги реализации инициативы «Компания, дружественная родителям» в 2024 году // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://mintrud.gov.by/ru/news-ru/view/itogi-realizatsii-initsiativy-kompanija-druzhestvennaja-roditeljam-v-2024-godu-8851-2024/. – Дата публ.: 12.12.2024.

УДК 378.147

ВНЕДРЕНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Дорощенко А. В.
старший преподаватель кафедры «Техносферная безопасность»
Белорусско-Российсский университет
г. Могилев, Беларусь

Макаренко О. П.
старший преподаватель кафедры «Техносферная безопасность»
Белорусско-Российский университет,
г. Могилев, Беларусь

Малышева Е. А.
старший преподаватель кафедры «Техносферная безопасность»
Белорусско-Российский университет,
г. Могилев, Беларусь

Казюко И. П.
старший преподаватель кафедры «Техносферная безопасность»
Белорусско-Российский университет
г. Могилев, Беларусь

Политика индустриально-инновационных преобразований в Республики Беларусь ставит перед высшей школой задачу подготовки квалифицированных специалистов, отвечающих международным стандартам качества. Высокая профессиональная подготовка кадров по техническим специальностям позволит им обеспечить реализацию Стратегии индустриально-инновационного развития страны, продвигая результаты разработок на рынок наукоемкой продукции, управляя технологиями создания новых товаров и услуг с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики. Подготовка специалистов для инновационной деятельности предприятий требует преобразования технических вузов республики в инновационные, научно-образовательные и инженерно-технологические производственные комплексы, имеющие устойчивые связи и эффективные формы взаимодействия с экономикой соответствующих отраслей, учитывающие опыт ведущих технических вузов. В решении указанных целей необходимо, опираясь на исторически сложившийся мощный научно-технический и образовательный потенциал страны, вводить в учебный процесс инновационные технологии и методы [1].

Для реализации подготовки специалистов нового формата, отвечающих требованиям перехода отечественной экономики к инновационному пути развития, к числу инновационных технологий и методов, вводимых в учебный процесс, необходимо создание программы продвижения проектного менеджмента, широкое применение современных программно-аналитических средств обоснования принимаемых решений в области экономики и управления предприятиями и организациями. В рамках такого подхода во многих вузах ведется активная деятельность по реорганизации учебного процесса, совершенствованию образовательных программ и учебных планов, развитию соответствующей

материально-технической базы учебного процесса и повышению квалификации профессорско-преподавательского состава. В первую очередь возникает необходимость обеспечения студентов учебно-методической литературой по различным техническим специальностям, создания каталога образовательных программ специальностей по бакалавриату и магистратуре [2]. Содержание программы бакалаврского образования предполагает широкую базовую профессиональную подготовку, основанную на знаниях фундаментальных дисциплин, необходимых в профессиональной деятельности, направленных на развитие у специалистов профессионального творчества, формирование потребности в самообразовании. После завершения 4-х летнего обучения выпускники имеют возможность продолжить обучение в магистратуре, образовательные программы которой имеют научно-методологическую направленность обучения и углубленную подготовку в соответствующей области. Магистры могут продолжить обучение в аспирантуре. Аспирантура является завершающим образовательным уровнем подготовки научных и научно-педагогических кадров высшей квалификации.

Повышение качества образовательных услуг может быть успешно реализована при организации электронных информационных ресурсов и информационных систем. Инновации и реформирование технического образования предполагают применение современных педагогических средств, где особое внимание уделяется интерактивным формам обучения. Это, прежде всего, создание поточных аудиторий, оснащенных новейшими техническими средствами: мультимедийными системами, включающими в себя графический планшет электронной доски, видеопроекционным оборудованием, системами аудио озвучивания и видеонаблюдения, интерактивными досками. Осуществление связи с университетами зарубежных стран, проведение телеконференций в режиме online, организация открытых лекций ведущих ученых мира становится возможным при наличии специально оснащенного новейшим интерактивным оборудованием видео конференцзала [3].

Помимо образовательного процесса, необходимо уделять большое внимание развитию у будущих специалистов навыков исследовательской деятельности. К научным изысканиям необходимо привлекать студентов с первых курсов. Программами обучения студентов, магистрантов и аспирантов предусматривается научно-исследовательская практика, а также подготовка диссертационных работ по конкретным научным направлениям Предпосылкой успешного решения данной проблемы является организация ППС инновационных научных проектов. Одним из направлений инновационной деятельности является создание и развитие ее инфраструктуры: центров по приоритетным направлениям развития и коммерциализации научных исследований, технологического парка, бизнес-инкубатора, научно-образовательных лабораторий и других структур [4].

На повышение качества подготовки специалистов значительное влияние оказывает международное научно-техническое и образовательное сотрудничество, которое может быть реализовано в следующих видах деятельности:

• создание совместных научных и образовательных организаций;

• открытие филиалов, ведущих Российских и зарубежных технических вузов;

• организация центров инженерной подготовки и переподготовки при крупных иностранных компаниях, работающих в Республики Беларусь;

• направление наших ученых и преподавателей на стажировки в ведущие российские и зарубежные научные и образовательные центры; организация академического обмена студентами, аспирантами и преподавателями.

Система образования в Республике Беларусь должна стать динамично развивающейся и способной адекватно реагировать на ускоряющие мировые процессы глобализации и информатизации. В современных условиях при быстром темпе изменения отраслей экономики обществу нужны высоко образованные, инновационно мыслящие специалисты, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, отличаться мобильностью и конструктивностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миронова, Е.О. Внедрение инновационных технологий в процесс обучения в высших учебных заведениях / Е.О. Миронова // Материалы форума «Перспективы евразийской экономической интеграции», посвященного 10-летию Евразийской экономической комиссии в рамках 18-го Международного научного семинара «Мировая экономика и бизнес-администрирование» : XX Международная научно-техническая конференция «Наука – образованию, производству, экономике», Республика Беларусь, Минск, 16-17 марта 2022 г. / Белорусский национальный технический университет. – Минск : Четыре четверти, 2022. – С. 226–227.

2. Макарова, С.Э. Инновации в образовании / С.Э. Макарова // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 1. Ч. 3. – URL: http://web.snauka.ru / issues / 2015/01/45538 (дата обращения: 25.03.2019).

3. Барабанов, Р.Е. Инновации в образовании / Р.Е. Барабанов // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2017. – №1. – С.16–17.

4. Малиновский, Е.С. Ресурсное обеспечение инновационной деятельности педагогического коллектива образовательной организации / Е.С. Малиновский// Инновационное развитие профессионального образования. – 2018. – №4 (20). – С. 59–63.

УДК 323.2

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ РАДИКАЛИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

Драгун Д. В.
преподаватель кафедры политологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Пристальное медийное обсуждение общемировых проблем антигосударственной и антиконституционной деятельности при отсутствии универсального подхода к содержанию наиболее часто употребляемых в данном контексте терминов «радикализм» и «экстремизм» влечет разобщение лексических правил их использования.

Обратившись к энциклопедической литературе, трудам зарубежных, российских и белорусских ученых, экспертов и аналитиков, представляется возможным агрегировать ряд научных подходов к определению исследуемых феноменов.

Термин «радикализм» как правило закрепляется за комплексами теоретических мировоззренческих конструктов, постулирующих в качестве цели коренное изменение социально-политических отношений и институтов по сравнению с существующими образцами с помощью решительных способов преобразования действительности. При этом следует отметить, что употребление прилагательных «коренной», «решительный», «бескомпромиссный» и других [1, с. 346; 2, с. 50; 3, с. 57] при

отсутствии четких критериев их использования носит умозрительный характер и способно отсылать как к легитимации применения противоправного насилия в качестве метода политической борьбы, так и к ориентации на находящийся в рамках правового поля инструментарий политической активности.

Термин «экстремизм» на постсоветском пространстве имеет обширную практику нормативного закрепления. Нормотворческие органы, формулируя дефиницию рассматриваемого термина, последовательно указывают круг лиц и перечисляют способы осуществления посягательств на основные принципы функционирования государства. В данном контексте термин «экстремизм» в научной литературе определяется более четко, однако эти определения являются производными от нормативных, как правило, с помощью их обобщения. Соответственно, акценты в нормативных и академических дефинициях экстремизма совпадают: это явление, описывающее многообразные практики посягательства на основы конституционного строя государства и нетерпимость к тем или иным социальным группам по расовому, национальному или религиозному признаку [4, с. 927; 5, с. 10–11; 6, с. 7].

Таким образом, проанализированный массив дефиниций терминов «радикализм» и «экстремизм» позволяет сделать вывод о конгениальном восприятии изучаемых явлений в направленности на переустройство политической системы, а их различия лежат в плоскости полярной дихотомии «идеи» – «деятельность». Однако в текущей практике научного поиска, когда рефлексия над содержательным наполнением отдельных категорий находится вне рамок исследования, термины «радикализм» и «экстремизм» употребляются в качестве синонимов.

В условиях возрастания актуальности противодействия вызовам и угрозам радикального и экстремистского характера национальной безопасности Республики Беларусь представляется необходимым произвести нормативно обусловленную научную реинтерпретацию дефиниций исследуемых феноменов.

Нормативное определение термина «экстремизм» дано в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму»: под ним понимается «деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств, формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность» [7] способами, предусмотренными вышеназванным Законом.

В то же время в ходе проведенного исследования выявлено фрагментарное использование термина «радикализм» в нормативных правовых актах без уточнения его содержательного наполнения. Термин «радикализм» используется в Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г., утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349, которой в рамках приоритетного направления «безопасность молодежи» предусмотрена задача по профилактике экстремизма и радикализма [8].

На концептуально-стратегическом уровне нормотворческие органы обращаются к производным формам термина «радикализм». Так, в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5, подобное словоупотребление отмечается

дважды. Во-первых, конструкция «радикализация политических режимов» сосуществует в едином семантическом пространстве со словосочетаниями «следование в неонацистском идеологическом фарватере» и «рассмотрение Республики Беларусь в качестве противника» [9]. В данном случае нормотворческий орган использует производное термина «радикализм» для описания качественных идеологически мотивированных изменений внешнеполитических курсов иностранных государств на эскалацию геополитического противостояния с Республикой Беларусь. Во-вторых, конструкция «радикальное религиозное течение» используется наряду с терминами «международная организация» и «антибелорусские центры» для описания акторов политического процесса, потенциально способных призывать к внешней военной интервенции в Республику Беларусь.

В Военной доктрине Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6, конструкция «радикально настроенные граждане» [10] употребляется для обозначения той совокупности граждан Республики Беларусь, критическое отношение которых к государству, с одной стороны, в настоящий момент не связано с осуществлением либо легитимацией осуществления политически мотивированных насильственных действий, с другой стороны, может быть использовано для их вовлечения в парамилитарные вооруженные формирования с последующим разжиганием внутреннего вооруженного конфликта в Республике Беларусь.

Вышеобозначенный способ употребления представляет наибольший научный интерес в избранном контексте, так как позволяет провести реинтерпретацию и демаркацию терминов «радикализм» и «экстремизм». По нашему мнению, «радикализм» не может быть ограничен идеями, представлениями, взглядами, суждениями и мировоззрением отдельных индивидов. Подобные категории могут существовать лишь в артикулированном в дискурсивное пространство виде, и всякая их артикуляция имеет характер перформативных речевых актов, влекущих последствия для дальнейшего развития политического процесса. Поэтому термин «радикализм» следует использовать для обозначения активности политического актора, направленной на коренное изменение политической системы в целом; а экстремизм – для обозначения деятельности по насильственному преобразованию политической реальности. Четким критерием разграничения радикальной и экстремистской деятельности в данной ситуации является применение экстремистами нелегитимного противоправного насилия.

Таким образом, под радикализмом нами предлагается понимать комплекс идей и социальных практик, направленных на коренное преобразование различных компонентов политической системы конвенциональным способом, а под экстремизмом – комплекс идей и социальных практик, легитимирующих применение противоправного насилия для коренного преобразования политической системы.

При этом необходимо отметить и субстанциональное единство рассматриваемых терминов. Критериями разграничения феноменов радикализма и экстремизма являются, во-первых, уровень делегитимации политической системы и, во-вторых, инструментарий политической борьбы. Для радикализма характерен тотальный дефицит доверия к авторитету органов государственной власти, постепенно переходящий в кризис легитимности политической системы в целом. Тем не менее, политическая активность радикально настроенных индивидов не выходит за правовые рамки. Экстремизм проявляется в тех случаях, когда в идейном измерении

политического сознания индивида происходит расширение кризиса легитимности до уровня стигматизации любого актора, поддерживающего «нелегитимную» политическую систему. Присущая же экстремизму политическая деятельность проявляется в применении либо обосновании применения насильственных методов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шынкароў, В.В. Беларускі палітычны слоўнік / В.В. Шынкароў, С.П. Раманава. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2011. – 576 с.

2. Арчаков, М.К. Политический экстремизм в России: сущность, проявления, меры противодействия : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Арчаков Михаил Константинович ; ФГБОУ ВО «Благовещенский гос. пед. ун-т». – Благовещенск, 2016. – 320 с.

3. Krüsselmann, K. Radicalization and Left-Wing Extremism / K. Krüsselmann, D. Weggemans // The Palgrave Handbook of Left-Wing Extremism / Ed. by J.P. Zúquete. – Lisbon : Palgrave Macmillan, 2023. – Vol. 1. – P. 55–68.

4. Lowe, D. Prevent strategies: The problems associated in defining extremism: The case of the United Kingdom / D. Lowe // Studies in Conflict & Terrorism. – 2017. – № 40. – P. 917–933.

5. Криштопов, С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Криштопов Сергей Владимирович ; ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации». – М., 2022. – 25 с.

6. Лонский, Я.А. Религиозный экстремизм как угроза духовной безопасности российского общества: социально-философский анализ : автореф. дис. … канд. филос. наук : 5.7.7 / Лонский Ярослав Александрович ; ФГАОУ ВО «Рос.ун-т транспорта (МИИТ)». – М., 2023. – 23 с.

7. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г. № 203-З : в ред. от 17 июля 2023 г. № 292-З // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.08.2025).

8. О Стратегии развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 19 июня 2021 г. № 349 : в ред. от 5 декабря 2024 г. № 906 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.08.2025).

9. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.08.2025).

10. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь : решение Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 6 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 12.08.2025).

УДК 316

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ОПЫТ АНАЛИЗА БУФЕРНЫХ ОБЩЕСТВ НА ПРИМЕРЕ МАНЬЧЖУРО-МОНГОЛЬСКОГО МИРА

Дудин П. Н.
ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доктор политических наук, доктор юридических наук, доцент
г. Улан-Удэ, Росссия

Кобелев С. В.
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный сотрудник Высшей школы государственного управления
г. Москва, Россия

В современной социологии категория «буферное общество», описывающая социумы на стыке цивилизационных зон, остается слабо концептуализированной и используется преимущественно в геополитическом ключе. Существует дефицит исследований, анализирующих внутренние социальные институты, стратификацию и культурные процессы, характерные для таких зон.

Одновременно с этим, появление мощных ИИ-ассистентов ставит перед социологической наукой методологический вызов и открывает новые возможности для работы с комплексными историческими источниками.

Данное исследование решает двойную задачу: во-первых, проверить аналитическую состоятельность категории «буферное общество» в пространстве Восточной Азии (Китай, Япония, Монголия, обе Кореи, Тайвань) на эмпирическом материале Внутренней Азии в конце XIX – середине XX вв.; во-вторых, апробировать и отрефлексировать методологию применения ИИ-ассистентов для анализа ретроспективных карт и текстов.

Исследование основано на компаративном историко-социологическом подходе. Ключевым элементом методологии является использование ИИ-ассистента как инструмента для обработки и анализа исторических источников.

Работа с ИИ включала несколько этапов: 1) распознавание и структурирование больших текстовых массивов (на базе изданий КВЖД 1900-1930-х гг.) с целью извлечения данных о социальных институтах и группах; 2) семантический анализ текстов для выявления маркеров буферности; 3) распознавание и сопоставление ретроспективных карт (на примере уникальных ретроспективных карт Монголии и Маньчжурии на русском и китайском языках В.И. Сурина) для фиксации изменений в социальном пространстве (транспортные коридоры, типы поселений, административные границы). Такой подход позволяет верифицировать гипотезы о трансформации социокультурного пространства и демонстрирует синергию традиционного исторического анализа и возможностей цифровой гуманитаристики.

В докладе будут представлены результаты, доказывающие эвристический потенциал предложенного подхода.

Во-первых, на основе анализа изданий КВЖД реконструированы ключевые институты-посредники (коммерческие общества, биржи, администрация «полосы отчуждения»), обеспечивавшие функционирование Маньчжурии как буферного социума.

Во-вторых, сравнительный картографический анализ показал конкретные пространственные трансформации в российском приграничье, напрямую связанные с буферным статусом Монголии Тувы.

Научная новизна исследования заключается в представлении **инновационной методологии** применения ИИ-ассистентов в исторической социологии, что позволяет на новом уровне работать со сложными источниками. Впервые предлагается комплексный социологический анализ Маньчжуро-монгольского мира через призму концепции «буферного общества», подкрепленный данными, полученными с помощью цифровых инструментов. Исследование показывает, что ИИ является не заменой исследователя, а мощным инструментом для обработки данных и выдвижения гипотез, что открывает новые перспективы для социальной теории и методологии.

УДК 304.2

ИДЕОЛОГИЗАЦИЯ В МИРЕ ЦИФРОВЫХ МЕДИА

Екадумов А. И.
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Идеологическая индоктринация в XX в. обеспечивалась системой пропаганды, чьи приемы подробно проанализированы Э. Аронсоном и Э. Р. Пратканисом [1]. За очевидностью пропагандистских месседжей воспроизводилась совокупность стратегий культуриндустрии, предзадающая образ мысли и действия [2; 3]. Наряду с открытой пропагандой и неявными техниками организации предпочтений, фактором производства нерефлексируемых стереотипов, консервирующих и стабилизирующих отношения господства в посттрадиционном обществе, выступила неизбежная включенность индивидуальных жизненных стратегий в безальтернативную логику функционирования тотальной социотехнической системы, охарактеризованной Г. Маркузе как одномерное общество [3].

Как предрекал на заре телевизионной эры М. Маклюэн, технологический прогресс обеспечил внешнее расширение человека, дополнив нервную систему электронными медиа [4]. Однако с наступлением цифровой эры это расширение осуществилось в масштабах, превосходящих возможности телевизионной эпохи.

В распоряжении конструкторов телевизионных месседжей имелись монтаж и предвзятая контекстуализация в общей повестке вещания. Эти стратегии формирования предпочтений аудитории, при отсутствии у нее выраженной скептической установки, все еще близки классическим представлениям о пропаганде. Но телевизионные новости не предполагают неограниченного присоединения аудитории к их интерпретирующей ретрансляции в электронных медиа.

Цифровые медиа обеспечили активное вовлечение потребителей медиапродукции в процессы ее производства и трансляции.

В эпоху интернета 2.0 констатируется «смерть автора» и новое «рождение читателя» по Р. Барту [5], с той разницей относительно индустриальной эпохи, что «читатель» цифровой эры стал не только нишевым потребителем контента, но и нишевым ретранслятором и производителем представлений. Если в мире визуальной,

по М. Маклюэну, коммуникации, основанной на потреблении печатной продукции, автор умер, чтобы оплатить рождение читателя, то в мире цифровых медиа читатель стал соавтором при отсутствующем авторе.

Потребитель контента самостоятельно селектирует информацию под индивидуальные установки, достраивая и распространяя далее усвоенные сообщения, в то время как алгоритмы таргетирования подстраивают информационный поток под пользовательские запросы. Эффект слияния алгоритмического третирования контента под запросы потребителя с его активным участием в кастомизации персонально потребляемого информационного пакета выразился в феномене т. н. информационного пузыря, или пузыря фильтров, исследованном Э. Паризером [6].

Вовлеченный в процесс генерирования-ретрансляции, пользователь глобальных медиа потребляет синтетический месседж, произведенный из персонально сконфигурированных информационных потоков. Сведения селектируются, интерпретируются, и, в процессе интернет-общения, семантически дополненные, распространяются, обращаясь в границах информационного пузыря, персонального и группового, сформировавшегося вокруг разделяемой онтологии и ценностных установок.

Расширение человека, предсказанное М. Маклюэном, осуществилось не просто в продолжении нервной системы вовне, за пределы физического тела благодаря электронным сенсорам. Цифровые технологии обеспечили медийную экстериоризацию вербализованных и визуализированных персональных представлений, возможность их вирусного распространения в глобальной информационной сети. Благодаря цифровым технологиям актор-пользователь способен выступать как создателем оригинальных месседжей, так и ретранслятором клишированных представлений, содержательно унифицированных пакетов информации, отфильтрованных конкретным информационным пузырем, воспроизводящимся аудиторией с устоявшимся репертуаром тем и реакций. Электронное расширение человека не гарантировало усложнение его мировоззрения. Техническое расширение нервной системы вовне и дополнение естественного интеллекта машинным компенсировалось систематическим продуцированием стереотипизированных представлений, воспроизводящихся образов, экранированием информации, нерелевантной комфортному, минимизирующему усилия способу организации потребляемого информационного потока, обеспечивающему устойчивость картины мира в ситуации перманентного обновления повестки.

Сложно организованное, стереоскопическое восприятие мира, возможное благодаря новым средствам регистрации и репрезентации событий, выведению сенсоров вовне тела, блокируется таким же расширением возможностей трансляции-воспроизводства клишированной системы образов и оценок, преобразующей опыт нового в привычную реальность жизненного мира, замкнувшегося в информационном пузыре. Новый когнитивный и эмоциональный опыт, ставший возможным благодаря внешнему расширению человека посредством электронных медиа, вместе с тем, ограничивается информационным пузырем, не сформированным вопреки воле или независимо от пользователя, но сгенерированным его действиями по композиции информационного потока в комплексе с функционированием алгоритмов персонализации контента.

В теоретической перспективе К. Манхейма [7], противопоставившего идеологию, констатирующую очевидность настоящего, и утопию как проект желанного будущего,

описанная ситуация предстает как процесс латентной, непреднамеренной автоидеологизации пользователей. Идеология, в отличие от утопии, как апологетическое сознание, способна утверждаться уже самим отсутствием убедительных альтернатив наличному комплексу представлений. Тогда как утопия разворачивается в пространстве оппонирования идеологии, наличному комплексу представлений о положении дел в мире, как проект преодоления наличной ситуации.

Кастомизированное настройками пользователя, получаемое им сообщение всякий раз оказывается уникальным. Но с переходом от масштаба персонального информационного пузыря к коллективному, сформированному потребителями схожего контента, уникальное сообщение, сгенерированное в представлении пользователя из месседжей, релевантных его комфортной системе убеждений, предстает вариацией подтверждения некоторого обобщенного коллективного убеждения.

Суть такой самоиндоктринации не в том, что пользователь, потребляя им же отфильтрованный и кастомизированный контент, усваивает навязанные мнения. Принципиальным является не содержание контента, а его консонансность уже существующим убеждениям и установкам. Именно в этом самовоспроизводстве наличных мировоззренческих клише и проявляется фундаментальная характеристика идеологии, представленная в анализе данного феномена К. Манхеймом, – ее констатирующе-апологетический характер.

Беспрецедентно диверсифицированная даже в сравнении с эпохой кабельного телевидения, идеологизация эпохи персональных блогов реализует эффект апологетического сознания не столько в обмене сообщениями с конкретным содержанием, сколько на метакоммуникативном уровне, в способе организации самой коммуникации, задающем принятие-отвержение, считывание и упорядочивание содержания сообщений, а именно – в репродуцировании устойчивой, самозамкнутой системы представлений медиапотребителя, экранированной от нерелевантных сведений алгоритмами таргетирования и настройками фильтрации контента.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Аронсон, Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление / Э Арносон, Э.Р. Пратканис – СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 384 с.

2. Хоркхаймер, М. Диалектика просвещения / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. – М. : Медиум; СПб. : Ювента, 1997. – 310 с.

3. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – М. : REFL-book,1994. – 368 с.

4. Маклюэн, М. Понимание медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн. – М. : Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2003. – 464 с.

5. Барт, Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 384–391.

6. Паризер, Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? / Э. Паризер. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2012. – 304 с.

7. Манхейм, К. Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М. : 1994. – С. 7–276.

УДК 316.77

ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕДИАСИСТЕМ

Екадумова И. И.
доцент кафедры социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Цифровая трансформация общества характеризуется доминированием в экономической сфере бизнес-моделей, ориентированных на работу посредством цифровых платформ. Под цифровой платформой понимается «система средств, поддерживающая использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов значительным количеством субъектов цифровой экосистемы и обеспечивающая возможность их бесшовного взаимодействия» [1, с. 257]. Как фактор развития медиапространств отдельных стран и регионов цифровые платформы представляют собой технологическую инфраструктуру, обеспечивающую создание и циркуляцию символических форм через алгоритмически управляемые каналы взаимодействия участников медиатизированной коммуникации.

Воздействие глобальных цифровых платформ на национальные медиасистемы сегодня остается недостаточно изученным явлением, требующим теоретического осмысления. Основным механизмом развития платформ являются сетевые эффекты, в силу которых рост ценности платформы усиливается по мере увеличения числа пользователей. Такая закономерность создает динамику по принципу «победитель получает все» и способствует монополизации или олигополизации рынка. Платформизация экономики оказалась сопряжена со становлением Индустрии 4.0, для которой характерны использование больших данных, искусственного интеллекта и облачных технологий.

Глобальные цифровые платформы вроде Google, Facebook и TikTok создали новые формы взаимодействия между обществом, государством и бизнесом и тем самым кардинально изменили условия функционирования национальных медиасистем. Будучи игроками глобального бизнеса, цифровые платформы на определенном этапе своего развития оказались драйверами глобализации в ее экономическом и информационно-коммуникационном измерении.

Со времени опубликования фундаментальной работы «Сравнивая медиасистемы. Три модели СМИ и политики» Д. Халлина и П. Манчини (2004) развернулись дискуссии о релевантности национального измерения взаимоотношений медиа и общества в условиях глобализации. Исследователи признают, что глобализация все значительнее влияет на логику развития национальных медиасистем, делая их изолированное рассмотрение недостаточным [2].

В то же время медиасистемы исторически возникли в различных национальных контекстах и остаются подверженными влиянию своеобразной колеи («path dependency») – зависимости от предшествующего пути развития, что по-прежнему определяет уникальные контексты функционирования медиа в различных обществах. Кроме того, медиа остаются значимым общественным институтом, формирующим определенную политическую идентичность, а территориальные, регионально-

экономические, лингвистические факторы в значительной мере определяют специфику этого процесса. В последнее пятилетие национальные медиасистемы демонстрируют способность к сохранению базовых характеристик и даже к «развороту» от глобальных к национальным тенденциям, как показал пример России в пандемийный период [3].

В условиях, когда государства остаются решающей силой, влияющей на облик медиапространства, международный бизнес в лице техногигантов, обеспечивающих работу цифровых платформ, способен влиять на медиапространство лишь во взаимодействии с национальными регуляторами.

Ключевой проблемой любой медиасистемы становится поиск баланса между обеспечением информационной безопасности и технологического суверенитета, с одной стороны, и потребностью в инновационном развитии – с другой. Платформизация, без которой немыслима цифровая трансформация, создает предпосылки для повышения эффективности национальной экономики, но порождает риски технологической зависимости. Тенденцией последних лет стало усиление правовых механизмов регулирования деятельности платформ при их развитии от узконаправленных мер вроде регулирования электронной коммерции в сторону более широких и комплексных подходов. Примером широкого регулирования стали принятые в Европейском Союзе Закон о цифровых рынках и Регламент о цифровых услугах, которые направлены на ограничение доминирующего положения крупных технологических корпораций и защиту прав пользователей в цифровой среде.

В свете современного этапа цифровизации актуальными направлениями изучения влияния цифровых платформ на национальные медиасистемы являются:

Институциональные структуры, которые обладают определенной инерцией и опосредуют превращение политического курса регуляторов медиакоммуникации в практику его реализации. К числу таких структур относятся модели собственности, финансовые модели и механизмы регулирования и саморегулирования. Платформизация трансформирует институциональные структуры современных медиасистем путем создания новых отношений в сфере разработки алгоритмов и использования данных, применения новых моделей финансирования и регулирования.

Политико-правовое измерение функционирования медиасистем – сфера, охватывающая полномочия, решения и механизмы работы регулирующих органов, а также принципы, лежащие в основе выработки норм, относящихся к работе медиа. Цифровые платформы создают вызовы в сфере юрисдикции, требующие новых подходов к регулированию трансграничных потоков информации.

Медиаформаты представляют собой тот аспект практики работы медиа, который обусловлен доступными им технологическими средствами создания сообщений, а также инфраструктурой, определяющей возможности и ограничения соответствующих платформенных решений. Платформы способствуют конвергенции медиаформатов и распространению мультимедийного цифрового контента.

Контентное измерение медиакоммуникации, которое включает смыслы, содержание и коммуникативные практики, воплощающие в себе культурные особенности общества и властные отношения в нем. Алгоритмическое курирование контента создает новые формы взаимодействия между различными медиадискурсами на всех уровнях, от локального до глобального, открывая новые горизонты для исследований в области цифровой антропологии и этнографии.

Медиапроцессы как последовательная смена состояний медиапространства, происходящая в ходе совокупной активности участников производства,

распространения и использования медиаконтента. Появление и развитие платформ оказалось тем структурным условием изменения паттернов взаимодействия с медиа, который повлиял на жизнь людей через изменение темпоральных и пространственных характеристик медиапотоков.

Культурные условия, создающие контекст медиакоммуникации, охватывают ценности, исторические традиции и профессиональные нормы, влияющие на взаимные ожидания производителей контента и аудитории. Поскольку любая медиакоммуникация происходит в определенном культурном контексте, перспективными направлениями исследований являются адаптация алгоритмов к локальным культурным нормам, гибридизация традиционных и цифровых медиапрактик, формирование новых культурных паттернов потребления контента.

Таким образом, платформизация представляет собой неотъемлемую часть процесса цифровой трансформации, который радикально меняет условия функционирования медиасистем. В эпоху платформизации изучение национальных медиасистем требует учета гибридной природы современной медиакоммуникации, в особенности переплетения национальных и глобальных факторов развития медиасистем, конвергенции традиционных и новых медиа, а также распространения различных комбинаций социально-институциональных и алгоритмических механизмов управления медиапроцессами.

Трансформирующее воздействие медиаплатформ на медиакоммуникацию требует переосмысления самого понятия «медиасистема». В условиях, когда национальные медиасистемы неизбежно функционируют посредством глобальной платформенной инфраструктуры, их следует рассматривать как взаимосвязанные гибридные образования, в которых национально-государственные институты и практики вплетены в транснациональные медиапространства. Такое понимание медиасистем позволит лучше концептуализировать ключевые вызовы современного этапа их развития: нахождение баланса между технологической модернизацией и сохранением медиасуверенитета, адаптацию регуляторных механизмов к транснациональной природе цифровых платформ, а также развитие локальных цифровых медиаэкосистем, способных конкурировать с глобальными игроками, сохраняя при этом свою национальную самобытность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровая трансформация. Основные понятия и терминология : сб. статей / редкол.: А.В. Тузиков (пред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Объед. ин-т проблем информатики. – Минск : Беларуская навука, 2020. – 267 с.

2. Hallin, D.C. Comparative media studies in the digital age| comparative research, system change, and the complexity of media systems / D.C. Hallin // International Journal of Communication. – 2020. – Vol. 14. – P. 5776-5786.

3. Вартанова, Е.Л. Теоретическая концепция медиасистемы как отражение конфликтного противостояния глобального и национального / Е.Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2023. – №. 4 (117). – С. 8–18.

УДК 316.4

МИГРАЦИОННЫЙ ДИСКУРС В ЦЕННОСТНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ[1]

Еремина Е. В.
доцент,
Пензенский государственный университет
кандидат социологических наук
г. Пенза, Россия

Ефремов М. А.
аспирант,
Пензенский государственный университет
г. Пенза, Россия

Актуальность темы миграции в современной России обусловлена не только ее значительным вкладом в демографическое и экономическое развитие страны, но и ее глубоким воздействием на социальную ткань общества. В условиях глобальных вызовов и внутренней трансформации особый интерес представляет отношение к миграции молодого поколения, которое чутко реагирует на социокультурные изменения и формирует будущее страны.

Сравнительные исследования культурных ценностей российской молодежи и молодых мигрантов из стран Центральной Азии выявляют глубокие различия. По методике Ш. Шварца, все десять типов культурных ценностей (конформность, традиции, доброта, универсализм, самостоятельность, стимуляция, гедонизм, власть, безопасность и достижения) оказались значимо более выражены у мигрантов [3, с. 99-100]. Это объясняется разностью контекстов формирования ценностных систем.

Для российской молодежи характерна ценностная неопределенность. Ее картина мира формируется под воздействием множества разнонаправленных и зачастую конфликтующих влияний: советского наследия, современной государственной идеологии, западных глобализационных ценностей, религиозных и этнических традиций, а также молодежных субкультур. Это приводит к размытости и меньшей интенсивности ценностных ориентаций, а также к расхождению между декларируемыми ценностями и реальным поведением [3, с. 103].

В условиях демографического кризиса Россия рассматривает иностранных студентов как стратегический ресурс. За 2016–2022 гг. их численность выросла в 2,1 раза (до 870 тыс. человек), при этом большинство прибывает из стран Центральной Азии. Распределение студентов по регионам России неравномерно: треть концентрируется в Москве, Санкт-Петербурге и Татарстане. Мотивация обучения носит прагматический характер (доступность образования, легализация, престиж диплома), однако адаптацию осложняют слабое знание русского языка и низкие навыки межкультурной коммуникации [5, с. 148-149; 3, с. 99-100].

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025: проект «Аксиосфера молодежи: структурное единство традиционных ценностей как основа цивилизационного кода и идеологического суверенитета российского общества (FSGE-2025-0003)» 1025021100047-3-5.4.1;5.6.1;5.6.2. Регистрационный номер проекта 125081309529-9.

Молодые мигранты из Центральной Азии демонстрируют выраженную приверженность традиционным этническим и религиозным ценностям, что усиливается в условиях иной культурной среды России. Коллективистская ориентация и стремление к сохранению идентичности приводят к противопоставлению собственных норм (уважение к старшим, семейность, сдержанность) нормам принимающего общества. Этот ценностный разрыв порождает риски межличностных и внутриличностных конфликтов, но одновременно формирует потенциал для диалога культур, который реализуется в таких пространствах, как сфера услуг, образовательные учреждения и культурные мероприятия.

Анализ исследований в Поволжье и на Дальнем Востоке подтверждает значительную региональную неоднородность отношения российской молодежи к миграции [1, с. 587].

Сравнительные данные по Поволжью выявили контрастные установки. В Казани фиксируется наиболее негативное отношение, обусловленное опасениями молодежи за конкуренцию на рынке труда и требованиями ужесточения миграционной политики. В Астрахани, напротив, наблюдается высокая толерантность к легальным мигрантам на фоне депопуляции и нехватки рабочей силы, при резком неприятии нелегальных практик. В Ярославле мнения поляризованы: противники миграции выступают за ограничение притока лиц с «иным менталитетом» [1, с. 587-590].

Опрос в Хабаровске (2023) выявил парадокс: при декларативной толерантности (70 % респондентов указали, что национальность не важна для дружбы) практическое отношение характеризуется настороженностью. Лишь 4,1 % положительно оценивают иммиграцию, около 50 % допускают ее при жестком регулировании, а 25,2 % видят в ней угрозу. Большинство (74,7 %) связывают миграцию с риском этноконфликтов [4, с. 86].

Характерно, что восприятие агрессивного поведения мигрантов варьируется: в Ярославле оно формируется медийным дискурсом, тогда как в Казани и Астрахани подкреплено личным опытом взаимодействия. Социальная стигматизация мигрантов ведет к их исключению и подрывает общественную стабильность.

Как показывают исследования, стигматизация возникает из-за несоответствия между виртуальной идентичностью (ожиданиями принимающего общества) и истинной идентичностью мигрантов. Характеристики, которых ожидает принимающее общество (нормы поведения, культурные коды), не являются естественной нормой для мигрантов, что усложняет их адаптацию и провоцирует напряжение.

Главными факторами, провоцирующими конфликты, российская молодежь называет религиозные убеждения (60 %), эмоционально-психологическую неуравновешенность (52,4 %), низкий уровень социальной ответственности и неразвитое правосознание (по 50,6 %). При этом большинство респондентов признают толерантность необходимым условием преодоления стигматизации [2, с. 36-40].

Отношение к миграции формируется под влиянием трех ключевых факторов: региональной специфики (экономическая ситуация, исторический миграционный опыт, этнокультурный состав территории), ценностного разрыва между индивидуализированным мировоззрением молодежи и традиционной системой ценностей мигрантов, а также социальной стигматизации, закрепляющей негативные стереотипы и провоцирующей ксенофобию.

С участием авторов на базе Пензенского государственного университета было проведено исследование ценностного сознания современной российской молодежи (июнь 2025 года, n=500). В качестве респондентов выступили молодые жители Пензенской области от 14 до 35 лет.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод: современная молодежь в России не отказывается от традиционных ценностей, а встраивает их в новую систему взглядов, формируемую модернизацией. Это выражается в совмещении современных и традиционных ориентиров во всех сферах жизни.

Отношение молодежи Пензы и области к мигрантам неоднородное, но в целом его можно охарактеризовать как спокойно-настороженное или прагматичное.

Пензенская область не является одним из главных центров притяжения иностранной рабочей силы, в отличие от Москвы, Подмосковья, Санкт-Петербурга или регионов Сибири и Дальнего Востока. Поэтому здесь нет острой конкуренции на рынке труда и напряженности в бытовой сфере, которые часто являются причиной ксенофобии.

Эмпирические данные свидетельствуют о прагматическом восприятии молодежью феномена трудовой миграции, обусловленном пониманием ее экономической целесообразности для восполнения дефицита рабочей силы в таких секторах экономики, как строительство и сфера услуг.

Количественный анализ выявил неоднородность оценок молодежной когорты. За допуск иностранной рабочей силы высказываются 44,8 % респондентов, в то время как противоположную позицию занимают 14 % опрошенных. Наблюдается корреляция между возрастным фактором и характером установок: доля поддерживающих миграцию максимальна в группе до 18 лет (52,5 %) и минимальна в возрастной группе 25-35 лет (34,6 %). Соответственно, негативное отношение наиболее выражено среди респондентов 26-35 лет (45,2 %) по сравнению с младшей группой (32,8 %).

Ключевым детерминирующим фактором отношения выступает правовой статус и поведенческие модели мигрантов. Лояльность напрямую зависит от соблюдения мигрантами законодательства и социокультурных норм принимающего общества.

Таким образом, отношение российской молодежи к миграции отличается сложностью и противоречивостью. При общем признании гражданской идентичности и декларируемой толерантности, на практике превалирует настороженность, а в ряде регионов – открытое неприятие, обусловленное социально-экономическими рисками и культурными различиями.

В частности, для молодежи Пензенской области характерно сдержанно-толерантное отношение, преобладание социокультурной, а не экономической настороженности, связанной с низким уровнем адаптации к этнокультурному разнообразию.

Эффективная интеграция мигрантов требует комплексного подхода, включая программы адаптации, развитие межкультурной компетентности, продвижение толерантности через СМИ, учет региональной специфики и борьбу со стигматизацией. Это позволит разработать стратегии, укрепляющие общественную стабильность и использующие миграционный потенциал для развития страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гуня, А.Н. Региональные тренды в формировании идентичностей студенческой молодежи в поволжских регионах / А.Н. Гуня, А.Б. Ефимов, С.Г. Макеева, А.М. Смулов // Humanity space. International almanac. – 2020. – Т. 9, № 6. – С. 585–592.

2. Гуня, А.Н. Мировоззренческие предпочтения российских студентов и школьников в регионах Поволжья и Северного Кавказа / А.Н. Гуня, А.Б. Ефимов, Т.Б. Рязанова, А.М. Смулов // Искусство, образование, наука. – 2023. – № 4. – С. 34–41. – DOI: 10.34685/HI.2023.43.4.005.

3. Евдокимов, А.И. Культурные ценности российской молодежи и мигрантов из стран Центральной Азии / А.И. Евдокимов, И.В. Пономарева // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. – 2021. – № 4. – С. 98–104.

4. Туркулец, С.Е. Социальная стигматизация мигрантов как предпосылка этнонациональных конфликтов / С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки / HUMANITIES, SOCIAL-ECONOMIC AND SOCIAL SCIENCES. – 2023. – № 12 (декабрь). – С. 85–88.

5. Щитова, Н.А. Географические особенности адаптации иностранных студентов в России / Н.А. Шитова, Ю.Ф. Зольникова, И.А. Соловьев, В.С. Белозеров // Вестник Московского университета. Серия 5. География. – 2024. – Т. 79, № 5. – С. 141–154. – DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.5.12

УДК 323.2

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ермолович Е. П.
преподаватель кафедры политологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Современное белорусское общество находится в фазе интенсивного развития цифровых технологий, оказывающих системное воздействие на социально-политические институты. Цифровизация выступает важнейшим фактором модернизации, открывающим новые ресурсы для социально-политической коммуникации и интеграции, но одновременно формирует риски, затрагивающие ценностные основания общества. В наибольшей степени данные процессы отражаются на функционировании семьи – базового института социализации, обеспечивающего преемственность поколений, формирование духовно-нравственных ориентиров и трансляцию культурных традиций.

Семья является не только фундаментом общества, но и ключевым фактором политического процесса, определяющим традиции и имидж государства в контексте защиты его национальных интересов.

В условиях цифровизации возникает объективная необходимость анализа вызовов и угроз, выявления перспектив сохранения традиционных семейных ценностей, поскольку от их устойчивости во многом зависит социальная и политическая стабильность государства [1, с.104].

В политологическом контексте цифровизация рассматривается как фактор трансформации общественных отношений, затрагивающий систему власти, институты гражданского общества и ценностные ориентации личности.

В сфере семейных отношений цифровизация проявляется в изменении способов личностной коммуникации, трансформации форм внутрисемейного совместного досуга, модификации и переосмыслении использования воспитательных ресурсов, а также в пересмотре репродуктивного поведения. Наряду с этим усиливается роль семьи. Особое значение приобретает сохранение традиционных семейных установок, поскольку именно они формируют основы мировоззрения личности, закрепляют нормы ответственности, взаимопомощи и сплоченности между поколениями, выступают условием политической и социальной стабильности государства. Именно

семья, оставаясь первоисточником ценностных ориентиров, обеспечивает непрерывность социально-политического развития и укрепляет национальные интересы в условиях глобальных вызовов цифровой эпохи [2, с.131].

Цифровая среда оказывает амбивалентное влияние на современную семью, создавая одновременно новые возможности для коммуникации и воспитания, а также несет существенные вызовы для традиционных форм внутрисемейного взаимодействия. В частности, широкое распространение социальных сетей и цифровых платформ снижает интенсивность живого общения, ослабляет эмоциональные связи между членами семьи и трансформирует привычные модели воспитания и социализации, способствуя формированию новых форм зависимости, таких как интернет-зависимость. Одновременно глобальное цифровое пространство активно транслирует ценности и модели поведения, часто противоречащие национально-культурным и семейным традициям белорусского общества, навязывая стандарты потребительского образа жизни, индивидуализма, самореализации и личных достижений.

Указанные процессы способствуют постепенной утрате значимости семейных ценностей либо их подмене. Это, в свою очередь, приводит к ослаблению института семьи, снижению готовности молодежи к вступлению в брак и рождению детей, росту числа неполных семей и увеличению внебрачных рождений. Подобная трансформация ценностных установок усиливает нагрузку на социальный институт семьи, приводит к смещению приоритетов молодежи и, как следствие, к снижению устойчивости национальной идентичности и дестабилизации традиционных семейных оснований общества.

В этих условиях особенно актуальным становится системный подход в государственной политике, направленный на сохранение духовно-нравственных ориентиров, укрепление института семьи и обеспечение долгосрочной социальной и политической стабильности общества. Актуальность данного направления подтверждается и эмпирическими данными. Согласно официальной статистике Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2024 году было зарегистрировано 46,2 тысячи браков и 34,9 тысячи разводов. Коэффициент разводимости составил 3,8 разводов на 1000 человек населения, что свидетельствует о сохраняющемся высоком уровне разводов в стране. Особое внимание заслуживает возрастная структура разводов: значительная их часть приходится на семьи с детьми, что указывает на необходимость комплексного подхода к поддержке семейных ценностей и укреплению института семьи в условиях цифровизации и социальных трансформаций [3].

Несмотря на вызовы, цифровизация открывает и новые возможности для сохранения и развития традиционных семейных ценностей. В частности, использование цифровых технологий в просветительских и образовательных целях позволяет формировать позитивные модели внутрисемейных отношений, культуру ответственного родительства и укреплять образовательный потенциал семьи, включая освоение национальной культуры и традиций. Цифровые ресурсы становятся инструментом реализации семейного образования и медиапросвещения, что в совокупности способствует укреплению института семьи как ключевого социального и политического актора.

Важнейшим аспектом является институциональная поддержка со стороны государства. Нормативно-правовые акты Республики Беларусь закрепляют особую роль семьи в системе государственных приоритетов. Конституция Республики

Беларусь в статье 32 определяет, что «семья, брак, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства» [4]. В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь отмечается, что угрозами национальной безопасности являются процессы, подрывающие духовно-нравственные ценности и традиционные основы общества. Семья в этом контексте рассматривается как ключевой элемент противодействия данным угрозам [5].

Государственная демографическая политика, включая подпрограмму «Семья и детство», ориентирована на поддержку института семьи, повышение рождаемости, защиту прав детей и укрепление духовных основ общества [6]. Решения Всебелорусского народного собрания подчеркивают необходимость укрепления национальной идентичности и сохранения традиционных ценностей в условиях глобальных вызовов [7].

Дополнительным подтверждением значимости института семьи для социально-политического развития страны стало подписание Президентом Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 17 января 2025 г. Указа № 31, согласно которому 2025–2029 годы объявлены пятилеткой качества. Среди приоритетов данной программы определены укрепление института семьи, консолидация традиционных нравственных ценностей, формирование патриотизма, проведение цифровой трансформации, а также меры, направленные на повышение рождаемости и улучшение демографического потенциала. Эти направления имеют взаимосвязь: цифровизация, является детерминантой социально-политических преобразований, одновременно выступает фактором, влияющим на трансформацию духовно-нравственной сферы, включая институт семьи [8].

Следовательно, для эффективного противодействия цифровизации необходим системный подход в государственной политике, направленный на гармонизацию инновационных процессов с сохранением традиционных моделей социально-политического воздействия.

Цифровизация общества несет в себе двойственный характер: с одной стороны, она выступает фактором риска для сохранения традиционных семейных ценностей, с другой – предоставляет новые возможности для их актуализации и трансляции. В белорусском контексте семья остается ключевым социальным институтом, обеспечивающим стабильность общества и государства. Эффективная государственная политика в сфере цифровизации должна сочетать инновационные технологии с приоритетом традиционных ценностей, что позволит гармонично интегрировать Республику Беларусь в глобальное информационное пространство, сохранив при этом национально-культурную самобытность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шишов, С.Е., Кальней, В.А. Цифровая культура и ее влияние на развитие личности: исторический контекст и современные вызовы // Гуманизация образования. 2025. №1. С.103–128.

2. Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Влияние цифровой среды на современное мировоззрение: Pro et Contra // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 113–133.

3. Брачность и разводимость в Республике Беларусь : Национальный статистический комитет Республики Беларусь – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/2024/marriage-2024.pdf?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 25.08.2025).

4. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 109 с.

5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с.

6. О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2021–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 19 января 2021 г. № 28 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).

7. Всебелорусские народные собрания с 1996-го по 2024-й. Важнейшие точки отсчета в истории Беларуси // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://minsknews.by/vsebelorusskie-narodnye-sobraniya-s-1996-go-po-2024-j-vazhnejshie-tochki-otscheta-v-istorii-belarusi (дата обращения: 25.08.2025).

8. О пятилетке качества : Указ Президента Республики Беларусь 17 января 2025 г. № 31 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 25.08.2025).

УДК 378.113.2

РОЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ В УПРАВЛЕНИИ АКАДЕМИЧЕСКИМ РАЗВИТИЕМ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Ефимова Г. З.
профессор,
Тюменский государственный университет
кандидат социологических наук, доцент
г. Тюмень, Россия

Заведующий кафедрой – ключевое звено и основной «менеджер» управления академическим развитием научно-педагогических работников (далее – НПР) в университете. Его роль исторически менялась в зависимости от социальных и академических трендов: от позиции «первого среди равных» (primus inter pares) во второй половине XX века до менеджера, отвечающего за продуктивность кафедры, к началу XXI века [1], [2]. Сегодня, в условиях растущих ожиданий от науки, заведующий кафедрой становится ключевым трансформационным лидером, чья задача – не только управлять текущими процессами, но и формировать стратегическое видение, вдохновлять коллектив на изменения и обеспечивать связь между университетом и обществом [3], [4].

При управлении академическим развитием НПР заведующий кафедрой выполняет несколько взаимосвязанных функций. Он определяет направление развития кафедры в рамках общеуниверситетской политики, анализирует потенциал сотрудников, формирует «портрет» кафедры, разрабатывает план развития на 3–5 лет и определяет потребность в новых кадрах. Также оценивает актуальный уровень профессионального, личностного и карьерного развития каждого НПР и его потенциал, проводит регулярную оценку деятельности коллектива, осуществляет мотивационные беседы, выявляет запросы сотрудников на академическое развитие и помогает сформировать индивидуальный план развития. Помимо этого, он распределяет между сотрудниками ресурсы и возможности, напрямую влияющие на их развитие: преподавательскую нагрузку, доступ к оборудованию, академическую мобильность. Он информирует о возможностях профессионального, личностного и карьерного

развития, существующих в вузе, рекомендует к поступлению в аспирантуру / докторантуру и включению в кадровый резерв.

Также за заведующим кафедрой неформально закреплена задача создания и поддержания благоприятной рабочей атмосферы. Он создает условия для развития всех категорий сотрудников, реализуя стратегические приоритеты университета и учитывая индивидуальные интересы работников, информирует и мотивирует их участвовать в университетских и внешних мероприятиях, организует научные семинары, методические кружки, поощряет публичные обсуждения и внедряет практику внутреннего наставничества. Выступая ментором, заведующий оказывает персональную поддержку сотрудникам: курирует молодых ученых, помогает опытным сотрудникам преодолеть карьерное «плато» и является проводником между НПР и руководством факультета или университета. Являясь линейным руководителем, заведующий контролирует выполнение работниками индивидуального плана развития, готовит отчеты о развитии кафедры и обеспечивает проведение аттестации [5], [6].

Так, сочетая управленческие, педагогические и научные функции, заведующий кафедрой оказывает непосредственное влияние на профессиональное и личностное развитие преподавателей и исследователей. От него зависит формирование и существование научных школ, внедрение инновационных образовательных практик, профессиональный рост преподавателей и конкурентоспособность вуза в целом [5], [7-9]. Эффективное руководство кафедрой способствует повышению компетенций преподавателей и укреплению позиций университета.

Вместе с тем анализ результатов проведенного в 2024 г. в 15 российских университетах социологического исследования показывает, что многие заведующие кафедрами при исполнении своих функций сталкиваются с бюрократической нагрузкой и отсутствием системной поддержки [10]. Так, по данным исследования, об актуальных потребностях НПР в наибольшей степени осведомлены именно заведующие кафедрами и лабораториями (80% – «очень хорошо осведомлены» и «обладают общей информацией») и руководители структурных подразделений (директора институтов, деканы) (66*%).* Наиболее низкий уровень осведомленности отмечен у ректорского (48%) и проректорского корпуса (51%).

На вопрос анкеты «По Вашему мнению, за кем должна быть закреплена основная роль в определении направлений профессионального, личностного и карьерного развития сотрудников?» получены достаточно противоречивые ответы. По мнению большинства опрошенных, основная роль в определении направлений академического развития должна быть закреплена за заведующими кафедрами / лабораториями (25%) и руководителем научно-образовательного подразделения (22%). Вместе с тем опрос показал, что заведующие кафедрами (23%) склонны делегировать основную роль в определении направлений академического развития НПР на более высокий, стратегический уровень (ректорат) и руководителя научно-образовательного подразделения (21%). При этом сотрудники кафедр видят ключевую роль в своем академическом развитии за непосредственными руководителями (завкафедрами) (26%), а на втором месте – руководитель научно-образовательного подразделения (20%). Это создает зону потенциального конфликта ожиданий. Для его разрешения необходимо усилить роль заведующего кафедрой в академическом развитии персонала, обеспечить его необходимыми инструментами и ресурсами для эффективного выполнения данной функции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Busk, A.J., Rasmussen, S.B. The head of department as the key transformational leader / A.J. Busk, S.B. Rasmussen // How to lead academic departments successfully. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021. – P. 29–51.

2. Jones, D.G. Academic Leadership and Departmental Headship in Turbulent Times / D.G. Jones // Tertiary Education and Management, 2011. – №17(4). – P. 279–288.

3. Day, C. The Role of a Head of Department in Staff Development / C. Day // Journal of In-Service Education. -1984. – №10(2). – P. 30–35.

4. Du Plessis, A. The Role of Heads of Department in the Professional Development of Educators: A Distributed Leadership Perspective / A. Du Plessis, E. Eberlein // Africa Education Review. – 2018. – 15(1). – P. 1–19.

5. Ершова, И.В. Заведующий кафедрой как триада ипостасей: менеджер, преподаватель, научный работник / И.В. Ершова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9(118). – С. 174–187.

6. Алавердов, А.Р. Заведующий кафедрой современного вуза: ученый, педагог, администратор? / А.Р. Алавердов, Т.П. Алавердова // Высшее образование в России. – 2013. – № 5. – С. 51–57.

7. Резник, С.Д. Управленческое воздействие заведующих кафедрами на персонал: результаты мониторинга / С.Д. Резник, О.А. Сазыкина // Russian Journal of Management. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 184–196.

8. Передерий, В.А. Новые подходы к оценке качеств и компетенций заведующего кафедрой современного вуза (результаты эмпирического исследования) / В.А. Передерий // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 3(121). – С. 15–18.

9. Звонарев, Д.Г. Компетентность заведующего кафедрой вуза как менеджера на современном этапе модернизации системы высшего образования / Д.Г. Звонарев // Известия Тульского государственного университета. Педагогика. – 2015. – № 2. – С. 89–101.

10. Кармаева, Н.Н. Заведующие кафедрами в условиях меняющихся механизмов управления в высших учебных заведениях России / Н.Н. Кармаева, Н.В. Родина // Социологические исследования. – 2016. – № 8(388). – С. 137–145.

УДК 355.1:316+303.4

ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Затонацкий А. Ю.
старший преподаватель кафедры общевоенной подготовки,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
г. Екатеринбург, Россия

В современной науке военная социология определяется как отрасль социологии, изучающая закономерности становления, развития и функционирования военной организации как социального института в мирное и военное время, взаимодействие с другими социальными институтами и обществом в целом, социальные процессы и отношения между социальными общностями, группами и отдельными личностями внутри самой военной организации, а также социальные аспекты войн и вооруженных конфликтов [1, с. 1138].

Изначально становление военной социологии происходило в рамках в социальной философии и военной науки. Она возникла в виде социологии войны, так как войны во все времена оказывали большое влияние на экономику, динамику численности, состав

населения и другие важные социальные процессы. В развитии военной социологии, как и любой отрасли научного знания, были периоды генезиса, спада, возрождения и др.

В истории военной социологии в России И. В. Образцов выделяет четыре этапа: 1) возникновение социологического подхода к изучению войны (конец XIX в. – Первая мировая война); 2) формирование теоретико-методологических основ, методики и техники военно-социологических исследований (1917 – середина 1930-х гг.); 3) запрет социологии (конец 1930-х – начало 1960-х гг.); современный этап возрождения и институционализации военной социологии (середина 1960-х гг. – настоящее время) [2, с. 92].

Первое «пришествие» военной социологии в отечественную науку не было случайным, его тем более нельзя рассматривать как следствие моды или простого удовлетворения «любознательности» военных исследователей (Н. П. Головин [3], Н. А. Корф [4, с. 66-88], Н. П. Михневич [5, с. 1-23] и др.). Возникновение военной социологии скорее явилось закономерным результатом осознания ими специфики социально-исторических условий второй половины XIX века и роста доверия к логике и методологии научно-социального познания, утвердившихся в общественных науках под влиянием идей, принципов и методов философии и социологии того времени.

История становления и развития военной социологии является, в том числе, историей становления и развития ее метода. Хотя эта черта свойственна каждой науке, для военной социологии она имеет особое значение. Дело в том, что социология со времени своего появления резко обозначила проблему научного метода, предложила его собственную интерпретацию, противопоставила свой метод прежним подходам, доминировавшим в обществознании. В свою очередь, каждая новая отрасль социологии решала задачу реализации общего предметно-нормативного содержания социологического метода применительно к специфике изучаемой предметной области. Теоретические схемы, методологические и методические разработки русских военных ученых, их активная нравственная позиция в борьбе за использование возможностей социальных наук для обновления устаревших элементов военной силы государства оказали в свое время заметное воздействие на процесс зарождения и ранние формы институционализации военной социологии. Они могут быть полезны и на современном этапе, в условиях, когда отечественная военная социология ведет поиск национально-исторических корней, связывает с ними формирование собственного фундамента и определение на его основе тенденций и перспектив развития в XXI веке.

Становление современного образа военной социологии можно рассматривать как определенный исторический процесс, в котором результаты прошедших научных этапов переосмысливаются, оцениваются заново в рамках иной познавательной ситуации.

По нашему мнению, в настоящее время военная социология занимается изучением ряда прикладных проблем:

социально-правовое и материальное положение военнослужащих по контракту в новых экономических условиях и санкционного давления;

наемничество (частные военные компании) в среде российских военнослужащих в зонах вооруженных конфликтов;

реформирование военного образования;

проблемы кадровых военнослужащих и участников специальной военной операции (далее – СВО) российских войск на Украине, увольняемых в запас;

социальная защита участников СВО, ветеранов других вооруженных конфликтов и эффективность мер по ее реализации;

социальная удовлетворенность военнослужащих и отношение к высшему военно-политическому руководству Вооруженных Сил РФ;

характер взаимодействия армии и религии;

проблемы контрактной службы в Вооруженных Силах;

динамика качественных характеристик и ценностных ориентации различных категорий военнослужащих;

динамика уровня жизни семей военнослужащих;

проблемы и особенности семей военнослужащих по контракту;

социальные аспекты укрепления воинской дисциплины и профилактики правонарушений;

эффективность работы с личным составом;

динамика морально-политического и психологического состояния военнослужащих;

прогнозы развития социальных процессов в Вооруженных Силах РФ.

Обращаясь к истории зарубежной военной социологии, следует отметить, что первоначально в США военная социология была относительно второстепенной областью в научном знании. Лишь немногие социологи проводили изыскания по военной тематике и всего несколько университетов предлагали курсы обучения в этой сфере. В последние десятилетия большинство проектов, которые можно классифицировать как военно-социологические исследования, проводились в некоммерческих исследовательских учреждениях (например, в Rand Corporation) или в военных организациях.

Исследовательские группы, как правило, являлись междисциплинарными, в их состав, помимо социологов, включались психологи, экономисты, политологи и специалисты по менеджменту. Чаще всего они были направлены на решение задач военной политики.

Основными источниками первичных данных для военно-социологических экспертиз являются социологические опросы, которые могут проводиться в форме анкетирования, интервью, экспертного опроса и фокус-групп, также используется метод свободных ассоциаций [6, с. 172].

В последние десятилетия за рубежом активно проводятся исследования, посвященные изучению актуальных проблем структуры военного образования, системы отбора и подготовки офицерских кадров в военных вузах, комплектования воинских коллективов, взаимоотношений между военнослужащими и др. Иностранные военные социологи, как правило, проявляют особый интерес к военно-социальным проблемам, негативным явлениям, оказывающим пагубное влияние на деятельность и развитие вооруженных сил, воинских коллективов и, в целом, на поддержание высокой боевой готовности армии.

С нашей точки зрения, современная военная социология, опираясь на данные полемологии, психологии, антропологии, демографии, истории, политологии и других наук, успешно занимается изучением феномена войны и ее влияния на социально-политические и экономические процессы в обществе. Результаты ее научного поиска имеют не только теоретическое значение, они плодотворно применяются при решении практических задач обеспечения безопасности страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.

2. Образцов, И.В. Военная социология в России: история, современное состояние и перспективы / И.В. Образцов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – № 3. – С. 91-107.

3. Головин, Н.Н. Наука о войне : избранные сочинения / Н.Н. Головин ; [сост. И.А. Вершинина]. – Москва : Астрель, 2008. – 1006 с., [1] л. портр. : табл.

4. Корф, Н.А. Общее введение в стратегию. Этюды по философии военных наук / Н.А. Корф. – Изд. 2-е, репр. – Москва : URSS, 2012. – 129 с.

5. Михневич, Н.П. История военного искусства / Н.П. Михневич. – Москва : Эксмо, 2008. – 446, [1] с.

6. Затонацкий, А.Ю. Современные военно-социологические исследования за рубежом / А.Ю. Затонацкий // Культура, личность, общество: актуальные проблемы развития социально-политических наук : Сборник тезисов XXVII Международной научно-практической конференции памяти профессора Л.Н. Когана. Екатеринбург, 12 июля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2024. – С. 168–173. – EDN ZCCQAF.

УДК 316.334.55(476):303.425.6

СПЕЦИФИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Зеленская М. М.
аспирант Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Введение. Развитие регионов является одним из приоритетных направлений внутренней политики Республики Беларусь. На сегодняшний день в стране разработана Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года, в которой стратегическая цель региональной политики определена следующим образом: «создать в регионах равные возможности для достижения высокого уровня и качества жизни населения на основе реализации личностного потенциала и удовлетворения потребностей граждан, рационального размещения производительных сил, эффективного, сберегающего и развивающего использования ресурсов» [1]. Для успешной реализации этой цели в первую очередь необходимо всестороннее систематическое изучение социально-экономического положения регионов, определение перспектив и необходимых условий для их дальнейшего развития. О востребованности региональных исследований свидетельствует публикация ежегодного статистического сборника «Регионы Республики Беларусь». На официальном сайте Национального статистического комитета Республики Беларусь указывается, что сборник «является наиболее полным изданием, характеризующим социально-экономическое развитие регионов республики: областей, районов и отдельных городов» [2]. Важным вкладом в модернизацию теории и практики региональных исследований стала изданная Институтом социологии НАН Беларуси в 2024 г. коллективная научная монография «Развитие современного белорусского села: проблемы, тенденции, перспективы» [3], в которой рассмотрен широкий круг вопросов, связанных с социально-культурным и экономическим потенциалом сельских территорий и перспективами его приращения.

Основная часть. Согласно Программе социально-экономического развития Республики, Беларусь на 2021 – 2025 годы, региональная политика «направлена на повышение привлекательности для жизни, работы и бизнеса территорий,

расположенных за пределами столицы и областных центров, на популяризацию сельского образа жизни (деурбанизация)» [4]. Позитивные изменения, произошедшие в сельских районах страны, возникновение агрогородков как населенных пунктов качественно нового типа содействовали формированию активной гражданской позиции местного населения, готовности участвовать в общественной жизни, благоустройстве своего места жительства.

Дальнейшее преобразование сельских территорий невозможно без анализа достигнутых результатов и прогнозирования основных направлений их развития. Для получения достоверных результатов исследований необходим комплексный подход, включающий в себя изучение и анализ статистических данных, социальное моделирование, метод экспертной оценки, однако одним из ключевых инструментов мониторинга эффективности реализации региональной политики является изучение общественного мнения местного населения, поскольку «приоритет человеческого фактора в управлении региональным развитием будет способствовать созданию комфортной среды проживания в сельской местности с учетом проблем, актуальных для жителей конкретного региона, его экономических и социальных ресурсов» [3, С. 11]. Общественное мнение – понятие динамическое и многогранное, отражающее различные аспекты общественного развития. В контексте социологических исследований, оно представляет интерес как «состояние общественного сознания, обобщенно отражающего активное отношение членов больших социальных групп к актуальным проблемам действительности и публично выражающегося в форме оценочных суждений или практических действий…» [5]. Исследование общественного мнения позволяет генерировать ценную информацию, при условии ее достоверности. Для этого следует адаптировать подходы к изучению общественного мнения сельских жителей.

На современном этапе в Республике Беларусь отмечается активное использование современных информационных технологий в социологических опросах. В связи с этим, обращает на себя внимание национальный проект «Меркаванне.бел». Это онлайн-панель, на которой жители республики могут принять участие в опросе «Народная пятилетка», оставить свои предложения, идеи, которые будут способствовать развитию страны в различных сферах. Такая инициатива, способствующая консолидации гражданского общества, безусловно, необходима. Однако, для получения исчерпывающей информации при проведении социологического опроса необходимо учитывать демографический профиль сельских населенных пунктов. Использование современных технологий не всегда учитывает мнение людей пожилого возраста, что может привести к искажению информации, потере преемственности поколений. В связи с этим, наиболее рациональным представляется, наряду с онлайн-опросом, использовать «традиционный». При этом в работе с сельскими жителями пожилого возраста необходимо рассмотреть возможность привлечения работников организаций системы здравоохранения, образования, социальной защиты, которые традиционно вызывают доверие у данной категории граждан.

Необходимо также учитывать менталитет сельских жителей. Сельское сообщество, как правило, обладает более высокой степенью интеграции, чем городское. Это обусловлено тесными межличностными связями и общими интересами. При изучении общественного мнения сельского сообщества для рационального использования ресурсов и минимизации затрат целесообразно использовать метод фокус группы, в которую будут включены наиболее активные жители населенного пункта. Это связано с тем, что в сельских сообществах мнение одного человека зачастую зависит от мнения

большинства. Кроме того, стоит обратить внимание на факт зависимости членов общества от мнения окружающих. И если мнение индивида не совпадает с мнением большинства, он может давать ответы, которые, по его мнению, вызовут одобрение окружающих. Для объективности полученных результатов оправданно использование, наряду с традиционным опросом, проективных методик, которые позволят выявлять подлинное мнение респондента, избежать получение «социально одобряемых ответов» уменьшить эффект «социальной желательности». Проективные методики широко используются в психологии, однако этот инструмент можно успешно использовать и в социологических опросах. Проективные методики позволят «выявлять истинные установки, оценки, интересы респондентов, в отличие от получаемых социально одобряемых ответов на прямые вопросы. Это происходит, так как нейтрализуется психологическая защита и участники опросов могут осмыслить и проговорить реальное положение вещей» [6].

Еще одной характерной особенностью организации жизнедеятельности сельского населения является «сезонность», которая тесно связана с циклом сельскохозяйственных работ. Это касается не только работников, непосредственно занятых в аграрном секторе, но и подавляющего большинства сельских жителей, вследствие потребности ведения личного подсобного хозяйства, что также откладывает отпечаток на ритм жизни. Социологический опрос в сельской местности во время проведения посевной компании, в пору сбора и заготовки на зиму урожая, не найдет отклик и одобрение у местного населения. Полученные результаты будут формальными, поверхностными и, с большой долей вероятности, не будут отражать реальную ситуацию.

Заключение. Не вызывает сомнения тот факт, что проведение социологических исследований, в том числе в сельской местности, содействует успешной реализации социально-ориентированных государственных программ, направленных на развитие регионов, повышение качества жизни населения. Данные, полученные в результате исследований, способствуют решению широкого спектра социальных проблем, однако для получения информации, заслуживающей доверия, необходимо детально подходить к составлению программ социологических исследований, учитывая социокультурные особенности жителей различных регионов страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – URL: https://www.mintrud.gov.by/uploads/files/Nacionalnay-strategia-2035.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998. – 2025. – URL: https://www.belstat.gov.by (дата обращения: 01.08.2025).

3. Развитие современного белорусского села : проблемы, тенденции, перспективы / Н.Л. Балич [и др.] ; под общ. ред. Н.Л. Балич ; Нац. Акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларуская навука, 2024. – 248 с.

4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 29.07.2021 № 292 : в ред. от 23 июня 2023 г. № 180 // ilex : информ. правовая система (дата обращения: 01.08.2025).

5. Золотухин, А.В. Общественное мнение как социально-психологический феномен / А.В. Золотухин // Молодой ученый. – 2013.– № 4 (51) – С. 483–490.

6. Зубова, О.Г. Проективные методики в социологических исследованиях: теория и практика / О.Г. Зубова // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2023. – Т. 29, № 1. – С. 194–218.

УДК 325.1 (476)

SWOT-АНАЛИЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ПО РЕГУЛИРОВАНИЮ УЧЕБНОЙ МИГРАЦИИ

Зенченко С. В.
ведущий научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Динамика демографических процессов, запросы на обеспечение национальной безопасности и устойчивого развития в Республике Беларусь и мире актуализирует приоритетность и перспективы формирования и реализации эффективной миграционной политики. В рамках формирования селективной модели государственной миграционной политики особое место принадлежит учебной миграции. В Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь, «оптимизация миграционных процессов и привлечение высококвалифицированных кадров определяется одним из приоритетов государственной политики» [1]. Проведение SWOT-анализа позволит выявить сильные и слабые стороны регулирования учебной миграции как объекта исследования и определить потенциальные возможности и угрозы, детерминированные данным процессом.

Экспорт образовательных услуг становится значимым фактором выстраивания внутренней и внешней политики развитых государств, инструментом «мягкой силы» и государственным брендом. По различным данным «объем рынка образовательных услуг оценивается от 1 до 4 трлн. долларов, и в ближайшее время прогнозируется его значительное увеличение» [2, с. 36]. Количество образовательных мигрантов в мире с 2021 года постоянно сохраняется на уровне 6,4 млн. человек ежегодно. «Наибольшее количество иностранных студентов в 2023 году обучалось в США – 17% (1,057 млн. чел.), Великобритании – 11% (718 тыс. чел.), Канаде – 10% (660 тыс. чел.), Франции – 6% (392 тыс. чел.), Австралии – 6% (361 тыс. чел.), Германии – 6% (349 тыс. чел.), России – 4% (283 тыс. чел.), Китае –3% (210 тыс. чел.), Японии – 3% (181 тыс. чел.)» [3]. Приоритетом для большинства учебных мигрантов является перспективность получения научного инженерно-технического, а также бизнес и менеджмент англоязычного образования, в первую очередь в наиболее развитых англоязычных странах мира. Китайские и индийские иностранные студенты, обучающиеся в англоязычных странах, составляют большинство в структуре учебной миграции. В США 27,5% от общего количества учебных мигрантов представлены китайцами, 25,5% – индийцами, в Великобритании это соотношение составляет 22% и 17%, в Австралии – 38,7% и 15%, в Канаде – 12% и 44% соответственно [3]. Еще одной тенденцией является стремление студентов из бывших колоний получать образование в вузах метрополии, что характерно для Великобритании, Франции.

Сильной стороной государственной политики Республики Беларусь в сфере управления учебной миграцией является устойчивый, позитивный, долгосрочный тренд доминирования учебной миграции в структуре миграционных процессов, которая в количественных показателях значительно превосходит трудовую и вынужденную. В 2024–2025 учебном году количество учебных иммигрантов достигла «более 30 тыс. человек, представленных 110 государствами мира, что составило около 12% от всех студентов республики» [4]. Для сравнения в 2023 г. в 37,5 миллионной

Польше обучалось около 86 тыс. иностранных студентов (7% от общего количества студентов), в 9,6 миллионной Венгрии около 42 тыс. (14%), в 10,5 миллионной Швеции около 40 тыс. (7%) [3]. Учебные мигранты выступают наиболее оптимальной для государства-реципиента категорией, позитивный социально-экономический эффект от их обучения носит долгосрочный, перспективный, мультипликационный характер. Они не только привлекают в экономику принимающей страны значительные валютные поступления для оплаты за учебу со своей родины, но и на проживание, питание, медицинское обслуживание, транспортные расходы, досуг, развлечения и т.д., что стимулирует внутренний экономический рост, развитие инфраструктуры. В процессе обучения, на которое государства не рассходует собственные средства, они не только получают квалификацию, но и интегрируются в принимающий социум, усваивают язык, правовые нормы, культурные патерны, тем самым потенциально могут способствовать преодолению кадрового дефицита в экономике и улучшение демографической структуры населения. Так, экспорт образовательных услуг в 2023-2024 учебном году принес «более 90 млн. долларов США только за обучение» [4]. Кроме того, сопутствующие расходы могут, по мнению экономистов, достигать от 50% до 150% от суммы расходов, затрачиваемых непосредственно на оплату за образование [5, с. 19]. Таким образом, доходы белорусской экономики за счет косвенных расходов учебных мигрантов за этот же период времени могли составить от 45 млн. до 135 млн. долларов.

Позитивными эффектами от экспорта образовательных услуг становятся укрепления социально-экономического потенциала страны, продвижение политического имиджа республики на международной арене, бренда белорусского образования и науки и укрепление культурных и экономических связей. Учебная миграция способствует трансферу технологий, идей, межкультурному цивилизационному диалогу, обеспечению рабочими местами учреждений сферы образования и других отраслей экономики, сохранению и развитию научного и образовательного потенциала ВУЗов.

Сформированы и эффективно функционируют политико-правовые и институциональные основы реализации селективной модели государственной миграционной политики в сопряжении с обеспечением высоких показателей экспорта образовательных услуг. Об этом убедительно свидетельствует тенденция на постоянное увеличение количества учебных мигрантов и расширение географии экспорта образовательных услуг. Факторами притяжения выступают высокий уровень образования и личной безопасности в Республике Беларусь, развитая социальная инфраструктура, доступность жилья (большинству иностранных абитуриентов белорусских вузов выделяют общежития), официальный статус русского языка как важнейшего инструмента межнационального общения, языка науки, культуры и образования на постсоветском и мировом пространстве. Значимым аспектом является и возможность получения общего и специализированного высшего, а также углубленного образования на английском языке по перспективным специальностям медицинского, инженерного, IT профиля.

Слабой стороной управления учебной миграцией выступает недостаточная языковая (русскоязычная и англоязычная) подготовленность определенного количества студентов, магистрантов, аспирантов из ряда государств (Китая, Туркменистана, африканских стран) по специальностям, требующим глубокого всестороннего знания языка, специализированной лексики. Данное явление может приводить к снижению качества образования, успеваемости, как иностранных, так

белорусских студентов. Решению данной проблемы может способствовать создание подготовительных факультетов на базе вузов государств с наибольшим количеством потенциальных учебных мигрантов. Проблемным вопросом является недостаточная представленность части белорусских вузов или невысокие позиции в международных образовательных рейтингах, отражающих, по мнению иностранных абитуриентов, качество высшего образования. Предпринимаются достаточно результативные усилия руководством вузов по повышению их международных рейтингов посредством улучшения количественных и качественных показателей публикационной активности профессорско-преподавательского состава в базах Scopus, Web of Science, ядре РИНЦ.

В контексте обеспечения национальной безопасности, устойчивого развития государственная политика в сфере управления учебной миграцией создает ряд перспективных возможностей. Иностранные студенты, получившие необходимые компетенции, смогут быть включены в реализацию межгосударственных кооперационных проектов, в том числе в механизацию и индустриализацию сельского хозяйства, сборку и обслуживание грузовой, автобусной, дорожно-строительной, коммунальной, пожарной, дорожно-строительной, лесозаготовительной белорусской техники, медицинского оборудования в государствах своего происхождения.

Рисками государственной политики Республики Беларусь в сфере регулирования учебной миграции потенциально могут стать появление неконтролируемых анклавов компактного проживания мигрантов в крупных городах (Минск, Гомель, Гродно, Витебск, Брест, Могилев, Барановичи, Пинск, Полоцк, Мозырь), где расположены учреждения высшего, профессионально-технического, среднего специального образования. Данная тенденция может стать угрозой геттоизации социального пространства, привести в итоге к этноконфессиональной, социальной напряженности в социуме, появлению и росту ксенофобии. Миграционные процессы могут быть связаны с оборотом наркотических веществ, оружия. Ряд мигрантов пребывают из регионов, где процветают религиозный фундаментализм, политический радикализм, выливающиеся в террористическую, экстремистскую деятельность. Следует отметить, что на данный момент миграционные потоки находятся под эффективным контролем компетентных институтов власти.

Экспорт образовательных услуг демонстрирует постоянную тенденцию к увеличению и расширение географии стран-доноров, выступает инструментом «мягкой силы» и брендом белорусского государства, способствует притоку валютных поступлений в страну. Проблемные моменты – недостаточная языковая подготовленность части иностранных студентов, невысокие позиции ряда белорусских вузов в международных научных и образовательных рейтингах – не являются критическими и находятся в процессе быстрого разрешения. Учебная миграция может содействовать сохранению и укреплению человеческого потенциала, решению проблемы дефицита кадров, включению Беларуси в международные кооперационные проекты, развитию внешних политических, социально-экономических, культурных связей. Иностранные студенты могут выступать креативными транс агентами государства-реципиента, содействовать укреплению отношений как посредством официальной, так и посредством народной дипломатии, развивать бизнес, привлекать инвестиции. Риски, потенциально связанные с изменением этноконфессионального ландшафта, что может приводить к ксенофобии, возможным религиозным фундаментализмом, политическим экстремизмом, находятся под контролем компетентных институтов власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 2014–2025. – URL: https://pravo.by/main.aspx (дата обращения: 10.05.2025).

2. Жук, А.В. Эволюция экспортных стратегий высших учебных заведений на международном рынке образовательных услуг / А.В. Жук, А.В. Данильченко // Журнал международного права и международных отношений. – 2021. – № 1. – С. 36–43.

3. A quick look at global mobility. Project Atlas 2023 release / Site of Institute of International education. – URL: https://www.iie.org/wp-content/uploads/2023/12/Project-Atlas_ Infographic_2023.pdf. (Date of access: 10.01.2024).

4. Минобр: экспорт образовательных услуг составил более 90 млн. долларов / Информационный портал Sputnik Belarus : [сайт]. – Минск, 2014–2025. – URL: https://sputnik.by/20241218/minobr-eksport-obrazovatelnykh-uslug-prinosit-v-byudzhet-bolee-90-mln-1092036823.html (дата обращения: 10.01.2025).

5. Галичин, В.А. Международных рынок образовательных услуг: основные характеристики и тенденции развития / В.А. Галичин. – М.: Дело, 2015. – 60 с.

УДК 314.1:316.2

МНОГОФАКТОРНОСТЬ СОЦИОЛОГО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Злотников А. Г.
профессор кафедры права и экономических теорий,
Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации
кандидат экономических наук, доцент
г. Гомель, Беларусь

Процесс становления социологического и демографического знания шел одновременно и иногда его классиками в их развитии отождествлялся. Когда А. Гийяр впервые употребил термин «демография», основатель социологии О. Конт изрек «демография – это и есть социология». Хотя еще до их институционализации социолого-демографический подход лежал в основе развития гуманитарного знания. Вся история современного гуманитарного знания свидетельствует, что, как социология немыслима без демографии, так и демография немыслима без социологии. Это позволило известному французскому демографу А. Ландри представить демографию как историю развития человечества. И это понимали белорусские социологи и демографы А. А. Раков и Л. П. Шахотько, чьи научные труды позволили белорусской науке быть в авангарде развития советской и постсоветской науки, отражая многофакторность социолого-демографического развития и знания.

Республика Беларусь с 1994 г. столкнулась с самым громадным уменьшением численности населения страны за послевоенный период – более чем на один миллион жителей. В этом уменьшении особо выделяется текущее третье десятилетие нынешнего тысячелетия (см. табл. 1). Если за семь лет (1994–2000 гг.) численность населения страны уменьшилась почти на четверть миллиона, то за шесть лет после последней переписи численность населения Беларуси уменьшилась на 321,0 тыс. чел. Ежегодная убыль населения за межпереписное десятилетие 2009–2019 гг. составила 9 036 чел., а за годы после переписи 2019 г. эта убыль стала в 5,9 раза больше – 53 335 чел. Такого уменьшения численности населения не было за всю историю суверенного развития Республики Беларусь.

Таблица 1. Динамика изменения численности населения Республики Беларусь за 1990-2024 гг. (на начало года, тыс. чел.)

Годы	Численность населения	Годы	Численность населения	Годы	Численность населения	Годы	Численность населения
1990	10 188,9	1999	10 045,2	2008	9 542,4	2017	9 504,7
1991	10 189,8	2000	10 002,6	2009	9 513,6	2018	9 491,8
1992	10 198,3	2001	9 956,7	2010	9 500,0	2019	9 429,3
1993	10 234,6	2002	9 900,4	2011	9 481,2	2020	9 410,3
1994	10 243,5	2003	9 830,7	2012	9 465,2	2021	9 349,6
1995	10 210,4	2004	9 762,8	2013	9 463,8	2022	9 255,5
1996	10 177,3	2005	9 697,5	2014	9 468,2	2023	9 200,6
1997	10 141,9	2006	9 630,4	2015	9 480,9	2024	9 156,0
1998	10 093,0	2007	9 579,5	2016	9 498,4	2025	9 109,3

Столь высокий показатель депопуляции Беларуси отражает значительное сокращение рождаемости, хотя в 2020–2021 гг. в этой негативной тенденции наблюдалась и повышенная ковидная смертность. Самый высокий уровень смертности в истории послевоенной демографии Беларуси составил в 2020–2021 гг. соответственно 149,3 тыс. чел. и 177,8 тыс. чел. Показатели общего уровня смертности Беларуси за 2020–2021 гг. отражают ее 24-х процентный рост в 2020 г. и 48-ми процентный рост в 2021 г. по сравнению с 2019 г., характеризуя повышенный рост смертности с коронавирусными заболеваниями. Массовая противоковидная вакцинация населения позволила Республике Беларусь более чем на четверть (на 26,9 %) снизить уровень смертности в 2022 году, а в 2023–2024 гг. иметь показатель смертности населения даже меньший доковидного уровня – на 4,4%. В 2022–2024 гг. ежегодное уменьшение численности населения снизилось, составив соответственно в 2022 г. – 54,9 тыс. чел., 2023 г. – 44,6 тыс. чел. и 2024 г. – 46,7 тыс. чел., что, по-видимому, связано с преодолением коронавирусных последствий.

В репродуктивной динамике Республики Беларусь на рубеже тысячелетий сложились негативные волны рождаемости, последствия которых сказались на современных демографических тенденциях. Это постепенное более пятидесятилетнее ее снижение, затем в течение 2005–2015 гг. – некоторый ее рост. А с 2016 г. в репродуктивной динамике это отразилось сначала на небольшом ее снижении, а затем с 2019 г. на двукратном ее падении (см. табл. 2). В этих демографических волнах относительно лучше выглядит период второго десятилетия нынешнего века, связанный с активной репродуктивной политикой белорусского государства – реализацией мероприятий Закона Республики Беларусь 2002 года «О демографической безопасности в Республике Беларусь», направленного на преодоление сложившихся на рубеже тысячелетий негативных демографических тенденций.

Таблица 2. Динамика рождаемости населения Беларуси за послевоенные годы (за год, чел.)

Годы	Родилось	Годы	Родилось	Годы	Родилось	Годы	Родилось	Годы	Родилось
1948	185 300	1964	161 794	1980	154 432	1996	95 798	2012	115 893
1949	212 400	1965	153 865	1981	157 899	1997	89 586	2013	117 997
1950	197 164	1966	153 414	1982	159 364	1998	92 645	2014	118 534
1951	198 200	1967	147 501	1983	173 510	1999	92 975	2015	119 028
1952	191 100	1968	146 095	1984	168 749	2000	93 691	2016	117 779
1953	176 200	1969	142 652	1985	165 034	2001	91 720	2017	102 556
1954	193 100	1970	146 676	1986	171 611	2002	88 743	2018	94 042
1955	194 345	1971	149 135	1987	162 937	2003	88 512	2019	87 608
1956	199 500	1972	147 813	1988	163 193	2004	88 943	2020	83 077
1957	200 800	1973	144 729	1989	153 449	2005	90 508	2021	77 079
1958	207 700	1974	146 876	1990	142 167	2006	96 721	2022	71 006
1959	204 600	1975	146 517	1991	132 045	2007	103 626	2023	66 404
1960	200 218	1976	147 912	1992	127 971	2008	107 876	2024	58 938
1961	194 239	1977	148 963	1993	117 384	2009	109 263	–	–
1962	185 302	1978	151 053	1994	110 599	2010	108 050	–	–
1963	173 889	1979	151 800	1995	101 144	2011	109 147	–	–

Примечание. Данные за 1948-2019 гг. представлены на основе материалов официальной статистики. Данные за 2020-2024 гг. рассчитаны автором.

Данные вышеприведенных таблиц выявляют, что наибольшие демографические потери Республики Беларусь приходятся на десятилетия рубежа XX и XXI тысячелетий, а также годы третьего десятилетия нынешнего столетия. Особенно значимыми в этой динамике являются демографические тенденции, связанные с репродуктивными процессами. При этом в течении почти полутора десятилетий нового столетия в репродуктивных процессах наблюдался рост рождаемости, составивший 34,5 % – с 88 512 чел. в 2003 г. до 119 028 чел. в 2015 г. Одновременно происходило и сокращение уровня смертности, составившее 21,7 % – с 146 655 чел. в 2002 г. до 120 470 чел. в 2019 г. Однако после принятого в декабре 2015 г. Постановления Министерства труда и социальной защиты об отмене исчисления в трудовом стаже периода «декретного» отпуска, после наивысшего за прошедший период XXI столетия уровня рождаемости с четвертого квартала 2016 г. началось его резкое снижение. Эту экспоненту снижения рождаемости характеризуют следующие данные: в 2016 г. появилось на свет 117 779 младенца, в 2017 г. – 102 558, в 2018 г. – 94 042 и в 2019 г. – 87 608 младенцев. В итоге только за четыре (2016–2019) года падение уровня рождаемости составило 35,9 %, что превышает рост рождаемости за предыдущие 12 лет.

Это падение связано с изменением демографической стратегии – вместо прежних (2003–2005, 2007–2010 и 2011–2015 гг.) государственных программ обеспечения демографической безопасности в 2016–2020 и 2021–2025 гг. стали преобладать ведомственные интересы, приведшие к резкому падению рождаемости. Не случайно с периода самого низкого официально зафиксированного статистикой уровня рождаемости исчезли и статистические данные о состоянии репродуктивных процессов Беларуси. Современное состояние демографии, а точнее – демографической информации – отражает идущий рядом обостряющий процесс депопуляции. Тем не менее, имеющаяся в статистике информация о возрастной структуре населения Беларуси позволяет выявить продолжающуюся тенденцию снижения уровня рождаемости. Эти данные характеризуют значительное уменьшение населения в возрасте 0-4 года: на начало 2020 г. – 520 478 чел., 2021 г. – 482 898 чел., 2022 г. – 444 851 чел., 2023 г. – 416 021 чел. и 2024 г. – 388 693 чел. Они отражают и снижение численности рожденных детей в возрастной структуре 0-4 года. Нами на основе этих данных осуществлен расчет численности родившегося белорусского населения за период с 2020 года. Средний показатель рождаемости в пределах статистической погрешности по нашим расчетам составил в 2020 г. – 83 077 чел., 2021 г. – 77 079 чел., 2022 г. – 71 006 чел., 2023 г. – 66 404 чел. и в 2024 г. – 58 938 чел. При этом доля женского пола, основы носителей репродуктивного потенциала, составляет менее 47 %.

Они – итог предшествующего демографического развития Беларуси. Проблемы развития демографической сферы Беларуси прогнозировались еще в начале 1990-х годов, что стране грозит новая «демографическая яма». Будущее демографическое развитие Беларуси, как в ближайшей, так в среднесрочной и отдаленной перспективе будет осуществляться в депопуляционном инерционном режиме. Это, во-первых, наивысшая численность населения страны, родившегося в послевоенные годы, ныне составляющие когорту старше трудоспособного возраста с высоким уровнем смертности. Во-вторых, к ним относится снижение уровня рождаемости, который формирует сложившийся низкий репродуктивный потенциал. В-третьих, это последствия отмеченных выше ведомственных интересов социально-экономической политики.

Эти проблемы государственного уровня отражены в стратегии демографического развития страны – «Концепции национальной безопасности Республики Беларусь», принятой Всебелорусским народным собранием. Существенной ее особенностью является социологическая взаимосвязь видов безопасности: политической, экономической, научно-технической, социальной, демографической, биологической, информационной, военной, и экологической. Важнейшая особенность Концепции состоит в обеспечении национальных интересов, выявлении источников угроз, характеристики этих угроз, вызовов и рисков национальной безопасности. В демографической сфере Концепцией определены основные национальные интересы. Среди них это – прежде всего стабилизация численности населения и создание предпосылок для его устойчивого роста на основе последовательного увеличения рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, снижения смертности, а также сокращения миграционного оттока населения активного репродуктивного возраста.

Многовекторность социолого-демографического развития белорусского социума характеризует пути и содержание решения демографических проблем страны. Она, во-первых, коренится в генетическом и социокультурном коде развития белорусского этноса: она органически связана с наиболее существенными базовыми ценностями и ориентирами белорусов. Во-вторых, она характеризуется тесными взаимосвязями с разнообразными сторонами социально-экономической и социально-политической жизни современного социума. И, в-третьих, как констатировал Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко на совещании по внешней торговле, экспорту и инвестициям, определяется геополитическом местом Беларуси, находящейся в эпицентре континента.

УДК 32.01+32:004(476)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ОБЪЕКТИВЕ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ильина Е. М.
доцент кафедры политологии,
Белорусский государственный университет
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Для современного политического дискурса и сложившихся управленческих практик цифровая трансформация (далее – ЦТ) является универсальным и предельно широким концептом. Проведенный с помощью онлайн-сервиса для работы с большими текстовыми данными Google Books Ngram Viewer диахронический анализ распределения частотности употребления понятия «цифровая трансформация» (digital transformation) в корпусах текстов печатных книг с течением времени позволил установить, что резкий подъем научного интереса к ЦТ в англоязычных и русскоязычных публикациях зафиксирован после 2010 г., что во многом связано с достижением цифровыми технологиями критической массы (порога/точки, в которой количество сторонников/пользователей стало достаточным для их дальнейшего самоподдерживающегося и самообеспеченного роста). Количественный рост публикационной активности также обусловлен междисциплинарным характером данного исследовательского направления в условиях нарастания процессов ЦТ во всех сферах общественной жизни.

В авторском политологическом измерении ЦТ есть исходящий из окружающей/внешней среды импульс/вызов на «входе» политической системы, кардинально преобразующий систему в целом или ее отдельные подсистемы (институциональную, нормативно-регулятивную, функциональную, коммуникативную, культурно-идеологическую) и функции (артикуляция и агрегирование интересов, политическая коммуникация, рекрутирование и социализация, принятие и реализация адекватных взаимосвязанных стратегических и тактических решений по основным направлениям внутренней и внешней политики и контроль за их исполнением, сохранение и адаптация и др.) под воздействием цифровых технологий (искусственного интеллекта и машинного обучения, блокчейна, больших данных др.), имеющий неизбежный, комплексный и нестабильный характер с неопределенными и вариативными последствиями [1, с. 44–58].

Многообразие источников по проблемам ЦТ можно классифицировать по пяти ключевым направлениям: 1) нормативные правовые акты, составляющие белорусское законодательство в сфере ЦТ; 2) основные акты программного характера, имеющие приоритетное политическое, экономическое и социальное значение для ЦТ Беларуси; 3) международные и региональные политико-правовые документы, межправительственные соглашения и международные договоры межведомственного характера в сфере ЦТ; 4) стратегические инициативы формирования и реализации политики в сфере ЦТ за рубежом; 5) научные труды отечественной и мировой политической, социально-экономической, правовой, философской и технической мысли, посвященные различным аспектам политики в сфере ЦТ [1, с. 11–33]. Эмпирическая база политического исследования ЦТ включает данные специальных онлайн-проектов, агрегаторов сервисов, государственных информационных систем и цифровых платформ для взаимодействия власти и общества, обмена полезными ресурсами и передовым опытом в сфере ЦТ; результаты национальных и международных статистических исследований уровня цифрового развития; выступления должностных лиц и контент по вопросам цифровой повестки, размещенный на официальных сайтах и аккаунтах органов государственной власти и управления в социальных сетевых медиа; доклады экспертов на международных и региональных диалоговых площадках, выставках, форумах и конференциях по проблемам цифрового развития. Например, для оценки политики в сфере ЦТ значимыми источниками являются результаты систематических комплексных исследований, проводимых Международным союзом электросвязи, Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Конференцией Организации Объединенных Наций по торговле и развитию, Организацией экономического сотрудничества и развития, Всемирным экономическим форумом, Европейской комиссией, Всемирным банком, ведущими исследовательскими центрами и консалтинговыми компаниями (Центр цифрового бизнеса Массачусетского технологического института, Gartner, Oxford Insights, Deloitte, Accenture, PricewaterhouseCoopers, Capgemini, International Data Corporation, Boston Consulting Group, Ernst & Young Global Limited, McKinsey & Company, Институт развития информационного общества, автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика»). Институт статистических исследований и экономики знаний Высшей школы экономики совместно с Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций и Федеральной службой государственной статистики выпускает серию «Индикаторы цифровой экономики», посвященную статистическому анализу цифровой экономики в России. Аналитический центр Национального агентства финансовых исследований ежегодно с 2018 г. проводит комплексную оценку цифровых компетенций россиян.

В Беларуси Национальным статистическим комитетом разработана система национальных статистических показателей развития цифровой экономики и ежегодно публикуется сборник «Информационное общество в Республике Беларусь», содержащий официальную статистическую информацию по количественной оценке ЦТ. Министерство связи и информатизации ежегодно проводит оценку уровня цифрового развития отраслей экономики и административно-территориальных единиц с размещением полученных результатов в государственной информационной системе «Витрина цифровых проектов» на сайте «Цифровые-проекты.бел». Оценить уровень удовлетворенности белорусов качеством оказания услуг в сфере телекоммуникаций позволяет портал рейтинговой оценки качества оказания услуг и административных процедур белорусскими организациями посредством сайта «Качество-услуг.бел». Провести оценку уровня электронного взаимодействия горожан с городской инфраструктурой в ряде регионов Беларуси можно при помощи мобильного приложения «Мой город». Оценить эффективность оказания административных процедур и государственных услуг в электронном виде можно на едином портале электронных услуг «Е-Паслуга». Оценить в режиме реального времени порядок подачи и результаты рассмотрения электронных обращений в государственные органы и организации позволяет единая система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц на сайте «Обращение.бел».

Также в новых социальных медиа ведутся официальные аккаунты государственных органов и организаций с размещением контента по вопросам политики в сфере ЦТ (телеграм-каналы Министерства связи и информатизации, Объединенного института проблем информатики Национальной академии наук Беларуси, YouTube-канал Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь и др.). Интервью высших должностных лиц и всех заинтересованных сторон, посвященные проблематике политики в сфере ЦТ, регулярно транслируются белорусскими и зарубежными средствами массовой информации (например, программа-интервью «В открытом доступе», информационный дайджест «Время высоких технологий» телеканала «ЯСНАе TV», рубрика «Технологии» Белорусского телеграфного агентства, мультимедийного портала VIDEOBEL.BY, портал «Компьютерные вести», проект «РБК Тренды» российского медиахолдинга «Росбизнесконсалтинг», интернет-портал TAdviser и др.).

В контексте источников права в сфере ЦТ следует отметить, что на Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь ежемесячно с 2011 по май 2024 г. проводился обзор нормативных правовых актов в области цифровизации (до 2021 г. – в сфере информатизации), включенных в Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. Официальной площадкой для публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов и правового мониторинга в сфере ЦТ является сайт «Правовой форум Беларуси».

Мировая и региональная цифровая повестка обсуждается на таких диалоговых экспертных площадках, как Региональный форум Международного союза электросвязи по вопросам развития для Региона СНГ, посвященный преодолению цифрового разрыва к 2030 г. в рамках Цифровой коалиции «Партнерство для подключения» (Partner2Connect), и конференция «Цифровые технологии для Целей устойчивого развития»; форум Digital Almaty, объединяющий руководителей министерств и ведомств государств-членов Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества; Петербургский международный экономический форум, включающий сессии по ЦТ отраслей экономики; Международный IT-Форум с участием стран БРИКС; Международный форум Kazan Digital Week как площадка для обсуждения цифровой

повестки; форум Positive Hack Days по вопросам информационной безопасности; Российский интернет-форум деятелей Рунета; ежегодная конференция «Цифровая индустрия промышленной России» и др. В Республике Беларусь в целях популяризации процессов ЦТ регулярно проводятся специализированные выставки, международные форумы и конгрессы (масштабный ИКТ-форум и выставка «ТИБО» (DIGITAL EXPO), «Форум по управлению интернетом Belarus IGF», выставка-форум IT-Академграда «Искусственный интеллект в Беларуси», «Форум медийного сообщества Беларуси», форум блогеров Беларуси «БлогБай. Нам есть что сказать!», форум по банковским информационным технологиям «Банкит»), научные и научно-практические конференции («Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации», «Управление информационными ресурсами», «Информационные технологии в промышленности, логистике и социальной сфере», «BIG DATA и анализ высокого уровня», «Современные средства связи», «Технологии защиты информации и информационная безопасность организаций», «Открытые семантические технологии проектирования интеллектуальных систем», «Распознавание образов и обработка информации», A1 Tech Day), республиканские конкурсы («Лидеры цифровой экономики», «Лидеры искусственного интеллекта в Беларуси», Интернет-премия «ТИБО», «ПАТРИОТ.by»).

Содействовать развитию цифровой грамотности призваны специальные просветительские онлайн-проекты и агрегаторы сервисов (к примеру, в России «Цифровой ликбез», «Готов к цифре»), специализированные интернет-платформы для тестирования и повышения уровня развития цифровых компетенций («Цифровой гражданин»).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ильина, Е.М. Политика и цифровая трансформация: теория, методология, технология : монография / Е.М. Ильина. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2025. – 292 с.

УДК 327.7

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Карапетян А. Г.
заведующий отделом научно-организационных мероприятий и выставочной деятельности,
Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В современной научной литературе и международной практике всё большее внимание уделяется развитию научной дипломатии, которая рассматривается как особый вид международного взаимодействия, способный оказывать влияние не только на сферу науки и технологий, но и на формирование социокультурного пространства. Следует отметить, что научная дипломатия представляет собой важный элемент «мягкой силы», направленный на укрепление взаимного доверия, расширение диалога между государствами и развитие культурных связей.

Современные глобальные вызовы, включающие ускоренную цифровизацию, трансформацию мировой экономики и рост конкуренции за лидерство в сфере высоких

технологий, обусловливают формирование новых моделей межгосударственного взаимодействия. В этих условиях наука постепенно превращается в универсальный язык сотрудничества, обеспечивающий диалог между государствами на основе объективных знаний. Именно научная дипломатия становится тем ресурсом, который позволяет интеграционным объединениям не только достигать технологических целей, но и выстраивать общее гуманитарное пространство.

Особая роль научной дипломатии проявляется в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Ещё в Соглашении о создании общего научно-технологического пространства государств – участников СНГ было зафиксировано стремление государств-участников координировать усилия в научной сфере, что отражало потребность в формировании согласованной политики в области исследований и инноваций [1]. Дальнейшее развитие эта идея получила в Концепции научно-технического и технологического сотрудничества государств – участников СНГ, где акцент сделан на расширении академической мобильности, совместном использовании научной инфраструктуры, поддержке исследовательских коллективов и развитии цифровых платформ для обмена знаниями [2]. Важным инструментом реализации этих положений выступает Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года, которая закрепляет приоритетные направления взаимодействия, предусматривает создание совместных исследовательских центров, развитие инновационных кластеров и поддержку межгосударственных проектов [3].

Данные инициативы имеют не только технологическую, но и выраженную социокультурную направленность. Они формируют условия для диалога между исследователями и молодыми специалистами, содействуют развитию образовательных и культурных сообществ, а также создают пространство для взаимодействия различных социальных групп, объединённых интересом к науке и инновациям.

Заметное развитие научная дипломатия получает в рамках Евразийского экономического союза. Основой для её укрепления стало принятие Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, где обозначены задачи по расширению сотрудничества в сфере науки и образования, поддержке совместных исследовательских проектов и развитию цифровых форм взаимодействия [4]. Практическая реализация обозначенных целей обеспечивается через Евразийские технологические платформы, а также инициативы по формированию сетевых университетов и исследовательских консорциумов [5]. Обозначенные механизмы выполняют не только прикладную функцию, но и создают условия для обмена знаниями, расширения молодежного сотрудничества и сближения образовательных систем государств-членов.

Показательным примером развития научной дипломатии выступает Союзное государство Беларуси и России. Важнейшим документом в этой сфере является Стратегия научно-технологического развития до 2035 года, в которой акцент сделан на создании совместных исследовательских центров, координации приоритетных направлений исследований, развитии инновационной инфраструктуры и поддержке молодежных проектов [6]. Кроме того, научно-технические программы и проекты Союзного государства охватывают широкий круг гуманитарных инициатив, включая образовательные обмены, популяризацию достижений науки и формирование единого информационного пространства. Данные меры укрепляют культурные и академические коммуникации, создавая основу для гуманитарного вектора интеграционного взаимодействия.

Социокультурное направление научной дипломатии проявляется через комплекс форм и практик. К ним относятся проведение международных форумов и выставок, развитие сетевых образовательных программ, организация молодежных обменов, а также использование цифровых инструментов для создания виртуальных лабораторий и совместных баз данных. Подобные инициативы обеспечивают не только обмен знаниями, но и формирование нового уровня доверия между научными сообществами.

Вместе с тем необходимо учитывать и вызовы, сопровождающие развитие научной дипломатии в интеграционных объединениях. Среди них – необходимость согласования национальных приоритетов с общими интересами интеграционного объединения, различия в уровне развития государственных научных систем, а также опасность ослабления целостности исследовательского пространства под воздействием геополитической конкуренции. Особого внимания требует и проблема «утечки мозгов», что актуализирует задачу создания благоприятных условий для профессиональной самореализации молодых исследователей внутри интеграционного пространства.

Преодоление обозначенных вызовов возможно при условии комплексного подхода, предполагающего не только совершенствование существующих механизмов взаимодействия, но и внедрение новых форм кооперации. Речь идёт о развитии цифровых исследовательских экосистем, расширении межгосударственных образовательных и молодежных инициатив, повышении открытости научных результатов, а также формировании устойчивых каналов коммуникации между исследователями и обществом. Совокупность таких мер позволяет рассматривать научную дипломатию как системный фактор трансформации социокультурного пространства интеграционных объединений.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что научная дипломатия в интеграционных объединениях приобретает многоплановый характер. Она выполняет не только технологическую и экономическую функцию, но и становится важным элементом гуманитарной политики, направленной на укрепление доверия, развитие межкультурного диалога и формирование общего социокультурного пространства. Перспективы её дальнейшего развития связаны с углублением межгосударственного взаимодействия, поддержкой молодежных инициатив, активным использованием цифровых технологий и выработкой согласованных стратегий, ориентированных на объединение научного и культурного потенциала государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. СОГЛАШЕНИЕ о создании общего научно-технологического пространства государств – участников Содружества Независимых Государств* (с изменениями на 20 мая 2022 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1900984 (дата обращения: 10.08.2025).

2. В СНГ утверждена Концепция научно-технического и технологического сотрудничества // Исполнительный комитет СНГ. – URL: https://eccis.org/news/24300/v_sng_utverzhdena_koncepcija_nauchno-tehnicheskogo_i_tehnologicheskogo_sotrudnichestva (дата обращения: 13.08.2025).

3. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года // Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. – URL: https://www.gknt.gov.by/upload/Deyatelnost/mezhd_deyatelnost/mgp2030.pdf (дата обращения: 12.08.2025).

4. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года // Евразийская экономическая комиссия. – URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 12.08.2025).

5. Карапетян, А.Г. Роль научно-технического сотрудничества в интеграционных процессах в рамках ЕАЭС / А.Г. Карапетян //Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXIV Междунар. науч. конф. (Минск, 19-20 окт. 2023 г.). В 3 т. Т. 3 / Редкол.: Н.Г. Берченко [и др.]. – Минск : НИЭИ М-ва экономики Республики Беларусь, 2023. – С. 27–28.

6. ПОСТАНОВЛЕНИЕ от 29 января 2024 г. № 2 «О Стратегии научно-технологического развития Союзного государства на период до 2035 года» // Информационно-аналитический портал Союзного государств. – URL: https://soyuz.by/projects/dekrety-vysshego-gosudarstvennogo-soveta-soyuznogo-gosudarstva/postanovlenie-ot-29-yanvarya-2024-g-2-o-strategii-nauchno-tehnologicheskogo-razvitiya-soyuznogo-gosudarstva-na-period-do-2035-goda (дата обращения: 12.08.2025).

УДК 331.108.49

РАБОТНИКИ ПРЕДПЕНСИОННОГО И ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ТРУДА[1]

Кармызова Д. Д.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Развитие высокотехнологичных и наукоемких секторов экономики требует от работников непрерывного совершенствования их навыков и квалификации. В этих условиях работники предпенсионного и пенсионного возраста оказываются наиболее уязвимой категорией на рынке труда. С одной стороны, они сталкиваются с дефицитом актуальных компетенций и вынуждены конкурировать на рынке труда, где их традиционный профессиональный опыт уже недостаточен. С другой стороны, объективное «отставание» в освоении цифровых компетенций работниками предпенсионного и пенсионного возраста связано с дефицитом институциональных возможностей для их освоения. Цель работы – выявление практик нанимателей, детерминирующих их кадровую политику в отношении соискателей предпенсионного и пенсионного возраста.

Методологическую основу исследования составили: нормативно-правовой анализ трудового законодательства Республики Беларусь, анализ вторичных данных официальной статистики и результатов исследования сервиса по подбору персонала и поиску работы «Rabota.by» (Работа.бай), опубликованных в 2024 г. (в опросе приняли участие 2 787 соискателей, и 195 работодателей, выборочная совокупность сформирована на базе данных сервиса) [1].

Результаты. В области содействия занятости населения в Беларуси на законодательном уровне закреплено обеспечение равных возможностей для всех граждан независимо от возраста. Среди приоритетных направлений политики в сфере занятости: повышение эффективности использования трудового потенциала населения, что включает активное вовлечение в трудовую деятельность граждан предпенсионного и пенсионного возраста. Условия для продолжения ими трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста регулируются национальным

[1] Материал подготовлен в рамках гранта «Республика Беларусь и Монголия: императивы социальной политики и благосостояния населения в условиях посткризиса (сравнительный анализ)» (договор с БРФФИ № Г24МН-004 от 10.06.2024 г.).

законодательством Беларуси [2, с. 22–23]. В целях поддержки занятости граждан предпенсионного и пенсионного возраста реализуются следующие меры, которые включают: *квотирование рабочих мест* (установка ежегодной брони приема на работу по решению местных исполнительных и распорядительных органов власти); *содействие в трудоустройстве* (предоставление услуг по поиску и подбору вакансий через государственные службы занятости); *содействие профессиональному обучению* (направление нуждающихся в социальной защите граждан на обучение (переобучение) по востребованным на рынке труда специальностям (профессиям); оказание *поддержки в организации собственного дела* и другое [2, с. 21–23].

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в стране на 1 января 2025 г. проживало 1 573 616 пожилых граждан (в возрасте 65 лет и старше), из них 33,7 % – это мужчины, 66,3 % – женщины [3]. Доля занятых лиц в возрасте 65–74 лет составила 1,9 % (в общей численности занятого населения) [3]. Статистика труда и уровня участия в экономике страны отражены в таблице 1.

Таблица 1. Уровень участия в рабочей силе населения в возрасте от 60 до 74 лет (по данным выборочного обследования домашних хозяйств) по территории Республики Беларусь[2]

	2019 г.	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024 г.**
Уровень участия в рабочей силе, в %	20,4	21,3	22,1	22,9	22,8	23,1
Численность рабочей силы, чел.	299 124	327 211	355 938	374 171	378 333	389 279
Уровень занятости населения, в %	19,6	20,4	21,1	22,0	22,0	22,4

В рамках анализа данных исследования эйджизма в сфере труда сервиса по подбору персонала «Работа.бай» было установлено следующее. Наиболее востребованная для найма категория работников – это соискатели в возрасте «от 25 до 34 лет» (77,4 %) и «от 35 до 44 лет» (76,9 %); о поиске сотрудников в возрасте «от 19 до 24 лет» сообщили 41,5 % опрошенных нанимателей. Вместе с тем, доля нанимателей, которые рассматривают резюме соискателей в возрасте «от 45 до 54 лет» составила 46,2 %. Однако, чем выше возраст соискателя, тем ниже его шансы на «найм», поскольку лишь 8,7 % опрошенных работодателей указали, что не исключают когорту «55–64-летних» работников из своих систем поиска. Анализ ответов соискателей на тему ограничений, с которыми они сталкивались при поиске работы, показал, что 78,9 % опрошенных считались «по мнению нанимателя, слишком возрастными» (13,3 % – «слишком молодыми», 4,6 % – «затруднились ответить», 3,2 % – выбрали вариант «другое»).

В представленном исследовании респондентам (соискателям и нанимателям) также было предложено оценить ряд высказываний, конструирующих символические границы между возрастными группами на рынке труда. Ответы нанимателей на вопрос о том, «*какими недостатками обладают люди старшего возраста при трудоустройстве?*», отображают работников старшего возраста через призму дефицита и дополнительных расходов на повышение квалификации или переобучения: «негибкое мышление» (49,7 %), «устаревший опыт» (48,7 %) «трудности в обучении» (45,1 %). В свою очередь, представления соискателей связаны не только с «устаревшим опытом» (35,6 %), но и «низкой цифровой грамотностью» (32,6 %), «слабым здоровьем» (31,3 %) – всем, что связано с адаптивностью и физическими ограничениями.

[2] Статистика труда (интерактивная информационно-аналитическая система распространения официальной статистической информации) Национального статистического комитета Республики Беларусь (см. подробнее URL: https://dataportal.belstat.gov.by/osids/rubric-info/1060402).

Аналогичным образом были проанализированы ответы нанимателей и соискателей в отношении *преимуществ*, которые имеют работники старшего возраста на рынке труда. Здесь нарративы нанимателей и соискателей совпали, среди преимуществ обе группы респондентов указали: «опытность» (70,3 % нанимателей, 80,1 % соискателей), «ответственность» (73,3 % нанимателей, 80,1 % соискателей) и «заинтересованность в долгосрочной занятости» (53,8 % нанимателей, 54,5 % соискателей).

Выводы. Ключевое влияние на трудовые стратегии людей старшего возраста оказывает инклюзивность общественной и корпоративной среды. Это включает в себя готовность работодателей нанимать и включать в рабочие процессы сотрудников предпенсионного и пенсионного возраста. На основании представленных выше данных можно отметить рост доли занятых в экономике страны пожилых людей. Что связано, с одной стороны, с объективной демографической ситуацией в Беларуси, с другой, с государственной политикой, направленной на продленное пребывание на рынке труда людей старших возрастных групп. О чем свидетельствуют меры, направленные на повышение возраста выхода граждан на пенсию и поощрение долголетия их трудовой деятельности. В свою очередь, анализ данных, полученных в ходе исследования, проведенного сервисом «Работа.бай», позволяет сделать вывод о низкой представленности работников старшего возраста в кадровых стратегиях организаций. Выявлено расхождение в представлениях нанимателей и соискателей о трудовом потенциале работников старших возрастных групп. Дискурс нанимателей, как агентов, которые формируют границы институционального порядка на рынке труда, преимущественно сфокусирован на категориях продуктивности и адаптивности работников старших возрастных групп.

Таким образом, в условиях демографического старения игнорирование нанимателями работников старших возрастных когорт может привести к критическим последствиям. Издержки на адаптацию сотрудников предпенсионного и пенсионного возраста оправданы их опытом, лояльностью и снижением текучести кадров. Следовательно, преимущества найма работников старших возрастных групп становятся вопросом не только экономической целесообразности, но и социальной ответственности нанимателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Возраст все-таки помеха? Где в Беларуси больше всего эйджизма при приеме на работу // Эл-ый журнал Office Life. – 2024. – URL: https://officelife.media/article/58502-gde-bolshe-vsego-eydzhizma-pri-prieme-na-rabotu/ (дата обращения: 15.08.2025).

2. Национальный доклад. О мерах по реализации Региональной стратегии осуществления Мадридского международного плана действий по проблемам старения в Республике Беларусь : [сайт]. – Минск, 2021. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-11/mipaa20-report-belarus-rus.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

3. День пожилых людей // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor_elderly_2024.pdf (дата обращения: 11.08.2025).

УДК 796:799

ГЕНДЕРНЫЙ ДИСБАЛАНС В СПОРТИВНОЙ ИНДУСТРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ УЧАСТИЯ ЖЕНЩИН И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ

Карнейчик В. В.
доцент кафедры спортивной инженерии,
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Беларусь

Корзан И. Д.
студент кафедры спортивной инженерии,
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Беларусь

Михайлова Д. Д.
студент кафедры экономики
и управления инновационными проектами в промышленности,
Белорусский национальный технический университет
г. Минск, Беларусь

Согласно статистическим данным, в начале 2025 года физическими упражнениями или спортом занималось около 30 % белорусов. Данный показатель увеличился на 5 % с 2020 года, что свидетельствует об активном развитии физкультурно-спортивной сферы в Беларуси. Среди занимающихся 27,2 % составляют мужчины и 32,3 % женщины, что демонстрирует повышенный интерес к спорту у последних [1], однако так было не всегда. В XIX веке участие женщин в спорте было практически исключено. Физическую активность женщин общество не поддерживало. Считалось, что интенсивные нагрузки вредны для здоровья и женственности [2]. Культурные нормы и недостаток научных исследований в области медицины создавали барьеры, ограничивающие спортивную деятельность женщин. Им были доступны лишь умеренные виды активности, крокет или прогулки, которые считались «подходящими» для их «хрупкой» природы [3].

Несмотря на прогресс и активное участие современных женщин практически во всех сферах жизни общества, в спорте до сих пор существует некоторый гендерный дисбаланс. По результатам исследования, СМИ уделяют женщинам-атлетам меньше внимания, в большей степени делая акцент на их внешности, а не достижениях [4]. Помимо этого, существует разрыв в размерах оплаты труда среди женщин и мужчин, особенно в таких видах спорта, как футбол и баскетбол [5]. Женщины часто отмечают, как причину малой физической активности, следующие психологические барьеры: страх осуждения, неуверенность в себе, нехватку времени [6]. По данным Women in Sport, более миллиона девочек-подростков, которые когда-то считали себя «спортивными», прекращают заниматься спортом после начальной школы [7].

Формирование спортивной культуры среди девочек сталкивается с рядом устойчивых барьеров. Исследования свидетельствуют о выраженном снижении уровня физической активности у девочек по мере взросления: девочки-подростки в среднем на 20–50 % менее инициативны в данном направлении развития, чем мальчики, а уровень их физической активности ежегодно снижается почти в три раза быстрее. Около половины девочек 11–14 лет вообще не выполняют рекомендуемый объём

интенсивных нагрузок, а значительная часть занимается менее 20 минут в день. Наиболее выражен гендерный разрыв в сфере организованного спорта, участие в котором остаётся значительно ниже по сравнению с противоположным полом [8]. Эти тенденции, закрепляясь с детства, формируют модель малоподвижного образа жизни, что в дальнейшем сопряжено с повышенными рисками для здоровья, включая ожирение, репродуктивные нарушения и снижение качества жизни. Исследования позволили выделить основные причины, по которым девочки перестают активно заниматься спортом. Среди них лидируют страх быть осужденными другими, неуверенность в себе, давление школьных занятий [7].

В Республике Беларусь количество женщин, занимающихся в возрасте 16–29 лет, составляет 58,7 %, однако, с увеличением возраста показатели становятся ниже [1]. В связи с этим, необходима целенаправленная пропаганда женского спорта, поддержка инициатив по созданию инклюзивной спортивной среды, воспитание позитивного отношения к физической культуре среди девочек с раннего возраста, а также в обществе в целом. Включение женщин в спортивную сферу имеет благоприятный эффект для демографии страны. Избыточный вес и ожирение снижает процент живорождений у женщин после ЭКО, при этом частота живорождений в группе с ожирением варьируется от примерно 26 % до 64 %, тогда как у женщин с нормальным весом она достигает от 66 % до 72 % [9]. Также ожирение повышает риск выкидыша, диабета (в 2–3 раза), кесарево сечения (в 2 раза) и внутриутробной гибели плода (в 5 раз) [10].

С учётом вышеописанных преимуществ развития женского спорта, становится особенно важным устранение барьеров, мешающих вовлечению женщин в физическую активность. Неоценимый вклад в популяризацию спорта среди женщин дает ранняя вовлечённость в медиапространство. Так, девочки, регулярно занимающиеся спортом в подростковом возрасте, на 52 % чаще смотрят спортивные трансляции во взрослой жизни. При этом женская аудитория демонстрирует не только количественный, но и качественный потенциал. Так, например, болельщицы женского спорта чаще взаимодействуют с контентом, интересуются спортивной документалистикой, покупают коллекционные предметы и формируют устойчивую лояльность к брендам. 73% фанаток женского Чемпионата мира по футболу также следят за играми среди мужчин. Отмечается рост интереса к женскому спорту: число зрителей Женского Евро увеличилось на 49 % в Великобритании и Германии, но общий уровень все же вовлечённости остаётся ниже мужского [11].

Показательным примером построения рекламных кампаний в этом процессе приобретают события, объединяющие граждан страны на уровне национальной идентичности. Так, Олимпиада демонстрирует гендерный паритет – зрители смотрят мужские и женские соревнования почти с одинаковым интересом. По данным опроса Morning Consult, 69 % болельщиков сообщили об интересе к мужским соревнованиям и 67 % – к женским. Поскольку вопросы задавались независимо друг от друга, это означает, что аудитории частично пересекаются: некоторые следят только за мужскими или только за женскими соревнованиями, но многие интересуются и теми, и другими. В регулярных лигах мужской спорт пока значительно популярнее, так как разница в интересе между лигами составляет 35 пунктов [12].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что условный статус “символа национальной гордости”, присуждаемый спортсменке болельщиками страны, которую она представляет, мотивирует последних следить за ходом не только мужских, но и женских соревнований. Продвижение женского спорта не должно копировать мужские

модели – оно требует более глубокого понимания аудитории и креативного подхода. Именно мужская часть общества, включая болельщиков и медиаиндустрию, играет ключевую роль в том, чтобы такое продвижение стало не исключительной кампанией, а устойчивой культурной трансформацией, которая вследствие окончательно приведёт к безбарьерной среде для женщин в спорте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сколько белорусов занимаются спортом, рассказали в Белстате. – URL: https://belta.by/society/view/skolko–belorusov–zanimajutsja–sportom–rasskazali–v–belstate–707093–2025/ (дата обращения: 10.06.2025).

2. Hargreaves, J. Sporting Females: Critical Issues in the History and Sociology of Women's Sports. – URL: https://openlibrary.org/books/OL1415134M/Sporting_females (дата обращения: 10.06.2025).

3. Ahmed, S. Historical Development of Women and Sports. – URL: https://www.academia.edu/124361841/Historical_Development_of_Women_and_Sports (дата обращения: 10.06.2025).

4. Cooky, C., Messner, M.A., Musto, M. It's Dude Time!: A Quarter Century of Excluding Women's Sports in Televised News and Highlight Shows. – URL: https://www.researchgate.net/publication/279238685_It's_Dude_Time_A_Quarter_Century_of_Excluding_Women's_Sports_in_Televised_News_and_Highlight_Shows (дата обращения: 10.06.2025).

5. Berri, D.J. Gender Differences in the Pay of Professional Basketball Players. – URL: https://www.researchgate.net/publication/354702711_Gender_Differences_in_the_Pay_of_Professional_Basketball_Players (дата обращения: 10.06.2025).

6. Sport England. Encouraging more women to find their way into sport and physical activity is vital if we're to close the gender gap that exists. So how can we do this?. – URL: https://www.calendar–uk.co.uk/frequently–asked–questions/go–to–answer/15897425 (дата обращения: 10.06.2025).

7. Women in Sport. More than 1 million teenage girls fall 'out of love' with sport. – URL: https://womeninsport.org/news/more–than–1–million–teenage–girls–fall–out–of–love–with–sport/. – Дата доступа: 10.06.2025.

8. Girls' Participation in Physical Activities and Sports: Benefits, Patterns, Influences and Ways Forward. – URL: https://www.icsspe.org/sites/default/files/Girls.pdf (дата обращения: 10.06.2025).

9. The Effect of Female Obesity on Live Birth Rate Following IVF: A Systematic Review. – URL: https://www.researchgate.net/publication/391847444_The_Effect_of_Female_Obesity_on_Live_Birth_Rate_Following_IVF_A_Systematic_Review (дата обращения: 10.06.2025).

10. Sirimi, N. Obesity in Pregnancy / N. Sirimi, G. Goulis // HORMONES – 2010. – N 9. – P. 299–306. – DOI: 10.14310/horm.2002.1280.

11. GWI. Equality in Women's Sports: What's the Score, Ref. – URL: https://www.gwi.com/blog/are–womens–sports–equalizing (дата обращения: 10.06.2025).

12. Why do women's sports get less attention?. – URL: https://www.calendar-uk.co.uk/frequently-asked-questions/why-do-womens-sports-get-less-attention (дата обращения: 10.06.2025).

УДК 94

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В УО «ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ КОЛЛЕДЖ»

Касяновская А. С.
доцент кафедры политологии и социологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
кандидат исторических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

Кошур Н. В.
преподаватель,
Гродненский государственный политехнический колледж
магистр социологических наук
г. Гродно, Беларусь

Сохранение исторической памяти – важнейший элемент реализации государственной культурной политики. Президент Республики Беларусь Александр Григорьевич Лукашенко отметил: «*Нет благороднее миссии, чем сохранение исторической памяти во имя светлого будущего*» [1].

Важную роль в процессе сохранения исторической памяти, внедряя разнообразные подходы и практики, которые помогают молодому поколению осознать и оценить свою историю, играют учебные заведения. Учреждение образования «Гродненский государственный политехнический колледж» активно участвует в сохранении исторической памяти через различные образовательные и культурные инициативы.

Историческая память – является важным элементом духовной жизни молодежи, обладающий большим воспитательным, творческим, познавательным потенциалом. Являясь как коллективным, так и личностным образованием, историческая память представляет собой важнейшую составляющую самоидентификации человека и общества, составляя одну из основ осознания себя как в истории собственной семьи, так и в истории своего учебного заведения, понимания национальной и культурной общности страны, и в рамках общечеловеческой цивилизации.

Основными источниками и механизмами формирования исторической памяти в учреждении образования «Гродненский государственный политехнический колледж» являются: официальная символика колледжа, которая играет важную роль в укреплении единства традиций и исторической памяти учебного заведения; музеи учреждения образования и республики, которые служат основой формирования исторической памяти общества; коммеморативные практики, охватывающие все направления воспитательной и идеологической работы в колледже. Сохранение исторической памяти через указанные механизмы в учреждениях среднего специального образования способствует укреплению национальной идентичности молодежи, является основой для развития гражданского общества, толерантности и взаимопонимания между различными социальными группами.

Символика Гродненского государственного политехнического колледжа, как показало проведенное авторское социологическое исследование в апреле 2025 г., играет важную роль в формировании исторической памяти как у студентов, так и у преподавателей учебного заведения. 67% респондентов отметили, что при более детальном и глубоком анализе символики, девиза и слогана Гродненского государственного политехнического колледжа проявляется не только их

эмоциональная и визуальная сила, но и их влияние на процесс формирования идентичности у студенческой молодежи и сотрудников данного высшего учебного заведения. Принадлежность к сообществу «политеха» и стремление представлять себя в качестве активного участника этой группы индивидуализирует каждого члена этого учреждения, вызывая внутренние механизмы самоидентификации, которые постепенно переходят от уровня общности с учебной группой к специальности и, в конечном итоге, к самому колледжу. Этот процесс приверженности и идентификации на разных уровнях укрепляет связь индивида не только с образовательным учреждением, но и с государством, нацией и народом в целом. Каждый символ и лозунг становятся частью этого процесса, направляя энергию и мотивацию на пути к укреплению коллективной идентичности и национального самосознания.

Относительное большинство учащихся колледжа (57%) и сотрудников колледжа (78%), как показало авторское исследование, знает символику своего учебного заведения и считает, что символика задаёт тон и атмосферу для изучения истории колледжа, региона. 31% учащихся символика учебного заведения не вдохновляет, а 4% вообще не знают символику учебного заведения, в котором учатся.

Символика также создает эмоциональную связь с колледжем. Учащиеся, замечая эмблему своего учебного заведения, испытывают гордость за свои достижения и достижения своего колледжа. При этом символика становится неотъемлемой частью их повседневной жизни и стимулом к развитию.

Символы колледжа часто связываются с его историей и традициями. Например, логотип воплощает в себе ключевое событие в истории колледжа. Это позволяет учащимся не только узнать о прошлом учебного заведения, но и быть частью его продолжающейся истории. Таким образом, символика способна служить мостом между поколениями, сохраняя и передавая традиции из поколения в поколение.

В колледже реализуются различные программы и мероприятия, направленные на развитие гражданской ответственности, уважения к культурному наследию и истории страны. К основным образовательным мероприятиям относятся: преподавание учебного предмета История Беларуси, ныне история Беларуси в контексте всемирной истории; организовываются культурные мероприятия, такие как выставки, концерты, встречи с представителями культурной жизни страны, направленных на развитие интереса к истории и культуре Беларуси; осуществляется экскурсионная деятельность по памятным местам Беларуси, знакомство с историей и культурными традициями своего народа, что укрепляет связь студентов с их родиной.

К примеру, в колледже каждую неделю проводятся воспитательные и информационные часы, направленные на формирование гражданско-патриотических качеств личности. Осуществляются кинопросмотры художественных фильмов патриотической направленности с использованием материалов республиканского культурно-патриотического киномарафона. Действует знаменная группа на всех торжественных мероприятиях.

В течении 20024-2025 года учащиеся 1-4 курсов участвуют в реализации проекта «От правнука прадеду. Помним! Чтим! Не забудем!» [2].

Студенты отделения автоматизации и информатизации приняли в 2024-2025 гг. участие в республиканском конкурсе компьютерных разработок патриотической направленности «Патриот.by» и заняли 2 место в номинации «Великой Победы немеркнущий свет…». Среди новых форм воспитательной работы по формированию исторической памяти у обучающихся практикуется проведение челленджев – в мае 2025 г. учащиеся колледжа участвовали в челлендже «#Слова благодарности деду!».

Также были проведены Декада мужества, Декада «Помним – значит, живем!». В мае учащиеся были задействованы в спортивно-патриотическом празднике «Равнение на Победу!» [2].

Колледж принял участие в митинге-реквиеме, посвященному Победе советского народа в Великой Отечественной войне и в торжественном возложении венков к памятникам и мемориалам Великой Отечественной войны во время празднования цикла мероприятий, приуроченных Дню Победы.

Для повышения эффективности военно-патриотического воспитания учащихся колледжа и целенаправленного, систематического использования государственных символов, атрибутов, в колледже создана знаменная группа для проведения торжественной церемонии вноса и выноса Государственного флага Республики Беларусь. Знаменная группа колледжа приняла участие в областном конкурсе Знаменных групп «В наших знаменах-частица победных знамен» и заняла 3-е место среди колледжей.

В колледже имеются информационные стенды военно-патриотической направленности «Есть такая профессия-Родину защищать!», страница на официальном сайте колледжа «Военно-патриотическое воспитание», также публикуются новости о прошедших мероприятиях на официальной странице учреждения образования в социальной сети «Instagram» [2].

Одной из форм коммеморативной практики в учреждении образования является участие преподавателей и студентов в различных творческих конкурсах и научных конференциях. Так в 2023 г. учащиеся колледжа под руководством преподавателей Кошур Н. В и Конопко Т. В. приняли участие в реализации республиканского гражданско-патриотического проекта «Собери Беларусь в своем сердце» [3].

Результаты авторского исследования (апрель 2025 г.) показали, что, несмотря на разнородность источников памяти и форм восприятия, у учащихся выявлены высокий уровень интереса к истории своей страны, стремление к осмыслению прошлого и участие в процессах его символического воспроизводства. Кроме того, авторское исследование показало, что для значительной части учащихся характерно критическое отношение к получаемой информации, стремление к самостоятельному анализу исторических фактов, что свидетельствует о формировании исторического мышления как элемента гражданской зрелости.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что историческая память является результатом сложного взаимодействия личностного опыта, семейной традиции, образовательной среды и информационного воздействия. Несмотря на определенные вызовы и противоречия, учащаяся молодежь проявляет готовность к сохранению и осмыслению национального исторического наследия, что свидетельствует о существовании потенциала для его конструктивного развития в будущем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/about (дата обращения: 06.02.2025).

2. Учреждение образования «Гродненский государственный политехнический колледж» / Планы воспитательной и идеологической работы в учебных группах и планы руководителя по военно-патриотическому воспитанию на 2022/2023, 2023/2024, 2024/2025 гг.

3. Архив новостей / Учреждение образования «Гродненский государственный политехнический колледж». – URL: http://ggpk.by/News/2025-04-26-1015.html (дата обращения: 16.01.2025).

УДК 001:304.21(091)

НАУКА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Кисель Н. К.
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук доцент
г. Минск, Беларусь

Наука является одним из важнейших социальных институтов техногенного общества. Ее развитие претерпевает коэволюцию с разверткой разнообразных социальных процессов, в том числе и экономического характера. И если прежде осуществление научных исследований, получение значимых результатов и реализация социально-экономических процессов в социуме коррелировали между собой по принципу линейной связи, то на рубеже XX-XXI вв. с появлением так называемой «постакадемической науки» ситуация изменилась коренным образом. Современная наука развивается в условиях когнитивного капитализма, что приводит к принципиальным изменениям как в самой науке, так и в социокультурном пространстве ее функционирования.

Когнитивный капитализм, приходящий на смену фордизму XX века, в качестве основного источника стоимости и прибыли предполагает знание и тем самым обнаруживает кардинальные отличия от так называемого промышленного капитализма. Развивающаяся экономика знаний стимулирует интерес общества не столько к фундаментальным исследованиям, сколько к научному поиску прикладного характера, удовлетворяющему разнообразные потребности массы населения.

Особенностью функционирования современной науки является то, что она уже не просто ориентирована на разнообразные социальные практики, а стала жестко встроенной в экономику в качестве одного из ее важнейших звеньев.

В условиях когнитивного капитализма особую ценность приобретают нематериальные активы, в том числе и научная информация. Современная экономика использует научное знание в качестве нематериального капитала. Тем самым наука не просто осуществляет свою индустриально-производственную функцию, а оказывается важнейшим элементом экономической системы.

Прежде всего, усиливается экономическая детерминация науки – экономическая поддержка и вместе с тем экономические ограничения для успешного развития. В большинстве случаев современные исследования – в области энергетики (особенно альтернативной), транспортных средств, космических исследований, исследования элементарных частиц, экологические, многие социологические исследования, исследования, связанные с созданием суперкомпьютеров и других высокотехнологичных артефактов, исследования, связанные с пересадкой органов, фармакологические исследования и вообще широкий класс медицинских исследований -- являются чрезвычайно дорогостоящими. Современная наука по карману только очень богатым государствам, богатым обществам и большому бизнесу, который, кстати говоря, является основным источником научных и технологических инноваций.

Постакадемическая наука во всех развитых странах является важнейшим инструментом их экономической, социальной и военной политики. Конечно, подчинив себя интересам развития экономики, став одним из ее ведущих звеньев, наука, с одной стороны, потеряла былую независимость от бизнеса и государства. Но вместе с тем именно благодаря связи с ними она получает от них мощную финансовую и материальную поддержку, без чего продолжение научных исследований на должном уровне сегодня уже в принципе невозможно. Особенно это относится к техническим и естественным наукам с их огромными затратами на материалы, оборудование, современную приборную базу, информационное обеспечение, подготовку высококвалифицированных кадров исследователей и т. д.

В наше время фундаментальные исследования составляют лишь около 8-10 % всего объема научной деятельности во всех экономически наиболее развитых странах.

Второй по объему блок в структуре современной науки – это прикладные научные исследования. Он занимает около 25-30 % всего объема научных исследований. Главная его задача – создание полезных моделей по (возможному и реальному) применению научных знаний (как уже имеющихся, так и новых).

Третий, самый большой и дорогостоящий блок в структуре современной науки, это опытно-конструкторские, инженерные, технические и технологические разработки. Они занимают в структуре современной науки около 50 %. Их главная цель – создание, испытание и последующая передача в массовое промышленное производство материальных образцов (прототипов) новых товаров и услуг, т.е. получение инноваций в собственном смысле этого слова.

Четвертый блок в структуре современной науки – это научный менеджмент, включающий в себя не только управление научными исследованиями, но также маркетинговое сопровождение, продажу опытных образцов будущих массовых инноваций. Этот блок занимает примерно 8-10 % от совокупных трат на развитие науки во всех развитых странах, т.е. примерно столько же, сколько тратится на проведение всех фундаментальных исследований. Но без последнего блока наука сегодня не может эффективно функционировать, так как именно он обеспечивает связь науки с экономикой и бизнесом, и благодаря этому необходимое финансирование для дальнейшего развития науки и всех видов научной деятельности.

В условиях когнитивного капитализма постакадемическая наука переживает процесс коммерциализации, приводящий к существенным трансформациям как содержательного, так и институционального характера [1].

В условиях ограниченности традиционных ресурсов коммерциализация продуктов науки, вовлечение в экономический оборот интеллектуальных ресурсов (прежде всего объектов интеллектуальной собственности) становится мощнейшим источником развития экономики.

При этом результат научной деятельности – это не просто полученное предметное знание, а такое, которое может быть либо передано, сохранено, накоплено посредством современных информационных технологий, либо перенесено на некоторый технологический процесс. При этом накопленные знания обнаруживают синергетический эффект. Результат научной деятельности, ориентированный на потребителя, уже не является аксиологически нагруженным, а, напротив, оказывается свободным от ценностного измерения.

Происходящая трансформация интеллектуальных практик в постакадемической науке превращает результат научной деятельности в самостоятельный и

возобновляемый фактор производства. Патентование и промышленная тайна стимулируют динамику экономики, а конкурентные преимущества получает тот, кто проводит политику научно-технического опережения конкурентов. Зачастую, это по силам лишь крупным корпорациям, располагающим значительным научно-производственным потенциалом. Благодаря концентрации инвестиционных и инновационных ресурсов, они оказываются способными реализовать эффективные научно-технические проекты**.**

Коммерциализация влечет за собой перестройку статусов внутри научного и технико-технологического сообщества. Наряду с традиционной в прошлом фигурой теоретика, творящего из познавательного интереса к миру в башне из слоновьей кости, возникают и стремительно набирают силу новые ролевые статусы – кастомизатор, идентификатор проблем (problem identifier), их «решатель» (problem solver).

Социальная стратификация научного сообщества в постакадемических реалиях приводит к появлению сравнительно нового слоя, именуемого научным прекариатом [2].

Научный прекариат – это периферия научного сообщества: исследователи и практики, не имеющие постоянной занятости в государственных или бизнес-структурах. Это независимые исследователи, фрилансеры или самозанятые, работающие по срочным договорам в крупных проектах

В условиях когнитивного капитализма складывается социально-экономическая ситуация, при которой ученые работают на временных, зачастую низкооплачиваемых или неполных контрактах, без гарантий долгосрочной занятости и карьерного роста. Такой статус часто сопровождается отсутствием стабильных социальных гарантий, возможности планировать будущее и полноценного участия в научной жизни.

Причины появления научного прекариата связаны с рядом обстоятельств: 1) ростом конкуренции за финансирование и гранты; 2) увеличением численности молодых ученых и специалистов; 3) влиянием глобализации и мобильности научных кадров; 4) недостаточной гарантией прав и социальных гарантий молодых ученых.

Для прекариев характерны очевидные риски материальной необеспеченности и научного непризнания. Нестабильное и неопределенное положение прекариата, психологический стресс снижают мотивацию к научной деятельности. Ограничение профессионального развития, отсутствие возможности долгосрочного планирования мешают карьерному росту исследователя. Это, в свою очередь, влечет за собой отток научных кадров: в стремительно глобализирующемся мире многие талантливые ученые вынуждены покидать научную сферу или эмигрировать в страны с более стабильными условиями работы.

Таким образом, наука стремительно меняется как важнейший социальный институт современного общества, оказывая зримое влияние на трансформацию социокультурного пространства техногенной цивилизации. Это, в свою очередь, требует интенсификации междисциплинарных исследовательских практик, предполагающих обращение к феномену науки в условиях вызовов современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Поляков, А.Ф. Коммерциализация науки: за и против / А.Ф. Поляков // Символ науки. – 2016. – № 2. – С. 242-245.

2. Касавин, И.Т. Научное сообщество: в поисках внутренней и внешней свободы / И.Т. Касавин, О.Е. Столярова // Эпистемология и философия науки – 2024. – Т. 61. № 3 – С. 6–20.

УДК 001.334.02

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ОБЩЕГО НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ

Клименко В. А.
советник,
Исполнительный комитет СНГ
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

В контексте перехода на пространстве Содружества Независимых Государств к цифровой модели экономики многократно увеличивается значение науки, прежде всего фундаментальной, как одной из главных основ процветания и благополучия будущих поколений наших стран.

В настоящее время научно-техническая политика, проводимая государствами Содружества, направлена на объединение усилий ученых стран СНГ в поиске новых механизмов и форм взаимодействия в сфере научных исследований для решения проблем по модернизации национальных социально-экономических систем и повышению уровня благосостояния и качества жизни людей.

Важными институциональными инструментами организации и координации взаимодействия стран Содружества в различных областях являются органы отраслевого сотрудничества СНГ. В рамках СНГ в целях сотрудничества в научной сфере созданы и успешно функционируют Межгосударственный совет по сотрудничеству в научно-технической и инновационной сферах (МСНТИ), Совет по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников Содружества Независимых Государств, а также Межгосударственный координационный совет по научно-технической информации (МКСНТИ).

Деятельность вышеназванных Советов и реализация разработанных ими документов в целом направлена на создание модели генерации, распространения и использования знаний и инноваций во всех сферах государств Содружества, формированию в целом на пространстве СНГ новой зоны мирового технологического лидерства.

Для ученых Содружества очень важное значение имеет Решение Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 года о Межгосударственной программе инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года [1]. Принятая Межгосударственная программа позволит обеспечить отработку механизмов государственной поддержки инновационной сферы, ее координацию, осуществить рациональный выбор межгосударственных приоритетов и критических технологий как предмета сотрудничества, развить научно-технический и инновационный потенциал ее участников на долгосрочный период, расширить круг инновационно активных компаний, повысить привлекательность инновационной деятельности для молодых ученых, инженеров и специалистов, развить инновационную культуру. Кроме того, Программа будет способствовать укреплению научно-технической базы исследовательского пространства СНГ, содействовать формированию сетевых структур научно-технического сотрудничества.

Дальнейшему развитию межгосударственного научно-технического и технологического сотрудничества, интеграции в области исследований в прорывных областях науки, техники и технологий государств – участников СНГ будет способствовать также утвержденная 28 октября 2022 года Решением Совета глав правительств СНГ Концепция научно-технического и технологического сотрудничества государств – участников СНГ и План мероприятий по ее реализации [2]. Концепция определяет цели и основные задачи, основополагающие принципы, основные формы и приоритетные направления научно-технического и технологического сотрудничества государств – участников СНГ. При этом приоритетными направлениями научно-технического и технологического сотрудничества государств – участников СНГ выступают следующие: развитие и широкое распространение цифровых технологий; развитие роботизированных систем; создание новых материалов; развитие и использование авиа- и космических технологий, в том числе технологий дистанционного зондирования Земли; создание и развитие систем обработки больших объемов данных и искусственного интеллекта; развитие био- и нанотехнологий; развитие квантовых технологий; формирование новых источников энергии, способов их транспортировки и хранения; развитие технологий ресурсо- и энергосбережения и др.

По инициативе Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников Содружества Независимых Государств 31 мая 2019 года на заседании Совета глав правительств СНГ подписано Соглашение о координации межгосударственных отношений в области фундаментальных исследований государств – участников Содружества Независимых Государств [3]. Соглашение нацелено на формирование инновационного общества на пространстве Содружества, совершенствование механизмов сотрудничества государств СНГ в области науки.

В соответствии с Соглашением Стороны координируют свои действия в области фундаментальных исследований, формирования единой (согласованной) системы приоритетов и экспертизы программ, проектов совместных фундаментальных исследований, гармонизации нормативной правовой базы сотрудничества в области фундаментальной науки при соблюдении законодательства и международных договоров государств – участников Соглашения, а также принимают иные меры по выработке единых подходов взаимодействия в данной области.

Решением Совета глав правительств СНГ от 20 мая 2022 года одобрен Перечень перспективных научных проектов, соответствующих приоритетным направлениям фундаментальных исследований государств – участников СНГ [4]. Перечень включает более 20 укрупненных научных проектов по 7 важным направлениям: физико-математические и химические науки, информационные и коммуникационные технологии; новые вещества и материалы, включая наноматериалы и нанотехнологии; науки о Земле, жизни, включая биологические, аграрные и медицинские науки, биотехнологии и генную инженерию; рациональное природопользование и охрана окружающей среды, изучение изменений климата, в том числе ледников; энергетика, включая ядерную, альтернативную и возобновляемую; машиностроение и приборостроение; социально-экономические и гуманитарные науки; исследование космоса. Все проекты ориентированы на решение приоритетных научных задач государств Содружества.

Дальнейшему укреплению интеграционных процессов в сфере науки, несомненно, будет способствовать также разрабатываемый в настоящее время проект Стратегии развития науки в Содружестве Независимых Государств.

Развитию механизмов научной дипломатии как особой формы международного научно-технического сотрудничества с учетом интересов СНГ и его государств-участников в значительной степени способствует форумы ученых государств – участников Содружества Независимых Государств. Форумы проводятся по инициативе Совета по сотрудничеству в области фундаментальной науки государств – участников СНГ, как правило, каждые два года. На форумах научно-образовательная элита стран СНГ имеет уникальную возможность для прямого профессионального общения и поддержки актуальных, востребованных проектов в сфере фундаментальной и прикладной науки.

К настоящему времени состоялось 5 форумов ученых государств – участников СНГ: I Форум состоялся в Москве в 2015 году (26–30 октября); II Форум – г. Ереван, 15–16 октября 2018 года; III Форум – г. Минск, 25–26 ноября 2021 года; IV Форум – г. Бишкек,16–18 июня 2022 года; V Форум – г. Душанбе, 23–24 октября 2024 года. VI Форума ученых стран Содружества намечено провести в 2026 году в Республике Казахстан.

Также следует отметить, что в целях подготовки специалистов новой формации на пространстве СНГ с 2010 года реализуется инновационный проект «Сетевой университет СНГ». Сетевой университет СНГ – это равноправное сотрудничество высших учебных заведений Содружества в сфере высшего образования, осуществляемое в формате Консорциума образовательных организаций. В состав Консорциума входят 39 ведущих университетов из 9 государств – участников СНГ. В СУ СНГ ведется подготовка высококвалифицированных специалистов по 32 направлениям магистратуры. Благодаря этому проекту в вузах стран Содружества к настоящему времени прошли обучение более 1100 магистрантов.

Вместе с тем, в новых реалиях функционирования Содружества для повышения эффективности сотрудничества в области науки, на наш взгляд, важным шагом в этом направлением видится создание Информационной платформы. Единая информационная платформа позволит создать условия для свободного доступа ученых к научной инфраструктуре стран – участников, популяризации науки и научной деятельности и информированности академической общественности как стран СНГ, так и третьих стран. Очень важной задачей для развития фундаментальной науки в СНГ является грантовая поддержка. В настоящее время все еще актуальным остается вопрос создания Межгосударственного фонда научных исследований государств – участников СНГ для финансирования совместных научных проектов и программ Содружества, в том числе проектов класса «Mega-Science». Не менее актуальным аспектом для научного сообщества Содружества выступает создание журнала «Фундаментальная наука государств – участников СНГ».

Таким образом, наука и инновации, как ключевые факторы социально-экономического развития стран СНГ, остаются в числе приоритетов во взаимодействии в рамках Содружества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года // Исполнительный комитет СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: http://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6363#text (дата обращения: 02.05.2023).
2. Концепция научно-технического и технологического сотрудничества государств – участников СНГ // Исполнительный комитет СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: https://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6646#text (дата обращения: 29.04.2023).
3. Соглашение о координации межгосударственных отношений в области фундаментальных исследований государств – участников Содружества Независимых Государств // Исполнительный комитет СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: http://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6363#text. (дата обращения: 02.05.2023).
4. Перечень перспективных научных проектов, соответствующих приоритетным направлениям фундаментальных исследований государств – участников СНГ // Исполнительный комитет СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. – URL: http://cis.minsk.by/reestrv2/doc/6363#text. (дата обращения: 02.05.2023).

УДК 1:001.8

ОТ ПЕРИФЕРИИ К ЦЕНТРУ: ИЗУЧЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ФИЛОСОФСКИХ ТРАДИЦИЙ – НОВАЯ ОПТИКА РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Климович А. И.
доцент кафедры педагогики, психологии и клинического моделирования с курсом ПКиП,
Белорусский государственный медицинский университет
кандидат философских наук
г. Минск, Беларусь

В современной историко-философской науке Беларуси происходит методологический сдвиг: регион перестает восприниматься как пассивный реципиент идей, получаемых из мировых интеллектуальных центров, наблюдается переосмысление его значения, понимаемого сегодня как активного участника формирования философского знания, объекта сложных взаимосвязей культурного, исторического, социального характера, ценного, исходя из собственной специфики, а не из взаимосвязи с центральными культуртрегерами, формирующими основу логики развития мировой философии. Одним из вариантов реализации такого подхода является предложенная нами методология локальной философской традиции, которую мы применили к исследованию традиции полоцкой неосхоластики. Это позволило нам определить место и роль полоцкой неосхоластики в локальных философских и общемировых процессах, выявить ее теоретико-методологические основания и мировоззренческий потенциал для современности.

Локальная философская традиция понимается нами как комплекс идей, имеющих единство происхождения, внутренне обусловленный общим концептуально-методологическим основанием, развивающийся в строго определенных пространственно-временных рамках в контексте

индивидуализирующих его исторических событий, а также имеющий общий интеллектуальный центр, позволяет по-новому взглянуть на историко-философские процессы, поскольку акцентирует внимание на особенных чертах рассматриваемых явлений.

Предложенная нами методология исследования «локальной философской традиции», по нашему мнению, может выступать не только как инструмент для исследования конкретного феномена истории философской мысли Беларуси, но и как универсальный исследовательский категориально-методологический аппарат, обладающий эвристическим потенциалом для национальной и международной науки. Обращение к понятию «локальная философская традиция» и ее составляющим позволяет использовать ее также для изучения других локальных контекстов. Это особенно актуально в рамках мало исследованных пластов национальной мысли, в частности, при обращении к наследию религиозной философии. Мы выдвигаем гипотезу, что могут существовать виленская, гродненская, витебская локальные философские традиции, ждущие еще своих исследователей. Уникальность и вклад в общемировые процессы каждой традиции возможно оценить через определение основополагающих условий ее возникновения, развития и существования, выделения специфики бытийстсвующих идей, а также анализа механизмов и направлений культурного трансфера (каким образом они вписывались в общемировое философское пространство).

Определение указанных элементов становится возможным благодаря использованию разработанной нами триады понятий «историко-культурное пространство», «культурная матрица», «философский ландшафт».

Историко-культурное пространство можно определить как динамическую систему взаимодействия материальных и символических структур, социальных практик и ментальных моделей, где их взаимоотношение обусловлено географическими параметрами, исторической темпоральностью и спецификой рецепции внешних влияний. Историко-культурное пространство по своей сути является геоисторическим пространством. Данный термин позволяет выйти за границы национального и государственного и посмотреть на процессы шире, что безусловно, позволяет подняться на новый уровень в ситуации с такими феноменами, как философская мысль Беларуси.

Историко-культурное пространство структурируется через исторический, культурный и социальный контексты. Исторический контекст создает условия для существования локальной философской традиции в общем. Он определяет условия генезиса идей, точки бифуркации в их развитии, а также специфику взаимодействия с другими традициями. Культурный контекст представляет собой присущую данному сообществу систему ценностей, семиотических кодов и специфику механизмов смыслопорождения. Он выполняет функцию когнитивного фильтра по отношению к внешним влияниям и отождествляется в нашем исследовании с понятием культурной матрицы В. С. Стёпина. Под социальным контекстом здесь следует понимать институты, коммуникативные практики, а также стратегии легитимации либо маргинализации идей.

Культурная матрица представляет собой определенную систему мировоззренческих и когнитивных паттернов. Эти паттерны ответственны за механизмы отбора и интерпретации идей, но сами они обладают способностью к

изменению под влиянием внешних вызовов, одновременно сохраняя преемственность через социальные институты. В результате в условиях определенного историко-культурного пространства в культурной матрице может происходить либо синтез локальных и глобальных идей, либо реинтерпретация, либо вытеснение. В центре ее находится предложенное В. С. Стёпиным понятие мировоззренческой универсалии [1, с. 15]. Совпадение либо несовпадение проникающей в историко-культурное пространство идеи с существующей в рамках культурной матрицы мировоззренческой универсалии определяет в дальнейшем возможность ее присутствия в философском ландшафте.

Философский ландшафт понимается следующим образом. Это определенная совокупность бытующих в историко-культурном пространстве идей, как приходящих извне, так и существующих в рамках локальной традиции. Формирование философского ландшафта, с одной стороны, предполагает наличие четко выраженных границ распространения идеи, а, с другой – открытость для обмена идеями и понятиями, имеющими место в рамках других традиции.

Соответственно, процесс возникновения локальной философской традиции проходит три следующих этапа: 1) оформление историко-культурного пространства, заключающего в себе определенную историческую эпоху во всем многообразии ее экономических, политических и культурных событий, влияющую на мировоззренческие универсалии; 2) формирование культурного контекста историко-культурного пространства – непосредственно культурной матрицы, воплощающей в себе основные установки и ценностные ожидания общества; 3) кристаллизация философских идей как результат осмысления мировоззренческих универсалий, составляющих основание культурной матрицы, именно они, по нашему мнению, и оформляются в виде определенного философского ландшафта.

Таким образом, использование методологии «локальной философской традиции» позволяет решить нам ряд проблем, свойственных для региональных исследований, в том числе и в области истории философской мысли Беларуси. Предложенный подход позволяет преодолеть существующий стереотип о «вторичности» философской мысли Беларуси, демонстрируя ее многоголосие, полицентричность и уникальную локальную специфику. Одновременно данный вариант выступает как путь ухода от диктата больших нарративов, позволяя осуществить ревизию устоявшихся представлений об истории философской мысли Беларуси. Изучение локальных философских традиций также важно для формирования национальной идентичности, основанной на осознании глубины собственного интеллектуального и культурного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стёпин, В.С. Философский анализ мировоззренческих оснований культуры / В.С. Стёпин // Гуманитарные науки. – 2011. – № 1. – С. 8–16.

УДК 316.346.32-053.6(476+517.3):004

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ: МЕТОДИКА РАСЧЁТА НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МОЛОДЁЖИ БЕЛАРУСИ И МОНГОЛИИ[1]

Кобяк О. В.
заведующий отделом экономической социологии,
Институт социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Комплексный показатель цифровой компетентности складывается из четырёх частных показателей: 1) цифровой осведомлённости; 2) интернет-погруженности; 3) цифровых умений; 4) цифрового самосохранения. Эмпирической основой для расчёта **показателя цифровой осведомлённости** служит распределение ответов респондентов на вопрос «Знаете ли Вы что такое?...» (табл. 1). Мы используем 7 предметов оценки, по которым учитывается только вариант ответа «знаю». Диапазон вариации значений показателя: от 0 (минимальное значение, когда никто не может однозначно ответить «знаю») до 1 (максимальное значение, когда «все знают всё»). Формула для расчёта показателя: П = Факт. / Макс., где Факт. – фактический суммарный % выборов ответа «знаю» (сумма % по столбцу); Макс. – максимальная возможная сумма % выборов ответа «знаю» по всем предметам оценки (в данном случае 700%). Расчётные значения частного показателя цифровой осведомлённости (ПЦО) представлены в табл. 1.

Таблица 1. Распределение ответов представителей возрастных групп 18–24 года и 25–34 года на вопрос: «Знаете ли Вы что такое:…?», % ответивших «знаю»

	Беларусь		**Монголия**	
	18 – 24	**25 – 34**	**18 – 24**	**25 – 34**
Компьютерные вирусы	93,7	91,6	64,3	65,9
Сетевая зависимость	88,6	81,1	60,3	58,4
Информационная война	74,3	68,8	35,4	40,8
Фейк	90,9	86,8	60,0	61,6
Компромат	90,3	82,0	28,2	30,3
Плагиат	88,6	71,2	54,1	49,9
Манипулирование сознанием с помощью информации	77,1	67,9	39,7	34,5
Суммарный % по столбцу	603,5	549,4	342,0	341,4
ПЦО (от 0 до 1)	**0,8621**	**0,7848**	**0,4885**	**0,4877**

Эмпирической основой для расчёта **показателя интернет-погруженности** (ПИП) служит распределение ответов респондентов на вопрос «Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение года?» (табл. 2). Не путать погруженность с частотой обращения к Интернету. Частота может быть высокой, а погруженность мелкой. Для расчёта погруженности мы используем номинальную шкалу, которая включает 14 содержательных вариантов ответа, охватывающих все основные активности пользователей в Интернете. Респондентам было предложено указать все подходящие варианты. Формула для расчёта показателя аналогичная: П = Факт. / Макс., где Факт. – фактический суммарный % выборов по 14-ти содержательным

[1] Социологическое исследование проведено при поддержке БРФФИ в рамках гранта № Г22Мн-009 «Социальные риски молодёжи Беларуси и Монголии в контексте дигитализации» (2022–2024 гг.).

вариантам ответа (сумма % по столбцу); Макс. – максимальная возможная сумма % выборов (в данном случае 1400%). Диапазон вариации значений показателя: от 0 до 1. Расчётные значения частного показателя интернет-погруженности (ПИП) представлены в табл. 2.

Показатель интернет-погруженности позволяет рассмотреть, насколько глубоко и далеко молодые люди «плавают» в океане информации, именуемом Интернет. А вот насколько грамотно они это делают? Что именно они умеют? По крайней мере, по их собственным оценкам… На этот вопрос нам поможет ответить частный **показатель цифровых умений** (ПЦУ). Эмпирической основой для расчёта показателя цифровых умений служит распределение ответов респондентов на вопрос «Выберите из перечисленного ниже, что Вы умеете делать?» с возможностью множественного выбора вариантов ответа (табл. 3). Формула расчёта аналогична предыдущим.

Таблица 2. Распределение ответов представителей возрастных групп 18–24 года и 25–34 года на вопрос: «Что из перечисленного Вам доводилось делать в Интернете в течение года?», в % от ответивших, была возможность множественного выбора

	Беларусь		**Монголия**	
	18 – 24	**25 – 34**	**18 – 24**	**25 – 34**
Читать новости	89,2	88,8	44,7	53,3
Пользоваться поисковыми сервисами (Yandex, Google и т.п.)	83,7	81,9	51,3	44,3
Пользоваться электронной почтой	63,9	59,7	31,5	36,5
Играть в сетевые игры	54,8	41,9	35,8	31,6
Размещать свои фотографии, видео в Интернете	66,3	57,2	29,8	29,0
Управлять банковским счётом через Интернет-банкинг	59,0	60,9	22,2	28,2
Скачивать, прослушивать аудио или видео	71,1	61,9	37,1	26,7
Оплачивать товары / услуги электронными деньгами	48,8	41,6	24,2	23,3
Скачивать, обновлять программное обеспечение	59,6	50,0	19,9	21,0
Искать работу через Интернет	39,2	37,2	22,5	20,4
Покупать, заказывать товары / услуги в Интернет-магазинах	64,5	67,5	20,5	19,6
Создавать собственные Интернет-страницы (сайты, блоги)	24,1	15,6	18,2	11,8
Писать электронные обращения в госорганы / службы	7,2	13,8	6,3	6,9
Пользоваться облачными сервисами (хранилищами данных)	30,1	32,2	6,3	6,1
Суммарный % по столбцу	761,5	710,2	370,3	358,7
ПИП (от 0 до 1)	**0,5439**	**0,5072**	**0,2645**	**0,2562**

Таблица 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что Вы умеете делать?», в % от ответивших, была возможность множественного выбора

	Беларусь		**Монголия**	
	18 – 24	**25 – 34**	**18 – 24**	**25 – 34**
1. Собирать информацию из разных источников, чтобы получить полное представление об интересующей теме	77,0	66,5	55,7	47,3
2. Формулировать поисковые запросы, чтобы найти в Интернете нужную информацию	75,9	70,4	55,1	59,4
3. Распознавать указания на то, что определённая телепрограмма подходит для детей и подростков	31,6	38,7	24,6	20,2
4. Замечать различия между информацией и другими сообщениями, в том числе мнениями, суждениями, критикой	48,3	42,0	24,9	27,9
5. Делать электронные копии печатных статей, рис. и т.д.	41,4	40,5	11,1	10,1
6. Определять, является ли найденная в Интернете информация достоверной и заслуживающей доверия	46,0	37,8	5,6	5,5
7. Выявлять скрытую информацию о дополнительных платежах за пользование услугой	30,5	23,0	0,3	1,0
Ничего из перечисленного	8,6	13,0	6,2	7,3
Суммарный % по столбцу (пп. 1–7)	350,7	318,9	177,3	171,4
ПЦУ (от 0 до 1)	**0,5010**	**0,4555**	**0,2532**	**0,2448**

Для полноты картины, помимо степени развитости базовых цифровых умений, нам необходимо оценить, насколько безопасно пользователи реализуют эти умения на практике. С этой целью рассчитаем частный показатель цифрового самосохранения. Эмпирической основой для расчёта показателя цифрового самосохранения служит распределение ответов респондентов на вопрос «Укажите, что Вы умеете делать для обеспечения безопасности своих личных данных» с возможностью множественного выбора вариантов ответа (табл. 4). Формула расчёта аналогична предыдущим. Расчётные значения частного показателя цифрового самосохранения (ПЦС) представлены в табл. 4.

Таблица 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Укажите, что Вы умеете делать для обеспечения безопасности своих личных данных», в % от ответивших, была возможность множественного выбора

	Беларусь		**Монголия**	
	18 – 24	**25 – 34**	**18 – 24**	**25 – 34**
Изменять личные пароли на компьютере и в онлайн-сервисах	72,0	71,6	59,2	64,4
Удалять «историю» своих действий в Интернете / чистить историю браузера	58,3	54,4	47,7	40,9
Изменять настройки доступа к своей информации в социальных сетях для разных групп пользователей	54,9	44,4	33,2	30,5
Создавать несколько учётных записей пользователей одного компьютера	32,6	27,8	9,2	9,8
Проводить чистку компьютера от ненужных файлов	58,9	46,2	21,1	25,5
Проверять компьютер на вирусы	64,0	54,4	12,5	13,8
Делать резервные копии хранящихся на ПК файлов	36,6	34,4	13,2	8,1
Пользоваться функциями родительского контроля на компьютере	13,1	22,7	8,6	7,3
Распознавать ситуацию вымогательства информации в Интернете	33,7	27,5	5,6	5,5
Определять степень конфиденциальности и безопасности передачи личных данных при пользовании услугами через Интернет	37,7	24,2	15,8	10,2
Ничего из перечисленного	9,7	13,0	1,3	3,3
Суммарный % по столбцу	461,8	407,6	226,1	216
ПЦС (от 0 до 1)	**0,4618**	**0,4076**	**0,2261**	**0,2160**

Значение **комплексного показателя цифровой компетентности** рассчитывается как среднее арифметическое значений частных показателей. Все расчётные значения показателей представлены в табл. 5.

Таблица 5. Показатели цифровой компетентности молодёжи в выделенных возрастных группах (в диапазоне значений от 0 – минимум, до 1 – максимум)

Показатели:		**Беларусь**		**Монголия**	
		18 – 24	**25 – 34**	**18 – 24**	**25 – 34**
Частные показатели цифровой компетентности:	Показатель цифровой осведомлённости	0,8621	0,7848	0,4885	0,4877
	Показатель интернет-погруженности	0,5439	0,5072	0,2645	0,2562
	Показатель цифровых умений	0,5010	0,4555	0,2532	0,2448
	Показатель цифрового самосохранения	0,4618	0,4076	0,2261	0,2160
Комплексный показатель цифровой компетентности		**0,5922**	**0,5387**	**0,3080**	**0,3011**

Сравнительный анализ значений комплексного показателя цифровой компетентности и значений входящих в него частных показателей позволил сделать следующий генеральный вывод, который в целом характеризует как монгольскую, так и белорусскую молодёжь в цифровом мире: молодые люди как в Беларуси, так и в Монголии, будучи пользователями цифровых технологий и сервисов, уже довольно много знают об этих технологиях в теории, сравнительно в меньшей мере погружаются в цифровое пространство на практике, ещё в меньшей мере умеют обеспечивать себе «управляемое погружение» в мир цифровых технологий и возможностей, и ещё в меньшей степени умеют минимизировать возможные риски в процессе освоения цифровых практик.

УДК 316.346.2

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Коваленко А. С.
магистрант 2 курса,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия

В условиях трансформации современного общества гендерные исследования приобретают особое значение как направление социального знания, способное выявить глубинные механизмы воспроизводства социального неравенства и предложить пути его преодоления. Несмотря на значительный прогресс в области равенства прав мужчин и женщин, актуальной остаётся проблема влияния устойчивых культурных установок и социальных ожиданий на профессиональную самореализацию личности.

В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что именно сфера труда и образования является ключевой ареной, где воспроизводятся и оспариваются гендерные различия. П. Бурдьё рассматривал символическое насилие как невидимую форму господства, закрепляющую социальные позиции мужчин и женщин в структуре общества [1]. И. Коннелл, анализируя понятие «гегемонной маскулинности», указывала на то, что именно социальные нормы задают модели поведения и успеха, ограничивая вариативность индивидуальных траекторий [3]. В отечественных исследованиях акцентируется внимание на том, что постсоветское пространство сохраняет значительный пласт традиционалистских представлений, особенно заметных в молодежной среде [5].

Целью представленного исследования является выявление особенностей влияния гендерных стереотипов на профессиональную самореализацию молодежи в России и Беларуси. Гендерные исследования как междисциплинарное направление объединяют социологический, культурологический и психологический подходы. Их потенциал заключается в возможности анализа не только институциональных практик (политика занятости, образовательные стратегии), но и микросоциальных процессов, в которых формируется повседневный опыт мужчин и женщин. С опорой на труды Дж. Батлер можно утверждать, что гендер – это не статическая категория, а процесс, перформативно воспроизводимый через социальные практики. Таким образом, само восприятие «мужских» и «женских» профессий является результатом культурных сценариев, а не объективных различий [2]. Важное значение имеет и концепция «стеклянного потолка», обозначающая скрытые барьеры карьерного роста для женщин [6]. В постсоветских обществах данный феномен усугубляется взаимодействием культурных норм и институциональных ограничений. В белорусских и российских исследованиях отмечается, что молодежь, хотя и проявляет больше открытости к идеям равенства, всё же воспроизводит устойчивые стереотипы в сфере профессиональных выборов [7].

Эмпирическое исследование было проведено автором в 2024 году и носило пилотный характер. Общее количество респондентов – 200 человек (100 студентов в Ростове-на-Дону и 100 студентов в Минске) в возрасте от 18 до 25 лет. Гендерный состав: 54 % женщин, 46 % мужчин. Направления подготовки: гуманитарные (социология, филология, педагогика) и технические (информатика, инженерия,

математика). Исследование проходило в формате анкетирования на платформе Google Forms. Анкета включала 24 вопроса, сгруппированных по блокам: 1) гендерные представления о профессиях; 2) личный опыт дискриминации или предубеждения; 3) оценка перспектив гендерного равенства; 4) социально-демографические данные.

Анализ эмпирических данных показал, что гендерные стереотипы продолжают оказывать заметное влияние на профессиональную самореализацию молодежи в России и Беларуси, хотя масштабы и формы их проявления имеют определённые различия в зависимости от страны, пола респондентов и профиля их образования.

Вопрос о существовании «мужских» и «женских» профессий выявил устойчивость традиционных представлений. В российской выборке 48 % респондентов согласились с тем, что профессии могут быть жёстко распределены по половому признаку. В Беларуси данный показатель оказался несколько ниже – 42 %. Примечательно, что чаще всего разделение профессий встречалось в ответах студентов технических направлений, в то время как гуманитарии демонстрировали большую гибкость восприятия. Так, среди студентов инженерных специальностей в России доля респондентов, разделяющих «гендерное» понимание профессий, составила 56 %, а среди студентов гуманитарного профиля – лишь 39 %. В Беларуси аналогичное различие также фиксировалось, но было менее выраженным (49 % и 36 % соответственно). Эти данные согласуются с наблюдениями Е. А. Здравомысловой и А. А. Темкиной, согласно которым именно технические и естественно-научные дисциплины остаются пространством более жёсткого гендерного разделения, в то время как гуманитарные сферы характеризуются большей открытостью и разнообразием профессиональных ролей [5].

Особый интерес представляют ответы на вопрос о влиянии семьи и ближайшего окружения на выбор образовательной и профессиональной траектории. В российской выборке 65 % девушек отметили, что испытывали прямое или косвенное давление – родители и родственники ожидали от них выбора «традиционно женских» сфер, таких как педагогика, филология, социальная работа. В Беларуси данный показатель оказался ниже – 58 %, что может быть связано с более активной государственной политикой в сфере гендерного равенства и трудовой занятости женщин [7]. Для юношей ситуация в целом была иной: только 22 % российских и 19 % белорусских студентов указали, что сталкивались с ожиданиями семьи в отношении выбора «мужских» профессий. Однако здесь также проявились различия: те, кто выбрал гуманитарные направления, чаще сообщали о негативных реакциях со стороны окружения. Подобная тенденция подтверждает концепт «гегемонной маскулинности», согласно которому отклонение мужчин от доминирующей модели мужественности (ориентация на технические, высокостатусные и высокооплачиваемые профессии) воспринимается как нарушение социальных норм [3].

Наиболее показательными оказались данные о реальном опыте дискриминации и предубеждений в образовательной и профессиональной среде. В России 30 % студенток и 15 % студентов мужского пола сообщили о случаях недооценки их компетенций на основании пола. В Беларуси эти показатели составили соответственно 27 % и 12 %. Данные подтверждают существование феномена так называемых «стеклянных стен» – барьеров, ограничивающих переход между «мужскими» и «женскими» профессиями [6]. В отличие от «стеклянного потолка», связанного с карьерным продвижением женщин, «стеклянные стены» воспроизводят горизонтальную сегрегацию и препятствуют свободному выбору профессиональной сферы как для женщин, так и для мужчин.

Несмотря на наличие устойчивых стереотипов и опыта дискриминации, общее отношение молодежи к перспективам гендерного равенства оказалось в большей степени оптимистичным. В обеих странах 70 % респондентов выразили уверенность, что равенство мужчин и женщин в профессиональной сфере будет достигнуто в ближайшие десятилетия. При этом в Беларуси данный показатель выше (76 %), чем в России (65 %). Интересно, что именно женщины чаще демонстрировали оптимизм, связывая будущее с «естественным изменением поколений» и «усилением роли женщин в общественной жизни». Мужчины чаще высказывали скепсис, указывая на «инерцию традиционной культуры» и «нежелание работодателей менять подходы». Данный результат соотносится с выводами И. Н. Тартаковской, которая отмечает, что российское общество характеризуется большей устойчивостью традиционных норм и более медленным изменением культурных установок по сравнению с рядом других постсоветских стран [4]. В Беларуси государственная политика поощряет вовлечение женщин в сферу труда и бизнеса, что находит отражение и в общественных ожиданиях.

Сравнительный анализ по половому признаку выявил существенные различия. Женщины чаще фиксировали опыт дискриминации, испытывали давление при выборе профессии, но при этом были более уверены в перспективах равенства. Мужчины же в меньшей степени сообщали о дискриминации, однако чаще воспроизводили традиционные стереотипы о «мужских» и «женских» профессиях. Такое противоречие можно объяснить через концепцию «символического насилия» П. Бурдьё, когда социальные структуры настолько глубоко укореняются в сознании, что воспринимаются как «естественные» [1]. Мужчины, находящиеся в позиции относительного социального преимущества, чаще воспринимают существующее положение как норму, в то время как женщины демонстрируют большую критичность к социальной реальности.

Также следует отметить, что сравнительный анализ данных двух стран позволил зафиксировать важные различия. В российской выборке наблюдается большая доля респондентов, разделяющих гендерное понимание профессий, а также больший процент девушек, испытывающих давление семьи. В белорусской выборке выше доля оптимистов относительно перспектив равенства и ниже уровень фиксируемой дискриминации. Это может свидетельствовать о том, что институциональная среда в Беларуси (в частности, активная политика по поддержке женщин в сфере занятости) оказывает определённое влияние на восприятие молодежи, хотя глубинные стереотипы сохраняются. В России сохраняется более сильное влияние культурной традиции, подкреплённой структурными особенностями рынка труда.

Проведенное исследование подтвердило значимость гендерных исследований для анализа социальных процессов в постсоветских обществах. Научная новизна работы заключается в сравнительном анализе восприятия гендерных стереотипов российской и белорусской молодежью. Практическая значимость состоит в возможности использования данных для разработки программ по формированию гендерной чувствительности в образовательной среде и продвижению идей равенства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Мужское господство / пер. с фр. А.А. Корбут. – М.: Socio-Logos, 2005. – 240 с.

2. Батлер, Дж. Гендерное беспокойство / пер. с англ. Д. Троицкой. – СПб.: Алетейя, 2020. – 336 с.

3. Коннелл, Р. Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика / пер. с англ. М.Ю. Матвеева. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 432 с.

4. Тартаковская, И.Н. Гендерные исследования в России: состояние и перспективы. – М. : Academia, 2021. – 312 с.

5. Здравомыслова, Е.А, Темкина, А.А. Gender Studies in Post-Soviet Space // European Journal of Women's Studies. – 2017. – Vol. 24, № 4. – P. 324–339.
6. Ridgeway, C. Gender, Status, and Leadership // Journal of Social Issues. – 2018. – Vol. 74, № 3. – P. 637–657.
7. Korol, A. Gender Equality in Belarus: Challenges and Prospects // Belarusian Journal of Sociology. – 2022. – № 2. – P. 45–59.

УДК 316.3+316.7

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ СОЦИОДИНАМИКИ

Колядко И. Н.
доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В настоящее время в мире происходит формирование глобального коммуникационного пространства, которое оказывает влияние на все стороны жизни общества, отдельного человека, на структурообразующие компоненты всей системы культуры. Влияние процессов цифровизации на все без исключения сферы общества привело к изменению его организационной структуры, принципов и способов функционирования и взаимодействия различных культур. При этом стержнем современной культуры становится именно коммуникация: она подчиняет и формирует особенности восприятия информации, а значит оказывает влияние на механизмы смыслообразования. Существенно изменяется и социальная структура, становясь более гибкой и подвижной, поскольку ее параметры задаются уже не столько собственно социальными факторами (этническими, демографическими, экономическими), сколько современными коммуникативными практиками на основе технологий big date, которые формируют социокультурное пространство современности.

Ключевым для современного общества становится процесс формирования глобальной цифровой инфраструктуры, которая стала основой цифровой экономики, коммуникаций и культуры. Цифровые технологии выступают одним из ведущих фактором изменения социальной реальности, а основными источники этих изменений выступают NBICS-конвергентные технологии, представляющие технологический базис общества цифровой эры. Их влияние на социокультурное развитие проявляется в трансформации иерархической социальной структуры в сетевые формы взаимодействия на всех уровнях: межличностном, групповом, национальном, глобальном.

Сетевое взаимодействие пронизывает все сферы жизнедеятельности человека, а сетевые связи усиливаются благодаря современных информационно-коммуникационным технологиям, что делает их более сложными за счет наложения на различные виды сетей – природные, технологические, социальные и виртуальные. Поэтому сетевая структура социальных коммуникаций представляет собой многоуровневую и нелинейную социальную конструкцию, взаимодействующую в реальном и виртуальном пространствах. Формирующееся сетевое общество, как отмечает М. Кастельс, представляет «новый социальный порядок информационного века… который создает культуру виртуальности» [1, p. 386-387]. К основным

характеристикам сетевых коммуникаций следует отнести высокую скорость передачи информации, глобальный охват за счет доступа к Интернету и управление знаниями. Цифровые технологии, основанные на двоичном коде, меняют ритмы жизни, формируя новые способы подачи информации и клиповое сознание у акторов сетевых коммуникаций. Поэтому в новом контексте концепция сети становится центральной для многих областей, исследующих когнитивные и социокультурные процессы. Мегатрендами сетевого общества являются цифровые технологии в таких сферах, как микроэлектроника и биотехнологии, а также развитие цифровой экономики, культуры и науки.

Определяющую роль в формировании общественного сознания занимают новые медиа, которые оказывают влияние на восприятие тех или иных событий, придавая им определенную ценностную коннотацию. Как отмечает В. В. Миронов, «конструируемые реальности могут различаться в зависимости от страны, политической ситуации, выступая в качестве средства манипулирования сознанием общества и индивида, погружая каждого в собственный информационный кластер и формируя необходимое отношение индивида к реальности, к тем или иным событием» [2, с. 78]. Информационно-коммуникационные технологии изменяются с большой скоростью, способствуя интенсификации процессов «переписывания» реальности, которая сама становится материалом для дальнейших интерпретаций. А постоянное использование гаджетов и Интернета ведет к виртуализации социального взаимодействия, нередко способствуя возрастанию социальной напряженности из-за скорости изменений и больших объемов информации. В этом отношении разработка перспективных моделей сетевых коммуникаций, отражающих гуманистические ценности, является актуальной задачей в условиях перехода к сетевому обществу. Различные модели сетевого общества, предполагающие исследование его структуры, преобразований в системе политики, экономики, права, культуры, представлены концепциями таких известных ученых, как М. Кастельс, Я. ван Дейк, Э. Тоффлер, Б. Латур, М. Каллон, Дж. Аркилла, Д. Ронфельдт, Б. Велмлен, Р. Хилц и др.

По общему мнению ученых, к числу основных характеристик сетевого общества относятся: развитая цифровая инфраструктура, институционализация сетей для организации социальных процессов, медиатизация, распространение технологий управления знаниями. Понятие сети становится ключевым для понимания качественных изменений на всех уровнях общественного развития. Сеть представляет собой сложную организационную модель, где минимальное число связей создает отношения между участниками. По мнению М. Кастельса, «именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение сетевой логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой, властью» [3, с. 494]. При этом, несмотря на то, что сетевая организация взаимодействия охватывает весь мир, но далеко не всех его жителей. Главной причиной этого является феномен информационного неравенства, существующий в настоящее время, а также то, что не все пользователи сети Интернет активно пользуются социальными сетями. Тем не менее, как отмечает М. Кастельс, сеть служит строительным материалом для организации совместной деятельности и представляет собой структуру, которая преодолевает границы, позволяя небольшим и средним сообществам взаимодействовать с крупными [3, с. 494]. Это обеспечивает постоянную коммуникацию и быструю адаптацию к изменениям, происходящим в социокультурном пространстве. Следовательно, одной из ключевых задач является

обеспечение равного доступа ко всем информационным ресурсам, что необходимо для максимальной реализации потенциала сетевого общества.

Однако не только проблема доступа к информации характерна для сетевого общества. Исследователи Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт отмечают изменение роли конфликтов в сетевом обществе: акцент сделан на феномене «сетевых войнах», когда взаимодействующие акторы, преследующие разные цели и ценности, могут быстро объединяться для решения определенных задач. Сетевые структуры более гибкие и могут самопрограммироваться в зависимости от условий, а интернет рассматривается как центральный элемент сетевого взаимодействия, формирующий культурные и коммуникационные структуры. Он связывает людей из разных культур и стран, создавая горизонтальные сети, которые способны к преодолению как географических, так и коммуникационных барьеров [4, с. 69].

В этой связи Я. ван Дейк анализирует, какие факторы оказывают влияние на формирование сетевых структур, выполняющих стабилизирующую роль в социальной организации [5, p. 25]. Анализ особенностей формирования сетевого общества показывает, что его структура формируется через сочетание реальных и виртуальных практик в разных сферах, таких как экономика, бизнес, политика и культура. Источником этих изменений выступает глобальная сеть Интернет. Двойственная природа интернет-коммуникаций связана со специфическими функциями информационно-коммуникационных технологий, которые, с одной стороны, выступают средством формирования общественного мнения через новые медиа, а, с другой стороны, обеспечивают контроль за потоками информации, ограничивая, при необходимости, к ней доступ. Складывается ситуация, в которой при сетевой форме взаимодействия «человеческий фактор» становится существенной помехой для нормального функционирования различных систем, и возникает проблема ограничения его вмешательства. В условиях становления сетевого общества глобальное коммуникационное пространство, как одна из его сущностных характеристик, может стать прототипом нового тоталитарного общества, в котором человек все в большей степени передает власть системе, утрачивая при этом статус полноправного субъекта, принимающего решения и несущего за них ответственность. Возможность появления такого рода «вызова» сетевого общества может стать реальностью, поэтому важно определить социально-антропологические факторы его формирования и социодинамики в условиях цифровизации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Castells, M. The Information Age: Economy, Society, and Culture / M. Castells. – Oxford : Blackwell Publishers. – 2 nd. – 2010. – 597 p.

2. Миронов, В.В. Платон и современная пещера big-date / В.В. Миронов // Метафизика не умирает: избранные статьи, выступления и интервью. – Москва : РГ-Пресс, 2020. – С. 62–83.

3. Кастельс, М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / М. Кастельс ; под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Akademia, 1999. – 631 с.

4. Балаян, А.А. Современные дискуссии о сетевых организациях и сетевом взаимодействии. Методология анализа и проблемы практического применения / А.А. Балаян, Л.В. Томин // Науч. тр. СЗИУ – филиал РАНХиГС. – 2017. – Т. 8, вып. 1 (28). – С. 66–74.

5. Van Dijk, J. The Network Society. Social Aspects of New Media / J. van Dijk. – London : Sage Publications, 2006. – 292 p.

УДК 338.24(476)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: РИСКИ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Комарова И. К.
доцент кафедры политологии и социологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
кандидат философских наук
г. Гродно, Беларусь

Цифровизация – новый тренд мирового общественного развития, основанный на использовании возможностей онлайн и инновационных цифровых технологий от отдельных людей до крупных компаний и государств. Цифровизация как социальный феномен имеет двойственную природу: может способствовать развитию, а может нести и скрытые угрозы, если они вовремя не будут взяты под контроль.

Угрозы национальной безопасности, которые порождает цифровизация, условно можно разделить на 4 группы: 1) угрозы киберпреступности; 2) цифровые политические угрозы; 3) цифровые угрозы экономической стабильности; 4) цифровые угрозы социальной стабильности. Рассмотрим их подробнее.

1. Угрозами киберпреступности являются:

• DoS/DDoS-атаки – хакерские атаки на вычислительную систему с целью довести её до отказа. Как правило, они направлены на кражу данных или вымогательство.

• фишинг – вид интернет – мошенничества, связанный с получением конфиденциальных данных пользователей интернета (логины, пароли и пр.);

• неправомерный доступ к информации;

• нарушения конфиденциальности, целостности и доступности данных;

• зависимость от импортных технологий;

• недостоверная информация;

• проблемы с ПО и конфигурацией (несовершенное программное обеспечение и ошибки в настройках);

• человеческий фактор. Ошибки пользователей и сотрудников могут быть причиной утечек данных.

К сожалению, количество киберпреступлений в Беларуси продолжает расти, и в 2024 году они составили более четверти от всех преступлений в стране. Причинами**, стимулирующими рост**, можно назвать: а) опережающие темпы освоения сети Интернет гражданами Республики Беларусь. Так, в 2023 г. доля населения нашей страны, пользующегося Интернетом, составила 91,5%; б) у**ровень компьютерной грамотности граждан отстает от скорости внедрения компьютерных систем в повседневную жизнь**. Кроме того, многие граждане недостаточно ответственно относятся к защите и безопасности собственной информации и личных данных [1].

В Уголовном кодексе Беларуси предусмотрены статьи за киберпреступления, такие как хищение с использованием компьютерной техники, несанкционированный доступ к информации, компьютерный саботаж и пр. (ст. 349-355, 99).

2. Цифровые политические угрозы.

а) Вмешательство в выборы и политические процессы для распространения дезинформации, манипулирования общественным мнением в политических кампаниях. Практически во всех сценариях государственных переворотов, используются цифровые технологии, а их попытки привязываются к выборам.

б) Пропаганда и дезинформация. Распространение ложной или искаженной информации через Интернет, социальные сети с целью подрыва доверия к институтам власти, создания социальной напряженности и дестабилизации обстановки. Яркий пример – деятельность оппозиционного Telegram-канала «Nexta» публично призывавшего к осуществлению массовых беспорядков, а впоследствии признанного белорусским судом экстремистским ресурсом.

в) Кибератаки на критически важные объекты инфраструктуры (на госучреждения, энергетические объекты, финансовую систему и пр.)

г) Нарушение цифрового суверенитета: зависимость от иностранных технологий, программного обеспечения и инфраструктуры, что порождает для страны риск иностранного вмешательства и контроля.

д) Угрозы свободе слова и выражения мнений с помощью блокировки информации.

е) **Кибершпионаж, перехват информации**. **Как минимум 34 государства мира имеют серьезные, хорошо финансируемые команды кибершпионажа**. Они состоят из профессиональных программистов, инженеров, аналитиков, имеют огромную финансовую поддержку и практически неограниченные технологические ресурсы [2].

3. Цифровые угрозы экономической стабильности государства. К ним относятся управленческие и регуляторные риски, связанные с реализацией концепции электронного правительства, в технологическом, организационном, правовом и экономическом измерениях. Это также угрозы стабильности функционирования финансовой системы государства при использовании инструментов цифровых финансовых технологий, включая цифровые валюты центральных банков, использование криптовалют, мобильных денег, кредитно-инвестиционных платформ; системные, рыночные, технологические риски. Рассмотрим подробнее эти риски на примере криптовалюты.

Криптовалюта – искусственная платежная система, приравниваемая к настоящим деньгам, имеющая официальный курс. Существование исключительно в электронной сети не позволяет банкам и государству регулировать ее эмиссию. Поэтому криптотехнологии расцениваются как угроза национальной безопасности. Она стимулируется следующими факторами:

1) когда криптовалюта используется для легализации незаконных доходов, финансирования террористических организаций. Преступников привлекает анонимность расчетов, почти невозможность, отслеживания операций в криптовалюте;

2) децентрализованная природа криптовалюты, ее экстерриториальность и невозможность подчинения какой-либо юрисдикции. Это приводит к капитализации криптовалюты, что может подорвать суверенитет и экономическую независимость государства, как единственного субъекта, наделенного правом денежной эмиссии и организации денежного обращения. Это, ускоряет темпы прохождения операций, что повышает скорость обращения денег и, как следствие, ускоряет процесс инфляции.

3) «Скам-проекты» – мошеннические инвестиционные схемы при помощи криптовалюты. Являясь высоко рисковым активом с высокой волатильностью, криптовалюта, может потенциально привести к потере средств простыми гражданами, что, в свою очередь, негативно скажется и на самом государстве.

4) Криптовалюта является инструментом, благоприятным для обхода налогообложения. Она создает ситуацию, в которой правовое регулирование (в том числе и налоговое) существенно отстает от технологий, что приводит к значительным налоговым недопоступлениям в бюджет государства от операций с криптовалютой.

Однако, в Республике Беларусь подход к криптовалюте был существенно изменен в 2017 г. Конечно, криптовалюты нестабильны, но это не значит, что такие активы не несут

пользы потребителям и обществу в целом. Государство полагает, что рисками, связанными с ними, необходимо правильно управлять без ограничений для ответственной конкуренции, возможности выбора и инноваций. Взломы, мошенничество и отмывание денег действительно имеют место в криптоиндустрии. Но и традиционные валюты тоже не защищены от таких действий. Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» (2017 г.) создал правовые условия для функционирования криптовалют [3]. Благодаря декрету, Беларусь стала первой в мире юрисдикцией с комплексным правовым регулированием бизнесов на основе технологии блокчейн

К угрозам экономической стабильности и безопасности относятся также угрозы цифровизации рынка труда. Они связаны с процессами роботизации и автоматизации труда. Могут повлечь сокращение рабочих мест и привести к постепенному росту безработицы, падению уровня жизни значительной части населения. Другой риск – поляризация – процесс вымывания среднего слоя работников при одновременном росте занятости в крайних стратах. В основе этого явления лежат социальные причины: к среднему слою относятся те, кто чувствует себя способным делать не самую простую работу, но у них нет доступа к хорошему образованию и нет возможности освоить цифровые операции. Экономической угрозой национальной безопасности являются м**еждународные санкции в области информационных технологий.** Отказ от сотрудничества, запрет на вывоз и продажу оборудования, на предоставление программного обеспечения и IT-услуг странам, попавшим под санкции, замедляют развитие двух сторон, сказываются на работе организаций и предприятий, использующих иностранное ПО.

4. Цифровые угрозы социальной стабильности. Социальная стабильность – это устойчивое состояние социальной системы общества, определяемое Конституцией и законодательством страны. Главная цифровая угроза социальной стабильности – цифровое неравенство. С одной стороны, в процессе цифровизации, происходит формирование, представителей цифровой элиты, – социального сегмента людей, обладающих определенными компетенциями, а главное, устанавливающих правила использования информации и новых цифровых технологий. С другой стороны, возникает маргинальный слой населения, лишенный доступа к цифровым технологиям, к цифровому образованию, медицине, государственным услугам, современному производству. Представляется, что только равномерная адаптация всех слоев населения к «цифре» позволит обеспечивать баланс между различными социальными группами и институтами в обществе, что повысит уровень национальной безопасности.

Угрозой национальной безопасности социального характера является и то, что условиях цифровизации сам человек оказывается незащищенным в экономическом, психологическом, личном и информационном аспектах.

Борьба с любыми киберугрозами национальной безопасности – сложная проблема, которая не может быть решена простыми средствами. Прежде всего, необходимо достижение организационно-правового режима информационной безопасности. Ведь преступника практически невозможно поймать на месте преступления, всевозможные улики или же обличающие данные имеют все шансы быть быстро и просто уничтожены без шансов на восстановление. Обеспечение социальной безопасности включает действия по укреплению социального статуса населения (места или позиции индивида, соотносимого с положением других людей) и улучшению ситуации в стране, а также усиление правовых механизмов и создание эффективных систем социальной помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные аспекты профилактики киберпреступности в Республике Беларусь. Материалы к единому дню информирования // Республиканский центр экологии и краеведения. – 2024. – Режим доступа: https://rcek.by/osnovnye-aspekty-profilaktiki-kiberprestupnosti-v-respublike-belarus/. – Дата доступа: 24.06.2025.

2. Иванов, Д.Ю. Политические аспекты цифровизации и сетевизации государства [Электронный ресурс] / Д.Ю. Иванов, В.А. Волков // Управленческое консультирование. – 2023. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-aspekty-tsifrovizatsii-i-setevizatsii-gosudarstva. – Дата доступа: 11. 06.2025.

3. О развитии цифровой экономики : Декрет № 8 от 21 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал Президента Республики Беларусь. – 2017. – Режим доступа: https://president.gov.by/ru/documents/dekret-8-ot-21-dekabrja-2017-g-17716. – Дата доступа: 02.07. 2025.

УДК [159.922.1+159.923+316.752]-055.1/.2

ОСОБЕННОСТИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Коменда И. П.
магистрант кафедры общей и медицинской психологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Ценности, разделяемые обществом, не являясь по своей природе статичными измерениями, находятся в процессе постоянной трансформации: они эволюционируют, видоизменяются и усложняются. Данного рода динамика, обусловленная как экономическими, так и социальными факторами, оказывает воздействие не только на общество в целом, но и на отдельно взятую личность. Ценности общества в процессе социализации усваиваются индивидом, интериоризируются, переосмысливаются, превращаясь таким образом в ценностные ориентации личности, которые, в свою очередь, существенно влияют на установки, поведение человека, его устремления, суждения, взаимодействия с другими людьми.

Несмотря на большой объем теоретических и прикладных исследований, нет единой трактовки понятия «ценностные ориентации», что связано с многообразием подходов и междисциплинарным характером понятия. Согласно американскому психологу Милтону Рокичу, ценности – это «устойчивое убеждение в том, что определенный способ действия или определенные жизненные цели наиболее предпочтительны для индивида и общества другим способам деятельности или другим конечным целям» [1]. Взяв за основу данный подход, под ценностными ориентациями мы понимаем субъективно значимые для человека жизненные принципы, которые определяют его поступки и отражают моральные ориентиры.

Изучение ценностных ориентаций является актуальным для отечественной психологической науки. Накопление эмпирических данных будет содействовать повышению эффективности оказываемой помощи клиентам, имеющим внутриличностные или межличностные ценностные конфликты, неоднозначные ценностные приоритеты, что будет способствовать формированию адаптивных паттернов поведения, конструктивной самооценки и повышению общего уровня психологического благополучия.

Исследование позволило выявить особенности ценностных ориентаций мужчин и женщин, а также установить различия между ними. В качестве методологической основы исследования выступила методика изучения ценностных ориентаций Милтона Рокича, основанная на ранжировании ценностей и позволяющая определить наиболее предпочитаемые индивидом терминальные ценности (цели, к которым стоит стремиться) и инструментальные ценности (средства, с помощь которых достигаются цели, представленные моделями поведения или свойствами личности). Для изучения ценностей Милтоном Рокичем были выделены 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей [1].

Для сбора эмпирических данных использовался опросный метод. Статистическая обработка осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 23, с использованием критерия Колмогорова-Смирнова для проверки нормальности распределения. Для установления различий применялся U-критерий Манна-Уитни. Выборку исследования составили 104 участника (49 мужчин и 55 женщин) в возрасте от 20 до 50 лет с различным образованием и семейным статусом. Для интерпретации результатов ценности, занявшие ранги 1–6, были отнесены к значимым, 7–12 – к индифферентным, 13–18 – к незначимым или отвергаемым.

Согласно полученным данным, доминирующей терминальной ценностью как для женщин, так и для мужчин, участвующих в опросе, является здоровье: 82 % женщин и 73 % мужчин отнесли данную ценность к категории значимых. Также для представителей обоих полов важна любовь (ее высокую значимость отметили 63 % мужчин и 60 % женщин) и материально обеспеченная жизнь (59 % мужчин и 49 % женщин). Данный набор ценностей, на наш взгляд, вполне закономерен и традиционен. Они соответствует базовым потребностям, о которых говорил А. Маслоу, а также ряд других авторов. Любовь – это и продолжение рода, и эмоциональная наполненность жизни, и развитие личности через реализацию своего потенциала в отношениях, заботе о других. Материальное благополучие обеспечивает удовлетворение других потребностей, является ресурсом для других целей – развитие, свобода, уверенность в себе. Здоровье, представленное в последние годы единством физического и психологического, как ведущая ценность, является фундаментом, поддерживающим стабильность и прочность всех жизненных сфер личности.

Среди инструментальных ценностей для женщин первостепенны жизнерадостность (69 % присвоили ей статус значимой), ответственность (55 %) и честность (51 %). Для мужчин, также как для женщин, важны ответственность (57 %) и честность (63 %), но еще ими ценятся рационализм (51 %) и самоконтроль (51 %). На наш взгляд, желание женщин идти к цели с легкостью и оптимизмом, а мужчин – обдуманно, контролируя свои эмоциональные проявления, в немалом обусловлено традиционными гендерными ролями, которые приписывает людям социум: мужчины – сильны, смелы, самостоятельны, а женщины – мягки, заботливы, доброжелательны. Однако, женское стремление к жизнерадостности можно трактовать неоднозначно. Это может быть внутреннее желание позитивно смотреть на мир и искренне проявлять благодушие, а также стремление расположить к себе, быть привлекательной в глазах окружающих, что, по сути, и передает женскую легкость и чуткость. Но также это может являться поведенческой защитной стратегией при ощущении внутреннего дискомфорта, тревоги, испытывая стресс.

Отмеченная нами ответственность – это возможность контролировать свои действия, управлять своим поведением, что приводит к результативности, отсюда, повышает шансы на достижения поставленных целей. Направленность к честности

можно трактовать не только как сильную моральную позицию личности, но и как желание снизить уровень тревоги, либо как ожидание честности от других. Такие качества, как честность и ответственность, вызывают у людей уважение, поэтому обладание ими или их демонстрация может повышать самооценку, что ведет к очередной терминальной ценности «Уверенность в себе», высокую значимость которой отметили 46 % участников.

Останавливаясь на различиях в ценностных ориентациях мужчин и женщин, отметим, что различия высокой статистическая значимости были выявлены лишь по инструментальной ценности «Исполнительность» ($U = 822{,}0$; $p \leq 0{,}001$). Мужчины, отнеся исполнительность к индифферентным ценностям, оценивают при этом ее как способ поведения для достижения значимых целей гораздо выше, чем женщины. Это соответствует принятым общественным нормам мужской социальной роли, согласно которым мужчины должны быть ориентированы на достижения, карьерный рост, статус, чему в немалой степени способствует исполнительность.

Различия средней и низкой статистической значимости были выявлены по одной терминальной ценности («Счастливая семейная жизнь») и шести инструментальным ценностям («Жизнерадостность», «Воспитанность», «Образованность», «Широта взглядов», «Эффективность в делах», «Непримиримость к недостаткам»). Опишем эти различия.

Счастливая семейная жизнь ценится больше мужчинами, чем женщинами ($U = 1031{,}0$; $p \leq 0{,}05$), что может быть обусловлено стремлением продолжить свой род либо желанием уюта, комфорта, которые нередко в семейных отношениях обеспечивает женщина. Жизнерадостность более важна для женщин, чем для мужчин ($U = 891{,}5$; $p \leq 0{,}01$), что мы уже отмечали ранее. Женщинам более свойственна воспитанность, чем мужчинам ($U = 929{,}5$; $p \leq 0{,}01$), что является ключевой стратегией безопасного поведения, которое более характерно женскому полу. Также воспитанность обеспечивает неконфликтное взаимодействие, необходимое при общении, в котором часто нуждаются именно женщины.

Образованность выше оценивается женщинами, чем мужчинами ($U = 929{,}5$; $p \leq 0{,}01$), как и широта взглядов ($U = 963{,}5$; $p \leq 0{,}05$). Интерпретировать полученные данные можно двояко. С одной стороны, женщины более усидчивы, терпеливы, что повышает их шанс на «образованность», а также любопытны, что может объяснить их лидирующую позицию в «широте взглядов». С другой стороны, допустимо, что указанные качества они хотят видеть в партнере, что может быть обусловлено женской избирательностью и требовательностью к избраннику.

Мужчины больше, чем женщины, стремятся быть эффективными в делах ($U = 959{,}5$; $p \leq 0{,}05$) и непримиримы к недостаткам ($U = 1044{,}0$; $p \leq 0{,}05$). Эффективность в делах объясняется биологическими факторами (выживет и продолжит род сильнейший), ожиданиями социума (мужчина должен быть конкурентоспособен, стремиться к высоким результатам), психологическими аспектами (повышает самооценку). Интерпретируя доминирование мужчин в проявлении нетерпимости к недостаткам, можно обозначить все те же факторы: биологические, социальные, психологические, однако важно учитывать, что женщины часто выражают нетерпимость более скрыто, избегая прямой конфронтации, что могло оказать влияние на полученные результаты. Также стоит отметить, что данная ценность, в качестве средства достижения поставленной цели, представителями обоих полов была оценена как незначимая.

Исследование показало, что ценностные ориентации мужчин женщин во многом схожи: представители обои полов высоко ценят здоровье, любовь, материальное благополучие, для них значимы ответственность и честность, важна уверенность в себе. Выявленные различия демонстрируют стремления обои полов соответствовать гендерным ожиданиям. Таким образом, в современном обществе, где женщины хоть и становятся все более независимыми, а мужчины – все более эмпатичными, все так же значимы классические ценности и не теряют актуальности традиционные нормы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rokeach, M. The Role of Values in the Counseling Situation / M. Rokeach, J.F. Regan // The Personnel and Guidance Journal. – 1980. – Vol. 58, iss. 9. – P. 576–582.

УДК 316

ВОЕННО-МЕМОРИАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Корсак А. И.
проректор по идеологической и воспитательной работе
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
кандидат исторических наук, доцент
г. Полоцк, Беларусь

Военно-мемориальная проблематика в контексте исторической политики и мемориальных конфликтов современности не просто не утратила своей актуальности, но и приобрела новый виток в своем развитии в качестве проблемного поля отечественных исследователей из числа историков, политологов, социологов, культурологов и философов.

Историческая память, с точки зрения главного советника отдела социальных исследований управления внутренней политики БИСИ И.А. Валахановича, это разновидность формы коллективной (культурной) памяти, которая претендует на статус сконструированной традиции [1, с. 15].

Директор Института социологии НАН Беларуси Н.Л. Мысливец определяет историческую память как важный и методологически сложный духовно-практический феномен современной общественной жизни, объективный анализ которого предполагает учет всех условий и факторов его функционирования и развития [2, с. 17]. С чем нельзя не согласится. Особенно с утверждением, что «научное исследование исторической памяти позволяет глубже понимать современную социальную реальность, принимать взвешенные и обоснованные управленческие решения, направленные на формирование национального самосознания, политической культуры, патриотических ценностей населения Беларуси» [2, с. 17].

В продолжение этой мысли следует отметить, что для белорусов характерно осознание высокой значимости Великой Отечественной войны, которая занимает особое место в исторической памяти народа. Освобождение Беларуси от нацистской оккупации – самое главное для жителей республики событие – более важное, чем обретение независимости [3, с. 77]. Это говорит о многом, учитывая сложность геополитической обстановки последних лет. Прежде всего о национальной

идентичности белорусов, консолидирующим фактором которой является героизм и трагедия белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

В сохранении исторической памяти ключевую роль играют воинские захоронения и места массового уничтожения/захоронения мирного населения периода Великой Отечественной войны, и несомненно установленные на них мемориальные комплексы, памятники, насыпные курганы как физическое напоминание о погибших.

Процесс увековечения памяти о защитниках Отечества и сохранение памяти о жертвах нацистской политики геноцида 1941 – 1944 гг. не происходит самопроизвольно. Он является частью военно-мемориальной сферы, которая представляет собой область деятельности государственных структур и общественных организаций по увековечению памяти погибших при защите Отечества и сохранению памяти о жертвах войн, а также по обеспечению сохранности воинских захоронений и мест массовых уничтожений периода Великой Отечественной войны [4, с. 107].

В Республике Беларусь на уровне государственных органов власти вопросами мемориализации захоронений Управление по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн Вооруженных Сил, которое аккумулирует все данные (паспорта) официально учтенных воинских кладбищ, братских и индивидуальных могил воинов Красной Армии, участников Сопротивления, а также мест массового уничтожения/захоронения жертв политики геноцида, проводимой нацистами на оккупированной ими территории Беларуси в 1941 – 1944 гг.

Немаловажную роль в вопросе увековечения и сохранения памяти безусловно играют общественные объединения. По состоянию на 1 января 2025 г. таковых в Республике Беларусь зарегистрировано 1 397, из них самыми крупными являются РОО «Белая Русь», Белорусский республиканский союз молодежи, Белорусский союз женщин, Белорусское общественное объединение ветеранов и др. [5]. В той или иной степени, они все принимают активное участие в данном процессе – от приведения в порядок мест памяти до автопробегов и митингов в памятные даты.

Цифровизация всех сфер жизнедеятельности общества и новые цифровые технологии создали новую форму памяти, которая обладает возможностью изменений в режиме реального времени, но при этом не может быть полностью стерта из Сети [6, с. 17]. В этой связи обратим внимание на некоторые цифровые проекты, которые реализуются в Беларуси по инициативе как государственных органов, так и общественных объединений. По территориальному охвату они имеют отношение ко всей территории республики.

Самым масштабным по своему содержанию, охвату территории и достоверности данных является проект Управления по увековечению памяти защитников Отечества и жертв «Автоматизированный банк данных «Книга памяти Республики Беларусь» [7], который содержит сведения о воинских захоронениях и захоронениях жертв войн, состоящих на государственном учете (паспортизированы), а также персонифицированные данные о захороненных в них воинах Красной (Советской) Армии, участниках Сопротивления, военнопленных и жертв войн. Страница каждого захоронения сопровождена различной информацией: мест, дата, тип, наименование вооруженного конфликта, к событиям которого имеет отношение захоронение, количественные показатели в разрезе персонифицированного списка увековеченных имен, фотография, краткое описание установленного сооружения на нём и событий, в результате которых появилось захоронение, а также координаты расположения [8]. На данный момент пока не доступна информация о погибших и захороненных уроженцев Беларуси на территории других государств. Достоинства данного ресурса заключается

в том, что он оперирует официальной и выверенной информацией, имеющей в своей основе документально подтвержденные данные – архивные материалы, источники личного происхождения, результаты вскрытия первичных мест захоронения 52-м поисковым батальоном и т.д. Ответственность за их достоверность несут местные органы власти и военные комиссариаты на местах.

Если идея создания автоматизированного банка данных «Книга Памяти Республики Беларусь» была прописана еще в двухгодичных республиканских программах по увековечению памяти защитников отечества и жертв войн, то проект «Сохраним историю» [9], реализованный РОО «Патриоты Беларуси» совместно с Национальным кадастровым агентством и Федерацией профсоюзов Беларуси, имеет буквально недавнюю историю. Главным отличием от предыдущего цифрового проекта является наличие более развернутой информации об обстоятельствах, которые повлекли за собой появление захоронения или памятника, памятной доски и других форм на месте произошедшего события. На данный момент в базе 8635 памятника.

Схожий проект представлен издательским домом «Беларусь сегодня» под названием «Обелиски великого подвига» [10]. По своему наполнению он мало отличается от проекта Патриотов Беларуси. При этом нужно отметить наличие качественного видео и фотоматериала, посвященного памятным местам периода Великой Отечественной войны.

Таким образом, на примере цифровых проектов, направленных на увековечение и сохранение памяти о героях и жертвах Великой Отечественной войны, инициаторами которых являлись как само государство, так и общественные объединения, показана важность военно-мемориальной деятельности в осуществлении государственной исторической политики по сохранению исторической памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Валаханович, И.А. Историческая память как объект исторической политики / И.А. Валаханович // Историческая память белорусов в контексте реализации исторической политики Республики Беларусь / С.М. Алейникова [и др.]; Белорусский институт стратегических исследований. – Минск: ИВЦ Минфина, 2022. – С. 10 – 15.

2. Мысливец, Н.Л. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе / Н.Л. Мысливец // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 3. – С. 9 – 20.

3. Стариченок, В.В. Великая Отечественная война в исторической политике и общественном мнении Беларуси / В.В. Стариченок // Историческая память белорусов в контексте реализации исторической политики Республики Беларусь / С.М. Алейникова [и др.]; Белорусский институт стратегических исследований. – Минск: ИВЦ Минфина, 2022. – С. 76 – 92.

4. Корсак, А.И. Международное военно-мемориальное сотрудничество в контексте современных реалий / А.И. Корсак // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». – 2024. – № 2. – С. 104-119.

5. Общественные объединения [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://president.gov.by/ru/belarus/society/obedinenija. Дата доступа: 29.09.2025.

6. Андрисенко, С.А. Особенности региональных коммеморативных проектов в цифровой среде (на примере проектов о Великой Отечественной войне) / С.А. Андрисенко // Tempus et Memoria. – 2022. – Т. 3. – № 1. – С. 16 – 22.

7. Автоматизированный банк данных «Книга Памяти Республики Беларусь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://memory.mil.by/. Дата доступа: 29.09.2025.

8. К примеру воинское захоронение № 2902 д. Виляга (не существует) Быховского р-на Могилевской обл. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://memory.mil.by/poisk-zakhoroneniy/996657/. Дата доступа: 29.09.2025.

9. Проект «Сохраним историю» РОО «Патриоты Беларуси» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.savehistory.by/o-proekte-sohranim-istoriu/. Дата доступа: 29.09.2025.

10. Специальный проект издательского дома «Беларусь сегодня» «Обелиски великого подвига» [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://obeliski.by/. Дата доступа: 29.09.2025.

УДК 304+316.6

ПОНЯТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ В СОЦИОЛОГИИ

Костюкевич С. В.
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

Начиная с конца XVIII – начала XIX вв. современное общество характеризуется развитием научно-технического прогресса, а со второй половины XIX в. еще одной характеристикой современного общества стало развитие инновационной экономики. Соединение научно-технического и экономического развития в рамках инновационной экономики опиралось в западных странах на осознание того факта, что научно-технические разработки можно использовать как инструмент достижения экономического богатства, а значит, экономического лидерства. Благодаря буржуазному подходу к научно-техническому прогрессу его сделали фактором развития современной экономики.

В отличие от западных стран, и прежде всего США, СССР не рассматривал экономическое развитие и экономическое богатство как фактор лидерства. Соответственно в советской экономике отсутствовали коммерческие игроки (предприниматели и бизнесмены), заинтересованные в коммерциализации научно-технического творчества для получения прибыли. В итоге, в СССР не сформировался тренд коммерциализации инновационных продуктов, который был описан известным австрийско-американским экономистом Й. Шумпетером в его концепции инновационной экономики. Проблема коммерциализации научно-технических изобретений все еще остается актуальной для постсоветских стран, которые стремятся строить инновационную экономику.

Учитывая запуск таких феноменов как научно-технический прогресс и инновационная экономика, стандартами современного общества стали: во-первых, увеличение доли людей умственного труда, во-вторых, развитие сферы образования и науки, а также сферы хайтека.

Понятие «интеллектуализации» возникло для характеристики современного общества, в котором идет гонка за научно-техническими достижениями (как в области создания экономического богатства, так и в области военных технологий, например, в XX веке шла гонка за создание атомной бомбы, сегодня – за создание искусственного интеллекта). В контексте данного понимания в социологической науке явление интеллектуализации связывают с изучением тех социальных процессов, институтов и социальных фигур, которые поддерживают научно-техническое развитие общества, которое сегодня маркируется такими понятиями как «общество знания», «цифровое общество», «инновационная экономика», «техногенная цивилизация» и т.д. Эти характеристики современного общества, фиксирующие высокий уровень технологического развития, в свою очередь, рассматриваются гарантами национальной

безопасности. Отсюда высокая актуальность термина «технологический суверенитет». Отметим здесь важность разработанной в Беларуси Стратегии «Наука и технологии: 2018-2040», ориентированной на интеллектуализацию общества в контексте технологического суверенитета.

Известный немецкий социолог Макс Вебер, оперируя понятиями «рационализация» и «интеллектуализация», в своей работе «Наука как призвание и профессия» пишет: «Теперь все делается с помощью технических средств и расчета. Вот это и есть интеллектуализация» [1, с.714]. Используя в своей работе оба термина (рационализация и интеллектуализация), М. Вебер не указывает на их различие, однако, исходя из контекста его работы, можно предположить, что рационализацию он связывает с «расколдовыванием мира» (т.е. секуляризацией), а интеллектуализацию – с технологическим прогрессом и победившей капиталистической экономикой (т.е. с характеристиками современного общества, которые отличают его от средневекового). Опираясь на данное предположение, логично описывать интеллектуализацию общества не только через расширение сферы образования и увеличение доли людей умственного труда, но и через рост сферы науки и сферы хайтека (поскольку именно эти вещи, прежде всего, отличают современное общество от средневекового).

Очевидно, что и в основе рационализации, и в основе интеллектуализации лежит, прежде всего, расширение доли умственного труда в обществе. И, главным образом, расширение доли образованного умственного труда (или, по-другому, интеллектуального труда). Не предполагая более детального анализа теории рационализации М. Вебера, отошлем к работе немецкого социолога Ю. Хабермаса «Теория рационализации Макса Вебера» [2].

Итак, сформулируем определение интеллектуализации следующим образом: интеллектуализация – это расширение доли умственного труда в обществе и, прежде всего, доли сложного умственного или, по-другому, интеллектуального труда. Данное определение дано для социологии.

Что касается других научных дисциплин, то они также используют понятие «интеллектуализация», например, в психологии это понятие используется для описания механизма психологической защиты, когда человек стремится снизить зависимость собственного поведения от своих эмоций, и с этой целью рассуждает о своих эмоциях на понятийном уровне, как бы абстрагируясь от них. В лингвистике, при переводе с одного языка на другой, интеллектуализация означает способ трансформации оригинального текста, когда переводчик, чтобы сделать перевод более точным, вносит свои собственные уточняющие дополнения в оригинальный текст автора.

Учитывая сказанное, для описания процесса интеллектуализации общества следует брать для анализа такие социальные институты как образование и наука, а также сферу хайтека (в современном мире хайтек – это информационные технологии) и долю лиц, занятых умственным трудом, среди которых следует особо выделять такие социальные фигуры как интеллектуал и ученый, поскольку именно они являются носителями сложного умственного (т.е. интеллектуального) труда.

Несмотря на то, что ученые – это тоже интеллектуалы, но они выделяются отдельно, поскольку в конце XVIII – начале XIX вв. наука выделилась в отдельную институцию и в отдельную сферу профессиональной деятельности. Маркером этого послужило создание В. фон Гумбольдтом новой модели университетского образования – исследовательского университета в лице Берлинского университета. Тем самым наука получила собственную образовательную институцию.

Итак, интеллектуал – это образованный человек, выпускник университета, занимающийся умственным трудом. Более подробно историческое происхождение

социальной фигуры интеллектуала и его сущностных характеристик дано в статье Костюкевич С.В. «Либеральная и исследовательская модели университетского образования как институциональная основа интеллектуализации общества и сохранения фундаментальной ценности умственного труда» [3,4].

В европейской традиции не разделяют умственный труд университетски образованного человека и интеллектуальный труд, в их традиции человека образованного умственного труда принято считать интеллектуалом. Некоторое затруднение при признании образованного человека интеллектуалом вызывает лишь тот факт, что образованный человек не демонстрирует способности к абстрактному мышлению (в том смысле, что он не использует научные абстракции и логическое обоснование). Однако в русской (и советской) традиции образованного человека, выпускника университета, принято называть не интеллектуалом, а интеллигентом. В советское время, как пишет, например, Самойлова Е.С.: «Возникновение интеллигенции основоположники научного коммунизма связывали с разделением общественного труда на умственный и физический; они показали, что интеллигенция не является самостоятельным классом, а представляет собой особый социальный слой общества, профессионально занятый преимущественно умственным трудом и имеющий специальную подготовку» [5, с. 60]. Итак, советский интеллигент, также, как и западный интеллектуал, – это человек умственного труда, имеющий специальную подготовку (т.е. вузовское образование). Несмотря на то, что, чаще всего, российско-советских интеллигентов и западных интеллектуалов склонны отождествлять, есть российские мыслители, которые указывают на существенное различие между ними (Бердяев Н.А. «Истоки и смысл русского коммунизма» [6].

Интеллектуализация современного общества проходит в двух направлениях: во-первых, передача машинам простых умственных операций, т.е. алгоритмизация простого умственного труда, когда искусственный интеллект заменяет работу, например, бухгалтера в банке или регистратора в отеле и т.п.; во-вторых, интеллектуализация в современных обществах идет за счет увеличения доли сложного умственного труда, где требуются сложные исследовательские навыки и творчество (а к творчеству машины не способны) – и это означает, что очень востребованы люди с высоким уровнем образования (уровень университета, аспирантуры, докторантуры), т.е. востребованы интеллектуалы и ученые.

Что характеризует интеллектуала? Развитый интеллект (т.е. развитое мышление) и серьезная научная подготовка или, как принято у нас говорить, глубокая фундаментальная подготовка. Учитывая, что интеллектуал – это образованный человек, выпускник университета, занимающийся умственным трудом, подчеркнем, что в характеристику интеллектуала включена связь с 1) университетским образованием, 2) научной подготовкой и 3) умственным трудом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вебер, М. Избранные произведения: Пер. с нем./ / М. Вебер / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. –808 с.

2. Хабермас, Ю. Теория рационализации Макса Вебера / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 3. – С. 37-60.

3. Костюкевич, С.В. Либеральная и исследовательская модели университетского образования как институциональная основа интеллектуализации общества и сохранения фундаментальной ценности умственного труда (Часть 1) / С.В. Костюкевич // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2024. – № 3. – С. 14 – 27.

4. Костюкевич, С.В. Либеральная и исследовательская модели университетского образования как институциональная основа интеллектуализации общества и сохранения фундаментальной ценности умственного труда (Часть 2) / С.В. Костюкевич // Alma mater (Вестник высшей школы). – 2024. – № 4. – С.28 – 38.
5. Самойлова, Е.С. Население и образование / Е.С. Самойлова – М.: Статистика, 1978. – 143 с.
6. Бердяев, Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

УДК 316.77

ФЕНОМЕН ДЫСТАНЦЫІ Ў ДАСЛЕДАВАННІ КУЛЬТУРЫ ШТОДЗЁННАСЦІ Ў РЭГІЯНАЛЬНЫМ КАНТЭКСЦЕ

Крывалап А. Д.
прафесар кафедры культуралогіі і псіхолага-педагагічных дысцыплін,
Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў
УА «Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў»
кандыдат культуралогіі
г. Мінск, Беларусь

Вывучэнне культуры штодзённасці з'яўляецца неад'емнай часткай сацыялогіі культуры. Руціна, паўторы, нейкія нязначныя адрозненні – усё тое звычайнае з чаго і складаецца жыццё. Культура штодзённага жыцця кардынальна адрозніваецца ад культуры гераічнага і манументальнага мастацтва менавіта таму, што да яе стварэння маюць дачыненне ўсе носьбіты, а не толькі прывілеяваныя прафесійныя творцы. Культура штодзённасці звязана з тыповым і звычайным, а не з адметным і ўнікальным. Але для ажыццяўлення даследавання неабходна дыстанцыя паміж суб'ектам і даследуемым аб'ектам. Калі даследчык сам належыць да вывучаемай культуры, то праблемай можа быць сам факт наяўнасці дыстанцыі. Якім чынам магчыма зразумець дыстанцыю паміж даследчыкам і даследуемым аб'ектам?

Мэта тэкста – аргументаваць неабходнасць акрэслення сацыяльнай дыстанцыі як умову для магчымасці даследавання культуры штодзённасці ў рэгіянальным кантэксце.

Паняцце «дыстанцыі» ў сацыялогіі культуры можа быць істотным маркерам для адрознення паміж высокай і нізкай культурамі, паміж сімвалічнымі значэннямі і дыскурсіўнымі практыкамі. Культурная дыстанцыя – гэта шматмернае паняцце. У сацыяльна заможных і стабільных культурах яна можа прымаць форму дыстанцыі паміж мастацкім аб'ектам і чытачом ці гледачом. Дыстанцыя можа таксама ствараць розніцу паміж успрыманнем мастацкага твора і штодзённым жыццём. Такая дыстанцыя стварае па-за гістарычныя значэнні мастацкіх твораў і дазваляе членам адной сацыяльнай фармацыі атрымліваць задавальненне ад спалучэння з наборам гуманістычных каштоўнасцей, якія прэтэндуюць на статус універсальных агульначалавечых каштоўнасцей.

Аднак культура штодзённасці інакш стасуецца з дыстанцыяй, калі ажыццяўляюцца спробы аддзяліць эстэтычнае ад сацыяльнага: «Гэта крытычная і эстэтычная дыстанцыя з'яўляецца маркерам адрознення паміж тымі, хто здольны аддзяліць сваю культуру ад сацыяльных і эканамічных умоў штодзённага жыцця, і тымі, хто не можа» [1, с. 154].

З аднаго боку народная культура адмаўляе існаванне непераадольных і катэгарычных размежаванняў паміж мастацтвам і жыццём: папулярнае мастацтва з'яўляецца часткай штодзённага жыцця, а не дыстанцыявана ад яго. А з іншага,

культура штодзённасці функцыянуе толькі ў той ступені, у якой яна ўплецена ў сваё непасрэднае гістарычнае і сацыяльнае асяроддзе. Культура штодзённасці з'яўляецца канкрэтнай, кантэкстуалізаванай і перажываемай. І гэта можа быць зафіксавана ці «схоплена» ў канцэпце габітуса. Адны і тыя ж сацыяльныя практыкі розныя індывіды ажыццяўляюць у спецыфічным кантэксце ў адпаведнасці з уласным габітусам.

Спрабуючы параўнаць сацыяльную прастору з геаграфічнай, якая падзелена на рэгіёны П. Бурдзьё адзначае, што «прастора сканструявана такім чынам, што агенты, групы або інстытуцыі, размешчаныя ў ёй, маюць мець тым больш агульных уласцівасцяў, чым бліжэйшыя яны ў гэтай прасторы; і тым менш, чым далей яны аддалены адзін ад аднаго. Хоць прасторавыя дыстанцыі – на паперы – супадаюць з сацыяльнымі дыстанцыямі, тым не менш яны не існуюць у рэальнай прасторы» [2, с. 69]. Сацыяльная рэчаіснасць больш складаныя чым нашу ўяўленні адносна яе. Сацыяльная прастора, для П. Бурдзьё, – гэта шматмерная карта сацыяльнага ладу, у якой асноўнымі восямі з'яўляюцца эканамічны капітал, культурны капітал, адукацыя, клас і гістарычныя траекторыі; у ёй матэрыяльнае, сімвалічнае і гістарычнае. Схільнасць да канструявання дыстанцыі ў мастацтве з'яўляецца часткай пражывання ў вызначаным габітусе, які характарызуецца высокім узроўнем адукацыі, высокім культурным, але нізкім эканамічным капіталам, які быў набыты, а не атрыманы ў спадчыну.

У канцэпцыі П. Бурдзьё важнае месца займае адрознівае паміж практыкай і дыскурсам. Вызначальнай рысай практыкі з'яўляецца тое, што яна не з'яўляецца дыскурсам, вакол яе можа быць створаны свой асобны дыскурс. Ёсць відавочная розніца паміж сацыяльна-культурнай практыкай індывідаў і тым як яны яе рэпрэзентуюць. І тут будзе істотным наяўнасць ці адсутнасць дыстанцыі паміж рэальнай практыкай і дыспазіцыямі для выказванняў наконт гэтай практыкі. Такім чынам, габітус – гэта адначасова і пазіцыя ў сацыяльным, і гістарычная траекторыя праз яго: гэта практыка найму ў межах гэтай пазіцыі і траекторыі, і сацыяльная ідэнтычнасць, звычкі думак, густаў і схільнасцей, якія фармуюцца ў гэтых практыках і дзякуючы гэтым практыкам. Пазіцыя ў сацыяльнай прасторы, практыкі і ідэнтычнасці не з'яўляюцца асобнымі катэгорыямі ў іерархічных або дэтэрмінаваных адносінах адна да адной, але ўзаемадзейнічаюць у той ступені, у якой іх значэнне заключаецца ў парушэнні катэгарыяльных межаў, якія стварылі словы, якія неабходна выкарыстоўваць для іх тлумачэння, і якія, такім чынам, увекавечваюцца гэтым тлумачэннем.

Даследчая дыстанцыя – гэта адлегласць паміж габітусамі даследчыка і даследуемых. Габітус даследчыкаў уключае элементы акадэмічнай традыцыі, якая знаходзіцца на адлегласці ад штодзённых практык усіх астатніх носьбітаў гэтай культуры. Гэта робіць падобныя даследаванні асабліва складанымі. «Тыя, каго сацыёлаг збіраецца аб'ектываваць, – канкурэнты за манаполію ў сферы аб'ектыўнай аб'ектывацыі. Фактычна ў залежнасці ад таго, які аб'ект ён вывучае, сам сацыёлаг больш-менш дыстанцаваны ад агентаў і прадметаў, якія ён даследуе, больш-менш непасрэдна ўцягнуты ў саперніцтва з імі і, такім чынам, у большай ці меншай ступені падвяргаецца спакусе ўступіць у гульню метадыскурсу пад выглядам аб'ектыўнасці» [3, с. 311].

Калі агучаныя характарыстыкі і крытэрыі сацыяльных аб'ектаў успрымаюцца і ацэньваюцца на практычным узроўні, яны пачынаюць функцыянаваць як сімвалічныя знакі, што маюць патэнцыял для сацыяльна-культурных трансфармацый. Сам П. Бурдзьё прытрымліваецца падыходу які называе «канструктывісцкі структуралізм

ці структуралісцкі канструктывізм» [2, с. 64]. Калі паміж рэальнасцю і рэпрэзентацыяй няма супярэчнасці, таму што рэальнасць ствараецца ў працэсе рэпрэзентацыі. Рэальным з'яўляецца тое, што мы ведаем адносна яе. «Толькі выходзячы за межы апазіцыі паміж рэпрэзентацыяй і рэальнасцю, якую навука павінна вызначыць, каб адысці ад забабонаў спантаннай сацыялогіі, мы атрымліваем магчымасць зразумець асаблівую форму барацьбы за класіфікацыі, якая ствараецца барацьбой за вызначэнне “рэгіянальнай” ці “этнічнай” ідэнтычнасці. Толькі тады мы зразумеем гэты канфлікт, калі ўключым у паняцце рэальнасці рэпрэзентацыі гэтай рэальнасці, ці, больш дакладна, барацьбу за рэпрэзентацыі» [4, с. 50]. Асобна П. Бурдзьё адзначае патэнцыйную небяспеку для даследавання рэгіёнаў, як барацьба за права класіфікацыі ці стварэння назваў як і вызначэнне межаў можа мець часам непрадказальныя сацыяльныя наступствы (ад ксенафобіі да сепаратызму). Таму што «мяжа ніколі не можа быць чымсьці іншым, акрамя як прадуктам дзялення, аб якім можна сказаць, што ён ў той ці іншай ступені заснаваны на рэальнасці» [4, с. 52]. Рэгіянальныя даследаванні ствараюць свой уласны адметны дыскурс дзеля разумення новых сацыяльных утварэнняў. Гэты спецыфічны дыскурс «спрабуе навязаць у якасці легітымнага новае вызначэнне межаў і прымусіць людзей ведаць і прызнаваць рэгіён, які такім чынам канструюецца ў супрацьвагу да дамінантнага вызначэння рэгіёну» [4, с. 53]. Даследаванні рэгіёнаў можна разглядаць як чарговую спробу пераасэнсавання ўмоўнасці і сацыяльна-культурнай дэтэрмінаванасці наяўнасці ці адсутнасці падзелу ў сферы культуры: «барацьба вакол ідэнтычнасці <...> вядзецца за права навязвання ўспрыманняў і катэгорый успрымання, што дапамагае растлумачыць чаму, дыялектыка маніфестацыі і дэманстрацыі адыгрывае вырашальную ролю ва ўсіх рэгіяналісцкіх і нацыянальных рухах (па аналогіі з ролю маніфеста ў мастацкіх рухах)» [4, с. 54–55]. Асаблівую значнасць тут набываюць сапраўдная, а не фармальная матывацыя даследчыцкай дзейнасці.

У якасці падсумавання варта адзначыць, што даследаванне культуры штодзённасці з мэтай вызначэння ці акрэслення новага рэгіёну – гэта не простая даследчая задача. Калі аб'ект даследавання ствараецца падчас вывучэння. «Сацыяльны свет – гэта яшчэ і воля, і рэпрэзентацыя. Існаваць сацыяльна азначае таксама быць успрымаемым і ўспрымацца ў якасці адметнага» [4, с. 55]. Тут важна даследчыцкая рэфлексія адносна наяўнасці ці адсутнасці дыстанцыі паміж суб'ектам і практыкамі штодзённасці вывучаемых аб'ектаў. А таксама рэфлексія адносна прыналежнасці да супольнасці чые штодзённыя культурныя практыкі даследуюцца. Такі спосаб тэарэтызавання культуры можа даць разуменне таго, як сацыяльныя адрозненні могуць ствараццa і падтрымлівацца людзьмі ў іх уласных інтарэсах. Ці ў інтарэсах групы да якой належаць даследчыкі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Fiske, J. Cultural studies and the culture of everyday life / J. Fiske // Cultural studies. – Routledge, 2013. – P. 154–173.

2. Бурдье, П. Социальное пространство и символическая власть / П. Бурдье // Социология социального пространства. – СПб. : Алетейя, 2007. – С. 64–86.

3. Бурдьё, П. Опыт рефлексивной социологии / П. Бурдьё // Теоретическая социология : Антология : в 2 ч. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – Ч. 2. – С. 280–322.

4. Бурдьё, П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдьё // Ab imperio. – 2002. – Т. 2002. – №. 3. – С. 45–60.

УДК 316.344

МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ: ФАКТОР УКОРЕНЕННОСТИ

Крыштановская О. В.
директор,
Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр»,
Российский государственный гуманитарный университет
доктор социологических наук
г. Москва, Россия

Лавров И. А.
старший научный сотрудник,
Научный центр цифровой социологии «Ядов-центр»,
Российский государственный гуманитарный университет
кандидат социологических наук
г. Москва, Россия

Низкий уровень представительства женщин в органах федеральной власти РФ является ярким проявлением того, что в научных кругах принято называть гендерной асимметрией. Многие исследователи, приходя к выводу о её наличии, говорят о проблемах качества демократических институтов, реализации принципа равных прав и возможностей, достижения гендерного равенства. Это, в свою очередь, порождает академическую дискуссию о факторах, способных обеспечить действительное, а не «символическое представительство» интересов женщин [1; 2; 3; 4]. С одной стороны, приверженцы теории «критической массы» утверждают, что без преодоления 15-20-процентного порога представительства невозможно значимое отображение интересов группы [5]. С другой стороны, можно говорить, что даже немногочисленная, но влиятельная группа, обладающая высокой концентрацией ресурсов и доступом к принятию решений, может быть первична в выработке государственной политики. Но существует ли в России такая группа женщин, обладающих необходимыми институциональными позициями, политическим капиталом и сетевыми ресурсами? Есть ли женщины десижн-мейкеры, которые позволяют говорить о том, что гендерная асимметрия не влияет на качество демократических процессов в России?

Для поиска ответа на этот вопрос на основе многолетнего мониторинга российской политической элиты (подробнее о методологии см. [6]), мы провели количественный анализ биографий представителей российского истэблишмента по состоянию на 01.01.2022 г.

По его результатам мы также приходим к выводу о наличии гендерной асимметрии на вершине российской политической системы. Женщин среди истэблишмента всего 15,6 %. И наименьшая их доля в органах исполнительной власти – 9,4 % (см. таблицу 1). Что касается конкретных институтов власти, то женскими «ареалами обитания» в истэблишменте являются Конституционный и Верховный суды РФ (22,2 % среди руководства) и Совет федерации РФ – 21,8 %. Зоной эксклюзии для женщин в политической системе РФ стал губернаторский корпус – среди 85 глав субъектов федерации лишь одна женщина (1,2 %).

Таблица 1. Доля мужчин и женщин в различных ветвях власти (%)

Ветви власти	**Мужчины (n=752)**	**Женщины (n=139)**	**Всего (n=891)**
Исполнительная ветвь (n=254)	90,6	9,4	100,0
Законодательная ветвь (n=619)	82,1	17,9	100,0
Судебная ветвь (n=18)	77,8	22,2	100,0
Всего (n=891)	*84,4*	*15,6*	*100,0*

Этот вывод вряд ли кого-то удивит, однако за фасадом этих цифр стоят более сложные процессы, отражающие изменение роли женщин в современной российской политике. Как утверждает закон Парето – небольшое количество наиболее плодовитых бобов производит бóльшую часть гороха. В связи с этим мы вводим термин политической укорененности, который позволит нам измерить устойчивость и встроенность в политическую систему наиболее влиятельной группы государственных акторов, которая вне зависимости от политической конъюнктуры сохраняет свои должностные позиции, вследствие чего наращивает свой политический капитал. В такого рода системе может поменяться президент, премьер-министр и другие официалы, но наиболее укорененные представители истэблишмента сохранят свой высокий статус. Это образует феномен, получивший название «deep state» или *глубинное государство*.

Показатель укорененности может фиксироваться с помощью следующих индикаторов: 1) количество лет, в течение которых человек занимает элитные должности. Чем больше этот показатель, тем более человек интегрирован в политическую структуру; 2) количество переходов из одного органа государственной власти в другой. Этот показатель свидетельствует о высокой востребованности актора для системы власти. Человек, благодаря своим компетенциям, ресурсам и связям за время карьеры может неоднократно менять должностную позицию, оставаясь при этом внутри элитной группы. Например, быть министром федерального Правительства, после чего получить мандат депутата Государственной думы, а потом «трудоустроиться» в Администрацию Президента РФ. Благодаря таким переходам политический деятель наращивает свой административный ресурс во власти, увеличивая свою влиятельность.

Сравним по этим показателям мужчин и женщин. Мужчины занимают элитные должности в среднем 9,2 года, а женщины 7,7 лет. Можно сказать, что мужчины обладают большей укорененностью, однако эта разница не столь значительна – 1,5 года (см. таблицу 2). При этом, доля наиболее влиятельных женщин, которые занимают позиции на вершине политической иерархии (более 15 лет) – 18,7 %. Таким образом, практически каждая пятая обладает высоким уровнем административного капитала, и может быть признана частью глубинного государства. Женщины укоренены в высших судах РФ (в среднем 15,3 лет в элите) и в Администрации Президента РФ – 13,3 лет. Динамичнее всего процесс обновления происходит в парламенте – 6,6 лет и в Правительстве РФ – 7,6 лет.

Таблица 2. Укорененность женщин и мужчин в политической элите РФ

Пол	**Среднее кол-во лет пребывания в политической элите страны**
Мужчины (n=752)	9,2
Женщины (n=139)	7,7
Всего (n=891)	*9,0*

Что касается второго элемента политической укорененности – внутриэлитной мобильности, то по ней женщины также лишь незначительно уступают мужчинам (см. таблицу 3). Однако, необходимо отметить специфику этих переходов, которые интенсивно происходят между Советом федерации РФ и Государственной думой РФ, и значительно реже внутри бюрократии.

Таблица 3. Среднее количество переходов из одного государственного органа власти в другой для гендерных групп с 1991 г. по 2022 г. (шт.)

Пол	**Среднее кол-во переходов внутри системы**
Мужчины (n=752)	0,285
Женщины (n=139)	0,266
Всего (n=891)	*0,282*

На основании проведенного анализа можно заключить, что, несмотря на количественное доминирование мужчин в российской политической элите, существует влиятельная группа профессиональных женщин-политиков, уровень укорененности которых сопоставим с мужским. Разрыв в показателях устойчивости и мобильности между ними не является критическим. При этом почти каждая пятая женщина в истэблишменте (18,7 %) обладает высоким уровнем политического капитала и принадлежит к группе «укорененных» акторов с опытом пребывания в элите свыше 15 лет. Их стратегические позиции в ключевых институтах, таких как Администрация Президента и высшие суды, а также способность к внутрисистемной мобильности подчеркивают их реальное влияние на принятие решений, выходящее за рамки «символического» представительства.

Таким образом, гендерная асимметрия в федеральных органах власти России, сохраняясь на количественном уровне, качественно смягчается за счет формирования ядра высокопрофессиональных и интегрированных в систему женщин-политиков. Наблюдаемый процесс выравнивания в показателях укорененности позволяет говорить о процессе латентного роста их влиятельности, а также о расширении ареала их обитания в поле политики. Но для преодоления структурного дисбаланса требуются дальнейшие усилия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте, Г.Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка / Г.Г. Силласте // Женщина в российском обществе. – 2019. – № 2. – С. 3–16.

2. Хасбулатова, О.А. Об участии российских женщин в государственном управлении: историко-политологический анализ / О.А. Хасбулатов // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика : материалы Междунар. науч. конф., г. Москва-Иваново-Плес, 16–18 мая 2019 г. / Иванов. гос. ун-т, 2019. – С. 32–36.

3. Овчарова, О. Г. Гендерная асимметрия политики: изменение мировой конфигурации / О.Г. Овчарова // Южно-российский журнал социальных наук. – 2016. – №. 2. – С. 70–81.

4. Юшкина, Н.А., Гендерное представительство и политический потенциал женщин в публичной политике / Н.А. Юшкина, О.В. Крыштановская // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. № 3. –С. 443–456.

5. Beckwith, K. Sheer numbers: Critical representation thresholds and women's political representation / K. Beckwith, Cowell-Meyers K. // Perspectives on politics. – 2007. – Vol. 5, N 3. – P. 553–565.

6. Крыштановская, О.В. Вертикальная мобильность в российской политике / О.В. Крыштановская, И.А. Лавров И.А. // Социологические исследования. – 2024. – № 10. – С. 25–39.

УДК 101.1:316

ОТ НАРРАТИВА АССИМИЛЯЦИИ К КУЛЬТУРНОМУ РАЗНООБРАЗИЮ: ФИЛОСОФСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Курбачева О. В.
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Особенности межкультурного взаимодействия всегда выступали предметом острого внимания со стороны как академической, так и повседневной интеллектуальной мысли. Проблема диалога, культурной гомогенности или гетерогенности представляет собой тему для научных дискуссий в пространстве различных дисциплинарных исследований, и философия, с ее стремлением систематизировать и выявить глубинные основания тех или иных явлений, не является исключением. Более того, именно социально-философская ретроспектива в исследовании позволяет аккумулировать исторические особенности и закономерности событий, конструируя целостный образ социального бытия. В связи с этим в данной работе предпринята попытка проанализировать две диалектически взаимосвязанные парадигмы в осмыслении межкультурного взаимодействия: практику культурной ассимиляции и культурного разнообразия.

Важно отметить, что особенно остро вопросы меж- и кросс-культурной коммуникации стали звучать в конце XX – начала XXI веков. Это было обусловлено рядом причин: реконфигурацией геополитической реальности, интенсификацией миграционного процесса, трендом на глобализацию и утверждением идеалов мультикультурализма. И несмотря на то, что мультикультурализм как феномен и идеология в русскоязычной интеллектуальной мысли стал широко известен тогда, когда в западноевропейской философии и политической риторике он уже подвергался критическому переосмыслению, тем не менее в общественном сознании была не просто отмечена, но и закреплена тенденция к критике императива культурной гомогенности. В качестве альтернативы мультикультурной этики заявила о себе транскультурная модель осмысления мира. И так как геополитический конструкт мультикультурализма с представлениями о параллельном сосуществовании культур на практике столкнулся с реальными проблемами в виде межкультурных и межэтнических столкновений, то сегодня пристальное внимание акцентировано на новой эпистеме глобального мира – транскультурации [1. с. 52]. Вместе с тем, несмотря на принципиальные внутренние отличия, оба идеологических конструкта (мультикультурализм и транскультурация) фундируются на установке культурного разнообразия и множественности. Эта парадигма культурной гетерогенности, основанная на признании инаковости и уважении к различиям, получила свое широкое признание во второй половине XX века и пришла на смену идеалов культурной ассимиляции и культурной гомогенности, просуществовавших не одно столетие.

Начиная с эпохи Возрождения и вплоть до зрелого модерна главной стратегией межкультурного взаимодействия выступала стратегия ассимиляции и императив культурной однородности. Это связано с колониальной идеологией европоцентризма, в соответствии с которой все неевропейские культуры не просто могут, а должны быть подвергнуты ассимиляции, а все, что выходит за символичные нормы цивилизованного

мира, идентифицировалось как варварское и дикое. Однако будет ошибочно заявлять, что колониальный дискурс был единственным в интеллектуальном пространстве до XX века. Признавая его исключительность, мы попадаем в ловушку генерализации, исключая из внимания обширный философский материал по осмыслению социального бытия.

Поэтому важно обратиться к социально-философской ретроспективе в исследовании двух главных практик взаимодействия XX–XXI веков и выявить: являются ли они уникальными продуктами современного мира или их противостояние проявляется ранее?

Если обратиться к философским учениям эпохи Нового времени и Просвещения, то мы можем обнаружить наличие также двух диалектически взаимосвязанных линий философствования, в рамках которых формируются альтернативные варианты интерпретации сущности межкультурного взаимодействия. Безусловно, магистральная линия рефлексии XVII–XVIII веков развивается в русле просвещенческой рационалистической риторики и фундирована на выраженной европоцентристской модели понимания мира, в соответствии с которой все социокультурное пространство можно поделить на «центр» и «периферию». При этом центру, то есть цивилизованному миру, аксиоматически приписывается право на утверждение императива гомогенности и все, что не достигло их уровня развития цивилизованного мира, классифицировать как дикое, подлежащее неизбежной ассимиляции и подчинению. Это хорошо видно в рамках философских учений о линейно-стадиальных интерпретациях исторического процесса (А. Тюрго, М. Кондорсе). В учениях, в которых было акцентированно внимание на единой универсальной логике развития народов и выделялись общие критерии прогрессивного развития, был редуцирован нарратив культурного разнообразия и равноценности неевропейских народов. Эта линия рефлексии легла в основу колониальной парадигмы мышления и нашла свое отражение в идеалах культурной однородности и принципах ассимиляции, реализовывавшихся до середины XX века.

Вторая же линия философствования формируется на основе критики европоцентристской модели понимания истории и ее стадиально-прогрессистской версии. Альтернативный взгляд на историческое развитие был представлен в нескольких вариациях. Среди них можно выделить, например, идеализацию образа «благородного дикаря» Ж. Ж. Руссо, в соответствии с которой философ выступает апологетом традиционных культур и критиком цивилизованных обществ, отягощенных нравственными пороками. Другая версия критики императива культурной гомогенности европоцентризма нашла свое воплощение преимущественно в немецкой философии и была представлена в таком направлении, как немецкий романтизм. Романтизация прошлого, народной речи и самого народа была осмыслена в утопических проектах народного движения сперва в Йене, а затем и за ее пределами, и обрела свою концептуализацию в творчестве Фридриха и Августа Шлегеля, Новалиса, Фридриха Шлейермахера, а также мифологической школы этнографии, среди представителей которых можно обозначить братьев Гримм и Макса Мюллера [2, с. 375]. Общественно-политические изменения, связанные с итогами Французской революции, инициировали в сознании немецкой интеллигенции поиск новых идеалов развития, воплотившихся в идеализации не только прошлого, но и народного, отличительного от универсальной схемы понимания развития культуры. Это объясняет актуализировавшийся интерес к понятию «das Volk» и поиску сущностных оснований для культуры народов, их традиций и самобытности. В этом ключе немецкий

романтизм представлял собой альтернативную версию просвещенческой рационалистической риторики о культурной гомогенности, положил основу дискурсивному сдвигу европоцентризма и обратил взор академической интеллигенции на идеалы культурного разнообразия, ставшие потенциальной базой для развития идеологии мультикультурализма во второй половине XX века, а также отголоском этноренессанса, свойственного для XXI века и проявляющегося как своеобразная протекционистская реакция на тенденции к глобализации.

Так, даже беглый экскурс позволяет нам увидеть, что в пространстве интеллектуальной мысли были представлены различные версии осмысления истории и межкультурного взаимодействия, а парадигмальное противостояние между установками к гомогенности и гетерогенности имели место быть задолго до современных процессов глобального мира. Наличие исторического опыта позволяет нам избежать ловушки реификации, увидеть слабые и сильные стороны обеих идеологических установок и сформулировать наиболее оптимальную и конструктивную версию межкультурного взаимодействия. А с учетом нарастания глобальной нестабильности, увеличения социокультурных вызовов для локальных культур, вопрос о стратегиях межкультурного взаимодействия, уважительного отношения ко всем субъектам интеракции звучит особенно востребованно. Сегодня важно подчеркивать, что условием перспективного межкультурного диалога выступает не тотальный симбиоз, основывающийся на принципах универсальности, а конструктивная корреляция, базирующаяся на идеалах взаимодополнительности и взаимосогласованности всех участников диалога.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Курбачева, О.В. Транскультурация и мультикультурализм: перспективы межкультурного диалога / О.В. Курбачева // Философия и социальные науки. – 2015. – №3. – С. 51–55.

2. Ломако, О.М. Социальная философия немецкого романтизма / О. М.Ломако // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2024. – Т. 24. – №. 4. – С. 373–379.

УДК 316.346.2(075.5)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Курилович Н. В.
доцент кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Образовательный уровень населения страны выступает значимым индикатором её устойчивого развития. Для измерения достижений стран мира в этой сфере используется предложенный ООН индекс уровня образования (от англ. *Education Index*), при расчёте которого учитываются показатели средней и ожидаемой продолжительности обучения. В 2024 году на первом месте в рейтинге стран мира по индексу уровня образования находилась Германия, на втором месте – Швейцария, а на третьем – Канада. Республика Беларусь заняла 40-е место в указанном рейтинге,

включавшем 193 страны мира. Как следует из рейтинга, средняя (фактическая) продолжительность обучения в нашей стране составляет 12,2 года, а ожидаемая продолжительность обучения – 14 лет [1].

Индекс уровня развития образования, наряду с показателями ожидаемой продолжительности жизни при рождении и валового национального дохода на душу населения, используется для расчета индекса человеческого развития (от англ. *Human Development Index*). В этой связи следует подчеркнуть, что Республика Беларусь относится к категории стран с очень высоким уровнем человеческого развития. По итогам 2023 года она заняла 65-е место в мировом рейтинге стран по индексу человеческого развития [2].

XXI век нередко именуют веком высшего образования. В настоящее время общепризнана огромная роль, которую высшая школа играет в социально-экономической и духовной эволюции общества. По данным переписей, уровень образования жителей Республики Беларусь повышается от поколения к поколению: если в 1999 году в стране доля населения в возрасте 25-49 лет с высшим образованием составляла 19,9 %, а в 2009 году – 25,2 %, то в 2019 году – уже 33,9 % [3]. Следовательно, мировая и национальная статистики позволяют оценить образовательный потенциал Беларуси как весьма значительный.

Сегодня во всем мире наблюдается рост интереса к гендерному фактору дифференциации образовательного потенциала. При рассмотрении данного вопроса специалисты исходят из того, что социальные аспекты половой принадлежности человека (а именно они раскрывают содержание концепта «гендер») могут влиять на его возможности наращивать и использовать свой образовательный потенциал. Так, международная статистика свидетельствует о том, что во всем мире 2/3 абсолютно неграмотных взрослых составляют женщины.

Актуальность репрезентации гендерного измерения образования подтверждается Повесткой-2030, в которой обеспечение гендерного равенства определяется как одна из целей устойчивого развития общества. Изучению образования с позиций гендерного подхода посвящены работы исследователей, представляющих самые разные области знания. К анализу рассматриваемой нами темы обращались философы, культурологи, психологи, социологи, педагоги, политологи, экономисты. В этой связи следует назвать таких отечественных исследователей, как С. Н. Бурова, Л. Г. Титаренко, О. В. Терещенко, О. А. Янчук, И. С. Клецина, О. В. Крыштановская, Е. Г. Луковицкая, Е. Р. Ярская-Смирнова, К. В. Воденко, А. К. Дегтярев, К .И. Столярова, Ю. С. Пиньковецкая, С. Н. Гришак, К. В. Рожкова, Н. К. Емелина и др.

В теоретико-методологическом плане при изучении гендерного измерения высшего образования, как правило, используются два основных подхода: количественный и качественный. Указанные подходы могут применяться как дифференцированно, так и совместно. Количественный подход фокусируется на анализе статистических данных, которые позволяют выявить ситуацию гендерного баланса или дисбаланса на уровне высшего образования. Качественный подход апеллирует к содержательным вопросам высшего образования, в которых отражаются те или иные проблемы высшей школы как агента гендерной социализации индивидов.

Количественный подход позволяет зафиксировать феминизацию высшего образования в Республике Беларусь, т.е. преобладание доли женщин над долей мужчин в группе лиц с высшим образованием. Другими словами, в сравнении с мужчинами женщины ориентируются на достижение более высокого уровня образования. Это подтверждают данные переписей. Если в 1999 году насчитывалось 21,7 % женщин и

18,1 % мужчин в доле населения в возрасте 25–49 лет с высшим образованием, а в 2009 году –28,8% женщин и 21,5 % мужчин, то в 2019 году – уже 39,4 % женщин и 28,1 % мужчин [3]. Следовательно, гендерный разрыв в отношении высшего образования за период с 1999 по 2019 год в стране увеличился с 3,6 % до 11,3 %. По данным переписи 2019 года, в общей численности населения в возрасте от 25 до 64 лет с высшим образованием женщины составили 58,8%, а мужчины – 41,2 % [4].

На начало 2024/2025 учебного года в Беларуси насчитывалось 47 учреждений высшего образования, в которых обучалось 224,2 тыс. студентов и 10,4 тыс. магистрантов [5]. При этом на протяжении многих лет в стране наблюдается гендерный дисбаланс в распределении обучающихся по профилю высшего образования: техническому направлению специальностей отдают предпочтение представители мужского пола, а социально-гуманитарному – представители женского пола. Это явление получило название горизонтальной гендерной сегрегации в высшем образовании (разделение профилей высшего образования на «женские» и «мужские»).

Исследователями также используется понятие вертикальной гендерной сегрегации в высшем образовании. Речь идет о наличии гендерного дисбаланса на уровне принятия решений в системе высшего образования. К сожалению, анализ этого явления затруднен в силу недоступности «свежей» гендерной статистики по данному вопросу: последний из изданных статистических сборников «Женщины и мужчины Республики Беларусь» датируется 2018 годом. Вместе с тем, как известно, к настоящему моменту времени на должностях ректоров белорусских учреждений высшего образования преобладают мужчины, хотя образование в целом является одной из наиболее феминизированных сфер профессиональной деятельности в Беларуси. Следовательно, на ведущих управленческих позициях в отечественной системе высшего образования доминируют представители мужского пола. В этой связи отметим, что такого рода гендерный дисбаланс является общемировой проблемой [6, с. 6]. Сложившаяся ситуация позволяет ученым говорить о наличии так называемого «стеклянного потолка», т.е. невидимых барьеров для продвижения женщин по карьерной лестнице в системе высшего образования.

Качественный подход к изучению гендерного измерения высшего образования в самом общем виде фокусируется на эффективности реализации принципов гендерного равенства (равных прав и возможностей для представителей обоих полов) в высшей школе. В связи с этим исследователи обращаются к гендерной экспертизе нормативных правовых актов, регламентирующих сферу высшего образования, официальных и скрытых учебных планов, учебных программ по учебным дисциплинам, учебной литературы, стилей преподавания и др. Большой интерес вызывают исследования, посвященные выявлению взаимосвязи высшего образования и гендерного неравенства на рынке труда. При этом для объяснения причин гендерного неравенства специалисты применяют теорию человеческого капитала, теорию компенсационных различий, теории дискриминации и образовательные теории [7]. В контексте изучения разных аспектов гендерной социализации в учреждениях высшего образования актуализируются вопросы гендерной компетентности педагогов, которая необходима для формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи [8].

Особое внимание уделяется влиянию гендерных стереотипов (социально конструируемых представлений о феминном и маскулинном поведении) на профессиональную деятельность женщин и мужчин в системе высшего образования. В этой связи, например, российские исследователи К. В. Воденко и А. К. Дегтярев отмечают, что «гендерные стереотипы играют двусмысленную роль в отношении

женщин в сфере высшего образования» [9, с. 75]. Парадоксальность ситуации заключается в том, что при официальном отсутствии ограничений в доступе женщин к профессиональной деятельности в сфере высшего образования действуют срытые механизмы нейтрализации их готовности к академической работе, связанной с фундаментальными научными исследованиями. В результате карьерная самореализация женщин в сфере высшего образования по многим показателям отстает от других сфер, т.е. значимого прогресса в достижении гендерного равенства не наблюдается. При этом гендерные стереотипы, формируя новый гендерный порядок, отражают в сфере высшего образования позицию «латентного мужского превосходства» [9, с. 82].

Таким образом, гендерный анализ высшего образования опирается на использование количественного и качественного подходов к рассмотрению вопросов продвижения идеи гендерного равенства в высшей школе. Разнообразие проблемно-тематических дискурсов гендерного измерения высшего образования свидетельствует о высоком научном потенциале гендерных исследований в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рейтинг стран мира по уровню образования / Гуманитарный портал: исследования и прогнозы // Центр гуманитарных технологий, 2006–2025. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/education-index (дата обращения: 25.08.2025).

2. Индекс человеческого развития / Гуманитарный портал: исследования и прогнозы // Центр гуманитарных технологий, 2006–2025. – URL: https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index (дата обращения: 25.08.2025).

3. Доля населения в возрасте 25-49 лет с высшим образованием // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. –URL:https://gender.belstat.gov.by/education/120?type=table&reg=(T/F/M):(T) (дата обращения: 25.08.2025).

4. Распределение населения в возрасте 25-64 лет по самому высшему из полученных уровней образования // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://gender.belstat.gov.by/education/121?type=table&reg=(T/F/M):(T):(HE):(T) (дата обращения: 25.08.2025).

5. Основные показатели деятельности учреждений образования // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/obrazovanie/ (дата обращения: 25.08.2025).

6. Женщины-ректоры и «стеклянный потолок» / О.В. Крыштановская, И.А. Лавров, Н.А. Юшкина // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 1. – С. 4–19.

7. Кирюшина, М.А. Роль высшего образования в формировании гендерного неравенства на рынке труда. Обзор российских и зарубежных исследований / М.А. Кирюшина, В.Н. Рудаков // Вопросы образования. – 2024. – № 2. – С. 75– 110.

8. Антюхова, Е.А. Образовательная среда вуза как фактор формирования эгалитарного сознания студенческой молодежи / Е.А. Антюхова // Женщина в российском обществе. – 2023. – № 4. – С. 46–57.

9. Воденко, К.В. Гендерные стереотипы в сфере высшего образования: академическое лидерство как способ нейтрализации социальных рисков / К.В. Воденко, А.К. Дегтярев // Женщина в российском обществе. – 2021. – №3. – С. 71–84.

УДК 330.341

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Лабоцкая А. А.
научный сотрудник,
ГНУ «Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси»
г. Минск, Беларусь

Цифровые и информационные технологии стали неотъемлемой частью существования современного мирового сообщества, а также инструментом управления в государствах и в объединениях государств [1].

Цифровая трансформация системы технического регулирования Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) является приоритетным направлением цифровой повестки ЕАЭС в 2021–2024 гг. [2]. Цифровая трансформация необходима для оптимизации взаимодействия наднациональных органов, уполномоченных органов государств-членов и участников рынка в сфере технического регулирования, способствующего ускорению процессов проектирования, выпуска и свободе передвижения на территории ЕАЭС продукции, в том числе импортируемой из третьих стран, которая отвечает обязательным требованиям.

На рис. 1 представлены «цифровые повестки», которые принимают государства-члены ЕАЭС для определения направления развития цифровой экономики в своем государстве.

Рисунок 1. «Цифровые повестки» государств-членов ЕАЭС [3]

Цифровая повестка ЕАЭС охватывает все сферы социально-экономического развития, взаимодействия в организационном и инфраструктурном планах [4]:

- цифровая трансформация отраслей и кросс-отраслевая трансформация;
- цифровая трансформация рынков товаров, услуг, капитала и рабочей силы;
- цифровая трансформация управления интеграционными процессами;

• развитие цифровой инфраструктуры и обеспечение защищенности цифровых процессов.

Для поддержания проектов и трендов цифровой трансформации на прикладном уровне реализации цифровой повестки был создан Фонд цифровых инициатив Евразийского банка развития, которым проведен аналитический обзор по цифровым технологиям «Цифровая повестка ЕАЭС в контексте глобальных трендов цифровой трансформации» [4].

В целях дальнейшего развития отношений, связанных с информационным взаимодействием, и создания базиса для передачи на наднациональный уровень полномочий по регулированию в сфере цифровой экономики были приняты Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года [5].

В цифровой повестке определены стратегические направления формирования и развития цифрового пространства ЕАЭС до 2025 года [3].

1. Повышение глобальной конкурентоспособности ЕАЭС и устойчивое экономическое развитие на региональном уровне за счет формирования цифровой экономики, комплексной модернизации и регионального сотрудничества.

2. Реализация мультпликативного эффекта от цифровизация на региональном уровне и обеспечение привлекательности цифрового пространства для потребителей и хозяйствующих субъектов.

3. Развитие человеческого капитала и обеспечение вовлеченности стран ЕАЭС в глобальные процессы формирования новых индустрий и рынков.

В проекте Стратегической программы научно-технического развития Евразийского экономического союза на долгосрочный период «рамочного» характера имеется раздел «Цифровые проекты», в котором содержатся 4 проекта цифровой повестки ЕАЭС (табл. 1).

Таблица 1. Цифровые проекты в рамках цифровой повестки ЕАЭС (составлено автором по [5])

ПРОЕКТЫ ЦИФРОВОЙ ПОВЕСТКИ ЕАЭС	**СОДЕРЖАНИЕ**
ЭКОСИСТЕМА ЦИФРОВЫХ ТРАНСПОРТНЫХ КОРИДОРОВ ЕЭАС	реализация проекта направлена на внедрение безбумажных методов сопровождения транспортно-логистических операций и полный переход к обмену данными, создание единых стандартов транспортно-логистических сервисов; переход на сквозную интегрированную систему надзора
УНИФИЦИРОВАННАЯ СИСТЕМА ПОИСКА «РАБОТА БЕЗ ГРАНИЦ»	проект обеспечит расширение возможностей трудоустройства и поиска работы для граждан государств-членов ЕАЭС, внедрение современных цифровых инструментов взаимодействия на рынке труда ЕАЭС, содействие ускорению передвижения трудовых ресурсов в Союзе
ЦИФРОВОЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В РАМКАХ ЕЭАС	проект направлен на цифровизацию процессов формирования обязательных требований к продукции, разработку технических регламентов и перечней международных и региональных (межгосударственных) стандартов, формирование единого перечня продукции, в отношении которой устанавливаются обязательные требования в ЕАЭС
ЕВРАЗИЙСКАЯ СЕТЬ ПРОМЫШЛЕННОЙ КООПЕРАЦИИ, СУБКОНТРАКТАЦИИ И ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ	проект обеспечит создание цифровой экосистемы взаимодействия хозяйствующих субъектов, вовлечение малых и средних предприятий в цепочки крупных производителей, стимулирование инновационных процессов за счет трансфера технологий, обеспечит продвижение продукции из ЕАЭС с использованием международных экосистем государств-членов и третьих стран

Говоря о цифровизации, нельзя не упомянуть об интегрированной информационной системе ЕАЭС. В ранее опубликованной работе, А. А. Лабоцкая [5] исследовала структуру и развитие данной системы.

Ю. С. Чуприна и И. В. Бояринова в своем исследовании [6] провели опрос экспертов, в результате которого были обозначены перспективные направления дальнейшей цифровой трансформации в рамках ЕАЭС: создание и запуск совместных цифровых инструментов для экспансии на глобальные рынки (цифровых активов); трансграничные цифровые государственные услуги; поддержание коммуникаций и предоставление услуг во всех отраслях; развитие электронной торговли; качественный рост числа рабочих мест в цифровой экономике и цифровой включенности населения; обеспечение безопасности.

Несмотря на разные уровни развития инфраструктур и правового регулирования каждого государства-члена Союза на территории ЕАЭС осуществляется постепенный переход к единым цифровым платформам и стандартам. Так, 20 ноября 2024 года в Москве на международной научно-практической конференции «Цифровые рынки на пространстве ЕАЭС: актуальные вопросы исследования, антимонопольного регулирования и правового обеспечения» Евразийская экономическая комиссия выступила с предложением гармонизировать регулирование цифровых платформ на всем пространстве Союза [7].

В табл. 2 приведены категории развития цифровых технологий стран ЕАЭС.

Таблица 2. Категории использования цифровых технологий ЕАЭС (составлено автором по [8])

КАТЕГОРИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	**СТРАНЫ ЕАЭС**
РАЗВИВАЮЩИЕСЯ (страны с низким уровнем использования цифровых технологий) В странах этой группы информационные и коммуникационные технологии (далее – ИКТ) широко не используются населением, и в связи с чем кардинальные изменения и выгоды от внедрения новых технологий в экономике сложно ощущать	Республика Кыргызстан
ПЕРЕХОДНАЯ ГРУППА (страны с доступным интернетом и внедряющие ИКТ в различные отрасли экономики, но с отсутствием аналоговых дополнений и существенного пользовательского опыта) При правильном проведении процесса цифровой трансформации и объединения усилий, страны Союза имеют возможность перейти в группу более развитых стран	Республика Армения Республика Беларусь Казахстан Российская Федерация
ГРУППА ТРАНСФОРМИРУЮЩИХСЯ (страны со значительным использованием ИКТ и широким доступом в интернет) Такие страны могут извлечь существенную выгоду от использования новых технологий.	

Таким образом, для успешной цифровой трансформации разработаны и внедрены национальные стратегии и программы государств-членов Союза; ведется работа по реализации инициатив цифровой повестки (цифровая прослеживаемость движения продукции, товаров, услуг и цифровых активов в ЕАЭС; цифровая торговля ЕАЭС; цифровые транспортные коридоры ЕАЭС; цифровая промышленная кооперация ЕАЭС; соглашение об обороте данных в ЕАЭС, включая защиту персональных

данных; система регулятивных «песочниц» ЕАЭС). В целях создания единого цифрового пространства необходима гармонизация законодательных и технических стандартов в области информационных технологий. Внедрение цифровых платформ и систем обмена данными в рамках ЕАЭС способствует снижению трансакционных издержек и ускорению процессов интеграции.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зазерская, В.В. Развитие цифровой экономики в странах Евразийского экономического союза: формирование институциональной среды интеграционных объединений / В.В. Зазерская // КиберЛенинка. – URL: https://www.researchgate.net/publication/373155730_razvitie_cifrovoj_ekonomiki_v_stranah_evrazijskogo_ekonomiceskogo_souza_formirovanie_institucionalnoj_sredy_integracionnyh_obedinenij (дата обращения: 08.09.2025).

2. О реализации проекта «Цифровое техническое регулирование в рамках Евразийского экономического союза» : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 14 июля 2021 г. № 63 // КонсультантПлюс. Беларусь : справ. правовая система (дата обращения: 08.09.2025).

3. Боев, А.В. Роль интегрированной информационной системы ЕАЭС в таможенном администрировании на современном этапе цифровой трансформации / А.В. Боев // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-integrirovannoy-informatsionnoy-sistemy-eaes-v-tamozhennom-administrirovanii-na-sovremennom-etape-tsifrovoy-transformatsii/viewer (дата обращения: 08.09.2025).

4. Цифровая повестка ЕАЭС в контексте глобальных трендов цифровой трансформации : аналитический обзор по цифровым технологиям // Евразийский банк развития фонд цифровых инициатив. – URL: https://fci.eabr.org/upload/EDB_Digital_Technologies_2024-12-16_web.pdf (дата обращения: 08.09.2025).

5. Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : Решение Высшего Евразийского Экономического Совета от 11 окт. 2017 г. № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700293 (дата обращения: 08.09.2025).

6. Лабоцкая, А.А. Интегрированная информационная система Евразийского экономического Союза / А.А. Лабоцкая // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9–10 нояб. 2023 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси ; редкол.: Мысливец Н.Л. (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Донарит, 2023. – С. 262–266.

7. Чуприна, Ю.С. Проблемы и перспективы цифровой трансформации ЕАЭС / Ю.С. Чуприна, И.В. Бояринова // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-perspektivy-tsifrovoy-transformatsii-eaes/viewer (дата обращения: 08.09.2025).

8. ЕЭК предлагает гармонизировать регулирование цифровых платформ в ЕАЭС // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2024/november/79633/ (дата обращения: 08.09.2025).

9. Лорецян, Г.А. Оценка уровня цифровизации ЕАЭС / Г.А. Лорецян // Прогрессивная экономика. – 2024. – № 8. // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-urovnya-tsifrovizatsii-eaes (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 364(510)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В КИТАЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Лай Юньцзян
бакалавр филологии, магистр менеджмента
исследователь в области социологических наук
г. Москва, Россия

Современное общество живет в ситуации периодически обостряющихся кризисов и нарастающих рисков, что накладывает на правительства стран весомые обязательства по социальной защите своих граждан. Действенным элементом социальной защиты, находящимся в ведении государства, является социальное обеспечение, которое выполняет функции защиты населения от рисков бедности, обеспечивает воспроизводство трудовых ресурсов, создает новые, в настоящее время – цифровые, социально-коммуникативные системы и т.д. В каждой стране реализуются свои системы социального обеспечения, хотя и строятся они по рекомендациям Международной организации труда (МОТ). Однако эти системы, учитывая традиции, культуру, законодательную базу развитых стран, зачастую порождают на практике возникновение новых, порой совсем неожиданных, проблем, что ярко проявилось, например, в Европе в условиях миграционного кризиса 2014–2016 гг. Страны, входящие в ЕАЭС, в ходе развёртывания интеграционных процессов испытывают большие трудности в адаптации своих систем социального обеспечении населения к новым условиям. Формирующееся единое евразийское пространство, усиливающаяся трудовая миграция требуют большего сближения самих основ функционирования национальных систем социального обеспечения. Всё это актуализирует необходимость проведения более глубоких и детальных исследований специфики этих систем, а также – определения направлений их наиболее эффективной интеграции.

Система социального обеспечения в КНР, которая начала складываться с 1949 г. после победы народной революции, является в историческом контексте сравнительно молодой. С этого времени китайское правительство активно формировало национальную систему социального обеспечения. Задача по созданию этой системы была очень сложной с точки зрения ее масштабов (по сравнению со временем начала реформ к 2000 г. произошло более чем двукратное увеличение численности населения [1]), пошаговости и постепенности ввода в действие, особенностей восприятия китайским населением нового инструмента решения социальных проблем. Основой нынешнего подхода в политике государства к социальному обеспечению является концепция «сяокан» – концепция благоденствия, но если на этапе начала социально-экономических реформ данный концепт включал в себя обеспечение населения минимальным благополучием, буквально – накормить, одеть, дать жилье (жить в тепле и сытости), то по мере роста успеха проводимых экономических реформ концепт «сяокан» стал соответствовать достижению уровня среднезажиточного общества (максимально возможного в данных условиях пенсионного, медицинского страхования и т.п.), а в перспективе стоит задача выйти на уровень развитых стран.

Система социального обеспечения в КНР формируется в ситуации противоречия: с одной стороны, реализация требований международных организаций (МОТ, ООН, ВОЗ), а, с другой, учет национальных традиций китайского общества. В странах Европы и США, практикуя распределительную модель гарантированного минимума

социального обеспечения всего населения, развивают накопительные (страховые) технологии. В то время как в КНР способствуют более широкому переходу к применению распределительных механизмов. Факторами, тормозящими становление системы социального обеспечения, являются: бедность населения, низкие доходы его основной части, быстрое старение нации, сохраняющаяся разница в доходах между жителями городов и деревень, между развитыми и отсталыми провинциями. В качестве сдерживающего фактора выступают убеждения многих китайцев, что реальной защитой и надёжным механизмом решения возникающих проблем может выступить лишь наличие прочных семейных связей. Имеет место также отношение недоверия к накопительной (страховой) части социального обеспечения, поэтому китайцы мало ее используют, в большей степени ориентируясь на перераспределение имеющихся ресурсов для решения социальных проблем.

Проведенный нами анализ отношения разных социальных слоев китайского населения к программам социального обеспечения показал неоднозначность восприятия и оценки многих их видов, как относительно новых явлений в жизни КНР. Эти виды вводились поэтапно, но сравнительно быстро, однако практически не велось достаточного объяснения всех их преимуществ. В результате население воспринимало предлагаемое с большим недоверием. Для многих граждан в особенности остался непонятным смысл выплаты пособия по безработице, когда здоровому, не старому еще человеку предлагают получать деньги за то, что он «ничего не делает». Это недоверие, по нашему убеждению, свидетельствует о том, что при разработке системы социального обеспечения населения не в полной мере были учтены трудовые традиции китайского народа. Было бы куда более понятным для населения создание и предложение рабочих мест, а также помощь в переселении в те регионы, где требуются работники данной профессии и квалификации; организация переквалификации и т.п.

В заключение конкретизируем, что, учитывая специфику страны, в формировании системы социального обеспечения в Китае используется несколько базовых подходов:

1) системный, когда социальное обеспечение рассматривается как сложный объект, включающий целостную структуру взаимосвязанных элементов;

2) комплексный, когда к социальной защите как целостному явлению относятся на основе единства научно-теоретических, социальных, хозяйственных и финансовых предпосылок;

3) целерациональный, который предусматривает предложение социальной помощи адресно для каждого человека;

4) ситуационный, при котором механизмы социального обеспечения гибко формируются в соответствии с актуальными потребностями населения и объективными возможностями их финансирования.

Использование этих подходов позволяет развивать систему социальной защиты на территории КНР для достижения обществом уровня всеобщего процветания. Правительство КНР следует курсом развития системы занятости, что означает, одновременно, и направленность социальной политики государства на побуждение нуждающегося населения к самостоятельному поиску заработка. Это призвано снизить нагрузку на фонды социального обеспечения и не допустить формирования слишком большой социальной группы граждан, постоянно живущих на пособия государства, как это произошло в ряде стран ЕС. В результате, к середине XXI в. В Китае планируется завершение строительства развитого общества, что предполагает выход КНР по показателям социально-экономического развития на уровень США, Японии и ведущих государств Европы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Численность населения Китая по годам: 1950–2024 // Мировые Финансы: [сайт]. – Москва, 2025. – URL: http://global-finances.ru/chislennost-naseleniya-kitaya-po-godam/ (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 377.031.4+303.721+316.77

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОЛЛЕДЖЕЙ И ТЕХНИКУМОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ

Латышев Д. М.
социолог,
Центр опережающей профессиональной подготовки Свердловской области
кандидат социологических наук
г. Екатеринбург, Россия

Младшие молодёжные группы, которые ежегодно поступают в колледжи и техникумы Свердловской области, обращаются к ресурсам медиаполя в поисках нужной информации о тех или иных учебных заведениях. При этом само информационное поле в данном аспекте не всегда отображает реальное положение вещей в силу того, что активные цифровые авторы транслируют мнение меньшинства и описываемые ими ситуации могут быть скорее исключениями для определённых ситуаций, чем являться типовыми репертуарами практик [1, с. 79].

Нами предположено, что в силу представленных особенностей цифровых авторов в информационном поле будут преобладать записи преимущественно негативной тональности с преобладанием крайних негативных эмоциональных реакций (гнев, отторжение и другие). В этой связи возникает закономерный исследовательский вопрос: какова специфика репрезентации и восприятия образовательных организаций СПО (среднее профессиональное образование) при том обстоятельстве, что часть социально значимой информации потребляется ими из социальных медиа и ГИС-систем?

В качестве социологической разведки привлекался анализ социальных медиа русскоязычного сегмента (ВК, Дзен, Одноклассники и другие) и геоаналитического мониторинга (Яндекс.Карты, 2Gis), где цифровые авторы высказывают мнение о своём опыте обучения в колледжах и техникумах. Для сбора материалов использовалась программа «Пресс Индекс» и приложение «Lucmus». Сбор записей осуществлялся по ключевым словам «колледж», «техникум», «училище» с территориальной привязкой к муниципалитетам региона. Всего за период с июля 2025 по июль 2024 гг. (максимальная глубина парсинга) было выгружено в массивы генеральной совокупности 94 отзыва и 14 постов и комментариев. Далее анализ записей и отзывов проходил согласно методике, озвученной в работах И. В. Богдана и Н. Стениной с использованием семиотического и семантического анализов [1, 2].

По данным аналитической группы, всего образовательных организаций СПО в регионе насчитывается 181 единица. Наибольшая концентрация учреждений сосредоточена в южной части региона, где находятся города (Екатеринбург, Каменск-Уральский) с большим количеством предприятий и организаций реального сектора экономики, следом идут Нижний Тагил и Серов, где находятся крупные промышленные кластеры.

Согласно полученным результатам, весомую часть отзывов по теме репрезентации образовательных организаций, реализующих программы СПО (среднее профессиональное образование) в Свердловской области, составляют различные короткие и развернутые (на один или два абзаца) высказывания. По результатам анализа выгрузки наблюдается преобладание отзывов положительной тональности (76%) над отзывами негативной тональности (24%). В разрезе образовательных организаций наиболее представлен Каменск-Уральский (63% отзывов). Малую долю составляют отзывы на колледжи и техникумы Екатеринбурга и Нижнего Тагила.

Тематически отзывы на образовательные организации группируются по основным тональностям – положительной и отрицательной (см. Таблицу 1

Также были закодированы эмоциональные реакции, содержавшиеся в высказываниях (см. таблицу 2). Стоит отметить, что «спектр» положительных эмоциональных реакций был преимущественно шире, чем у негативных. Основной смысловой модуль полученных высказываний сводится к хорошей учёбе в образовательной организации (техникум-17/хороший-16/учиться-12/колледж-9/обучение-7) – в ТОП-5 частотных слов), иными словами, ориентирован на процесс обучения, а не на его результат. Это же подтверждается и низким количеством повторений слов, ассоциированных с профессиональной деятельностью (работать – 6/специальность – 6/дело-5/занятие-5/навык-4).

Таблица 1. Основные темы отзывов на колледжи и техникумы в ГИС-системах

Тема	**Положительная тональность**	**Отрицательная тональность**	**Смешанная тональность**
Оборудование	8,4%	0,0%	0,0%
Обучение	10,3%	0,0%	0,0%
Общежитие	3,1%	14,6%	0,0%
Организация обучения	6,7%	14,3%	0,0%
Выпускной	0,0%	14,2%	0,0%
Преподаватели	51,7%	42,9%	100,0%
Призвание	2,9%	0,0%	0,0%
Студенты	6,9%	0,0%	0,0%
Трудоустройство	0,0%	14,1%	0,0%
Учёба	3,2%	0,0%	0,0%
Экзамены	3,4%	0,0%	0,0%
Другое	3,3%	0,0%	0,0%

Таблица 2. Основные эмоциональные реакции отзывов на колледжи и техникумы в ГИС-системах

Эмоциональная реакция	**Положительная тональность**	**Отрицательная тональность**	**Смешанная тональность**
Восторг	5,1%	0,0%	0,0%
Гордость	19,0%	0,0%	0,0%
Интерес	14,3%	0,0%	45,0%
Одобрение	57,1%	0,0%	0,0%
Осуждение	0,0%	48,0%	0,0%
Раздражение	0,0%	52,0%	26,0%
Разочарование	0,0%	0,0%	29,0%
Скука	4,9%	0,0%	0,0%

По итогам анализа выявлено, что имеющиеся немногочисленные упоминания о системе СПО (всего 14 шт.) преимущественно негативного характера. В глубоко нелестных характеристиках учащиеся характеризуют в целом обучение в колледжах и

техникумах как очень лёгкое и скучное. По нашему мнению, данное отношение было подвержено влиянию низкой мотивации студентов.

Таким образом, в информационном поле региона, как показывает аналитика социальных медиа и геосервисов, преобладают записи положительной тональности, при этом не стоит исключать фактора искусственной накрутки ряда отзывов. Можно наблюдать, что в информационном поле учащимся нравится сам процесс обучения и познавательная деятельность, при этом, когда они «сталкиваются» с реалиями рынка труда и сложностями трудоустройства, то это побуждает часть из них прописывать такие аспекты в негативном ключе. Отчасти это может объясняться частичной профориентационной работой в колледжах и недостаточной подготовкой выпускников СПО к требованиям работодателей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Богдан, И.В. Образ фельдшера в социальных медиа и в восприятии населения Москвы / И.В. Богдан // Здоровье мегаполиса. – 2023. – Т. 4. Вып. 4. – С. 77–85.

2. Стенина, Н. Скрытые возможности соцмедиа: от цифр к глубокому пониманию целевой аудитории / Н. Стенина // PR News. – Москва, 2025. – 22 с.

УДК 378

ВЕДУЩИЕ ИДЕИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

Леденева А. В.
доцент кафедры педагогики и менеджмента,
Оренбургский государственный педагогический университет
кандидат педагогических наук, доцент
г. Оренбург, Россия

Цифровая трансформация высшего образования в XXI веке рассматривается не только как внедрение отдельных ИКТ-инструментов, но как глубокая перестройка организационных практик, образовательных процессов и общественного статуса университета. Пандемия COVID-19 ускорила процессы, которые уже шли в течение предыдущего десятилетия, переведя дискурс о цифровизации в плоскость стратегий обучения, управления и финансирования вузов [1]. Современные исследования отмечают, что цифровые технологии перестали быть эпизодическим инструментом и превратились в инфраструктурный и институциональный фактор, формирующий новые ожидания от высшего образования [2, 3]. Сегодня наблюдается переход от электронного обучения к платформенно организованным экосистемам, работающим с данными и алгоритмами, что меняет организационную структуру образовательного процесса в вузе.

Актуальность исследования цифровой трансформации высшего образования как социального института обусловлена глубокими изменениями, происходящими в современном обществе под воздействием процессов глобализации, цифровизации и формирования новой экономики знаний. Современные вызовы, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, изменением трудового рынка, усилением роли цифровых платформ и сервисов, ставят перед системой высшего образования задачу пересмотра содержания, форм и методов подготовки будущих специалистов.

В условиях цифровой трансформации образование перестает быть исключительно сферой передачи знаний и превращается в многофункциональный социальный институт, выполняющий роль интегратора инновационных технологий, площадки формирования цифровой культуры и среды социализации молодежи [4]. Возрастающая роль онлайн-обучения, дистанционных форм коммуникации и смешанных образовательных моделей требует адаптации традиционных образовательных практик к новым реалиям, обеспечивающим гибкость и доступность получения знаний.

Одновременно цифровая трансформация сопровождается рядом противоречий: ростом информационных рисков, угрозой утраты традиционных образовательных ценностей, изменением механизмов социализации студентов [5]. Высшие учебные заведения сталкиваются с необходимостью выработки новых стратегий, сочетающих инновационные цифровые решения с сохранением фундаментальности образования, воспитания критического мышления и формирования устойчивой гражданской идентичности.

Идеи цифровой трансформации высшего образования как социального института основаны на понимании университета не только как центра генерации и передачи знаний, но и как ключевого агента социализации, интеграции молодежи в цифровое общество и формирования ценностных ориентиров, соответствующих вызовам времени [6, 7]. Цифровые технологии открывают новые возможности для персонализации образовательного процесса, расширения коммуникативных практик и создания интерактивной образовательной среды, где студент выступает не пассивным потребителем информации, а активным субъектом учебной и социальной деятельности.

Одной из центральных идей цифровой трансформации является переход от модели традиционного обучения к гибридной экосистеме, в которой гармонично сочетаются очные, дистанционные и проектные форматы взаимодействия. Такая модель способствует формированию цифровых компетенций, востребованных на современном рынке труда, а также развитию навыков критического мышления, межкультурной коммуникации и коллективной ответственности.

Важным направлением становится создание цифровой образовательной среды вуза, в которой технологии служат не только инструментом передачи знаний, но и механизмом воспитания, включающим студентов в учебные онлайн практики, научно-исследовательские и проектные цифровые инициативы. Использование цифровых платформ для кооперации, виртуальных лабораторий и онлайн-сообществ способствует развитию у молодежи социальной устойчивости и готовности к конструктивному участию в цифровой коммуникации.

Организация цифровой образовательной среды, которая позволит интегрировать инновационные технологии в процесс воспитания и социализации студентов, ориентировано на обеспечение не только доступа к современным цифровым ресурсам, но и формирование у студентов навыков ответственного и осознанного использования цифровых инструментов, способствование развитию социальной зрелости и ответственности.

Цифровая образовательная среда вуза как элемент единого образовательного пространства вуза в условиях современных стратегических ориентиров государственной политики в области образования [8] выполняет ключевые функции:

1) способствует формированию цифровой культуры студентов, включающей в себя ценностное отношение к информации, навыки критической оценки данных и умение противостоять информационным угрозам и манипуляциям;

2) обеспечивает сохранение и трансляцию культурно-исторических традиций России через цифровые образовательные платформы, мультимедийные проекты,

виртуальные музеи и архивы, что усиливает чувство сопричастности к национальному наследию;

3) стимулирует развитие социальной активности студентов посредством цифровых форм участия в проектной, волонтерской и исследовательской деятельности, расширяя возможности для осознанного гражданского выбора и патриотического самовыражения;

4) создает условия для межкультурного взаимодействия в цифровом пространстве, формируя уважение к национальному многообразию России и укрепляя коммуникативные компетенции, необходимые для конструктивного диалога в поликультурной среде;

5) способствует личностной и профессиональной самореализации студентов через освоение цифровых образовательных технологий, участие в инновационных проектах и разработку социальных инициатив, что обеспечивает их подготовку к активному и ответственному участию в жизни общества.

Таким образом, исследование цифровой трансформации высшего образования как социального института является значимым, поскольку позволяет осмыслить процессы, определяющие будущее образовательной системы, выявить риски и возможности цифровизации, а также предложить пути гармоничного сочетания инновационных технологий с социальными и культурными задачами современного вуза.

Идеи цифровой трансформации высшего образования предполагают интеграцию инновационных технологий с традиционными ценностями образования, ориентацию на формирование личности, способной к осознанному выбору, критическому осмыслению информации и ответственному участию в социально значимой деятельности за счет возможностей цифровой образовательной среды вуза. Цифровизация в данном контексте выступает не самоцелью, а средством укрепления роли вуза как социального института, формирующего интеллектуальный и духовный потенциал общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Юдина, Т.Н. Постпандемия: итоги и перспективы цифровизации высшего образования / Т.Н. Юдина, Н.Н. Сёмочкина // Цифровая социология. – 2024. – Т. 7. – №. 1. – С. 86–96.

2. Юрьева, О.В. Трансформация высшего образования в условиях цифровизации / О.В. Юрьева, Н.И. Ларионова, О.Ю. Кукушкина // Казанский экономический вестник. – 2024. – №. 4. – С. 49–58.

3. Еленева, Ю.Я. Цифровая трансформация образовательных организаций высшего образования: современное состояние, задачи, риски / Ю.Я. Еленева, А.А. Можаровская, Д.И. Демушкин // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – №. 4. – С. 1149–1170.

4. Головина, И.В. Цифровизация образования: риски и последствия / И.В. Головина, Т.Я. Александрова // Образовательные ресурсы и технологии. – 2024. – №. 1 (46). – С. 17–22.

5. Бермус, А.Г. Проблемы и перспективы постболонского реформирования системы высшего образования в России: теоретический обзор / А.Г. Бермус // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2025. – Т. 10. – №. 1. – С. 43–51.

6. Хонсаидова, М. и др. Развитие высшего образования в условиях цифровой трансформации / М. Хонсаидова и др. // Журнал академических исследований нового Узбекистана. – 2025. – Т. 2. – №. 3. part 2. – С. 16–20.

7. Лаврик, Е.Ю., Курносова, Е.А. Современные проблемы высшего образования в Российской Федерации и мире / Е.Ю. Лаврик, Е.А. Курносова // Цивилизационные перемены в России. – 2024. – С. 148–155.

8. Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/f9321ccd1102ec99c8b7020bd2e9761f/download/4444/. – Дата доступа: 01.09.2025.

УДК 378.147

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ИХ РЕШЕНИЯ

Лещинская И. И.
доцент кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Стремительный рост цифровых технологий и продуктов поставил перед системой университетского образования комплекс новых задач, связанных с широким и интенсивным внедрением искусственного интеллекта (ИИ) и его воздействием на все сферы общественной жизни. В данном контексте особое значение приобретает социально-культурный и экономический фон, который на современном этапе характеризуется доминированием «экономики платформ». В условиях данной модели основным ресурсом выступают не традиционные товары и услуги, а данные.

Указанная тенденция обусловила постепенное вытеснение сырьевой и, в определенной мере, трудовой ренты сетевыми формами ренты, возникающими в результате использования крупными цифровыми платформами больших массивов данных. Рациональное управление этим процессом приобретает особую значимость для государств с ограниченными природными ресурсами, поскольку при выработке адекватной государственной политики открываются дополнительные возможности для устойчивого развития.

На современном этапе искусственный интеллект является данностью, с которой следует не просто считаться, а быстро и адекватно определить способы взаимодействия с новыми цифровыми технологиями, чтобы они выступили мощным фактором развития, а не стали источником проблем. В связи с этим исследователи задаются вопросом: «Произойдет ли, в связи с этим кардинальный сдвиг парадигмы образования или это будет только новый технологический режим, позволяющий на ином уровне оперировать различным контентом в глобальном информационном пространстве?» [1].

Такого рода вопросы относятся к сфере философии образования, так как речь идет о необходимости переосмысления сущности образовательного процесса, его целевых моделей, содержания и технологий в условиях быстрого формирования качественного нового уровня интеграции человека и искусственного интеллекта в образовательной сфере. Многие исследователи полагает, что ИИ способен выполнить роль катализатора модернизации всей системы образования. «Искусственный интеллект считается одним из ключевых элементов цифровой трансформации образования. Его применение простирается от автоматизации административных процессов до создания интеллектуальных образовательных приложений. Системы ИИ могут анализировать данные о производительности студентов, выявлять их потенциальные трудности и предлагать индивидуализированные пути развития [2, с. 495]».

В связи с вышеизложенным возникает необходимость решения задачи, направленной на увеличение доли и расширение сферы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе с целью подготовки конкурентоспособной личности, соответствующей современным требованиям и реалиям. Реализация данной задачи, а также предотвращение сопутствующих рисков

требует создания образовательной среды, адекватной новым условиям цифровой трансформации. Формирование такой среды невозможно без разработки многоуровневой системы регулятивов, обеспечивающих комплексное управление процессом внедрения искусственного интеллекта в образование. Остановимся на наиболее важных ее элементах.

Одним из ключевых элементов, на наш взгляд, является *правовое регулирование*. – Правое обеспечение призвано не только формализовать модель потенциальных угроз, но гарантировать надежную защиту от них. Это в первую очередь касается информационной безопасности субъектов образовательного процесса в цифровой среде. Нарушение конфиденциальности, утечка личной информации в результате кибератак и разнообразных и весьма изощренных форм кибермошенничества, как считают исследователи, предполагает «…формирование перечня мероприятий, ориентированных на применение юридических, организационных технических и иных мер обеспечения защиты информации; формирование списка действий по применению разнообразных защитных мер с сокращенным пояснением каждого процесса» [2, с. 440].

Следующим, не менее значимым элементов является *этическая регуляция.* Исследователи отмечают: «Важным в этой связи становится разработка в вузах соответствующих регламентов, этических кодексов, политик академической честности, отражающих определения плагиата при использовании генеративного ИИ» [1]. В качестве ориентира в деле реализации ответственного похода к применению ИИ могут быть использованы рекомендации, разработанные ЮНЕСКО [3]. Формирование личности, осознающую необходимость следования принятым академическим сообществом этических норм и ценностей, способную отвечать за свои действия в сфере цифровой реальности, является необходимым условием создания благоприятной образовательной среды.

Теоретико-методологический элемент призван обеспечить цифровую грамотность, развитие ИИ-компетенций у педагогов и обучающихся. Важной задачей в этой сфере является формирование критического мышления и способности к рефлексивной самоидентификации личности во избежание ее зависимости от цифровых технологий и как следствие снижения ее когнитивных и креативных способностей. Проявления данной зависимости имеют множество негативных форм. В первую очередь к ним относят кризис текстовой культуры, отказ от культурного багажа, ослабление дискурсивного типа мышления, «сетевая логика», низкая концентрация внимания и др. Противовесом указанным негативным проявления призваны выступить системные и объективные знания, аналитические способности, сценарное мышление, наличие гибких умений, способных к быстрой перенастройке самим обучаемым.

Учебно-методический элемент регуляции. Он призван обеспечить решение целого комплекса задач. К ним следует отнести обеспечение индивидуальных траекторий обучения с использованием ИИ, что предполагает создание или адаптацию учебных материалов к индивидуальным уровню и запросам студентов. С этой целью необходимо обновление, модификация всех учебно-методических материалов. Это в первую очередь относится к содержанию, структуре, а также процессу подготовки образовательных программ. Многоуровневая и поэтому длительная экспертиза избыточного содержания программ, а также многоступенчатый процесс их утверждения приводят к тому, что программы не успевают за динамикой совершенствования технологий и обновления знаний. «В указанной парадигме роль

развития университетов опосредуется так называемой двойной цифровой трансформацией: трансформацией (организация, инфраструктура, процессы) под действием технологического давления; трансформационным содержанием учебных программ и планов, усиливая фундаментальность, персонализацию подготовки, а также ее гибкость в части практических навыков [4].

С использованием искусственного интеллекта в образовательном процессе жизненно необходимо изменение типов учебных заданий и критериев их оценки, а также разработка принципиально новой, интеллектуальной системы оценивания. Она предполагает не только пересмотр критериев диагностики знаний, но и формирование механизмов обратной связи, благодаря которой может осуществляться фиксация возможных проблем обучения студента, а также динамика его академических успехов студента. Исследователи отмечают, что «… подходы к организации подготовки выпускных квалификационных работ и к их оценке будут смещаться в сторону практической значимости полученного результата. При этом приоритетным в оценке станет не сам текст работы, а способность автора творчески оперировать материалом, в том числе на эксклюзивных (полученных без использования ИИ и Интернета) данных, а также вести дискуссию. Авторство от производства контента будет смещаться в сторону постановки задач для ИИ, а уникальность текстов будет связываться с уникальностью поставленной задачи перед ИИ по его производству» [1].

И наконец, организационный уровень реализации заявленной задачи предполагает развитие информационной инфраструктуры, создание специализированных команд, ответственных за внедрение и сопровождение технологий ИИ в образовательных учреждениях. Это включает подготовку кадров, способных эффективно использовать и контролировать ИИ-инструменты, а также разработку методических рекомендаций и программ повышения квалификации.

Таким образом, многоуровневая система регулятивов, включающая правовые, этические, теоретико-методологические, учебно-методические и организационные компоненты, является необходимым условием для успешного и безопасного внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс. Только при комплексном подходе возможно обеспечить подготовку конкурентоспособных специалистов, способных эффективно функционировать в условиях цифровой экономики и общества знаний.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л.В. Константинова, В.В. Ворожихин, А.М. Петров, Е.С. Титова, Д.А. Штыхно // Открытое образование. – 2023. – №27(2). – С. 36-48.

2. Цифровая трансформация образования: современное состояние и перспективы: сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции (Курск, 17-18 ноября 2023 г.) / под ред. В.А. Липатова, Л.В. Снегиревой, А.В. Рышковой. – Курск: КГМУ, 2024. 519 с.

3. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. UNESCO. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf000037343. (дата обращения: 07.09.2025).

4. Беляцкая, Т.Н. Электронная экономика: теория, методология, системный анализ / Т.Н. Беляцкая. – Минск: Право и экономика, 2017. – 284 с.

УДК 316.75

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ К ИСТОРИЧЕСКОМУ ПРОШЛОМУ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Лихачева С. Н.
заведующий кафедрой теории права и социально-политических дисциплин,
Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
кандидат социологических наук, доцент
г. Могилев, Беларусь

Историческое прошлое нашей страны становится актуальным объектом для дискуссий в условиях сложившейся геополитической обстановки. События прошлых лет и их влияние на личность опосредуются, прежде всего, субъективным восприятием самого человека в том числе через историю своей семьи, места, где вырос и живет в настоящее время. Представления о прошлом составляют фонд теоретических и практических знаний о себе и обществе, которые приобретает человек в течение жизни в процессе социальных взаимодействий. Исследователями давно установлена зависимость между особенностями формирования и последующего преобразования индивидуального знания и убеждения, ценностных ориентаций, с одной стороны, и развитием способности человека к адекватному, нормальному восприятию происходящих вокруг него событий, с другой. Важнейшую роль в этом процессе играет необходимость воспитания патриотических установок. «Основная социальная функция патриотизма – ориентирующая. Она ориентирует субъектов патриотического поведения и действия – конкретных личностей, их социальные группы и общности, их политические партии и организации, общественные движения, учебные заведения и учреждения культуры, спортивные объединения и силовые структуры, прежде всего воинские подразделения, – на беззаветное служение Отечеству, на совершенствование умения и готовности его защищать» [1, с. 105].

Изучение патриотических установок было проведено управлением социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство "Могилевские ведомости"» в Могилевской области в 2023 г. (выборка составила 680 человек).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что человек должен знать историю своего народа и государства?», %

Варианты ответов	Общее распределение	До 31 года	От 31 до 49 лет	50 лет и старше
Да, согласен(а)	90,7	79,7	92,5	93,0
Знание истории своего государства и народа в реальной жизни бесполезны	2,1	5,9	1,7	0,8
Затруднились ответить	7,3	14,4	5,8	6,2

Большинство населения, в том числе в молодежной группе, уверены, что в знании истории своей страны есть необходимость (табл. 1). Но на деле такая декларация не всегда подтверждается. Очень интересуется историей Беларуси только половина населения (52,2 %), остальные проявляют интерес от случая к случаю. История Беларуси позволяет нам узнать о серьезных испытаниях, которые вынесли предыдущие поколения. Многие из исторических событий имеют огромное значение и в настоящее время (табл. 2).

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Какие события Вы считаете главными в истории Беларуси?», %

Варианты ответов	Общее распределение	До 31 года	От 31 до 49 лет	50 лет и старше
Освобождение Беларуси от немецко-фашистских захватчиков	77,3	78,0	76,6	78,2
Обретение Беларусью независимости	57,6	65,3	53,5	60,9
Воссоединение Западной Беларуси и БССР	10,1	26,3	6,1	9,1
Создание БССР	8,3	8,5	9,7	5,8
Создание ВКЛ	7,0	22,9	5,4	2,1
Распад СССР	6,9	8,5	8,0	4,1

Все возрастные группы солидарны во мнении, что главным событием является победа в Великой Отечественной войне. Также больше половины населения считает значимым событием обретение Беларусью независимости. Молодежь заметно больше по сравнению с остальными придает значение воссоединению Западной Беларуси и БССР. Создание ВКЛ, БССР, распад СССР рассматриваются как менее значимые события в истории нашей страны.

Большое значение для знания и почитания истории, традиций страны населением имеет празднование праздников и знаменательных дат. В нашей стране их имеется большое разнообразие, также, как и сложившиеся обычаи их празднования. Среди них первую позицию по значимости у населения занимает 9 мая – празднование Дня Победы (74 %). Важное значение придается на Могилевщине празднованиям православной Пасхи (55,1 %) и Радуницы (30,7 %). Традиционные праздники – Новый год, Международный женский день, День защитника Отечества также не утратили своей актуальности.

Вопрос анкеты о культурно-историческом бренде Могилева и Могилевской области вызвал большие затруднения у опрошенных – 86,7% не смогли предложить какой-либо символ. Среди названных были: мемориальный комплекс Буйничское поле, лев, картошка, василек, аист, Голубая криница, Пустынки, родина Президента деревня Александрия, хлебное поле с васильками, ратуша, агроусадьбы, предприятие «Бабушкина крынка», символы, связанные с промышленностью, щит, зубр, колос, святые криницы, Купалье, трактор, Бобруйская крепость, праздник Маковей, тропа Родников. Именно для г. Могилева ко многим упоминавшимся можно добавить герб Могилева, площадь Славы, Георгия Конисского, Подниколье, драмтеатр, рыцаря, ставку Николая II в Могилеве. Невысокая активность при ответе на вопрос о брендах может свидетельствовать об отсутствии интереса к истории своего места проживания, однако – это не совсем так. Отдельным вопросом мы уточнили значимость знания истории своей малой родины. Подавляющее большинство жителей Могилевщины убеждены, что человек должен знать историю города, места, в котором он родился или живет (77,1 %). Только пятая часть населения убеждена, что это знания второстепенной важности, но при этом не отрицают их необходимости (21,6 %).

В последние десятилетия много дискуссий вызывает ситуация с памятниками, освещающими события прошлых лет, в странах дальнего и ближнего зарубежья. Этот вопрос носит исключительно политический характер, нередко обостряясь в периоды напряженных отношений между странами или группами стран. Снос памятников приобретает символическое политическое значения. Полного единства во мнении по этому сложному вопросу среди наших респондентов не наблюдается, однако

преобладает точка зрения, что памятники являются частью истории, и их нельзя уничтожать (рис.). Как можно видеть в программах новостей, полного единства нет среди населения и в странах, где такое происходит.

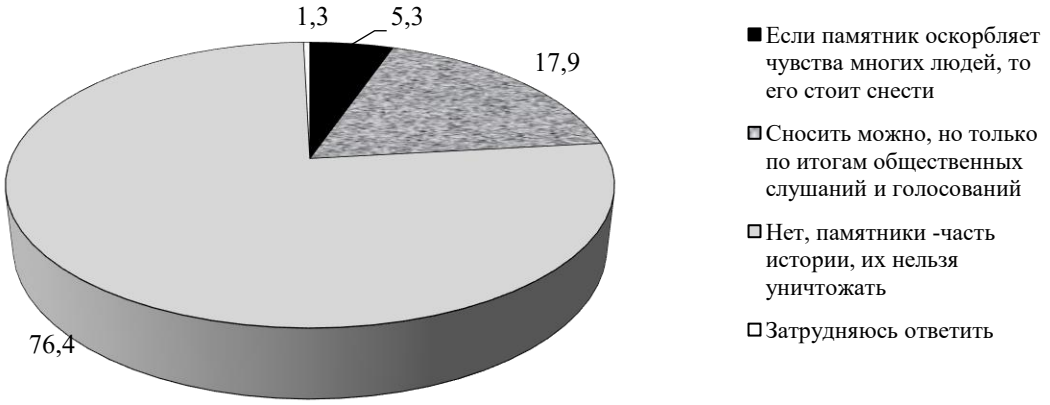

Рисунок. Распределение ответов на вопрос:
«Как Вы относитесь к сносу памятников в ряде зарубежных стран?», %

Знание истории не возникает у человека стихийно, особенно важно ее преподавание детям в школьном возрасте. Для взрослого человека ее систематическое изучение организовать затруднительно, поэтому важное значение имеют средства массовой коммуникации. В анкете был задан вопрос: «По Вашему мнению с помощью каких программ в СМИ лучше популяризировать историю, культуру и традиции белорусов?», на который было получено следующее распределение ответов: документальные передачи – 53,0 %, художественные фильмы – 35,4 %, научные, интеллектуальные передачи – 28,9 %, обучающие передачи – 27,3 %, репортажи о народных мастерах, умельцах – 25,6 %, интервью с деятелями культуры, искусства – 24,0 %, викторины, конкурсы – 10,9 %, ток-шоу – 10,4 %, мультфильмы – 9,2 %, кулинарные передачи – 7,5 %, развлекательные передачи – 5,7 %, музыкальные передачи – 4,4 %, юмористические передачи – 1,6 %.

Среди многочисленных жанров и вариантов подачи исторического материала были указаны документальные и художественные фильмы. Как правило, они носят авторских, законченный характер, их несложно воспринимать, и они вызывают интерес, как у детей, так и у взрослых. Научные, обучающие передачи, интервью на исторические темы, репортажи об исторических местах и возрождении национальных традиций также интересны современной аудитории. Заметно меньше почитателей у «развлекательного» блока, возможно, здесь имеется некоторое перенасыщение и в этой сфере отдается предпочтение другим темам. Также стоит обратить внимание, что наряду с традиционными каналами передачи информации, исторические темы должны развиваться и для огромной интернет-аудитории, присутствовать в социальных сетях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабосов, Е.М. Патриотизм: историческая память и воспроизводство прошлого, современные тенденции развития будущего / Е.М. Бабосов // Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти в системе высшего образования: современное состояние и перспективы : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 11–12 мая 2023 г. / Министерство образования Республики Беларусь, УО «Белорусский государственный экономический университет», Ин-т социально-гуманитарного образования, Заводская районная организация г. Минска РОО «Белая Русь» ; редкол.: С.И. Скриба {и др.]. – Минск : БГЭУ, 2023. – С. 105-108.

УДК 316.752

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МОЛОДЕЖИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ[1]

Луканин А. В.
доцент кафедры «Менеджмент и государственное управление»,
Пензенский государственный университет
кандидат социологических наук
г. Пенза, Россия

Актуальность исследования процессов социального взаимодействия в современной социологии обусловлена их стремительной трансформацией под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Усложнение социальных отношений, лавинообразный рост информации и возникновение новых форм коммуникации приводят к трансформации традиционных социальных структур и появлению феномена виртуализации общества [1, с. 232]. Данный процесс предполагает не просто дополнение реальных взаимодействий виртуальными, но и становление новой институциональной логики, основанной на сетевых, гибких и зачастую анонимных связях.

Особую значимость приобретает изучение влияния виртуализации на ценностные ориентации молодежи как наиболее адаптированной к цифровой среде социальной группы. Цифровая социализация современного молодого поколения происходит в принципиально новых условиях, что формирует специфический ценностный профиль, требующий комплексного социологического анализа.

Институциональный аспект виртуализации и трансформация ценностей

Виртуализация затрагивает не только уровень повседневных взаимодействий, но и уровень социальных институтов, трансформируя их структуру, функции и, что особенно важно, их ценностно-нормативное основание. Социальный институт, понимаемый как устойчивая форма организации совместной деятельности, основанной на формальных и неформальных нормах и ценностях [2, с. 117; 15, с. 23-24], в условиях информационного общества подвергается существенным изменениям.

Ключевым для анализа становится понятие латентных функций, введенное Р. Мертоном [3, с. 118–124]. В процессе виртуализации латентные функции социальных институтов (например, политических) часто приобретают негативный характер (теневые практики, коррупция, архаизация), переставая соответствовать декларируемым целям и приводя к их дисфункции [4]. Это ведет к кризису доверия к институтам, деформации социальных норм и, как следствие, к трансформации ценностных ориентаций общества, особенно у молодежи.

Ценностные ориентации молодежи в условиях виртуализации

Процессы виртуализации оказывают прямое воздействие на формирование системы ценностей молодого поколения, для которого цифровая среда является

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере социально-политических наук в 2025: проект «Аксиосфера молодежи: структурное единство традиционных ценностей как основа цивилизационного кода и идеологического суверенитета российского общества (FSGE-2025-0003)» 1025021100047-3-5.4.1;5.6.1;5.6.2. Регистрационный номер проекта 125081309529-9.

естественной и неотъемлемой средой обитания. Цифровая социализация современной молодежи происходит параллельно и зачастую теснее переплетается с традиционной, что приводит к формированию специфического ценностного профиля.

Эмпирические исследования (ВЦИОМ, ФОМ, РАНХиГС) фиксируют ряд устойчивых тенденций в ценностях молодежи в эпоху виртуализации:

1. Ценность гибкости и сетевой организации: На смену традиционным представлениям о жестких иерархиях и долгосрочной лояльности корпорациям или государству приходит ценность гибкости, проектной работы, сетевая коллаборация и личного бренда [5]. Молодежь все более ориентирована на горизонтальные связи и краткосрочные альянсы, что является прямой проекцией принципов функционирования виртуальных сообществ на сферу труда и социальных отношений.

2. Ценность самореализации и автономии: Виртуальная среда предоставляет беспрецедентные возможности для самовыражения, творчества и создания нового контента. Это укрепляет в ценностной иерархии молодежи стремление к автономии, самореализации и признанию на глобальном уровне, зачастую в обход традиционных институциональных лифтов [6, с. 88–103].

3. Ценность информации и открытости: Доступ к информации и открытость коммуникаций воспринимаются как базовая ценность и право. Это порождает скептическое отношение к традиционным институтам, практикующим информационную закрытость, и повышает запрос на прозрачность и подотчетность власти, бизнеса и других социальных институтов.

4. Глокализация идентичности: Пространство интернета позволяет молодежи одновременно укореняться в локальном контексте (через обсуждение местных проблем в социальных сетях) и быть частью глобальных сообществ по интересам (от фанатских культур до профессиональных сетей). Это формирует глокальную идентичность, сочетающую элементы глобального и локального, и ослабляет традиционную идентификацию исключительно с национальным государством [7].

5. Ослабление нормативного контроля и аномия: Снижение роли формального регулирования в виртуальной среде и доминирование саморегулирования ведет к большей толерантности к девиантным и инновационным моделям поведения. Однако это же способствует росту ценностной неопределенности и аномии, когда старые нормы теряют силу, а новые еще не сформировались в качестве общепринятых [8, с. 5–24].

Происходит рассинхронизация формальных и неформальных элементов институтов [8, с. 5–24]. На смену жестким вертикальным иерархиям приходят сетевые, гибкие структуры [5]. Формальные институты, основанные на правовой регламентации, уступают место неформальным сетевым образованиям, для которых характерны:

- Временный характер функционирования;
- Открытая распределенная структура;
- Приоритет горизонтальных связей;
- Ослабление нормативного контроля.

Этот переход, ускоряемый виртуализацией, сопровождается состоянием аномии (по Э. Дюркгейму), когда старые нормы и ценности перестают работать, а новые еще не сформировались, что приводит к неустойчивости социальных

взаимодействий, ценностным конфликтам между поколениями и общей нестабильности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что виртуализация является ключевым социальным процессом, определяющим трансформацию не только институциональной структуры общества, но и его ценностно-нормативного фундамента. Она ведет к парадигмальному сдвигу от устойчивых, территориально привязанных и формально регулируемых взаимодействий к сетевым, гибким и саморегулируемым формам социальности.

Особое значение этот процесс имеет для молодого поколения, чья социализация и формирование ценностных ориентаций изначально проходят в условиях гибридной реальности. Ценностный профиль современной молодежи характеризуется ориентацией на гибкость, автономию, самореализацию, открытость информации и глокализацию идентичности. Эти ориентации являются как адаптационным ответом на вызовы виртуализированного общества, так и фактором, ускоряющим его дальнейшую трансформацию.

Трансформация носит амбивалентный характер: с одной стороны, она открывает новые возможности для коммуникации, мобильности, креативности и самоорганизации, с другой – порождает институциональные дисфункции, кризис доверия, ценностную аномию и межпоколенческие разрывы. Виртуальные и традиционные сообщества, так же, как и новые и старые ценностные системы, продолжают сосуществовать в сложном динамическом взаимодействии, требуя дальнейшего глубокого междисциплинарного социологического осмысления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шабанова, М.А. Социальные механизмы трансформации неправовых практик / М.А. Шабанова, Т.И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 5–24.

2. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2006. – 380 с.

3. Делез, Ж. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Астрель, 2010. – 895 с.

4. Cardoso, G. The Media in the Network Society: Browsing, News, Filters and Citizenship / G. Cardoso . – Lisbon: CIES, 2007. – 210 p.

5. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М.: Логос, 2004. – 368 с.

6. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития / М.Н. Грачев. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.

7. Бурдье, П. О телевидении и журналистике / П. Бурдье. – М.: Прагматика культуры, 2002. – 160 с.

8. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – М.: Канон-Пресс-Ц, 2000. – 304 с.

УДК 316.346.32-053.6(476)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНЗИЦИИ ВО ВЗРОСЛОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ДИСПОЗИЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ И САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Лысенко Н. Н.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Манвелян Д. М.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Молодежь – это группа людей, включенных в сложный динамичный переходный процесс, а именно в транзицию во взрослость (т. е. постепенное усвоение нового социального статуса – «взрослого» – и адаптации к нему). Данный процесс отражается как на внутренних, личностных трансформациях представителей молодежи, так и на внешних изменениях, продиктованных социальными ожиданиями от носителя новой социальной роли. Исходя из объективно наблюдаемых изменений в обществе, таких как глобализация, распространение медиатехнологий, трансформация культуры, социальных норм, экономических условий, уместно предположение об изменении в диспозиции социальной роли «взрослого» и идентификации себя как такового современной молодежи.

Современное социологическое изучение молодежи в целом преимущественно основывается на рассмотрении ее как социальной группы, очерченной либо возрастными, либо институциональными (чаще всего связанными с процессом получения образования) границами. В данном дискурсе авторы, конкретизируя молодежь как объект исследования, рассматривают данную социальную группу как ресурс или капитал (трудовой, репродуктивный, гражданский или политический), как социальную проблему или ее индикатор, как уязвимую группу, требующую государственной поддержки и стимулирования (Р. Фалесо 2015). При этом, ряд исследователей молодежи концентрируют свое внимание на другом аспекте, рассматривая молодежь как социальную группу, включенную в процесс взросления (транзиции во взрослость), являющийся, по своей сути, пролонгированным, эмоционально окрашенным, «переходом» из объективированного статуса ребенка/подростка во взрослого, обладающего субъектностью и агентностью, а также полным спектром прав и обязанностей (Б. Эванс 2008) [1].

Традиционно транзиция, то есть переход, во взрослость, рассматривается как процесс последовательного прохождения жизненных этапов и инициирующих событий, продиктованных социальными ожиданиями и наделяющих индивида атрибутами взрослости (окончание школы, получение профессионального образования, выход на рынок труда, начало самостоятельной жизни, брак, появление детей). (Л. Крокетт, Р. Бингам 2000). Некоторые исследователи также в данный перечень включают прохождение сепарации и обретение финансовой независимости, первый разрыв длительных романтических отношений (П. Кохен 2003; Т. Шарон 2016) [2]. Однако, обращаясь к опыту прикладных социологических исследований, анализ результатов первой волны международного проекта «Поколение и гендер», проводимой в 2017-2018 годах, демонстрирует трансформацию жизненных траекторий

разных поколений белорусов и белорусок, обращая внимание на изменения, в первую очередь, последовательности ключевых жизненных этапов, а во вторую – качественного, смыслового наполнения [3].

Следует отметить, что традиционный подход к изучению транзиции во взрослость концентрирует свое внимание на трансформации структуры моделей транзиции, ставя в фокус внимания изменения в порядке прохождения демографических событий, обретения соответствующих маркеров взрослости, увеличении протяженности транзиции и ее более позднем начале.

Тем не менее, транзиция во взрослость современной молодежи отличается большей гибкостью, мозаичностью и зависимостью от индивидуальных биографических выборов. Так, принято выделять две основных модели транзиции во взрослость – идеал-типическую, предполагающую линейную сменную жизненных этапов и более свойственную для эпохи модерна, и индивидуальную, характеризующуюся более уникальными, персональными путями обретения взрослости. При этом идеал-типическая модель предписывает соответствие момента принятия социальной роли взрослого и идентификации себя как взрослого, тогда как у современной молодежи все чаще наблюдается индивидуальный вариации взаиморасположения этих позиций, способные приобретать как формы соответствия, так и различные «дисфункциональные» диссонирующие формы (например форму конфликта, эскапизма, отрицания и т. д.).

В то же время, в рамках западной академической дискуссии прослеживается критика классического подхода, а также разработка альтернативных теоретико-методологических концепций изучения транзиции во взрослость. Данная критика возникает как ответ на трансформацию категорий «молодости» и «взрослости» в социуме XXI века: интенсификацию детства, пролонгацию молодости, увеличение гибкости границ молодости и других жизненных этапов (Дж. Коте, М. Биннер 2008). Так, авторы отмечают, что если жизненный путь индивидов XX века был стандартизирован и выстраивался относительно линейно, т.е. соответствовал классическому подходу (П. Аронсон 2008), то современным поколениям в большей степени характерна нелинейность и непоследовательность прохождения ключевых переходных этапов в рамках одного поколения (М. Нико 2014), индивидуализация траекторий транзиции во взрослость, их зависимость от конкретных выборов индивида на жизненном пути (М. Шанахан 2000, И. Шхун, К. Силберейзен 2009; А. Фурлон 2011) [1]. Помимо прочего, факторы и индикаторы транзиции во взрослость приобретают более субъективные и внутриличностные аспекты, такие как обретение агентности и готовности к ней, умение нести ответственность, обретение независимости, автономности, эмоциональной стабильности и т.д., а сама категория «взрослости» все больше описывается чертами социально сконструированного, а не биологического, феномена (Дж. Арнетт 1997) [1].

Ожидается, что данный подход через выявление атрибутов «взрослого» и факторов, влияющих на самоощущение, позволит не только лучше понять динамику идентичности в современном обществе, но и определить формы потенциального влияния индивидуальных траекторий транзиции во взрослость на успешную адаптацию к новому социальному статусу «взрослого», а также сделает возможным разработку научно обоснованных рекомендаций по формированию молодежных программ и инициатив, направленных на облегчение адаптации к статусу взрослого и преодоление дисфункциональных паттернов транзиции во взрослость с целью повышения ее эффективности и создания условий для полноформатной реализации потенциала данной важной социально-демографической группы населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анализ дискурсивных режимов перехода во взрослость в нормативных документах молодежной политики России / Н.А. Нартова, А.А. Саблина, Е.Н. Кузинер, Д.С. Петрунина // Журнал исследований социальной политики. – 2022. – Т. 20, № 1. – С. 7-22.

2. Кравцова, А.Н. Быть взрослым и/или уметь им быть: модели взросления ранних миллениалов / А.Н. Кравцова, Е.Н. Кузинер // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2(168). – С. 120-139.

3. БЕЛАРУСЬ: структура семьи, семейные отношения, репродуктивное поведение: Том II. Анализ результатов исследования «Поколения и гендер» / ред.: О. Терещенко, Т. Кучера; Проект «Поддержка реализации Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь». – Минск : Белсэнс, 2018. – 189 с.

УДК 303:328.185(045)

ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕГРАЦИИ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОДХОДОВ ПРИ АНАЛИЗЕ ФАКТОРОВ СКЛОННОСТИ К КОРРУПЦИИ

Макарова М. Н.
профессор кафедры социологии,
Удмуртский государственный университет
доктор социологических наук, доцент
г. Ижевск, Россия

Коррупционные практики встроены в социокультурный контекст, который формирует и определяет поведение индивидов в социуме. Аксиологический и социокультурный подходы являются важными направлениями современных социальных наук, и имеют свою специфику и сферу применения.

Аксиологический подход изучает ценности – устойчивые представления о значимости тех или иных явлений, объектов или качеств жизни. Этот подход позволяет исследовать, каким образом ценности влияют на социальные процессы, нормы и институты [1]. Социокультурный подход рассматривает общество как продукт культуры и взаимодействий между людьми, фокусируясь на культурных аспектах социальной жизни. Исследования в рамках этого подхода делают акцент на значимости культурного контекста: на нормах, традициях, обычаях и символах, формирующих социальную реальность [2, с. 312].

Целью настоящей статьи является выявление особенностей использования аксиологического и социокультурного подходов при анализе факторов опыта и восприятия коррупции.

В аксиологии центральное место занимает изучение иерархии ценностей индивида или группы, выявление значимых жизненных ориентиров и смыслов. Так, методология Шварца постулирует круговую структуру ценностей, основанную главным образом на оппозиции или совместимости определенных наборов ценностей. Согласно результатам исследования Рота, личный аксиологический профиль существенно влияет на принятие решений относительно участия в коррупционной деятельности [3]. Те, чьи личные ценности были направлены на честность, справедливость и уважение законов, значительно реже проявляли готовность принять участие в коррупции. Напротив, участники с ценностями, поощряющими власть, богатство и личное благополучие, чаще принимали взятки и поддерживали коррупционные схемы.

Применение этой методологии в рамках социокультурного анализа имеет свои особенности. Как отмечают исследователи, сравнивающие психологические факторы, связанные с коррупцией, в разных культурах, приемлемость коррупции взаимосвязана с базовыми человеческими ценностями в различных культурных условиях. Результаты исследования А. Татарко и А. Мироновой подчеркивают, что отношения между высшими ценностными категориями, измеренными в рамках модели ценностей Шварца, и приемлемостью коррупции схожи в России и Греции, предполагая, что восприятие коррупции связано с личными ценностями индивидов. Значения власти и доминантности, связанные с развитием личности и самооценкой, сильнее ассоциируются с принятием коррупции, тогда как ценности консерватизма и самотрансценденции, ориентированные на поддержание сплочённости и единства общества, больше связаны с неприятием коррупции. Таким образом, принятие коррупции связано скорее с акцентом на личную свободу действий независимо от правил и ограничений, в то время как неприятие коррупции больше ассоциируется с фокусировкой на позитивных межгрупповых отношениях и уважении к другим людям [4].

Бай, Лю и Коу [5] провели исследование, показавшее, что вера в справедливый мир способствует сокращению намерений совершать коррупционные действия. Агбо и Ивунд [6] отметили, что экстравертность напрямую связана с предрасположенностью к участию в коррупционных мероприятиях. Люди с высоким уровнем экстраверсии чаще принимают участие в коррупционных действиях, поскольку стремятся к личным выгодам и легче идут на риски ради материального вознаграждения. Результаты исследования также свидетельствуют, что внешняя мотивация, обусловленная внешним вознаграждением или давлением, повышает вероятность совершения коррупционных поступков. Напротив, внутренняя мотивация, основанная на собственных ценностях и внутреннем удовлетворении, способствует снижению вероятности коррумпированного поведения.

Некоторые аксиологические исследования показали, что высокий уровень самооценки способствует снижению тенденции к совершению коррупционных действий [7]. Люди, готовые идти на риск, рассматривают коррупцию как один из способов быстрого обогащения или сохранения текущего положения, несмотря на возможные негативные последствия. Также уровень самоконтроля и локус-контроля взаимосвязан с коррупционными деяниями по результатам ряда исследований. Это стремление часто используется людьми с низкой самооценкой для компенсации чувства неполноценности. Исследование демонстрирует, что материализм играет роль посредника между самооценкой и коррупционными намерениями. То есть низкое чувство собственного достоинства стимулирует желание компенсировать его материальными достижениями, что увеличивает вероятность участия в коррупционных действиях.

Тревино и Янгблада показали, что люди с большей степенью самоконтроля и лучшим когнитивным развитием нравственности с большей вероятностью принимают этичные деловые решения [8]. Локус контроля измеряет восприятие отдельным человеком степени своего влияния на события своей жизни. Эксперимент Рекерс и Самуэльсон подтвердил, что люди с сильным локусом контроля и высоким чувством ответственности менее склонны подчиняться требованиям руководства, связанным с нарушением этики [9]. Их исследования показали, что люди с большим чувством контроля над происходящим с большей вероятностью поступают правильно. Когнитивное моральное развитие отражает степень зависимости моральных решений человека от внешних воздействий, причем меньшая зависимость означает большую готовность противостоять давлению властей и пресекать неправильное поведение.

В рамках социокультурного анализа существует обширная научная литература о влиянии культурных убеждений и ценностей на склонность к участию в коррупционных

действиях. Ротонди и Станка [10] обнаружили, что партикуляризм (убеждение, согласно которому моральная ценность поступков зависит от контекста) снижает психологические издержки совершения коррумпированного акта и, следовательно, увеличивает вероятность дачи и принятия взятки. Постматериалистические ценности неоднозначно взаимосвязаны с коррупционными ориентациями и установками. Постматериалисты изначально проявляют большее принятие коррупции на личном уровне [11]. В исследовании Ту с коллегами рассмотрено влияние культурных измерений Хофстеде на отношение к коррупции среди государственных служащих [12]. Коллективизм и маскулинность положительно связаны с терпимостью к коррупции.

Таким образом, анализ показал, что аксиологический подход в сочетании с социокультурными исследованиями формирует основы для комплексного анализа взаимосвязи личностно-психологических и социально-культурных детерминант с коррупционным поведением и коррупционными ориентациями. С одной стороны, важно изучить, как индивидуальные ценностные ориентации, смысложизненные установки могут иметь взаимосвязь с коррупционным поведением. С другой стороны, для выявления этих взаимосвязей необходим учет социокультурного контекста на разных уровнях социальной жизни: национальном, региональном, религиозном, организационном и др.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой регуляции / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2019. – 584 с.

2. Резник, Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований / Ю.М. Резник // Вопросы социальной теории. – 2008. – Том II. Вып. 1(2). –С. 305–328.

3. Roth, E. Structure of personal values and corruption: An experimental analysis of decisions leading to accepting or rejecting bribery / E. Roth, G. Sahonero, A. Rodriguez // Ajayu. – Vol. 21. – Nº 1. – P. 15–36.

4. Tatarko, A.N. The Relationship Between Human Values and Acceptability of Corruption in Russia and Greece. Psychology in Russia. State of the Art / A.N. Tatarko, A.A. Mironova, A. Gari, F.J. van de Vijver. – 2020. – № 13 (3). – P. 79–95

5. Bai, B. Belief in a just world lowers bribery intention. Asian Journal of Social Psychology / B. Bai, X. Liu, Y. Kou. – 2016. – № 19(1). – P. 66–75.

6. Agbo, A. Corruption as a propensity: Personality and motivational determinants among Nigerians / A. Agbo, E. Iwundu // The Journal of Psychology: Interdisciplinary and Applied. – 2016. – № 150(4). – P.502–526.

7. Liang, Y. The effect of self-esteem on corrupt intention: The mediating role of materialism / Y. Liang, L. Liu [et al.] // Frontiers in Psychology. – 2016. – № 7. P. 1–11.

8. Trevino, L.K. Bad Apples in Bad Barrels: A Causal Analysis of Ethical Decision-Making Behavior / L.K. Trevino, S.A. Youngblood // Journal of Applied Psychology. – 1990. – №75(4). – P. 378–386.

9. Reckers, P. Toward Resolving the Debate Surrounding Slippery Slope Versus Licensing Behavior: The Importance of Individual Differences in Accounting Ethical Decision Making / P. Reckers, M. Samuelson // Advances in Accounting, Incorporating Advances in International Accounting. – 2016. – №34. – P. 1-16.

10. Rotondi, V. The effect of particularism on corruption: theory and empirical evidence / V. Rotondi, L. Stanca // Journal of Economic Psychology. – 2015. – № 51. – P. 219-235.

11. Kravtsova, M. Values and Corruption: Do Post-Materialists Justify Bribery? / M. Kravtsova, A. Oshchepkov, C. Welzel // Journal of Cross-Cultural Psychology. – 2016. – № 48(2). – P. 225-242.

12. Tu, W. Influence of individual values on attitudes toward corruption: What undermine formal anticorruption effectiveness. Asian Journal of Social Psychology / W. Tu, J. Yang, Y. Zheng. – 2020. – № 23(3). – P. 264–277.

УДК 316.42

ДЕФИЦИТ КАДРОВ КАК УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Малмыгин А. С.
заведующий кафедрой охраны труда и социального партнерства
института повышения квалификации и переподготовки,
УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»
кандидат социологических наук
г. Минск, Беларусь

В условиях трансформации социально-экономических отношений одним из важнейших управленческих вызовов для руководителей предприятий является привлечение квалифицированных работников и, тем самым, предотвращение проблемы дефицита кадров в организации.

В поле практической деятельности руководителей предприятий кроме задач, связанных с управлением персоналом: планированием, делегированием, организацией, мотивацией и контролем, все большее значение приобретает деятельность по привлечению персонала и формированию в организации системы удержания квалифицированных специалистов.

В вышеуказанном поле деятельности для руководителей для предприятий всех форм собственности и сферы деятельности приоритетным является формирование реальных мотивационных факторов, обусловливающих принятие ключевыми работниками решения продолжать трудовую деятельность на предприятии продолжительное время.

В рамках реализации руководителями вышеуказанной работы по мотивации персонала следует выделить управленческую деятельность, направленную на:

повышение степени удовлетворенности работников различными условиями труда, в том числе – заработной платой, социальным пакетом, производственной средой на рабочем месте, возможностями профессионального и карьерного роста, системой охраны труда и др.;

на нивелирование демотивирующих факторов, способствующих оттоку кадров: неблагоприятные условия труда на рабочем месте и вредные производственные факторы, неблагоприятный психологический климат и др. [2].

Так, например, согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь отмечается позитивная тенденция снижения численности работников, занятых в условиях воздействия вредных и (или) опасных факторов производственной среды: 2023 г. – 703 474 тыс. человек, тогда как в 2022 г. – 739 267, в 2021 г. – 748 204, в 2020 г. – 761 507, в 2015 г. – 935 246 [1].

Вместе с тем, следует обратить внимание, что эффективное решение проблемы оттока кадров и удержания квалифицированных работников не представляется возможным путем реализации какой-либо отдельной меры, например, исключительно финансовыми инструментами – повышением уровня заработной платы, начисления премий. Решение данной *управленческой проблемы* должно быть комплексным и опираться как на методы управления: экономические, социально-экономические социально-психологические, так и на современные инструменты и технологии планирования, делегирования, мотивации, организации и контроля, реализуемые в отношении персонала, так и управления организацией. Иными словами, в условиях

трансформации социально-экономических отношений и связанных с ней макросоциальных явлений и процессов (цифровизация, роботизация, возрастание роли искусственного интеллекта (чат-боты, AI-помощники), вовлечение на рынок труда поколением «зумеров» и др.), все большее значение будет приобретать как точное определение комплекса мер, способствующих мотивации работников продолжать осуществлять трудовую деятельность в организации продолжительное время, так и их эффективная реализации, что предполагает высокие требования к управленческой квалификации руководителей всех уровней управления предприятия (организации) (в том числе ее постоянное повышение).

При этом такой комплекс мер, должен реализовываться дифференцированно в отношении различных социально-демографических категорий работников, что требует проведения социологических исследований трудовых коллективов.

Таким образом, только целенаправленная управленческая деятельность руководства предприятий (организаций), направленная на формирование мотивационных условий и факторов труда, может способствовать принятию работников решения продолжать трудовую деятельность на текущем месте работы продолжительное время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024 г. URL: https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/66e/7l0tc5n78wkj4ulk6er8jxshk1m1k740.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

2. Херцберг, Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Блох. Снидерман. – Москва : Вершина, 2007. – 240 с.

УДК 159.9

СВЯЗЬ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ И КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ У СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ

Мальцева О. Е.
старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь

Современное динамичное общество требует от молодежи способности быстро адаптироваться и быть конкурентоспособными. В этом контексте успешное вхождение в университетскую среду критически важно для формирования специалиста. Однако этот период сложен и противоречив, а его срыв грозит нарушениями психического здоровья, искажением личностного роста и снижением психологического благополучия студентов. [1, с. 26].

Глубинными когнитивными схемами восприятия мира и себя, формирующими индивидуальную «картину мира» и определяющими выбор стратегий в условиях образовательного стресса, выступают базисные убеждения личности. Рассматриваемые как устойчивые образования (М. А. Падун, Н.В. Тарабрина), они составляют ядро направленности личности (С. Л. Рубинштейн) и выполняют регуляторную функцию, определяя восприятие реальности, самоотношение, интерпретацию событий и поведенческие выборы (Д. В. Меркурьев). Своё поведенческое выражение базисные убеждения находят в копинг-стратегиях,

направленных на снижение интенсивности негативных состояний. В научном дискурсе категории «копинг-стратегии», «механизмы психологической защиты» и «копинг-поведение» объединяет общая сущность – активное преодоление дезадаптации через различные формы взаимодействия субъекта с внутренними и внешними трудностями (Н.Е. Водопьянова, И.Л. Фельдман) [2, 3, 4].

Двойственная природа базисных убеждений, сочетающая стабильность в обыденной жизни и пластичность в кризисные периоды, особенно ярко проявляется во время нормативных возрастных кризисов, таких как поступление в вуз. Данный переход, открывая возможности для личностного роста и формирования зрелого мировоззрения, одновременно сопряжен с рисками дезадаптации, что актуализирует необходимость психологического сопровождения студентов-первокурсников. В данном контексте наше исследование ставит задачу выявить взаимосвязь между содержанием базисных убеждений и выбираемыми копинг-стратегиями, что позволит определить ключевые психологические ресурсы, обеспечивающие успешную адаптацию студентов к требованиям высшей школы.

В исследовании приняли участие 64 студента-первокурсника (29 девушек и 35 юношей). В качестве диагностического инструмента эмпирического исследования были использованы: шкала базисных убеждений (Р. Янов-Бульман в адаптации М.А. Падуна, А.В. Котельниковой) и опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус в адаптации Т.Л. Крюковой, Е.В. Куфтяк). Анализ эмпирических данных осуществлялся с учетом фактора пола респондентов.

Исследование базисных убеждений студентов-первокурсников (рисунок 1) показало, что независимо от половой принадлежности, наиболее выраженными у первокурсников являются убеждения о справедливости окружающего мира, а также о собственной ценности и значимости для других людей. Вместе с тем выявлена и специфика выраженности базисных убеждений, определяемая половой принадлежностью. Юноши демонстрируют более низкую веру в доброжелательность мира, что отражает их настороженность в социальных взаимодействиях и склонность к психологической дистанции. Девушки, в свою очередь, показали менее выраженное убеждение в контроле над событиями, что свидетельствует о их пессимистической оценке собственной способности влиять на обстоятельства и склонности к пассивным стратегиям совладания.

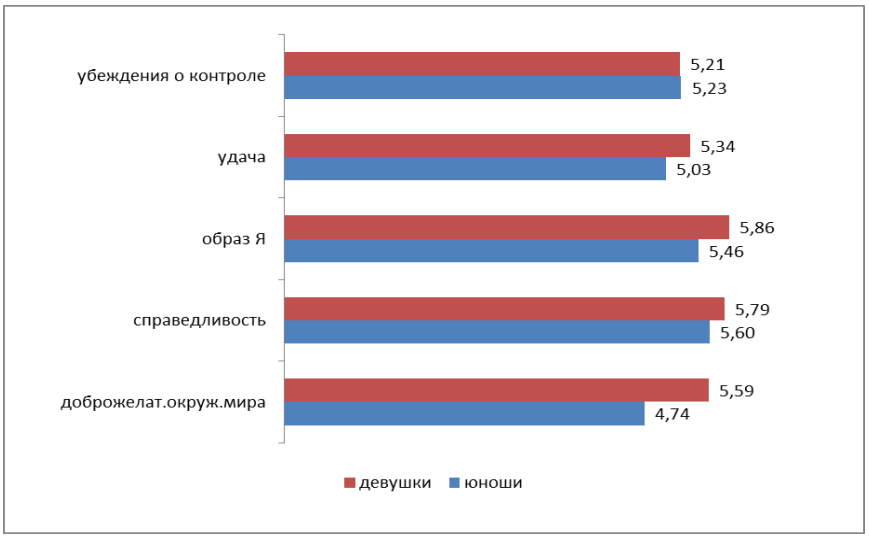

Рисунок 1. Базисные убеждения студентов-первокурсников

Сравнительный анализ выраженности копинг-стратегий у юношей и девушек (рисунок 2) также показал некоторую специфику.

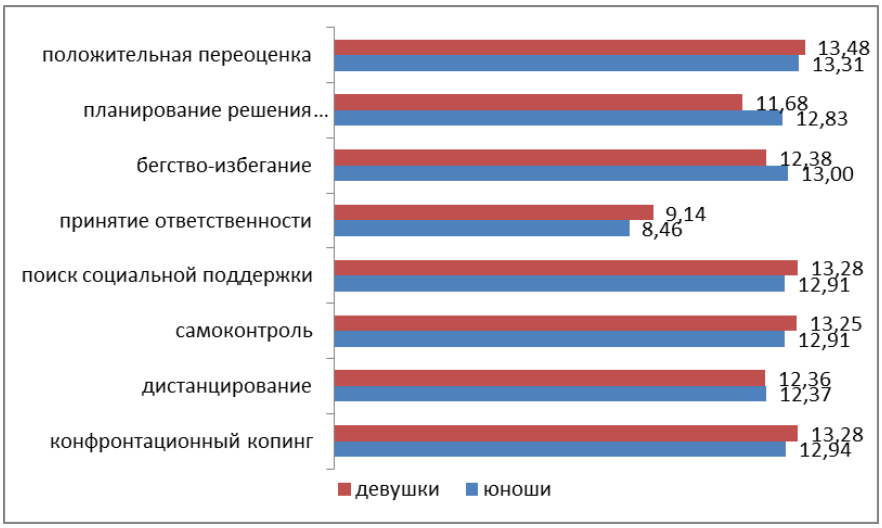

Рисунок 2. Копинг-стратегии студентов-первокурсников

Установлено, что юноши чаще прибегают к использованию стратегий «планирования решения проблемы» и «бегство-избегание», тогда как девушки чаще ориентируются на «положительную переоценку», «поиск социальной поддержки», «самоконтроль» и «конфрантационный копинг». Выявленные различия подтверждают представления о том, что копинг-поведение опосредовано не только личностными особенностями, но и социальными ожиданиями, связанными с гендерными ролями. Юноши демонстрируют более инструментальный и иногда избегающий профиль, в то время как девушки – более комплексный, социально-ориентированный и эмоционально-регуляторный. Сниженная ориентация у респондентов на стратегию «принятие ответственности» является наиболее тревожным и, вместе с тем, показательным результатом, свидетельствующим, что в условиях неопределенности современного мира, где долгосрочное планирование затруднено, эта стратегия может восприниматься как избыточно ригидная и психологически затратная.

На заключительном этапе исследования был проведен корреляционный анализ для выявления характера взаимосвязей между базисными убеждениями и копинг-стратегиями у студентов-первокурсников. Результаты показали выраженную опосредованность выявленных взаимосвязей полом респондентов. Так, у девушек обнаружена положительная связь между убеждением «Позитивность образа Я» и стратегией «Самоконтроль» ($r = 0{,}606$; $p = 0{,}000$). Это свидетельствует о том, что положительное самоотношение и восприятие себя как самостоятельной личности, способствует у девушек осознанной регуляции эмоций и поведения в стрессовых ситуациях.

У юношей выявлены иные связи: так, положительная связь между убеждением «Справедливость мира» и стратегией «Планирование решения проблемы» ($r = 0{,}396$; $p = 0{,}019$) указывает на то, что вера в упорядоченность и закономерность мира стимулирует юношей к рациональному анализу проблем и выработке последовательных планов действий. Положительная корреляция между «Контролем над событиями» и стратегией «Дистанцирование» ($r = 0{,}424$; $p = 0{,}011$) позволяет предположить, что юноши, уверенные в своей способности управлять жизнью, могут сознательно использовать дистанцирование как тактику временного отстранения для анализа ситуации. Отрицательная корреляция между «Доброжелательностью мира» и

«Конфронтационным копингом» ($r = – 0,405$; $p = 0,016$) отражает важную особенность: юноши, воспринимающие окружающий мир как безопасный и доброжелательный, менее склонны к использованию агрессивных и конфликтных стратегий совладания.

Таким образом, полученные в исследовании результаты подтверждают, что базисные убеждения выступают когнитивной основой выбора конкретных копинг-стратегий, а их влияние существенно варьируется в зависимости от пола. У девушек структура взаимосвязей отражает ориентацию на внутренний ресурс и самоконтроль, тогда же у юношей совладание в большей степени определяется убеждениями о характере внешнего мира (справедливость, доброжелательность) и вере в собственный контроль. Данные результаты имеют практическую ценность для разработки гендерно-ориентированных программ психологического сопровождения студентов, направленных на коррекцию дезадаптивных убеждений и расширение репертуара совладающего поведения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ворона, О.А. Ресурс психологического благополучия как фактор устойчивости/уязвимости психики к возникновению психопатологических симптомов у населения различных возрастных групп / О.А. Ворона, С.Ю. Мохова // Академия Естествознания. – 2013. – № 4. – С. 25–39.

2. Падун, М.А. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман / М.А. Падун, А.В. Котельникова // Психологический журнал. – 2008. Т. 29. – № 4. – С. 98–106.

3. Меркурьев, Д. В. Феномен базисных убеждений личности: обзор исследований / Д.В. Меркурьев // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2022. – № (17). – С. 71–78.

4. Крюкова, Т.Л. Психология совпадающего поведения: современное состояние, проблемы, и перспективы / Т.Л. Крюкова // Вестн. Костромского гос. ун-та. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2008. Т. 14. – № 4. – С. 147–153.

УДК 321.01

ОСНОВЫ НАРОДОВЛАСТИЯ В ТРУДАХ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

Маркевич А. И.
старший научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат политических наук
г. Минск, Беларусь

Понимание современности невозможно без уяснения и понимания процессов исторического развития, не менее важно это для выявления тенденций и понимания будущего. Сегодняшний день характеризуется не только глобальными изменениями и потрясениями, но и отчетливо свидетельствует об остром информационном и политическом противоборстве в ходе практической реализации постулатов демократии в различных государствах.

Происходящая масштабная трансформация политической системы Республики Беларусь, начавшаяся с внесения изменений в Основной закон государства и послужившая основанием для глубинного изменения различных политических институтов и совершенствования значимых основополагающих процессов

политического и административного управления, способствовала необходимости уяснения и наполнения новым содержанием феномена народовластия, как необходимой составляющей дальнейшего развития белорусского государства. Опора на народную поддержку, его запросы и чаяния на протяжении всего периода становления и укрепления Республики Беларусь является краеугольным камнем уникальности нашей общественно-политической модели, она дает точку опоры ключевым институтам и является основой для устойчивого развития политических процессов и институтов Беларуси. Это способствовало необходимости продолжения дальнейшего развития национальной политической системы и определения на ближайшее пятилетие основной задачи по «укреплению белорусской государственности» [1]. Понимание современного периода и выработка практикоориентированных шагов невозможна без уяснения исторических аспектов народовластия, важной составляющей которых являются взгляды древнегреческих мыслителей.

Работы Платона, Сократа, Геродота, Аристотеля, Солона и др. внесли неоценимый вклад в сокровищницу мировой мысли и до нашего времени остаются вершинами политологического знания. Платон (427-347 гг.. н.э.) как автор идеи идеального государства, где государственное правление осуществляется философами, воины обеспечивают военную безопасность, ремесленники, купцы и земледельцы производят материальные блага, обеспечивая ими себя и других, а в качестве главной добродетели определяется мудрость [2], всемирно известен своими сочинениями «Государство», «Политика», «Законы», «Апология Сократа» и целым рядом других. Платон давал характеристику типов государства, при этом называл правильными типами монархию и аристократию, а демократию, тимократию, олигархию, тиранию считал искаженными. Кроме того, ни одно из типов государства он не считал справедливым. Предложение Платона об идеальном государстве основывается на тезисе, что правители должны думать о благе общества, а не о своем личном благе, а справедливость является не чертой отдельного человека или группы людей, а чертой государственного устройства, в целом. Платон подчеркивал, что справедливость является не добродетелью конкретного человека, а она заложена в обществе, в целом, соответственно формула справедливости довольно проста – это когда каждый член общества находится на своем месте и каждый занят своим делом [2].

Не менее интересны взгляды на демократию учителя Платона – Сократа, даже несмотря на то, что эти взгляды нам известны также из трудов Платона. Платон писал в «Диалогах», что Сократ весьма скептично относился к демократии как типу правления. В другом труде «Государство» Платон приводит вывод Сократа, что не каждый человек способен принимать участие в голосовании, и в выборах должны принимать участие только те граждане, которые способны мыслить глубоко и рационально. Кроме того, общеизвестен факт, что Сократ стал жертвой описанных им недостатков демократии. В 399 году до н.э. его обвинили в развращении нравов молодёжи, по результатам народного голосования, в котором участвовало 500 жителей Афин, он был приговорен к смертной казни с перевесом в минимум голосов [2].

Весьма интересны взгляды на демократию Геродо́та Галикарна́сского (ок. 484 до н.э. – около 425 до н.э.), который в трактате «История» на примере греко-персидских войн также давал оценку демократии подчёркивая, что победы греческого оружия в целом ряде сражений с персами основывались на высоком патриотизме, мужестве, доблести, любви к отечеству греческих воинов и, как следствие реальной демонстрации, имеющей преимущества над деспотией, и федеративной формы правления на основе демократических правил перед имперской. Одновременно с этим многие исследователи считают, что Геродот не был ревностным сторонником демократии [3, с. 61-62].

Заслуживают внимания взгляды Аристотеля (348–322 гг. до н. э.) как ученика и критика Платона на демократию, которые были изложены в его труде «Политика» и «Афинская полития», где он также разделяет формы правления на правильные и неправильные, при этом монархию, аристократию и политию он относит к правильным. Под политией Аристотель понимает «форму правления, сочетающую в себе самое лучшее от олигархии и демократии» [4], одновременно с этим у нее не существует худшие их черты, при этом она не существует на практике. Соответственно тирания, олигархия и демократия по Аристотелю являются неправильными формами.

Обосновывая свою точку зрения, Аристотель указывает на риски демократии (неограниченность свободы, возможность любого члена общества осуществить эгоистичный и аморальный выбор, что приводит к игнорированию выполнения моральных и общественных обязанностей). Классическая демократия, по мнению Аристотеля, приводит к ситуации, когда все граждане реализуют свое право в управлении государством, а реальная власть сосредотачивается у демагогов как вождей низов общества (охлосе). При этом умеренная демократия в виде политии позволяет включать в политическую жизнь все слои общества, минимизируя риски классической демократии [4].

Характеризуя древнегреческую демократию, нельзя пройти мимо фигуры Солона (ок. 640-559 до н.э.) как политика, реформатора, мудреца, поэта и одного из «семи мудрецов» Древней Греции [5]. Давая оценку деятельности Солона с точки зрения сегодняшнего дня, можно утверждать, что его попытки добиться согласия и единства общества неординарными и реформаторскими шагами, а также деятельность полиса как гражданской общины (аналог гражданского общества) с имущественными различиями, но равными или почти равными правами и свободой участия в политической жизни, являются яркой характеристикой афинской демократии. Часть исследователей считает, что Солон был основоположником афинской демократии (Совет четырехсот и др.), часть придерживается иной точки зрения и утверждает, что Солон сохранил органы власти аристократии с некоторыми институтами и шагами в сторону демократии.

Отдельные идеи Солона актуальны и для сегодняшнего дня, включая его высказывание, что слабые запутываются в паутине законов, а сильные рвут эту паутину. Кроме того, законы Солона формируют запрос на гражданский выбор человека, а совокупный выбор всех граждан общества создаёт систему общезначимой необходимости.

Таким образом, мыслители Древней Греции и Рима в своих трудах закрепили понимание демократии с учётом общественно-политических процессов, происходивших в то время. Кроме того, ими дана характеристика различных типов (форм) правления, в том числе, основанными на демократическом участии граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гигин, В.Ф. Большие полномочия подразумевают и большую ответственность / В.Ф. Гигин. // SB.BY. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/pravitelstvo-pyatiletki-kachestva.html. – Дата публ.: 06.03.2025.

2. Почему Сократ презирал демократию? / Сократ о демократии. – URL: https://proza.ru/2019/03/02/2110 (дата обращения: 12.08.2025).

3. Лурье, С.Я. Геродот / С.Я. Лурье. – М.: Изд-во АН СССР, 1947. – 211 с.

4. Аристотель. Политика. // Аристотель. Политика. Афинская полития. – М.: Мысль, 1997. – С. 33–268.

5. Зубкова, В.В. Генезис института демократии в Афинах и реформы Солона / В.В. Зубкова // Молодой ученый. – 2019. – № 15. – С. 140–142.

УДК 316.74

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ КУЛЬТУРЫ К НОВЫМ ЗАПРОСАМ ПОСЕТИТЕЛЕЙ (КЕЙС ПОДМОСКОВНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА)

Маркин М. Е.
старший преподаватель кафедры экономической социологии,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Ивакина А. Ю.
студентка магистратуры,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Смаль А. Р.
студент магистратуры,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

Голева С. А.
студентка бакалавриата,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

В большинстве стран мира музеи-заповедники или аналогичные организации культуры обладают рядом характеристик, отличающих их от других природных и выставочных пространств. Соответствующий особый статус требует соблюдения определенных регламентов [1], что, в свою очередь, уменьшает гибкость, способность адаптироваться к изменяющимся запросам посетителей. При прочих равных условиях музеи-заповедники выгодно отличаются от иных организаций культуры наличием в одном и том же месте интересных выставочных пространств и привлекательных природных объектов. Это хорошо отвечает запросу на туристическое созерцание [2]. Однако повышенный интерес посетителей к природной составляющей может сочетаться с дефицитом внимания к историко-культурному контексту, что нивелирует отличительную особенность музея-заповедника, трансформируя его в обычный парк. Такой вызов современного общества требует от рассматриваемых организаций культуры ответа.

В настоящее время услуги по проведению досуга ориентируются, прежде всего, на массового потребителя. В условиях многочисленных мобильностей, не только пространственных, но и виртуальных, человек может находить впечатления и за пределами туристических практик [3]. Иными словами, выход из рутины и прикосновение к иной повседневности происходят непосредственно в местах проживания людей или рядом с ними. Музейно-выставочные пространства, так же, как и путешествия, позволяют туристам потреблять знаки и символы, характерные для других культур [4]. Потребители становятся «всеядными», они стремятся сочетать различные виды досуга. Их одновременно привлекает и высокая, и массовая культура [5]. Как следствие, посетители музеев-заповедников могут ограничиваться интересом к отдыху на природе, игнорируя архитектурные и исторические

особенности посещаемых мест. Соответствующие организации культуры стремятся найти решение этой проблемы.

В сентябре 2024 г. нами проведено изучение актуальных запросов посетителей одного из подмосковных музеев-заповедников. В течение недели опрошено более 750 гостей, в результате выявлены их практики проведения досуга в рассматриваемой организации культуры. Несмотря на кажущуюся «всеядность» современных потребителей, посетители изученного музея-заповедника представляют собой две значительно различающиеся аудитории. Жители соседних населенных пунктов рассматривают его преимущественно как место для отдыха на природе. Они ценят близкое расположение музея-заповедника к их домам, привлекательный природный ландшафт, тишину и спокойствие. Для проведения культурного досуга современный мобильный человек готов поехать далеко за пределы места своего проживания, а потому речь идет о достаточно конкурентной среде в досуговой сфере. Напротив, те гости, которые приехали в музей-заповедник издалека, со значительно большей вероятностью посетят экспозиционные пространства и экскурсионные программы. Они целенаправленно прибыли в эту организацию культуры и, чаще всего, не станут ограничиваться созерцанием природы.

Таким образом, в условиях многочисленных мобильностей современного общества организации культуры находятся в жесткой конкурентной среде, включающей в себя все разнообразие досуговых практик. В результате, музей-заповедник может рассматриваться одними посетителями как обычный парк, и возможности привлечения их внимания к экспозиционным пространствам и экскурсионным программам достаточно сильно ограничены. В то же время, в отличие от локального местного сообщества, гости из других, относительно дальних населенных пунктов обычно предъявляют спрос именно на архитектурную, историческую и культурную составляющую. Соответствующая кастомизация услуг, адаптация музейно-выставочных пространств к актуальным потребностям посетителей может стать ответом организаций культуры на вызовы современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Антипова, И.В. Проблема создания музеев на особо охраняемых природных территориях / И.В. Антипова // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. – 2015. – № 24. – С. 50-52.

2. Урри, Дж. Туристическое созерцание и окружающая среда / Дж. Урри // Вопросы социологии. – 1996. – № 7. – С. 70-99.

3. Урри, Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.

4. Lash, S. Economies of Signs and Space / S. Larry, J. Urry. – L.: SAGE, 1994. – 368 p.

5. Peterson, R. Changing Highbrow Taste: From Snob to Omnivore / R. Peterson, R. Kern // American Sociological Review. – 1996. – Vol. 61. – №. 5. – P. 900-907.

УДК 316.42 (476)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНОК НАСЕЛЕНИЯ И ЭКСПЕРТОВ ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

Мартищенкова Е. В.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В рамках выполнения НИР «Социальная политика в Республике Беларусь как фактор обеспечения гуманитарной безопасности в современных условиях» авторским коллективом отдела социальной теории и методологии Института разработана методика социологического измерения уровня эффективности реализуемой государством современной социальной политики на основе оценок населением состояния и качества работы центральных и местных органов государственной власти и управления в различных сферах жизнедеятельности. С использованием данной методики в 2023 году проведены социологические опросы взрослого населения Беларуси (*N=1849,* доверительный интервал ±2,28 %) и экспертов из числа председателей и/или заместителей председателей исполнительных комитетов областного и районного уровней (*N=190*), которые позволили выявить оценки опрошенных эффективности реализуемой в стране социальной политики.

Для облегчения восприятия и визуализации полученных данных были рассчитаны, с использованием принципа весовых коэффициентов в нормировании шкалы [2, с. 171], комплексные показатели эффективности реализации социальной политики по оценкам населения – среднее арифметическое значений частных индексов проявленности положительного вектора оценок населения ($ППВ_{ОН}$) по каждому вопросу-индикатору (см. рисунок). При расчете частных индексов также использовался принцип весовых коэффициентов в нормировании шкалы. Респондентам предлагалось оценить эффективность реализации в Беларуси социальной политики в определенной сфере по пятибалльной шкале: эффективно, скорее эффективно, скорее не эффективно, совершенно не эффективно и затрудняюсь ответить. С учетом необходимости измерения интенсивности оценок и суждений опрошенных по всем сферам, проведено преобразование процентных показателей в интервальную шкалу путем присвоения баллов ее делениям – при пятибалльной шкале – 1, 2, 3, 4, 5. В итоге формула (1) для расчета индекса проявленности положительного вектора общественного мнения по определенной сфере имела следующий вид:

$$ППВ_{ОН} = \frac{X_{п}\times 5 + X_{с.п}\times 4 + X_{н}\times 3 + X_{с.о.}\times 2 + X_{о}\times 1}{X_{п} + X_{с.п.} + X_{н} + X_{с.о.} + X_{о}}, \quad (1)$$

где $ППВ_{ОН}$ – индекс проявленности положительного вектора оценок населения,

$X_{п}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как эффективную,

$X_{с.п.}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как скорее эффективную,

$X_{н}$ – количество неопределившихся респондентов, т.е. выбравших при ответе на вопрос вариант «затрудняюсь ответить»,

$X_{с.о}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как скорее не эффективную,

$X_{о}$ – количество респондентов, оценивших работу государства в определенной сфере социальной политики как не эффективную [3, с. 35].

Оценки населения и экспертов эффективности реализации социальной политики в каждой отдельной сфере в ранжированном виде представлены на рисунке.

Рисунок. Оценки населения и экспертов эффективности проводимой социальной политики в Беларуси (частные индексы, баллы от 1 до 5, где 1 – совершенно не эффективно, 5 – эффективно)

По данным рисунка мы видим, что население выше всего оценило эффективность реализации в Беларуси социальной защиты многодетных семей – 3,64 балла при том, что значение комплексного показателя по республике в целом составляет 3,40. Также достаточно высокие оценки – значения частных индексов, превышающие значение комплексного показателя (хотя и несильно), получили такие сферы как культура и досуг (3,62), образование (3,56), здравоохранение (3,49), социальная защита детей и молодежи (3,47) и социальная защита инвалидов (3,42). Самые низкие оценки населения были отданы жилищно-коммунальному хозяйству (3,13) и обеспечению жильем нуждающихся (3,14) – эти сферы достаточно часто не пользуются у населения особым признанием.

У экспертов оценки эффективности гораздо выше, чем у населения по всем сферам, причем разница в некоторых случаях составляет от 1 до 1,5 балла, но, по нашему мнению, более информативно сравнивать ранжирование сфер по оценкам населения и экспертов, т.к. эксперты, являясь непосредственными участниками реализации социальной политики были гораздо более лояльны при выставлении оценок. Данные, представленные на рисунке, наглядно демонстрируют, что ранжирование сфер по оценкам экспертов их эффективности имеет отличия от ранжирования по оценкам населения. Например, эффективность в сфере пенсионного обеспечения по оценкам экспертов занимает вторую позицию при ранжировании, когда среди населения только 8-ю. Эффективность в сфере здравоохранения, наоборот, у населения четвертое место, а у экспертов 9-е. Схожи мнения экспертов и населения по поводу эффективности социальной политики в обеспечении жильем нуждающихся и работы жилищно-

коммунального хозяйства – в обоих случаях самые низкие оценки и соответственно последние места в ранжировании.

Целесообразным также считаем рассмотреть оценки экспертов в региональном разрезе. Исследование показало, что при наличии общих тенденций относительно эффективности реализации социальной политики в той или иной сфере – наименьшие оценки во всех регионах получили такие сферы как обеспечение жильем нуждающихся и жилищно-коммунальное хозяйство, в каждом регионе есть своя «специфика» в определении ее проблемных точек:

• в Витебской области частные индексы, рассчитанные по оценкам экспертов, практически по всем сферам ниже, чем в среднем по стране. Исключение составляют только индексы эффективности по сфере образования (+0,02 к среднему значению) и пенсионное обеспечение (на уровне среднего значения – 4,76);

• в Брестской области, наоборот, практически по всем сферам значения индексов эффективности выше, чем в среднем по республике, а в сфере образования и пенсионного обеспечения ниже среднего (-0,15 и -0,32 от среднего значения соответственно);

• в Гомельской области ниже, чем в среднем значения индексов эффективности в сферах труда и занятости (4,36 при среднем 4,43), образования (4,50 при среднем 4,65) и -0,01 от среднего по сфере культуры и досуга;

• в Минской области эксперты ниже, чем в среднем по стране оценили эффективность также как и в Витебской области практически по всем сферам (кроме труда и занятости, образования и ЖКХ) – здравоохранения (4,07 при среднем 4,15), обеспечение жильем нуждающихся (4,00 при среднем 4,09), культура и досуг (4,13, среднее – 4,29), пенсионное обеспечение (4,71, среднее – 4,76), социальная защита малоимущих (4,55, среднее – 4,71) и многодетных (4,71, среднее – 4,82), а также детей и молодежи (4,61, среднее – 4,71);

• в Могилевской области значения индексов ниже среднего выявлены по таким сферам как здравоохранение (4,00 при среднем 4,15), ЖКХ (3,76, среднее – 3,87), культура и досуг (4,20, среднее – 4,29);

• в городе Минске, как ни странно, также выявлены сферы, эффективность реализации социальной политики в которых эксперты оценили ниже, чем в целом по стране: труд и занятость (-0,04 от среднего значения индекса), жилищно-коммунальное хозяйство (-0,18 от среднего), обеспечение жильем нуждающихся (-0,17), социальная защита малоимущих (-0,09), инвалидов (-0,01).

Только в Гродненской области по всем сферам оценки экспертов выше, чем в среднем по стране.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что поскольку белорусское государство декларирует соблюдение принципов социального государства как важнейшую основу конституционного строя, то необходимо и дальше повышать эффективность реализуемой социальной политики, причем учитывая мнение населения о приоритетных направлениях ее развития.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кобяк, О.В. Экономическое поведение: принципы и методы социологического моделирования / О.В. Кобяк. – Минск : РИВШ, 2015. – 240 с.

2. Мартищенкова, Е.В. Эффективность реализации социальной политики в оценках населения Беларуси / Е.В. Мартищенкова // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности, перспективы: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 9–10 ноября 2023 г. / ред. кол.: Мысливец Н.Л. (гл. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2023. – С. 34–37.

УДК 316.658+311.219.1:57.045

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РАЗЛИЧНЫМИ КАТЕГОРИЯМИ НАСЕЛЕНИЯ РИСКОВ ОТ ИОНИЗИРУЮЩИХ И НЕИОНИЗИРУЮЩИХ ИЗЛУЧЕНИЙ

Мартищенкова Е. В.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Гуцева Г. З.
ведущий научный сотрудник,
Институт радиобиологии НАН Беларуси
кандидат сельскохозяйственных наук
г. Гомель, Беларусь

В рамках выполнения НИР 11 «Разработка методического обеспечения по социально-психологической реабилитации и адаптации населения, к условиям действия ионизирующего и неионизирующего излучения» задания 3.05 «Развитие информационного и методического обеспечения мониторинга, аудита, сертификации и реабилитации природно-территориальных комплексов» ГПНИ 10 «Природные ресурсы и окружающая среда» подпрограммы 10.3 «Радиация и биологические системы» на 2021–2025 гг., сотрудниками Института социологии НАН Беларуси совместно с Институтом радиобиологии НАН Беларуси на основе результатов социологического опроса, который был проведен в феврале-марте 2022 года среди различных групп населения Гомельской и Витебской областей (N = 1180, $\Delta = \pm 4{,}0$ % при доверительной вероятности 95,0 %) разработана структура методического обеспечения по социально-психологической адаптации населения в условиях воздействия ионизирующих и неионизирующих излучений.

Проведенное исследование показало, что население преимущественно оценивает свою среду (место проживания) как достаточно безопасную относительно разных видов излучений, нередко без наличия для этого достаточных оснований. Хотя, потенциальная опасность радиоактивного и электромагнитного излучений для здоровья человека признается большинством жителей двух сравниваемых областей (условно «загрязненной Гомельской относительно «чистой» Витебской). Данная ситуация свидетельствует о наличии некоторого привыкания, иллюзорного признания безопасности среды, в которой проживает человек, что в свою очередь может приводить к распространению небезопасных моделей поведения, не учитывающие рискогенность экологической ситуации для здоровья и жизни человека.

Также по результатам исследования можно судить о наличии дефицита информации о безопасных моделях поведения в условиях имеющегося излучения, а также информации о рисках несоблюдения необходимых мер, направленных на снижение влияния радиоактивного и электромагнитного излучений. В результате чего некоторая часть населения, даже в условиях нахождения в непосредственной близости к источникам излучений (например, загрязненным радионуклидами территориям), дает неадекватную оценку реальной степени опасности излучений для здоровья человека.

Результаты проведенного социологического исследования подтвердили, что восприятие рисков от ионизирующих и неионизирующих излучений различается в

зависимости от уровня образования респондентов, а также возраста, типа занятости, региона и типа населенного пункта проживания.

Так, респонденты с более низким уровнем образования обладают меньшим объемом знаний по данной тематике и, соответственно, не в полной мере осознают возможные риски, которые создают в повседневной жизни ионизирующие и неионизирующие излучения. В следствие чего и гораздо реже склонны к соблюдению рекомендуемых правил эксплуатации различных электро-, радиоприборов и сетей в быту, являющихся источниками неионизирующего излучения.

Молодежь менее серьезно относится к возникновению возможных негативных последствий в случае несоблюдения рекомендуемых правил эксплуатации различных электро-, радиоприборов и сетей в быту. Особенно халатно молодые люди относятся к необходимости соблюдать определенные правила эксплуатации мобильных устройств, в отличие от респондентов средней и старшей возрастных групп. В свою очередь, среди респондентов старшей возрастной группы чаще встречаются те, кто считает использование использования различных электро-, радио- и мобильных устройств небезопасным в принципе, даже при соблюдении всех требований как по времени использования, так и по расстоянию при эксплуатации.

Восприятие рисков от ионизирующих и неионизирующих излучений более адекватное у респондентов, у которых шире круг общения (работающие в больших коллективах, учащиеся и студенты) и больше возможностей получать информацию по данной тематике. Следовательно, именно эти респонденты более склонны к соблюдению рекомендуемых правил эксплуатации различных электро-, радиоприборов и сетей в быту.

Респонденты, проживающие на загрязненных радионуклидами территориях, гораздо серьезней относятся к необходимости соблюдения рекомендуемых правил эксплуатации различных электро-, радиоприборов и сетей в быту, чем проживающие на условно чистых территориях. Это обусловлено тем, что негативные последствия от ионизирующих излучений они ощущают до сих пор. Городские жители исследуемых регионов в несколько большей степени, чем сельские подвержены технофобии. Опрошенные, проживающие в городах, чаще сельских жителей высказывают согласие с мнением о том, что излучения от электро-, радио- и мобильных устройств, а также от электро-, радио- и мобильных сетей оказывают негативное влияние на здоровье человека. Вместе с тем городские жители более беспечно относятся к необходимости соблюдать определенные правила эксплуатации мобильных устройств, чем сельские.

Таким образом, можно констатировать, что необходимо проведение информационно-просветительской и другой профилактической работы дифференцированно в зависимости от целевой аудитории населения, проживающего на «условно чистых» и загрязненных радионуклидами территориях, а также с учетом социально-демографических (пол, возраст, образование) и территориальных (регион и тип населенного пункта проживания) характеристик представителей целевой аудитории. При подготовке информационно-просветительских материалов по тематике особое внимание следует уделять специфике целевой аудитории для проведения информирования. С одной стороны, правильно построенная информационная работа поможет снять у определенной части населения необоснованные страхи, а, с другой, – позволит сакцентировать их внимание на необходимости соблюдения норм и правил использования электро-, радио- и мобильных устройств.

На рисунке схематически представлены выявленные особенности восприятия различных видов излучений, присущие различным категориям населения (выделенным по возрасту и типу населенного пункта проживания), которые необходимо учитывать при разработке и реализации структуры методического обеспечения по социально-психологической реабилитации и адаптации населения в условиях воздействия ионизирующих и неионизирующих излучений.

Рисунок. Особенности восприятия рисков от излучений различными категориями населения, учет которых необходим при разработке и реализации структуры методического обеспечения по социально-психологической адаптации населения в условиях воздействия ионизирующих и неионизирующих излучений

Таким образом сохранение адекватного отношения различных социально-демографических категорий населения к рискам от воздействия излучений различной природы должно стать основным приоритетом информационно-просветительской работы с населением, как в регионах пострадавших от катастрофы на ЧАЭС, так и на чистых территориях Республики Беларусь. Что, в свою очередь и является основной задачей информационной работы, направленной на повышение образования и радиоэкологической культуры граждан.

УДК 340.1

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РЕКЛАМЕ

Мельник В.-Е. С.
студентка бакалавриата,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь

Реклама – это инструмент формирования общественного сознания, который оказывает прямое воздействие на восприятие ролей, обязательств и ценностей, связанных с половой принадлежностью. Рекламные кампании исполняли основную роль в формировании и закреплении стереотипов о мужчинах и женщинах, порождая мифы, которые глубоко укоренялись в общественном сознании. В настоящее время наблюдается обратная тенденция: стереотипы подвергаются сомнению, а традиционные гендерные роли пересматриваются.

Гендерные стереотипы – это упрощённые, схематизированные, эмоционально чётко окрашенные устойчивые образы мужчин и женщин, распространяемые обычно на всех представителей той или иной гендерной общности, независимо от личных особенностей тех или иных представителей [1].

Реклама зачастую репрезентировала мужчин и женщин с опорой на традиционные ролевые модели и символизировала закреплённые роли: 1) мужчина: добытчик, лидер, авторитет. Образ сильного, автономного, доминирующего мужчины доминировал в большинстве кампаний. Например, рекламные портреты автомобилей, средств для мужского ухода, строительных товаров создавали маскулинные архетипы, подкрепляя идею о необходимости «быть сильным и защитником». 2) женщина: домохозяйка, мать, объект красоты. Образы женщин в рекламе часто сводились к ролям заботливой матери, заботливой супруги, что впоследствии формировало стереотипные ожидания о том, что женщина должна заботиться о семье и выглядеть привлекательно.

В последние десятилетия наблюдается тенденция к появлению более прогрессивных образов женщин, активно участвующих в бизнесе, занимающихся спортом, принимающих важные решения. В июне 2019 года в Великобритании вступил в силу запрет на использование негативных гендерных стереотипов в рекламе. Так в рекламе запрещено использовать образы с типично мужской или женской внешностью, нельзя показывать связь определенных качеств личности, занятия, счастья и успешности с физическими данными возможностей человека из-за пола. В частности, в британской рекламе больше нельзя будет увидеть женщин, которые не могут припарковаться, или мужчин, которые не могут поменять подгузник ребёнку. Запрещена теперь будет и сцена, в которой женщина играет роль женщины-домохозяйки, в то время как мужчина ничего не делает [2].

Рекламные кампании, направленные на расширение прав и возможностей женщин, становятся все более распространенными. Тем не менее, несмотря на очевидный прогресс, гендерные стереотипы продолжают проникать в современную рекламу, хотя и в более завуалированной форме. Например, разные цены на товары, предназначенные для мужчин и женщин, при этом товары для женщин часто дороже, даже если они идентичны. Женщины переплачивают за одежду $2,5 млрд в год, заявил в марте 2025-го вице-президент и директор по торговле и глобальным рынкам Института прогрессивной политики в США Эд Грессер. Причина – так называемый «розовый

налог», более высокая стоимость товаров для женщин по сравнению с аналогичными продуктами для мужчин [3].

В Беларуси проводился соответствующий анализ и также была выявлена необъяснимая разница в ценах на схожие товары для мужчин и женщин. В среднем разрыв оказывался не таким большим, как на Западе. У производителя косметических средств Schwarzkopf шампунь с пометкой «для мужчин» стоит 5 руб. 49 коп., а «для женщин» оценивается в 6 руб. 29 коп. Гель для бритья производителя Gillette с пометкой «для женщин» стоит 14 руб. 36 коп., а «для мужчин» – 9 руб. 77 коп., к тому же еще и объем больше [4]. Данные примеры подчеркивают надобность изучения механизмов ценообразования и роли гендерного маркетинга на потребительское поведение для разработки эффективных мер по борьбе с ценовой дискриминацией и обеспечению гендерного равенства на потребительском рынке.

Преодоление гендерных стереотипов в рекламе является актуальной задачей современного общества, направленной на формирование инклюзивных и равноправных культурных стандартов. Создание инклюзивных маркетинговых кампаний, разрушающих гендерные стереотипы, крайне важно для того, чтобы и мужчины, и женщины чувствовали себя представленными и значимыми. Значимым этапом является активное участие в общественных и профессиональных инициативах, направленных на продвижение равенства и инклюзивности, а также поддержка положительных примеров, которые демонстрируют альтернативные и более справедливые модели поведения.

Например, кампания «Настоящая красота» от Dove. Кампания бросила вызов традиционным стандартам красоты и была направлена на пропаганду позитивного отношения к своему телу и любви к себе. В кампании участвовали женщины всех возрастов, комплекций и национальностей, и её хвалили за инклюзивность и репрезентативность. Кампания «Lego» долгое время ассоциировался в основном с мальчиками, но сейчас активно работает над созданием наборов, ориентированных на девочек, и продвигает рекламу, которая показывает, что Lego – это игрушка для всех, независимо от пола.

Исходя из вышеуказанного, победа над гендерными стереотипами в рекламе возможна при использование позитивных, многообразных образов, направленных на изменение восприятия и расширение представлений о ролях и возможностях мужчин и женщин в современном мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гендерные стереотипы в рекламе // Медиа нетологии. – URL: https://netology.ru/blog/gendernye-stereotipy-v-reklame (дата обращения: 08.09.2025).

2. В Великобритании запретили рекламу, содержащую гендерные стереотипы // Sostav. – URL: https://www.sostav.ru/publication/v-velikobritanii-zapretili-reklamu-soderzhashchuyu-gendernye-stereotipy-37648.html (дата обращения: 07.09.2025).

3. «Розовый налог»: почему женщины вынуждены переплачивать за товары из-за стереотипов // Forbes Woman. – URL: https://www.forbes.ru/forbes-woman/533079-rozovyj-nalog-pocemu-zensiny-vynuzdeny-pereplacivat-za-tovary-iz-za-stereotipov (дата обращения 08.09.2025).

4. «Налог на розовое» – проверяем, где и почему женщины платят больше мужчин // MYFIN. – URL: https://myfin.by/article/money/nalog-na-rozovoe-proveraem-gde-i-pocemu-zensiny-platat-bolse-muzcin (дата обращения: 08.09.2025).

УДК 655.28.022.11

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Михайловский В. С.
заведующий кафедрой государственного управления,
Белорусский государственный университет
доктор политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Тема интеграции наук активно обсуждается в современной исследовательской среде. Интеграция науки стала актуальным предметом специальных исследований как отдельных авторов, так и целых институтов. Интеграция науки рассматривается в диапазоне ее возможных вариаций: мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность. Такая широта исходного понятийно-категориального аппарата не идет на пользу исследованиям в данной области. Обстоятельный анализ литературных источников, посвященных сущности и особенностям интеграции знания, позволил выявить отсутствие единого подхода к этому предмету исследований. Среди множества возможных форм интеграции науки междисциплинарный подход обозначен в большинстве областей современного научного знания. Даже обзорного ознакомления с публикациями, посвященными данному вопросу, достаточно для формирования представления о широте актуализации междисциплинарности. Это биология, история, лингвистика, социология, педагогика, политология, экология, экономика и др. По этой причине междисциплинарность рассматривается нами как исходный концепт в анализе интегративной тенденции современной науки.

Междисциплинарность как феномен затрагивает не только эпистемологическое, но и институциональное измерение науки. Дискурс междисциплинарности актуализируется в современных исследованиях, так как вступает в противоречие с традиционной структурой университетов и научного сообщества. Активный научный дискурс междисциплинарности нашел свое программное закрепление и в официальных документах международного и национального уровней.

Междисциплинарность стала мейнстримом эпистемологии. В этой области исследований отношение к междисциплинарности не лишено научного пафоса: междисциплинарность обозначается как «одно из самых значимых открытий XX века», как «тотальный феномен познания XXI века» [1, с. 114], как «“стройка века” в социогуманитарной науке» [2, с. 22], а также как основа конкурентоспособности научно-образовательного комплекса [3, с. 205].

В настоящее время в литературе можно встретить и критические замечания в отношении междисциплинарных исследований. По мнению российского исследователя А. Н. Книгина, многочисленные научные публикации, претендующие на междисциплинарность, свидетельствуют о «моде» на эту исследовательскую практику. Популярность междисциплинарности оборачивается и против ее самой, и против научного познания. Обширное и не всегда обоснованное внимание междисциплинарности приводит в итоге к «бессодержательности и расплывчатости» ее смыслового содержания и, что более важно, к «созданию иллюзии новизны» в науке. Критикуя примеры недостаточно выверенного подхода к междисциплинарной стратегии, А. Н. Книгин отмечал, что за «модным словом» часто скрываются «старые привычные понятия»: комплексный подход, системный анализ, а также диалектика.

Междисциплинарность интерпретируется как «форма маргинальной активности», «чужеродное, внешнее, конъюнктурное образование в теле “настоящей” науки», «прибежище тех, кто не преуспел на ниве дисциплинарного знания», как способ «выживания академических ученых в условиях недостаточного финансирования» [4, с. 7–8].

Анализ различных подходов к определению междисциплинарности позволил выявить, что междисциплинарность относится к многозначным понятиям. Основным вопросом здесь является этимология приставки «меж», различная трактовка которой приводит к пониманию междисциплинарного знания либо как области «соединения» научных дисциплин, либо как области «расхождения» смежных научных дисциплин. С нашей точки зрения, базовым положением для понимания междисциплинарности выступает воззрение В. С. Степина о «парадигмальных прививках». «Парадигмальные прививки» – это «перенос представлений специальной научной картины мира, а также идеалов и норм исследования из одной научной дисциплины в другую» [5, с. 285].

Все четыре формы интеграции науки (мультидисциплинарность, междисциплинарность, интердисциплинарность, трансдисциплинарность) возможны для применения в научных разработках в зависимости от субъектного состава участников исследования. При этом коллективный характер исследований, будь то в рамках трансдисциплинарности, мультидисциплинарности или интердисциплинарности, является возможным для науки, но не обязательным. Неколлективный научный проект может быть реализован в рамках междисциплинарной стратегии. Однако необоснованное обращение к междисциплинарности может привести к излишней эклектичности и умозрительности научных исследований. Поэтому междисциплинарная стратегия в развитии должна учитывать эвристический потенциал синтеза знания, исходить из задач исследования и основываться на прежнем и эффективном опыте междисциплинарных исследований. В этом случае междисциплинарный проект науки будет отражать поиск нового эффективного инструментария познания, а не усложнять формы предоставления знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Позднева, С. П. Междисциплинарность как тотальный феномен познания XXI века: становление междисциплинарного словаря науки / С. П. Позднева // Изв. Сарат. ун-та. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2009. – Т. 9, № 2. – С. 114–123.

2. Клейнер, Г.Б. Междисциплинарность в социально-гуманитарных исследованиях: новые парадигмы / Г.Б. Клейнер // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании: материалы Всерос. науч. конф., Ростов н/Д, 22–23 июня 2016 г. / Юж. федер. ун-т; 168 отв. ред. Е.Ю. Баженова. – Ростов н/Д, 2016. – Ч. 1: Пленарные докл. – С. 20–34.

3. Мокий, В.С. Трансдисциплинарность как метод усиления междисциплинарного синтеза социально-экономического и гуманитарного знания (по результатам работы первого семинара) / В.С. Мокий // Междисциплинарность в современном научном дискурсе: теория и практика: материалы науч. семинара Юж. федерал. ун-та / Юж. федерал. ун-т; отв. ред. Е.Ю. Баженова. – Ростов н/Д, 2016. – С. 204–217.

4. Касавин, И.Т. Введение / И.Т. Касавин // Междисциплинарность в науках и философии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.Т. Касавин. – М., 2010. – С. 3–14.

5. Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы: учеб. / В.С. Степин. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.

УДК 316.343.6

КАПИТАЛИЗМ ПЛАТФОРМ И ПРЕКАРИАТ

Михалкин А. А.
магистрант кафедры теоретической и социальной философии,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н.Г. Чернышевского
г. Саратов, Россия

Мы бы хотели рассмотреть влияние цифровизации экономики на социально-классовую структуру общества, так как последнее может стать важным для более систематического исследования современной системы капитализма. Очень важным в рамках исследования капитализма обращаться к существующей исследовательской парадигме марксизма, которая представляет широкий методологический инструментарий для понимания современного этапа социально-экономического развития.

Капитализм платформ неминуемое понятия в изучении современного состояние капитализма, когда мы видим активное применение цифровых технологий в жизни общества. Однако ограниченным является мнение, что цифровизация лишь переносит существующие социальные и экономические практики в формат онлайн, на самом деле интенсивное использование цифровых технологий привело к появлению новых экономических структур какой является капитализм платформ.

Фундаментальная роль в исследовании современного цифрового капитализма принадлежит английскому экономисту Н. Срничеку, который в книге «Капитализм платформ» разъясняет, чем является платформенный капитализм. «Платформы – это новый тип фирмы – пишет Срничек – их особенность – в том, что они обеспечивают инфраструктуру, выступающую посредником между различными группами пользователей… платформы оказываются в положении, позволяющее им извлекать данные из анализа природных процессов, производственных процессов, а также из наблюдений за действиями других компаний и пользователей» [1, с. 46]. Капитализм платформ следствие неолиберального капитализма, который создал хозяйственные и технические условия для возникновения платформ.

Между тем, для самой неолиберальной экономики свойственен производственный принцип тойтотизма, который старается свести издержки производство до минимума. В частности, оплата рабочей силы является той самой издержкой, которую капитал старается свести к самому минимуму. Следствием этого в условиях неолиберального капитализма является обращение к практике гибкой занятости трудящихся, что несет структурные социальные изменения, а именно в структуре пролетариата растет количество трудящихся с временной или частичной занятостью. Социальная группа таких работников получила название прекариат. Ж. Т. Тощенко, так характеризует данную социальную группу: «прекариат – это формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, с другой стороны, быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения прибавочного продукта и произвольной оплатой труда» [2, с. 60].

Мы не считаем прекариат новым социальным классом, как минимум в рамках господствующей системы капитализма, однако в исследованиях

посткапиталистической формации концепт прекариата имеет перспективы, действительно, стать новым социальным классом. Прекариат в рамках нашего исследования представляется одной из форм существования пролетариата, как социального класса, который не обладает частной собственностью на средства производства и вынужден продавать свою способность к труду для выживания.

В условиях цифровизации капитализма появляются возможности для активного использования гибкой формы занятости, что позволяет капиталу уменьшать производственные издержки. Платформы представляют возможность представлять индивидам возможность участвовать в трудовых процессах через механизмы аутсорсинга, что уменьшает социальные обязательства капитала. Яркими примерами могут послужить платформа Яндекс, которая представляет услуги используя формат аутсорсинга, кроме этого, многие компании и учреждения, где используется высококвалифицированный труд также переходят на формат гибкой и временной занятости, либо срочные договора, либо договор ГПХ. Это указывает на то, что прекаризация имеет тенденции не только в рамках низкоквалифицированных рабочих. Между тем, информационное поле представляет прекариев как людей, который быстро достигают значимых финансовых поступлений, что действует негативно по отношению к постоянным формам занятости, когда социально значимые профессии страдают от нехватки кадров.

В ценностной значении прекариат представляется уязвимой социальной группой для влияние деструктивных идей и ценностей, потому что, несмотря на заявления рекламы о финансовых успехах, прекарий является наиболее угнетенным трудящимся, который вместе с этим лишен социальных гарантий со стороны работодателя. Все это становится пространство, где различные иррациональные и деструктивные идеи могут найти место для вербовки своих сторонников (напр. национализм и шовинизм, религиозный фундаментализм, терроризм). Помимо этого, психологическая нагрузка у прекариев развивает тревожность и аномию [3, с. 161–162], который разрушают целостность личности прекария из-за чего он становится склонен также к асоциальным практикам поведения.

Немаловажным является негативное влияние на экономический рост государства. «Низкая производительность труда прекариев как растущей группы трудящихся в долгосрочной перспективе грозит замедлением роста российской экономики и снижением конкурентоспособности российских компаний на мировом рынке» [4, с. 370]. Поэтому помимо социальных рисков, связанных с ростом прекариата, присутствуют также и экономические.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Срничек, Н. Капитализм платформ / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. – М., Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 128 с.

2. Прекариат: становление нового класса: (коллективная монография) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2020. – 400 с

3. Миронова, О.И. Социально-психологические характеристики группы прекариата / О.И. Мирнова, М.М. Алексапольская // Человеческий капитал – 2024. – № 2(182). – С. 156–167.

4. Захаров, К.С. Специфика трудового поведения современного российского прекариата / К.С. Захаров // Социальные процессы в современном российском обществе: признаки и тенденции развития : Материалы IX Всероссийской научной конференции с международным участием (18–19 апреля 2025 г., Иркутск): сб. ст. / Иркутский государственный университет ; отв. ред. О.Б. Истомина – Иркутск, 2025. – С. 365–374.

УДК 339.138:004.738.5

ПРЕИМУЩЕСТВА ПРОДВИЖЕНИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Мицкевич Ю. В.
доцент кафедры менеджмента и коммуникаций,
Институт современных знаний имени А. М. Широкова
кандидат педагогических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современном мире социальные сети стали важным инструментом продвижения учреждений культуры. В интернет-пространстве предлагаются уникальные возможности для взаимодействия с аудиторией, формирования имиджа, привлечения новых посетителей. В условиях вызовов современного общества учреждения культуры сталкиваются с необходимостью адаптироваться к новым формам коммуникации и использовать социальные медиа для достижения рекреационно-развивающих целей.

Социальные сети позволяют не только делиться информацией о культурных проектах, но и создавать более глубокие связи с разными категориями населения. Через такие платформы, как Instagram, Facebook, TikTok, YouTube, Telegram, учреждения культуры обращаются к целевой аудитории, используя разнообразные форматы контента – от текстов и изображений до видеороликов и прямых эфиров.

Посетители учреждений культуры отдают предпочтение социальным сетям по нескольким причинам:

• связь и общение. На интернет-платформах предоставляются возможности легко поддерживать связь с друзьями, единомышленниками, делиться информацией из мира культуры;

• контент и развлечение. Так, в частности, предлагается разнообразный контент от видео до статей и новостей;

• сообщество и принадлежность. Социальные сети помогают находить единомышленников, участвовать в группах по интересам и создавать сообщества;

• удобство. Доступ к информации и общению с помощью мобильных устройств делает социальные сети очень удобными;

• самовыражение. Пользователи могут делиться своими мыслями, творчеством и личными достижениями, что способствует самореализации;

• монетизация. Все больше появляется у пользователей способов заработать на культурном эксклюзивном контенте;

• популяризация товаров и услуг. Учреждения культуры, например, активно используют социальные сети для продвижения результатов творческого труда коллектива, что привлекает внимание пользователей и помогает им определиться с выбором культурно-досугового мероприятия.

Феноменальный рост популярности социальных сетей среди интернет-пользователей обусловливает стремление рекламодателей использовать их как эффективный канал для коммуникации. Посещаемость Instagram, Facebook, TikTok, YouTube, Telegram сопоставима с поисковыми сайтами. Однако еще более весомыми для использования социальных сетей в качестве рекламного канала стали следующие факторы: они направлены на обмен мнениями между пользователями, а также позволяют выстроить гармоничные, эмоционально-насыщенные коммуникации рекламодателей с представителями целевой аудитории.

Современные рекламные коммуникации в социальных сетях подвергаются качественной трансформации, причем как по форме выражения, так и по своим целевым установкам. Вместо объема продаж на первом месте у руководителей учреждений культуры все чаще – формирование лояльности посетителей к рекреационно-развивающим услугам.

Согласно мнению Ф. Котлера, социальные сети − это ресурсы, позволяющие объединяться и взаимодействовать носителям определенных интересов [1]. Сеть представляет собой аналог сообществ в реальном мире, разница состоит в том, что местоположение пользователя не имеет значения.

Все большую популярность приобретает такой формат продвижения через социальные сети, как рекомендации лидеров мнений − это индивиды, отличающиеся высоким социальным статусом и лучшей информированностью, чья точка зрения максимально авторитетна для их аудитории, – например, популярные блогеры.

У каждой социальной сети присутствует свой инструментарий продвижения. Так, например, к наиболее популярным в Instagram, согласно мнению Петра Плоскова, относятся следующие:

• таргетированная реклама – это небольшие рекламные объявления в различных областях страницы ресурса, как правило, они состоят из изображения и подписи к нему. Отображается такой способ раскручивания только определенной целевой аудитории, параметры которой можно выбрать в настройках данного типа рекламы в социальной сети. Таргетированную рекламу предлагают практически все социальные сети. Оплата осуществляется как за показы, так и за клики (на выбор заказчика);

• коллаборация с другими сообществами и страницами в социальных сетях. Практически каждое интернет-сообщество имеет площадку публичных объединений, где рекламодатель может разместить рекламу своей группы. Сообщество само устанавливает цену на размещение у себя рекламы. В таких публикациях желательно размещать не просто информацию о компании, но также и призыв к действию. Это может быть участие в акции, конкурсе или розыгрыше;

• конкурсы и акции – эффективный инструмент продвижения организации. Например, когда устраивается конкурс, в котором случайный счастливчик, который сделал репост записи получает бесплатный подарок от организатора, и пользователи сами распространяют информацию о компании в социальной сети;

• общение с пользователями. Наиболее трудоемкий и полезный способ. Он позволяет лучше понять потребителя и завоевать его доверие товару;

• качественный контент на странице компании. Целевая аудитория приходит в социальные сети за общением и развлечением.

• хештеги (#) – тематические, брендовые с ключевыми словами, которые повышают видимость публикаций, облегчают процесс поиска данных, увеличивают охват поста, задействуют максимальное количество респондентов [2, с. 115].

В 2025 году появилась новая социальная сеть − Yabloco.net, которая быстро завоевывает популярность благодаря своей уникальной системе монетизации. Платформа предлагает:

• заработок с первого дня. Пользователи могут начать зарабатывать баллы сразу после регистрации;

• систему баллов. 100 баллов = 1 рубль. Баллы можно выводить на банковскую карту или электронные кошельки;

• активную аудиторию. Даже несмотря на небольшое количество пользователей, охваты и вовлеченность каждый день растут [3].

К главным достоинствам «Telegram» относятся:

• высокая скорость и доступный интерфейс;

• разнообразные способы продвижения: от бесплатных до платных;

• адаптивность. Существует две официальные версии «Telegram» (для iOS и Android);

• форматы обмена информацией. «Telegram» предлагает несколько вариантов для коммуникации, начиная от блог-платформы и заканчивая супергруппами до 5 тысяч пользователей, чат-ботами и аудиозвонками;

• широкий инструментарий бесплатного и платного продвижения.

Таким образом, социальные сети – это не только среда для общения пользователей интернета, для бизнеса, но еще и перспективные площадки для позиционирования и продвижения театров, музеев, кинотеатров, выставочных центров, дворцов культуры и др., а также результатов деятельности творческих коллективов.

Основными преимуществами продвижения учреждений культуры в Instagram, Facebook, TikTok, YouTube, Telegram являются:

• создание сообществ, каналов, блогов, где в более неформальной форме осуществляется взаимодействие с целевой аудиторией;

• высокая скорость и доступные интерфейсы;

• возможность размещения таргетированной рекламы;

• использование инструментов внешней и внутренней оптимизации, при необходимости размещения платной рекламы в AdWords;

• разнообразные бесплатные способы продвижения: массфолловинг, масслайкинг; взаимопиар; хештеги; марафоны; геометки;

• геймификация: системы уровней, баллов и достижений мотивируют пользователей оставаться активными.

Данные преимущества социальных сетей способствуют повышению узнаваемости учреждений культуры, наглядно демонстрируют рекреационно-развивающие услуги, позволяют выстраивать эмоционально-насыщенные коммуникации с пользователями и расширять количество лояльных представителей целевой аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Котлер, Ф. Маркетинг от А до Я. 80 концепций, которые должен знать каждый менеджер / Ф. Котлер. – М. : Альпина Паблишер, 2018. – 211 с.

2. Плосков, П.А. Сила Instagram. Простой путь к миллиону подписчиков / П.А. Плосков. – М.: Бомбора, 2018. – 240 с.

3. Социальные сети для развития блога в 2025 году: VK, OK, Telegram и Yabloco.net // Mediana.by. – URL: https://mediana.by/rubriki/soobshchestvo/6125-sotsialnye-seti-dlya-razvitiya-bloga-v-2025-godu-vk-ok-telegram-i-yabloco-net.html (дата обращения: 30.06.2025).

УДК 316.42.01:101.1

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТКАПИТАЛИЗМА В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Молчанов П. Ю.
старший преподаватель кафедры философии и политологии
с курсом повышения квалификации и переподготовки,
Белорусский государственный медицинский университет
г. Минск, Беларусь

Социально-экономические трансформации первой четверти XXI века, такие как цифровизация мировой экономики, увеличение доли символических видов капитала, экологизация производственных процессов, усиление государственного регулирования рыночных отношений и регионализация, свидетельствуют о кризисе неолиберальной модели глобализации. В этой связи возникает вопрос о перспективах развития капитализма как общественно-исторической системы. Поэтому все чаще в социально-гуманитарном дискурсе исследователи используют концепт «посткапитализм» с целью фиксации транзитивного характера происходящих в мире социоэкономических изменений. Однако само понятие «посткапитализм» отличается полисемантичностью, вызванной неоднозначной оценкой авторами будущего капитализма. Поэтому возникает необходимость уточнения смыслового содержания данного понятия и выявления основных сценариев преобразований капиталистической системы хозяйствования.

В наиболее широком значении под посткапитализмом понимается совокупность социально-гуманитарных концепций, проектов, моделей общества нового типа. Это могут быть как реформистские просистемные стратегии изменений существующего мироустройства, так и радикальные антисистемные варианты переустройства мировой хозяйственной системы. Но приверженцы стратегий первого типа нечасто используют в работах понятие «посткапитализм», отдавая предпочтение авторским названиям проектов: «естественный капитализм» (П. Хокен), «регенеративный капитализм» (Дж. Фуллертон), «капитализм всеобщего блага» (К. Шваб) и др. [1; 2; 3]. Поэтому большее распространение в социогуманитарных исследованиях получила трактовка посткапитализма как антикапитализма, т. е. системы, которая диалектически отрицает капитализм. В частности, это концепции И. Валлерстайна, Д. А. Давыдова П. Мейсона и др. [4; 5; 6]. Их подходы объединяет идея об исчерпании капитализмом ресурсов к самообновлению и о закономерном переходе к обществу нового типа. Условно можно выделить три основных сценария такого перехода: оптимистический, пессимистический и прагматический.

Оптимистический сценарий можно проиллюстрировать на примере работ П. Мейсона. Автор утверждает, что к середине XXI века дальнейшее развитие капитализма приведет либо к его сильному общесистемному ослаблению, либо к формированию неототалитаризма [6, с. 8–9]. Исходя из этого, автор хочет «…предложить альтернативу: во-первых, надо спасти глобализацию, ограничив неолиберализм; затем нужно спасти планету – и уберечь нас самих от потрясений и неравенства, – преодолев сам капитализм» [6, с. 9]. В качестве такой альтернативы он предлагает «Проект ноль» как программу перехода к посткапитализму. Суть данной программы заключается в следующем: локальное тестирование и моделирование социальных процессов; экологическая устойчивость; переход к сетевому обществу и

«вики-государству»; базовый доход для каждого, расширение совместного труда различных социальных групп; максимальное увеличение мощи информации» [6, с. 362–394]. Реализация данного проекта будет представлять собой достаточно длительный процесс постепенных изменений, затрагивающих не только экономику, но все остальные сферы общественной жизни. П. Мейсон выражает уверенность в возможности практической реализации своего проекта, апеллируя к фактам развития новейших информационно-коммуникационных технологий, роста внеденежных форм оплаты труда, совершенствования систем социального страхования населения и других процессов и явлений, объективно подрывающих основы неолиберализма. Т. е. оптимизм автора основывается на анализе закономерных тенденций развития современного капитализма.

Пессимистический сценарий посткапиталистического будущего обосновывает Д. А. Давыдов. Анализируя основные тенденции развития мир-системы капитализма, он приходит к выводу, что «…грядущая общественная формация будет куда более противоречивой, опасной и непредсказуемой, чем современная капиталистическая. И сама по себе посткапиталистическая общественная формация окажется *антагонистической*, ибо налицо тенденция к постклассовому расслоению общества на «захватчиков дискурса» и всю остальную массу потребителей результатов творческой деятельности и ищущих собственные способы самореализации в мире отчуждения творчества» [5, с. 200]. Чтобы контролировать конфликты на почве отчуждения творчества, по мнению автора, необходимо усилить демократический централизм на уровне мирового хозяйства и системы международных отношений, а также перейти к новой системе образования: «…пробраться сквозь многочисленные «тернии посткапитализма» сможет только *единое человечество,* не рассеянные самоорганизующиеся сообщества, а сплоченное, собранное Человечество, способное демократическим образом решать глобальные проблемы» [5, с. 201]. Таким образом, по мнению Д. А. Давыдова, локально-анархистские тенденции становления «сетевого общества», принципиальная непредсказуемость, многофакторность и субъективность творческого процесса закладывают основу будущих противоречий посткапитализма. В то же время, несмотря на данный пессимистический прогноз, автор выражает уверенность в принципиальной возможности преодоления складывающихся антагонизмов на основе общепланетарной солидарности человечества.

Прагматический сценарий развития предлагают представители мир-системного анализа. Они предвидят крупномасштабные социальные изменения во второй половине XXI века. В частности, И. Валлерстайн утверждает следующее: «Те, кто опасается, что посткапитализм принесет с собой мертвящий застой, несомненно, заблуждаются. Равным образом заблуждаются и те, кто надеется, что посткапитализм создаст вечный рай без каких-либо проблем и кризисов. После кризиса – и, как считают некоторые из нас, в результате посткапиталистического перехода середины XXI века – произойдет еще много всего. Надо надеяться, что большей частью хорошего» [4, с. 317]. То есть представители мир-системного анализа в своих прогнозах и оценках стараются дистанцироваться от крайне оптимистичных и крайне пессимистичных позиций и указывают на принципиальную непредопределенность будущего, которое создают сами люди.

Таким образом, понятие «посткапитализм» используют и активно разрабатывают преимущественно представители левоориентированных идейных течений. В их интерпретации этот концепт по своему содержанию близок традиционным понятиям «социализм» и «коммунизм». Однако авторы зачастую сознательно не употребляют данные понятия применительно к обществу будущего, учитывая их неоднозначные

коннотации в современном социогуманитарном дискурсе. Предпочтительным считается использование термина «посткапитализм» как более нейтрального. Как отмечает Д. А. Давыдов, употребление этого концепта позволяет избежать не только чрезмерно негативных, но и чрезмерно позитивных трактовок терминов «социализм» и «коммунизм» и дает возможность подчеркнуть ситуацию неопределенности будущего [5, с. 11]. При этом, несмотря на наличие различных сценариев посткапиталистического перехода – от оптимистических до пессимистических – исследователей объединяет надежда на реализацию в конечном счете умеренно-оптимистического варианта, чему должна способствовать целенаправленная активная деятельность населения планеты в настоящем.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хокен, П. Естественный капитализм / П. Хокен, Э. Ловинс, Х. Ловинс. – М. : Наука, 2002. – 458 с.

2. Fullerton, J. Regenerative capitalism. How universal principles and patterns will shape our new economy [Electronic resource] / J. Fullerton // Capital Institute. – URL: https://capitalinstitute.org/wp-content/uploads/2015/04/2015ExecSummary4-14-15.pdf (date of access: 10.08.2025).

3. Шваб, К. Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики / К. Шваб, П. Ванхэм ; пер. с англ. Е. Калугина. – М. : Эксмо, 2022. – 352 с.

4. Валлерстайн, И. Есть ли будущее у капитализма? / И. Валлерстайн [и др.]. – М. : Издательство Института Гайдара, 2015. – 316 с.

5. Давыдов, Д.А. Личность и государство в терниях посткапитализма: На пути к новой антагонистической формации / Д.А. Давыдов. – М. : ЛЕНАНД, 2020. – 218 с.

6. Мейсон, П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему / П. Мейсон. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 416 с.

УДК 316:339.138

ЦИФРОВАЯ РЕКЛАМА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВА: НОРМЫ И ПРАКТИКИ

Мороз О. В.
старший преподаватель кафедры политологии и социологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь

Адаменя Д. В.
студентка,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь

Сегодня социум находится в процессе глубокой трансформации, обусловленной стремительной цифровизацией всех сфер жизни. В обществе формируются новые нормы, связанные с регулированием рекламы, защитой прав потребителей и обеспечением прозрачности. Одним из ключевых факторов этих изменений выступает цифровая реклама, которая не только адаптируется к изменениям в обществе, но и сама формирует новые нормы и экономические практики. Такая реклама стала неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, оказывая значительное влияние на поведение потребителей, бизнес-практики и социальные нормы в целом. Сегодня с

помощью роста алгоритмизации, распространения big data и искусственного интеллекта рекламные коммуникации приобретают принципиально новые черты такие как: гиперперсонализация, интерактивность и глубокое внедрение потребителя в виртуальную повседневность. В целом, цифровая реклама способствует развитию цифрового общества, стимулирует инновации и меняет традиционные представления о коммуникации, создавая новые возможности и вызовы для социальных институтов и граждан. В данном материале проводится осмысление роли цифровой рекламы как социального института, оказывающего влияние на ценности, поведенческие модели и экономические решения.

Цифровая реклама включает в себя широкий спектр методов продвижения товаров и услуг через интернет и цифровые платформы. Можно говорить, что цифровая реклама – это комплекс инструментов, которые компании используют для продвижения бренда и увеличения продаж через интернет-каналы. Основные виды включают поисковый маркетинг, e-mail-маркетинг, рекламу в социальных сетях и нативную рекламу [1].

Бесспорно, цифровая реклама способствует формированию новых потребительских привычек, ускоряет процессы принятия решений и увеличивает доступность информации о товарах и услугах, а персонализация, в свою очередь, повышает релевантность рекламы, делает ее более привлекательной. Вместе с тем, интенсивное использование платформ влияет на формирование новых ценностных ориентиров и культурных трендов. Можно назвать несколько ключевых аспектов: быстрое распространение информации; использование вирусных контентов; формирование новых ценностей; популяризация новых форм искусства и развлечений и глобализация культуры в целом (с телефона можно узнать о новинках, просмотреть анонс). Однако, с ростом использования цифровых технологий увеличивается значимость вопросов приватности и этики, включая аспекты распространения недостоверной информации.

Цифровая реклама включает в себя несколько инструментов: контекстная (отображается в браузерах и соответствует поисковому запросу); медийная (баннеры, видеоролики и иное); ремаркетинг (позволяет возвращать пользователей, посещающих сайт с помощью персонализированных объявлений); нативная (органично вписывается в закрепившийся контент платформы или сайта) и таргетированная [2, с. 120]. Важно отметить, что в Республике Беларусь реклама в блогах ограничена законодательством [3].

В контексте цифровой рекламы для поколения Z важно, чтобы рекламные сообщения были персонализированы и максимально адаптированным под них, также бренды обязаны быть искренними со своей целевой аудиторией или они потеряют доверие [4, с. 278].

С развитием цифровой рекламы изменялись коммуникативные практики. Классическая модель «Отправитель – сообщение – получатель» начала дополняться другими сетевыми и многоканальными структурами. Помимо этого, аудитория из пассивной перетекает в активную, что значит пользователи могут одновременно и создавать, и потреблять рекламный контент [5, с. 145-149]. Коммуникационные технологии сегодня имеют системообразующее значение в социальном пространстве. При их изменении происходят преобразования и в общественной жизни, затрагивая все сферы. Следовательно, наблюдается переход к глобальному рынку, в котором значительную роль играют финансовые, национальные, а также IT-компании. Согласно М. Кастельсу сетевое или цифровое общество – это общество, в котором вокруг сетей,

активируемых с помощью информации в цифровой форме и коммуникационных технологий, выстраивается его социальная структура. Важно отметить, что Кастельс также предлагает новую модель коммуникации, в которой субъектом является креативная аудитория. То есть при получении информации, в том числе рекламной, индивид ее анализирует и интерпретирует, в процессе чего он учитывает собственный опыт и смысл. Именно таким образом растет «интерактивное производство смысла» [6, с. 65–66].

Для бизнеса интеграция в цифровую среду становится обязательным условием конкурентоспособности, вместе с тем, доверие аудитории к брендам зависит от их искренности, готовности к сотрудничеству и скорости внедрения инноваций.

Таким образом, цифровая реклама продолжает играть ключевую роль в формировании современного общества, оказывая влияние на поведение, ценности и нормы. Сегодня цифровая реклама перестала быть отражением существующих социальных норм, превратившись в активный инструмент их формирования. Через гиперперсонализацию, алгоритмизацию и использование big data она конструирует новые поведенческие модели и ценностные ориентации, особенно среди поколения Z, для которого цифровые платформы стали основным источником социализации. К тому же происходит переход от традиционных маркетинговых подходов к комплексным цифровым стратегиям, включающим контекстную, таргетированную и нативную рекламу. Эффективность этих инструментов обусловлена их способностью адаптироваться к индивидуальным потребностям пользователей, а классическая линейная модель коммуникации уступает место интерактивным сетевым структурам: пользователи теперь одновременно являются и создателями, и потребителями рекламного контента, что приводит к гибридизации форм и изменению языковых практик. Регулирование и этические практики являются важными инструментами для обеспечения баланса между коммерческими интересами и правами потребителей. В условиях быстрого развития технологий важно сохранять ответственность и прозрачность, чтобы цифровая реклама способствовала развитию общества, а не создавал дополнительные риски и вызовы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Что такое реклама в интернете: Определение, Виды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sendpulse.com/ru/support/glossary/ advertising. – Дата доступа: 05.07.2025.

2. Маркевич, А.А. Интернет-реклама: стратегии и инструменты для эффективного продвижения в цифровом маркетинге / А. А. Маркевич // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». – 2025. – № 1(82). – С. 119 – 126.

3. Об изменении законов по вопросам рекламы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 06 янв. 2024 № 353-З, изм. и доп. от 29 дек. 2023 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3961& p0=H12400353. – Дата доступа: 05.07.2025.

4. Гостилович, А.О. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения / А.О. Гостилович, Л.В. Лапидус, Ш.А. Омарова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2020. − № 83. – С. 271 – 292.

5. Покровская, Н.Н. Цифровые инструменты и развитие коммуникативных навыков в медиаобразовании / Н.Н. Покровская // Журнал интегративных исследований культуры. – 2021. − № 2. – С. 143 – 152.

6. Устюжанина, Д.А. Я онлайн, следовательно, я существую. Новые медиа как пространство социального творчества пользователей / Д.А. Устюжанина // Logos et Praxis. – 2021.− № 1. – С. 63 – 73.

УДК 331.5 (476)

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Морозова Н. Н.
заведующий отделом экономики сферы услуг,
Институт экономики НАН Беларуси
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Вниманием к проблеме занятости на рынке труда с учетом гендерного равенства, включая его социально-экономические аспекты приковано не только ученых нашей страны, но и мирового сообщества. Для Республики Беларусь, которая демонстрирует относительно высокие показатели занятости женщин, остаются актуальными такие проблемы, как гендерная сегрегация, разрыв в уровне образования и оплате труда, карьерные возможности. Исследование этих вопросов важно для формирования эффективной политики в занятости, а также для достижения Целей устойчивого развития ООН, в частности цели №5 Гендерное равенство. В последние годы на рынке труда Беларуси отмечается относительная стабильность с сохранением традиционных гендерных различий, обусловленных сложившейся отраслевой структурой экономики, культурными и социальными ролями, а также демографическими факторами. Данные за 2023-2024 гг. по уровню участия в рабочей силе и уровню занятости свидетельствуют о том, что в основной возрастной группе 15-74 лет уровень участия и занятости мужчин традиционно выше (74,1% и 71,5%), чем у женщин (65,7% и 63,9%). Однако в трудоспособном возрасте картина меняется и женщины демонстрируют более высокие показатели (87,1% и 84,8%), чем мужчины (86,2% и 83,3%) (табл. 1).

Таблица 1. Динамика показателей рынка труда по половозрастному признаку в Республике Беларусь за 2023-2024 гг. [1, с. 9,10,12,17].

Показатели	Возраст и образование	Мужчины		Женщины	
		2023 г.	2024 г.	2023 г.	2024 г.
Уровень участия в рабочей силе, %	в возрасте 15 – 74 лет	74,8	74,1	65,3	65,7
	в трудоспособном возрасте	86,4	86,2	86,7	87,1
Уровень занятости, %	в возрасте 15 – 74 лет	71,7	71,5	63,4	63,9
	в трудоспособном возрасте	82,9	83,3	84,3	84,8
Уровень безработицы, %	в возрасте 15 – 74 лет	4,1	3,4	2,8	2,7
	в трудоспособном возрасте	4,1	3,4	2,7	2,7
Средний возраст, лет	в возрасте 15 – 74 лет	42	42,2	42	42,2
Уровень образования рабочей силы, %	высшее	29	29,6	41,7	41,2
	среднее специальное	19,1	18,9	26,6	27,6
	профессионально-техническое	34,5	35,6	19,6	19,9
	общее среднее и базовое	17,3	15,9	12	11,3

Причины данных различий обусловлены, на наш взгляд, рядом факторов: 1) более высокий общий показатель у мужчин связан с длительной трудовой активностью в старших возрастных группах поскольку мужчины в Беларуси, как и во многих странах СНГ, реже выходят на досрочную пенсию и работают дольше; 2) преимущество женщин в трудоспособном возрасте объясняется высокой вовлеченностью женщин в экономику, унаследованной с советских времен при этом, экономическая необходимость обусловлена потребностью в повышении финансового благополучия и зачастую требует чтобы в семье работали оба партнера; 3) разрыв в общей группе 15-

74 лет зависит от выхода женщин на пенсию раньше в 58 лет, в то время как мужчины – в 63 года, что автоматически сокращает долю лиц активных женщин в старших возрастных когортах. Оценивая уровень безработицы, отметим, что данный показатель среди женщин стабильно ниже (2,7%), чем среди мужчин (3,4%) и данная тенденция наблюдается как в общей группе, так и в трудоспособном возрасте. Безработица среди мужчин более чувствительна к экономическим колебаниям, так как они в большей степени заняты в циклических отраслях – промышленность, строительство и транспорт, где возможны простои и сокращения. Женщины заняты больше в сфере услуг и стабильных секторах, финансируемых государством (здравоохранение, образование, социальная работа, культура) и потому эти отрасли меньше подвержены риску увольнений в периоды экономической турбулентности. Исследования часто показывают, что женщины проявляют большую гибкость в поиске работы, например, соглашаются на неполную занятость или работу с невысоким уровнем оплаты труда, что может быстрее выводить их из категории безработных. Женский труд пользуется широким спросом, но его цена остается ниже, например, в декабре 2024 г., мужчины в Беларуси зарабатывали в среднем на 27% больше, чем женщины, при этом максимальный разрыв в IT –сфере на 41% и минимальный в образовании – до 5% [2, с. 25, 27].

Средний возраст полов одинаков и демонстрирует тенденцию к медленному росту, что определяется демографической ситуацией (старение населения) и говорит о том, что на рынок труда выходит меньше молодежи, а имеющие работники продолжают трудиться. Отсутствие гендерного разрыва здесь означает, что процесс старения рабочей силы затрагивает оба пола.

Обратим особое внимание на уровень образования рабочей силы, поскольку здесь наблюдается кардинальное различие в структуре. Так среди женщин значительно выше доля лиц с высшим (41,2 %) и средним специальным (27,6 %) образованием, в то время как у мужчин выше доля лиц с профессионально-техническим (35,6%) и в 1,5 раза выше с общим средним и базовым образованием. Причины складывающихся различий обусловлены культурными особенностями, профессиональной сегрегацией, структурой профессий, которые не характерны для мужчин. Для женщин высшее образование традиционно считается важным социальным лифтом и фактором, повышающим их конкурентоспособность на рынке труда. При этом для карьеры в традиционно «женских сферах» (педагогика, медицина, экономика, управление и т.п.) наличие высшего образования является обязательным требованием. В то время как парни чаще акцентируют внимание на рабочих профессиях (слесарь, водитель, электрик, строитель) и поступают в ПТУ и колледжи, получая более низкий уровень образования.

Анализ абсолютных показателей численности занятых (табл. 2) показал, что в 2024 г. по сравнению с 2023 г. количество занятых мужчин в возрасте 15-74 лет сократилась на 0,56 % (с 2387 тыс. чел до 2374 тыс. чел.) в то время как среди женщин зафиксирован незначительный прирост на 0,49 % (с 2413 тыс. чел. до 2424,5 тыс. чел.), что подтверждает ранее выявленную тенденцию о большей стабильности занятости среди женщин в Беларуси. В трудоспособном возрасте сокращение занятости коснулось и женщин, но в гораздо меньшей степени (-0,07 % против -0,75 % у мужчин), что связано с демографическими факторами (сокращение численности населения), а также структурными изменениями в экономике, затронувших сферу производства. В отношении неформальной занятости видим гендерно выраженный характер: абсолютное число мужчин, например в 2024 г. (262,1 тыс. чел.) было на 40 % выше,

чем женщин (186,3 тыс. чел.) поскольку мужчины чаще работают в сферах, где распространена неформальная занятость: строительство, ремонтные работы, транспорт.

Таблица 2. Занятость мужчин и женщин с учетом статуса неформальной занятости [1, с. 43].

Показатели	**Возраст**	**Мужчины**			**Женщины**		
		2023 г.	2024 г.	Темп роста, %	2023 г.	2024 г.	Темп роста, %
Численность занятых, чел.	15 – 74 лет	2387131	2373655	99,44	2412840	2424543	100,49
	трудоспособный	2293514	2276395	99,25	2189410	2187791	99,93
Неформальная занятость	15 – 74 лет	274061	262132	95,65	187784	186274	99,20

Однако темпы сокращения неформальной занятости выше среди мужчин (-4,35 %), чем среди женщин (-0,8 %), что может свидетельствовать о процессе формализации традиционно «мужских» видов занятости или о их сокращении в целом.

С 2024 г. ведется сбор информации о дистанционной занятости, которая характеризуется гендерным паритетом. К тому же с 1 января 2025 г. Трудовой кодекс дополнен нормами, которые регулируют возможность выполнения дистанционной работы на временной основе в течение определенного срока, а также позволяют комбинировать выполнение работы дистанционно и на рабочем месте в организации (статья 3071). В дистанционном формате работает примерно равное количество мужчин (51 %) и женщин (49 %) поэтому можно утверждать, что данный формат является самым сбалансированным по половому признаку на рынке труда Беларуси. Подавляющее большинство удаленных работников (более 95%) заняты в сфере услуг, где также наблюдается практически равное распределение между мужчинами и женщинами (50,5% и 49,5% соответственно) говоря о том, что современные формы занятости создают равные возможности для обоих полов. По возрастному составу в такой форме занятости преобладают лица 30-39 лет и 82 % имеют высшее образование (рис. 1) [1, с. 45].

Рисунок 1. Доля лиц дистанционной занятости по возрасту и уровню образования

Таким образом, на белорусском рынке труда гендерные различия проявляются в следующем:

– женщины в трудоспособном возрасте, занятые в экономике, сочетают высокий уровень образования со значительной экономической активностью;

– сохраняется гендерная профессиональная сегрегация, при которой мужчины концентрируются в промышленности и заняты в большей степени физическом трудом, а женщины сосредоточены в сфере услуг, что напрямую влияет на разрыв в уровнях образования, оплаты труда и безработицы;

– разница в уходе женщин на пенсию является ключевым фактором, объясняющим расхождения в общих показателях занятости для возрастной группы 15-74 лет;

– небольшой рост занятости и участия женщин на фоне проседания этих показателей у мужчин может говорить о стабильности «женских» секторов экономики в краткосрочной перспективе;

– в традиционном неформальном секторе сохраняется гендерный перекос в пользу мужчин, но этот сектор сокращается;

– в новой, растущей сфере, дистанционной занятости, гендерное равенство уже достигнуто и может быть позитивным сигналом, указывающим на то, что будущее рынка труда связано с более равными возможностями;

– различия на рынке труда между мужчинами и женщинами носят структурный характер и обусловлены исторически сложившимся разделением профессий, демографической политикой и образовательными траекториями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Занятость населения в Республике Беларусь в 2024 году (по материалам выборочного обследования): стат. бюллетень // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 150 с.

2. Численность, заработная плата работников, затраты организаций Республики Беларусь на рабочую силу в 2024 г.: стат. бюллетень // Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск, 2025. – 40 с.

УДК 321.02

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЦИФРОВИЗАЦИЯ, МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И НОВЫЕ УГРОЗЫ БЕЗОПАСНОСТИ КАК ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Морозова О. С.
заведующий кафедрой философии, политологии и обществознания,
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина
кандидат политических наук, доцент
г. Рязань, Россия

Современный мир переживает эпоху ускоренных изменений, которые затрагивают все сферы общественной жизни и особенно ярко проявляются в трансформации социокультурного пространства. Понятие «социокультурное пространство» объединяет в себе комплекс взаимодействий между социальной структурой общества и культурными практиками, включающими систему ценностей, символов, норм и способов коммуникации. Оно выступает тем фундаментом, на котором строится идентичность, воспроизводятся социальные институты и формируется гражданская активность. В условиях глобальных вызовов именно социокультурное пространство оказывается наиболее чувствительной областью, так как любое внешнее воздействие неминуемо отражается на идентификационных процессах, коллективной памяти и культурных кодах.

Актуальность исследования обусловлена тем, что трансформация социокультурного пространства происходит неравномерно и многомерно. Глобализация, цифровизация, миграционные процессы и новые угрозы безопасности радикально меняют привычные формы социального взаимодействия. Эти процессы усиливают взаимосвязанность мира, но одновременно обостряют региональные различия, углубляют социальное неравенство и порождают новые линии напряженности. Общество, включенное в цифровые сети, получает беспрецедентный

доступ к информации, однако вместе с этим сталкивается с рисками дезинформации, манипуляции и разрушения традиционных форм публичной сферы.

Цифровизация является ключевым фактором, изменяющим социокультурное пространство. Распространение интернета, социальных сетей и цифровых платформ создает новые формы публичности и коммуникации, которые постепенно вытесняют классические институты массовой информации. В результате трансформируются привычные механизмы передачи культурного опыта, происходит переопределение границ частного и публичного. Вместе с тем цифровое неравенство – различия в доступе к технологиям, инфраструктуре и цифровым компетенциям – формирует новые социальные стратификации, усиливая риски фрагментации общества.

Не менее значимым фактором является миграция. Массовые перемещения населения в глобальном масштабе создают новые полиэтнические и поликонфессиональные сообщества. В этих условиях формирование идентичности становится более сложным и противоречивым процессом. С одной стороны, миграция способствует культурному обмену и расширяет спектр социокультурных практик. С другой стороны, она обостряет конфликты, связанные с конкуренцией идентичностей, и требует от государства поиска эффективных моделей интеграции. Особое значение это приобретает в обществах, переживающих кризисы доверия к традиционным институтам и сталкивающихся с необходимостью адаптации к новым культурным вызовам.

Вызовы безопасности также оказывают непосредственное влияние на социокультурное пространство. Пандемии, вооруженные конфликты, террористические угрозы и климатические изменения не только нарушают привычный уклад жизни, но и формируют новые символические и культурные практики. Они стимулируют появление коллективных ритуалов памяти, усиливают значимость солидарности и взаимопомощи, меняют восприятие ценностей устойчивости и стабильности. Социокультурное пространство становится ареной, на которой общество осмысляет и перерабатывает травматический опыт, вырабатывая механизмы адаптации.

Важным аспектом анализа является региональная специфика трансформаций. Социокультурное пространство разных стран и регионов реагирует на глобальные вызовы по-разному. В постсоветском пространстве, например, сохраняется влияние советского культурного наследия, которое переплетается с глобальными цифровыми трендами и локальными традициями. В странах Африки и Азии ключевым фактором трансформации является сочетание колониального наследия и современных процессов урбанизации. В Европе и Северной Америке наблюдается переоценка ценностей либеральной демократии и поиск новых форм социальной солидарности. Сравнительный анализ этих региональных различий позволяет глубже понять общие закономерности и уникальные особенности трансформации социокультурного пространства.

Методологическая основа исследования опирается на междисциплинарный подход, сочетающий политологический, социологический и культурологический анализ. В качестве теоретической рамки используются концепции публичной сферы (Ю. Хабермас), культурной памяти (Я. Ассман), общества риска (У. Бек), а также современные теории глобализации и цифровой модернизации. Такой подход позволяет рассматривать социокультурное пространство не как статичную систему, а как динамичное и многослойное образование, постоянно подвергающееся внешнему и внутреннему воздействию.

Цель доклада заключается в том, чтобы выявить основные направления трансформации социокультурного пространства в условиях вызовов современного общества и показать, каким образом эти изменения влияют на устойчивость социальных институтов, процессы идентификации и перспективы развития

гражданской активности. Для достижения цели ставятся следующие задачи: во-первых, проанализировать влияние цифровизации на формы публичности и культурного взаимодействия; во-вторых, рассмотреть роль миграции и межкультурных контактов в изменении идентификационных процессов; в-третьих, исследовать воздействие кризисов безопасности на культурные практики и общественные ценности; в-четвертых, выявить региональные особенности трансформации социокультурного пространства.

Трансформация социокультурного пространства в условиях вызовов современного общества является не только исследовательской проблемой, но и практическим вызовом для государства, гражданского общества и системы образования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Волков, Ю.Г. Восприятие гражданами исторической справедливости в современном социокультурном и политическом контекстах / Ю.Г. Волков // Вестник Института социологии. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 155–170. – DOI 10.19181/vis.2024.15.4.8. – EDN RYCUUI.

2. Евстафьев, Д.Г. Тенденции социокультурного развития в новом мире после 2020 / Д. Г. Евстафьев, Л. А. Цыганова // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2020. – Т. 5, № 2. – С. 5–27. – EDN VAUARS.

3. Пантин, В.И. Цивилизационные особенности развития России в контексте современных социальных трансформаций / В.И. Пантин // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 108–124. – DOI 10.19181/vis.2021.12.4.754. – EDN GYPDNY.

4. Стризое, А.Л. Вызов социальной изоляции: российский контекст / А.Л. Стризое // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 65–73. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2021.2.8. – EDN MAUJQL.

УДК 331.1

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН: ИЗУЧЕНИЕ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мудрова С. В.
заведующий кафедрой политической экономии и истории экономической науки,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
доктор экономических наук, доцент
г. Москва, Россия

Рудковская М. М.
доцент кафедры политической экономии и истории экономической науки,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
кандидат исторических наук
г. Москва, Россия

Бушкевич Д. А.
студентка магистратуры,
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва, Россия

Развитие цифровых технологий в производстве и сфере услуг меняет формы занятости, расширяя платформенную экономику. Платформенная занятость – это выполнение заданий за плату, доступ к которым обеспечивается через цифровую платформу, устанавливающую правила взаимодействия, алгоритмы выбора

исполнителей и/или оценки их работы. Выделяют несколько типов платформенной занятости [1]: 1) онлайн-краудворкинг/фриланс (работа из любой точки мира, задачи или проекты); 2) локальные сервисы (доставка, такси, уборка, уход, услуги в сфере красоты); 3) гибридные модели (онлайн-поиск + оказание услуги; онлайн-площадки для малого бизнеса).

Гендерный анализ учитывает неоплачиваемый труд и заботу о близких, дискриминацию на рынке труда, разницу в доступе к деньгам и контактам, а также влияние возраста, статуса мигранта, образования и места жительства. На платформах эти различия могут усиливаться алгоритмами (рейтинги, приоритет в показах, санкции).

Среди основных особенностей внимания женщин к удаленной работе, современные исследователи выделяют, прежде всего, высокую мотивацию, связанную с гибким графиком, невысокие требования для начала работы, возможность получать дополнительный доход и работать неполный день, возможность быть самозанятой и заниматься бизнесом через онлайн-площадки [2; 3].

Вместе с тем, важно отметить и целый ряд ограничений, таких как риск нестабильного дохода, оплата только за выполненное задание, неоплачиваемое время ожидания и отсутствие социальных гарантий (оплата больничных, декретных, пенсионные отчисления) [3]. Кроме того, повседневные домашние обязанности ограничивают время и возможности передвижения женщин, а нехватка цифровых навыков и умения вести предпринимательскую деятельность может давать отрицательные эффекты при продвижении себя и определении цен на предлагаемые товары и услуги. Актуальными проблемами также считаются риски преследования в интернете и проблемы с безопасностью при оказании услуг на территории.

Для некоторых женщин платформа – это возможность получить доход и реализовать себя в профессии (особенно в онлайн-услугах). Но средние показатели зависят от типа платформы и конкуренции в регионе. В локальных сервисах часто низкая прибыль и высокие расходы (транспорт, материалы), что уменьшает доход.

Участие женщин в платформенной занятости и результаты их работы определяются сочетанием пяти факторов [2; 4]:1) индивидуальные особенности (возраст, образование, цифровые навыки, статус мигранта, здоровье); 2) семья (наличие детей/иждивенцев, распределение работы по дому); 3) платформа (алгоритмы, правила, оплата, разрешение споров, доступ к данным); 4) рынок / территория (спрос, конкуренция, инфраструктура); 5) институты (статус занятости, налоги, социальная защита, представительство работников).

В зарубежных странах обсуждается статус занятости (наемный работник или самозанятый), перенос ответственности за доказательство статуса на платформу, прозрачность алгоритмов и право на объяснение решений, связанных с рейтингами [5; 6]. Вводятся минимальные гарантии дохода, страхование от несчастных случаев, переносимые рейтинги между платформами. Поддерживается создание объединений работников и диалог платформ с городами по вопросам безопасности и инфраструктуры.

Тем не менее, актуальные исследования показывают, что дальнейшее регулирование вопросов, связанных с развитием платформенной занятости женщин, включает целый ряд важных вопросов и рекомендаций, таких как [3; 6]:

1. Введение минимальных стандартов: понятные тарифы, предсказуемость оплаты, защита от необоснованной блокировки.

2. Включение в систему социальной защиты: добровольное страхование (больничные, материнство, пенсии) для самозанятых, упрощенные взносы и налоги.

3. Прозрачность алгоритмов: объяснение принципов распределения заказов, уведомление об автоматических решениях, проверки на предвзятость.

4. Безопасность: экстренная помощь, проверка клиентов, безопасные зоны, страхование рисков.

5. Развитие навыков: ваучеры на обучение цифровым навыкам, поддержка портфолио.

6. Расширение инфраструктуры: доступность детских садов, что увеличивает участие женщин и снижает нестабильность доходов.

7. Поддержка объединений работников: ассоциации, кооперативы, механизмы разрешения споров.

Вместе с тем, развитие исследовательских практик в данной сфере сталкивается с определенными ограничениями, среди которых мы выделяем следующие:

• Доступ к данным: платформы редко предоставляют данные; для работы с данными нужны соглашения и защита личных данных.

• Отбор в участии: платформенная занятость может быть более привлекательной для женщин с определенными характеристиками; необходимы инструменты для их определения.

• Связь и причина: без экспериментов сложно отделить влияние платформы от других факторов.

• Разные платформы: результаты могут отличаться в зависимости от типа услуг и страны.

Перспективы дальнейших исследований в данной области должны быть направлены на изучение изменений правил / тарифов платформ, анализ данных за длительный период, анализ переходов между платформами, работой на территории и работой по найму, а также разработку способов оценки и проверки справедливости алгоритмов.

Платформенная занятость – это возможности, но и риск для женщин. Она облегчает вход на рынок труда и улучшает возможности управления временем, но часто перекладывает риски на работника, усиливая уязвимость из-за алгоритмов и отсутствия гарантий. Исследования в этой сфере требуют сочетания разных методов, доступа к личным данным и соблюдения этических процедур. Актуальная государственная социально-экономическая политика должна быть направлена на установление минимальных стандартов, включение самозанятых в систему социальной защиты, прозрачность алгоритмов и поддержку навыков и безопасности. Правильное регулирование может сделать платформенную экономику источником устойчивой экономической независимости и профессионального развития женщин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Верна, В.В. Развитие платформенной занятости в Российской Федерации / В.В. Верна, М.Н. Хойна // Сервис в России и за рубежом. – 2022. – Т.16, № 5. – С. 66–74. – DOI: 10.5281/zenodo.7395087

2. Шадрина, Е. А., Экспериментальное исследование региональных особенностей занятости женщин старших возрастов на цифровых трудовых платформах: кейс Республики Башкортостан / Е.А. Шадрина, Е.Г. Калабина // Вестник Томского государственного университетата. Экономика. – 2024. – № 66. – С. 115–132. – DOI: 10.17223/19988648/66/8.

3. Черных, Е.А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире / Е.А. Черных // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – № 2. – С. 172–187. – DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.11.

4. Петрова, Е.В. Новая форма занятости в регионе (на примере Wildberries) / Е.В. Петрова, А.В. Бильтрикова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 10. – С. 24–29. – DOI: 10.24158/spp.2022.10.2.

5. Зайцева, О.В. Платформенная занятость: сущность, тенденции развития и особенности оценки / О.В. Зайцева // Вестник Витебского государственного технологического университета. – 2024. – № 1. – С. 105–121. – DOI: https://doi.org/10.24412/2079-7958-2024-1-105-121.

6. Черных, Е.А. Качество занятости на цифровых платформах труда: подходы к измерению и оценки по странам БРИКС / Е.А. Черных, О.А. Золотина // Уровень жизни населения регионов России. – 2024. – Т. 20, № 2. С. 211–227. – DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_2_6_211_227.

УДК 316.4

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН: ВЛИЯНИЕ РУРБАНИЗАЦИИ

Муха В. Н.
Кубанский государственный технологический университет
кандидат социологических наук, доцент
г. Краснодар, Россия

Термин «рурбанизация» (от rural + urban) обозначает взаимопроникновение сельского и городского укладов. В российский научный оборот понятие вошло в начале 2010-х гг. благодаря работам Т. Г. Нефёдовой, Н. Е. Покровского и других исследователей [1; 2; 3]. Современные подходы подчеркивают, что речь идет не об исчезновении различий между городом и селом, а о формировании гибридных практик, где элементы обоих миров переплетаются. В этих условиях особенно важно проанализировать, как рурбанизация отражается на повседневной жизни сельских женщин, которые одновременно являются хранительницами традиционных практик и активными участниками новых форм социальной и экономической активности.

Исследования процессов рурбанизации показывают, что она проявляется в самых разных сферах жизни – от трудовой занятости и миграции до жилищного строительства и культурных практик [2]. В зарубежной литературе близкие процессы описываются через концепции «rural–urban linkages» и «hybrid communities» [4]. Особое внимание уделяется тому, что женщины, проживающие на селе, играют ключевую роль в адаптации хозяйственных и культурных практик к новым условиям [5]. Однако именно гендерный аспект рурбанизации в России изучен недостаточно, что делает данное исследование актуальным.

Эмпирическая база исследования включает 87 глубинных интервью с сельскими женщинами из разных регионов России. Интервью проводились в 2024–2025 гг. в рамках проекта РНФ/КНФ № 24-28-20348. В выборку вошли женщины разных возрастных групп (от 20 до 90 лет), с различным уровнем образования и профессиональной занятости. Применялся феноменологический подход, позволивший выявить субъективные представления о повседневной жизни и идентичности. Для интерпретации результатов глубинных интервью применялось кодирование и тематический анализ, что позволило выявить основные категории и закономерности в повседневных практиках сельских женщин.

Полученные данные показывают, что рурбанизация проявляется в четырех ключевых сферах повседневных практик: потребление, досуг, коммуникации и жилищные условия. В сфере потребления наблюдается сближение с городскими моделями: большинство женщин регулярно закупают товары в ближайших городах, используют маркетплейсы и службы доставки, однако сохраняют элементы самообеспечения через личные подсобные хозяйства и домашние заготовки. Таким образом формируется смешанная потребительская культура, где соседствуют «свои» продукты и магазинные покупки.

В сфере досуга женщины демонстрируют разнообразие практик. Наряду с традиционными занятиями – уход за домом, огородом, рукоделие – все большее место занимают «городские» формы отдыха: посещение кафе, кинотеатров, поездки на курорты. Молодежь чаще выбирает активные формы отдыха, тогда как женщины среднего поколения отмечают, что загруженность домашними обязанностями ограничивает их досуговую активность. В результате досуг становится еще одной сферой напряжения между традиционными и новыми практиками. Рурбанизация не устранила полностью сельские трудовые практики (самообеспечение продуктами, физический труд на земле), но дополнила их элементами городской культуры отдыха.

Коммуникационные практики также существенно изменились. Почти все респондентки имеют мобильную связь и доступ в интернет. Использование мессенджеров и социальных сетей сокращает разрыв между городом и селом, обеспечивает включенность женщин в единую информационную и сервисную инфраструктуру. Онлайн-банкинг, дистанционная запись к врачу, получение государственных услуг становятся неотъемлемой частью их повседневности.

В жилищной сфере особенно заметны изменения в пригородных зонах и районах с хорошей транспортной доступностью. Здесь растет доля благоустроенного жилья с «городскими» удобствами: водопровод, отопление, интернет. Это существенно меняет стандарты комфорта в сельской местности и формирует новые ожидания у молодого поколения. Повседневность сельских женщин наполняется чертами городской комфортной среды, невиданной для прежней сельской жизни.

Результаты исследования подтверждают, что рурбанизация ведет к трансформации сельской идентичности. Традиционный образ «крестьянки» сменяется множественной идентичностью, в которой сочетаются роли хозяйки, работницы, интернет-пользовательницы. Это отражает гибридный характер современного села, где сосуществуют и переплетаются элементы традиции и модерна. Миграционные стратегии также неоднозначны: часть женщин отмечает, что благодаря улучшению инфраструктуры у них отпала необходимость переезда в город, другие же, напротив, усиливают ориентацию на городскую жизнь, особенно молодежь. Особое значение приобретают маятниковые перемещения: женщины часто работают или учатся в городе, но продолжают жить в селе. Параллельно наблюдается встречный процесс – горожане переезжают в сельские территории в поисках экологического качества жизни, что формирует новые смешанные сообщества.

Таким образом, рурбанизация выступает ключевым фактором, определяющим современную повседневность сельских женщин в России. Она проявляется в потреблении, досуге, коммуникациях и жилищных условиях, формируя сельско-городской синтез. Эти изменения способствуют повышению качества жизни и частично удерживают население в селе, но одновременно поддерживают миграционные устремления молодежи.

Для развития сельских территорий важно учитывать гибридные идентичности и маятниковую мобильность, развивать инфраструктуру и цифровые сервисы, а также поддерживать баланс между сохранением традиций и внедрением инноваций в сельской местности. Это позволит не только повысить качество жизни женщин и их семей, но и укрепить социальную устойчивость сельских сообществ. В долгосрочной перспективе подобные меры создадут условия для более равномерного территориального развития и снижения миграционного оттока в крупные города.

Подготовлена при поддержке РНФ и КНФ, проект №24-28-20348 «Взаимодействие городского и сельского социумов в российских регионах: практики рурбанизации».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нефёдова, Т.Г. Между городом и деревней / Т.Г. Нефёдова, А. И. Трейвиш // Мир России. – 2010. – № 4. – С. 61–82.

2. Нефёдова, Т.Г. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Т.Г. Нефёдова, Н.Е. Покровский, А.И. Трейвиш // Социологические исследования. – 2015. – № 12. – С. 60–69.

3. Долгов, А.Ю. Село и город в работах П.А. Сорокина / А.Ю. Долгов // Координаты современной урбанистики: дискурсивные трансформации / под ред. И.А. Савченко. – М. : ИНФРА-М, 2023. – С. 210–225.

4. Tacoli, C. Rural-urban interactions: a guide to the literature / C. Tacoli // Environment & Urbanization. – 1998. – Vol. 10, №. 1. – P. 147–166.

5. Мельникова, Е.А. «Новая сельскость»: деревня в городских проекциях современных россиян / Е.А. Мельникова // Этнографическое обозрение. – 2020. – № 6. – С. 5–11.

УДК 930.1+351-049.5

ПРОБЛЕМЫ РАЗРАБОТКИ ИНДИКАТИВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ИХ МОНИТОРИНГА В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Мушта А. А.
доцент кафедры государственного управления,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат философских наук
г. Минск, Беларусь

Одним из ключевых компонентов эффективного мониторинга рисков, вызовов и угроз национальной безопасности является система их оценки на основе индикаторов (показателей).

Утвержденная VII Всебелорусским народным собранием Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [1] содержит 20 основных индикаторов (показателей) состояния национальной безопасности (п. 70), лишь один из которых – «*уровень доверия институтам государственной власти*» – косвенно может быть отнесен к области исторической политики.

Вместе с тем, белорусский законодатель исходит из того, что развитие Концепции национальной безопасности должно предполагать как совершенствование уже имеющейся совокупности индикаторов, так и введение новых оценочных показателей.

Сочетание институциональных, социально-политических и информационно-идеологических факторов выдвигает проблему разработки обоснованных индикаторов

исторической политики в разряд приоритетных не только для самой исторической политики, но и для политической безопасности, а также для их научно-аналитического обеспечения.

В наиболее общем виде *индикаторы исторической политики* – измеримые или описательные показатели, которые позволяют: формализовать (конкретизировать) задачи исторической политики, установить ее пороговые значения (триггеры), определить направления мониторинга и оценить эффективность задействуемых политико-управленческих мер.

Кроме того, выработка и институциализация таких показателей дают *возможность*: обозначить критерии успешности реализации программ и проектов в области исторической политики; обеспечивать раннее обнаружение рисков и отклонений; синхронизировать действия различных государственных ведомств и общественных организаций через общую систему показателей; обеспечивать корреляцию программ, проектов и мероприятий с их ресурсным планированием.

Отмеченный совокупный потенциал индикаторов станет возможным к реализации при условии соответствия каждого из них определенным требованиям. В ряду *принципов отбора и формулировки индикаторов* следует отметить: их соответствие целям и задачам исторической политики; измеримость и надёжность (доступность данных и воспроизводимость измерения); чувствительность и оперативность реагирования на изменения и риски; доступность интерпретации и верификации; баланс количественных и качественных метрик.

Наряду с этим, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на растущий массив литературы о политике памяти (исторической политике), имеющиеся академические публикации, как правило, фокусируются либо на глубинном анализе конкретных страновых «кейсов», либо на отдельных количественных аспектах (например, анализ учебников или учёт памятников и захоронений). Каких-либо работ, предлагающих интегрированную, мультиканальную систему индикаторов и связанных с ними процедур, адаптированных под цели и задачи комплексного мониторинга и оценки рисков исторической политики, автору читать не доводилось.

Впервые проблема разработки индикаторов для мониторинга и анализа различных аспектов исторической памяти и исторической политики в интересах национальной безопасности была рассмотрена автором в монографии [2]. Была предложена следующая совокупность индикативных показателей:

индикаторы, относящиеся к историческим нарративам (изменения в восприятии общественным мнением ключевых исторических нарративов);

индикаторы идентичности и коллективной памяти (показатели динамики национальной идентичности, изменения в отношении к ключевым историческим событиям и персоналиям);

индикаторы мест памяти (финансирование исторических проектов; количество отреставрированных и новых мемориалов и памятников);

индикаторы конфликтного пространства исторической памяти (динамика количества публичных дискуссий по ключевым вопросам исторической памяти, объем негативных комментариев);

индикаторы контента социальных медиа (количество и направленность публикаций и материалов);

показатели академических изданий (динамика и тематика публикаций);

индикаторы, относящиеся к внешнему контуру (заявления официальных лиц других стран по исторической проблематике, публикации в СМИ, научной литературе, связанные с Республикой Беларусь) [2, с. 107–108].

Отметим некоторые из *инструментов мониторинга* приведенных индикаторов: правовой мониторинг (контент-анализ нормативных актов); медиамониторинг (сетевой анализ, метрики охвата медийных материалов); данные репрезентативных социологических опросов; экспертный анализ обновления школьных программ и содержания учебников; анализ динамики инвестиций в мемориальную культуру; анализ динамики общественных инициатив по сохранению историко-культурного и мемориального наследия; автоматизированный и ручной контент-анализ, моделирование и т.д.

В итоге данный инструментарий позволит сочетать репрезентативность и оперативность количественных сигналов с объяснительной силой качественных данных.

Следует подчеркнуть, что предложенная выше совокупность индикаторов носит открытый и дискуссионный характер.

Так, они могут и должны быть дополнены в контексте таких тенденций и факторов, как: инструментализация исторической памяти; секьюритизация исторической политики; ревизионизм и фальсификация истории; поколенческие различия (молодые поколения формируют «новую память»); изменения в образовании и учебных программах; «новая медийная реальность» (цифровая трансформация дискурса, deepfakes, боты, генеративный искусственный интеллект) и др.

Кроме того, с точки зрения автора крайне важно иметь критерии по таким источникам угроз и обусловленных ими уровней опасности национальной безопасности Республики Беларусь, как:

разрозненность смысловых концептов государственной идеологии;

утрата значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и ориентиров;

изменение шкалы жизненных ценностей молодого поколения в сторону ослабления патриотизма и традиционных ценностей.

Отмеченные позиции непосредственным образом влияют на консолидацию и согласие в обществе, обеспечение стабильности и политической безопасности.

Таким образом, мониторинг исторической политики требует мультиуровневой панели индикаторов (институциональные, образовательные, материальные, медийные, цифровые, социологические), поскольку одиночные метрики, как правило, не дают целостной картины.

Индикаторный подход к исторической политике – не только научный инструмент, для повышения ее эффективности, но и практический механизм раннего предупреждения рисков (фальсификации истории, войны памяти) и связанных с ними угроз национальной безопасности.

Взятые в совокупности предложенные индикаторы могут помочь выстроить систематический мониторинг и анализ основных аспектов исторической памяти и исторической политики, позволят более предметно выявлять их ключевые тенденции и проблемы, повысят эффективность отслеживания исторического дискурса, будут содействовать дальнейшему закреплению в нем официальных нарративов и маргинализации деструктивных взглядов, способствовать выстраиванию таких смысловых маркеров, которые позволят любому гражданину более четко представлять национальные интересы и общую линию их достижения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : решение Всебелорус. нар. собр. от 25 апр. 2024 г. № 5. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2024. – 62 с. – (Правовая библиотека НЦПИ).

2. Мушта, А.А. Историческая политика и национальная безопасность: понятийный аппарат, теоретико-методологические основания, модели и практики реализации : монография / А.А. Мушта. – Минск: Академ. нац. безопасности Респ. Беларусь, 2025. – 218 с.

УДК 316.77

ОСОБЕННОСТИ МЕДИАПОТРЕБЛЕНИЯ В СЕМЬЯХ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ[1]

Нейман К. П.
младший научный сотрудник, аспирант
Института социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Семья – это среда, в которой индивид впервые начинает использовать медиа и СМИ. От членов семьи как агентов первичной социализации, способов проведения свободного времени во многом зависит, как ребенок, а затем и молодой человек будет оценивать и воспринимать информацию, поступающую из разных источников. В целом семейные практики медиапотребления взаимосвязаны с чувствительностью индивида к медиаопыту, формирующемуся в юношеские годы. Первый опыт использования медиа играет ключевую роль в медиасоциализации и проявлении специфики индивидуальных практик медиапотребления на последующих этапах становления личности [1, с 564]. Важно учитывать, что современные дети являются не просто пассивными объектами, усваивающими информацию от родителей по тем или иным аспектам взаимодействия с медиа. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий дети выполняют роль «цифровых гуру», помогая родителям приобретать цифровые навыки, способствуя доместикации медиа (феномен «медиапосреднечество») [2, с. 57–58].

Современные прародители, родители и дети являются представители разных медиапоколений. Например, прародителей можно назвать «поколением масс-медиа» – люди, чье детство и молодость прошли во время популярности и активного использования ими радио, печатных СМИ, кино. Затем появилось телевидение, а их пожилой возраст совпал с началом цифровизации. Родителей – «сэндвич-поколением» – теми, кто вырос с телевидением, прессой, кино и радио, а затем в их повседневную жизнь начали активно проникать цифровые медиа, и Интернет стал одним из значимых источников информации. Детей – «цифровым медиа поколением», т.е. индивидами, взрослевшими после появления цифровых медиа, и воспринимающими изменения, вызванные цифровизацией, как обязательный элемент своих медийных практик [1, с. 565].

[1] Материал подготовлен в рамках гранта «Роль средств массовой информации в социализации современной студенческой молодежи», финансируемого БРФФИ по договору № Г24МП-022 от 02.05.2024 г. (№ гос. регистрации 20241393).

В нашем исследовании особенности семейных практик медиапотребления рассматриваются сквозь призму мнений двух поколений «Z» («цифровая молодежь») и «X» («неизвестное поколение»). Как свидетельствует анализ существующей научной литературы, единого и общепринятого подхода к определению возрастного диапазона поколения Z не сложилось. Чаще всего ученые относят к данному поколению тех, кто родился после 1995 г. и до 2010 г. [3, с. 9]. «Z» отражают мнение представителей молодежи от 18 до 30 лет и являются частью той социальной группы (молодежи), которую оценивают. Для них Интернет (в том числе сайты, новостные порталы) признается «родным медиа», вызывающим наибольшую эмоциональную привязанность к нему, влияющим на формирование их медиасознания [4, с. 74]. «X» выражают мнение возрастной группы от 45 до 58 лет (поскольку период их рождения чаще всего указывается в диапазоне между 1965 г. и 1980 г.). Они являются сторонними наблюдателями за молодежью. Данное поколение открыто к приобретению новой информации и предпочитает обращаться к телевидению среди всех видов СМИ [3, с. 19–20].

Гипотеза исследования: в целом для белорусов телевидение остается фактором, сплачивающим членов семьи. Так, по данным мониторингового исследования Института социологии НАН Беларуси, реализованного в мае-июне 2023 г.[2], между наличием у респондентов детей (у 1402 из опрошенных есть дети) и просмотром телевидения[3] зафиксирована средняя значимая для генеральной совокупности связь. Опрошенные белорусы, у которых есть дети, смотрят телевидение практический каждый день (65,9%), что в 1,75 раза больше в сравнении с теми, у кого нет детей (37,7%).

Анализ индикаторов, в том числе ретроспективных (см. таблицу 1), отражающих практики медиапотребления в семьях, позволяет сделать ряд выводов. Половина опрошенных из поколений «Z» (48,8%) и «X» (59,4%) отметили, что в школьные годы после учебы смотрели телевизор. Это являлось одной из форм проведения досуга обоих поколений. При этом половина представителей поколений «Z» (49,4%) и «X» (50,9%) обозначили, что для их семей не характерно фоновое телесмотрение. Указанные категории опрошенных и члены их семьи осознано обращаются к телевидению, вовлечены в просмотр и указанный вид деятельности является для них первостепенным.

Более четверти обоих поколений (30,0% и 28,6% соответственно) согласны с тем, что в их семьях телевизор работает как «фон». То есть респонденты и члены их семьи одновременно совершают несколько активностей (например, молодое поколение общается в социальных сетях и мессенджерах во время просмотра телевидения). В результате информационное и социализирующее воздействие на них обладает спонтанным характером.

[2] Объем выборочной совокупности составил 1848 респондентов, Ошибка выборки ±2,28%, при уровне значимости α=0,05.

[3] X2=188,51, p=0, 00, p<0, 05, V=0,322, p=0,00, p<0, 05.

Таблица 1. Оценка степени согласия с утверждениями, в % от числа опрошенных[4]

Признак	Полностью согласен		Скорее согласен		Отчасти согласен, отчасти нет		Скорее не согласен		Совершенно не согласен	
	«Z»	«X»	«Z»	«X»	«Z»	«X»	«Z»	«X»	«Z»	«X»
В нашем доме радио слушают время от времени	15,2	23,7	7,9	9,7	19,5	17,6	8,3	10,0	49,1	39,0
В детстве мы с родителями вместе смотрели телевизор чаще, чем современные дети[5]	44,6	60,6	15,2	11,8	15,2	11,4	7,6	5,3	17,4	10,9
В нашей семье принято, чтобы телевизор работал как «фон»	15,0	16,3	15,0	12,3	20,6	20,5	16,0	17,3	33,4	33,6
Я не смотрю телевидение, а предпочитаю смотреть видео, фильмы, ролики на YouTube, RuTube, TikTok[6]	44,7	16,8	14,0	14,0	19,0	23,6	7,7	13,6	14,6	32,0
Я предпочитаю проводить свободное время в социальных сетях[7]	20,9	10,0	22,2	10,5	31,1	25,7	13,6	17,7	12,2	36,1
В школьные годы я после учебы смотрел телевизор	32,0	43,1	16,8	16,3	23,7	17,3	14,8	8,8	12,7	14,5

На изменение приоритетов в выборе медиа и трансформацию практик семейного телесмотрения указывают статистически значимые для генеральной совокупности связи между поколением и оценкой степени согласия с утверждениями:

• поколение «Z» реже отмечает, что в их детстве существовала традиция совместного просмотра телевизора с родителями, чем поколение «X» (слабая положительная). Данный результат объясняется тем, что в сегодняшних в условиях медиаконвергенции телевидение увеличивает индивидуализацию просмотра. Каждый член семьи имеет возможность поставить эфир на паузу, отложить просмотр и обладает выбором из широкой палитры программ, подкастов и шоу в сети. Обозначенная связь также подтверждает закономерность, установленную в результате зарубежных лонгитюдных исследований: молодежь смотрит телевидение меньше, чем их родители, но по мере взросления и социализации их потребности трансформируются, и длительность телесмотрения постепенно увеличивается [1, с. 563].

• поколение «Z» чаще предпочитает смотреть видео, фильмы и ролики на YouTube, RuTube и TikTok, чем смотреть телевидение, в отличие от поколения «X» (средняя отрицательная);

• поколение «Z» чаще предпочитает проводить свободное время в социальных сетях по сравнению с поколением «X» (средняя отрицательная).

[4] Составлено на основе данных республиканского опроса Института социологии НАН Беларуси 2024 г. Проведен в июле-августе 2024 г. Объем выборки – 1850 респондентов, из которых численность молодежи в возрасте от 18 до 30 лет – 339 человек или 18,3% от общей выборки, лиц в возрасте от 45 до 58 лет– 448 человек или 24,2% от общей выборки. Ошибка выборки ±2,28%, при уровне значимости α=0,05.

[5] X^2=18,15, p=0,001, p<0, 05, R Пирсона=0,148; p=0,000, p<0, 05.

[6] X^2=75,19, p=0,000, p<0, 05, R Пирсона=-0,310; p=0,000, p<0, 05.

[7] X^2=70,87, p=0,000, p<0, 05, R Пирсона=-0,308; p=0,000, p<0, 05.

Полученные мнения поколений по анализируемой тематике зависят, в том числе, от индивидуальных особенностей их медиапотребления. В 2024 г. регулярно [8] пользовались Интернетом (сайтами, новостными порталами) абсолютное большинство опрошенных в возрасте от 18 до 30 лет – 91,2%, социальными сетями – 90,8% и мессенджерами –88,2%. Среди лиц в возрасте от 45 до 58 лет число регулярных пользователей обозначенных медиа составило 84,4%; 75,5% и 71,2%, соответственно. Большинство представителей старшей возрастной группы (88,8%) и половина опрошенной молодежи (50,2%) являлись регулярными телезрителями, а не регулярными[9] 6,5% и 22,4% соответственно.

Более половины опрошенных поколения «X» (53,6%) и более четверти поколения «Z» (28,3%) регулярно читали газеты, журналы. Менее половины респондентов поколения «X» (44,2%) и менее трети поколения «Z» (31,9%) были регулярными слушателями радио. Около четверти представителей поколения «Z» (29,2%) и «X» (26,1%) нерегулярно читали газеты, журналы, а практический каждый пятый (18,9% и 17,4% соответственно) вошел в число нерегулярных слушателей радио. То есть можно утверждать, что белорусская молодежь использует традиционные СМИ с меньшей периодичностью, чем Интернет (сайты, новостные порталы) и социальные медиа (социальные сети и мессенджеры). Старшее поколение (45-58 лет) отдает предпочтение телевидению среди всех источников информации и чаще всего смотрит его на регулярной основе.

Таким образом, особенности медиапотребления в семьях представителей поколений «Z» и «X» обусловлены сформированными в процессе социализации медиапрактиками, быстрыми трансформациями информационного пространства и индивидуальными особенностями потребителей информации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Назаров, М.М. Медиапотребление в возрастных когортах: ТВ и Интернет / М.М. Назаров, В.Н. Иванов, Е.А. Кублицкая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20, №. 3. – С. 560–571.

2. Писаренко, И.А. Родители как субъекты влияния на развитие цифровых навыков детей / И.А. Писаренко, Л.И. Заиченко // Интеракция. Интервью. Интерпретация. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 54–80.

3. Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения: коллективная монография / под общей ред. д-ра социол. наук, проф. Шайхисламова Р. Б. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 228 с.

4. Sumskaya, A. Russian media generation of the «digital borderline». Theoretical reflection and empirical verification / A. Sumskaya, V. Solomeina // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. – 2022. –№4. – P. 68–93.

[8] Образует сумма ответов практически каждый день и не реже 1-2 раз в неделю.

[9] Считается по выбору варианта ответа «не реже 1 раза в месяц».

УДК 130.3

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ ЗНАНИЯ МИШЕЛЯ ФУКО

Никитина И. Ю.
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
кандидат философских наук
г. Минск, Беларусь

Употребление термина «социальное знание» предполагает его сравнение со знанием естественным, техническим, логико-математическим и пр. следует отметить, что любое знание является социальным по определению, так как вне общества возникнуть не может. В данном случае речь идет о знании социально-гуманитарном, объектом изучения которого являются человек и общество. Такое знание обретает статус научного значительно позднее, чем знание о природе. Классический тип научной рациональности возникает в результате первой глобальной научной революции конца XVI – начала XVII вв., и естественные науки обретают свой статус прообраза современной науки с использованием математического аппарата и экспериментальной методологии. Социально-гуманитарное знание конституируется как результат второй глобальной научной революции и дисциплинарной организации естествознания и обществознания лишь в XIX в. При этом научный статус социального знания по сей день является предметом споров вследствие собственной специфики – ряда ограничений в использовании эксперимента, отсутствия возможности претендовать на объективность истины и т.д. И если в сообществе представителей социально-гуманитарного знания существует консенсус относительно научного статуса данного знания, то представители естественных наук нередко относятся к своим коллегам гуманитариям с нескрываемым скепсисом.

Предпримем попытку разобраться в данном вопросе. Первым социально-гуманитарное знанием принято считать историю. Мы, разумеется, в данном случае оставляем за скобками знание философское, так как в момент возникновения отделить философию от науки не представлялось возможным. Греческое слово «история» означало расспрашивание, исследование. «До середины XVII века задачей историка было установление обширного собрания документов и знаков – всего того, что могло оставить в мире как бы метку» [1]. Так описывает эволюцию социально-гуманитарного знания М. Фуко. В классическую эпоху смысл деятельности историка меняется: ему необходимо не только описывать документы, но и наблюдать за происходящими событиями, пытаться описать их в какой-либо системе понятий, желательно, нейтральной. Поэтому, по мнению, М. Фуко, первой формой истории могла стать только история природы, так как природные объекты куда менее изменчивы, чем объекты социальные, не имеют ценностного измерения. Человек и общество становятся объектом познания примерно два века спустя, причем двойственный статус человека в качестве и объекта, и, одновременно, познающего субъекта ничуть не облегчал процесс и результат познания. Однако, как полагает М. Фуко, «собственная суть гуманитарных наук заключается не в человеке как привилегированном, по-особому сложном объекте… Создает их и отводит им особую область вовсе не человек, а общая диспозиция эпистемы… Таким образом, «гуманитарные науки» возникают не везде, где ставится вопрос о человеке, но везде, где в некотором присущем

бессознательному измерении подвергаются анализу нормы, правила…» [1]. Нормы, правила и ценности, и отношение к ним – вот подлинное поле социально-гуманитарных наук. Таким образом, «научность» социально-гуманитарного знания означает лишь вписанность его в эпистему определенной эпохи. Данное понятие является центральным в концепции «археологии знания» Мишеля Фуко, и его можно интерпретировать как систему понятий, диспозиций, концептуальных схем, которыми описывается социальная реальность в ту или иную эпоху. Понятие «эпистема» шире понятия «мировоззрение», так как, включает в себя не только сознательное, но и бессознательное по определению М. Фуко. Иначе говоря, знаменитый французский постструктуралист полагает невозможным использование объективистской методологии при получении, концептуализации социального знания и последующего его включения в публичный дискурс. Следовательно, только в рамках определенной культуры знание может быть дешифровано, но ключи к шифрам могут быть различаться весьма существенно. Понятие «эпистемы» достаточно часто сравнивают с понятием «парадимы» Т. Куна, однако эпистема – явление более фундаментальное, так как включают в себя как сознательное, так и бессознательное [2]. Кроме того, социальное знание, в отличие от естественнонаучного, всегда полипарадигмально.

Как считает М. Фуко: «Область современной эпистемы следует представлять скорее как обширное открытое трехмерное пространство. В одном из его измерений помещаются математические и физические науки, для которых порядок есть всегда дедуктивная и линейная последовательность самоочевидных или доступных верификации высказываний; в другом находятся науки (например, о языке, о жизни, о производстве и распределении богатств), которые стремятся к такому упорядочению прерывных, но сходных элементов, чтобы они могли вступить в причинные отношения и образовать структурные постоянства. Между этими двумя измерениями находится некая общая плоскость, которая может показаться, в зависимости от подхода, либо полем применения математики к эмпирическим наукам, либо областью того, что в лингвистике, биологии и экономии поддается математизации. Что касается третьего измерения, то это философская рефлексия… Гуманитарные науки исключены из этого эпистемологического трехгранника – по крайней мере, в том смысле, что их нельзя обнаружить ни в одном из этих измерений, ни на одной из наметившихся плоскостей. Но можно также сказать, что они и включены в него, поскольку именно в пробелах между этими областями знания, а точнее – в том самом объеме, который очерчен этими тремя измерениями, находят свое место гуманитарные науки» [1]. Таким образом, место гуманитарных наук в современной научной картине, по мнению Мишеля Фуко, лишь очерчено и, несмотря на временную дистанцию между временем публикации работы «Слова и вещи» и сегодняшним днем, статус социального знания существенным образом не изменился. По-прежнему знание о человеке и обществе не может сравниваться со знанием в области физики, химии, биологии по глубине проникновения в объект. Существенного продвижения достигли лишь технологии управления общественным мнением, что отнюдь не исключает различных кризисов, в том числе, кризисов доверия.

Мишель Фуко предпринял попытку обосновать место и методологический статус социально-гуманитарных наук в структуре научного знания, которая имеет огромное значение и для современности. Однако со времени публикации работ М. Фуко произошли грандиозные изменения, связанные с внедрением и в социальное пространство, и в сферу науки информационных технологий, чрезвычайно быстрым прогрессом разработок в области искусственного интеллекта. В настоящее время, по

нашему мнению, вопрос приобретает иной вид: является ли социальное знание отражением реальности сквозь призму эпистемы, или же оно является результатом социального конструирования, дискурсивными практиками, своеобразным симулякром, используя понятие другого великого французского автора Ж. Бодрийяра. Современные эпистемы содержат в себе и идеологемы, и мифологемы, создавая порой неразрешимый конфликт интерпретаций. Исторические науки в частности, и социальное знание в целом становятся, как никогда ранее, политизированными, а политики оперируют совершенно противоположными интерпретациями исторических фактов.

Такая ситуация не может удовлетворять ни историков, ни социологов, ни философов, поскольку «запретные поля» не способствуют развитию социального знания, а, напротив, ведет к его деградации. Представляется, что социальные исследования внутри научных сообществ должны быть нацелены на попытку открытия археологических напластований смыслов для плодотворного развития социального знания.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко – URL: http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt. (дата обращения: 06.09.2025).

2. Гашков, С.А. / К определению понятия «эпистема» в работе «Слова и вещи» Мишеля Фуко / С.А. Гашков. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-epistema-v-rabote-slova-i-veschi-mishelya-fuko/viewer (дата обращения: 07.09.2025).

УДК 32.019.51

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Нищименко Е. С.
аспирант кафедры политологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Определение понятия искусственного интеллекта во многих источниках сводится к тому, что искусственный интеллект (ИИ) – это компьютерная система, которая демонстрирует «разумное» поведение. Другие, определяют искусственный интеллект как систему, которая может рационально решать поставленные перед ней проблемы, а также предпринимать иные соответствующие действия для достижения целей, которые ей заданы [1, с. 128].

Искусственный интеллект и нейросети уже вплотную вошли в жизнь общества постсоветского пространства. Если на старшем поколении это еще не так отражается, то молодые люди уже активно используют возможности ИИ. Начиная от редактирования фото и заканчивая подготовкой научной или иной работы.

Еще несколько лет назад невозможно было представить, что технологический прогресс настолько ускорится, что создаст такого рода систему. И некоторые исследователи, и ученые уже начинают поднимать вопрос: как искусственный интеллект повлияет на все человечестве? Не станет ли искусственный интеллект альтернативой человеческому разуму?

Американский инженер Илон Маск так оценивает ситуацию с искусственным интеллектом: «ИИ представляет собой одну из самых серьезных угроз [для человечества]. Впервые мы сталкиваемся с ситуацией, когда у нас есть нечто, что будет намного умнее самого умного человека. Неясно, сможем ли мы контролировать это, но я думаю, что нужно стремиться направить [технологию] в выгодном человечеству направлении» [2].

Илон Маск выступил в числе исследователей и бизнесменов в сфере искусственного интеллекта, потребовавших приостановить разработки нейросетей, более мощных, чем GPT-4, хотя бы на полгода.

С 11 по 13 декабря 2024 года в Москве состоялась международная конференция «Путешествие в мир искусственного интеллекта», на которой принял участие Президент Российской Федерации В.В. Путин. Президент В.В. Путин в своем выступлении отметил: «При этом всё больше экспертов, учёных говорят о том, что развитие способности к рассуждениям уже в обозримой перспективе приведёт к появлению так называемого сильного искусственного интеллекта, то есть таких технологий, которые превзойдут людей в ключевых видах деятельности. Те процессы, на которые сейчас нужны годы, будут осуществляться, а в некоторых областях уже идут не за дни, а за часы, минуты и даже за секунды» [3].

Республика Беларусь не остается в стороне от этих процессов и активно использует возможности искусственного интеллекта.

В Беларуси начали формировать национальный технический комитет по стандартизации в сфере искусственного интеллекта. Он будет представлять объединение предприятий и организаций, заинтересованных в разработке стандартов в сфере ИИ. В числе основных функций комитета – разработка стандартов, рассмотрение их проектов, включая межгосударственные и международные, обеспечение интересов Беларуси при взаимодействии с аналогичными международными, региональными и национальными техническими комитетами других государств.

В нашей стране активно применяются технологии искусственного интеллекта в разных сферах экономики. От машиностроения и сельского хозяйства до банковского сектора. Эксперты уверены, что в ближайшие годы ИИ проникнет еще глубже в работу предприятий, бизнеса и в нашу жизнь. По оценкам аналитиков, в стране 79 процентов компаний уже используют ИИ в маркетинге. Чаще всего белорусские маркетологи с его помощью создают текстовый контент, ищут информацию, проводят исследования. А некоторые отдают на откуп даже управление социальными сетями компаний [4].

В Беларуси исследования с применяем ИИ проводятся постоянно в рамках государственных программ. Они касаются самых разных сфер – от медицины до машиностроения. Биологи используют ИИ для того, чтобы формировать новые лекарственные препараты, новые соединения. В машиностроении его применяют для облегчения проектирования новых транспортных средств. В медицине – для помощи в диагностике и прогнозировании развития заболеваний.

В Национальной стратегии устойчивого развития Беларуси до 2040 года предусмотрено, что практически во всех сферах экономики страны будет использоваться искусственный интеллект.

Но ИИ затронул не только вышеперечисленные сферы, но и общественную. И, как следствие, начался новый виток распространения фейков, но уже более высокого качества.

Сегодня также необходимо затронуть вопрос использования ИИ, как средства создания и распространения фейковых видео в интернете, как один из инструментов дискредитации в информационном пространстве.

В сентябре 2023 года на интернет-ресурсах стал активно распространяться видеоролик, где Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, выступая в парламенте, говорит по-французски. Видео довольно быстро стало популярным и набрало сотни тысяч просмотров. Зрители в комментариях, конечно, оценили юмор, но были те, кто поверил. Вот насколько качественный был фейк, созданный при помощи ИИ. При детальном изучении данного видеоролика можно заметить, что он ненастоящий, но если просматривать бегло и не зная ситуации, то в это вполне можно поверить.

Данный видеоролик был создан 1.5 года назад и носил безобидный характер.

Следующей волной использования возможностей ИИ стал январь 2025 года, когда в сети интернет начали массово распространяться видеоролики якобы с комментариями пресс-секретаря Президента Республики Беларусь Н.И. Эйсмонт. Посыл роликов уже был далеко не безобидный и касался взаимоотношений с Сирийской Арабской Республикой [5].

1. Уже летом 2025 года белорусское интернет-пространство пополнилось новым фейковым видео, созданным при помощи искусственного интеллекта, где Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, обращаясь к белорусскому народу, якобы объявляет о запуске инвестиционной платформы на базе «Беларусьнефти». По его словам, любой гражданин — от кассира до пенсионера – может вложить средства и получать стабильный доход, а в случае убытков «государство компенсирует потери» [6].

2. На самом деле таких заявлений глава государства не делал. Видео является подделкой, а инвестиционная платформа – фикцией, созданной для выманивания личных данных и денег у граждан.

Как можно определить количество таких фейковых видеороликов с каждым разом будет становиться все больше и больше, а качество их все лучше, поскольку ИИ не стоит на месте и постоянно совершенствуется.

Особенно высока вероятность использования ресурсов ИИ во время избирательных кампаний, когда, с целью дискредитации кандидата, будут использоваться созданные при помощи ИИ видео. ИИ оставляет свой след и после определенных экспертиз будет выяснено, что видео ненастоящее, но к тому моменту время будет упущено и кандидат потеряет возможности, а, следовательно, и голоса избирателей.

Таким образом можно сделать вывод, что буквально через пару лет найти реальную информацию в интернете будет очень непросто. И перед обществом станет вопрос, а где получать информацию точную и проверенную? И вот тут могут получить «второе дыхание» телевидение и даже печатные СМИ, как источники с менее скоростной, но более выверенной информацией и конкретным автором.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Солдатенко, Д.М. Искусственный интеллект: прошлое, настоящее и будущее / Д.М. Солдатенко. – Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 9. – С. 127–134

2. Маск оценил риски, что искусственный интеллект убьет человечество [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал информационного агентства «РБК». – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6542c4769a79478f1d339afb. – Дата доступа: 01.09.2025.

3. Путин рассказал, что может привести к появлению сильного ИИ [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал МИА «Россия сегодня». – Режим доступа: https://ria.ru/20241211/putin-1988663230.html. – Дата доступа: 02.09.2025.

4. Не только польза, но и угрозы: для чего хотят законодательно урегулировать ИИ в Беларуси [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал «Беларусь сегодня». – Режим доступа: https://www.sb.by/articles/rasstavit-tochki-nad-ii.html. – Дата доступа: 05.09.2025.

5. Видео с заявлением Натальи Эйсмонт о «политических изгнанниках» – фейк [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал информационного агентства «Минская правда». – Режим доступа: https://mlyn.by/08012025/video-s-zayavleniem-natali-ejsmont-o-politicheskih-izgnannikah-fejk/. – Дата доступа: 05.09.2025.

6. Дипфейк с Лукашенко используют для выманивания денег [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал информационного агентства «Минская правда». – Режим доступа: https://mlyn.by/01082025/dipfejk-s-lukashenko-ispolzuyut-dlya-vymanivaniya-deneg/. – Дата доступа: 07.09.2025.

УДК 331.108.2

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАДРОВОЙ РАБОТЫ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНАХ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Новаковская Д. Б.
научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт теории и практики государственного управления,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
г. Минск, Беларусь

Цифровизация кадровой работы является неотъемлемой частью общей цифровой трансформации государственного управления, поскольку именно кадровый потенциал определяет успешность реализации любых преобразований. Таким образом цифровизация требует как новых подходов к управлению и организации труда в государственных органах, так и новых компетенций, поэтому она включает два ключевых направления: внедрение цифровых технологий в работу кадровых служб и развитие цифровых компетенций государственных служащих [1, с. 190].

Цифровизация кадровой работы трансформирует отношения внутри одного из крупнейших работодателей – государства, что имеет огромный социальный эффект. Данный тезис подтверждается следующим:

• внедрение автоматизированных систем отбора (например, на основе анализа больших данных) позволяет минимизировать коррупционные риски и человеческий фактор при приеме на работу. Это создает более равные и справедливые условия для доступа к работе в государственных органах, что является важным аспектом социальных отношений;

• цифровые инструменты (электронный документооборот, цифровые профили работников и др.) меняют саму культуру работы в государственных органах, делая ее более гибкой, эффективной и ориентированной на результат, а не на бюрократические процедуры. Это трансформирует традиционные социальные отношения внутри коллективов;

• цифровизация позволяет внедрять системы непрерывного обучения и индивидуальных траекторий развития для государственных служащих, иных работников государственных органов. Это повышает качество человеческого капитала

в государственном секторе, что напрямую сказывается на качестве управления экономикой и социальной сферой.

Изучение опыта Республики Казахстан, Российской Федерации, и Кыргызской Республики позволяет выявить ключевые тенденции и адаптировать лучшие практики для Республики Беларусь.

С учетом изученного зарубежного опыта цифровизации кадровой работы в государственных органах в Республике Беларусь целесообразна реализация следующих перспективных направлений:

- внедрение аналогов «e-Qyzmet», ЕКС, «e-Kyzmat» для автоматизации и прозрачности процессов кадровой работы;
- разработать и внедрить рамочную модель цифровых компетенций государственных служащих, включающую в себя единые стандарты цифровой грамотности и подходы к их оценке, развитию и применению в государственных органах;
- развитие обратного наставничества для передачи цифровых навыков в государственных органах;
- обеспечить обновление и развитие материально-технической базы государственных органов, включая модернизацию компьютерного оборудования, внедрение интегрированных HRM-систем и повышение пропускной способности сетей;
- особое внимание уделить вопросам правового регулирования использования алгоритмов ИИ в кадровой работе, порядку обработки персональных данных, а также механизмам обжалования автоматизированных решений.

Цифровизация кадровой работы – ключевой элемент трансформации государственного управления. Успех зависит от системного подхода, сочетающего технологическое внедрение, развитие цифровых компетенций и адаптацию лучших международных практик с учетом национальной специфики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Панова, Е.А. Влияние цифровизации на корпоративную кадровую политику / Е.А. Панова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 101. – С. 186–204.

УДК 31.316.62

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ БЕЛАРУСИ РИСКОВ И ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ображей О. Н.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровые технологии и ИИ стремительно трансформируют общество, экономику и повседневную жизнь современного человека. Как отмечает К. Келли, развитие технологий происходит в экспоненциальных масштабах, и этот процесс необратим: «Изменения неизбежны. И задача научиться жить в современном мире, не снижая качество жизни [1]. В условиях быстрого технологического прогресса актуальной становится проблема взаимодействия человека и цифровых технологий.

Широкое внедрение в жизнедеятельность общества цифровых технологий, с одной стороны, открывает новые возможности, улучшает качество жизни, с другой – создает новые риски и угрозы, что делает изучение восприятия этих процессов критически важным.

Анализ восприятия населением возможностей и рисков цифровых технологий позволяет: 1) обеспечить комплексное понимание взаимосвязи между индивидуумом и технологической средой; 2) выявить культурные, экономические и социальные детерминанты этого восприятия на примере Беларуси; 3) прогнозировать, минимизировать и предотвращать потенциальные негативные социальные последствия, обеспечивая тем самым более плавный переход к цифровому обществу.

Согласно данным эмпирического исследования, проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2024 году, можно выделить шесть групп рисков, которые волнуют современных жителей Беларуси в большей степени. К ним относятся: 1) риски утечки данных, 2) технологические риски, 3) риски цифрового неравенства, 4) риски адаптации к новым условиям жизнедеятельности, 5) риски тотального контроля личности, 6) риски трансформации рынка труда (табл.1).

Таблица 1. Риски использования цифровых технологий

Группа рисков	**Риски использования цифровых технологий**	**%**
Риски утечки данных	Потеря личных финансов из-за появления новых видов мошенничества (кража денег с карты, предложение легкого заработка в Интернете и т.д.)	61,2
	Утечка персональных медицинских данных	43,8
	Проблемы кибербезопасности (утечка данных, взлом серверов и т.д.)	37,5
Технологические риски	Ошибки и сбои в работе цифровых медицинских приборов/оборудования	37,8
Риск тотального контроля личности	Тотальный контроль и отсутствие приватности (передача личных данных посредством, отслеживание перемещений человека и т.д.)	35,2
Риски адаптации к новым условиям жизнедеятельности	Преобладание виртуального общения над реальным	30,8
	Дискомфорт и стресс от слишком быстрого внедрения цифровых технологий в процесс обучения	15,6
Риск трансформации рынка труда	Риск потери рабочего места в связи с автоматизацией рабочего процесса/ отсутствия возможности переобучения в области цифровых технологий	18,6
Риск цифрового неравенства	Недостаточная обеспеченность/отсутствие банкоматов, инфокиосков	17,3
	Неравное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс	14,8
	Неравный доступ к использованию новых форм обслуживания клиентов	8,2

Наибольшие опасения у населения Беларуси связаны с рисками утечки данных. Лидирующую позицию занимает страх потери финансовых средств из-за появления новых видов мошенничества в цифровой среде. Это включает такие случаи, как кража денег с банковских карт, фальшивые предложения о легком заработке в интернете или другие виды онлайн-обмана. Этот риск отметили более половины опрошенных – 61,2% респондентов.

На втором месте по степени беспокойства находится риск потери персональных медицинских данных, которые могут быть использованы незаконно. Это касается утечек информации о здоровье, диагнозах, что может привести к шантажу, дискриминации. Данный аспект беспокоит 43,8% участников опроса. Далее следует беспокойство по поводу проблем кибербезопасности в целом, включая утечку

корпоративных данных, взломы серверов и подобные инциденты. Этот риск отметили 35,7% опрошенных.

Не менее значимы опасения, связанные с технологическими рисками, а именно качеством работы цифровых медицинских технологий и приборов. Жители Беларуси боятся сбоев, ошибок или неисправностей в работе таких устройств, которые могут привести к ухудшению здоровья или даже серьезным последствиям для пациентов. Этот риск указали 37,8% респондентов.

Значительную тревогу вызывает проблема тотального контроля и отсутствия приватности при использовании цифровых технологий. Это включает слежку за личной жизнью через социальные сети, камеры видеонаблюдения или сбор данных приложениями, что может привести к нарушению личных границ и этическим дилеммам. Данный аспект беспокоит 35,2% жителей Беларуси.

В меньшей степени население Беларуси выражает беспокойство по поводу рисков цифрового неравенства, т.е. неравного доступа к цифровым технологиям в различных сферах.

Согласно данным исследования к основным преимуществам цифровых технологий по мнению населения страны относятся (табл. 2):

• *появление новых форм, способов обслуживания клиентов*. Например, в сфере здравоохранения появление новых способов и форм доступа к медицинским услугам рассматривает в качестве преимущества каждый второй житель страны (50,0%); развитие современных платежных систем (интернет-банкинг, мобильный банкинг и электронные деньги) – 63,7% респондентов; появление международных торговых площадок – маркетплейсов (Wildberries, Ozon и т.п.) – 45,1%.

• *появление новых форм организации процессов***.** Цифровые технологии позволяют оптимизировать рабочие и управленческие процессы, делая их более эффективными и прозрачными. Например, в бизнесе внедряются автоматизированные системы учета и управления проектами, а в государственном секторе – электронные платформы для подачи документов и отчетности. Например, подчеркивают преимущества новых возможностей в диагностике, лечении и мониторинге здоровья 48,1% респондентов. Возможность дистанционного получения образования считают преимуществом 47% опрошенных.

• *появление новых способов организации повседневной жизни*. В качестве преимуществ около 60% жителей Беларуси отмечают расширение возможностей для общения с людьми, проживающими в различных уголках мира; 45,2% респондентов отмечают удобство онлайн-покупок, доставки товаров на дом, использования приложений для планирования расписания и умных устройств для управления домом.

• *появление новых профессий и форм занятости*. Новые возможности для заработка, включая удалённую работу и фриланс, рассматривают как преимущество 34,9% населения страны.

Как видим жители Беларуси в целом рассматривают цифровые технологии как двусторонний инструмент, оценивая возможности в виде появления новых форм, способов обслуживания, организации процессов, организации повседневной жизни, но также и риски, связанные, прежде всего, с вопросами безопасности данных и приватности. Результаты исследования согласуются с международными тенденциями в области восприятия технологий, однако имеют свои особенности, обусловленные культурным и социально-экономическим контекстом Беларуси.

Таблица 2. Возможности использования цифровых технологий

Возможности	Возможности использования цифровых технологий	%
Новые способы/формы доступа/обслуживания	Новые способы/формы доступа к медицинским услугам (онлайн-консультация врача, электронная запись к врачу, электронная очередь и т.д.)	50,4
	Появление международных торговых площадок – маркетплейсов (Wildberries, Ozon и т.п.)	45,1
	Новые формы обслуживания клиентов (онлайн обращения в сфере гос. услуг и ЖКХ, появление касс самообслуживания в магазинах и т.д.)	42,4
Новые формы организации процессов	Новые возможности в диагностике, лечении заболеваний и отслеживании состояния здоровья (цифровые тонометры и т.п.)	48,1
	Новое техническое оборудование, программное обеспечение для улучшения производственных процессов	34,3
	Появление новых форм организации образовательного процесса (электронные дневники, Telegram-боты, чаты и т.п.)	38,6
	Возможность получения знаний, образования дистанционно	47,0
	Появление новых форм платежных систем и возможностей осуществления финансовых операций (Интернет-банкинг, мобильный банк и т.п.)	63,7
	Появление банкоматов, инфокиосков	57,7
Новые способы организации повседневной жизни	Изменение способов организации повседневной жизни (онлайн заказ еды, билетов, система «умный дом» и т.д.)	45,2
	Расширение возможностей общения с людьми в любой точке мира	58,1
Новые профессии и формы занятости	Появление новых профессий и форм занятости, новых возможностей для заработка (удаленная работа, фриланс и т.д.)	34,9

Полученные данные могут служить основой для разработки адаптированных стратегий и нормативно-правовых актов, способствующих безопасному и этичному внедрению цифровых инноваций в Беларуси.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Келли, К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее / К. Келли. – М.: Манн, Иванов и Фербер. – 2017. – 352 с.

УДК 37.06

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Островский С. Н.
доцент кафедры экономической социологии
и психологии предпринимательской деятельности,
Белорусский государственный экономический университет
кандидат психологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Современная система образования не лишена ряда недостатков. Основная и типичная причина недостатков – это отсутствие полноценной связи теории с практикой, а в контексте воспитания – отсутствие целостного теоретического обоснования процесса духовно-нравственного становления и развития личности [3]. К сожалению, в современной системе образования отсутствует четкая, носящая системный характер, взаимосвязь между государственными, народными, национальными и религиозными традициями. В теории проблемы духовно-нравственного развития личности отображены

более-менее полно, но на практике существует серьезное противоречие при переходе одной сферы в другую. Так, например, существует противоречие между семейным воспитанием, основанным на традиционных воззрениях народа и проектированием образовательной среды без учета семейных традиций; противоречие между идеалом современной личности и антропоморфизмом, (креационизмом); противоречие между психофизическим развитием ребенка и процессом его духовного становления и т. п.

В настоящее время возникает необходимость создания некоего не столько технологического, сколько культурного суверенитета. Важно учитывать, что хорошо поставленное образование в приоритете будет иметь национальные интересы, государственную безопасность, самостоятельность и независимость. К сожалению, современная система образования изобилует излишней бюрократизацией, которая находит свое выражение в многочисленных демонстрациях отчетов, журналов и т.п., что по сути своей подменяет качество образования на его количество. Безусловно, техническая составляющая, хорошая материальная база способствует развитию личности, но образованным обучаемого делает именно передача человеческого опыта от человека к человеку. Излишняя автоматизация (например анкетирование, тестирование), отсутствие собеседования особенно на гуманитарных дисциплинах, подменяет не только смысл процесса образования, но и его содержание [2].

Кроме того, следует констатировать, что в настоящее время снижен престиж профессии учителя и преподавателя. Да и сам преподаватель лишен целого ряда мер воспитательного характера, поскольку процесс образования сводится к подготовке более специалиста, нежели личности как таковой.

Каковы же меры по устранению существующих недостатков? Первое необходимое условие для полноценного духовно-нравственного развития человека – это повышение престижа профессии учителя (преподавателя). Вторым условием должна выступать привлекательная материальная составляющая, а именно – достойная оплата труда педагогических работников. Третье условие – достойный социальный пакет, возвышающий педагогических работников, что опять же привлечет в эту профессию молодых специалистов [4].

При духовно-нравственном развитии личности следует учитывать и зарубежный опыт. Так, например, китайская модель образования основывается на аккумулировании опыта других стран, а японская модель подразумевает развитие образования в контексте своей культуры и традиций. Если говорить о нашей стране, то следует обратить внимание на некий срединный путь, когда следует придерживаться своих национальных интересов и традиций, но при этом применять к себе проверенной практикой положительный опыт развития образования и других стран. К сожалению, в девяностые годы прошлого столетия в новых независимых государствах патриотизм был низведен и поруган, утрачено воспитание целомудрия, больше внедрялось сексуальное просвещение, физическая культура уступила место валеологии. Семья как институт осталась практически незащищенной. В это время западные системы ценностей привнесли в жизнь молодого поколения культ гедонизма, непослушания, ориентацию на материальные ценности. Постановка образования на рыночные рельсы привело к изменению содержания образования, существенные изменения при этом произошли в гуманитарных сферах, которые, фактически, перестали котироваться наряду с сферами технократическими (сократились количества часов на гуманитарные предметы в школах и вузах, снизился поток абитуриентов на соответствующие специальности и т. п.). Все это нашло свое отображение в цели обучения и воспитания, поскольку важными стали

признаваться успешность, карьера, личностный рост, при полном отсутствии духовного развития личности, с соответствующей иерархией мотивов развития и ценностей.

Следует констатировать, что истинное патриотическое воспитание, корни которого кроются в духовно-нравственном стержне личности, затруднено внедрением в сознание современного человека западного представления о жизни с его «благами» и «бескорыстностью» (практика проводимой Россией СВО показала, что из себя представляет так называемый цивилизационный Запад и его ценности).

В заключении следует отметить, что образование следует понимать как восстановление целостности человека, предполагающее развитие его как личности в созидающим направлении. Важно понять, что обретаются в процессе обучения. При этом обучаемый сам должен стремится их понять, осознать и научиться применять на практике. Иными словами, образование не сводится к банальному доказанию истины только доводами учителей-воспитателей, а к познанию как открытию, которое сопровождается соответствующим описанием и практикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Островский, С.Н. Духовно-нравственное просвещение как основной фактор обеспечения информационной безопасности / С.Н. Островский // Наука, образование, производство для противодействия техногенным угрозам и решения экологических проблем (Техносферная безопасность – 2025): Сб. матер. XXII Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 6 мая 2025 г.) / отв. ред. Э.С. Насырова / Уфимск. ун-т науки и технологий. – Уфа: Уфимский университет, 2025. – С. 136-141.

2. Современные проблемы образования / Е.Д. Перевезенцева, В.К. Корсакова, А.Г. Бачинский, В.А. Новиков. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-problemy-obrazovaniya-1. (дата обращения: 20.08.2025).

3. Шестун, Г. Основные проблемы современного образования / Г. Шестун. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Georgij-Shestun/osnovnye-problemy-sovremennogo-obrazovanija/ (дата обращения: 20.08.2025).

4. Шестун, Г. Противоречия в современной системе образования и пути их разрешения / Г. Шестун. – URL: https://portal-slovo.ru/pedagogy/37858.php?ELEMENT_ID=37858&SHOWALL_1=1 (дата обращения: 20.08.2025).

УДК 631.158:658.3.014-055.2

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ЗАНЯТОСТИ СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН

Пашкевич О. А.
заведующий сектором трудовых и социальных отношений,
Республиканское научное унитарное предприятие
«Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси»
кандидат экономических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Реализация гендерной политики в Республике Беларусь базируется на правовых, организационных, административных основах гендерного равенства. Принцип равноправия обеспечивается предоставлением женщинам равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, реализации права на труд и вознаграждение за него, общественно-политической и культурной деятельности, а также специальными мерами по охране труда и здоровья женщин. В

республике значительно расширены возможности самореализации женщин, обеспечено многообразие форм их участия в социально-трудовой деятельности. Принимаются действенные меры по улучшению труда сельских женщин, сокращаются должности и профессии с вредными условиями труда. На законодательном уровне дискриминационные положения в отношении женщин отсутствуют.

На решение проблем занятости в сельском хозяйстве и на сельских территориях направлено выполнение отдельных индикаторов Национальной системы показателей достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) на период до 2030 гг., в частности целей: 1 «Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах»; 2 «Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства»; 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек»; 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех».

Одним из эффективных инструментов достижения задач по обеспечению равных возможностей женщин и мужчин является разработка и реализация национальных планов и программ. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793 утвержден Национальный план действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 гг. [1], который является программным документом, предназначенным для обеспечения координации работы государственных органов и общественных организаций в области практической реализации гендерной политики. В комплексе его мероприятий предусмотрено содействие женщинам, в том числе в сельской местности, в организации предпринимательской, ремесленной деятельности, а также деятельности по оказанию услуг в сфере агроэкотуризма путем оказания консультативной, методической и правовой помощи, обучения правовым и финансовым основам предпринимательской деятельности, предоставления финансовой поддержки в виде субсидий.

Как показывает практика, в Республике Беларусь выработаны своевременные меры экономического и социального характера, упреждающие развитие негативных последствий кризисных явлений: разработаны и реализуются стратегии занятости, системы социальной защиты и обеспечения продовольственной безопасности, которые позволяют избежать социальных потрясений, и способны оперативно и эффективно реагировать на существующие и новые проблемы в обществе. В сельской местности их реализация требует правовых, финансово-экономических и организационных мер, определяющих действия органов государственного управления и организаций местного самоуправления в сфере занятости населения с ориентацией на формирование многоукладной сельской экономики с учётом местных условий и характерных особенностей.

На протяжении последних лет в научной литературе актуален ряд вопросов, посвященных изучению женской занятости и особенностям трудовых отношений с ними [2, 3], в том числе в отраслевом разрезе [4, 5]. Исследования свидетельствуют, что сельская местность теряет свой демовоспроизводственный потенциал, особенно из-за качественных характеристик населения. Растет диспропорция в соотношении мужчин и женщин детородного возраста, где ярко проявляется дисбаланс: в городах выше численность женщин, а в сельской местности – мужчин.

Анализ динамики показателей миграции в разрезе областей республики показывает миграционную убыль (кроме Минской области). Кроме того, интенсивность миграционных потоков из сельской местности усиливается. Исследованиями установлено, что миграция, и в большей степени внутриреспубликанская, приводит к

неравномерному распределению населения по территории республики. Во внутриреспубликанских перемещениях выше миграционная активность женщин. В большинстве сельских районов республики наблюдается миграционная убыль населения с преобладанием оттока именно женщин в молодом возрасте и с более высоким уровнем образования. Фактором, влияющим на появление таких диспропорций, являются проблемы на рынке труда в сельской местности. Ограниченные возможности трудоустройства, а также низкая заработная плата в ряде социальных отраслей инициируют молодых женщин мигрировать в районные центры и крупные города, где больше возможностей для трудоустройства. Высокая мобильность молодых женщин приводит к трансформации половозрастной структуры населения, о чем и свидетельствуют данные таблицы.

Оптимизация численности занятых в сельском хозяйстве соответствует мировым тенденциям. Это можно рассматривать как положительное явление в условиях развития и полноценного функционирования сферы услуг в сельской местности. В Беларуси динамика структуры занятости в сельской местности имеет положительную тенденцию: в отраслях материального производства она сокращается, а в сфере услуг – увеличивается. Расширение сферы услуг потребует, с одной стороны, увеличения государственных расходов на развитие социальных отраслей, создания инвестиционной привлекательности сельской местности – с другой.

Наибольшую долю в гендерной структуре сельского населения республики в настоящее время занимают женщины – свыше 50 %. Сложившаяся же возрастная структура свидетельствует о том, что сельские женщины в трудоспособном возрасте составляют 42 %. Кроме того, анализ структуры рабочей силы по уровню образования в сельской местности свидетельствует, что имеется потенциал развития женского предпринимательства из числа безработных женщин.

Это определяет широкие возможности для расширения сферы женского предпринимательства на селе. Стимулирование данного направления будет способствовать также привлечению дополнительных человеческих ресурсов в сельскую местность, что позволит укрепить демографическую базу села. Здесь для сельских женщин открываются новые возможности применения их навыков в организации он-лайн продаж, приема заказов, консультирования, проведения дегустаций, рекламы продукции местных ремесленников и т.д.

Активизации женского предпринимательства в сельской местности также поспособствуют информационно-консультационная работа и организация интерактивных площадок с участием сельских женщин, проведение виртуальных мастерских, фестивалей женских сельских инициатив.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000793&p1=1 (дата обращения: 12.08.2025).

2. Базылева, М. Гендерные особенности при исследовании трудовых отношений / М. Базылева // Аграрная экономика. – 2007. – № 5. – С. 48–53.

3. Блинова, Т. Отношение сельских женщин с детьми к профессиональной занятости / Т. Блинова, А. Вяльшина // Человек и труд. – 2011. – № 11. – С. 21–25.

4. Голубева, Л.Ф. Особенности женского труда в сельскохозяйственном производстве / Л.Ф. Голубева // Вестник ТГУ. – 2017. – Вып. 5(49). – С. 296–299.

5. Шевченко, И.О. Мотивация и ценностные ориентации работников в гендерном контексте / И.О. Шевченко // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». – 2022. – № 1. – Ч. 2. – С. 169–181.

УДК 316.4.06

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Перепелкин В. А.
аналитик центра цифровой социологии «Ядов-центр»,
Российский государственный гуманитарный университет
г. Москва, Россия

Широкое распространение социальных сетей сформировало новое пространство социального взаимодействия и изменило формы публичной политики, механизмы легитимации управляющего класса, коммуникацию между государством и обществом.

Фундаментальное отличие новых форм информационного обмена от традиционных состоит в децентрализации потоков коммуникации [1, с. 67]. Сети создают широкий потенциал для горизонтального взаимодействия субъектов, что принципиально меняет публичную сферу. В информационном пространстве появляются акторы, обладающие большим сетевым капиталом, способные формировать смыслы и нарративы, принадлежность к сетям становится источником власти над сознанием масс.

Официальные публичные политики также стремятся овладеть цифровым капиталом, исследователи фиксируют рост репрезентации истеблишмента в социальных сетях [2, 3]. Увеличивается и их сетевая активность, наше исследование показывает, что в среднем на один аккаунт приходится более двух публикаций в день. Кроме того, они вступают в непосредственное взаимодействие с электоратом, отвечают на комментарии и обращения. Однако стала ли эффективнее публичная политика в интернете? Сопоставимо ли их влияние с акторами цифровой власти, лидерами общественных мнений в интернете?

Для ответа на этот вопрос мы отобрали аккаунты политиков, занимающих высшие посты в федеральных органах власти и лидеров влияния в интернете, обладающих совокупной аудиторией в социальных сетях свыше одного миллиона человек. Было проанализировано 11074 записи, комментарии к ним, а также сетевые метки аккаунтов (объем аудитории, реакции, просмотры, репосты). Для релевантности сравнения мы рассматривали инфлюенсеров, публикующих контент на социально-политическую тематику, а также отбирали верифицированные профили чиновников с аудиторией свыше 50 тыс. чел, чтобы исключить пассивные и фейковые аккаунты. Сбор данных был произведен с помощью сервиса Popsters из социальных сетей ВКонтакте, YouTube и Телеграм в период с 01.02.24 по 28.02.24. Полученные данные были проанализированы с помощью качественного контент-анализа.

В процессе анализа было выявлено, что из всех представителей российской политической элиты, за редким исключением, в социальных сетях представлены лишь главы субъектов федерации, депутаты государственной думы и сенаторы совета федерации. Руководители министерств, ведомств и другие представители исполнительной и судебной власти на федеральном уровне не имеют публичных аккаунтов в интернете. С нашей точки зрения, это связано с тем, деятельность бюрократического аппарата не требует публичности, в то время как депутаты, сенаторы и главы субъектов обязаны заниматься донесением государственной политики гражданам.

Контент-анализ аккаунтов представителей официальной власти продемонстрировал, что они имеют множество общих черт. Доминирующим типом

публикаций стали сухие отчеты о проделанной работе, сопровожденные фотографиями с совещаний, встреч и мероприятий (рис.).

Политики преимущественно пишут о своей работе, их посты лишены эмоциональной окраски, субъективных оценок и мнений. Эта закрытость во многом обусловлена стремлением избежать репутационных рисков и отсутствием возможности формировать повестку. Последнее связано с тем, что политики занимаются трансляцией коллективного нарратива и ограничены его рамками в своей публичной деятельности.

Этим можно объяснить тот факт, что истеблишмент к сегодняшнему дню отстает от акторов сетевой власти по показателям популярности и лояльности аудитории, которую мы измеряли через индексы, сконструированные на основе выделенных сетевых метрик. Инфлюенсеры, чья деятельность сосредоточена на приобретении личной популярности, более свободны в своей сетевой активности. Это позволяет им моментально реагировать на происходящие события, транслировать собственные оценки и мнения, эмоционально и личностно проявляться. Гибкость, адаптивность, возможность формировать собственные нарративы, способствует персональной популярности авторов, что отражается в показателях, введенных нами в исследовании.

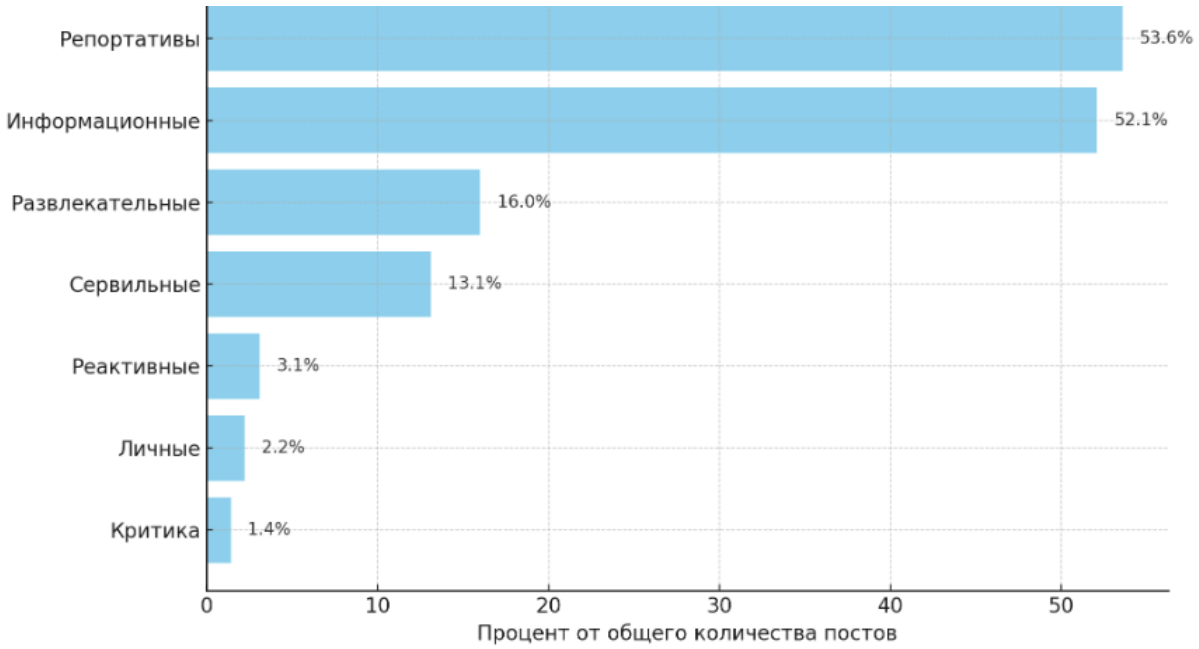

Рисунок. Количество опубликованных постов разного типа представителями политической элиты, %

Стала ли публичная политика более эффективной? Отчасти да, растет репрезентация политиков в социальных сетях, увеличивается степень их взаимодействия с обществом, усиливается и вовлеченность аудитории, если сравнивать показатели с более ранними периодами. Но необходимость совершенствовать методы сетевой работы остается актуальной, с увеличением интенсивности взаимодействия заметнее становятся отписки, ошибки в коммуникации, публикации, вызывающие недовольство граждан. Кроме того, истеблишмент всё ещё уступает инфлюенсерам в эффективности своего сетевого взаимодействия по показателям объема и лояльности аудитории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кастельс, М. Власть коммуникации. / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных. – М.: Юрайт, 2006. – 459 с.

2. Крыштановская, О.В. Исследования политической коммуникации: государство и социальные сети / О.В. Крыштановская, А.М. Филиппова. – Вестник ГУУ. – 2018. – № 6. – С. 45–53.

3. Крыштановская, О.В. Элита в сетях: новые формы обратной связи в цифровую эпоху / О.В. Крыштановская // Цифровая социология. – 2019. – № 2. – С. 4–11.

УДК 327.3:321.7(476)

ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ БЕЛАРУСИ

Петров Е. А.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
магистрант Белорусского государственного университета
г. Минск, Беларусь

Современный этап развития международных отношений характеризуется фундаментальной трансформацией миропорядка. Распад биполярной системы ненадолго приблизил мир к однополярности во главе с США, однако эта модель быстро показала свою несостоятельность. Стремительное развитие новых центров силы указывает на тенденцию формирования многополярности, которая стала одной из наиболее признанных концепций в анализе глобальной динамики. Новая мировая система продолжает находиться в стадии формирования и ключевой особенностью текущего переходного периода является высокая степень неопределенности и турбулентности. Если биполярная система, несмотря на риски ядерного противостояния, отличалась относительной предсказуемостью и четко очерченными сферами влияния, то современная международная обстановка характеризуется отсутствием четких правил игры и постоянным пересмотром баланса сил. Потенциальное формирование многополярной модели мироустройства сопровождается возникновением конфликтов интересов, борьбой за природные ресурсы и переделом сфер влияния между старыми и новыми центрами силы. Глобальная трансформация напрямую воздействует на национальную безопасность страны, что актуализирует исследование влияния геополитической неопределенности на эволюцию общественно-политической модели и механизмов обеспечения народовластия в Республике Беларусь.

При характеристике современного порядка актуальным становится использование термина «турбулентность». Одним из родоначальников разработки феномена глобальной турбулентности является американский ученый-международник Дж. Розенау. Он выделил в качестве ключевой особенности современной мировой политики состояние переходности, при которой сложившиеся правила игры еще не перестали действовать, а новые еще не начали функционировать в полной мере. Следствием этого является вхождение мировой политики в «зону турбулентности» [1]. Главная особенность такой политической среды – тотальная неопределённость, при которой отсутствуют какие-либо закономерности и предсказуемость. Развитие данной концепции было продолжено многими как зарубежными, так и постсоветскими исследователями. Среди зарубежных авторов анализом проблематики глобальной

неопределенности и турбулентности выделяются работы Р. Хааса, А. Гринспена, Н. Талеба, Х. Мауля. В работах постсоветских, прежде всего российских авторов, феномен неопределенности и турбулентности в мире анализировался Д. В. Ефременко, В. И. Пантиным, Д. С. Полуляхом, Н. М, Сиротой, Н. А. Барановым, И. В. Розовым, М. А. Неймаркым и др.

Причины глобальной турбулентности, выделяемые различными авторами, чрезвычайно разнообразны и затрагивают все сферы международной жизни: политическую, военную, экономическую, социальную, технологическую, информационную, климатическую и др. Все эти процессы сопровождают современный переходный процесс миропорядка. Множественность подходов к объяснению причин турбулентности подчеркивает сложность современной эпохи переходного периода, когда различные факторы усиливают и усложняют друг друга, создавая кумулятивный эффект нестабильности.

Взгляд на мировую политику через призму турбулентности и нестабильности прочно вошел не только в научный, но и в политический дискурс. А. Г. Лукашенко не раз в своих речах характеризовал современную международную обстановку как находящуюся в состоянии нестабильности, непредсказуемости и разрушения устоявшихся норм международного права. Например, в ходе встречи с Президентом Республики Куба (июнь 2025 г.) он констатировал: «Сегодня мир проходит этап мощнейшей турбулентности. И пока старые международные структуры буксуют, у новых еще недостаточно ресурса, чтобы разрешить кризисы, а тем более предотвратить эти кризисы. Над этим нам нужно трудиться сообща» [4].

Феномен неопределенности, как ключевая характеристика турбулентности, на индивидуальном уровне порождает психологический дискомфорт и страх, являющиеся естественной реакцией мозга на непредсказуемость. В сфере политики неопределенность также предстает как серьезная угроза. Эта неопределенность, воспринимаемая как источник рисков, заставляет политические силы разрабатывать и имплементировать упреждающие меры и стратегии по нейтрализации потенциальных угроз. Они прилагают усилия к осознанию, обузданию и, в конечном счете, управлению этими процессами. Глобальная турбулентность тем самым напрямую влияет на внутренние политические процессы.

Современные изменения системы народовластия в Республике Беларусь можно рассматривать через призму глобальной неопределенности, турбулентности, которая выступает одним из важных внешних факторов, влияющих на внутренние процессы в государстве и определяющих необходимость адаптации и поиска более устойчивых моделей управления. Так, в 2022 г. Республика Беларусь предприняла существенный шаг по модернизации своей политической системы и развитию народовластия: в феврале 2022 г. был проведен референдум по внесению изменений в Конституцию. Центральным элементом обновленной конституционной системы стало значительное расширение полномочий Всебелорусского народного собрания (ВНС), которое было провозглашено высшим представительным органом народовластия. Представляется возможным утверждать, что внешняя неопределеность послужила одним из главных катализаторов данной конституционной реформы, целью которой было укрепление суверенитета и создание более устойчивых механизмов обеспечения народовластия в ответ на вызовы времени. Данный тезис подтверждается как временными рамками – реформа последовала за кризисными явлениями 2020 года, которые стали проявлением глобальной неопределенности и внешнего вмешательства во внутренние дела Беларуси, – так и конкретными положениями обновленной Конституции. Так, одним из элементов реформы стало введение дополнительных гарантий защиты от иностранного влияния. В частности, были ужесточены требования к кандидатам на

пост Президента: теперь ими не могут быть лица, имевшие когда-либо гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, предоставляющий право на льготы и преимущества от иностранного государства [5]. Связь между глобальной турбулентностью и эволюцией белорусской модели народовластия можно проследить в документах стратегического планирования. После конституционной реформы 2022 года были разработаны и приняты новые редакции Концепции национальной безопасности и Военной доктрины Республики Беларусь. В утвержденной Всебелорусским народным собранием 25 апреля 2024 года Концепции национальной безопасности констатируется: "В целом ситуация в мире и перспективы ее развития характеризуются высоким уровнем опасностей, неопределенностью, труднопрогнозируемыми последствиями" [6]. Аналогичные оценки содержатся в обновленной Военной доктрине, что свидетельствует о восприятии белорусским политическим руководством современной международной обстановки в соответствии с концепцией глобальной турбулентности [7].

В условиях глобальной турбулентности формируются не только новые стратегии нейтрализации угроз, но и новые подходы к реализации внешней политики, среди которых особое место занимают, например, гибридные войны. Они представляют собой одновременно следствие и новый источник геополитической турбулентности. Их характерной особенностью является стирание граней между внутренними и внешними угрозами безопасности государства. Использование широкого спектра невоенных средств – информационных, экономических, политических – позволяет оказывать целенаправленное давление на суверенные государства, подрывая их внутреннюю стабильность. Наиболее уязвимыми становятся страны в зоне геополитического соперничества, такие как Беларусь, для которых многократно возрастает фактор неопределенности и риски стать объектом противоборства более мощных держав. Ярким примером проявления гибридных угроз стали события 2020 года, когда внешнее вмешательство осуществлялось через поддержку протестных настроений и попытки дестабилизации внутриполитической ситуации в стране. Этот пример наглядно демонстрирует, как глобальная неопределенность трансформируется в конкретные вызовы для политической системы Беларуси.

Таким образом, глобальная турбулентность стала одним из ключевых внешних факторов, влияющих на формирование белорусской общественно-политической модели и обеспечение народовластия в стране. Ответом на глобальную турбулентность и порожденные ею вызовы национальной безопасности стала комплексная адаптация, включающая конституционную реформу, институциональные изменения (наделение новыми полномочиями ВНС) и пересмотр механизмов реализации народовластия. Эволюция белорусской модели государственности, тем самым, является наглядным примером того, как глобальная неопределенность определяет внутренние политические процессы, заставляя пересматривать и укреплять институты управления.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Полулях, Д.С. Турбулентность как характеристика современного миропорядка / Д.С. Полулях // Политическая наука. – 2017. – № S. – С. 245-260.

2. Баранов, Н.А. Турбулентность – характерный признак современной мировой политики / Н.А. Баранов // Обозреватель. – 2018. – № 2(337). – С. 6-16.

3. Глазунов, И.М. Анализ динамики развития международных процессов в работах Джеймса Розенау / И.М. Глазунов // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 162-178.

4. Лукашенко: мир проходит этап мощнейшей турбулентности, и старые международные структуры буксуют мигрантов / Информационный портал БелТА [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://belta.by/president/view/lukashenko-mir-prohodit-etap-moschnejshej-turbulentnosti-i-starye-mezhdunarodnye-struktury-buksujut-722841-2025/.

5. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности основного закона и обновленной государственности // Национальный правовой портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pravo-sovremennoy-belarusi-istoki-uroki-dostizheniya-i-perspektivy/2022/izmeneniya-i-dopolneniya-konstitutsii-respubliki-belarus-olitsetvorenie-samobytnosti-osnovnogo-zakon/.

6. Об утверждении Концепции Национальной безопасности Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005.

7. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0006.

УДК 316

СОЦИАЛЬНАЯ ВКЛЮЧЕННОСТЬ В ОБРАЗОВАНИИ: ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА БУДУЩИХ ПОКОЛЕНИЙ

Пищикова М. В.
ассистент кафедры социологии,
Санкт-Петербургский государственный технологический институт
(технический университет)
г. Санкт-Петербург, Россия

Современная система образования во всем мире сегодня претерпевает множество изменений, многие из которых связаны с развитием социальной включенности обучающихся с ОВЗ, подразумевающую создание условий для обучения студентов с особыми образовательными потребностями [2; с. 67]. Именно по этой причине социальная включенность в системе образования рассматривается как стратегическая инвестиция в будущее [5; с. 15], формирующаяся в качестве социального капитала.

Следует отметить, что процесс социальной включенности студентов с ОВЗ сталкивается с большим количеством препятствий, в том числе, нехватка финансирования, нехватка квалифицированных педагогических кадров, института тьютерства, негативное отношение общества к лицам с ОВЗ и отсутствие необходимой инфраструктуры [6; с. 17]. На фоне данных препятствий возникает закономерный вопрос о том, как именно социальная включенность в системе образования влияет на формирование социального капитала обучающихся с ОВЗ.

Целью данной работы является анализ роли социальной включенности в формирование социального капитала студентов с ОВЗ.

Основой исследования выступает теоретический подход П. Бурдьё социального капитала, рассматривающийся в качестве ресурсов, возникающих из социальных связей и отношений, которые включают в себя доверие, взаимность, сотрудничество [1; с. 13]. Важно отметить, что образование является одним из ключевых институтов накопления социального капитала [4; с. 35], именно по этой причине важным становится не только доступ к нему, но и создание условий для социальной включенности обучающихся и профессорско-преподавательского состава.

В свою очередь, социальная включенность выступает в качестве двигателя социального капитала, помогая обеспечивать равенство, доступность, участие, а также отсутствие дискриминации в системе образования [3; с. 56]. Важно понимать, что социальная включенность каждого участника образовательного процесса имеет свои особенности. Например, если мы говорим о социальной включенности обучающегося

с ОВЗ, то основным итогом становится расширение социальных связей, успешная интеграции, для всех остальных участников образовательного процесса можно обозначить развитие эмпатии, толерантности, терпимости и прочего.

В заключении хотелось бы отметить значимость развития процесса социальной включенности всех участников образовательного процесса, итогом которого становится закладывание фундамента социального капитала для гармоничного и справедливого будущего.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бурдьё, П. Формы капитала // Экономическая социология / пер. с англ. М.С. Добряковой. – Random House, 2002. – Т. 3, № 5.

2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации». [электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения:14.09.2025)

3. Родионов, Г.Я., Макласова, Е.В. . Факторы вовлеченности в онлайн-обучение // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 1. С. 49–61.

4. Савченко, П.А. Понятие социального капитала у П. Бурдье : трудности в интерпретации // Социология и право. 2020. №2 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-sotsialnogo-kapitala-u-p-burdie-trudnosti-v-interpretatsii (дата обращения: 16.09.2025)

5. Смирнов, А.В. Социальная включенность личности и ее связь с уровнем проявлений профессионально важных качеств руководителя // Педагогическое образование в России. 2018. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-vklyuchennost-lichnosti-i-ee-svyaz-s-urovnem-proyavleniy-professionalno-vazhnyh-kachestv-rukovoditelya (дата обращения: 18.09.2025)

6. Hosking, D.L. Critical disability theory // A paper presented at the 4th Biennial Disability Studies Conference at Lancaster University, UK. – 2008. – Т. 14. – №. 5. – С. 736

УДК 316.3:004 (476)

ЦИФРОВЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Подвальская В. С.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровые навыки (или цифровая компетентность, цифровые компетенции) можно определить как «знания и навыки, необходимые для того, чтобы человек мог использовать ИКТ для достижения целей в своей личной и профессиональной жизни» [1]. В условиях быстрого развития технологий эти навыки не являются статичными и требуют регулярного обновления и совершенствования. Их освоение важно не только в профессиональной среде, но и в повседневной жизни, обеспечивая эффективное взаимодействие с государственными и коммерческими сервисами, образовательными платформами, социальной средой.

В нашей стране уделяется значительное внимание развитию цифровых навыков граждан. В рамках Государственной программы «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. предусмотрены мероприятия по адаптации населения к процессам цифровой трансформации, включая создание образовательной платформы для

повышения цифровой грамотности населения и разработку современного образовательного контента для повышения квалификации работников различных отраслей экономики [2]. Национальный статистический комитет регулярно публикует данные об использовании населением информационно-коммуникативных технологий [3; 4; 5]. Однако регулярных национальных исследований по оценке уровня цифровых навыков в Республике Беларусь до сих пор не проводится. В рамках данной работы представлен анализ блока вопросов о цифровым навыках и компетенциях, включенных в социологическое исследование Института социологии НАН Беларуси (май-июнь 2024 г., объем выборки – 1850 человек, ошибка выборки – ± 2,28).

Для начала обратимся к самооценке респондентами своего уровня цифровой грамотности. Согласно полученным данным, примерно треть опрошенных белорусов (37,6 %) оценивают свою цифровую грамотность как достаточную. Почти аналогичная доля (35,6 %) считает, что их цифровая грамотность ограничивается минимальными навыками. Каждый четвертый опрошенный белорус не обладает цифровой грамотностью вовсе.

Анализ владения конкретными цифровыми навыками показал, что большинство населения страны владеют базовыми умениями. Лишь 14 % опрошенных указали, что не владеют ни одним из перечисленных навыков. Наиболее распространенными навыками (владеют более половины опрошенных) являются работа с социальными сетями, мессенджерами; оплата товаров/услуг через онлайн-сервисы; скачивание и установка необходимых программ, приложений; передача файлов; онлайн-заказы продуктов/услуг. Следующую группу составляют навыки, связанные с оформлением онлайн-заявок; работой с различными программами; подключением/установкой различных устройств, а также соблюдением правил безопасности при работе с Интернетом. Данными навыками владеют чуть менее половины опрошенных. Замыкает иерархию навыков умение критически оценивать информацию из интернет-источников (35,5 %) (рис.).

Для успешной адаптации граждан к цифровой трансформации важно знать актуальные для населения направления повышения уровня цифровых навыков. Согласно результатам исследования, наибольший интерес у населения вызывают пять ключевых компетенций. Первое место занимает навык работы с искусственным интеллектом, который хотел бы освоить каждый пятый опрошенный. На второе место респонденты поставили правила безопасности в сети Интернет, защита личной информации (19,8 %). На третьем месте, по оценкам опрошенных, находятся базовые навыки работы с компьютером, смартфоном (16,7 %), на четвертом – навык работы с различными программами, приложениями (15,8 %). Завершает рейтинг наиболее актуальных направлений потребность в знаниях о том, как предотвратить вовлечения детей/подростков в незаконную деятельность в Интернете (14,9 %).

Что касается способов повышения цифровой грамотности, наиболее популярным оказался доступ к образовательным материалам, размещенным на сайтах в Интернете (28,6 %). На втором месте – обучающие мобильные приложения (27,4 %), на третьем – образовательные материалы, размещенные в социальных сетях (22,8 %). Четвертую позицию занимают образовательные мероприятия, проводимые по месту жительства/работы/учебы (21,9 %), а пятую – образовательные программы для различных категорий граждан (20,3 %).

Рисунок. Владение цифровыми навыки, % от общего числа опрошенных

Полученные данные подчеркивают необходимость системного подхода к развитию цифровых навыков и регулярного мониторинга их уровня на национальном уровне. Такой подход позволит гражданам уверено и безопасно использовать цифровые технологии в профессиональной деятельности, повседневной жизни, а также эффективно участвовать в жизни современного цифрового общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Руководство по оценке цифровых навыков [Электронный ресурс] // Международный союз электросвязи, 2020. – Режим доступа: https://academy.itu.int/sites/default/files/media2/file/20-00227_1f_Digital_Skills_assessment_Guidebook_R.pdf. – Дата доступа: 04.09.2025.

2. Государственная программа «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 2 февр. 2021 г., № 66 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100066&p1=1. – Дата доступа: 04.09.2025.

3. Информационное общество в Республике Беларусь, 2023. [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_77679/. – Дата доступа: 04.09.2025.

4. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2024 [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135040/. – Дата доступа: 04.09.2025.

5. Регионы Республики Беларусь. 2024 (том 1) [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_135053/. – Дата доступа: 04.09.2025.

УДК 316.334.2

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ БЕЛАРУСИ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИЧЕСТВО С КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

Подгайская Л. И.
доцент кафедры социально-гуманитарных и историко-правовых дисциплин,
Академия управления при Президенте Республики Беларусь
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Продовольственная безопасность остается одной из ключевых глобальных проблем, усугубляемой геополитической нестабильностью, климатическими изменениями, экономическими кризисами и вооруженными конфликтами. Несмотря на усилия международных организаций, таких как Всемирный банк, ООН и ФАО, прогресс в достижении Цели устойчивого развития 2 (ЦУР 2) – ликвидации голода к 2030 году – остается недостаточным. Ключевые тенденции показывают рост масштабов голода и недоедания. Около 713-757 млн. человек страдают от хронического голода (каждый 11-й житель планеты). В Африке ситуация ухудшается: более половины голодающих к 2030 году будут проживать в этом регионе. 2,33 млрд. человек (28,9 % населения мира) сталкиваются с умеренной или острой нехваткой продовольствия [1]. Экономическая недоступность здорового питания также остается серьезной проблемой. 2,8 млрд. человек (более трети населения Земли) не могут позволить себе полноценный рацион. Наибольший разрыв наблюдается между странами с разным уровнем дохода: в государствах с низким доходом 71,5 % населения не могут обеспечить здоровое питание, тогда как в богатых странах – лишь 6,3 % [1].

Региональные различия в продовольственной безопасности значительны. Африка и Ближний Восток остаются зонами кризиса из-за конфликтов (Судан, ДРК, Йемен, Газа) и климатических шоков. Латинская Америка демонстрирует улучшение, но засухи и лесные пожары угрожают стабильности. Азия сталкивается с последствиями стихийных бедствий (землетрясения, тайфуны) и экономической нестабильностью. Европа сохраняет высокий уровень агроэкспорта, но рост цен и инфляция влияют на доступность продовольствия. Меры и перспективы включают международные инициативы (Global Alliance for Food Security, программы Всемирного банка), направленные на поддержку уязвимых регионов, но требующие больших инвестиций. Необходима трансформация агропродовольственных систем с упором на устойчивость к климатическим изменениям, цифровизацию и сокращение неравенства. Крайне важно сочетать краткосрочную гуманитарную помощь с долгосрочными стратегиями развития сельского хозяйства.

Китайская Народная Республика и Республика Беларусь, несмотря на различия в масштабах и структуре экономики, сталкиваются с рядом схожих и уникальных вызовов в обеспечении продовольственной безопасности. Исследование сотрудничества между двумя странами позволяет выявить успешные модели взаимодействия и определить перспективные направления дальнейшего развития. Развитие агропромышленного комплекса и увеличение объемов торговли продовольствием между КНР и Беларусь способствует экономическому росту обеих стран и создает новые возможности для бизнеса. Изучение китайского опыта в сфере сельского хозяйства и применения современных технологий может способствовать повышению эффективности белорусского агропромышленного комплекса и

укреплению продовольственной безопасности страны [3]. В КНР основными вызовами являются дефицит пахотных земель из-за интенсивной урбанизации и индустриализации, экологические проблемы в виде деградации почв, нехватки воды и загрязнения, а также значительная зависимость от импорта продовольствия, особенно сои и зерна. Дополнительные сложности создают проблемы с безопасностью пищевых продуктов и уязвимость к климатическим изменениям, таким как засухи и наводнения, которые могут серьезно нарушать сельскохозяйственное производство [3].

В Беларуси ситуация имеет свою специфику. Здесь ключевыми проблемами выступают зависимость от импорта энергоресурсов, что напрямую влияет на себестоимость сельхозпродукции, а также последствия радиоактивного загрязнения части земель после Чернобыльской катастрофы, ограничивающие их сельскохозяйственное использование. Серьезной проблемой является и демографическая ситуация – старение сельского населения и отток молодежи в города, что создает кадровый дефицит в АПК. Экспортная ориентация сельского хозяйства делает экономику уязвимой к колебаниям мировых цен, а необходимость постоянной модернизации требует значительных инвестиций. Беларусь остается ключевым экспортером агропродовольственной продукции (молочные продукты, мясо, сахар, рапсовое масло) в более чем 100 стран, с доминированием рынка России (80 % экспорта СНГ). Политика импортозамещения способствует сокращению зависимости от ввозимых товаров и развитию перерабатывающих отраслей [2].

Для Китая приоритетными направлениями стали технологический прорыв, включающий развитие ГМО, точного земледелия и аквакультуры, а также эффективное использование ресурсов через восстановление почв и внедрение водосберегающих технологий. Важное значение имеет диверсификация поставок за счет развития внутреннего производства и сокращения пищевых отходов, а также усиление контроля качества продукции через жесткие стандарты и системы прослеживаемости.

Беларусь делает акцент на модернизации АПК с помощью цифровизации, развитии органического земледелия и диверсификации выращиваемых культур. Особое внимание уделяется реабилитации загрязненных земель и повышению плодородия почв, а также привлечению молодежи в сельское хозяйство через социальные программы и обучение. Важным направлением является достижение энергетической независимости за счет развития биоэнергетики, возобновляемых источников энергии и «умных сетей», а также укрепление экспортного потенциала через создание национального бренда и цифровых B2B-платформ.

Создание белорусско-китайского агрокластера в рамках проекта «Шелковый путь зерна» открывает новые возможности для обеих стран. Для Китая это означает снижение зависимости от импорта и доступ к белорусским агротехнологиям, в то время как Беларусь получает приток инвестиций, возможность модернизации АПК и выход на перспективный китайский рынок. Ожидаемыми результатами реализации проекта станут повышение урожайности и эффективности сельского хозяйства, укрепление продовольственной безопасности обеих стран, развитие инноваций и логистической инфраструктуры, а также углубление экономического партнерства в рамках инициативы «Один пояс – один путь».

В сфере торгово-экономического взаимодействия Беларуси и Китая наблюдается устойчивая положительная динамика. Об этом свидетельствует не только количественный рост поставок, но и качественное расширение ассортимента экспортируемой белорусской сельхозпродукции. Технологическое сотрудничество

развивается по нескольким перспективным направлениям. В 2024 году на базе Белорусской государственной сельскохозяйственной академии был открыт Центр агробиотехнологий и искусственного интеллекта. Планируемая к созданию в 2025 году совместная лаборатория по почвенной экологии и углеродным материалам, а также уже функционирующая с 2019 года лаборатория по роботизации сельхозпроизводства демонстрируют переход от простого товарообмена к глубокой научно-технической кооперации [2]. Значительный инвестиционный потенциал сотрудничества реализуется через китайские капиталовложения в модернизацию белорусского АПК, создание совместных производств (особенно в сфере ветеринарных препаратов и переработки сельхозсырья), а также развитие цифровых торговых платформ.

В качестве основных направлений совершенствования социально-экономического взаимодействия Китайской Народной Республики и Республики Беларусь в сфере продовольственной безопасности можно предложить следующее:

1. Странам разработать план совместных исследований проблем сельхозпроизводителей, провести оценку спроса в отдельных регионах КНР и Республики Беларусь; подключить молодых исследователей, использовать различные профессиональные интернет-площадки для сбора данных (опросы профессионалов и граждан в целом); возможно, открыть гранты на подобные исследования с единой структурой показателей, методов и принципиальных решений по обработке.

2. Разработать программу по межгосударственной поддержке сельхоз сектора, что позволит достичь максимальных объемов производства продукции и снизить риски недопоставок из третьих стран через балансировку торговых связей КНР и Республики Беларусь, что в дальнейшем будет способствовать укреплению и стабильности цен на данном рынке.

3. Представителям КНР и Республики Беларусь активнее способствовать организации межгосударственных кластеров, международных ассоциаций сельхозпроизводителей.

4. Развивать и администрировать силами КНР и Республики Беларусь интернет-площадки, на которых участники агропромышленного комплекса стран и другие участники (третьи страны) смогут производить обмен информацией о товарах, ценах, возможностях коллаборации, заключения договоров на поставки и т. д. (как пример проект Фермер).

5. Создать единый орган ветеринарного и фитосанитарного надзора, обеспечить его работу в рамках информационной системы.

Развитие системы обеспечения продовольственной безопасности в этой связи предполагает: актуализацию критериев и индикаторов национальной продовольственной безопасности с учетом изменения внешних факторов и достигнутых результатов; внедрение индикаторов экономической безопасности по допустимой доле импортных товаров на внутреннем рынке по чувствительным товарным группам; создание интегрированной информационной системы мониторинга продовольственной безопасности, направленной на обеспечение поддержки принятия управленческих решений на принципах бенчмаркинга и проектно-целевого метода управления. В совокупности указанные направления позволят ориентировать участников рынка на укрепление потенциала национальной продовольственной безопасности и повышение устойчивости АПК, обеспечить рост внутреннего рынка за счет рационализации потребления и установления социально приемлемого уровня цен на продовольствие и производственные ресурсы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всемирная продовольственная программа: сотрудничество государств в борьбе с голодом и недоеданием // Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева. – URL: https://crb.rgup.ru/rimg/spec_sait/model_OON/2024/Доклад%20ВПП.pdf (дата обращения: 12.05.2025).
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. – Минск, 1998–2025. – URL: http://www.belstat.gov.by (дата обращения: 11.05.2025).
3. Why is China so Obsessed With Food Security? // The Upheaval. – URL: https://theupheaval.substack.com/p/why-is-china-so-obsessed-with-food (date of access: 11.05.2025).

УДК 316.615.5:070

ПОКАЗАТЕЛЬ «ДОВЕРИЕ К СМИ» В МЕДИАИССЛЕДОВАНИЯХ АУДИТОРНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ

Посталовский А. В.
заместитель директора по научной работе,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях развития медиапространства немаловажное значение приобретают вопросы эмпирической фиксации востребованности источников воспроизводства и распространения информационного контента. В медиаизмерениях и иных аудиторных исследованиях фиксация показателей востребованности осуществляется преимущественно аппаратными методиками пассивного измерения (пиплметрия) либо активного измерения (изучение общественного мнения). В данном случае анализируются такие медиапоказатели, как «***охват аудитории***», «***рейтинг аудитории***», «***доля аудитории***». В контексте изучения общественного мнения аудитории анализируются показатели субъективного отношения потребителя информационного контента к чему-либо (тематические предпочтения, показатели востребованности, контент-предпочтения и т. д.). Вместе с тем в последнее время при изучении активности аудитории приобретает актуальность такая форма выражения востребованности информационного контента со стороны аудитории, как доверие к СМИ (СМИ в целом – государственные/негосударственные/зарубежные, конкретные ресурсы, тематическая направленность контента и т. д.). Доверие представляет собой сложный, многосоставной совокупный медиапоказатель, фиксирующий степень убежденности зрителя/читателя/пользователя социальных медиа в достоверности информационного контента и личностного одобрения его содержания. Однако представленный медиапоказатель не всегда выступает в качестве измерения востребованности информационного контента и эффективности работы СМИ и далеко не всегда применяется в аудиторных исследованиях. На этом основании формируется исследовательская необходимость в рассмотрении сущностных характеристик и практики применения совокупного медиапоказателя «Доверие к СМИ» (**TIM** – Trust in the media) в аудиторных исследованиях.

Учитывая вышесказанное, становится необходимым формирование совокупного медиапоказателя «доверие к СМИ», представляющего собой интегральное объединение индикаторов «частота обращения к СМИ», «доверие в большей степени

(общее доверие)» и «потенциальное доверие». Такой подход к оценке популярности государственных СМИ и разработке индекса доверия позволит уточнить эмпирические показатели доверия, получаемые ранее из одиночных открытых вопросов и в содержательном плане существенно расширить понимание концепта «доверие к СМИ» посредством включения в единый показатель трех эмпирических категорий: «частота обращения к СМИ», «общее доверие к СМИ» и «потенциальное доверие». Расчет совокупного медиапоказателя «Доверие к СМИ» с применением интегральной схемы объединения трех индикаторов осуществляется по следующей формуле:

$$\frac{(A\,(x+y)*0{,}25) + (B*0{,}75) + (C*0{,}5)}{100}$$

где А – «частота обращения» (х – переменная «практически каждый день»;
у – переменная «не реже 1-2 раз в неделю»);
В – «общее доверие»; С – «потенциальное доверие».

Применение представленных расчетов совокупного медиапоказателя «Доверие к СМИ» носит преимущественно экспериментальный и поисковый характер, учитывая сложность и содержательную многогранность дефиниции «доверие», применяемой непосредственно к информационному контенту. Кроме того, необходимо учитывать, что доверие само по себе применятся не ко всему информационному контенту. В таких случаях, как прямые трансляции спортивных событий, развлекательный контент, художественные фильмы и сериалы, потребитель информации либо наблюдает за транслируемым событием, либо погружается в просмотр художественного действия, которое не измеряется доверительными категориями. Доверие применимо прежде всего к общественно-политическому и социально-экономическому контенту, поскольку ознакомление с их содержанием предполагает аналитическую рефлексию от услышанного/увиденного и выражение одобрения/неодобрения как результат осмысления. В контексте аудиторных медиаизмерений доверие выступает сложным для анализа исследовательским объектом, поскольку измерения ориентированы на фиксацию контакта с эфирным (информационным) событием, который довольно легко поддается обследованию. Доверие – это во многом субъектно-личностный процесс, абсолютно индивидуальный для каждого потребителя информации. Вместе с тем включение в интегральные расчеты разных по своей направленности категорий, например: «частота обращения», «потенциальное доверие» и «общее доверие», позволяет расширить представления о феномене и потенциале понятия «доверие к СМИ» применительно к измерению его уровня и общей оценки эффективности работы средств массовой информации.

УДК 327+502.1

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ПОНЯТИЕ, СТРУКТУРА, ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Посталовская О. А.
доцент кафедры политологии,
Белорусский государственный экономический университет
кандидат политических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В современных условиях развития общества в активную информационную повестку политического поля включаются вопросы эффективного функционирования природоохранной деятельности и экологии в целом в контексте происходящих климатических изменений и негативных тенденций загрязнения окружающей среды. Экологическая проблематика приобретает актуальность в связи с активной деятельностью политических субъектов («зеленые движения», экологическое волонтерство, партии «зеленых»). Экологический активизм, равно как и деятельность акторов государственного управления и ТНК в реализации стратегических интересов выступают объектом политологического измерения. Также экологическая проблематика выступает одним из направлений реализации и обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь. Учитывая вышесказанное, в политической науке и в сфере политического знания формируется экополитика как новое направление исследовательского поиска.

Важнейшим составным элементом экополитики выступает экополитический процесс, представляющий собой механизм функционирования и взаимодействия экологических субъектов (ТНК, общественные экологические движения, «зеленые» партии, экологический активизм и волонтерство, органы государственного управления по защите окружающей среды и др.), отстаивающих политические интересы в пространстве экологии либо артикулирующих политические требования к государству или межгосударственным организациям. Субъектами экополитического процесса выступают также стороны конфликтогенного действия социальных потенциальных противоречий по природоохранным вопросам (экополитический конфликт). Экополитический процесс является структурным компонентом пространства публичной политики, требующий научно-теоретического осмысления и аналитической рефлексии.

В современных теоретических концепциях сравнительной политологии отмечается, что любой процесс становится политическим в том случае, когда в нем структурно оформляются следующие элементы: 1) артикуляция интересов; 2) агрегация интересов; 3) выработка политического курса; 4) вынесение решения. Экстраполируя представленную исследовательскую проекцию на экологическую сферу, необходимо отметить, что пространство публичной политики становится экополитическим, когда индивидуализированные или коллективные экологические субъекты формируют требования, связанные с охраной природы, рациональным природопользованием или общими проблемами экологии и артикулируют их в управленческие структуры или выносят на общественное обсуждение. Экополитический процесс, в данном случае, представляется составной частью интегративной теории политического процесса, в котором экологические субъекты заявляют о своих требованиях или притязаниях.

Экополитический процесс выступает производной категорией от понятия «экологическая политика государства» в целом. Экологическая политика понимается как «системная социальная технология и деятельность социальных субъектов по управлению экологической сферой в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и регулирования воздействия общества на природу» [1, с. 29-30]. По мнению В.А. Смышляева, «первоочередным (политико-стратегическим) приоритетом экополитики является обеспечение достаточного уровня прочности экологической безопасности, представляющей собой, во-первых, конструктивное соразвитие (коэволюцию) социо- и биосферы в режиме устойчивости и социально-экономического прогресса на базе рационального природопользования, адекватного ассимиляционным и рекреационным возможностям окружающей природной среды; во-вторых, состояние защищенности социо-, техно- и биосферы от внешних и внутренних антропо-, техно- и экологенных угроз, опасностей, факторов и рисков, обеспечиваемое и поддерживаемое посредством осуществления эффективной экологической политики, а также конструктивными совместными действиями государственных (межгосударственных) и социальных (в т.ч. международных) институтов и движений экологической, политической и иной направленности» [2, с. 162]. Экополитика – это, прежде всего, вопросы управления экологической сферой и обеспечения функционирования рационального природопользования.

В свою очередь, экополитический процесс понимается нами, с одной стороны, как процесс функционирования социально-политических институтов, занимающихся вопросами обеспечения функционирования природоохранной и экологической деятельности. С другой стороны, экополитический процесс – это процесс акцентированного выражения (артикуляции) интересов к государству и межгосударственным организациям со стороны субъектов экополитики (ТНК, экологический активизм, «зеленые партии», НПО и др.) в целях изменения содержания экологической повестки. Результатом любого экополитического процесса будет перевод артикулируемых требований в сферу публичной политики и информационного пространства. Следствием перевода требований в публичное пространство выступает формирование акцентированного политизированного воздействия, оказывающего влияние на процессы формирования актуальной политической повестки. Например, общественные движения по охране окружающей среды при достижении необходимого коэффициента электоральной поддержки могут быть избраны в представительный орган государственной власти (парламент) и функционировать уже в формате политической партии, основной задачей которой выступает достижение власти.

Также составной частью современных экополитических процессов являются информационно-коммуникативные формы активизации в информационной сфере и социальных медиа экологической проблематики, конечным итогом которых выступает перевод дискуссии в публичную сферу для достижения определенного резонанса. В этой связи актуализируются вопросы отдельного политологического изучения такого явления как «политический эко-активизм»

Таким образом, рассмотрев теоретические аспекты представленного тематического проблемного поля, необходимо отметить следующее. Экополитический процесс рассматривается в качестве амбивалентного социально-политического явления, предполагающего: а) процесс функционирования социально-политических институтов, занимающихся вопросами обеспечения функционирования

природоохранной и экологической деятельности; б) процесс акцентированного выражения (артикуляции) интересов к государству и межгосударственным организациям со стороны субъектов экополитики (ТНК, экологический активизм, «зеленые партии», НПО и др.) в целях изменения содержания экологической повестки.

Практика реализации экополитического процесса представляет собой перевод обсуждения вопросов природоохранной деятельности в информационного пространство и публичную активность. Результатом ЭП выступает принятие политических решений, касающихся экосферы, а также достижение (недостижение) субъектами экологической политики реализации своих заявляемых интересов в рамках заявленной проблематики. Заявляемая проблематика посредством артикуляции и агрегации интересов доводится до адресатов, вследствие чего формируется состояние столкновения интересов. Результатом столкновения интересов выступает снятие напряжения или реализация заявляемых требований по вопросам экополитики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Посталовская, О.А. Экологическая политика: теория и социально-политическая практика : монография / О.А. Посталовская. – Минск: РИВШ, 2020. – 144 с.

2. Смышляев, В.А. Современная экологическая политика: сущность, теория и социально-экономические приоритеты / В.А. Смышляев // Международный научный журнал «Символ науки». Политические науки. –2016. – № 7. – С. 161-163.

УДК 316.354:364.4-787

СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН РЕЦИПРОКНОСТИ В ИССЛЕДОВАНИИ МОТИВАЦИИ ВОЛОНТЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Похомова А. А.
заведующий кафедрой социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Мотивация волонтерской деятельности, как правило, носит смешанный характер, предполагающий как альтруистические, так и эгоистические мотивы. Альтруистические мотивы детерминируют действия иррациональные, например, традиционные формы помощи нуждающимся в отдельных религиях, или аффективные формы помогающего поведения под влиянием сильных эмоций: сочувствия, жалости, грусти и т. д. В последнее время становится популярным движение эффективного («разумного») альтруизма, выдвигающее в качестве ключевой идеи необходимость взвешенного подхода в оценке имеющихся ресурсов, возможностей для оказания помощи и ожидаемых результатов (позитивных эффектов), которые она сможет вызвать. Вне зависимости от формы и вида волонтерской деятельности предполагается взаимный обмен между волонтером и реципиентом (благополучателем). Вступая во взаимодействие, его участники предполагают взаимное получение определенных благ или услуг. Такой обмен может носить характер равнозначный и неравнозначный. В данном контексте применяется понятие реципрокности для обозначения характера социальных отношений.

Термин «реципрокность» пришел из английского языка, но в полной мере воспроизводящего содержание аналога в русском языке не имеет. Как правило, в

социальных науках реципрокность рассматривается как условие и принцип социальных отношений. Подразумевается, что участники социального взаимодействия оценивают степень релевантности и равнозначности обмена услугами, благами и пр. Чем выше уровень доверия в обществе, тем выше реципрокность и эффективнее социальные взаимодействия, сильнее социальные связи. Американский исследователь Джоффри МакКормак (Geoffrey MacCormack) отметил, что реципрокность как концепт, несмотря на интуитивную простоту интерпретации, не имеет однозначной и операциональной трактовки. Он предложил рассматривать реципрокность как определенные обязательства по эквивалентному возврату с условием, что возврат будет осуществлен [1, p. 90].

В научной литературе понятие реципрокности тесно связано с социальными теориями дарения. Например, выбирая предмет для дарения на значимые жизненные события, субъекты, как правило, ориентируются в том числе и на ценность дара, полученного ранее от второй стороны. В рамках народных традиций в сельских общинах было принято делиться с соседями, родственниками продуктами питания, например, медом, свежениной, рыбой и пр. Такие «дары» в социальном аспекте способствовали укреплению связей между людьми в общине, усилению доверия; некачественные продукты могли нанести вред здоровью, поэтому в дар отбирали лучшее. Принятия дара предполагало принятие обязательств передать впоследствии в дар предмет, схожий по стоимости полученному. Если в отношении материальных предметов взаимность обмена не вызывает затруднений в интерпретации, то возникает сложность в оценке значимости, когда в качестве «дара» выступают время, профессиональные умения и знания.

Открытым и малоисследованным вопросом выступает симметричность и асимметричность социального обмена. Американский социолог Алвин У. Гоулднер (Alvin W. Gouldner) выделяет две формы обмена: гетероморфную (неравнозначная ценность / «стоимость» объектов обмена) и гомеоморфную (полная идентичность, характерная как для объектов, условий и/или обстоятельств обмена). Гомеоморфная реципрокность может быть как положительной, так и отрицательной (например, принцип талиона, обычай вендетты) [2].

Реципрокность как феномен, вызывающий интерес у представителей разных социально-гуманитарных наук, позволяет проследить взаимосвязь экономической и социально-культурной составляющих социального поведения. Реципрокность была особенно важна для поддержания стабильности социальной системы в традиционном обществе, поэтому одни из первых в социальных науках обратили внимание на данный феномен антропологи. Например, Маршалл Салинз, американский антрополог, предлагает в рамках своей типологии рассматривать генерализованную реципрокность (взаимопомощь), сбалансированную и ассиметричную реципрокность. Генерализованная реципрокность отражает альтруистично мотивированную деятельность [3, с. 142-169]. В рамках этносоциологии реципрокность исследовали Р. Турнвальд, Б. Малиновский и др. [4, с. 115]. С помощью понятия реципрокности экономисты углубляют понимание рационального экономического поведения человека [5].

Если реципрокность детерминирована сложившейся в обществе традицией, то деятельность, основанная на принципе взаимности, приобретает особое социальное значение. При этом участники взаимодействия понимают и принимают условия взаимного дарения, среди которых отсутствие торга, проблематичность отказа от дара, обязательство возмещения полученного в дар и пр., что может подкрепляться

моральными или правовыми системами. Французский социолог М. Мосс в своей работе по социальной антропологии «Опыт о даре» отмечает существование обязанности давать дар и обязанности принимать дар [6, с. 152]. Отказ от принятия дара сигнализирует о нежелании сотрудничества и поддержания дружественных отношений, отсутствии доверия. Традиции и ритуалы, связанные с взаимным дарообменом, в традиционном обществе позволяли поддерживать определенный социальный порядок [6, с. 155].

При рассмотрении дефиниции понятия «реципрокность», необходимо обозначить рамку социологической науки, которой мы будем придерживаться в дальнейшем. Реципрокность как принцип предполагает взаимные приблизительно равнозначные обязательства участников взаимодействия друг по отношению к другу. Данный принцип, как правило, существует латентно, но при формальной коммуникации может артикулироваться, подчеркиваться, фиксироваться документально. Волонтер, оценивая свою полезность, соотносит временные ресурсы, которые он затратит, значимость помощи, которую он сможет принести, а также ценность обратной связи от реципиента.

Алвин У. Гоулднер выделил три аспекта термина «реципрокность»: как паттерн взаимообусловленного обмена, экзистенциальную или народную веру во «взаимность», как универсальную моральную норму [2, p. 161]. Гоулднер утверждал, что, выступая в качестве моральной нормы, реципрокность способствует поддержанию стабильности социальной системы. Норма реципрокности рассматривается исследователем в качестве особо значимой, а переживание благодарности за «дар» – как социальный паттерн и своеобразный «долг». При этом следует отметить, что норма взаимности распространяется не только на родственные, дружеские и добрососедские отношения. При исследовании практик взаимопомощи реципрокность понимается исследователями как «наличие явных и латентных взаимных обязательств участников социальных взаимодействий» [7, с. 106] и способствует воспроизводству сетей взаимопомощи, сформированных на уровне первичных социальных групп. С учетом усиливающейся социальной атомизации и процессов индивидуализации в современном обществе отдельно взятый индивид все меньше рассчитывает на помощь при решении проблем со стороны профессионального и/ или дружеского кругов, но остается зависим от семейно-родственной взаимопомощи, которая не относится к какому–либо виду волонтерской деятельности. Волонтерство отсылает к готовности и способности оказывать помощь незнакомым или малознакомым людям без ожидания материальных благ в качестве благодарности. Передавая в «дар» свое время для профессиональной консультации, выполнения работы или предоставления услуги (перевод текста, уход за больным и пр.) субъект явно либо латентно руководствуется обязательством взаимного дарообмена даже, если в качестве второй стороны выступает абстрактный субъект. Например, молодой человек выбирает международную волонтерскую программу за рубежом и «обменивает» свой труд в определенный период времени не на материальные блага, а на дополнительную языковую практику с носителями языка, возможность совершения туристической поездки в свободное от работы время, новые компетенции и знания, общественное признание и одобрение и т.д.

Таким образом, в исследовании волонтерства понятие реципрокности обладает познавательным потенциалом, позволяющим более глубоко понять мотивы участников волонтерского движения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. MacCormack, G. Reciprocity / G. MacCormack // Man. – Vol. 11, No. 1. – 1976. – pp. 89-103. https://doi.org/10.2307/2800390

2. Gouldner, A.W. The Norm of Reciprocity: A Preliminary Statement / A.W. Gouldner // American Sociological Review. – Vol. 25, No. 2 – 1960. – P. 161-178 https://doi.org/10.2307/2092623

3. Салинз, М. Экономика каменного века / М. Салинз. – М.: ОГИ, 1999. – 296 с.

4. Калашников, Р.Ю. Понятие реципрокности в дискурсе современных социологических наук / Р.Ю. Калашников // Сборник трудов конференции «Социально-экономическое партнерство: новые модели взаимодействия в условиях изменяющегося мира», Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2019 г.. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2019. – С. 113-117.

5. Шишкина, Т.М. Дар и полезность: экономическая антропология реципрокного обмена / Т.М. Шишкина // Проблемы современной экономики. – 2015. –№ 3 (55). – С. 106–109.

6. Мосс, М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс ; пер.с фр.А.Б. Гофмана. – М. : КДУ, 2022. – 416 с.

7. Реутов, Е.В. Реципрокность в сетях взаимопомощи (на материалах регионального исследования) / Е.В. Реутов, М.Н. Реутова, И.В. Шавырина // Социологические исследования. –2019 – № 3. – С. 106-117.

УДК 371

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНИК В ОБРАЗОВАНИИ: КАК «ИГРОВОЙ ЯЗЫК» МЕНЯЕТ ВОСПРИЯТИЕ СЕРЬЁЗНЫХ ТЕМ

Прокопович Т. И.
студент,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
г. Гродно, Беларусь

Мороз О. В.
старший преподаватель кафедры политологии и социологии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
магистр управления
г. Гродно, Беларусь

Применение игровых техник в образовательном процессе стало одним из ключевых трендов современного обучения: игры выходят за рамки развлечения и превращаются в инструмент системной мотивации и развития навыков учёбы. Этот подход переосмысливает традиционное обучение, превращая его из зачастую рутинного и сложного занятия в увлекательное и мотивирующее путешествие. Геймификация выходит далеко за рамки простого развлечения, становясь мощным инструментом для системной мотивации, развития ключевых навыков и углубленного понимания сложных концепций. Интеграция игровых технологий происходит как в традиционных, офлайн-форматах обучения, так и в динамично развивающейся сфере онлайн-образования. Эта универсальность позволяет создавать интерактивные и увлекательные учебные среды, способные повысить интерес к самым разным предметам, от гуманитарных до точных наук.

Ключевым элементом геймифицированного обучения является использование так называемого «игрового языка». Он представляет собой систему символов, включающую в себя баллы, уровни, значки, рейтинги и другие элементы, которые

наглядно демонстрируют прогресс учащегося. Важным аспектом игрового языка является наличие четких правил и понятных механик обратной связи. Благодаря этому учащиеся получают постоянную информацию о своих успехах и ошибках, что формирует у них ощущение прогресса, контроля над ситуацией и автономии в процессе познания. Традиционные уроки, часто представляющие собой одностороннюю передачу информации, могут казаться сложными и оторванными от реального мира. Уроки, структурированные по принципам игры, напротив, сокращают дистанцию между абстрактными теоретическими концепциями и личным опытом обучающегося. Это особенно важно для дисциплин, которые традиционно считаются сложными и абстрактными, таких как математика, физика или философия. Как отмечают К. Вербах и Д. Хантер, «наш мозг требует решения задач, обратной связи и много другого – того, что дают нам игры. Исследование за исследованием показывают, что игры активируют дофаминовую систему мозга, которая связана с удовольствием» [1, с. 44]. Игровые технологии опираются на фундаментальные принципы геймификации и педагогики игрового обучения. Они используют различные сценарии, ролевые игры, четко определенные цели и мгновенную обратную связь, чтобы стимулировать активный поиск решений, творческое мышление и коллективное взаимодействие. Четкая система правил, присущая игровой среде, создает прозрачную и предсказуемую модель поведения. Учащиеся точно знают, что от них требуется и какие действия приведут к успеху. Эта ясность снимает лишнюю тревожность и позволяет сосредоточиться на решении поставленных задач. Символика прогресса, выраженная в виде баллов, уровней и значков, укрепляет внутреннюю мотивацию учащихся, позволяя им почувствовать свою значимость в образовательном процессе. Каждый маленький успех, каждая решенная задача становится поводом для гордости и стимулирует к дальнейшему продвижению вперед.

Применение «игрового языка» оказывает положительное влияние на нейронные механизмы вознаграждения в мозге. Ввод балльно-рейтинговых систем и мгновенных сигналов об успехе (например, звуковых эффектов, визуальных анимаций или текстовых сообщений) снижает уровень стресса и повышает интерес к изучаемому материалу. Учащиеся начинают воспринимать обучение не как повинность, а как увлекательную игру, в которой они могут проявить себя и получить заслуженное вознаграждение. В игровых условиях учащиеся привыкают к экспериментированию, совершению ошибок и быстрому получению обратной связи. Они понимают, что ошибка – это не повод для наказания, а возможность для обучения и совершенствования. Моментальное получение результата и возможность корректировать стратегию развивают критическое мышление и умение принимать решения в условиях неопределенности. Разнообразные педагогические исследования [2], подтверждают эффективность игровых технологий в образовании. Ролевые игры по истории, например, превращают запоминание дат и событий в захватывающее моделирование социальных процессов. Учащиеся не просто заучивают факты, а погружаются в исторический контекст, принимают на себя роли исторических персонажей и принимают решения, влияющие на ход событий. Математические платформы с головоломками усиливают понимание абстрактных конструкций геометрии и алгебры. Решение сложных задач превращается в увлекательную игру, в которой учащиеся применяют свои знания и развивают логическое мышление. Однако, при всей эффективности геймификации, необходимо соблюдать осторожность и не допускать, чтобы игровые элементы стали самоцелью. Исследования указывают на риск поверхностного освоения знаний и превращение игровых механик в «развлекательный фон», не приводящий к достижению образовательных результатов.

Важно помнить, что игра – это всего лишь инструмент, а не цель сама по себе. Для того чтобы геймификация приносила максимальную пользу, необходимо сохранять баланс между глубиной контента и вовлекающими игровыми приемами. Важно четко фиксировать образовательные цели и контролировать степень «игровой иллюзии». Учащиеся должны понимать, что они играют не просто ради развлечения, а для того, чтобы получить знания и развить навыки, которые пригодятся им в будущем. Игровой язык доказал свою способность преобразовывать серьёзные и сложные темы в живой, мотивирующий и увлекательный опыт. Он развивает у учащихся не только предметные знания, но и навыки самооценки, коммуникации, сотрудничества и принятия решений. При этом важно строго соотносить каждый элемент геймификации с конкретной учебной целью. Необходимо тщательно продумывать сценарии, правила и механики игры, чтобы они работали на достижение поставленных задач. Игра должна выступать инструментом, усиливающим образовательный процесс, а не развлечением ради развлечения. В противном случае, учащиеся могут потерять интерес к учебе и воспринимать ее как несерьезное занятие.

В то же время, раннее внедрение игровых практик в образование пересекается с возрастающей доступностью компьютерных и мобильных игр у школьников. То, что в учебном контексте приносит пользу и радость познания, может вне класса стать началом формирования игровой зависимости. Согласно исследованиям, проведенным учеными колледжа свободных искусств и наук под руководством профессора психологии Д.А. Джинтейла [3], распространённость кибернетической лудомании среди детей и подростков составляет 8,5 % в США (в возрастной группе 8–18 лет), 10 % в Германии (для 11–14 лет) и 7,6–9,9 % в Сингапуре (в возрасте 8–14 лет). Данные показывают, что каждый пятый геймер сталкивается с риском зависимости. Факторы, способствующие этому риску, включают молодость, низкий уровень самоорганизации, тревожность, импульсивность, социальную изоляцию, сопутствующие депрессивные состояния или синдром дефицита внимания гиперактивности, а также недостаточный уровень родительского контроля [3]. Исследование интернет-зависимости среди белорусских студентов, проведённое аспирантом кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук БГУ И.В. Ткачёвым [4], подтверждает актуальность этой проблемы: более 80 % респондентов проявляют склонность к её формированию. При этом зависимость коррелирует с чертами эмоциональной неустойчивости, что позволяет рассматривать интернет как пространство для эскапизма и средство эмоциональной саморегуляции.

В Беларуси предпринимаются различные меры для предупреждения киберзависимости у детей. Проводится образовательная работа с детьми и их родителями, ведется обучение детей навыкам осознанного и ответственного использования игр. Психологи подчеркивают важность эмоциональной поддержки и признания со стороны родителей, поскольку это формирует здоровую самооценку и доверие у детей, а также акцентируют ориентацию родителей на поддержку интересов ребенка, создание положительной и поддерживающей атмосферы в семье. Это может быть сделано через совместные занятия, обсуждения и простое времяпрепровождение, что поможет укрепить связь между родителями и детьми, а также способствует эмоциональному развитию ребенка.

Геймификация в образовании – это перспективное направление, которое может значительно улучшить качество обучения и повысить интерес учащихся к знаниям. Однако, для достижения максимального эффекта необходимо использовать игровые технологии грамотно и осознанно, помня о том, что игра это всего лишь инструмент, а главной целью является развитие и образование учащихся. Таким образом, для

современного мира геймификация становится не просто модным трендом, а важным элементом образовательной стратегии, способным адаптировать обучение к потребностям цифрового поколения. При разумном применении она способствует формированию устойчивой учебной мотивации, развитию критического мышления и повышению вовлечённости учащихся в образовательный процесс. Игровые технологии позволяют сделать обучение более интерактивным, эмоционально насыщенным и персонализированным. Они создают условия для активного участия, сотрудничества и самовыражения, что особенно важно в условиях быстро меняющегося информационного общества. В условиях цифровизации и роста конкуренции в образовательной среде, грамотное внедрение игровых подходов становится не просто желательным, а необходимым шагом к созданию современной, гибкой и результативной системы обучения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Вербах, К. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса / К. Вербах, Д. Хантер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 209 с.

2. Лучезарнова, И.В. Диагностика и результаты исследования эффективности игровых технологий в воспитательной и обучающей деятельности школьников / И.В. Лучезарнова // Медиасреда. – 2017. – №12. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-i-rezultaty-issledovaniya-effektivnosti-igrovyh-tehnologiy-v-vospitatelnoy-i-obuchayuschey-deyatelnosti-shkolnikov (дата обращения: 08.09.2025).

3. Сысоев, Ю.В. Некоторые аспекты формирования и развития кибернетической лудомании с ее последствиями на психологическом и физиологическом уровне [Электронный ресурс] / Ю.В. Сысоев // ИСОМ. – 2016. – №4-1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-formirovaniya-i-razvitiya-kiberneticheskoy-ludomanii-s-ee-posledstviyami-na-psihologicheskom-i-fiziologicheskom (дата обращения: 09.09.2025).

4. Ткачев, И.В. Исследование интернет-зависимости среди белорусских студентов / И.В. Ткачев // София: электрон. науч.-просветит. журн. – 2022. – № 2. – С. 80–84.

УДК 39+572.9

ЭМПАТИЯ И ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ КАК ВАЖНЕЙШИЙ МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ПРИ АНАЛИЗЕ «МУЖСКИХ» И «ЖЕНСКИХ» ТЕКСТОВ

Пушкарева Н. Л.
главный научный сотрудник, руководитель Центра гендерных исследований, профессор,
ФГБУН Ордена дружбы народов Институт этнологии
и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
доктор исторических наук, профессор
г. Москва, Россия

Пушкарева И. М.
ведущий научный сотрудник,
Институт российской истории РАН
доктор исторических наук
г. Москва, Россия

Историческая и социальная антропология повседневности ставит под сомнение объективность сложившейся интерпретации общества на основании сложившихся схем и преимущественное право лидеров науки означать, классифицировать,

интерпретировать эмпирические данные. Убежденность теоретиков, основывающих свои построения на существенности качественного понимания социальных явлений, дополненная гуманистическим идеалом и желанием перестроить устоявшуюся социальную структуру в направлении большей справедливости и равенства, заставляет нас (историков и антропологов) придавать значение новым, иногда даже мало апробируемым методам, которые ранее не признавались научными.

Желание сопереживать изучаемому объекту связывает новых теоретиков гендерных исследований (и в Российской Федерации, и в Республике Беларусь и за рубежами наших стран) со сторонниками этнографического метода «включенного наблюдения», биографического метода и «гуманной социологии». Шведская исследовательница М. Хиден, обосновывая различия мужского и женского подходов к самому сбору информации, обратила внимание и на его последствия: мужчины акцентировали внимание на *цели* («почему/зачем он так делал»), в то время как женщины подчеркивали либо на *обстоятельства* («как он унижал», «она же так ему так доверяла»), либо на *последствия акта взаимодействия*, как физические, так и эмоциональные (иногда и на то, и на другое).

Качественные методы в гендерной антропологии 21 века требуют умения расшифровать индивидуальную неповторимость жизненной истории, рассказа о себе, личной совокупности практик и непременно найти общее, связывающее с другими женскими жизненными историями, выявление типики. Сторонницы гендерной антропологии подчеркивают важность умения анализировать не только типическое, но и особенные судьбы, уделяя внимание необычному именно своим сопереживанием. Для этого нужна историоризация себя, обозначенность времени и места в случае фиксации высказывания и *соотнесение с личной биографией* (это способ избежать суждения, диктуемого привилегированной позицией). Обратим внимание, что в классической социологии и антропологии подобное не приветствуется и прямо рекомендуется избегать опоры на собственный опыт и тем более его артикуляции в разговоре с респонденткой.

Таким образом перед аналитиком ставится задача выявления *специфики повторяющихся форм человеческих взаимодействий через понимание присущего им субъективного смысла.* Нарративный анализ с позиций эмпатии обнаруживает то, чего нет у исследователя, желающего видеть процессы со стороны и нагруженного свершившейся историей, назидательными рекомендациями, как именно эту историю писать, – речь о личной памяти, в том числе памяти тела. Воспроизведение ее в процессе взаимодействия с читаемым текстом или общением с другой женщиной приносит *радость обретения действительности,* ощущение понимания в веберовском смысле (Verstehen).

Именно поэтому изложенный выше метод сбора и интерпретации материала в гендерной антропологии полезно дополняет классические способы добывания научного знания.

УДК 101.1 : 316.7

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ РИСКОВ

Радевич Е. В.
доцент кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук
г. Минск, Беларусь

Современная цивилизация находится в ситуации беспрецедентного кризиса и постоянных вызовов, с которыми она сталкивается сегодня. Такая турбулентность проявляется во всех сферах социального бытия – экономической, политической и, конечно, культурной.

В сфере культуры любые трансформация происходят не так быстро, как в остальных, но их последствия зачастую оказываются более фундаментальными и глубинными, определяя жизнь следующих поколений на десятилетия вперед. Происходит кризис механизмов идентификации современного человека, изменяется представление о себе как личности, как представителе той или иной национальной общности, гендерная идентичность сегодня становится объектом трансформации и даже манипуляции в угоду политической повестке или модным трендам. Религиозная идентичность претерпевает определенные трансформации и демонстрирует несколько тенденций: «Первой тенденцией является усиливающаяся борьба между религиозностью и атеизмом. Вторая – это явление религиозного синкретизма, стремление посещать более чем одну церковь (так, в Северной Америке – это 9 % американцев)» [1, с. 22]. Также можно отметить такую амбивалентную тенденцию, которая свидетельствует о наличии дивергентных процессов в культуре, как секуляризация западных стран и десекуляризация на Востоке.

На Западе происходит падение авторитета церкви, она перестает быть основным источником легитимации социальных отношений, в то же время на Востоке наблюдается обратная тенденция, в рамках которой усиливаются фундаменталистские течения и наблюдается претензия религиозных институтов на участие в политической жизни. Таким образом, можно сделать вывод, что процессы секуляризации не носят глобальный характер, а преимущественно свойственны Западной Европе. Это свидетельствует о наличии кризиса религиозной идентичности, которая попадает под влияние модных тенденций. В целом в мире можно наблюдать рост популярности восточных религий – буддизм, даосизм, а также различных оккультных направлений – магии, шаманизма, спиритизма и др.

Кризис идентификации приводит к тому, что начинают формироваться новые формы самоопределения, продиктованные логикой глобального цифрового или сетевого общества. Такая мысль находит свое отражение в работах М. Мак-Люэна, который обосновал идею единения человечества при помощи средств массовой коммуникации в «глобальную деревню» [2]. В современной социокультурной ситуации мы часто можем наблюдать тенденцию, когда вместо объединения и консолидации современного общества оно фрагментируется, распадается в соответствии с собственными интересами, обособляясь в отдельные группы и фракции. Вместо того чтобы становиться более глобальными, мы становимся все более

региональными и обособленными. Интересы малых групп и меньшинств отдельных обществ вытесняются на периферию социальной жизни, поскольку они едва ли могут надеяться на право голоса в глобальной медиакультуре, где средства массовой коммуникации и каналы передачи информации принадлежат небольшому числу медиамагнатов. Данное обстоятельство позволяет задуматься о том, придем ли мы к «глобальной деревне» или к «глобальным трущобам» [3].

Вопрос национальной, политической, культурной и религиозной идентичности становится наиболее актуальным ввиду существенной трансформации социальных структур под воздействием современных глобальных информационно-коммуникационных технологий. Сетевые сообщества людей, которые формируются в виртуальном пространстве, существенным образом нарушают традиционные механизмы идентификации.

Новая форма гражданской идентификации «замещается феноменом так называемого “культурного гражданства”, основанного на общности потребления, – отмечает Н. Стивенсон. – Сегодня гражданство оказывается в меньшей степени связанным с формальными правами и обязанностями и в большей с потреблением экзотических продуктов, голливудских фильмов, популярной музыки или австралийских вин. Исключение из потребления этих продуктов означает исключение из гражданства в западном обществе» [4, с. 5].

Таким образом, трансформации, происходящие в современном в социокультурном пространстве, свидетельствуют о том, что общество сегодня сталкивается с такими вызовами, которые не были известны предыдущим поколениям, но для решения которых потребуется консолидированное взаимодействие современного и будущего поколения в условиях глобальных кризисных ситуаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Селлерс, Р. Девять глобальных трендов в религии / Р. Селлерс // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд ; редкол.: Ю.Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 17–25.

2. Мак-Люэн, М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / М. Мак-Люэн. – Киев : Ника-центр, 2004. – 432 с.

3. Радевич, Е.В. Основные тенденции социодинамики культуры в трансформирующемся дискурсе глобализации / Е.В. Радевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. – 2019. – № 3. – С. 41–46.

4. Стивенсон, Н. Глобализация, национальные культуры и культурное гражданство / Н. Стивенсон // Глобализация: контуры XXI века : реф. сб. : в 3 ч. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам, Горбачев-фонд ; редкол.: Ю.Н. Игрицкий (отв. ред.) [и др.]. – М., 2004. – Ч. 3. – С. 5–12.

УДК 101.1:316

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ратникова И. М.
доцент кафедры философии,
Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Социальная реальность является ключевым предметом исследования такой активно развивающейся и широко представленной программы современной гуманитаристики, как критическая теория. Сегодня это не просто интеллектуальная традиция, уходящая своими корнями в классическую философию, но, в первую очередь, «живой проект», представители которого, являясь нашими современниками, решают актуальные запросы современности, что, несомненно, вызывает серьезный интерес со стороны научного сообщества. Ведущими университетами и научно-исследовательскими центрами мира организована работа институтов, школ, групп и семинаров, нацеленных на комплексное изучение идейно-теоретического комплекса критической теории (Институт социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, Институт критических социальных исследований в Нью-Йорке, школа критической теории на базе Биркбека в Лондоне и др.). Ежегодно проводятся научные конференции международного уровня, посвященные раскрытию ее эвристического потенциала («International Critical Theory Conference in Rome», «London Conference in Critical Thought», «Philosophy and Social Science» в Праге и др.). Регулярно издаются рецензируемые журналы, отличающиеся высокими академическими стандартами, на страницах которых обсуждаются различные аспекты критической теории («Critical Inquiry», «The London Journal of Critical Thought», «Zeitschrift fur kritische Theorie», «Constellations» и др.) [1, с. 7].

К примеру, немецкий социолог Х. Брункхорст (директор Института социологии Фленсбургского университета, Германия) при изучении массового общества, активно обращается к концептуальным ресурсам критической теории, осуществляя при этом реконструкцию ее идейно-теоретической динамики [2]. Так, основоположники критической теории приоритетную роль в формировании современного общества отводят научно-техническому прогрессу. Вслед за К. Марксом, они утверждают, что революция в средствах массовой коммуникации является приоритетным фактором капиталистической глобализации. В программной работе критической теории «Диалектика Просвещения» отмечается тенденция к снижению освободительного и, одновременно с этим, росту репрессивного потенциала новых средств массовой коммуникации. «Сегодня культура на все накладывает печать единообразия. Кино, радио, журналы образуют собой систему. Каждый в отдельности ее раздел и все вместе выказывают редкостное единодушие. Даже противоположные по политической направленности эстетические манифестации одинаковым образом возносят хвалу общему стальному ритму» [3, с. 149]. Эта система образует единство с культурной монополией, которая распространяется на все общество и которая, в свою очередь, образует единство с экономической системой.

Доминирующая тенденция позднего капитализма заставляет всех, кто еще не включен в систему, стать таковым, эффективно предотвращая при этом любое сопротивление. Новые масс-медиа (кино, радио, журналы, фотография, мультфильмы,

поп-музыка, реклама и др.) направлены на достижение этой цели. Массовая культура во многих формулировках критической теории предстает как ложное сознание, где установки проекта «модерн» становятся неотличимыми от массового обмана и приводят к прямо противоположному ожидаемому результату – не к освобождению из-под власти природной стихии и нужды, но, напротив, порабощению и закабалению вещностью. Формы легитимации такого социального порядка дисциплинируют индивида. Т. Адорно описывает бытие человека в позднем капитализме как постоянный обряд посвящения, где каждый должен показать, что он полностью отождествляет себя с силой, которая его подавляет. В конечном счете, власть над субъектом состоит в добровольном принятии субъектом точки зрения власти.

Таким образом, среди первого поколения критических теоретиков наблюдается тенденция квалифицировать массовое общество в резко негативных дескрипциях как одномерное, технократическое, тоталитарное, фундированное принципом господства-подчинения, поскольку до тех пор, пока производственные отношения остаются определяемыми капиталистическими законами свободного рынка, такой тип социального устройства стремится превратить всех людей в рабов.

Одним из наиболее репрезентативных представителей современной критической теории является Ю. Хабермас, он продолжает эту интеллектуальную традицию, развивая и дополняя ее. Вслед за Э. Дюркгеймом и Т. Парсонсом этот критический теоретик раскрывает понятие культуры в терминах функциональной дифференциации общества и жизненного мира человека. В отличие от Т. Адорно, трактовавшего плюрализацию инструментального разума на пике прогресса технического «господства над материалом» как несомненный признак его неизбежного упадка, он, напротив, описывает этот феномен как эмансипацию коммуникативного разума от господства инструментальной рациональности.

Эволюция современного общества инициируется посредством дифференциации экономической подсистемы в результате «расколдовывания» мира и возникновения социальных классов, зависящих от рынка. При этом укрепление и стабилизация экономической подсистемы возможны лишь при ее отделении от государственной политики и права. Культура и искусство также играют важную роль в эволюции современного общества. Произведения массовой культуриндустрии манипулируют и лгут, но, в конечном итоге, оказываются незаменимыми и как диагноз времени, и как ранний симптом кризиса. В то же время, анализ культурной реальности смещается на второй план в критической социальной теории Ю. Хабермаса.

Уже в его диссертации, посвященной структурным трансформациям «общественности», несмотря на критику научным руководителем М. Хоркхаймером, приоритетное место отводится политическим и правовым аспектам этой трансформации. В то время как М. Хоркхаймер отождествляет массовое общество и демократию, четко отделяя ее от либерализма буржуазной элитарной культуры, для Ю. Хабермаса именно «общественность», публичная сфера, выступает импульсом, с которого начинается демократическая самоорганизация общества. «Общественность», образованная правовыми институтами и системно стабилизированная политическими партиями и организациями, оказывается, по мнению мыслителя, невосприимчивой к прямому контролю со стороны массовой культуры.

Структурное ослабление потенциала манипуляций, производимых «культуриндустрией», направляет диагностический взгляд на дальнейшие системные источники социальных патологий. Например, гегемоническая концентрация политической власти в организациях (крупный бизнес, административный аппарат,

ассоциации, партии и др.) препятствует свободному и публичному формированию воли всех правовых субъектов. Вместе с тем, без этой силы никакое волеизъявление не может быть сформировано в условиях массовой демократии. Условия публичного формирования воли идентифицируются как условия ее ограничения и искажения господством. С одной стороны, это означает «колонизацию жизненного мира» теми функциональными системами (рыночная экономика, административная политика и право), которые одновременно стабилизируют и поддерживают коммуникативную инфраструктуру современной жизни, поскольку деньги, власть и право являются средствами массовой информации коммуникативного обмена. С другой стороны, смещение фокуса внимания критической теории с анализа массовой культуры на сложную и дифференцированную социальную реальность открывает новые и обнадеживающие перспективы для реформирования деформированной «общественности». «Общественная организация», «реполитизация», «институционализация дискурсов», «коммуникативная сила» и «гражданское общество» являются ключевыми понятиями критической социальной теории Ю. Хабермаса.

Таким образом, критическая теория в классической ее версии при исследовании современного общества фокусировалась на патологиях его развития. Так, в работе Г. Маркузе «Одномерный человек» постулируется, что государство всеобщего благосостояния растворяет все социальные классы в одной атомизированной массе счастливых рабов-потребителей. В то же время, по мнению Ю. Хабермаса, формирование эгалитарной культуры посредством государства всеобщего благосостояния может интерпретироваться не только как возможная угроза частной автономии личности, но и как предпосылка для расширения сферы общественной автономии. Односторонний акцент на опасности для свободы, в конечном счете, является следствием концептуальной редукции рациональности к инструментальной ее разновидности. По этой причине критическая теория на раннем этапе ее развития остается нечувствительной к коммуникативному потенциалу рациональности в контексте массовой демократии. Дополняя критическую теорию идеями прагматизма (Ч. Пирс, Дж. Мид и Дж. Дьюи) Ю. Хабермасу удалось переформулировать ее в терминах коммуникативной рациональности, ориентированной на диалог и консенсус, что сделало возможным получить представление о растущих шансах эмансипации в условиях современного массового общества, преодолевая конфронтацию между свободой и демократией. Лишь в той степени, в которой демократическая самоорганизация общества успешна, опасности для индивидуальной свободы личности могут быть ограничены возможным манипулированием в контексте массовой культуры, вероятность которого возрастает с каждой технологической революцией. Демократическое конституционное государство является, таким образом, в современной критической теории институциональным воплощением позитивной концепции модерна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ратникова, И.М. Философские основания современной критической теории / И.М. Ратникова // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2019. – № 1(64). – С. 7–14.

2. Brunkhorst, H. Critical Theory and the analysis of contemporary mass society / H. Brunkhorst // The Cambridge Companion to Critical Theory ; ed. by F. Rush. – Cambridge: Cambridge University, 2004. – P. 248–280.

3. Хоркхаймер, М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – М. : Медиум ; СПб. : Ювента, 1997. – 312 с.

УДК 327.88:323.22/.28(476)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОВОКАЦИИ ПРОТИВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Ревенко В. В.
старший научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат политических наук
г. Минск, Беларусь

Современные геополитические реалии характеризуются нестабильностью и напряженностью в военном, экономическом и политическом планах. Данная ситуация способствует осуществлению различного рода провокаций одними государствами в отношении других в целях дискредитации или проявления различного рода амбиций. Наиболее неблагоприятным вариантом развития событий является военная провокация, которая может привести к военному конфликту регионального или глобального масштаба (как пример – Индия и Пакистан). Экономическая провокация, например, введение односторонних или секторальных санкций, а также пошлин (США и Китай), способна подорвать политический диалог между странами или привести к глобальной рецессии. Политическая провокация способна стать катализатором конфликта и военного, и экономического и дипломатического характера. Сегодня именно политическую провокацию ряд экспертов ставят на первое место в качестве инструмента ведения гибридной войны одних государств против других.

Республика Беларусь, являясь значимым геополитическим игроком в регионе, союзником Российской Федерации и находясь в кризисе военных, политических и экономических отношений с коллективным Западом, регулярно подвергается политическим провокациям. В данной ситуации необходимым является установление источников, выявление причин и потенциальных последствий подобных недружественных действий, что и объясняет актуальность исследования.

На основании анализа источников [1; 2, с. 190; 3, с. 19–20], политическая провокация против государства (в настоящем исследовании) – это прием политического противоборства, который включает в себя комплекс или разовые специально организованные акции подрывного характера (заявления политических и общественных деятелей, публикации СМИ, дипломатические шаги, дезинформация) в целях вызова ответной реакции политического противника или его дискредитации, для дестабилизации обстановки, эскалации насилия, оправдания собственной агрессивной риторики и нанесения имиджевого ущерба объекту провокации.

Республика Беларусь не находится в состоянии вооруженного или политического конфликта с какой-либо из стран региона или мира. Однако, ряд государств прибалтийского региона (Литва, Латвия и Эстония), Европейского союза (Германия, Великобритания) и близкие страны-соседи (Польша и Украина), руководствуясь политикой милитаризма, русофобии и покорности политической воле коллективного Запада, демонстрируют откровенную агрессию в отношении белорусского государства. Данная агрессия часто проявляется в виде политических провокаций со стороны лидеров европейских государств, представителей отдельных СМИ, экстремистской белорусской оппозиции, финансируемой ЕС и США. Данные действия оправдываются агрессорами тем, что Республика Беларусь реализует внешнюю политику и экономику, направленную на тесное взаимодействие с Российской

Федераций, укрепление отношений с Китаем, поддержку Ирана, которые являются антагонистами коллективного Запада.

Количество политических провокаций в отношении Беларуси существенно возросло после неудавшейся попытки государственного переворота в нашей стране в 2020 году и, непосредственно, в период избирательной компании того же года.

Так, если под политической провокацией понимать необоснованные обвинения Республики Беларусь западными СМИ в организации диверсий на границе, участии в конфликте на Украине, политических репрессиях, милитаризации, то их количество за последние годы увеличилось кратно и представлено в динамике в таблице 1. Данные получены на основании контент-анализа материалов трех ведущих европейских и трех СМИ США (по версии ежегодного отчета американской рейтинговой компании «Nielsen»). В поисковой строке данных изданий вводился запрос «Belarus» и путем выделения и суммации тех материалов, которые по мнению автора носят характер политической провокации и направлены непосредственно против белорусского государства, получены приблизительные статистические данные.

Таблица 1. Примерное количество политических провокаций против Республики Беларусь со стороны западных СМИ

Год	2018	2020	2022	2024
Количество	17	47	54	26

Динамика снижения числа политических провокаций со стороны СМИ в отношении Республики Беларусь в 2024 году может объясняться общим падением интереса со стороны Запада к нашей стране ввиду осознания бесперспективности подобных действий, внутриполитической и экономической стабильностью белорусского государства и общества.

Ключевыми провокативными тезисами можно выделить: публикацию материалов лжерасследования об организации Беларусью миграционного кризиса на границе с Европой; беспочвенные обвинения в похищении детей с территории Украины; лжерасследования об опасности Белорусской АЭС и ряд других.

Кроме того, в таблице 2 приведен примерный подсчет политических провокаций со стороны лидеров западных государств в отношении Республики Беларусь. Под политическими лидерами подразумеваются президенты, премьер-министры, высшие должностные лица США, Великобритании, Польши, Украины, Литвы и некоторых других соседних государств.

Таблица 2. Примерное количество политических провокаций против Республики Беларусь со стороны политиков

Год	2018	2020	2022	2024
Количество	3	8	11	10

Наибольшее количество провокативных заявлений выявлено со стороны Литвы, Польши и Украины. Выделены следующие тезисы: Республика Беларусь не имеет военного и политического суверенитета от России; Республика Беларусь является агрессором на стороне России; территории Республики Беларусь – это исторически польские территории; прямые призывы к политической и экономической изоляции Республики Беларусь; недопустимые, с точки зрения дипломатии и этики, высказывания в адрес Президента Беларуси и ряд других публичных заявлений.

С точки зрения дипломатических шагов, носящих характер политической провокации, особо стоит выделить пособничество Польши в организации различного рода мероприятий белорусской оппозиции и экстремистским формированиям, непризнание результатов выборов в Беларуси, необоснованное выдворение белорусских дипломатов (Польша, Латвия и др.), воспрепятствование нормальной работе дипломатических представительств Республики Беларусь за рубежом и представительств при международных организациях (США, Австрия, Польша, Литва и др.), призывы и лоббирование санкций против Республики Беларусь (Польша, Украина, страны прибалтийского региона).

Ключевыми причинами роста количества политических провокаций в отношении Республики Беларусь стоит выделить: тесное политическое, военно-техническое, экономическое взаимодействие с Российской Федерацией; несогласие с политикой Европы по ключевым вопросам; восточный и африканский вектор реализации внешней политики; попытка западных сил насильственной смены власти в Республике Беларусь и дестабилизации общественно-политической обстановки; попытка изоляции Беларуси. Данные выводы соответствуют общественно-политическим процессам в нашей стране и в мире, которые хронологически совпадают с динамикой, отраженной в таблицах 1 и 2.

Кроме того, на сегодня возникает новый вызов для Беларуси от партнера по СНГ, ОДКБ и ЕАЭС – Армении. Армянское руководство допускает публичные недружественные высказывания в адрес Беларуси, белорусского народа и Президента нашей страны. Ряд действий подпадают под определение политической провокации. Это можно объяснить установкой прозападного курса развития Армении и финансовой зависимостью от коллективного Запада, что влияет на двусторонние отношения с партнерами по СНГ.

На сегодня, данные политические провокации в отношении Беларуси не имеют какого-либо успеха. Глава белорусского государства, Министерство иностранных дел и другие компетентные органы проявляют взвешенную и адекватную реакцию на агрессивные действия Запада исключительно в рамках норм международной дипломатии и права. В ряде случаев попытки политической провокации остаются без внимания со стороны официального Минска, что показывает обдуманность и политическую дальновидность, вызывает немалое раздражение в рядах западных политических элит и беглой белорусской оппозиции.

В целом стоит констатировать, что попытки политических провокаций в отношении Республики Беларусь не прекращаются, носят волнообразный характер на фоне событий в Беларуси, регионе и мире, не имеют существенного успеха. Снижения их количества в ближайшей перспективе маловероятно до окончания конфликта на Украине и нормализации отношения со странами-соседями и Европейским союзом в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Дмитриев, А.В. Провокация: социофилософские очерки [Текст] / А.В. Дмитриев, А.А. Сычев. – Москва : ЦСПиМ, 2017. – 334 с.

2. Пограничный словарь. – М.: Академия Федеральной ПС РФ. 2002. – 158 с.

3. Дружинин, А.М. Коммуникативные практики. Философско-методологический анализ : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11. – Москва, 2005. – 191 с.

УДК 091

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ И. КАНТА В КАЛИНИНГРАДЕ КАК ЯРКИЙ ПРИМЕР РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Румянцева Т. Г.
профессор кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет
доктор философских наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Под региональными исследованиями в самом широком смысле этого слова подразумевается научное направление, которое изучает явления, процессы и объекты в контексте конкретного географического, исторического и культурного региона. Если же речь заходит о гуманитарных науках, то здесь этот подход означает концентрацию внимания не только на самом предмете, в данном случае имеется в виду кантовское наследие, но и на том, как эти идеи исследовались, развивались и интерпретировались именно в конкретной локальной институциональной среде, а не только в мировой философии. Такой конкретной средой здесь для нас выступает город Калининград (бывший Кёнигсберг) и Балтийский федеральный университет им. И. Канта, преемник кантовской Альбертины. А под региональными исследованиями кантовского наследия имеется в виду непосредственное обращение к живой истории И. Канта в ее локальном измерении. Это исследование того, как в пространстве Калининграда и в стенах БФУ им. И. Канта формировалась и сохранялась особая традиция чтения, интерпретации и символического присутствия философа, превращая его фигуру в элемент культурной идентичности региона.

Называя такого рода исследование региональными, мы соблюдаем все присущие ему признаки: *локализации,* так как здесь рассматривается определенный регион; *контекстуализации,* так как учитываются все условия, в которых исследуется выбранный объект; *междисциплинарности*, ибо исследование кантовского наследия осуществляется разными гуманитарными науками – историей, социологией, культурологией и, конечно, философией. И, наконец, здесь не упускается из виду и *связь глобального и локального,* так как наследие И.Канта давно приобрело статус мирового феномена, проявляемого и осмысливаемого в данном конкретном случае в определенной локации.

Автор выбрал данный регион не только потому, что вот уже в течение более двадцати лет он имеет с ним тесные связи. Дело в том, что именно Балтийский Федеральный университет им. И. Канта известен сегодня как один из ведущих центров российского кантоведения, а исследования философии И. Канта начались здесь вместе со становлением самого университетского образования. На протяжении вот уже полувека в университете издается единственный на просторах СНГ, посвященный И. Канту и его наследию, научный журнал – «Кантовский сборник», членом редколлегии которого много лет является автор. Именно здесь, в этом журнале, впервые были введены в научный оборот переводы целого ряда ранее не известных работ немецкого философа. Эти переводы, исследования и результаты дискуссий, публикуемые на страницах журнала, ведутся именно в калининградском контексте. Под эгидой университета регулярно проходят Кантовские чтения, конференции и семинары, которые собирают ведущих кантоведов со всего мира [1, с. 7]. Каждый год на летние школы по изучению наследия И. Канта приезжают, чтобы послушать

ведущих кантоведов России и мира, молодые исследователи из многих стран, в том числе, и наши белорусские студенты и аспиранты. А в 2024 году, в год юбилея немецкого философа, здесь прошел Международный Кантовский Конгресс и Международная студенческая Олимпиада по философии И. Канта, в работе которых принимали участие белорусские ученые и студенты.

Когда мы говорим о «региональных исследованиях» применительно к кантовскому наследию, это означает не просто анализ его философских текстов, а изучение того, как фигура И. Канта и его идеи встроены в культурную память и интеллектуальную жизнь Калининграда. И, анализируя это «включение», можно кратко выделить несколько аспектов.

Так, с точки зрения *исторической преемственности* Калининград – это бывший Кёнигсберг, город, где Кант родился, жил, преподавал и был похоронен. А это предполагает, разумеется, культурно-историческую связь между местом и личностью философа, когда он приобретает статус своего рода символа региона.

Можно указать и на чисто *институциональное* присутствие, под которым здесь имеется в виду то, что БФУ – ведущий ВУЗ региона, носит имя И. Канта, а это, несомненно, придает фигуре мыслителя определенный статус и в академической идентичности региона. При этом учитывается, какие локальные научные школы, проекты, традиции, посвященные И. Канту, здесь сложились. Речь идет о наличии кафедр, институтов, различного рода центров и программ, научных и просветительских практик, регулярных Кантовских чтений, конференций, публикаций, составляющих живую традицию академического кантоведения. Яркий пример тому Академия Кантиана – подразделение гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, которое занимается компаративным изучением взаимной рецепции философских традиций России и Запада в ее влиянии на формирование актуальных научных, философских и социально-политических кодов и смыслов. Особое внимание здесь уделяется изучению философии И. Канта и ее восприятию в России, исследованиям истории русского и немецкого неокантианства, изучению продуктивных возможностей и границ применимости кантовской трансцендентальной философии к решению современных проблем науки, этики, политики, социологии и права. Сотрудники Академии публикуют научные работы в престижных зарубежных и отечественных изданиях, а также 4 раза в год выпускают уже упоминаемый журнал «Кантовский сборник», который вошел в первую пятерку предметного рейтинга журналов Russian Science Citation Index (2021), а также включен в базу Scopus и перечень ВАК РФ.

И. Кант и его наследие зримо присутствуют и в *культурной памяти и символике* Калининграда. Имеются в виду многочисленные знаки памяти, встроенные в городское пространство, мемориалы, музеи И. Канта в Кафедральном соборе и в университете, его могила у Кафедрального собора, ставшая поистине сакральным местом, которое должен посетить каждый прибывающий в Калининград. И. Кант стал сегодня уже не только историческим персонажем, но и культурным брендом региона [2].

Нельзя не отметить и еще один, связанный с присутствием кантовского наследия в регионе аспект, который сразу бросается в глаза всем приезжающим. Это туристическо-имиджевый ресурс. Здесь к месту можно упомянуть памятную доску с цитатой И. Канта, укрепленную когда-то на стене Кёнигсбергского замка с его знаменитыми словами о звездном небе и моральном законе. Доска сохранилась и сегодня в Калининграде, и эти слова наверняка оставляют след, как в юных душах, так и в сердцах всех посетителей города. В настоящее время она находится на стене в центре города и ее может увидеть и прочитать слова И. Канта каждый. Это знаменитое

изречение можно увидеть и на других памятных табличках и артефактах, связанных с философом. И. Кант и его имя также активно используются не только как часть культурного позиционирования Калининграда, но и в многочисленных международных связях. Так, БФУ имеет многочисленные договора с иностранными и международными организациями по вопросам образования и науки, включая и программы по совместному исследованию кантианского наследия.

Можно, таким образом, с уверенностью утверждать, что И. Кант в Калининграде это и историческая память, и символ города, и академическая традиция, и инструмент культурной идентичности. Таким образом, именно в этом регионе, на родине мыслителя, сложились особые, благоприятные местные исторические, культурные и политические обстоятельства, которые повлияли на то, что его идеи здесь активно изучали, развивали, пропагандировали и продолжают это делать.

История изучения наследия И. Канта в Калининграде и в Балтийском федеральном университете, в частности, демонстрирует, что региональные исследования способны выявлять уникальные формы существования философской традиции в локальном контексте. Калининградский пример показывает, как мировое интеллектуальное наследие, преломляясь через конкретное пространство и время, становится частью культурной памяти, академической идентичности и символического капитала региона. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении междисциплинарного подхода, который позволит глубже понять механизмы взаимодействия глобального философского канона и локальных культурных практик.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Образы Канта в Калининградском университете / отв. ред. и сост. С.В. Луговой. – Калининград : БФУ им. И. Канта, 2024. – 313 с.

2. Румянцева, Т.Г. Формирование образа Канта-философа в контексте историко-культурного ландшафта старого Кёнигсберга / Т.Г. Румянцева // Философские исследования. – 2023. –Вып. 10. – С. 279–285.

УДК 316.33

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Русакова М. М.
директор Центра прикладной социологии,
Санкт-Петербурский государственный универсстет
кандидат социологических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

Ткач С.
ведущий социолог Центра прикладной социологии,
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия

В истории общественных наук принято выделять два периода интеллектуального интереса к проблеме отчуждения: последнюю треть XIX в. и третью четверть XX в. [1]. Первый этап обусловлен реакцией общественности на опубликованные работы К. Маркса, в особенности, на его теорию товарного фетишизма [2]. Причиной к

написанию текстов об отчуждении послужило становление промышленного капитализма и доминирование капитала над феодальной рентой. Ряд ключевых прогнозов Маркса о сокращении (преодолении) отчуждения путем массового ограничения рабочего дня восемью часами, а также автоматизации производства, подверглись пересмотру во второй половине 1960-х гг. Представители школы критического марксизма, среди которых Э. Фромм [3], Г. Маркузе [4], О. Негт [5] и др. отмечали в своих работах парадоксальный рост отчуждения. Публикация их работ совпала с кризисом макросоциологического взгляда на социальные проблемы, о чем пишут Д. Иванов и Ю. Асочаков [6], отчего внимание зарубежных социологов и философов было сконцентрировано на анализе повседневности человека, его практик и привычек. В установившемся обществе массового потребления отчуждение стало поликаузальным – за ним стояли отчуждение человека от объекта производства через машины и интерфейсы, отчуждение от самого себя через сублимацию собственных истинных желаний навязанными капитализмом, отчуждение от других через атомизацию и индивидуализацию в общей погоне за прибылью. В раннем индустриальном обществе, напротив, его причина заключалась в разделении труда и продажи своего труда работником капиталисту.

Среди современных отечественных социологов можно встретить упоминания о становлении третьего этапа интеллектуального интереса к проблеме отчуждения, причиной чему стали изменения, которые привнесла цифровизация в нашу жизнь, и тем, как она повлияла на переживаемое отчуждение. Среди авторов, в трудах которых можно встретить такие тезисы, уже приведенные здесь Асочаков и Иванов [7], Д. Дудник [8], И. Микиртумов [9] и др. Рассмотрим подробнее их аргументы и то, каким предстает отчуждение в современном цифровом обществе.

К ключевым изменениям, которые произошли в цифровом обществе, и которые необходимо учитывать при рассмотрении отчуждения, следует отнести цифровизацию и алгоритмизацию современного труда. Если К. Эриксон, как бы подытоживая работы авторов теории отчуждения в 1970-е, пишет о цифровизации, которая отделяет человека от объекта производства, ставя между ними заслонку в виде цифрового экрана автоматизированного станка [10, с. 4-5], то в современном обществе та же заслонка возводится между человеком и человеком. Людям более не доступны их коллеги вживую, они отчуждены от них цифровым этикетом, аватарами и видеообразом в онлайн-звонке [11]. Вторым изменением становится смена образа цели в капиталистическом соревновании. В обществе потребления, о котором писали Фромм и Маркузе, целью становился товар, который можно было приобрести на обретенный доход. В цифровом обществе, о чем пишет Микиртумов, цель заключается в престиже и доминировании над другим через демонстрацию личного успеха [10, с. 62]. Как мы видим из тезиса Микиртумова, цифровое общество отличается от позднего индустриального не только доминированием информационного капитала и цифровых технологий, но и новой социальной структурой, которая рождается под давлением этих технологий. Из такой перспективы видится ожидаемым вывод Иванова и Асочакова о новой атомизации как признаке цифрового общества. Атомизация модерна строится из соревнования людей, в цифровом обществе к ней добавляется атомизация политического действия. Иванов и Асочаков описывают три стадии политического движения по преодолению отчуждения, которые соответствуют упомянутым выше трем этапам интереса к отчуждению в социологии. На первом этапе отчуждение должна была преодолеть масса рабочего класса – миллионы человек. На втором этапе надежды были связаны с активистскими сообществами (экологическое, за расовое

равенство и т.д.) – десятками тысяч человек. На третьем этапе речь идет об индивидуальных личных стратегиях преодоления отчуждения – поиске персональных сценариев, посредством которых можно было бы обмануть алгоритмы социальных сетей или программы за слежением за сотрудником во время работы [7]. Эти одиночки не способны к объединению, что ограничивает эффективность вырабатываемых ими стратегий.

Для цифрового общества характерно изменение взгляда на человека. Подробнее это рассмотрено у И. Дудиной [12]. Инструменты анализа больших данных, появившиеся в цифровом обществе и ставшие его символом, превратили человека из единицы рабочей силы в единицу слежения [12, с. 10] и бесконечно малое значение в таблицах обучающих данных прогностических моделей [13]. Такое методологическое отдаление от человека приводит к разрушению гуманности во взгляде на другого – еще более глубокому отчуждению человека от человека.

Маркс описывал отчужденное общество как порабощенное – капитал обретал власть вершить судьбу рабочих [2, с. 83]. Это емкая научная метафора, которая позволяла запечатлеть обретение власти неживого (капитала) над живым (рабочим) подобно тому, как тотем обретает власть над поклоняющимся ему [14, с. 103]. Однако современное цифровое общество переворачивает метафоричность образа – алгоритмы принятия решений, построенные на архитектуре нейронных сетей, самостоятельно принимают решения об увольнении сотрудника, обращаясь в качестве референтных метрик к максимизации прибыли организации в сценариях увольнения сотрудника или сохранения его позиции. Подробно влияние таких алгоритмов на отчуждение проанализировано в исследованиях Д. Новоселова [13].

Подводя итоги изложения проблемной ситуации, важно вернуться к методологии ее анализа в социологической науке. Микиртумов замечает, что экономический анализ, который традиционно ассоциировался с анализом моментов отчуждения, должен уступить место фокусу на анализе переживания отчуждения [9]. В цифровом обществе постмодерна объективная действительность искривляется, распадаясь на множество атомизированных отдельных локаций, препятствуя, тем самым, объективным обобщениям. Более надежным оказывается обращение к рассмотрению личного опыта человека, испытываемой им горечи в связи доминирующим цифровым отчуждением. Однако такой метод натыкается на ограничение, сохраняемое в научной традиции анализа отчуждения, начиная с работ Маркса – для осознания информантами переживаемого опыта как опыта отчуждения необходимо пробуждение классового сознания. Иными словами, значительная часть переживаемого опыта информанта, которая будет названа исследователем как опыт отчуждения, будет опровергнута самим информантом. Исследователь в такой ситуации неизбежно берет на себя патерналистскую роль решать за информанта, что тот ощущает, и как он на самом деле должен понимать свой опыт. Перспективным в такой ситуации видится метод акционистского эксперимента и модерируемых дебатов в рамках фокус-групп, а также партисипаторные методы, например, диадное интервью. В описанных методах информант сохраняет личное право самому определять, как ему понимать собственный опыт, но, одновременно с этим, ему открывается перспектива исследователя, знакомого с социологической теорией. Реализация обозначенных методов видится перспективным и новым направлением исследований проблемы отчуждения труда в цифровом обществе как проблемы трансформации социально-экономических отношений

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Musto, M. Revisiting Marx's Concept of Alienation / M. Musto // Socialism and Democracy. – 2010. – Vol. 24, № 3. – pp. 79-101

2. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23 / К. Маркс, Ф. Энгельс – М.: Политиздат, 1960. – 920 с.

3. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм – М.: «Республика», 1992. – 434 с.

4. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе – М.: АСТ, 2003. – 331 с.

5. Negt, O. Lebendige Arbeit, enteignete Zeit / O. Negt – Frankfurt/New York: Campus Verlag, 1984 – 272 p.

6. Иванов, Д.В. Социология в XXI веке: между фрагментацией и интеграцией / Д.В. Ивановб, Ю.В. Асочаков, К.П. Гулькина //Наука. Культура. Общество. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 6-25.

7. Иванов, Д.В. Цифровизация и критическая теория общества/ Д.В. Иванов, Ю.В. Асочаков //Социологические исследования. – 2023. – № 6. – С. 3-15.

8. Дудник, С.И. Отчуждение в цифровом обществе / С.И. Дудник // Вопросы философии. – 2020. – №3. – С. 17–20.

9. Микиртумов, И. Время труда и время досуга: отчуждение в эпоху цифровизации / И. Микиртумов //Stasis. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 38-76.

10. Erikson, K. On work and alienation / K. Erikson //American Sociological Review. – 1986. – Vol. 51, № 1. – pp. 1-8.

11. Зудина, А.А. «Поколение локдауна»: динамика молодежного рынка труда в условиях пандемии COVID-19 / А.А. Зудина // Мир России. – 2024. – Т. 33, – № 2. – С. 6-31.

12. Дудина, В.И. «Пересборка социологии»: цифровой поворот и поиски новой теоретической оптики / В.И. Дудина // Социологические исследования. – 2021. – № 11. – С. 3-11.

13. Новоселов, Д.О. Искусственный интеллект и изменение трудовых ценностей, влияние автоматизации на восприятие работы / Д.О. Новоселов //Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2025. – № 1. – С. 113-118.

14. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм – М.: АСТ, 2019 – 528 с.

УДК 316.43

РОЛЬ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Рысюкевич Н. С.
старший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г.Минск, Беларусь

Изменения, происходящие в современном обществе, связаны со стремлением провозгласить и реализовать идеи гуманизма. Гуманизация современного общества – это процесс усиления внимания к человеческому фактору, ценностям, правам и потребностям людей во всех сферах жизни, в том числе в сфере физической культуры. Основные идеи гуманизма заключаются в том, что каждый человек несет ответственность за свои поступки, может выбирать свои ценности, должен следовать нормам морали и нравственности. Ценности гуманизма в сфере физической культуры заключаются в признании человека как высшей ценности, его всестороннем развитии, укреплении здоровья и формировании позитивного отношения к себе и окружающим. Физическая культура, реализуя эти ценности, способствует формированию

гармонично развитой личности, обладающей как физической, так и нравственной силой.

Современная эпоха ставит перед обществом задачи, связанные с модернизацией всех сфер жизни. Темпы различных преобразований (социальных, экономических, технологических) требуют быстрой адаптации к меняющимся условиям жизни и деятельности. Гуманизация предполагает переосмысление целей и средств развития общества, направленное на повышение благосостояния и качества жизни человека, важнейшей составляющей которого является здоровье.

Здоровье в современном обществе приобретает приоритетное значение. Оно было и остается важнейшей терминальной ценностью, занимает верхнюю ступень в иерархии ценностей человека, что подтверждается результатами социологических. Здоровье – является важнейшим компонентом удовлетворенности жизнью и обязательным условием успешного социального и экономического развития. Полноценная реализация интеллектуального, духовного, физического, репродуктивного потенциала возможна только при хорошем уровне здоровья индивида и общества в целом.

По определению специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ): здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, не только отсутствие болезни и физических дефектов. В своей трактовке понятия «здоровье» ученые акцентируют внимание на интегративных показателях индивидуума, подчеркивая, что здоровье человека – это, прежде всего, процесс сохранения и развития его психических и физических качеств, оптимальной работоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни.

Изменение образа жизни человека, формирование здорового образа жизни – процесс длительный и сложный, но крайне важный в рамках повышения уровня общественного здоровья в масштабах страны. Постоянно развивающаяся современная медицина уже добилась многого, и ей стало подвластно лечение многих болезней и травм, с которыми справиться ранее не представлялось возможным, но роль образа жизни, в котором важнейшей составляющей была и остается двигательная активность, остается одним из главных и эффективных методов сохранения и укрепления здоровья человека. Отсутствие личной мотивации к сохранению здоровья уже само по себе является фактором его ухудшения.

Физической культуре принадлежит, бесспорно, особая роль в процессе гуманизации современного общества. Обладая большим арсеналом средств – оздоровительных, педагогических, социальных технологий, физическая культура способна воздействовать не только на биологическую природу, но и на социальную и духовную сферы жизнедеятельности человека, способствовать поддержанию физического и социального здоровья. Занятия физической культурой оказывают положительное влияние на психологическую составляющую личности, так как способствуют снижению психоэмоционального напряжения, повышению стрессоустойчивости, улучшению настроения, повышению умственной работоспособности.

УДК 316.472

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Савич Н. А.
ведущий социолог,
Центр социологических и политических исследований,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

В жизни современного общества все большее значение приобретает социальная ответственность. В общем смысле, это концепция, в рамках которой организации и индивиды добровольно принимают на себя обязательства действовать в интересах общества и окружающей среды. Ее суть заключается в осознании влияния своих действий на других людей, общество в целом и природу.

Социальная ответственность может проявляться в различных формах, включая корпоративную социальную ответственность. Такая форма предполагает учет бизнес-компаниями не только финансовых результатов, но и социальных последствий своей деятельности. Это может включать благотворительность, устойчивое развитие, этическое ведение бизнеса, заботу о работниках, личную социальную ответственность. Личная социальная ответственность может проявляться через участие в волонтерских проектах, экологическую сознательность, соблюдение норм морали и этики, экологическую ответственность, социальную справедливость.

Социальная ответственность предполагает активное участие в решении социальных проблем, поддержание этических стандартов и стремление к устойчивому развитию. Она играет важную роль в формировании позитивного имиджа организаций и укреплении доверия между ними и обществом.

Понятие социальной ответственности тесно связано с понятием социального взаимодействия, которое, в свою очередь, является основой для формирования социального капитала. Связь между социальным капиталом общества и социальной ответственностью заключается, прежде всего, в том, что оба этих понятия сосредоточены на взаимодействии людей и организаций, а также на их влиянии на общество в целом.

Ключевыми аспектами этой связи являются:

1. Определение и взаимозависимость: социальный капитал, представляющий сеть социальных связей, доверия и норм, которые способствуют сотрудничеству и взаимопомощи в обществе, тесно взаимосвязан с социальной ответственностью. Он включает отношения между людьми, группами и организациями, а также уровень доверия и нормы поведения. В свою очередь, социальная ответственность подразумевает обязательства индивидов и организаций действовать в интересах общества, учитывая последствия своих действий и стремиться к улучшению жизни людей.

2. Укрепление доверия: социальный капитал способствует созданию доверительных отношений между членами общества. Именно высокий уровень доверия облегчает сотрудничество и совместные действия, что, в свою очередь, усиливает социальную ответственность. В результате организации с высоким уровнем социального капитала, как правило, более склонны к принятию социальных обязательств.

3. Поддержка социальных инициатив: социальный капитал может способствовать реализации социальных инициатив и проектов. Это проявляется в том, что люди и организации, обладающие высоким уровнем социального капитала, чаще участвуют в волонтерских программах, благотворительности и других формах социальной ответственности, что в конечном итоге приносит пользу обществу.

4. Создание устойчивых сообществ: социальная ответственность организаций, в свою очередь, может способствовать развитию социального капитала в сообществе. Например, компании, активно занимающиеся социальной ответственностью, поддерживают местные инициативы, создают рабочие места и инвестируют в социальные программы. Такая деятельность напрямую укрепляет социальные связи и доверие в обществе.

5. Этические нормы и ценности: оба понятия основаны на общих этических нормах и ценностях. Социальный капитал включает их в качестве фундамента, а когда организации действуют ответственно и этично, они тем самым способствуют укреплению этих норм. Это создает цикл положительной обратной связи, в котором социальная ответственность повышает уровень социального капитала и наоборот.

Таким образом, социальный капитал и социальная ответственность взаимосвязаны: высокий уровень социального капитала способствует развитию социальной ответственности, а активная социальная ответственность организаций может укреплять социальный капитал в обществе.

УДК 005.96:316.472:331.108.2

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОТРУДНИКА КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ ЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕПУТАЦИИ

Саврас С. А.
старший преподаватель кафедры экономики и управления на предприятии,
Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
магистр экономических наук
г. Гродно, Беларусь

Введение. В условиях продолжающейся цифровизации социально-экономических процессов виртуальная среда становится ключевой площадкой профессионального взаимодействия, что значительно повышает роль цифровой идентичности сотрудника в формировании его профессиональной репутации. Цифровую идентичность можно определить как совокупность информационных следов, оставляемых человеком в социальных сетях, на профессиональных платформах и других публичных интернет-ресурсах. Важно подчеркнуть, что бессистемная активность в интернете или её полное отсутствие может резко отрицательно влиять на карьерные перспективы в нынешних реалиях, в то время как осознанное управление цифровой идентичностью создает дополнительные возможности для профессионального развития.

Актуальность исследуемой темы обусловлена стремительным расширением практики удалённой занятости и усилением внимания работодателей к онлайн-профилям кандидатов [1, с. 59-68]. Целью работы является определение степени влияния цифровой идентичности на профессиональную репутацию и выявление эффективных методов управления ею.

Обзор литературных источников подчёркивает, что предложенная Гофманом концепция самопрезентации [2, с. 15-20] находит своё применение и в цифровой среде, где социальные сети выступают в качестве инструмента, усиливающего эффект личного бренда [1, с. 59-68]. При этом в исследованиях, подобных работе Бонерта и Росса [3, с. 341-347], влияние цифровой идентичности на уровень оплаты труда и карьерный успех затрагивается лишь фрагментарно, что указывает на необходимость более глубокого изучения данного вопроса.

Методы. Для достижения поставленной цели исследования был использован смешанный метод, сочетающий в себе количественные и качественные подходы, что позволяет обеспечить всестороннее изучение феномена цифровой идентичности. Методологический инструментарий сбора данных базируется на трёх ключевых компонентах, проработка каждого из которых была осуществлена с целью обеспечения достоверности и глубины проводимых анализа и оценки.

Во-первых, было проведено анкетирование среди двух групп респондентов: 250 сотрудников сферы информационно-коммуникационных технологий (с распределением по должностным уровням: 30% – стажёры и младшие специалисты, 50% – специалисты среднего уровня, 20% – руководители) и 50 HR-менеджеров из крупных IT-организаций, расположенных в Бресте, Гродно, Минске. Анкета для сотрудников содержала 20 вопросов, структурированных в три блока: 1) оценка уровня осведомлённости о влиянии цифровой идентичности; 2) анализ практик и инструментов управления цифровой идентичностью; 3) оценка восприятия влияния цифровой идентичности на карьерный рост. При этом анкета для HR-менеджеров была сосредоточена на критериях оценки кандидатов, включая вопросы о частоте проверок профилей в социальных сетях и их влиянии на принятие решений о найме. Распространение анкет осуществлялось посредством платформы Yandex Forms с предварительным пилотным тестированием на фокус-группе (10 человек) для уточнения формулировок. Сбор ответов производился в течение трёх месяцев (февраль-апрель 2025 года), при этом уровень возврата составил 84% для сотрудников и 88% для HR-менеджеров.

Во-вторых, был проведён анализ 10 кейсов (5 успешных и 5 неуспешных примеров управления цифровой идентичностью), отобранных из реальных профилей сотрудников сферы информационно-коммуникационных технологий. Успешные кейсы включали, к примеру, профиль разработчика, чьи регулярные публикации привели к получению им предложения занять руководящую должность. Неуспешные кейсы охватывали случаи, когда некорректные публикации в социальных сетях стали причиной отказа в трудоустройстве. Анализ кейсов проводился с использованием метода контент-анализа, в рамках которого каждый профиль оценивался по критериям активности (частота публикаций), релевантности контента (соответствие профессиональной сфере) и восприятия аудиторией (комментарии, отметки «нравится»). Сбор данных осуществлялся вручную из открытых источников (ВКонтакте, Дзен, Instagram, Telegram) при наличии согласия участников, а конфиденциальность была обеспечена путём анонимизации данных.

В-третьих, для оценки взаимосвязи между цифровой активностью, карьерным ростом и уровнем оплаты труда был проведён корреляционный анализ. В качестве переменных выступали: 1) индекс цифровой активности, рассчитанный как сумма публикаций, комментариев и отметок «нравится» за год; 2) карьерный рост, измеряемый как количество должностных повышений за последние 5 лет; 3) уровень дохода. Статистический анализ проводился в программе IBM SPSS Statistics 27.

Качественные данные, полученные из анкет и кейсов, обрабатывались в программе NVivo 12 с применением тематического кодирования для выявления ключевых тем.

Полученные результаты исследования позволяют раскрыть многогранную картину влияния цифровой идентичности на профессиональную репутацию и карьерный успех. В ходе проведённого анкетирования было установлено, что 68% HR-менеджеров на регулярной основе осуществляют проверку профилей кандидатов в социальных сетях. Среди сотрудников лишь 35% в полной мере осознают, что их цифровая идентичность оказывает влияние на профессиональную репутацию, и только 28% занимаются регулярным обновлением своих профилей. Выявлено, что наиболее активные пользователи (публикующие контент еженедельно) имеют на 30% более высокие шансы на должностное повышение в сравнении с теми, кто обновляет профили реже одного раза в месяц.

Анализ кейсов позволил выявить конкретные примеры: разработчик из Минска, публиковавший статьи по тематике машинного обучения, получил три предложения о работе в течение года, тогда как другой кандидат был отклонён по причине наличия некорректных публикаций. Контент-анализ показал, что успешные профили характеризуются регулярностью (в среднем 2 публикации в неделю), профессиональной релевантностью контента (78% материалов связано со сферой информационно-коммуникационных технологий) и высоким уровнем вовлечённости аудитории (среднее число отметок «нравится» – 50 на одну публикацию).

Статистический анализ выявил наличие прямой положительной корреляционной зависимости между индексом цифровой активности и карьерным ростом ($r = 0,68$, $p < 0,01$). В свою очередь, регрессионный анализ показал, что увеличение индекса цифровой активности сопряжено с повышением уровня дохода ($\beta = 0,45$, $p < 0,05$). Качественный анализ позволил выделить три ключевые особенности: 1) недостаточный уровень осведомлённости сотрудников о значимости цифровой идентичности; 2) предпочтение, отдаваемое работодателями профессиональному контенту в ущерб личному; 3) высокая важность использования инструментов мониторинга для управления репутацией.

Обсуждение. Результаты подчёркивают особую значимость цифровой идентичности в качестве неотъемлемого элемента профессиональной репутации в условиях продолжающейся цифровизации общества и рынка труда, в частности. Подтверждение гипотезы о наличии прямой зависимости между активным управлением цифровой идентичностью и карьерным успехом находится в согласии с выводами Марвик и Бойд относительно роли самопрезентации в онлайн-пространстве [4, с. 114-133]. Однако данное исследование выявило ряд некоторых особенностей, требующих более глубокой проработки в перспективе.

Выявленная в ходе статистического анализа корреляционная зависимость между индексом цифровой активности и карьерным ростом ($r = 0,68$) позволяет сделать вывод о том, что регулярное обновление профессиональных профилей в значительной степени повышает вероятность продвижения по карьерной лестнице, что в свою очередь подтверждает тезис Каплана и Хенлайна об усилении профессионального бренда посредством социальных сетей [1, с. 59-68]. При этом случаи, когда некорректные публикации в социальных сетях снижали шансы на трудоустройство, подчёркивают риски, связанные с отсутствием должного контроля над цифровой идентичностью, что согласуется с выводами Бонерта и Росса [3, с. 341-347].

Проведённый регрессионный анализ, показавший рост дохода при увеличении цифровой активности, вносит новый вклад в понимание экономического эффекта

данного феномена. Разница в доходах между группами с высокой и низкой активностью свидетельствует о том, что цифровая идентичность является не просто имиджевым инструментом, но и полноценным экономическим активом.

На основании полученных результатов были предложены следующие рекомендации: 1) для сотрудников – осуществлять регулярное обновление профилей в социальных сетях путём публикации профессионального контента не реже двух раз в месяц, а также использовать инструменты мониторинга для отслеживания упоминаний в сети; 2) для HR-менеджеров – разработать стандартизированные подходы к оценке цифровой идентичности, учитывающие профессиональную релевантность контента, но избегающие предвзятости; 3) для образовательных учреждений – обеспечить включение в учебные программы модулей по управлению цифровой идентичностью с целью повышения цифровой грамотности выпускников.

Необходимо отметить, что данное исследование имеет определённые ограничения, связанные с выборкой, сфокусированной на сфере информационно-коммуникационных технологий Беларуси, и краткосрочным периодом сбора данных. Дальнейшие научные изыскания должны быть направлены на расширение выборки на другие отрасли, изучение долгосрочных эффектов, анализ влияния культурных факторов и исследование роли новых медиаплатформ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Kaplan, A.M. Users of the world, unite! The challenges and opportunities of social media / A.M. Kaplan, M. Haenlein // Business horizons. – 2010. – Vol. 53, № 1. – P. 59–68.

2. Goffman, E. The presentation of self in everyday life / E. Goffman. – New York: Doubleday, 1959. – 259 p.

3. Bohnert, D. The influence of social networking web sites on the evaluation of job candidates / D. Bohnert, W.H. Ross // Cyberpsychology, behavior, and social networking. – 2010. – Vol. 13, № 3. – P. 341–347.

4. Marwick, A.E. I tweet honestly, I tweet passionately: Twitter users, context collapse, and the imagined audience / A.E. Marwick, D. Boyd // New media & society. – 2011. – Vol. 13, №1. – P. 114–133.

УДК 316.334.55(476)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ПРОВИНЦИИ

Сакович А. Ю.
доцент кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В условиях трансформации современного белорусского общества возникает потребность развивать социологические исследования провинции. Процессы индустриализации и урбанизации привели к депопуляции села. Численность сельского населения постоянно сокращается. На 1 января 2025 г. в селе насчитывалось 1926,5 тыс. чел., что на 215,6 тыс. чел. меньше по сравнению с 2016 г. [1, с. 4; 2, с. 4]. Вопросы, связанные с исследованием работы агропромышленного комплекса (далее АПК), занятости крестьян, социальной инфраструктуры деревень и агрогородков,

духовно-нравственных особенностей сельчан, их миграционные установки рассматривались в ходе социологического анализа села. В Республике Беларусь особый вклад в изучение сельской проблематики внесли Н. Е. Лихачев, Р. А. Смирнова, Т. В. Кузьменко, Н. Л. Балич и др. Однако, по нашему мнению, область социологического исследования необходимо расширить до пределов провинции, включающей не только сельские поселения, но также малые города, поселки городского и курортного типа, рассматривая ее как единое социально-экономическое и культурное пространство. Обратимся к опыту белорусских социологов по изучению провинциального сообщества и определим перспективные направления его дальнейшего анализа.

В Республике Беларусь социологические исследования провинции были проведены Институтом социологии НАН Беларуси в 2011 г., 2012 г. и 2014 г. Изучались ценностные ориентации, материальное благополучие, работа, занятость, социальные взаимодействия, миграционные установки провинциального сообщества и др. Анализ полученных результатов показал, что наиболее значимыми ценностями жителей малых городов и сельских населенных пунктов были следующие: семья (77,1 % и 80,4 %), дети (81,3 и 80,6 %), здоровье (52,1 % и 62,6 %) [3, с. 85]. Как видно, провинциальное сообщество отдавало приоритет семейным ценностям. При этом существенных различий в оценках городского и сельского населения провинции не наблюдалось. Ценность здоровья для сельчан была значительно выше, чем для жителей малых городов. Во многом это объясняется преобладанием в сельской местности людей старших возрастных групп, самочувствие которых с годами ухудшается.

Важнейшим показателем удовлетворенности жизнью в провинции является оценка своего материального благополучия. Возможность получить высокий доход выступает главным условием закрепления населения в малых городах и сельских поселениях. Согласно результатам опроса, проведенного в 2014 г. 58,1 % городского и 55,6 % сельского населения провинции оценивали свое материальное положение как среднее. Плохим его считали 58,1 % жителей малых городов и 55,6 % села. [3, с. 120]. Таким образом, данные исследования указывали на необходимость расширения возможностей для повышения доходов провинциального населения.

Социологический анализ сферы труда, проведенный в 2011 г. показал, что уровень занятости жителей села составлял 85 %, малых городов – 80,7 %. Около половины сельчан (49 %) были заняты в сельском хозяйстве. Среди жителей малых городов в агарной отрасли трудилось 12,7 % опрошенных. Основным источником дохода для большинства жителей провинции являлась работа на предприятии. При этом, характеризуя значимость и оплату своего труда, более трети респондентов (32,2 %) указывали, что их работа была уважаемая, но не приносящая достойного дохода. Среди опрошенных 17,6 % считали свою работу не только низкооплачиваемой, но и непрестижной. Всего 6,3 % жителей провинции считали свой труд уважаемым и приносящим хороший доход [3, с. 125–128]. Таким образом, на предприятиях, расположенных в малых городах и селах, было необходимо улучшать условия труда, поднимать уровень заработной платы и повышать их престиж.

Провинциальное население находится в тесной взаимосвязи с родственниками и соседями. Согласно результатам исследования, у большинства жителей малых городов (74,1 %) и сельских поселений (63 %) был надежный друг, который оказал бы им помощь в сложной жизненной ситуации. Среди опрошенных, 18,8 % городского и 28,2 % сельского населения провинции указывали, что людей, которым они доверяли и на помощь которых рассчитывали, было достаточно много. Вместе с тем сельчане

чаще полагались на помощь родителей, родственников и соседей, чем жители малых городов [3, с.164–165]. Таким образом, общинные связи у сельского населения провинции были выражены сильнее, чем у городского.

Одной из причин сокращения численности не только села, но и провинции в целом является миграционный отток молодежи. Большинство молодых людей уезжает учиться в высшие и средние специальные учебные заведения, расположенные преимущественно в столице и областных центрах, закончив которые не возвращаются обратно. Родители их в этом поддерживают. Согласно данным опроса 2011 г. 42,1 % жителей малых городов и 67,5 % сельских населенных пунктов не хотели, чтобы их дети жили и работали в провинции [3, с. 248]. Анализ направлений миграции показал, что сельская молодежь в большей степени была ориентирована на малые города/районные центры (20,9 %), реже – на столицу/областные центры (10 %). Молодые люди, родившиеся и выросшие в малых городах, стремились уехать в Минск и областные центры (24 %) [3, с. 104–105]. Таким образом, провинциальная молодежь так или иначе была ориентирована на смену места жительства. При этом сельчане предпочитали малые города, а жители малых городов – столицу и областные центры.

Белорусские социологи, занимающиеся изучением провинции, заложили основу для дальнейшего ее социологического анализа. Кроме вышеперечисленного, они исследовали идентичность, менталитет, образ жизни, гражданскую активность, социально-профессиональную структуру провинциального сообщества и др. В рамках изучения сельского социума ученые анализировали возможности развития АПК. Основные результаты теоретических и эмпирических исследований провинциального сообщества были представлены в монографии «Судьба белоруской провинции: социологический анализ». После 2014 г. комплексных социологических исследований малых городов и сельских поселений не проводилось. Возможности развития села и аграрной отрасли изучались в рамках анализа сельского социума. Различные аспекты жизни малых городов рассматривались в ходе масштабных республиканских исследований. В то же время интерес представляет дальнейший социологический анализ белорусской провинции как единства малых городов и сельских поселений. К наиболее перспективным направлениям исследований можно отнести следующие:

1. Кадровое обеспечение АПК. В условиях сокращения численности сельчан становится очевидным, что сельских трудовых ресурсов недостаточно для эффективного функционирования аграрной отрасли. Восполнить дефицит кадров на сельхозпредприятиях представляется возможным за счет привлечения к работе в АПК жителей не только села, но и малых провинциальных городов. В связи с этим возникает потребность проведения социологических исследований по изучению готовности городского населения провинции к работе в сельском хозяйстве, их ожиданий в отношении условий и оплаты труда, транспортировки к месту работы и обратно.

2. Модернизация АПК. Согласно данным многолетних социологических исследований, важнейшей причиной нежелания людей работать в сельском хозяйстве являются тяжелые условия труда. В связи с этим возникает потребность в модернизации АПК, которая способна не только повысить эффективность сельскохозяйственного производства, но также облегчить труд аграриев. Это актуализирует потребность социологического изучения возможностей внедрения технических и технологических инноваций в агросферу. Особого внимания заслуживает анализ перспектив применения технологий искусанного интеллекта, который способен существенно улучшить условия труда работников сельского хозяйства.

3. Социальная инфраструктура малых провинциальных городов и сельских поселений. Важным представляется социологический анализ удовлетворенности жителей провинции доступностью и качеством медицинских услуг, образования, бытового обслуживания, торговли, досуга и др. Для этого необходима развитая социальная инфраструктура. Сельские поселения в силу малочисленности населения не могут предоставить все необходимые услуги. Поэтому малые города являются центрами социального, экономического, культурного развития для всего провинциального сообщества. В связи с нем необходимо проводить социологические исследования по изучению удовлетворенности местного населения работой объектов социальной инфраструктуры малых городов и сел, а также возможностей ее развития.

4. Закрепление молодежи в провинции. Как уже упоминалось выше, многие молодые люди не хотят жизнь и работать в сельских поселениях. Большинство из них ориентированы на городские стандарты. В связи с этим актуальным представляется изучение молодежных предпочтений относительно места жительства в провинции: малый город, агрогородок, городской поселок, село. В условиях, когда многие молодые люди предпочитают городской образ жизни, предоставление арендного жилья в малых городах может рассматриваться как фактор закрепления молодежи в провинции.

5. Миграция провинциального населения. Одной из причин сокращения численности провинциального населения является его миграционный отток в крупные города, столицу и областные центры. Принято считать, что чаще всего сельчане стремятся покинуть село. Однако жители малых городов также нередко ориентированы на смену места жительства. Поэтому необходимо изучать миграционные установки, направления перемещений, причины миграции жителей провинции в целом.

В заключение отметим, что, несмотря на проводимые социологические исследования, феномен белорусской провинции остается малоизученным. Чаще всего социологи ориентированы на анализ сельской проблематики. В то же время интерес представляет исследование провинции в целом. Среди перспективных направлений исследований следует выделить следующие: 1) кадровое обеспечение АПК; 2) модернизация АПК; 3) социальная инфраструктура малых городов и сельских поселений; 4) закрепление молодежи в провинции; 5) миграция провинциального населения. Развитие социологических исследований белорусской провинции позволит изучить в комплексе проблемы людей, проживающих на территории малых городов, поселков городского и курортного типа, агрогородков, сельских поселений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Численность населения на 1 января 2025 г. и среднегодовая численность населения за 2024 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б.и.], 2025. – 30 с.

2. Численность населения на 1 января 2016 г. и среднегодовая численность населения за 2015 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б.и.], 2016. – 17 с.

3. Судьба белорусской провинции: социологический анализ / Р.А. Смирнова [и др.] ; под. ред. Р.А. Смирновой. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 435 с.

УДК 316.7(476) (043.3)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА НОВОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Салтанович И. П.
доцент кафедры философии и логики,
Белорусский государственный университет иностранных языков
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В условиях глобальной цифровизации человечество вступает в эпоху, которая задает основы для формирования нового социокультурного контекста. Связанные с этим изменения порождают актуальные темы, касающиеся природы цифрового общества и его влияния на развитие отдельных индивидуумов.

Стратегическая ориентация на процессы цифровизации отражена в политике и программах многих современных стран, с особым акцентом внимания на экономических, образовательных и адаптационных аспектах как приоритетах постиндустриальных обществ [1, с. 61].

Цифровизация – это процесс, который в относительно короткий промежуток времени затронул практически все аспекты современной общественной жизни и преобразует общество в цифровую форму. К наиболее значимым изменениям можно отнести прогресс в финансовой сфере, торговле, образовании, здравоохранении, медийной среде, на рынке труда, в государственном управлении, в области культуры и прочих областях жизнедеятельности [2, с. 26].

Под влиянием цифровых технологий происходит трансформация способа восприятия мира индивидом; личность адаптирует и интегрирует в сознание внешнюю информацию через цифровые каналы. Цифровые решения становятся регуляторами поведенческих и социальных взаимодействий, влияют на психическое состояние и перерабатывают внешние действия во внутренние психические процессы.

Формируется уникальный цифровой мир со своими сервисами, особенностями функционирования и институциональными основами, характеризуемый созданием мультифункциональной инновационной системы, интегрирующей социокультурные и цифровые составляющие и цифровые социальные структуры, стимулирующие цифровую трансформацию и способствующие формированию «суперумного общества».

Цифровое общество может быть представлено как межнациональный проект, направленный на организацию системы социального контроля через виртуальные сети. В этом контексте также рассматривается переход к модели «государства-платформы», включающей всеобъемлющую цифровую систему управления. Следовательно, поднимаются вопросы о возможности тотального контроля и утрате ответственности власти, преобразуемой в анонимное управление через электронные системы.

Платформизация подразумевает внедрение цифровых платформ в повседневную жизнь. Платформы представляют собой цифровые инфраструктурные решения, упрощающие взаимодействие пользователей и поставщиков услуг, а также облегчающие обмен данными и их монетизацию. Платформы трансформируют традиционные взаимодействия в цифровую среду и переносят коммуникации в виртуальное пространство [3].

Широкое внедрение инструментов, основанных на цифровых технологиях, приобретает всеобъемлющее значение. Е. Э. Кригер акцентирует внимание на важности цифровых технологий и методов, которые в настоящее время способны удовлетворять разнообразные потребности общества. Рынок технологий демонстрирует рост как в спросе, так и в предложении, что открывает новые возможности для применения цифровых решений [4, с. 31].

Однако необходимо учитывать противоречия, возникающие при использовании современных цифровых технологий, особенно в контексте их доминирования над традиционными формами коммуникации, что приводит к проблеме информационного перенасыщения [5, с. 16].

Результатом является возникновение новых общественных объединений и платформ, в том числе, за счет развития потенциала самообучения цифровых устройств. Развитие технологий машинного обучения способствует формированию новых типов социальных платформ, которые могут функционировать как самостоятельные социальные агенты, изучая динамику человеческого и нематериального активов с помощью инструментов ИИ, социальных связей и символик, коммуникаций в цифровых сетях.

Цифровое общество обуславливает формирование «суперумного» образа жизни, где новый технологический порядок позволяет удовлетворять личные запросы каждого человека и способствует полному раскрытию его творческого потенциала. Такая тенденция предполагает организацию новой системы управления, которая опирается на активное участие каждой смарт-личности в процессах жизнедеятельности социума.

Управление в цифровом обществе опирается на ответственность за будущее, с предпочтением долгосрочного планирования ситуативным решениям. Решения здесь основываются на обдуманной и обоснованной необходимости, в рамках которой просчитываются перспективные последствия, а не только на текущих обстоятельствах.

Мы наблюдаем интеграцию механизмов управления на основе «умных» алгоритмов, участие цифровых экспертных сообществ как концептуальное направление, основанное на роли автоматизированных систем и искусственного интеллекта в процессах принятия решений в различных сферах жизнедеятельности общества. «Умные» алгоритмы анализируют огромные объемы данных, выявляют закономерности и предлагают оптимизированные решения быстрее и эффективнее, чем это доступно человеку.

Цифровое общество предвещает приближение к постцифровой эре. В этот период завершается цифровая трансформация всех аспектов деятельности человека, хотя цифровизация по-прежнему служит дифференцирующим элементом. Предприятия, не адаптировавшиеся к новым условиям, рискуют потерять рынки сбыта. Существующие практики удаленной работы и гибкие командные взаимодействия продолжают расширять своё влияние, а также способствовать формированию и использованию коллективного интеллекта в разнообразных областях.

Цифровое общество устанавливает более высокие требования к смарт-личности, в частности необходимые знания, универсальные навыки, постоянное освоение инновационных технологий и творческий подход. Традиционные функции все чаще передаются на выполнение алгоритмам искусственного интеллекта, в результате чего возникает новый вид элиты и усиление цифрового социального разделения.

На завершающем этапе интеграции цифровых технологий в общество цифровизация выступает как ключевой фактор, который отличает современное общество от предыдущих эпох. Основным признаком этого процесса становится

гибридность, или смешение виртуальных и реальных аспектов жизни, когда люди взаимодействуют в физическом, медийном и виртуальном пространствах.

Проводимые исследования позволяют констатировать переход к «Обществу 5.0», как новой стадии социального развития, которая интегрирует кибер- и физическое пространство для оптимизации общественных ресурсов. Такое общество стремится к улучшению жизни через цифровизацию и предоставляет индивидам, компетентным в области современных технологий и обладающих достаточным уровнем квалификации, широкие возможности для профессионального роста и достижения благосостояния.

Изменения на рынке труда в связи с усиливающейся цифровизацией также требуют серьезного пересмотра подходов, в том числе, к образованию и занятости. Вопросы, связанные с технологической безработицей и программами развития образовательных систем, обсуждаются на всех уровнях, включая международные экономические форумы и национальные образовательные инициативы.

Изучение сдвигов в ценностной системе современного общества крайне важно для понимания внутренних движущих сил текущих социально-политических процессов, а также для прогнозирования стабильности и развития социально-политических институтов в будущем. Возникает задача определения, возможно ли основывать на современных ценностях будущее глобальное сообщество. В центре внимания оказывается проблема развития фундаментальных ценностей, формирующих новую цивилизационную целостность социума. В контексте постиндустриального общества, новое толкование принципов рациональности, знаний и экзистенциальных основ жизни может представлять интерес с позиции анализа изменений в ценностях. Исследование этих трансформаций должно помочь разработать общую ценностную платформу для преодоления потенциального глобального кризиса. [6, с. 19].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Титаренко, Л.Г. Цифровая трансформация и гуманитарные риски / Л.Г. Титаренко // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2021. – №3. – С. 60–66.

2. Шестакова, И.Г. Новая темпоральность цифровой цивилизации: будущее уже наступило / И. Г. Шестакова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2. – С. 20–29.

3. Poell, T. Platformisation / T. Poell, D. Nieborg, J. van Dijck // Internet Policy Review. – 2019. – Vol. 8., № 4. – URL: https://doi.org/10.14763/2019.4.1425 (date of access: 18.06.2024).

4. Кригер, Е. Э. Характеристики цифрового общества и принципы образования в нем / Е.Э. Кригер // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2018. – №4(14). – С. 29–39.

5. Деревянченко, А.А. Цифровое общество: новые возможности и старые угрозы / А.А. Деревянченко, Д.В. Калинин // Научные труды Московского гуманитарного университета. – 2019. – №6. – С. 14–21.

6. Данилов, А.Н. Современный социум: новые вызовы и риски. Журнал Белорусского государственного университета / А.Н. Данилов, Д.К. Безнюк, И.М. Богдевич [и др.] // Социология. – 2022. – №4. – С. 12–33.

УДК 347.781.8

ДИСКУРС ЦИФРОВИЗАЦИИ В БЕЛОРУССКОЙ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МИНСКОГО ФОРУМА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА»)

Сарна А. Я.
доцент кафедры социальной коммуникации,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

3 июня 2021 года на площадке XXVII Международной специализированной выставки ТИБО-2021 в Минске состоялся форум «Цифровая экономика». Это было первое мероприятие национального масштаба, посвященное стратегии формирования цифровой экономики, которое действительно стало неординарным событием в публичной сфере Беларуси [1]. Как отмечается на сайте мероприятия, «форум «Цифровая экономика» призван содействовать использованию цифровых технологий и ресурсов как эффективных инструментов социально-экономического развития, повышения конкурентоспособности национальной экономики и качества жизни граждан, укрепления межстрановой кооперации и повышению позиции Республики Беларусь в международных рейтингах. Форум «Цифровая экономика» способствует эффективному диалогу экспертов различного профиля, представляющих систему госуправления, бизнес, профессиональное и академическое сообщество, международные организации, стартап-сообщество» [2].

Уже на стадии подготовки и при его проведении форум стал позиционироваться как многофункциональная коммуникационная и презентационная площадка для обмена идеями, опытом и взаимной поддержки при осуществлении «эффективной перезагрузки, быстрого преодоления кризиса и внедрения более гибких цифровых процессов в работу предприятий и компаний во всех сферах. В рамках форума участники могут представить инновационные решения и передовые технологии, а также установить перспективные и долгосрочные деловые контакты» [2].

Организаторы уверены, что форум способствует «использованию цифровых технологий и решений для ускорения социально-экономического развития, внедрению инновационных проектов в реальный сектор экономики, социальную сферу и систему государственного управления. Как показывает мировая практика, не существует универсальных моделей цифровой трансформации: каждая страна формирует уникальную стратегию на основе анализа собственного и международного опыта реализации успешных и неуспешных проектов» [2]. В 2021 году на форуме обсудили Государственную программу «Цифровое развитие Беларуси на 2021-2025 годы», национальную систему электронного здравоохранения, цифровую трансформацию налоговых органов, приоритеты цифровизации агропромышленного комплекса, создание единой информационной платформы транспортной деятельности и цифровизацию сфер культуры и образования.

В дальнейшем данное мероприятие стало проводиться регулярно. Так, следующий форум состоялся с 7 по 10 июня 2022 года в рамках XXVIII Международного ИКТ форума «ТИБО-2022». С 18 по 21 апреля 2023 года состоялся III форум, а с 5 по 8 июня 2024 года (в рамках XXX Юбилейного Международного ИКТ форума «ТИБО-2024») состоялся IV форум «Цифровая экономика». Тематика мероприятия за три года его проведения существенно расширилась и стала включать множество тематических

заседаний по таким ключевым направлениям цифровой экономики, как industry 4.0 (инновации в производственном секторе); e-agriculture (инновационные технологии в агропромышленном комплексе); smart energy (цифровая трансформация энергетической, нефтехимической и газовой отраслей); e-construction (управление жизненным циклом зданий/сооружений на базе BIM-технологий); spatial data infrastructure (национальная инфраструктура пространственных данных); e-education, open science (цифровизация в образовании, науке и инновациях); e-social services (цифровизация социально-трудовой сферы). Также обсуждались новые подходы в медицине и здравоохранении, реинжиниринге и цифровизации административных процедур, механизмы поддержки «зеленых» технологий и циркулярных бизнес-моделей для ускорения регионального развития. Кроме того, проводились круглые столы, посвященные отечественным инновационным ИТ-решениям для различных сфер промышленности и экономики, трехдневный форум «Умные устойчивые города: прошлое, настоящее и будущее», а также X Международная научно-практическая конференция «Электронная культура» и заседание белорусско-российской рабочей группы по вопросам разработки и реализации промышленного ПО.

В мероприятии в очном и дистанционном формате за годы проведения форума приняло участие значительное количество спикеров из Беларуси, России, Узбекистана, Казахстана, Болгарии и других стран, а также представители Международного союза электросвязи, ЮНИДО, ПРООН, Евразийского банка развития, Всемирной организации здравоохранения. Мероприятие вызвало большой интерес и, по словам организаторов, привлекло в офлайн- и онлайн-форматах внимание тысяч руководителей предприятий и проектов, различных экспертов и специалистов. Освещение мероприятия обеспечивали ведущие средства массовой информации, а также была организована интернет-трансляция мероприятия на сайте «ТИБО» и официальных страницах форума «Цифровая экономика» в социальных сетях [3].

Тексты выступлений и презентаций участников форумов ЦЭ можно рассматривать как материал для проведения исследования по дискурс-анализу. Это позволит понять, как внутри определенного «порядка дискурса» (М. Фуко) о цифровизации реализуются некоторые коммуникативные практики, посредством которых продуцируются, воспринимаются и интерпретируются различные высказывания как тексты. При этом нужно учитывать, что такого рода коммуникация осуществляется в уже сложившейся дискурсивной «картине мира», где в различных сферах деятельности выстраиваются научный, правовой, политический, экономический и пр. типы дискурсов. Каждый из них представляет собой достаточно автономную «языковую игру» (Л. Витгенштейн) или «жизненный мир» (А. Шюц), функционирующий по собственным правилам как речевая практика, в которой формируется и транслируется определенный образ реальности, задающий конкретные образцы мышления, поведения и общения [4].

В первую очередь следует обратить внимание на содержательное наполнение и тематические вариации при выборе материала для выступления участников форума. Тематика докладов определена рамками организованной секции, что и позволяет объединить и сгруппировать все выступления на каждом форуме по разным направлениям. Второй важной характеристикоя выступает стилистическая и жанровая форма доклада, требующая от спикера определится с выбором не только темы, но и форматом выступления. Здесь же представлены лингвостилистические особенности докладов, заданные определенным типом дискурса. По итогам обработки материалов выступлений можно отметить, что на всех форумах в наибольшей мере представлены инженерно-технический, научно-популярный, деловой или административный, правовой (юридический) и образовательный типы дискурсов.

Также важно понимать их историко-культурный контекст или идеологический фон, который определяет для докладчика выбор той или иной модальности/тональности в его выступлении – нейтральную, позитивную или критическую. Эти модусы тональности заданы рамками концептуализации, установленными организаторами мероприятия, которые утверждают о стремлении преодолеть кризис, выход из которого (как предполагается) продемонстрирован в докладах участников форума и должен помочь осуществить переход от критической к позитивной тональности. Именно последняя в итоге становится преобладающей практически во всех выступлениях спикеров (за редким исключением в виде отдельных высказываний на круглых столах и пленарных заседаниях).

Среди всех указанных типов дискурса преобладает инженерно-технический, поскольку большинство презентаций содержат достаточно подробное описание проектов по реализации тех или иных инновационных решений для информационно-коммуникационных технологий в самых разных сферах – от производственной до культурно-просветительской. Стараясь не вдаваться в излишние детали, авторы знакомят слушателей с особенностями проектов, наиболее важными аспектами их осуществления, а также деталями и обстоятельствами, которые кажутся авторам наиболее значимыми для понимания эффективности данных разработок.

Также важны научно-популярный и образовательный дискурсы для представления тех сведений, которые позволяют лучше (наиболее полно) оценить теоретические основы и прикладные аспекты заявленной темы выступления, а также ее значимость не только для специалистов, выполнивших данное задание в рамках конструкторских или научно-исследовательских разработок, но для широкой аудитории.

Следует отметить и использование на форумах административного (делового) и правового (юридического) дискурсов, поскольку у докладчиков нередко возникает необходимость обоснования правомерности инновационных решений по цифровизации не только в научной и производственной сферах, но и при оптимизации процессов делопроизводства, перевода в электронный формат сопровождающей документации, их правового обеспечения и юридического оформления, а также согласования с бизнес-партнерами, клиентами и заказчиками.

Все указанные типы дискурсов охватывает гибридный медиадискурс, который объединяет их в общее тематическое поле публичной сферы, маркируемое как специфический вид речевых практик о цифровой трансформации, осуществляемой в современном белорусском обществе и экономике. Это поле можно обозначить как «дискурс цифровизации» и именно он становится определяющим современную повестку дня в большинстве актуальных экономических, технологических и социокультурных практик, реализуемых в Беларуси и во всем мире.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 3 июня прошел Форум «Цифровая экономика». – Министерство связи и информатизации Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mpt.gov.by/ru/news/04-06-2021-7226. – Дата доступа: 10.09.2025.

2. Форум «Цифровая экономика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.tibo.by. – Дата доступа: 10.09.2025.

3. Форум «Цифровая экономика» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.tibo.by. http://tibo.by/gallery/. – Дата доступа: 10.09.2025.

4. Тичер, С. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Ветер. – Х.: Изд-во «Гуманитарный Центр», 2009. – 356 с.

УДК 336

РАЗВИТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ НАЛОГОВЫХ СЕРВИСОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА НАЛОГОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ В РОССИИ

Светлова Е. С.
адъюнкт адъюнктуры, Нижегородская академия МВД России
лейтенант полиции
г. Нижний Новгород, Россия

В условиях глобальной цифровой трансформации государственное управление активно переходит на электронные форматы взаимодействия с гражданами и бизнесом. Налоговая сфера не является исключением. В Российской Федерации на протяжении последних двух десятилетий активно развивается система электронных налоговых сервисов, направленная на оптимизацию процессов администрирования, повышение эффективности сбора налогов и улучшение качества обслуживания налогоплательщиков. Целью данной статьи является комплексный анализ развития этих сервисов и оценка их влияния на налоговую дисциплину в стране.

Внедрение электронных налоговых сервисов принесло ряд существенных преимуществ как для налогоплательщиков, так и для государства.

Для налогоплательщиков:

• Снижение административной нагрузки. Упрощение процедур представления отчетности, уплаты налогов, получения информации и услуг.

• Экономия времени и средств. Отсутствие необходимости личного посещения налоговых органов, сокращение бумажного документооборота.

• Повышение доступности информации. Круглосуточный доступ к данным о состоянии расчетов с бюджетом, объектах налогообложения, уведомлениям и разъяснениям.

• Минимизация ошибок. Автоматизированная проверка корректности заполнения форм, подсказки и предупреждения.

Для налоговых органов:

• Повышение эффективности администрирования. Автоматизация процессов сбора, обработки и анализа данных, снижение операционных расходов.

• Улучшение контроля. Быстрое выявление нарушений, недобросовестных налогоплательщиков и схем уклонения от налогообложения.

• Повышение прозрачности. Создание единой базы данных, доступ к актуальной информации в режиме реального времени.

• Сокращение коррупционных рисков. Минимизация прямого контакта между налогоплательщиками и инспекторами.

• Развитие электронных налоговых сервисов оказывает многогранное влияние на налоговую дисциплину, которую можно рассматривать как степень добросовестного исполнения налогоплательщиками своих обязательств.

Позитивное влияние:

• Повышение добровольности исполнения. Упрощение процедур делает уплату налогов менее обременительной и более прозрачной, что стимулирует добросовестность. Налогоплательщик видит свои начисления, может их проверить и быстро оплатить.

• Снижение уровня теневой экономики. Системы автоматизированного контроля (например, АСК НДС-2, онлайн-кассы) значительно усложняют схемы уклонения от налогообложения, делая их более рискованными и менее прибыльными.

• Увеличение собираемости налогов. Улучшение администрирования и контроля приводит к более полному и своевременному поступлению налогов в бюджет.

• Повышение налоговой грамотности. Доступность информации и интерактивные сервисы способствуют лучшему пониманию налогового законодательства.

• Формирование более доверительных отношений. Прозрачность и удобство взаимодействия снижают уровень негативного восприятия налоговой системы.

В последние годы наблюдается устойчивый рост использования электронных сервисов ФНС России, что коррелирует с повышением эффективности налогового администрирования и укреплением налоговой дисциплины:

Личным кабинетом налогоплательщика физического лица в 2024 году воспользовались 60,8 млн человек, ещё в 2023 году их было 55 млн человек, а личным кабинетом юридического лица – 2,5 млн человек, тогда как в 2023 году их было 2,1 млн человек [1].

Налоговая отчетность по НДС и налогу на прибыль практически полностью (более 94%) представляется в электронном виде уже к 2022 году [2].

Благодаря АСК НДС-2 объемы возмещения НДС, заявленные к возмещению недобросовестными налогоплательщиками, значительно сократились. По данным ФНС, внедрение системы позволило сократить количество сомнительных операций по НДС и увеличить доначисления по итогам контрольных мероприятий. Точные цифры доначислений варьируются, но тенденция к снижению налоговых разрывов по НДС устойчива [3].

Разрыв по НДС (отношение суммы НДС, не уплаченной в бюджет, к сумме налога, подлежащего уплате) в России за последние годы существенно сократился и составлял менее 1%. Это один из лучших показателей в мире, что прямо свидетельствует об эффективности цифровых инструментов [4]. Доступ ФНС к онлайн-кассам в режиме реального времени привел к значительному обелению торгового оборота и увеличению налоговых поступлений, особенно в сфере розничной торговли и услуг [5].

Запуск ЕНС в 2023 году направлен на максимальное упрощение процедур уплаты налогов, что должно положительно сказаться на налоговой дисциплине. Прогнозируется дальнейшее снижение количества ошибок при уплате налогов и сокращение задолженности по пеням и штрафам в долгосрочной перспективе [6]. Несмотря на первоначальные технические сложности ожидается полная стабилизация системы и реализация ее потенциала по упрощению взаимодействия с бюджетом.

Дальнейшее развитие электронных налоговых сервисов в России будет направлено на углубление интеграции, персонализацию и использование передовых технологий. Среди основных направлений развития можно выделить следующие:

• Использование Big Data и искусственного интеллекта (ИИ). Расширение применения ИИ для прогнозирования налоговых поступлений, выявления потенциальных нарушений, анализа поведения налогоплательщиков и предоставления персонализированных рекомендаций.

• Интеграция с другими государственными системами. Создание единой цифровой экосистемы, где налоговые данные будут взаимодействовать с данными ЗАГС, Росреестра, ГИБДД и т.д.

• Развитие мобильных решений. Дальнейшее улучшение функционала мобильных приложений для максимального удобства налогоплательщиков.

• Расширение электронного документооборота. Переход на полностью безбумажный документооборот в налоговой сфере.

Развитие электронных налоговых сервисов в России стало одним из наиболее значимых факторов трансформации системы налогового администрирования. Эти сервисы не только существенно упростили взаимодействие налогоплательщиков с государством, но и оказали глубокое влияние на налоговую дисциплину. Представленные статистические данные подтверждают устойчивую положительную динамику в использовании электронных сервисов и их прямой вклад в повышение собираемости налогов, снижение уровня налоговых разрывов и обеление экономики. Повышение прозрачности, автоматизация контроля и снижение административной нагрузки способствуют формированию более ответственного отношения к исполнению налоговых обязательств. Несмотря на существующие вызовы, связанные с цифровым неравенством и кибербезопасностью, постоянное совершенствование и внедрение инновационных технологий ФНС России позволяет с уверенностью говорить о дальнейшем укреплении налоговой дисциплины и построении эффективной, ориентированной на сервис налоговой системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Цифровизация в Федеральной налоговой службе // Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровизация_в_Федеральной_налоговой_службе_%28ФНС%29 (дата обращения: 08.09.2025).

2. 94% предпринимателей и организаций сдают отчетность в электронном виде // Федеральная налоговая служба: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/el_doc/13431495/ (дата обращения: 08.09.2025).

3. Система АСК НДС-2 автоматизирует налоговые процедуры и сводит к минимуму влияние человеческого фактора // Федеральная налоговая служба: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/smi/5713368/ (дата обращения: 08.09.2025).

4. Глава ФНС заявил, что в России самый низкий в мире налоговый разрыв по НДС // Тасс [Электронный ресурс]. – URL: https://tass.ru/ekonomika/7167163 (дата обращения: 08.09.2025).

5. Кто обязан применять ККТ в 2022 году // Федеральная налоговая служба: официальный сайт [Электронный ресурс]. –URL: https://www.nalog.gov.ru/rn40/news/tax_doc_news/12244303/ (дата обращения: 09.09.2025).

6. После введения ЕНС количество ошибок налогоплательщиков при уплате налогов сократилось // Федеральная налоговая служба: официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nalog.gov.ru/rn38/news/activities_fts/14160521/ (дата обращения: 09.09.2025).

УДК 316.42:366.02

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕГИОНОВ РАБОТОЙ ОБЪЕКТОВ РОЗНИЧНОЙ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Семёнова А. В.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

На современном этапе в рамках устойчивого социально-экономического развития регионов большое внимание уделяется расширению доступности населению объектов розничной торговли и общественного питания.

В соответствие с Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг., «развитие потребительского рынка будет ориентировано на удовлетворение потребности населения в качественных товарах и по доступным ценам, создание комфортной потребительской среды» [1, с. 38]. Там же определено: «развитие общественного питания будет направлено на повышение территориальной доступности услуг» [1, с. 39].

Эффективность осуществляемых мер по достижению нормативных показателей равномерного развития потребительской инфраструктуры в регионах напрямую зависит от согласованности общегосударственных интересов и интересов населения относительно удовлетворенности доступностью и качеством работы объектов розничной торговли и общественного питания в месте проживания.

В исследовании использованы данные мониторинга Института социологии НАН Беларуси, проведенного в апреле 2023 г. (выборочная совокупность составила 1847 респондентов, в том числе городское население – 1437 и сельское население – 410 человек). Для анализа отобраны группы респондентов в разрезе областей и г. Минска, а также городских и сельских населенных пунктов в зависимости от возраста: молодежь в возрасте 18–31 года, взрослое население трудоспособного возраста – женщины 32–57 лет и мужчины 32–62 лет (далее – 32–57(ж)62(м) лет), население старше трудоспособного возраста – женщины 58 лет и старше и мужчины 63 лет и старше (далее – 58(ж)63(м) лет и старше).

Согласно полученным результатам, большинство минчан (83,9 %), а также жителей всех областей (79,9 % – Гродненской, 79,1 % – Могилевской, 74,1 % – Минской, 73,0 % – Брестской, 71,1 % – Гомельской, 67,0 % – Витебской) удовлетворено работой локальных розничных магазинов.

На основании высокой удовлетворенности городских и сельских жителей (79,0 и 66,1 % соответственно) можно судить о широкой доступности для них продуктов питания и товаров повседневного спроса. Респонденты старше трудоспособного возраста несколько больше удовлетворены работой объектов розничной торговли в населенном пункте проживания (83,0 % горожан и 74,8 % сельчан), чем представители обеих групп трудоспособного возраста: 75,8 % городской и 61,7 % сельской молодежи в возрасте 18–31 года, 78,4 % горожан и 62,3 % сельчан в возрасте 32–57(ж)62(м) лет (рис. 1).

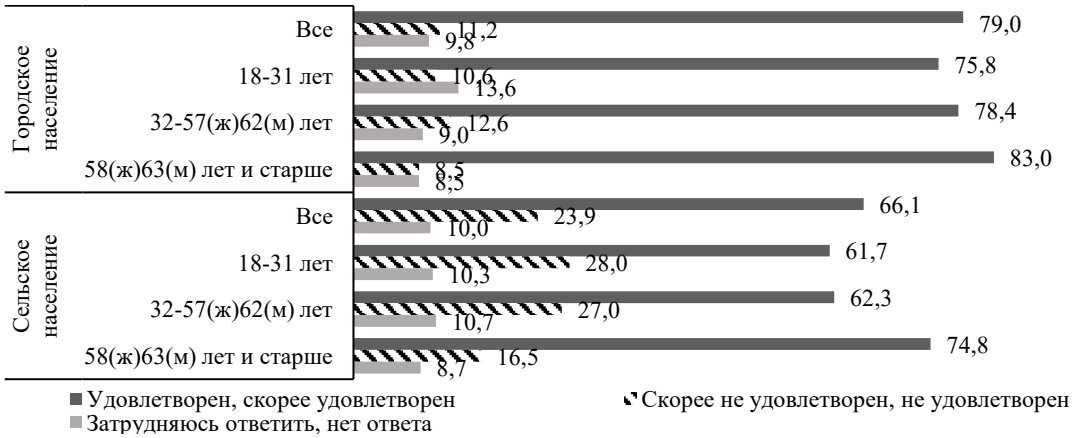

Рисунок 1. Удовлетворенность городского и сельского населения работой объектов розничной торговли (в т. ч. развозной торговли на селе) в зависимости от возраста, %

По сравнению с объектами розничной торговли, неравномерной развитостью характеризуется сфера общественного питания в стране. Однако стоит учитывать тот факт, что в повседневной жизни население чаще посещает магазины, чем кафе, бары, рестораны, столовые и т. д., что детерминировано в целом культурой потребления.

В основном удовлетворены работой объектов общественного питания жители г. Минска. На наш взгляд, это априори объясняется охватом и уровнем потребительской инфраструктуры, достойных столицы, а также разнообразием видов повседневной активности минчан, включая обстоятельства для практик питания вне дома. В распределениях по областям более половины респондентов, дающих положительную оценку местным объектам общественного питания, представлено в Гомельской (61,6 %), Могилевской (60,2 %), Брестской (58,4 %) областях, половина – в Гродненской области (53,8 %), и менее – в Витебской (46,1 %) и Минской (41,6 %) областях. В то же время следует обратить внимание на то, что каждый третий житель Минской области (34,3 %) затруднился дать оценку функционированию сферы общественного питания в его населенном пункте.

Большинство горожан (69,0 %), независимо от возраста (76,8 % – в возрасте 18–31 года, 72,2 % – 32–7(ж)62(м) лет, 55,1 % – от 58(ж)63(м) лет и старше), своими положительными оценками определяют развитость сферы услуг общественного питания в городах. Среди сельчан больше неудовлетворенных (35,9 %), чем удовлетворенных (23,4 %) работой объектов общественного питания. В то же время среди сельских респондентов преобладает процент затруднившихся оценить данный параметр потребительской инфраструктуры (40,7 %), что указывает на недоступность или отсутствие объектов общепита в ряде сельских населенных пунктов страны. Среди сельской молодежи в возрасте 18–31 года 30,9 % удовлетворены работой ресторанов, кафе, баров, столовых и т. д. в своем населенном пункте и 44,1 % – не удовлетворены, среди сельчан в возрасте 32–57(ж)62(м) лет – 24,1 и 40,0 % соответственно. При этом каждый четвертый сельчанин среднего трудоспособного возраста и каждый третий сельчанин старшего трудоспособного возраста затруднились оценить работу объектов общественного питания в месте проживания. Более половины сельских респондентов пенсионного возраста затруднились ответить на вопрос об удовлетворенности организацией общественного питания в своем населенном пункте (57,5 %). Каждый второй пенсионер удовлетворен и каждый пятый – не удовлетворен работой объектов общепита в сельской местности (рис. 2).

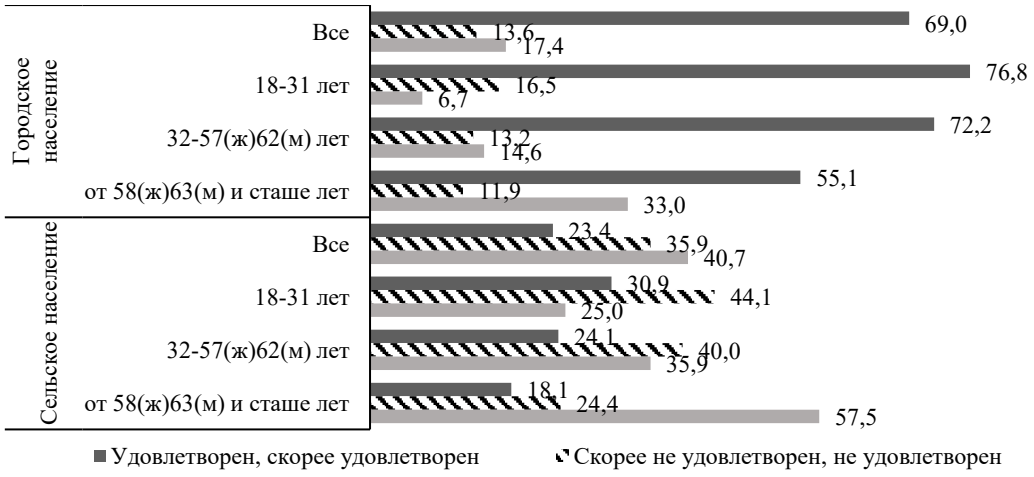

Рисунок 2. Удовлетворенность городского и сельского населения работой объектов общественного питания (рестораны, кафе, бары, столовые и т. п.) в зависимости от возраста, %

В рамках исследования респондентам было предложено указать, какие объекты инфраструктуры они считают целесообразным открыть для улучшения жизни в их населенном пункте (в т. ч. микрорайоне города). Более востребованными для жителей всех областей (каждым третьим – Витебской и Гродненской, каждым четвертым – Минской, каждым пятым – Витебской, Гомельской и Могилевской) и минчан (каждым четвертым) являются заведения общественного питания. Недостаточное количество магазинов шаговой доступности отметили в основном жители Брестской области (19,1 %), меньше испытывают их нехватку жители Могилевской области (4,9 %) и минчане (6,8 %) (рис. 3).

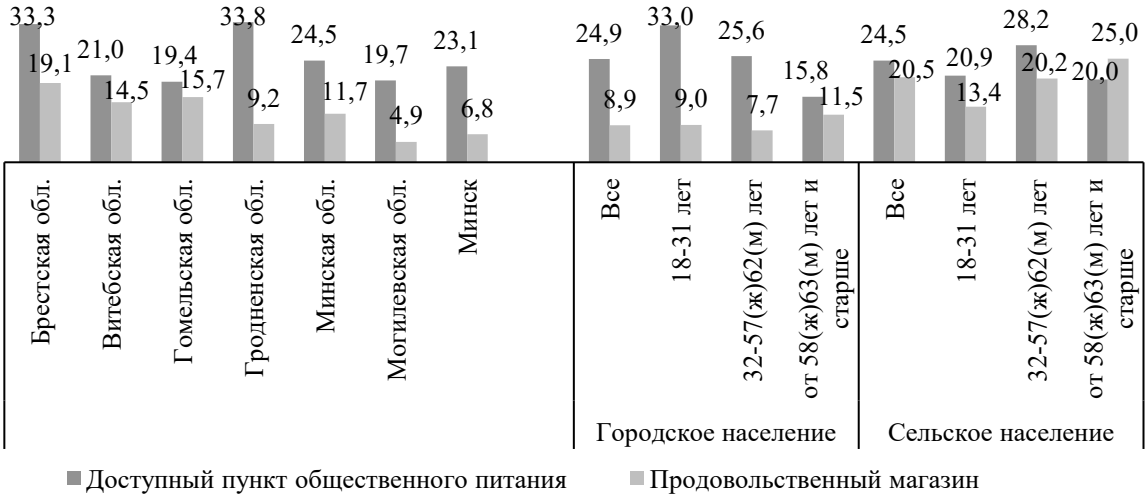

Рисунок 3. Оценка населением регионов целесообразности открытия пункта общественного питания, продовольственного магазина в месте проживания, %

В целом каждый четвертый респондент, проживающий в городе и селе выражает запрос на открытие объектов общественного питания. Примечательно, что среди городского населения молодежь в возрасте 18–31 года больше стремиться посещать рестораны, кафе, бары, столовые и т. д. (33,0 %), чем респонденты трудоспособного (25,6 %) и старше трудоспособного возраста (24,5 %). Среди сельчан больше

ориентированы на посещение данных заведений представители среднего (28,2 %) и пенсионного (25,0 %) возраста, чем молодежь (20,9 %) (рис. 3).

Таким образом, в целом в белорусских регионах, в том числе в сельских населенных пунктах, наблюдается положительная тенденция развития розничной торговли за счет расширения сети продовольственных магазинов, а также других объектов и услуг, позволяющих населению удовлетворять потребности в товарах повседневного спроса. Так же жители всех белорусских регионов в большинстве своем положительно оценивают работу объектов общественного питания в месте проживания, однако заинтересованы в расширении их сети.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы : указ Президента Республики Беларусь, 29 июля 2021 г. № 292 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P32100292 (дата обращения: 22.11.2024).

УДК 101.2+316.647+325.3

ДВОЙНОЕ БРЕМЯ: ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И НАСИЛИЕ В ПОСТКОЛОНИАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Сидоренко И. Н.
профессор кафедры философии культуры,
Белорусский государственный университет
доктор философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Распад колониальной системы не устранил культурный миф как стереотипное взаимодействие дискурсов центра и периферии. Современные общества остаются не полностью свободными от нарративов доминирующих дискурсов: значимость и право на самостоятельность и идентичность некогда подчиненных групп по-прежнему оспариваются, что позволяет говорить о феномене «постколониализма». В оптике постколониальных исследований значительная часть человечества описывается как «Угнетенная». Экономические, политические и культурные связи (пост)колоний и (пост)метрополий претерпели незначительные изменения после краха колониальных и империалистических систем, что обусловлено сохранением статуса доминирующей за идентичностью угнетателя в этих странах. Процесс формирования национального самосознания, начавшийся в XVIII в., в бывших колониях остается незавершенным.

Объектом исследования выступили теоретические концепции ключевых фигур постколониальных исследований (Б. Андерсон, Х. Бхабха, М. К. Ганди, Э. Саид, Ф. Фанон). Концептуальное поле постколониализма стало основой для осмысления феномена идентичности и причин современного ее кризиса. Применены методы историко-философской реконструкции (для выявления преемственности от классических колониальных к постколониальным исследованиям) и системный метод (для реконструкции проблемного поля постколониализма и анализа причин кризиса идентичности в системе «угнетатель – угнетаемый»).

Термин «идентичность» был популяризирован психологом Э. Эриксоном в 1950-х, а понятие «политика идентичности» вошло в научный оборот с 1980-х гг. в связи с распадом прежних устойчивых форм социальной идентичности (класса, нации) в

обществе постмодерна и переходом к более гибким формам. Деконвенционализация социальных практик расширяет пространство для творческого конструирования идентичности. Освобожденная от уз функциональности, социальная идентичность приобретает характер театральной самопрезентации, становясь индивидуализированной и неустойчивой. Однако «политика идентичности» допускает диктат идентичности. В постколониальном мире борьба за признание интенсифицируется, приводя к эскалации насилия.

Сосуществование двух идентичностей – доминирующей идентичности колонизатора и национальной идентичности субъекта – порождает проблему «расщепленности» сознания постколониального субъекта. Угнетенный не осознает в полной мере своей инаковости, а различия с культурой метрополии вызывают чувство неполноценности, формирующее постколониальный комплекс. Осознание инаковости и преодоление доминирования идентичности бывшего колонизатора являются факторами освобождения от этого комплекса, обусловливающего зависимость периферий от метрополий. Поиск путей преодоления наследия колониализма и империализма, трансформации межкультурных отношений осуществляется в рамках постколониальных исследований.

В полицентричном мире ни одна культура не может считаться «чистой» и единственно «правильной» [1]. Культуры современности – это гибридные культуры, обретающие самость в пространстве пограничья, в переходе от «Я» к «Другому», что неизбежно учитывает опыт угнетенных групп и их инаковость.

Постколониальные исследования предлагают категориальный аппарат для описания культур в пространствах пограничья и представляют собой комплекс междисциплинарных исследований наследия колониализма и империализма. Они выдвигают тезис о взаимозависимости знания и власти и критикуют властные отношения между центром и периферией, метрополией и колонией, доминирующим и угнетенным. Толчком к развитию постколониальной теории стала работа Э. Саида «Ориентализм» [2], анализировавшая феномен западного доминирования над Востоком. Экономическому и политическому подчинению сопутствовало создание культурного мифа о Востоке – его «изобретение» Западом. Культурный миф существует не только в отношении Европы к неевропейскому миру, но и внутри Европы (Запад-Восток). Образ Запада, созданный Востоком, также является мифом. Таким образом, подчинению коррелирует процесс мифологизации Востока и Запада.

Политика идентичности питается скрытой или подавленной групповой идентичностью, жаждущей публичного признания. Однако это признание узурпируется метрополией, вынуждая субъекта бывшей колонии подстраиваться под сконструированный образ, лишая его авторства в идентификационном проекте и возможности обрести признание, что чревато эскалацией конфликта. Чувство превосходства и вера в священную миссию приобщения Другого к «правильной» культуре – фундаментальные черты европейского самосознания, сформировавшегося в результате встречи с Востоком и его репрезентации. Для просвещенной Европы возможность действовать по свободной воле («самозаконодательство») требует самоопределения через отграничение от других, что в контексте колонизации порождает сомнения в способности других к такому же «самозаконодательству». Это ведет к применению «легитимной силы» по отношению к другим, на практике склонной превращаться в насилие. Следовательно, свободная воля в политическом действии «невозможна без разграничений с “иным” и уже поэтому предполагает ту или иную форму и степень насилия» [3, с. 47].

Деколонизация и революции XX в. неразрывно связаны с насилием. Если раньше агрессором был захватчик, то теперь им становится угнетенный. Насилие угнетенного оправдывается веками порабощения. Однако, осознавая оправданность своих действий, колонизированный не чувствует вины, приписываемой ему культурой колонизатора. Признание своей невиновности вопреки европейской морали углубляет разрыв между преобладающей идентичностью угнетенного и его реальным «Я». Интересна полемика М. Ганди и Ф. Фанона. М. Ганди понимал ненасилие не как пассивность, а как активную «войну», где ненасилие эквивалентно моральной силе (например, бойкот английских товаров мог повлечь жертвы) [4, с. 468]. Ф. Фанон же настаивал, что против «замкнутого мира… запретов» можно выступить только абсолютным насилием, творящим нового человека [5]. Таким образом, ненасилие М. Ганди и абсолютное насилие Ф. Фанона – две силы, бьющие в «сердцевину» колониального мира.

Формальное освобождение стран Африки, Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки не избавило их от зависимости от Запада. Страны Востока, храня культуру метрополии, оказываются в ситуации «самоколонизации», поскольку их преобладающая идентичность связана с идентичностью колонизатора. Борьба за независимость не тождественна «деколонизации», которая часто свелась к смене власти при сохранении прежних институтов, закрепив неравенство, усилив конфликтность и миграцию. Связь деколонизации с неконтролируемыми миграционными волнами обнажает опасность «толерантного» разума: декларации об открытости Европы сосуществуют с неспособностью ее реализовать. Толерантность как активное принятие инаковости Другого трансформируется в пассивное лишение Другого его инаковости.

В постколониальном мире отношения «Я» и «Другой» отягощены ressentiment. Ф. Фанон через психоанализ раскрывает травмированное (пост)колониальное сознание [5]. Колонизатор заставлял угнетенного испытывать вину за «нарушение божественного порядка» и пренебрежение его моралью. Однако вина чужда и колонизатору (видящему в угнетении миссию), и представителю периферии (ощущающему несправедливость порабощения). Доминирующим чувством угнетенного становится зависть, поскольку идентичность колонизатора для него ближе, чем своя истинная идентичность.

Зависть и неполноценность способствуют «расщеплению» сознания угнетенного. Метрополия – монолингвистичная, монокультурная субъектность; пост-колония – би-трилингвистичная, мультикультурная субъектность, недавно обретшая право на субъектность и имеющая дистанцию между навязанной (преобладающей) идентичностью и реальным «я». Именно этот разрыв порождает чувство неполноценности и зависти. Угнетенный пребывает в пространстве «между», в пограничье размытых культурных различий и наслоения идентичностей, где бинарная логика «Я/Другой» не работает. Как минимум две конфликтующие идентичности угнетенного создают культурные разрывы, ведущие к постколониальной травме и «расщепленности» сознания.

Таким образом, разрешение проблемы двух идентичностей видится в отказе от навязанной в пользу истинной. При этом истинная (национальная) идентичность неизбежно мыслится гибридной, а не «чистой». Исходя из опыта преодоления колониальной зависимости на базе национального самосознания, стратегией обретения самости для постколониальных обществ часто становится национализм, подчас радикальный. Усиление национализма – специфический «маркер»

глобализирующегося постколониального мира. Социальные последствия роста значимости национальной идентичности часто негативны (межнациональные конфликты). Однако дефицит национальных чувств вреден не менее их избытка. Феномен этнического возрождения имеет глубокие психологические корни. Полное преодоление постколониального комплекса через утверждение национальной идентичности как доминирующей невозможно из-за риска радикализации и эскалации насилия. Необходим переход к национальному сообществу при сохранении суверенитета и установлении горизонтальных отношений с бывшей метрополией. Мир национальных сообществ должен быть полицентричным, где сообщества стремятся к суверенитету без экспансии, к горизонтальной политике вместо иерархии власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. – М.: Кучково поле, 2016. – 416 с.

2. Саид, Э. Ориентализм / Э. Саид. – СПб: «Русский Міръ», 2006. – 637 с.

3. Капустин, Б.Г. Критика политической философии: Избранные эссе / Б.Г. Капустин. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010. – 424 с.

4. Ганди, М.К. Революция без насилия / М.К. Ганда; перевод В. Рынкевич, А. Вязьмина, О. Мартышин, Е. Панфилов. – М.: Алгоритм, 2012. – 480 с.

5. Фанон, Ф. О насилии / Ф. Фанон; пер. с фр. Т. Давыдова // Антология современного анархизма и левого радикализма. – URL: https://public.wikireading.ru/26310 (дата обращения: 28.07.2021).

УДК 316.334

МОЛОДЕЖЬ БЕЛАРУСИ О СОЦИАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Симхович В. А.
главный научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
доктор социологических наук, профессор
г. Минск, Беларусь

Современное общество сегодня характеризуется главным образом как цифровое. Интеллектуализация профессиональной деятельности и высокий уровень информационного обслуживания охватили все сферы его жизнедеятельности. Повсеместное применение цифровых технологий привело к формированию цифровой среды, в которой изменению подверглись не только модели коммуникации, взаимодействия, организации и управления, но и социальное осознание этих изменений. Однако реальная динамика процесса цифровой трансформации, как отмечает Л.Г. Титаренко, пока еще опережает социальное осознание изменений, связанных с цифровизацией, большинством населения разных странах. Односторонние оценки последствий цифровизации – это угроза не только культуре общества, но и его гуманитарной безопасности, так как фундаментальные вопросы существования человечества ставятся в зависимость от развития технологий [1, с. 331].

Почему же технологические трансформации, особенно в области цифровой экономики, образования, медицины и других сфер, являются основным предметом исследований? Ответ прост: информация неисчерпаема. Она не исчезает, не

уменьшается, а только возрастает, предоставляя новые возможности ее использования для обеспечения общественного развития. Вопросы оценки социальных последствий цифровизации обсуждаются на постсоветском пространстве пока еще не очень часто в силу непродолжительности (с точки зрения исторического развития) данного процесса, неполной фиксации последствий и т.п. Одним из недавних исследований, фиксирующих социальные последствия цифровизации, характерные для населения страны, с последующей оценкой их осознания, стало исследование «Факторы, специфика и социальные последствия процессов цифровизации в Республике Беларусь», проведенное Институтом социологии НАНБ в 2024 году. В рамках исследования в мае-июне 2024 года среди населения республики был проведен опрос, в котором приняли участие респонденты разных возрастных групп и статусов.

Цель данной статьи – описать особенности осознания и оценки последствий цифровизации молодыми белорусами, в том числе учащейся молодежью. Выбор данной категории респондентов обусловлен тем, что цифровые технологии, проникая в жизнь взрослеющих субъектов, определяют их новые социализационные траектории в цифровом обществе. Цифровые устройства, массовое использование интернета, постоянное онлайн-присутствие – основа миробытия и белорусской молодежи. Ее приобщение к цифровой культуре, освоение цифровых компетенций, необходимых для эффективного использования цифровых технологий во всех сферах жизни, требует систематического изучения.

Сравнение данных, полученных от опрошенных молодых белорусов (в возрасте от 18 до 30 лет) и подкатегории «учащийся, студент», подтверждает положительную валентность оценок использования ими цифровых технологий. На вопрос «Часто ли Вы испытываете стресс от необходимости использования цифровых технологий?» 85,9 % молодежи в целом и 73,1 % учащейся молодежи ответили «нет» или «скорее нет». Кроме того, 79,8 % молодых белорусов и 78,8 % учащихся не испытывают страха совершить ошибку при использовании цифровых технологий, не устают от постоянного потока информации (71,3 % и 73,1 % соответственно), им необходимо быть постоянно на связи, онлайн (63,7% и 71,2 % соответственно), и у них нет номофобии – страха остаться без телефона (53,2 % и 55,8 % соответственно). Частое использование цифровых технологий обусловлено желанием респондентов улучшить качество своей жизни (63,1 % и 64,1 % соответственно).

Большинство молодых белорусских респондентов осознают риски использования цифровых технологий в различных сферах. Индекс осведомленности составил 0,300 у молодых людей в целом и 0,301 у учащейся молодежи.

Согласно полученным данным, доминантным риском для обеих групп является потеря личных финансов – 68,0 % и 74,4 % соответственно. Осознание данного риска можно объяснить желанием респондентов (54,4 % и 51,3 % соответственно) улучшить свое финансовое положение с помощью интернета, поскольку их доходы невелики. Несомненно, они знают о таком виде мошенничества как предложения легкого заработка в интернете или уже имеют негативный опыт. Гораздо меньшее число респондентов осознает иные риски цифровизации: проблемы кибербезопасности (48,6 % и 50,0 % соответственно), хотя подавляющее большинство молодежи (97,4 %) пользуется интернетом практически каждый день; тотальный контроль и отсутствие приватности (39,3 % и 43,6 % соответственно); преобладание виртуального общения над реальным (30,5 % и 26,9 % соответственно); дискомфорт и стресс от слишком быстрого внедрения цифровых технологий (13,0 % и 14,1 % соответственно) и др. Полученные данные демонстрируют также резкое снижение осознания рисков цифровых технологий, опыт

использования которых у молодых людей незначителен, например, потеря рабочего места в связи с автоматизацией рабочего процесса (20,2 % и 21,8 % соответственно), или они легко могут воспользоваться замещающими возможностями, например, оплатить услуги, используя телефон или ноутбук, а не через инфо-киоск (16,6 % и 14,1 % соответственно). Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что риски цифровых технологий латентны. По мнению А.И. Кравченко, это одна из причин, почему молодое поколение почти лишено понимания, что цифровые технологии всегда функционируют в рамках конкретного культурного контекста [2, с. 29].

На вопрос об оценке качеств цифровых технологий (по пятибалльной системе) были получены следующие результаты (табл. 1).

*Таблица 1***.** Оценка качеств цифровых технологий, средний балл

Оцените, пожалуйста, по 5-балльной шкале, насколько современным цифровым технологиям в целом присущи следующие качества:	**Возраст**	**Статус**
	18-30 лет	учащийся, студент
Экономия времени	4,6	4,7
Удобство, комфорт	4,5	4,6
Доступность (равный доступ для всех категорий населения)	4,1	4,3
Важность / незаменимость	4,1	4,3
Надежность	3,5	3,7
Безопасность	3,3	3,5

Ожидаемо, что обе группы респондентов дали высокие оценки таким качествам как экономия времени (4,6 балла у молодежи в целом и 4,7 балла у учащихся), удобство и комфорт (4,5 и 4,6 соответственно), важность и доступность (по 4,1 и 4,3 соответственно). Однако современные цифровые технологии, по их мнению, пока еще недостаточно надежны (3,5 и 3,7 соответственно) и безопасны (3,3 и 3,5 соответственно). Это объясняет, почему молодые белорусы не готовы доверить искусственному интеллекту выполнять ряд задач вместо человека (табл. 2). Данный вопрос включал пять вариантов ответа: «да», «скорее да», «нет», «скорее нет», «затрудняюсь ответить»).

Таблица 2. Индекс доверия искусственному интеллекту выполнять разные задачи вместо человека у белорусской молодежи

Доверили бы Вы искусственному интеллекту (компьютерной технологии, роботизированной технике, способной выполнять разные задачи вместо человека):	**Возраст**	**Статус**
	18-30 лет	учащийся, студент
Доставку товара	0,574	0,686
Принятие решений в повседневных бытовых задачах (система «умный дом», планирование досуга и т.д.)	0,337	0,372
Выполнение части своих профессиональных обязанностей / своей работы	0,092	0,212
Управление Вашей машиной	-0,317	-0,192
Управление финансовыми операциями (оплата счетов, выбор банка и т.д.)	-0,252	-0,115
Принятие окончательных решений в кредитовании, начислении налогов, штрафов и т.д.	-0,360	-0,263
Контроль за состоянием Вашего здоровья	-0,030	0,064
Постановку окончательного диагноза и назначение лечения	-0,517	-0,436
Поиск своей «второй половинки» / партнера	-0,491	-0,429
Обучение Вашего ребенка	-0,199	-0,147

Как показывают данные табл. 2, только три задачи респонденты готовы отдать искусственному интеллекту: доставку товара, принятие решений в повседневных бытовых задачах и выполнение части своих профессиональных обязанностей / своей работы. При этом число сторонников среди учащейся молодежи выше числа сторонников молодежи в целом.

Отрицательные значения индекса получили задачи, завязанные на личные потребности респондентов – жизнь, здоровье, обучение и материальное обеспечение этих потребностей. Практически половина респондентов обеих групп не готовы полагаться на искусственный интеллект при постановке окончательного диагноза и назначение лечения (-0,517 и -0,436 соответственно), и поиск своей «второй половинки» / партнера (-0,491 и -0,429 соответственно).

Итак, белорусская молодежь осознает преимущества и риски цифровизации. Но если преимущества нередко ею идеализируются, то ряд рисков осознается слабее по причине молодого возраста и латентного характера рисков, которые не лежат на поверхности. Молодые белорусы достаточно высоко оценивают качества цифровых технологий, однако неуверенность респондентов в надежности и безопасности данных технологий не позволяет им поручить искусственному интеллекту обеспечение вопросов своей жизни, здоровья, обучения и финансов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Титаренко, Л.Г. Восприятие студентами цифровых рисков гуманитарной безопасности Беларуси / Л.Г. Титаренко // Социологический альманах. – 2023. – Выпуск 14. – С. 330-340.

2. Кравченко, С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее национально-культурной модели для устойчивого развития / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2022. – № 9. – С. 29–37.

УДК 396.5

ГЕНДЕРНЫЕ СТРУКТУРЫ В СЛУЖЕНИИ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ СТОЛИЧНЫХ ОБЩИН (РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

Смагина Е. В.
магистрант факультета истории и социальных наук,
Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Санкт-Петербург, г. Пушкин, Россия

Служение сестер милосердия принято отождествлять с такими понятиями как сострадание, благотворительность, сердоболие, нравственность, духовность. После революционных событий первой четверти XX века, служение сестер трансформируется в профессию и обрастает новыми общественными смыслами: профессионализм, оперативность, мастерство, решимость. В этих словах отчетливо слышатся гендерные концепты мужественности, стремление к равенству, смена поведенческих ролей и тяга к устойчивым экономическим правам. Принято считать, что изменение сестринской роли в обществе произошло вследствие манифестации прежних устоев, однако законодательные, делопроизводственные и эго-документы доказывают обратное, – процесс был поступательным.

В представлении законодателей начала XVIII века, женщина в больнице – это не что иное, как функция. Гигиенический уход было невозможно осуществить без двух равнозначных составляющих, белья и женских рук. Весь остальной комплекс

мероприятий входит в трудовые обязанности другого контингента служащих – мужчин [1, с. 135]. Как уникальный социальный институт или «новое начало», которое в скором времени перешагнет многовековые устои и к моменту всеобщего национального подъема оформится в что-то не обычное, когда «дочь губернатора Бакунина и внучка адмирала желает ходить за матросами» – общины зародились в 1850-е, одновременно с общественным дискурсом о положении и роли женщин в Российском обществе [2, с. 9].

С 1860-х эволюционный путь женщины до полноценного участника лечебного процесса находит отражение в законодательстве, когда наряду с личностью самой сестры склонной к доброте, сложившиеся реалии требуют уже медицинского профессионализма и мобильности, а «служительница бедных» превращается в широкомасштабное явление внутри которого начинает формироваться философия сестринского дела и категорийный аппарат профессии [3, с. 63; 4].

Образование. Начиная с 1880-х на законодательном уровне, развитие «женщины - сиделки, выхаживающей больного» мыслится не только в рамках в милосердия, но и медицины. За 30 лет сестры милосердия прошли путь от сострадательного сердца, когда «малейшие желания страждущих, даже капризы их, исполнялись» [5, с. 111] к профессиональной деятельности, которая была востребована обществом, «когда принявший на себя труд ухода за больными кроме гуманности обладает еще и научными знаниями» [6, с. 3-4]. Сестру милосердия РОКК, которая имела в своем арсенале полный гимназический курс и двух/трехгодичный медицинский, уже было не целесообразно оставлять только лишь в качестве «рабочих рук» по уходу за больным [7].

Далее, обратившись к делопроизводству общин можно сделать выводы по гендерным структурам внутри «сестринского» социума.

Хозяйство. Вариативность денежных потоков в общины была широкой. После того как пожертвование было получено, начинались сложные социальные взаимоотношения между общиной и внешним миром, когда чаще всего было необходимо: публично поблагодарить жертвователя и употребить капитал согласно воле изъявителя. Кроме того, следить за сроками векселей, котировкой ценных бумаг, распродажами завещанного имущества и другими «хозяйственными мелочами», и конечно составлять «правильную» отчетность, которая, говоря современным языком, отражала бы «эффективный менеджмент» с одной стороны и соответствовала общественным представлениям о благотворительных учреждениях с другой [8]. В период общественных трансформаций сестринское руководство (в том числе и сестра-настоятельница с кругом ее доверенных лиц из числа сестер) были вынуждены следить за политической конъюнктурой и общественным дискурсом, поскольку, нуждаясь в поддержке состоятельной публики было жизненно необходимо выбирать «правильную сторону» [9, 10]. Делопроизводство в сестринских общинах можно рассматривать как отдельный процесс повседневности, который приобретает гендерные черты и становится «женским» делом, неся при этом «мужской» функционал.

Заработная плата. Выбирая быть общинной сестрой милосердия, женщина могла рассчитывать на широкий круг медицинских обязанностей (которые могли отвечать ее профессиональному интересу), однако ее труд не был материально обеспечен. Из всех «женских» медицинских звеньев общин, сестры зародились раньше всех и к моменту, когда в них уже трудились и женщины-врачи, и ученые-сиделки, сестры милосердия существовали более полувека. Все женщины, трудящиеся в общинах (в том числе и прислуга) к началу XX в. получали заработную плату [11, Л.38-90; 12, Л. 6, 22-25, 32],

однако это право не распространялось на сестер, поскольку противоречило общинным уставам. Их содержание (уставов) с минимальными изменениями копировалось на протяжении 55 лет (с 1848 г.) и даже в своей последней редакции от 1903 г. – «бескорыстие является первым условием христианского служения» [4, с. 15]. «Хозяйка общины», которая входила «во все мелочи», выполняла одинаковую (интеллектуальную) работу наравне с мужчинами с 1860-х., однако зарплата женщины-делопроизводителя начинает фигурировать в общинных ведомостях только с XX в., и по уровню оплаты труда была более чем в два раза ниже мужской [13, Л. 6; 14, Л. 1, 6].

Досуг. К началу XX века общинные сестры все еще существуют в парадигме – «стоимость рабочей силы есть стоимость средств к существованию, необходимых для поддержания жизни ее владельца» [15, с. 43], при этом надо понимать, что поддержание жизни – это исключительно ее физиологическая составляющая. Постепенно увеличивая профессиональный уровень женщин (как и было принято в пореформенном обществе), на протяжении многих лет службы для этих (общиной же и подготовленных) женщин-профессионалок были доступны только физиологические и рабочие составляющие повседневности [16]. Никаких «женских», как, впрочем, и «мужских» свободно инициируемых способов проведения времени для сестер не существовало, а учитывая рост и развитие медицинской науки так и вовсе «у меня было столько дел, что я торопилась даже во сне» [17].

Таким образом, принципы гуманизма, которые развивались в обществе на протяжении всей «сестринской истории» в полной мере не распространялись на самих сестер. Взывая о сострадательности к больному, заботе о его теле и душе, одномоментно, общинные уставы диктуют рядовым сестрам жесткий регламент службы, отсутствие вариативности во внешних проявлениях (а значит и в мыслях) и беспрекословное подчинение руководству. Иными словами, общины де-юре пропагандируют «чуткое сердце», а де-факто «роботизируют» женщину, что впоследствии приведет к всеобщему кризису этого социального явления в Российском обществе.

Начиная с рубежа 1990-х г. уже ставшее архаичным для постсоветского общества понятие «сестра милосердия», вновь появляется в социальной сфере России, в связи с чем возникают вопросы: о правильной репрезентации этого явления современными учредителями; о целесообразности возрождения звания «сестра милосердия» имея ввиду существующую профессию медсестры; о наличии современных гендерных структур в служении сестер; о трактовке понятия «служение» в современных реалиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Регламент об Управлении Адмиралтейства и Верфи и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся: [по повелению Петра Великого от 5 апреля 1722 г.] – СПб.: С.-Петерб. тип., 1722. – 171 с.

2. Бакунина, Е. Воспоминания сестры милосердия Крестовоздвиженской общины (1854 – 1860) / Е. Бакунина //Записки очевидца: Воспоминания, дневники / сост. М. Вострышев. – М., 1991. – С. 5–184.

3. Высочайше утвержденное положение о сестрах Крестовоздвиженской Общины, назначаемых для ухода за больными в военных госпиталях от 14 января 1863 г. №39165 // Полное собрание законов Российской империи. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (дата обращения: 04.08.2025).

4. Нормальный устав общин сестер милосердия РОКК утвержден 13 мая 1903 года. – Харьков.: тип. и лит. Н.В. Петрова, 1903. – 36 с.

5. Пирогов, Н.И. Севастопольские письма и воспоминания / Н.И. Пирогов. – М.: АН СССР, 1950. – 652 с.
6. Келдыш, Н.Ф. Медицинские беседы с испытуемыми сестрами милосердия Свято-Троицкой общины / Н.Ф. Келдыш. – СПб.: типо-лит. Месника и Римана, 1890. – 103 с.
7. Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА СПб) – Ф. 151. Оп. 1. Д. 158.
8. ЦГИА СПб – Ф. 392. Оп. 1. Д. 220.; Д. 242.; Д. 280.; Д. 332.; Д. 333.; Д. 787.; Д. 601.; Д. 375.; – Ф. 403. Оп. 1. Д. 104.; Д. 83.; – Ф. 1883. Оп. 38. Д. 50.
9. Заметка о прекращении выдачи пособий на амбулаторное лечение при Крестовоздвиженской общине в газете «Голос» 15 февраля 1882 // ЦГИА СПб. – Ф. 392. Оп. 3. Д. 13. Л. 6-6об.
10. Обращение от Крестовоздвиженской общины в газете «Новое время» 5 июня 1882 // ЦГИА СПб. – Ф. 392. Оп. 3. Д. 13. Л. 9.
11. ЦГИА СПб. – Ф. 151. Оп. 1. Д. 145.
12. ЦГИА СПб. – Ф. 392. Оп. 1. Д. 891.
13. ЦГИА СПб. – Ф. 151. Оп. 1. Д. 18.
14. ЦГИА СПб. – Ф. 392. Оп. 1. Д. 187.
15. Маркс, К. Капитал / К. Маркс. – М.: АСТ, 2024. – 544 с.
16. Смагина, Е.В. «Тиски общинного режима» в досуговой деятельности сестер милосердия в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. / Е.В. Смагина // Досуг в повседневной жизни: история и современность: материалы Междунар. науч. конф. 03–05 апреля 2025 г., г. Санкт-Петербург в 2-х т. / ЛГУ им. А.С. Пушкина; редкол.: В.А. Веременко (гл. ред.) [и др.]. – СПб.: 2025. – Т. 2. – С. 204–208.
17. Московские общины сестер милосердия в XIX-XX в.: монография / Е.В. Козловцева – М.: ПСТГУ, 2010. – 208 с. – URL: https://litresp.ru/chitat/ru/K/kozlovceva-elena-nikolaevna/moskovskie-obschini-sester-miloserdiya-v-xix--nachale-hh-veka/4 Козловцева Глава 2 Сестры милосердия. fb2 (дата обращения: 04.08.2025).

УДК 316.7:338.48(476)

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРЕНДОВ НА РАЗВИТИЕ СОВРЕМЕННОГО ТУРИЗМА

Смыкова Е. Ю.
заведующий отделом,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологический наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Глобальные тренды современности – цифровизация, общество потребления, пандемия, геополитическое неравенство, неолиберальная экономика и др. существенно трансформируют туризм как на макро-, так и на микроуровнях, предлагая качественно новые сценарии развития. Туризм сегодня рассматривается как индикатор системных изменений, характерных для обществ современного типа.

Геополитическая обстановка как глобальный тренд современности, рассматриваемая применительно к данному контексту с позиции пандемийного и постсанкционного эффектов влияния на туризм в целом, и туристов в частности, актуализировала ряд проблемных вопросов – воздействие санкций на выбор туристических направлений, переориентация туристических практик в связи с закрытием границ, визовые ограничения и т. д.

Амбивалентное влияние на сферу туризма оказала цифровизация, предлагая как инновационные форматы туристического потребления (виртуальные туры, цифровые платформы), так и предусматривая редукцию традиционных практик, возникновение новых форм цифрового разрыва. Структурные изменения в сфере туризма обусловили и культурные (гомогенизация культур, трансформация культурного потребления и др.), социальные (стратификационные изменения, новые формы социальности и др.) сдвиги в современном обществе, приведя к консьюмеризации туристического опыта, поиску идентичности, формированию туристической сегрегации.

Коммодификация социальных феноменов, доминирование глобальных платформ (booking.com, Airbnb и др.), прекаризация труда в сфере туризма, где последняя, по сути, представляет собой модель в миниатюре, которая воспроизводит проблемные области аналогичные современной экономике в целом. Подобного рода тренды подтвердили факт значимости туризма как социокультурного феномена, который отражает ключевые проблемы глобализированного мира.

Глобальные вызовы становятся ключевыми драйверами, определяющими новые векторы развития сферы туризма. Чтобы отвечать вызовам современности, сфера туризма вынуждена постоянно адаптироваться к новым общемировым реалиям, которые оказывают, в том числе и трансформационное воздействие на туристические практики населения. В современных условиях глобальные тренды не только меняют направления для путешествий – они формируют принципиально новые форматы туристических практик, то есть устойчивые модели поведения, способы планирования, организации и потребления туристического опыта.

Более того, современность переформатирует саму логику реализации туристических практик населения: переходя из пассивного потребителя готовых туристических продуктов в активного участника формирования собственного опыта, использующего цифровые платформы (Airbnb и др.), сообщества (цифровое кочевничество) и новые экономические модели (блейзер-туризм) для реализации индивидуальных практик. Туристические практики сегодня рассматриваются как мощный инструмент конструирования и презентации личностной идентичности в современном обществе.

В этом контексте развитие туризма обусловлено необходимостью его дальнейшего исследования как сложного феномена с позиции социолого-статистической экспертизы. Методологическая исчерпанность макроэкономических подходов к изучению туризма, включающая выявление общих и локальных трендов развития анализируемого феномена, определение области влияния макрособытий (геополитические, экономические, эпидемиологические) на отраслевую динамику и др., обуславливает необходимость поиска новых исследовательских практик и инструментов замера. В связи с чем, проблема фиксации изменений в паттернах туристических практик на индивидуальном уровне обуславливает потребность в применении социологического инструментария, ориентированного на декомпозиция туристических практик населения через призму: ключевых детерминант, барьеров, драйверов выбора направлений и форматов отдыха, анализ паттернов потребления туристических продуктов, услуг и их типологизация.

УДК 327.88:316.658:004.77

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Снисаренко К. Л.
научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Феномен информационно-психологического противоборства имеет богатую историю. О его применении известно ещё со времен персидского царя Ксеркса I и карфагенского полководца Ганнибала. В период «холодной войны» власти втянутых в информационно-психологическую борьбу стран стремились защитить своих граждан от внешней дезинформации. Речь шла о доминировании государства в медийном пространстве за счет контроля над крупными национальными СМИ. К концу XX в. борьба идеологий трансформировалась в бурное развитие технологий связей с общественностью. Так называемые PR-технологии подменили собой целостные мировоззренческие установки, общение с аудиторией посредством массмедиа сменило партийную работу с народными массами. Как следствие, основанные на научных знаниях и обладающие системностью, идеологии уступили место идейным конструктам – простым, но не всегда логически взаимосвязанным умозрительным построениям.

Развитие PR-технологий совпало с небывалым прогрессом человечества в области информационно-коммуникационных технологий. Сеть Интернет проникла через государственные границы и сделала весь мир большой деревней. Значительное расширение возможностей для общения и взаимодействия между людьми из разных стран, формирование виртуального пространства – искусственной среды, которая имитирует, или дополняет реальный мир содействовали трансграничной циркуляции информации. В этих условиях обладающие богатым опытом взаимодействия с государством, традиционные печатные и аудиовизуальные СМИ столкнулись с жёсткой конкуренцией со стороны интернет-сервисов и платформ. С одной стороны, любой желающий получил возможность легко выражать и тиражировать собственные мысли и убеждения. С другой стороны, национальное государство стало терять контроль над распространением идей и смыслов в обществе.

Снижение влияния идеологий и национальных государств на общество сочетается с ростом геополитической нестабильности – закономерным этапом трансформации международных отношений после «холодной войны» от однополярности к многополярности. Неизбежно возникающие по его ходу конфликты сопровождаются широким использованием информационно-психологического воздействия. По определению доктора исторических наук А. Я. Касюка: «Информационно-психологическое воздействие – это такое влияние на индивидуальное или общественное сознание, которое вызывает трансформацию психики, изменение взглядов, мнений, отношений, ценностных ориентаций, мотивов, установок, стереотипов объекта» [1, с. 23]. Широкое применение данного метода влияния на общество определяет специфику информационно-психологического противоборства в современном мире, которое характеризуется рядом особенностей.

Рост количества источников информации привёл к деградации критериев истинности при интерпретации событий. Немецкий социолог Н. Луман обращал внимание на то, что общественное мнение становится все более зависимым от процедур отбора информации,

которые, в свою очередь, определяются на основе специфических коммуникативных кодов, возникающих в рамках самой коммуникации [2, с. 62–64]. Как следствие, человек попадает в «информационный кокон». В нём истинность получаемого контента выявляется не на основе соответствия его действительности, а по причине одобрения окружающими респондентами. На этом базируется один из методов информационно-психологического воздействия – дезинформация. Он заключается в намеренном предоставлении заведомо ложной информации («фейки»), или дезориентации адресата путём обращения к эмоциям, субъективным оценкам («постправда»). Не только объективность, но и логичность изложения информации могут быть принесены в жертву ради достижения успеха в борьбе.

Сеть Интернет приобрела глобальный, общемировой характер. При этом она представляет собой особую среду, в которой личность реального человека может быть скрыта анонимным аватаром, а правила поведения и общения определяются нормами транснациональных корпораций, а не государств. В таких условиях расширились возможности для скрытого, ведь государственная принадлежность участников не всегда может быть идентифицирована, и масштабного влияния на общественно-политические процессы в отдельно взятой стране. Могут быть применены методы инициирования страхов, эмоционального подавления, популяризации личностей, подходов, ценностей, которые не имеют особой поддержки в обществе.

Долговременное информационно-психологическое воздействие может привести к изменению ценностно-мотивационной основы общественной жизни, что может подтолкнуть государство примкнуть к той, или иной группе, войти в интеграционное объединение, занять иную позицию. Ради достижения преимуществ в геополитической борьбе могут быть изменены отношение общества к самому себе (идентичность), восприятие собственного прошлого (историческая память), оценки будущих перспектив.

Республике Беларусь удаётся эффективно противостоять зарубежному влиянию в рамках информационно-психологического противоборства между Востоком и Западом. Причиной успеха является наличие чётко определённого ценностно-мотивационного фундамента общества – идеологии белорусского государства. Директива Президента Республики Беларусь № 12 от 9 апреля 2025 г. «О реализации основ идеологии белорусского государства» даёт следующее определение: «*Идеология белорусского государства* – система идей, взглядов и представлений, которая отражает национально-исторические традиции, интересы и ценности белорусского народа, определяет цели развития личности, общества и государства» [3, с. 7]. Налаженная в стране идеологическая работа позволяет каждому её гражданину сопоставлять ценности собственного общества с навязываемыми извне ориентирами.

Утверждённая Решением Всебелорусского народного собрания № 5 от 25 апреля 2024 г. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь ставит во главу угла защиту национальных интересов. Согласно Статье 15 данного документа к основным национальным интересам в информационной сфере относятся сохранение национальной идентичности и памяти о героическом прошлом белорусского народа, развитие безопасной информационной среды и информационного общества, защита общества от деструктивного информационного воздействия [4, с. 7]. Методами противодействия угрозам, связанным с информационно-психологическим воздействием, определены своевременное выявление, предупреждение и пресечение попыток вмешательства во внутренние дела Республики Беларусь, защита традиционных духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие национальной культуры и сохранение исторической памяти, преемственности поколений, защита общества от внешней идейной

и ценностной экспансии, недопущение пропаганды религиозной нетерпимости и межнациональной розни и многие другие.

Принципы обеспечения национальной безопасности в информационной сфере конкретизирует утверждённая Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь № 1 от 18 марта 2019 г. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь. Согласно ней, основой информационной безопасности белорусского государства выступает принцип информационного суверенитета: «Информационный суверенитет Республики Беларусь – неотъемлемое и исключительное верховенство права государства самостоятельно определять правила владения, пользования и распоряжения национальными информационными ресурсами, осуществлять независимую внешнюю и внутреннюю государственную информационную политику, формировать национальную информационную инфраструктуру, обеспечивать информационную безопасность» [5, с. 3-4]. Осуществление принципа информационного суверенитета достигается путём совершенствования системы правового регулирования отношений в информационной сфере белорусского государства, развития национальных СМИ и телекоммуникаций, воспитанию и стимулированию в белорусском обществе критического отношения к информационным манипуляциям и деструктивным информационно-психологическим воздействиям. Во внешней политике Республики Беларусь принцип информационного суверенитета получил своё отражение в информационном нейтралитете. Он предполагает отстаивание собственных национальных интересов при уважении общепризнанных и общепринятых прав других государств в информационной сфере.

Таким образом, особенностями информационно-психологического противоборства в современном мире являются деградация критериев истинности при интерпретации событий, значительным расширением возможностей для скрытого и масштабного влияния на общественно-политические процессы в отдельно взятой стране, перспективой общего изменения отношения общества к самому себе, восприятия собственного прошлого и оценки будущих перспектив.

Республика Беларусь эффективно противостоит зарубежному влиянию в рамках информационно-психологического противоборства между Востоком и Западом благодаря наличию идеологии белорусского государства, чётко определённых целей, задач и принципов государственной информационной политики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Касюк, А.Я. Информационно-психологическое воздействие в информационном противоборстве / А.Я. Касюк // Вестник МГЛУ. Общественные науки. – 2021. – Вып. 1 (842). – С. 22–34.

2. Луман, Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – Москва : Праксис, 2005. – 256 с.

3. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Республики Беларусь, 9 апр. 2025 г., № 12 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P02500012 (дата обращения: 28.08.2025).

4. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Решение Всебелорусского народного собрания, 25 апр. 2024 г., № 5 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P924v0005 (дата обращения: 28.08.2025).

5. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь : Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P219s0001 (дата обращения: 28.08.2025).

УДК 316.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Сойко А. Д.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Цифровая трансформация процессов в системе образования является глобальной тенденцией. Данная тенденция оказывает значимое влияние на состояние системы образования и видоизменяет ее. Классическое образование в современных условиях переживает кризис, вызываемый следующими основными факторами:

1. Знания, получаемые обучающимися и педагогами, не всегда успевают за темпом и уровнем развития технологий;
2. Невысокая адаптивность образовательных программ к стремительно меняющимся социально-экономическим условиям, а также к возникающим у педагогов образовательным запросам и профессиональным затруднениям [1].

В то же время цифровые технологии активно проникают на все уровни системы образования и способствуют более эффективному вовлечению обучающихся в образовательный процесс, а также персонализации обучения посредством предоставления участникам образовательного процесса материалов, соответствующих их уровню знаний и интересам. Исследователи отмечают значимость цифровых технологий для реализации непрерывного обучения и получения дополнительной информации вне учебных занятий. Успешная реализация широко распространенной парадигмы «обучение через всю жизнь» практически невозможна без модификации процессов, протекающих в сфере образования, на основе использования современных цифровых технологий, в частности, при организации дистанционного обучения. Кроме того, цифровая грамотность сегодня является важнейшим профессиональным навыком практически любого работника независимо от его возрастной категории. В настоящее время в мире наблюдается ряд важнейших тенденций в области цифровой трансформации процессов в системе образования: использование дополненной, виртуальной и смешанной реальностей; применение цифровых пользовательских устройств на уроках; создание трансформируемого рабочего пространства; использование искусственного интеллекта; персонализация учебного процесса и его геймификация и др. [1].

На 2024 год удельный вес интернет-пользователей Республики Беларусь, использующих доступ в сеть в целях образования составляет 26%, и этот показатель вырос с 2021 года на 5,3 процентных пункта, что подтверждает стремительную тенденцию цифровизации образовательных процессов. Продолжается обновление и (или) наращивание количества компьютерной техники в учреждениях образования. Ежегодно повышаются требования к приобретаемому оборудованию, в том числе к используемому программному обеспечению. Дополнительно определены базовые требования к оборудованию, позволяющему осуществлять обучение аддитивным технологиям. Согласно концепции «Цифровой трансформации процессов в системе образования Республики Беларусь на 2019-2025 годы» большинстве учреждений образования функционируют автоматизированные системы административного назначения, обеспечивающие сбор и обработку информации об обучающихся,

педагогических работниках, родителях, материально-технической базе, организации учебного процесса. Действует ряд общереспубликанских обеспечивающих систем, сфере автоматизированный сбор и обработку статистической информации в образования [1]. Однако, по результатам республиканского социологического исследования, проведенного в 2024 году Академией последипломного образования, только у 32% педагогических работников в учреждениях общего среднего образования имеется рабочее место, оборудованное компьютером/ноутбуком с доступом в интернет, а 66% респондентов, соответственно, указали, что такое место у них отсутствует. В связи с этим, педагогические работники отвечали на вопрос, касающийся их уровня владения навыками работы в цифровой образовательной среде. Анализ результатов показал, что высоко большинство респондентов оценивают только навыки работы в электронной информационно-образовательной среде (например, электронный журнал, электронный дневник) – данный вариант указали 40% педагогов. На «выше среднего» педагогические работники оценивают собственные навыки работы с открытыми информационными ресурсами, базами данных (41%), навыки работы в формате онлайн-обучения (37%). Навыки разработки онлайн-уроков большинство респондентов оценивают на «средний» уровень. Чаще всего при работе с цифровой информацией педагогические работники выполняют следующие действия: коммуникации в мессенджерах и социальных сетях (69%); использование пространства в сети Интернет для хранения документов, изображений, других файлов (65%); использование научно-популярного, развлекательного и иного контента из сети интернет (книг, лекций, медиа-файлов, фильмов и иного контента) (59%); использование цифровых сервисов с интерактивными заданиями для организации учебной работы (42%). Реже всего респонденты указывали: ведение блога (регулярное его пополнение записями, изображениями или мультимедиа), создание другого интернет-контента (4%); редактирование и управление контентом веб-сайтов (5%) [2].

Таким образом, в условиях стремительной цифровизации общества система образования сталкивается с необходимостью глубокой трансформации. Несмотря на существующие вызовы – от технологического отставания до ограниченной цифровой инфраструктуры – наблюдается устойчивый рост цифровой активности и интереса к новым формам обучения. Цифровые технологии становятся неотъемлемой частью образовательного процесса, способствуя его персонализации, гибкости и доступности. Для успешной реализации концепции непрерывного обучения требуется системная модернизация образовательной среды, повышение цифровой грамотности педагогов и обучающихся, а также развитие инфраструктуры. Только при комплексном подходе цифровая трансформация сможет стать фактором устойчивого развития образования в современных социально-экономических условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Концепция цифровой трансформации процессов в системе образования республики беларусь на 2019-2025 годы [Электронный ресурс] // БГПУ им. Максима Танка. – Режим доступа: crit.bspu.by/wp-content/uploads/2021/08/concept.pdf – Дата доступа: 27.08.2025.

2. Дзюба, И.А. Исследование профессиональных компетенций и образовательных запросов педагогических работников : монография / И.А. Дзюба, В.Г. Реут, А.Д. Сойко. – Минск : АПО, 2024. – 137 с.

УДК 001.89-057.4-055.2:005.963.2

ПРОГРАММЫ НАУЧНОГО НАСТАВНИЧЕСТВА ДЛЯ ЖЕНЩИН: ОТ ИДЕИ К РЕАЛИЗАЦИИ

Соловей А. П.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Для ученого очень важно быть не только исследователем и профессионалом в своей научной отрасли, но и постоянно стремиться к саморазвитию и научным открытиям, ощущать поддержку со стороны коллег и научного сообщества. Наука – это специфическая сфера интеллектуального труда, в которой особая система организационной, профессиональной, интеллектуальной культуры и морально-психологического климата. Различные аспекты профессиональной трудовой деятельности ученых (социально-профессиональное положение научных сотрудников, социальное самочувствие, факторы построения научной карьеры, ценности и трудовые ориентации в исследовательских коллективах) оказывают непосредственное влияние на эффективность их научной деятельности. Значительную роль в становлении ученого, особенно молодого исследователя (когда он осознанно выбрал науку в качестве профессиональной сферы самореализации и нацелен внести вклад в развитие научного знания) принадлежит поддержке научного сообщества (научного руководителя, наставника, трудового коллектива). Передача опыта, помощь со стороны руководства и коллег, благоприятный нравственно-психологический климат и творческая атмосфера в научном сообществе – неотъемлемые элементы профессионального становления ученого. Одной из значимых форм профессиональной поддержки является научное наставничество. Данная форма поддержки направлена не только на обеспечение профессиональной адаптации, дальнейшее совершенствование интеллектуальных способней, навыков и исследовательских компетенций, но и на развитие научной карьеры начинающего ученого, поддержку его авторского видения в решении научных, практических и социально значимых проблем. Опытные наставники могут выступать в качестве вдохновляющих и мотивирующих «ролевых моделей» для молодых коллег [1, с. 64]. Продуктивная коммуникация в рамках взаимодействия субъектов научного знания способствует приращению квалифицированных научных кадров и преемственности поколений в науке, что в свою очередь благоприятно сказывается на развитии отечественной науки.

Несмотря на то, что поддержка в науке необходима для всех начинающих ученых, независимо от пола, значимость развития научного наставничества для женщин обуславливается следующими, на наш взгляд, ключевыми, но не исчерпывающими обстоятельствами. Мировая статистика показывает, что женщины составляют треть всех исследователей, а также 28 % выпускников технических факультетов и 40 % – факультетов компьютерных наук и информатики [2]. Особое значение для развития профессионального научного женского сообщества принадлежит популяризации профессии ученого в целом, роли женщин в научно-образовательной сфере и вклада женщин в науку; возрождению «забытых женских имен», сделавших научные открытия и стоявших у истоков различных научных направлений и школ. Среди выпускников учебных заведений по специальностям, связанным с наукой, технологиями, инженерией и математикой (STEM-направления) – доля женщин

26,7 %, что свидетельствует об актуальности дальнейшего их вовлечении в эти области. Согласно Национальному плану действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы актуальным остается увеличение доли женщин «занятых в таких видах экономической деятельности, как информационные технологии и деятельность в области информационного обслуживания, профессиональная, научная и техническая деятельность, научные исследования и разработки» [3]. Специфика социально-демографического и профессионального положения женщин-ученых обуславливается выполнением ряда семейных, трудовых и общественных ролей, что в значительно большей мере характеризует «двойную нагрузку» женщин (в отличие от мужчин-ученых) и детерминирует развитие их профессиональной карьеры. Наличие некоторых устоявшихся стереотипов о профессиональных возможностях мужчин и женщин в науке, оказывающие влияние на мотивацию выбора науки, адаптацию в трудовом научном коллективе, повышение квалификационного уровня, могут выступать сдерживающими факторами развития женской научной карьеры.

Следует отметить, что поддержка для женщин в науке активно развивается в ряде стран. В качестве примера функционирования различных программ наставничества женщин и для женщин в науке можно привести следующие. Менторская программа проекта ЮНИСЕФ **«Девочки в науке»**, которая направлена на «расширение прав и возможностей девочек, чтобы они могли преуспеть в области науки, техники, инженерной деятельности и математики (STEM)» [4]. Проект Министерства науки и высшего образования Российской Федерации **«Женщины: школа наставничества» –** «поддерживает студенток, аспиранток и молодых ученых в начале их карьерного пути» [5]. **Глобальная программа наставничества женщин Micron 2024**, нацеленная на предоставление студенткам в области STEM-дисциплин возможностей приобрести новые профессиональные навыки для построения успешной карьеры [6]. Программа наставничества **Wiser,** поддержанная Еврейским университетом в Иерусалиме, целью которой является «увеличить число израильских женщин, успешно завершающих постдокторантуру и занимающих влиятельные должности в академической сфере и промышленности» [7]. Программа наставничества **«Женщины в науке»** от PEER (партнерство для расширения участия в исследованиях) «призвана помочь удержать женщин в науке, повысить уверенность в себе и научить молодых ученых писать заявки на успешные международные исследовательские премии» [8]. Примером французской программы наставничества для женщин в науке является программа менторства, направленная на поддержку женщин посредством научного руководства во время их обучения в аспирантуре и реализуется по трем направлениям: 1) регулярные индивидуальные встречи «наставник-менти»; 2) коллективные встречи с наставником; 3) воркшопы по карьерному развитию [9]. Летний лагерь **«Бок о бок с учеными»** – наставничество для девочек с целью развития интереса к различным областям научного знания [10]. Интерес также представляют менторские программы поддержки женщин-ученых в Германии (поддержка женщин-докторанток и постдокторанток в их научной карьере и лидерских позициях; помощь студенткам в академическом и профессиональном развитии; помощь женщинам с неакадемическим бэкграундом в развитии научных и лидерских способностей) и Австрии (содействовать развитию женщин в STEM-дисциплинах) [11].

Одной из программ реализации наставничеств для женщин в науке предлагается проект **«Школы женского наставничества в отечественной науке».** *Миссия* проекта – поддержка и обеспечение профессиональной адаптации и развития научной

карьеры женщин-ученых. *Цель* – повышение эффективности подготовки научных кадров высшей квалификации, расширение социальной базы воспроизводства научных кадров, в т. ч. увеличение доли женщин-исследователь с учеными степенями. *Задачи:* 1) повышение престижа профессии ученого в обществе; 2) популяризация науки в молодежной среде; 3) формирование «ролевых моделей» женщин-ученых, образа успешной женщины в науке для передачи исследовательского опыта и знаний, развития научных школ; 4) минимизация гендерных стереотипов в научном сообществе и социуме в целом; 5) профессиональная и психологическая (моральная) поддержка на рабочем месте; 6) содействие развитию научной карьеры (в т. ч. помощь в преодолении профессиональных барьеров); 7) создание профессиональной сети женщин-наставниц в науке. *Результат* – укрепление кадрового потенциала отечественной науки, привлечение и закрепление молодежи в науке, мотивированный выбор молодыми девушками науки в качестве профессиональной сферы самореализации, повышение вклада женщин в развитие фундаментальной и прикладной науки. Предполагаемые *форматы* реализации: мастер-классы, диалоговые площадки с личными примерами о профессиональном пути женщин-ученых; индивидуальное консультирование и поддержка (в т. ч. посредством формирования профессиональных диад «ментор – менти»); семинары и воркшопы по различным направлениями построения профессиональной карьеры в науке, характерным для функционирования науки как социального института в целом, независимо от отрасли научного знания (организационная культура научного сообщества, специфика социального положения женщин-ученых, в т. ч. «двойная нагрузка» женщин, личностные и трудовые барьеры (уверенность в себе, страх неудач, моральный климат в научном коллективе, поддержка научного сообщества и т.д.).

Таким образом, развитие программ наставничества для женщин в науке будет способствовать не только дальнейшему совершенствованию и укреплению института научного наставничества в целом, но и повышать значимость научных исследований, проводимых женщинами, содействовать развитию научных женских сообществ, сети женщин-ученых (особенно в тех отраслях науки, где процент женщин невысокий) для популяризации вклада женщин-ученых, поддержки их исследовательских тем, защиты диссертаций. Более того, развитие профессиональных сетей женщин-ученых по конкретным специальностям науки с целью профессиональной помощи, консультации, наставничества, проведения совместных исследований, обмена личным уникальным опытом для преодоления трудностей и барьеров в конкретных науках – необходимое подспорье для повышения уверенности женщин в своих исследовательских способностях и развития их научной карьеры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Соловей, А.П. Институт научного наставничества: мнение соискателей ученых степеней Республики Беларусь / А.П. Соловей // Наука и инновации. – 2025. – № 6. – С. 63–68.

2. Институт социологии НАН: почти 40 % белорусских исследователей – женщины / О. Бебенина // СБ. Беларусь сегодня. – URL: https://www.sb.by/articles/institut-sotsiologii-nan-pochti-40-belorusskikh-issledovateley-zhenshchiny-.html?utm_source (дата обращения: 19.08.2025).

3. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 30 дек. 2020 г., № 793 // Национальный правовой Интернет портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22000793&p1=1&p5=0 (дата обращения:20.08.202).

4. Девочки в науке // ЮНИСЕФ. Кыргызстан. – URL: https://www.unicef.org/kyrgyzstan/ru/girls-in-science (дата обращения: 21.08.2025).
5. Стартовал третий сезон проекта «Женщины: Школа наставничества» // Минобрнауки России. – URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/88718 (дата обращения: 21.08.2025).
6. Глобальная программа наставничества женщин Micron 2024 // International youth edu-skills foundation. – URL: https://www.iyesf.com/ru/post/глобальная-программа-наставничества-женщин-micron-2024 (дата обращения: 21.08.2025).
7. Wiser : [сайт]. – Израиль, 2025. – URL: https://wiser.org.il (дата обращения: 22.08.2025).
8. Partnerships for Enhanced Engagement in Research (PEER) Women in Science Mentoring Program // The National Academies of Sciences, Engineering, and Medicine. – Washington, 2025. – URL: https://sites.nationalacademies.org/pga/peer/pga_196024 (дата обращения: 22.08.2025).
9. Batut, J. When mentoring matters: a French mentoring program for women in science / J. Batut, M. Kvaskoff, May C. Morris // Nature Biotechnology. – 2021. – № 39. – P. 776–779.
10. Farland-Smith, D. Mentoring Girls in Science: Eight Case Studies of a Science Camp Experience / D. Farland-Smith // Innovative Professional Development Methods and Strategies for STEM Education / K. Dikilitaş. – Information Science Reference, Hershey PA, 2016. – Ch. 2. – P. 17–31.
11. Petean, R. Navigating the Personal and Professional: How University STEM Mentorship Programs Support Women in Austria and Germany / R. Petean, R. Rincon // ASEE 2024 Conference : proc. of the ASEE Annual Conference & Exposition, Portland, 23–26 June 2024 / American Society for Engineering Education. – URL: https://peer.asee.org/47798 (date of access: 25.08.2025).

УДК 316

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНЫХ СИСТЕМ – НОВАЯ ТОЧКА БИФУРКАЦИИ

Соловьев Э. Г.
заведующий сектором теории политики,
ИМЭМО РАН
кандидат политических наук
г. Москва, Россия

Партийная система не является некой застывшей институциональной конструкцией. Она достаточно динамична, реагирует на изменение предпочтений избирателей и отнюдь не исключает исчезновения одних и возникновения новых политических партий. Каждая из партийных систем обусловлена спецификой развития того или иного государства и характером вызовов, которые перед ним стоят. Тем не менее, если говорить о наиболее общих факторах развития партийных систем, то еще в классических работах, начиная с С. М. Липсета и С. Роккана [1], выделялись четыре основных типа политических конфликтов, оказавших наибольшее влияние на параметры и структуру партийных систем в разных странах. Это конфликты между собственниками и рабочими, между государством и церковью, между центром и периферией, между городом и селом.

В наше время глобализация порождает новый глубокий конфликт, отголоски которого, по-видимому, будут сказываться на развитии партийных систем на протяжении длительного периода времени. Это вызванный объективными (экономическими и социальными) процессами глобализации конфликт между глобализированной элитой и массами населения. Этот конфликт только начинает набирать силу и будет разворачиваться в обозримой перспективе. Тем не менее, он уже

оказывает влияние на параметры политических процессов и на характер трансформации партийных систем некоторых европейских стран.

В конце XX в. в развитии партийных систем стран Запада сформировался устойчивый тренд – сужение политического спектра, последовательное движение к политическому центру партий из разных частей политического спектра (от социал-демократов до консерваторов). Социологические измерения общественного мнения на рубеже XXI в. (например, исследования Pew Research Center и др.) в принципе подтверждали эту точку зрения. Довольно ограниченное число избирателей в странах Запада были способны уверенно причислить себя к левым или правым. Таким образом, партии и кандидаты, акцентирующие идеологические мотивы и цели своей деятельности, а также склонные слишком явно смещаться к тому или другому флангу политического спектра, проводили рискованную политическую линию. Ориентируясь на идеологически заряженного но относительно малочисленного «ядрового» избирателя, они не были способны привлечь на свою сторону представителей «колеблющегося» большинства, т.е. могли потерять на выборах голоса избирателей, не имеющих определенных идеологических убеждений или политических предпочтений. Эта, количественно преобладающая, «колеблющаяся» часть электората группировалась в основном вокруг политического центра и превращала выборы конца XX – начала XXI в. в борьбу идеологически стерильных политических сил за так называемого «медианного избирателя». Появился даже попавший в учебники по политологии и пособия для начинающих политтехнологов лозунг, сводившийся к тому, что партии существуют «не для идеологий, а для успеха на выборах». А этот успех определялся гибкостью политических установок и способностью мимикрировать под запросы количественно преобладающих центристских, «колеблющихся» избирателей.

Партии в этой борьбе за «медианного избирателя» окончательно превратились во «всеохватывающие» (catch all party, т. е., коротко говоря, лишенные определенной социальной и идеологической базы) или даже «картельные» (т. е. состоящие из «беспринципных», внеидеологических «профессиональных политиков», борющихся между собой за властные позиции за счет мобилизации на выборах максимального числа голосов избирателей). В условиях доминирующего либерального политического консенсуса и массового смещения избирателя к политическому центру это было прагматичным и по-своему рациональным решением. Имело место последовательное сокращение идеологических, доктринальных различий (аналитики уверенно заговорили о «конце больших идеологических нарративов»). А сужение диапазона принципиальных расхождений политики левоцентристских и правоцентристских правительств постепенно привело к тому, что и левые, и правые политические партии постепенно сдвигались к политическому центру, одновременно буквально «оголяя» правый и левый политические фланги. Продолжала размываться и социальная база политических партий – даже тех, которые изначально (как, например, социалистические и рабочие партии) были ориентированы на артикуляцию интересов совершенно определенных социальных страт или классов.

Но уже с конца 1990-х гг. стала набирать силу и фиксироваться в рамках социологических опросов и в ходе выборов новая тенденция. На смену индифферентному отношению к политике большинства удовлетворенного своим социальным и экономическим положением электората постепенно шло недовольство растущей его части «дефицитом демократии» и сложившейся в странах Запада моделью выработки политических решений.

Результаты состоявшихся в последние годы выборов определяются совокупностью факторов, среди которых определяющее место занимают экономические проблемы, вопросы идентичности и ценностный раскол «национально ориентированного» большинства населения и приверженных наднациональным, глобальным целям элит (отсюда антиистеблишментские настроения масс населения).

Серьезными факторами, стимулирующими представления о кризисе управления, стали падение доходов, рост налогов, сокращение числа рабочих мест, увеличение численности частично занятых – так называемого «прекариата» (от англ. Precarious – нестабильный, ненадежный), не имеющего стабильного дохода. Даже итоги длительного экономического подъема уже не оценивались столь однозначно, как это имело место ранее. Например, американский экономист, Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц, сделал вывод о том, что оживление экономики, начавшееся после кризиса 2008–2010 гг., принесло выгоды лишь одному проценту жителей США [2, с. 40] Концентрация богатства сопровождалась эрозией социальной базы современной демократии (среднего класса) и стагнацией доходов и социального положения наименее обеспеченных слоев общества.

Одна из наиболее глубоких линий раскола между приверженцами традиционных ценностей и национальных государств, с одной стороны, и глобализированными элитами, с другой, проходит по вопросу миграционной политики. Нарастание миграционного потока и изменение его состава (резкий рост выходцев из беднейших и/или разрушенных гражданскими войнами стран Азии и Африки) служит катализатором антиглобалистских, националистических настроений, особенно в странах Западной Европы.

Дополнительным политически дестабилизирующим фактором, оказавшим определенное (но отнюдь не решающее) влияние на трансформацию политической повестки партий в странах Запада, стала эрозия традиционных ценностей, что стимулировало подъем консервативных настроений части электората [3, с. 51–52].

Результатом сочетания всех этих факторов стал ряд электоральных циклов, в рамках которых постепенно размывалась почти неоспоримая монополия на политическую власть, которой обладали системные партии политического мейнстрима, и подрывалось единство достаточно консолидированного (вне зависимости от формальной партийной принадлежности) политического истеблишмента ряда стран Запада.

Популизм в этом контексте – это не некая политическая патология, характерная для политических маргиналов, а сложное явление, связанное с идеологическим кризисом и глубокой трансформацией политических нарративов, в той или иной степени присущее любому обществу (ряд исследователей дают этому парадоксальное определение – normal pathology) [4, 5]. Пустóты, образовавшиеся из-за размывания центра на противоположных сторонах политического спектра, стали заполняться новыми силами [6].

Трансформация партийных систем происходит [7]:

- на фоне эффектов глобализации, порождающих новые линии социального напряжения и разделения в обществе (в том числе по линии «глобализированные элиты» – «антиглобалистски настроенные массы»);
- в контексте дефицита демократии, когда часть электората развитых западных стран четко осознаёт, что «может менять правительство, но не политику» и время от

времени под влиянием ситуативных факторов участвует в «протестном голосовании», оказывая поддержку альтернативным истеблишменту политическим силам;

- в условиях фрагментации политического поля из-за кризиса «больших идеологических нарративов» и прихода им на смену так называемых «молекулярных идеологий» и партий «одного вопроса»;

- в связи с процессами формирования нового консенсуса «взаимного отчуждения» общества и истеблишмента, когда углубляющийся отрыв элит от основных социальных групп приобретает несколько социологически и эконометрически фиксируемых измерений: расхождение ценностных ориентаций, рост имущественного неравенства, снижение социальной мобильности;

- под влиянием растущего запроса на внятное универсальное объяснение гражданам происходящих событий и обозначение понятных перспектив общественного развития;

- в рамках перехода от однополярного мироустройства рубежа XX–XXI вв. к полицентричному миропорядку XXI в.

Выход на политическую арену в ряде стран крайне правых и крайне левых сил скорее ситуативен, выступает как следствие текущих кризисных явлений – миграционного кризиса, терроризма, экономического краха. Подъем популистских партий самого разного (правого, левого, право-левого) толка имеет свои пределы. Но сам процесс адаптации партийных систем к новому типу острого конфликта между глобализированной элитой и остающимися по преимуществу гражданами национальных государств массами населения только начинает набирать обороты (причем и в развитых, и в развивающихся странах). Вопрос состоит в том, насколько готовы к нему партийные и политические системы разных стран и насколько вообще гибки и адаптивны современные политические элиты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Party Systems and Voter Alignments / Ed. by S. Lipset, S. Rokkan. – N.Y. : Free Press, 1967.

2. Стиглиц, Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или что делать оставшимся 99 % населения? – Дж. Стиглиц. – М. : Эксмо, 2016.

3. Смирнов, А.Н. В тисках эмансипации: традиции и нетрадиционные ценности европейского консерватизма / А.Н. Смирнов // Партийно-политические системы и политические идеологии в странах Запада в начале XXI века: факторы эволюции и направления трансформации / под ред. Э.Г. Соловьева. – М. : ИМЭМО РАН, 2016.

4. Mudde, C. The Populist Radical Right: A Pathological Normalcy / C. Mudde // West European Politics. – 2010. – Vol. 33, № 6. – P. 1167–1186.

5. Mudde, C. Fighting the System? Populist Radical Right Parties and Party System Change / C. Mudde // Party Politics. – 2014. – Vol. 20, № 2. – P. 217–226.

6. Вайнштейн, Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа / Г.И. Вайнштейн // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 69–89.

7. Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века / под ред. Э.Г. Соловьева. – М. : Идея-Пресс, 2022.

УДК 316.334.52(476)

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТРУДОУСТРОЙСТВА НА ТЕРРИТОРИЯХ, ПОСТРАДАВШИХ ОТ АВАРИИ НА ЧАЭС

Сосновская Н. А.
ученый секретарь,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Экономическое развитие регионов, индивидуальное материальное и социальное благополучие граждан в значительной степени определяются возможностями эффективного трудоустройства населения. Особую актуальность вопрос трудоустройства приобретает на территориях, подвергшихся воздействию аварии на Чернобыльской АЭС, где социально-экономическая ситуация имеет свою специфику. Мнение местного населения о ситуации на рынке труда является действенным инструментом для оценки потенциала развития этих регионов, выявления проблем и возможностей для роста. Ряд вопросов исследования Института социологии НАН Беларуси, проведенного в 2024 году в рамках выполнения мероприятия «Провести мониторинг общественного мнения о проблемах и перспективах социально-экономического развития пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий» Государственной программы по преодолению последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС на 2021–2025 годы, был направлен на анализ восприятия возможностей трудоустройства жителями пострадавших от аварии на ЧАЭС территорий, а также на определение ключевых факторов, влияющих на их оценку.

Как показали результаты проведенного исследования, более половины опрошенных позитивно оценивают возможности трудоустройства в населенном пункте. Суммарно, о том, что работу найти достаточно легко сообщил каждый второй опрошенный (51 %). С другой стороны, достаточно ярко выражена позиция, что трудоустройство возможно только на вакансии с низкой зарплатой (43,9 %). Каждый четвертый (26,5 %) затруднился ответить на вопрос. Как правило, возникшие затруднения при ответе связаны с отсутствием интереса к данной проблеме ввиду ее низкой актуальности, что возникает как при наличии стабильного, позитивно воспринимаемого места работы (для работающих), так и при отсутствии необходимости работать (например, для учащихся, пенсионеров, других категорий населения).

Возможность найти работу с приемлемой зарплатой наиболее оптимистично оценена представителями молодежи 16-29 лет (12,1 %). Число затруднившихся оценить возможность трудоустройства в данной возрастной группе несколько выше, чем в целом по выборке. Сходным образом ответы распределились и среди тех, кто старше 60 лет. Доля затруднившихся ответить здесь еще выше (34,2 %) и только 5,3 % уверены, что работу с приемлемой зарплатой найти достаточно легко. Средние возрастные группы 30-44 лет и 45-59 лет, лучше осведомлены о возможностях трудоустройства. Здесь число затрудняющихся ответить меньше, при этом выше доля уверенных в возможности найти работу. Но большинство все же полагает, что это касается работы с низкой зарплатой. Представления о возможности трудоустройства не зависят от пола респондентов.

Результаты проведенного исследований показывают, что чем выше уровень образования респондентов, тем чаще они позитивно оценивают возможности трудоустройства. Каждый второй (50,1 %) среди опрошенных с высшим образованием предполагает, что устроиться на работу не составит труда. Похожие взгляды представлены среди имеющих профессионально-техническое или среднее специальное образование (48,2 %). Но в данной образовательной группе опрошенные реже надеются найти работу с привлекательной зарплатой. Среди имеющих базовое образование каждый третий (33,2 %) считает, что найти работу в населенном пункте невозможно.

Также важным фактором, определяющим мнения респондентов о возможности трудоустройства является место проживания. Чем крупнее населенный пункт, тем выше оценка шансов найти новую работу (см. рисунок 1). В областном центре суммарный показатель «легкого трудоустройства» составляет 64,2 %, тогда как в сельских населенных пунктах – в два раза меньше 31,1 %. Но в основном представления о легком трудоустройстве связаны с малооплачиваемыми рабочими местами. В населенных пунктах всех типов, доли уверенных в трудоустройстве с хорошей зарплатой схожи. При этом, 40 % жителей сел обозначили, что найти работу в их населенном пункте практически невозможно.

Рисунок 1. Оценка респондентами возможности трудоустройства в населенном пункте в зависимости от места проживания, в %

Наибольшее число уверенных в возможности трудоустройства проживает в Гомельской области (52,8 %). В Брестской области суммарный показатель составляет 48 %, а в Могилевской 40,1 %. Но в Гомельской области несколько меньше надеющихся найти работу с приемлемой зарплатой, тогда как в Брестской и Могилевской областях этот показатель выше и мало отличается. Позитивные представления опрошенных, как в среднем по выборке, обусловлены представлением о наличии низкооплачиваемых вакансий.

О том, что работу найти практически невозможно, чаще остальных упоминают представители Могилевской области (26,5 %). Самым благополучным регионом в данном отношении представляется Брестская область, где только 17,9 % опрошенных придерживаются подобного мнения.

Таким образом, можно заключить, что оценка возможностей трудоустройства неоднозначна. Несмотря на то, что более половины опрошенных позитивно оценивают возможность найти работу в своем населенном пункте, этот оптимизм в значительной степени связан с наличием вакансий с низкой заработной платой. Уверенность относительно возможностей трудоустройства с хорошей зарплатой чаще остальных возрастных групп демонстрирует молодежь 16-29 лет. Респонденты среднего возраста (30-59 лет) лучше осведомлены о ситуации на рынке труда, но большинство из них также связывают доступные вакансии с низкооплачиваемой работой. Наиболее важными факторами, влияющими на представления о возможности трудоустройства в населенном пункте, являются уровень образования и тип населенного пункта, в котором проживают респонденты. Чем выше уровень образования респондентов, тем более позитивно они оценивают свои шансы на трудоустройство.

Проведенное исследование демонстрирует, что восприятие возможностей трудоустройства населением на пострадавших от аварии на ЧАЭС территориях является сложным и многогранным. Несмотря на внешне позитивную общую оценку, она во многом базируется на ожидании трудоустройства на низкооплачиваемые рабочие места, что указывает на структурную проблему качества, а не количества вакансий.

Ключевыми детерминантами, формирующими представления людей, являются уровень образования и тип населенного пункта. Выявленный разрыв между крупными городами (в первую очередь, областными центрами) и сельской местностью свидетельствует о глубокой территориальной дифференциации рынка труда и требует адресных мер региональной политики. Низкая оценка возможностей трудоустройства среди лиц с базовым образованием и жителей сел указывает на группы наибольшего социально-экономического риска.

Таким образом, повышение благосостояния населения предполагает не просто меры по созданию новых рабочих мест, а целенаправленную работу по стимулированию создания высокооплачиваемых вакансий, особенно в малых городах и сельской местности, а также программы повышения квалификации и переподготовки для адаптации трудовых ресурсов к потребностям современной экономики.

УДК 32.019.52

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

Стариченок В. В.
начальник управления,
Белорусский институт стратегических исследований
кандидат исторических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Отдельным периодом истории белорусской государственности является Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское (ВКЛ), которое было мощной державой со своими политическими традициями и институтами, развитой системой права, культурными достижениями. Знаковой ролью ВКЛ обусловлена важность определения его места в исторической памяти белорусов, специфики восприятия данной эпохи разными группами населения, что и будет раскрыто в данной статье. В качестве основных источников использованы результаты мониторинга Института социологии

НАН Беларуси (далее – Институт социологии), реализованного в 2020–2025 гг. по заказу Белорусского института стратегических исследований.

К Великому Княжеству Литовскому население проявляет достаточно высокий интерес. В частности, 18 % опрошенных в 2022 г. белорусов назвали эпоху ВКЛ самой интересной в истории Беларуси. По данному основанию этот период занял третье место после Великой Отечественной войны (47 %) и первых десятилетий XXI века (21 %) (см. таблицу 1).

Таблица 1. Топ-5 наиболее интересных для белорусов аспектов в истории Беларуси, в % (опросы Института социологии)

Топ-5	2020	2021	2022
Великая Отечественная война	42	37	47
Первые десятилетия XXI века	19	20	21
Эпоха Великого Княжества Литовского	21	19	18
Перестройка (сер. 1980-х – нач. 1990-х гг.)	14	14	14
Период реформ 1990-х («лихие девяностые»)	15	16	13

Степень интереса к Княжеству зависит от уровня образования респондента, а также его возраста. Согласно опросу, проведенному в 2022 г., больше всего его проявляют люди с высшим образованием (25 %), в меньшей степени – с средним общим (16 %), средним специальным или профессионально-техническим (15 %). В разрезе поколений наименьший интерес к ВКЛ отмечен среди граждан старше 65 лет – 9 %. В других возрастных категориях он существенно выше: среди респондентов до 25 лет – 27 %, от 25 до 44 лет – 20 %, от 45 до 64 лет – 18 %. В этом контексте заметна работа ряда белорусских историков и общественно-политических деятелей, которые транслируют в массы знания по острым историческим темам, наполняя медиапространство актуальной и интересной фактурой, способствуя расширению представлений аудитории о прошлом нашей страны. Характерные примеры – сюжеты И. А. Марзалюка «Мифы про ВКЛ» (2024 г.) и В. Ф. Гигина «Беларусь или Литва? Кому принадлежит наследие ВКЛ?» (2025 г.) в рамках реализуемых ими информационных проектов «Настоящая история» («БелТА») и «Так показывает история» (телеканал «СТВ») [1; 2].

Возвращаясь к белорусскому общественному мнению, отметим, что социологи фиксируют рост оценок в отношении значимости периода ВКЛ для истории страны: с 19 % в 2021 г. до 26 % в 2025 г. «Подросла» и доля респондентов, назвавших создание Княжества главным историческим событием (с 17 до 19 % соответственно) (см. таблицу 2).

Таблица 2. Доля респондентов, выбравших ответы с позицией «ВКЛ», в % (опросы Института социологии)

Вопросы*	2021	2023	2025
Какие периоды истории Беларуси Вы считаете наиболее значимыми для белорусского народа?	19	22	26
Какие события Вы считаете главными в истории Беларуси?	17	16	19

* В данных вопросах в числе предложенных вариантов ответа – «Период Великого Княжества Литовского» и «Создание Великого Княжества Литовского» соответственно.

И в данном случае более сильную «приверженность» к ВКЛ выражают молодежь и люди с высшим образованием, что проявляется практически по всем показателям, где фигурирует этот этап истории. К примеру, в марте 2025 г. период ВКЛ обозначили самым важным в истории Беларуси 39 % респондентов в категории «18–24» и 38 % лиц с высшим образованием, но лишь 14 % граждан старше 65 лет. Аналогичная ситуация – в отношении создания Княжества и принятия Статутов ВКЛ в 1529, 1566 и 1588 гг. (см. таблицу 3).

Таблица 3. Оценки белорусов роли ВКЛ: в истории Беларуси в разрезе возрастов, в % (опрос Института социологии, март 2025 г.).

Категории респондентов	**Период ВКЛ – наиболее значимый в истории Беларуси**	**Создание ВКЛ – одно из главных событий в истории Беларуси**	**Принятие Статутов ВКЛ – одно из главных событий в истории Беларуси**
В целом по стране	26	19	11
До 25 лет	39	27	18
25–44 года	31	23	14
45–64 года	25	17	10
65 лет и старше	14	10	5
Высшее образование	38	26	18

Данные цифры хорошо соотносятся с другими исследованиями. Так, согласно опросу Института социологии, проведенному среди белорусской студенческой молодежи в конце 2017 – начале 2018 гг., 19 % студентов обозначили эпоху Великого княжества Литовского «золотым веком» отечественной истории (первое место среди предложенных вариантов ответа) [3, с. 55]. В ноябре 2018 – апреле 2019 гг. было проведено анкетирование среди 134 педагогов, в котором им предложили дать оценку самым значимым событиям истории Беларуси. В отношении ВКЛ зафиксировано 85 % положительных отзывов. Наиболее высоко оцениваются княжение Витова, значение Грюнвальдской битвы, книгопечатная и гуманистическая деятельность Ф. Скорины [4, с. 174].

Вместе с тем относительно небольшая доля опрошенных в марте 2025 г. выбрала Витовта (9 %) и Льва Сапегу (7 %) в качестве деятелей, внесших наибольший вклад в становление и развитие белорусской государственности. Грюнвальдскую битву как главное историческое событие назвали лишь 6 %. Статуты Великого Княжества Литовского в 2022 и 2024 гг. не попали в десятку предметов национальной гордости белорусов; их выбрали 12 и 14 % респондентов соответственно. При этом в данном случае общественное мнение не претерпело существенных изменений в сравнении с опубликованными ранее результатами, полученными в 2020–2021 гг. [5, с. 327].

Таким образом, социологические исследования доказывают, что в целом белорусы положительно оценивают время ВКЛ, считают его одним из самых важных в истории Беларуси. Молодежь чувствует его значимость, видя в нем проявление субъектности государства, подкрепленной как реальными успехами, так и нестандартными поворотами и сложными перипетиями взаимоотношений на геополитическом перекрестке Европы. Такая ситуация неизбежно влечет за собой тенденцию идеализации данного периода, сопряженную с повышением интереса к нему. В свою очередь «уход» в далекое прошлое позволяет абстрагироваться от накала политических страстей и рельефно ангажированных нарративов, которые сформированы, например, вокруг тематики СССР или Второй мировой войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Марзалюк, И.А. «Кто говорит, что мы что-то у кого-то украли, тот грешит безбожно!» Историк про наследие ВКЛ / И.А. Марзалюк // «БелТА». – 2024. – 17 ноября. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=AWxizvm_XWo (дата обращения: 10.09.2025).

2. Гигин, В.Ф. Беларусь или Литва? Кому принадлежит наследие ВКЛ? / В.Ф. Гигин // СТВ. – 2025. – 30 августа. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=bsGMgpfYtjk (дата обращения: 10.09.2025).

3. Историческая память белорусов в контексте реализации исторической политики Республики Беларусь / Белорусский институт стратегических исследований. – Минск : ИВЦ Минфина, 2022. – 173 с.

4. Панов, С.В. Историческая память как концепт школьного исторического образования в Республике Беларусь / С.В. Панов // Историческая память о Беларуси как фактор консолидации общества : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 26–27 сентября 2019 г. / НАН Беларуси ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : ООО «СУГАРТ», 2019. – С. 173–175.

5. Стариченок, В.В. Великое Княжество Литовское в исторической памяти белорусов (по материалам социологических опросов) / В.В. Стариченок // Социальное знание в современном обществе: проблемы, закономерности перспективы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 3-4 ноября 2022 г. / редкол.: Н.Л. Мысливец (гл. ред.) [и др.] ; Ин-т социологии НАН Беларуси. – Минск : Донарит, 2022. – С. 325–328.

УДК 101.1:316

ФУНКЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сташис В. О.
старший преподаватель кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Одной из ключевых характеристик человеческой деятельности является ее преобразующий характер. Подтверждение этого тезиса можно найти, обратившись к истории. Возникновение искусства, государства, права – все это выражает внутреннее стремление человека гармонизировать и упорядочить мир, благодаря чему в пространстве окружающей нас объективной действительности мы можем наблюдать результат работы человеческой мысли. Именно разум подсказывает путь по преобразованию реальных географических ландшафтов, благодаря чему в диалектическом единстве работы человеческого ума и тела рождается новый мир. В своем становлении этот мир полнится культурными артефактами, свидетельствующими об изменчивом характере человеческого духа. И для того, чтобы осмыслить свое прошлое, настоящее и будущее, человечество обращается к анализу феномена культуры, в эволюции которой запечатлены результаты его собственного духовного становления.

Безусловно, в артефактах и «ментифактах» (термин Дж. Хаксли, которым он обозначает «ментальные конструкции, формирующие основу культуры и выполняющие интеллектуальные, эстетические, духовные, этические и другие психологические функции» [1, p. 17]) определенные исторические процессы не только фиксируются, но и переосмысляются. Российский философ В. В. Миронов писал по этому поводу о том, что «в культуре соединяются противоположные тенденции:

стремление к фиксации ценностей и необходимость их цивилизационной адаптации к изменяющимся условиям бытия культуры» [2, с. 102]. Культура является местом транзита, формирующим генеалогические особенности интеллектуальной истории. Стоит заметить, что в культуре не только фиксируются ключевые тенденции общественных изменений, но также могут вызревать процессы, выступающие в качестве катализаторов этих самых изменений – в чем и выражается диалектическая роль феномена культуры.

Современная наука больше не может игнорировать нестабильный и нелинейный характер общественных процессов. По этой причине необходимо указать, что подходы к анализу современного общества и происходящих в нем культурных процессов не могут опираться на строго редукционистскую парадигму, предлагающую в целях эффективности рассматривать многообразие социальных отношений, ограничиваясь инструментарием исключительно политической, экономической, психологической либо иной общественной науки. Вне междисциплинарного дискурса в проблемное поле каждой из этих наук, рассматриваемой в отдельности, попадает лишь определенная часть социального мира. По этой причине, задаваясь при изучении общества целью получения объективного знания о реальности, необходимо учитывать как данные частных наук, так и эвристические методы социально-философских исследовательских программ, которые дают возможность объединить данные, полученные средствами междисциплинарных исследований, определить общий для них контекст. Специфика социальной философии как особой области знания и состоит в том, что она стремится обозначить собственную метапозицию как в отношении науки, так и в отношении социальной реальности.

В сферу исследовательских задач социальной философии входят как вопросы частной жизни (пространство повседневности, вера, романтическая любовь и др.), так и фундаментальные философские проблемы (онтология субъект-субъектной организации, нравственные императивы человеческой деятельности и пр.). Необходимо отметить, что вопросы природы социального и его «физической метафизики» (термин М. К. Мамардашвили [3, с. 9]) не могут быть решены, если игнорировать прагматику прикладных и вычислительных наук. Но в рамках актуального гуманитарного знания исследователи должны не только обращать внимание на эту сложность адекватного отображения социальной реальности, но также работать над ее преодолением через обращение к методологическим наработкам как прикладных (социология, конфликтология и др.), так и философских дисциплин.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Huxley, J. Guest Editorial: Evolution, Cultural and Biological / J. Huxley // Yearbook of Anthropology. – 1955. – P. 2–25.

2. Миронов, В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации / В.В. Миронов // Гуманитарий Юга России. – 2012. – №1. – С. 101–120.

3. Мамардашвили, М.К. Вильнюсские лекции по социальной философии. (опыт физической метафизики) / М.К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 320 с.

УДК 613.95:93 + 94.47 «1750-1917»

ИСТОРИЯ ГИГИЕНЫ ДЕТСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ XXI ВЕКА[1]

Степанов С. В.
заведующий научно-образовательным центром краеведческих исследований,
доцент кафедры истории России,
Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
кандидат филологических наук
г. Пушкин, Санкт-Петербург, Россия

В российской исторической науке первых десятилетий XXI века наметилось активно изучается направление историко-педагогических (история дошкольного и школьного образования), историко-медицинских исследований (история педиатрии), социальной истории (политика государства в отношении детей и подростков) – история гигиены детства.

Основателем этого научного направления стал в 1930-е гг. доктор медицинских наук Сергей Евгеньевич Советов [3, с. 111-112]. В дальнейшем проблемой истории гигиены детства занимались видные советские историки медицины из профессиональной среды на кафедре гигиены детей и подростков Московском медицинском институте (ныне Московский государственный медицинский университет им. М.И. Сеченова) – С.М. Громбах, В.Н. Кардашенко и другие. В советское время профессионалы-медики занялись историческими исследованиями занимались изучением вопроса в основном концентрируя свой интерес на истории школьной гигиены и санитарно-медицинского надзора. Завершающим трудом советской историографии по истории охраны материнства и младенчества является докторская диссертация ленинградско-петербургского исследователя Г.Л. Микиртичан, исследующая формирование и развитие педиатрической науки и форм лечебно-профилактической помощи детям с IX века до 80-х годов XX века [6].

С 1990-х г., когда отрылись в широкий доступ региональные архивы, началось плодотворно изучение региональных уровней исследовательского подхода (губернских, уездных и сельских) по истории детских медицинских и санитарно-курортных учреждений, истории повседневной (бытовой) санитарии и гигиены различных социальных групп.

Кандидат исторических наук О.Е. Думенко изучила законодательную базу детства в Российской империи в XVIII-первой половине XIX вв. В статье она проанализировала российское законодательство начиная с указов Петра I до 3-го издания «Свода законов Российской империи» эпохи Николая I. Отмечается двусмысленность трактовки понятия «дети», ею прослежена эволюция понятия «совершеннолетний возраст» в законодательстве [2].

Проблемы детской смерти на протяжении десятка лет изучает доктор медицинских наук Г.Л. Микиртичан, которая проследила причины и меры государства и общества по предупреждению детской смертности в XVIII [7].

Историю социальной политики в отношении незаконнорожденных новорожденных около 30 лет петербургский историк, кандидат исторических наук

[1] Исследование выполнено при поддержке Грант РНФ № 22-18-00421-П «Гигиена детства в Санкт-Петербурге и Петербургской губернии в середине XVIII – начале XX в.», руководитель В.А. Веременко, 2025-2026).

Т.Г. Фруменкова выявившая в XVIII в. примеры провинциальных инициатив призрения незаконрожденых детей и бытовых условий их содержания, среди них были: канцелярист М.Д. Остафьев из Юрьевца (1766), коллежский асессор А.А. Кушников из Чебоксар (1768), каргапольский купец И.А. Марков (1768), священник П. Панкратьев из Тихвина (1773). Их благотворительная деятельность, однако, оказалась не слишком успешной. «Провинциалы <...> искренне ожидали такой, как и в столицах, помощи от государства, и, прежде всего, сооружения за казенный счет помещений для сирот, – пишет исследовательница. – Но всем им велено было рассчитывать только на собственные силы. Стремления к благотворительной работе небогатых людей, по преимуществу представителей средних слоев, остались невостребованными <…>» [8, с. 276].

На северо-западе России истории социальной поддержке детства посвящены работы кандидата педагогических наук М.А. Брутовой. В своей диссертации и публикациях она изучила вопросы государственной и общественной поддержке сирот в Архангельской губернии в XVIII-XIX вв. На историческом материале ее определены 2 способ социализации сирот: 1) инновационная (учрежденческая) в воспитательных домах, приютах и т.д. 2) традиционная (семейная) – определение ребенка в приемную семью или определение опекуна [1].

Положение сироты существенно отличалось в губернском городе и уездных городах и местностях, так в губернском открывались благотворительные учреждения, в уездной части строилось на патриархальных позициях, характерных для Русского Севера, ребенка брали его родственники на воспитание, здесь не было бездомных и брошенных детей.

Охрана материнства и детства в дореволюционной России стала одной из популярнейших тем в истории детства. Земские аспекты санитарно-гигиенической помощи прослежены на материалах Саратовской губернии в статье Киценко О.С. и Киценко Р.Н. Согласно их выводам на охрану здоровья матери и ребенка была направлена земско-медицинская работа по организации квалифицированной акушерской помощи, создание яслей-приютов, профилактике острых детских инфекций, поддержке грудного вскармливания, профилактике сиротства. При большом вкладе человеческого и финансового капитала ряд земских медико-социальных программ (организация акушерских пунктов, яслей-приютов) оказались неэффективными. Более значительных успехов удалось добиться в деле профилактики острых детских инфекций, медицинского обеспечения учеников земских школ и детей-сирот [4].

На рубеже XIX-XX вв. в губерниях стали распространятся благотворительные учреждения для детей, особенно в Санкт-Петербургской (224), Московской (170), в других их количество варьировалось в пределах 20-30 организаций. Проблеме изучения форм благотворительности посвящена работа Г.Л. Микиртичан, Р.В. Суворовой [5, с. 58]. Помощь нуждающимся детям в России в XIX – начале XX века оказывалась специальными благотворительными учреждениями, правительственными, земскими, городскими и сословными учреждениями, а также частными лицами.

В настоящее время исследователи активно изучают проблему детской смертности и способы ее преодоления в Российской империи (смертность до 1 года жизни около 40 % смертей в России) в различных регионах. История благотворительных учреждений является одной из актуальных и востребованных тем профессионального сообщества. Второй темой остается история сиротства и попечения государства – Воспитательные дома и другие благотворительные учреждения. Охрана материнства и

детства – направление исследований изучения земской медицины, организация акушерско-гинекологической помощи обладает большим историческим материалом на губернском и земских уровнях.

Санитарно-гигиеническое состояние дома и общественных и государственных учреждений и повседневная жизнь детей – актуальные и востребованные темы исследования историков медицины, историков образования и социальной истории современной России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Брутова, М.А Социально – педагогическая поддержка детства в Архангельской губернии в XVIII – XIX веках / М.А. Брутова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2014. – № 4. – С. 157-163.

2. Думенко, О.Е. Детство в законодательстве Российской империи дореформенного периода / О.Е. Думенко // Закон и право. – 2013. – № 10. – С. 146-149.

3. Зайцева, С.В. Историк гигиены детства в России доктор медицинских наук, профессор С.Е. Советов (1896-1965): биография, взгляды, идеи / Зайцкева С.В. Степанов С.В. // Страна – наука – люди: к 300-летию Российской академии наук: материалы всеросс. науч. конф., 20 октября 2023 г. / отв. ред. В.А. Временко. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2023. – С.111-115.

4. Киценко, О.С. Вопросы охраны материнства и детства в земской врачебной практике конца XIX – начала XX в.: (на материалах Саратовской губернии) / Киценко О.С., Киценко Р.Н. // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 1. – С. 94 – 103.

5. Микиртичан, Г.Л. Общественная и благотворительная помощь детям в России (XIX – начало XX века) = Social and charity care for children in Russia (XIX and early XX century) / Микиртичан Г.Л., Суворова Р.В. // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – 2002. – №1. – С. 58-60.

6. Микиртичан, Г.Л. Основные этапы и направления развития отечественной педиатрической науки и практики : автореферат диссертации на соискание ученой степени д.м.н. : специальность 14.00.33 : специальность 07.00.10 / Г.Л. Микиртичан. – Москва, 1991. – 52, [1] с.

7. Микиртичан, Г.Л. Исследования смертности детей в России XVIII века / Г.Л. Микиртичан // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2013. – № 6. – С. 42-47.

8. Фруменкова, Т.Г. Воспитательные дома и начало светской благотворительности и общественного призрения в России в царствование Екатерины II / Т.Г. Фруменкова // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования.- СПб., 2002. – С. 272-284.

УДК 364.142

ВЛИЯНИЕ ПРОЦЕССОВ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА ЖИЗНЬ МОЛОДЁЖИ В СФЕРАХ СЕМЬИ, ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ

Столяров Д. В.
научный сотрудник,
Институт философии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Глобализационное общество неизбежно вносит свои коррективы в молодёжную политику. На сегодняшний день можно говорить о как минимум двух сторонах данного вопроса. В первую очередь процессы глобализации ускоряют информационные потоки, позволяют в кратчайшее время получить информацию. Во вторую – делают их более

обильными и разнообразными. Второй аспект имеет как позитивный подтекст, обеспечивая широкий выбор данных для потребителя, так и создаёт некоторые риски, характеризующиеся самым разным качеством поступаемой информации. Как правило, именно молодёжная аудитория, ниболее широко представленная в качестве потребителей интернет-контента, в первую очередь сталкивается с негативным влиянием такового.

Чаще всего, в ходе информационного воздействия, подвергаются риску такие сферы жизни молодых людей как семья и здоровье. Они органично свзяны между собой, что во многом повышает их значимость. Именно на раннем этапе сознательной жизни важно сформировать мировоззренческую позицию, основанную на рациональности, полезности и справедливости, что позволит критично воспринимать информацию и продуктивно выстроить жизненную стратегию. Таким образом, роль образования в глобализационном обществе существенно возрастает.

В следствие развития транспорта, появления новых способов сообщения и связи произошло объединение человечества. Тем не менее, эти же обстоятельства привели и к обострению отношений межну определёнными национальными культурами. Неподготовленнойсть людей к компромиссному и равноправному диалогу стала причиной возникновения ряда коммуникационных проблем [1, с. 164].

В более ранние периоды и моральные и правовые регуляторы в своей работе опирались на строго обозначенные черты личности как субъекта свободного морального волеизъявления. Поступки личности носят обоснованный характер и она несёт персональную ответственность за них. Трансформация понимания сути субъекта оказала влияние на становление культуры мазаичного плана, а указанный подход постепенно сдал позиции [2, с. 80]. Пространство культуры постмодернового характера не только лишено центра, оно программно ацентрично. В этом контексте развивается и идея микшированности культуры, свойственная всем постмодернистским течениям [2, с. 42].

Семья, здравоохранение и образование – ключевые направления, государственной деятельности в работе с молодёжью. Рассматривая категорию семьи в современном обществе можно отметить назревающую проблемную ситуацию в Беларуси. Прослеживается тенденция падения авторитета семьи. Удовлетворение потребностей сексуального характера и создание семьи всё более строго разграничивается у молодого поколения. Многие люди просто не видят смысла в создании семьи [3, с. 16].

Это говорит о пробелах в процессе формирования у молодёжи ценности данного института. С одной стороны, современный мир дал человеку очень многое в плане материально-технического оснащения, что существенно снизило роль семьи для оптимизации ведения хозяйства. С другой стороны, система образования не смогла в полной мере объяснить молодёжи важность воспитательной и образовательной функций, которые несёт в себе семья. Здесь необходимо подчеркнуть, что данные функции ничуть не взаимозаменяются при их осуществлении социальными институтами вроде детских садов, школ и т. д. Напротив, семейное образование и воспитание должно органично дополняться и взаимодействовать с другими подходами и стратегиями, практикуемыми в детских садах и школах. Только в этом случае мы обеспечим разносторонннее развитие молодых людей.

Рождаемость в Беларуси стала падать ещё в советский период 70-х годов. Это было связано с ослаблением института семьи и повышением смертности мужчин. Неактуальные стереотипные представления негативно воздействуя на молодёжь утвердили среди мужского населения рискованную и, во многих случаях, даже

девиантную поведенческую стратегию. Этот проблемный вопрос поднимался в 1970-м году демографом Б. Ц. Урланисом. В 80-х данная тема продолжила развитие, и исследователи сформулировали ряд показателей кризиса наличного образа мужественности. Он характеризуется низкой продолжительностью жизни и качеством здоровья в следствие самодеструктивного поведения. В рамках данного дискурса мужчины – жертвы, которых никак нельзя назвать активными и самостоятельно осуществляющими действия агентами. Проблемный период 90-х лишь обострил и усугубил сложившуюся ситуацию. На сегодняшний день Республика Беларусь продолжает переживать его негативные последствия [4, с. 433].

В современных институтах образования по-прежнему прослеживается проблема, когда количество учителей-мужчин, постоянно снижается. Это порождает кризис ролевых моделей для молодёжи как мужского, так и женского пола. Такая ситуация порождает проблемы в социализации молодёжи. Это выражается в том, что молодого человека постоянно в процессе образования и воспитания окружают люди преимущественно женского пола, что провоцирует однобокое развитие. Ситуация усугубляется постоянно возростающим количеством неполных семей в результате чего значительная часть молодёжи не получает разностороннего воспитания ни в семье, ни в учреждениях образования [5, с. 84].

Несмотря на сложившиеся проблемные ситуации в Беларуси осуществляется и определённая работа по их преодолению. В рамках государственной молодёжной политики уделяется внимание формированию культуры здорового образа жизни у населения. Происходит совершенствование медицинских технологий, сопособствующих выявлению и лечению наиболее распространённых заболеваний на их ранних стадиях. Существенное значение имеет и работа по обоспечению безопасного труда на тяжелых и вредных производствах. Также осуществляется пропаганда здорового образа жизни, направленная прежде всего на борьбу с наиболее распространёнными вредными привычками – алкоголизмом и табакокурением [6, с. 78].

Если говорить про обыденное употребление алкоголя, не связанное с алкоголизмом как заболеванием, то весьма интересное исследование на эту тему было проведено в 2011–2013 году среди учащейся молодёжи. Например, еженедельно употребляют алкоголь 10% юношей и лишь 4,7% девушек. Мотивы употребления, которые были выяснены в ходе приведённого исследования любопытны. Они включают в себя такие объяснения как: «расслабиться», «забыть неприятности», «поднять настроение», «обеспечить общение с лицами противоположного пола». Исследование показало, что в сознании молодых людей употребление алкоголя отождествляется с самостоятельностью, красивой жизнью и престижным положением. Именно эти характеристики являются одними из ключевых факторов успешности человека в рамках стеротипных представлений о мужественности, сформировавшихся в 90-е. Можно предположить, что на злоупотребление алкоголем молодых людей подталкивает именно продолжающееся влияние неактуальных установок 90-х, связывающих мужественность с агрессивностью и демонстративным сверхпотерблением. Негативную роль оказывает и неуверенность в своих силах, ощущения уязвимости и депрессии, вызванное подсознательным пониманием невозможности достижения идеализированной стеротипной мужественности в её социально приемлемой форме [7, с. 127, 129]. С табакокурением ситуация примерно схожая. Согласно результатам приведенного исследования среди изученной группы студентов курили 40,2% юношей и 26,2% девушек. Как видно, разница в гендерном

соотношении составляет 14%, что является достаточно существенным показателем [7, с. 131].

Максимальные различия в смертности обоих полов в среднем проявляются в виде двух пиков: у молодых людей и мужчин в возрасте около 60 лет. Юноши чаще всего погибают вследствие насильственной смерти и несчастных случаев [8, с. 18]. Можно предположить, что такие данные во многом обусловлены доминирующими стереотипами. Они требуют от юноши активности и напористости, что в конечном итоге и заканчивается рискованным поведением, сопряжённым с риском смерти от насильственных действий или от несчастного случая.

Из-за влияния неактуальных стереотипных представлений о мужчинах и женщинах, а также возникающими из-за этого двойными стандартами не удивительно, что часто молодёжь ведёт себя либо откровенно девиантно, либо впадает в состояние инфантильности. Последнее зачастую происходит потому, что человек в процессе взросления так и не встретил ни одной социальной роли, которая показалась бы ему привлекательной и одновременно достижимой [9, с. 2, 32].

Таким образом, Беларуси, находящейся на переходном этапе, важно активизировать дальнейшие действия по внедрению прежде всего в воспитательные и образовательные процессы экономически рациональной и социально справедливой концепции равенства полов, отвечающей современным реалиям. Образовательная и воспитательная сферы особо важны, поскольку формируют мировоззрение будущих поколений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мушинский, Н.И. Гендерная проблематика в контексте постмодерна: история и современность / Н.И. Мушинский // XXI век : актуальные проблемы исторической науки : материалы Междунар. науч. конф., посвящ., 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апр. 2004 г. / БГУ ; редкол.: В.Н. Сидорцов. (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2004. – С. 164–166.

2. Можейко, М.А. От постмодернизма к пост-постмодернизму: современные социокультурные трансформации и новейшие тенденции философии / М.А. Можейко // Философские исследования : сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Институт философии ; редколл.: Т.И. Адуло (глав. ред.) [и др.]. – Минск, «Беларуская навука», 2014. – С. 59–70.

3. Котляров, И.В. Традиционные ценности как основа развития белорусского общества: социологический анализ / И.В. Котляров // Духовно-нравственное воспитание на основе отечественных культурно-исторических и религиозных традиций и ценностей : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Жировичи, 27 мая 2010 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, Белорус. Экзархат Моск. Патриархата Рус. Правосл. Церкви ; ред. совет: М.В. Мясникович (глав. ред.) [и др.]. – Минск : Беларус. навука, 2010. – С. 13–18.

4. Голод, С.И. Российские сексуальные стандарты / С.И. Голод // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3. – №2. – С. 139–153.

5. Зальцман, М. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин / М. Зальцман, А. Мататия, Э. О'Райли. – СПб. : Питер, 2008. – 352 с.

6. Шахотько, Л.П. Демографические проблемы Республики Беларусь и пути их решения / Л.П. Шахотько // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз. – 2011. – № 4. – С. 73–85.

7. Молодёжь в зоне риска: социально-культурные основы профилактики пьянства и алкоголизма / под. ред. О.А. Павловской ; Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск. «Беларуская навука», 2015. – 429 с.

8. Сидорская, И.В. Гендер и СМИ: учеб. пособие. / И.В. Сидорская, А. Раду. – Минск : РИВШ, 2014. – 134 с.

9. Поллак, У. Настоящие мальчики / У. Поллак ; пер. с англ. – Ресурс, 2013. – 500 с.

УДК 94(470.57)

ЖЕНСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОЗДАНИЕ, ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В 1990–2000-Х ГОДАХ[1]

Сулейманова Р. Н.
заведующий отделом новейшей истории Башкортостана,
Институт истории, языка и литературы,
Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
г. Уфа, Россия

В Республике Башкортостан в 1990-х годах появление в общественно-политической жизни самодеятельных организаций женщин указывало на активизацию женского фактора. Наряду с действовавшими, в основном это были женсоветы, стали возникать новые: клубы, союзы, общества, ассоциации и даже партия, заявившие о себе непосредственным участием в происходивших политических и социально-экономических событиях в республике [3, с. 195]. Они оказывали серьезное влияние на социальную активность женщин, являвшихся одной из крупных социально-демографических групп в населении, в значительной мере определявших ее трудовой и интеллектуальный потенциал. Принимая участие на волне перестроечных процессов в кампаниях, выборах и референдумах, женские организации показали достаточно высокую активность и подготовленность к участию в них для разработки, принятия и реализации решений на государственном уровне, направленных на поддержку и защиту женщины, ребенка и семьи.

В Башкортостане в 1990-х – начале 2000-х годов стали возникать национальные организации женщин. Первым среди них было общество башкирских женщин (ОБЖ), которое образовалось на учредительном съезде в ноябре 1990 года. Цель его создания заключалась в «содействии решений социальных проблем женщин и общества в целом, консолидации женщин в борьбе с негативными явлениями в жизни для обновления общества», определенное в постановлении съезда (1, с. 227). Затем возникли Союз украинок Республики Башкортостан «Берегиня», общественная организация татарских женщин «Сахибжамал», объединение русских женщин «Надежда». В центр своей деятельности они ставили интересы женщин этих народов. В дальнейшем появились женские организации, отличавшиеся по профессиональному и другим признакам: неправительственная организация «Женская инициатива», организация женщин Всероссийского общества слепых в РБ, Дом солдатских матерей, республиканский центр социально-психологической помощи семье, детям, молодежи, центр правовой защиты и гендерных исследований и др. [4, с. 4; 2, с. 22]. Осенью 2019 г. в число женских организаций влилась новая организация – Аграрный союз женщин Республики Башкортостан [4].

Для объединения усилий всех действовавших в республике женских организаций был избран республиканский женсовет при создании Башкирской республиканской организации женщин в апреле 1987 года на учредительной конференции [1, с. 212–213]. При разработке основных направлений деятельности в изменившихся новых условиях в числе стратегических задач, указанных в уставе организации, были обозначены, наряду с активизацией общественно-политической деятельности,

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 25-28-00153, https://rscf.ru/project/25-28-00153/

внимание выполнению женщинами материнских и семейных обязанностей, помощь и поддержка в разрешении возникавших вопросов семьям, особенно многодетным и малообеспеченным, широкое участие в нравственном воспитании подрастающего поколения в рамках выполнения целевой программы «Женщины Республики Башкортостана» [6, с. 6].

В республике в этот период действовало свыше 2 тыс. женсоветов, деятельность которых в значительной мере претерпела заметных перемен. Перед ними вставала необходимость пересмотра приоритетных направлений деятельности, определения новых задач и путей их реализации, что было записано в «Положении о советах женщин (женсоветах)». В то же время сохранили свою актуальность основные задачи женсоветов: решение семейно-бытовых проблем, соблюдение законов о труде женщин, проведение среди женского населения культурно-просветительной работы, вовлечение их в общественную жизнь.

Немало организационных преобразований пережил республиканский женсовет, перемен в названии, в уставе. Он получил статус юридического лица, свой расчетный счет в банке и печать, что указывало на расширение поля деятельности и материально-финансовых возможностей для решения организационных и социальных вопросов. В его составе действовало 70 городских и районных женсоветов, 1265 сельских и 726 женских советов, созданных на предприятиях, организациях и учреждениях [4, с. 12]. Последовало внесение изменений в «Положение о советах женщин (женсоветах)» [1, с. 214]. Наряду с содействием успешному выполнению женщинами материнских и семейных обязанностей, заботы по укреплению семьи, были добавлены новые задачи, которые заключались в оказании помощи молодоженам, семьям погибших при исполнении интернационального, гражданского и служебного долга, участницам и инвалидам Великой Отечественной войны, одиноким матерям и престарелым, проведение шефства над детскими домами и трудными подростками, работе с неблагополучными семьями. Все эти нововведения отражались на функционировании и проведении работы среди женского населения, решении определенных в уставе задач.

Опираясь на проведенный анализ итогов деятельности женских организаций в республике, можно отметить заинтересованность и активное участие в работе довольно значительного числа женщин, что оказывало определенную помощь местным органам и ответственным структурам в осуществлении поставленных задач и реализации принятых решений, волнующих, прежде всего, самих женщин. Это показывает, что на женские организации продолжало возлагаться выполнение тех задач, которыми органы власти на местах не могли или не хотели обременять себя, их усилиями пытались закрывать «бреши» во многих социальных проблемах. Зачастую их действиями и усилиями решались и решаются многие производственные, социально-бытовые и иные проблемы, или же на них акцентируется внимание ответственных органов и лиц для принятия соответствующих мер. В тоже время, как отражено в отчетах, ими использовались традиционные формы и способы проведения работы, доказавшие не раз свою эффективность – созыв собраний, конференций, съездов, привлечение СМИ, прежде всего, газет, обращение не только к местным, но и к вышестоящим органам власти, депутатам, руководителям ведомств, предприятий и учреждений и др. В числе основных в деятельности женских организаций продолжало традиционно оставаться благотворительное направление, что подтверждают сведения ежегодных отчетов о деятельности.

Таким образом, проведенное исследование становления в 1990–2000-х годах женских самодеятельных организаций и деятельности в Республике Башкортостан позволило получить научные результаты и прийти к следующему выводу: женские организации накопили определенный опыт в принятии мер по поддержке женщины, ребенка и семьи. Для проведения работы они практиковали проверенные временем традиционные формы и способы, что позволяло им не только приступать к решению поставленных задач, но также несколько расширять поле деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Женское движение в Башкортостане, 1941–2000 : сборник документов и материалов / РАН, Уфимский научный центр, Институт истории, языка и литературы ; сост.: Р.Н. Сулейманова, Ш.Н. Исянгулов ; редкол..: Р.Н. Сулейманова (отв. ред.) [и др.]. – Уфа : Гилем, 2009. – 299 с.

2. Информационный вестник Союза женщин Республики Башкортостан. – 1997. – № 3. – 27 с.

3. История Башкортостана. 1917 – 1990-е годы : в 2 т. / Института истории, языка и литературы УНЦ РАН – Уфа : Гилем, 2005. – Т.2. 1945–1990 / отв. ред. Р.Н. Сулейманова. – 313 с.

4. От форума к форуму. Хронология событий. Материалы. ; сост. Г.И. Шенбергер – Уфа: Б.и., 2003. – 15 с.

5. Республика Башкортостан. – 2019. – 16 октября.

6. Республиканская целевая программа «Женины Башкортостана» на 1999 – 2002 годы. – Уфа : Союз женщин РБ, 1999. – 15 с.

УДК 316.455

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Сухотский Н. Н.
заместитель директора по научной и инновационной работе,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Историческая память о Великой Отечественной войне выступает стратегическим, перспективным духовным ресурсом формирования и развития белорусской национальной идентичности, консолидирующим фактором для граждан республики на протяжении нескольких поколений, напоминая о ценностях мира, независимости и суверенитета страны. Прошедшая война коснулась каждой семьи, погиб каждый третий белорус, в отношении белорусского народа нацистскими преступниками совершен геноцид, нанесен колоссальный ущерб народному хозяйству Беларуси. Сохранение знаний об этих событиях формирует у разных поколений жителей республики чувство принадлежности к белорусскому народу, укрепляет национальную идентичность, формирует понимание основных направлений реализации государственной политики в сфере истории и культуры.

Анализ оценки ключевых событий национальной истории свидетельствует: переломным событием, определившим ход истории советского периода, являются в сознании наших сограждан Великая Отечественная война (1941–1945 гг.) и

одержанная в ней героическая Победа советского и белорусского народов. В ходе опросов, проводившихся Институтом социологии НАН Беларуси по заказу БИСИ, в 2023–2025 гг., респондентам предлагалось указать, о каких событиях, периодах из истории Беларуси XX–XXI вв. им хотелось бы узнать больше. Данные, полученные в 2025 году, говорят о том, что наибольший интерес у опрошенных граждан, в том числе молодежи, вызывают два события: Великая Отечественная война, а также распад СССР и обретение Беларусью статуса независимого государства. При этом, Великая Отечественная война – это единственный период в истории, уровень интереса респондентов к которому, повышался на протяжении всех лет наблюдений: 20 % – в 2023 г., 24 % – в 2024 г. и 26 % – в 2025 г.

В то же время налицо факты искажения исторической правды и памяти о Великой Победе, которые наблюдаются в ряде стран Запада. Так, результаты отдельных зарубежных социологических исследований показывают общественное мнение населения, в котором доминирующей является точка зрения, что именно их страны практически единолично победили во Второй Мировой войне. При этом роль СССР заметно принижается, а многие иностранные граждане в первую очередь из числа молодежи, вообще не имеют представления о данных исторических событиях. В этой связи для нас сохранение исторической памяти является одним из важнейших направлений политики государства в сфере идеологии, охраны историко-культурного наследия. Это позволяет формировать механизм преемственности в общественном сознании знаковых исторических событий и персоналий [1, с. 5].

Сегодня в условиях международной политической напряженности и активизации противостояния между геополитическими субъектами в информационной среде, тема сохранения исторической правды о Великой Отечественной войне приобретает особую актуальность для процессов укрепления национальной идентичности. Социологические данные убедительно свидетельствуют, что социальная значимость и духовная ценность исторической памяти о Великой Победе для современной генерации белорусской молодежи весьма значительна. Великая Отечественная война – символ мужества и победы, занимающий центральное место в историческом сознании молодых белорусов. Обращение к исторической памяти помогает молодежи осмыслить свое место в истории, почувствовать преемственность поколений и сопричастность национальным ценностям, формируя основу их гражданской позиции и национальной самоидентификации.

В преддверии 80-ой годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне Институтом социологии НАН Беларуси в апреле 2025 г. было проведено социологическое исследование на тему исторической памяти белорусского народа (в республиканском телефонном опросе принял участие 901 респондент из всех регионов Беларуси).

Несмотря на глобальные процессы цифровизации и культурной гибридизации, белорусское общество и сама молодежь, сохраняет высокий уровень уважения к подвигу своих предков в годы Великой Отечественной войны. Согласно исследованию Института социологии НАН Беларуси, абсолютное большинство опрошенных (90%) считают Великую Отечественную войну одним из важнейших событий в истории страны. Особенно примечательно, что среди молодежи этот показатель составляет 98%, что значительно выше, чем среди представителей среднего возраста (89%). Социологические данные фиксируют, что практически для всех белорусских граждан важно знать историю своей страны. Эти результаты свидетельствуют о глубокой укорененности патриотических установок в молодежной среде во многом благодаря

реализации системной, последовательной государственной политики по гражданско-патриотическому воспитанию населения Беларуси, в первую очередь, молодого поколения.

Политико-правовые основы сохранения, трансляции и передачи исторической памяти находят отражения в таких основополагающих нормативно-правовых актах как Конституция Республики Беларусь, Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь, Концепция информационной безопасности, Военной доктрине Республики Беларусь, Законе о геноциде белорусского народа, Директиве Президента Республики Беларусь «О реализации основ идеологии белорусского государства» № 12, «Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг.».

В Статье 15 Конституции Республики Беларусь подчеркивается «государство обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» [2]. В Статье 54 определено, что «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом каждого гражданина Республики Беларусь». Кроме того, в Статье 4 делается акцент, на том, что «демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства». В преамбуле сделан акцент на сохранении государственного суверенитета, национальной самобытности нашего народа, его многовековой истории, культурных и духовных традиций, утверждении устоев правового государства и социально справедливого общества». Значимость исторической политики белорусского государства подчеркивается поддержкой на всенародном референдуме проекта обновленной Конституции Республики Беларусь.

Закон Республики Беларусь № 146-З «О геноциде белорусского народа» закрепил правовые основы для расследования преступлений, совершенных в годы войны на нашей земле, и увековечения памяти жертв геноцида. Это решение стало адекватным ответом на попытки пересмотра итогов Второй Мировой войны и уменьшения вклада советского народа, и как его составной части – белорусского народа, в разгром нацизма.

Особое место тема сохранения исторической памяти занимает в Директиве № 12, одной из задач реализации которой является стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей. Цементирующей основой современного белорусского общества выступает память о всенародном сопротивлении нацизму и героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Среди задач идеологической работы, очерченных Директивой, в контексте укрепления и обеспечения преемственности исторической памяти необходимо выделить:

• «воспитание патриотизма, в том числе, как готовности каждого гражданина защищать интересы государства, его конституционный строй и территориальную целостность;

• упрочнение национально-государственной идентичности, сохранение самобытности и обеспечение преемственного развития;

• стимулирование активного участия граждан в сохранении исторической памяти и национальных ценностей» [3].

Великая Отечественная война остается ключевым компонентом исторической памяти и прочной основой национального самосознания белорусской молодежи.

Социальная значимость данного исторического события состоит в формировании патриотических убеждений, развитии устойчивости к внешнему информационному давлению и воспитании чувства ответственности за будущее страны. Память о Победе объединяет поколения, укрепляет гражданскую солидарность и служит нравственным ориентиром в условиях современных вызовов. Для белорусской молодежи это не просто страница истории, а живой источник идентичности и гражданской активности. Приняв данную память как личную ценность, молодое поколение становится ее осознанным хранителем и продолжателем.

Консолидация белорусского общества и укрепление государственности возможно только при условии, когда для молодых белорусов память о Великой Победе является духовным и нравственным ориентиром, символом героизма, единства и самоотверженности, актуальным в контексте современных вызовов – информационных войн, подрыва традиционных ценностей и попыток фальсификации истории. Именно поэтому укрепление идентичности на основе исторической памяти приобретает особое значение как в культурной, так и в геополитической перспективе. Возникающее на почве исторической памяти коллективное переживание общей судьбы играет ключевую роль в формировании этносов, гражданских наций, государств [4, с. 17].

В этой связи дальнейшее социологическое осмысление динамики восприятия современной белорусской молодежью событий Великой Отечественной войны, выявление ключевых каналов формирования их исторических представлений, ценностных ориентаций и отношения к героическому прошлому страны является не просто актуальной научной задачей, но и насущной потребностью государственной политики в условиях защиты собственного прошлого ради устойчивого будущего. Понимание того, как именно молодые граждане видят и чувствуют эту важнейшую страницу нашей истории, какие аспекты вызывают у них наибольший отклик, в свою очередь, какие моменты требуют дополнительного разъяснения и акцентирования, позволяет более эффективно выстраивать систему патриотического воспитания, совершенствовать образовательные программы, идеологическую и информационно-просветительскую работу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Историческая память белорусов в контексте реализации исторической политики Республики Беларусь / С.М. Алейникова [и др.] ; Белорусский институт стратегических исследований. – Минск : ИВЦ Минфина, 2022. – С. 173.

2. Конституция Республики Беларусь // Президент Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution (дата обращения: 03.02.2025).

3. Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – URL: https://president.gov.by/ru/documents/direktiva-no-12-ot-9-aprela-2025-g (дата обращения: 09.09.2025).

4. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / ФНИСЦ РАН, Институт социологии. Под ред. М.К. Горшкова. Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. – С. 248.

УДК 316.334+316.444

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА: ОПЫТ ЯПОНИИ

Сычков А. В.
младший научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

Современный мир тяжело представить без информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые прочно вошли в нашу повседневную жизнь. Процесс цифровизации, с одной стороны, открывает возможности для экономического роста, социального прогресса и повышения качества жизни населения, с другой – заключает в себе серьезные риски. Например, ИКТ должны служить инструментами создания приемлемой конфигурации общественных отношений, в центре которой – человек (пользователь), однако существует значительная естественная асимметрия между теми, кто использует цифровые технологии; теми, кто в состоянии выбирать способы внедрения цифровых технологий; и теми, кто обладает властью над цифровыми технологиями. Следовательно, изучение причин и форм данной асимметрии – цифрового неравенства, особенно в технологически развитых странах (например Японии), критически важно для создания более инклюзивных и стабильных обществ по всему миру.

В соответствии с докладом «Проблема цифрового неравенства» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), цифровой разрыв – это разрыв между отдельными лицами, домашними хозяйствами, организациями и географическими регионами, находящимися в разном социально-экономическом положении с точки зрения их возможностей доступа к информационно-коммуникационным технологиям и сети Интернет [1, p. 5]. Данное определение ограничивается лишь социально-экономическими аспектами доступа к цифровым технологиям – первым уровнем цифрового неравенства.

Следующий уровень цифрового неравенства, который в значительной степени расширяет предметное поле первого уровня, включает в себя навыки и компетенций населения в сфере ИКТ. Третий уровень цифрового разрыва включает в себя непосредственное поведение человека (в первую очередь – его мотивацию) и то, насколько эффективно человек использует преимущества ИКТ. Таким образом, цифровое неравенство – это проблема асимметрии распределения цифровых ценностей, включающих в себя технологии, навыки и поведенческие стратегии – ценные активы, которые с течением времени становятся одними из центральных факторов социальной стратификации.

Япония не стала исключением и сталкивается с проблемой цифрового разрыва во всех сферах общественных отношений на протяжении последних десятилетий. В 2024 г. коэффициент Джини составил 0,54, что говорит об относительно низком показателе неравенства в распределении доходов населения (социоэкономический фактор цифрового разрыва) и системного неравенства в целом [2, p. 30].

Согласно данным Международного союза электросвязи (МСЭ), 84,9 % населения активно используют сеть Интернет; 96,6 % жителей Японии охвачены высокоскоростным соединением 4G [3, p. 25]. Затраты на мобильный интернет составляют 1,4 % от ВНД на душу населения, на широкополосный фиксированный

интернет (проводное или беспроводное подключение к сети Интернет со скоростью загрузки не менее 50-60 Мбит/с) – 1,0 % от ВНД на душу населения [3, p. 25].

В начале 1980-х гг. японский социолог Е. Масуда выделил следующие особенности информационного общества (Общества 4.0): (1) развитие компьютерных технологий, (2) массовое производство когнитивной и системной информации и (3) создание высокоинтегративной (органической) системы социальных связей [4]. Однако совершенствование ИКТ и трансформация социальных взаимодействий привели к созданию обновленной концепции. Общество 5.0 – инициатива правительства Японии, способствующая достижению людьми предпочитаемого ими образа жизни и сочетающей адаптивность политики, объединение социального потенциала при помощи цифровых технологий, государственного финансирования исследований и инноваций, а также децентрализации процесса принятия решений (полицентричности) [5]. Данный проект не ограничивается внедрением инновационных технологий в производство – авторы концепции настаивают на полной трансформации общественных отношений, объединении виртуального мира и реального путем широкого набора механизмов и стратегий.

Одной из особенностей социально-экономического ландшафта Японии является высокий уровень развития государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, например, концепция Общества 5.0 разработана при активной поддержке Федерации бизнеса Японии – Кэйданрен, общее руководство которой осуществляют руководители, или топ-менеджеры, крупнейших корпораций страны (нередко объединенные в конгломераты – кэйрацу).

Цифровое неравенство, в региональном измерении, выражается, например, в скорости интернет-соединения. Так, по данным исследования Ookla Research, скорость интернета в различных административно-территориальных единицах различается: префектура Сайтама продемонстрировала самую высокую медианную скорость широкополосного фиксированного интернета среди регионов Японии – 239,2 Мбит/с, в то время как префектура Окинава показала самую низкую медианную скорость широкополосного фиксированного интернета – 85,82 Мбит/с [6]. Это связано с тем, что Япония – островное государство с преимущественно горным рельефом (более 70 % территории), и проведение качественного высокоскоростного интернета в наиболее отдаленные регионы экономически невыгодно.

Значительный цифровой разрыв существует и в сфере образования. Так, во время пандемии COVID-19, местные школы, как правило расположенные в сельской местности и финансируемые муниципалитетами, не смогли в полной мере перевести учеников на дистанционную форму обучения и были вынуждены приостановить образовательный процесс; в это же время, городские школы, финансируемые префектурами и частными организациями, продолжили оказывать образовательные услуги в дистанционном формате. В 2019 г. была разработана и успешно запущена *«Глобальная и инновационная платформа для всех»* (GIGA), которая направлена на сокращение регионального цифрового разрыва в образовательном секторе и включает в себя увеличение финансирования для начальных и средних школ (с целью приобретения техники), организацию лекций и семинаров для учителей (повышение навыков в области ИКТ) и развитие национальных платформ дистанционного обучения [7, p. 27].

Далее предлагается рассмотреть конкретные примеры проектов, направленных на сокращение цифрового разрыва. С 2016 г. японские граждане и резиденты могут бесплатно получить универсальную идентификационную карту «Мой номер» (яп. –

mai nanbā kādo). Ключевой особенностью данной технологии является свободная интеграция государственных и частных сервисов (социальное и медицинское страхование, интернет-банкинг и т.д.). Отдельно следует отметить правительственную инициативу «MynaPoint» (2020 – 2023 гг.) которая была направлена на продвижение карт «Мой номер» и использование безналичных расчетов в рамках мер правительства по стимулированию потребления. Данная программа включала в себя денежные выплаты за подключение сервисов, а также механизмы возврата части потребительских расходов при совершении безналичных платежей. Если в период с 2017 по 2020 гг. средний темп роста выдачи карт составлял 23 % в год, то в период с 2021 по 2023 гг. он составил 63 % в год, что говорит об успехе акции «MynaPoint» [8]. Так, по состоянию на 2025 г. активно не менее 97 млн. идентификационных карт [8]. Однако далеко не все граждане поддерживают интеграцию сервисов: 17-18 июня 2023 года национальная газета Майнити провела опрос, согласно которому 57 % жителей Японии выступают против полной интеграции карт медицинского страхования и карты «Мой номер» [9]. Проблема безопасности платформы вызывает обеспокоенность у населения, и многие пользователи не готовы рисковать сохранностью личных данных.

Таким образом, цифровое неравенство в Японии постепенно сокращается благодаря политике правительства (в частности – Агентства по цифровизации), однако консерватизм и инертность японского общества снижают эффективность предпринимаемых мер. Для решения проблемы цифрового разрыва применяется широкий спектр стратегий: от программ ГЧП и корпоративной социальной ответственности (КСО) до создания интегративных сервисов и финансирования долгосрочных проектов, способствующих максимизации выгод от использования ИКТ. Необходимо не только создавать и совершенствовать телекоммуникационную инфраструктуру, но и информировать население (потенциальных пользователей) о преимуществах использования цифровых технологий, тем самым преодолевая эмоционально-когнитивный барьер граждан. В то же время, обеспечение равного доступа к государственным услугам для жителей сельских районов и отдаленных островов имеет решающее значение для укрепления основ стабильного японского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Understanding the Digital Divide // OECD. – 2001. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2001/01/understanding-the-digital-divide_g17a1b56/236405667766.pdf (date of access: 25.08.2025).

2. Global Wealth Report // Credit Suisse. – 2025. – URL: https://www.ubs.com/global/en/wealthmanagement/insights/global-wealth-report.html (date of access: 25.08.2025).

3. The ICT Development Index // ITU. – 2025. – URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/ind/D-IND-ICT_MDD-2025-1-PDF-E.pdf (date of access: 25.08.2025).

4. Masuda, Y. Information Society: As Post-Industrial Society / Y. Masuda. – Tokyo : Transaction Pub, 1980. – 178 p.

5. Society 5.0 // The Cabinet Office of the Government of Japan. – URL: https://www8.cao.go.jp/cstp/english/society5_0/index.html (date of access: 25.08.2025).

6. Japan – Speedtest Connectivity Report // Ookla Research. – 2024. – URL: https://www.ookla.com/research/reports/japan-speedtest-connectivity-report-h2-2024 (date of access: 25.08.2025).

7. Nae, N. Bridging the Digital Divide? ICT Utilization Disparities in Japanese Education and the GIGA School Initiative / N. Nae // Euromentor Journal. – 2024. – Vol. 15, № 3. – P. 25-38

8. 行政機関の業務における浸透・拡大 // 総務省. – 2025. – URL: https://www.soumu.go.jp/johotsusintokei/whitepaper/ja/r07/html/nd21b320.html#f00352 (date of access: 25.08.2025).

9. 57% Oppose Scrapping Japan's Health Insurance Cards for My Number Cards: Mainichi Poll // The Mainichi. – 2023. – URL: https://mainichi.jp/english/articles/20230620/p2a/00m/0na/018000c (date of access: 25.08.2025).

УДК 316.35

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ХАКАСИИ: СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Трошкина И. Н.
заведующий сектором экономики и социологии,
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
кандидат философских наук
г. Абакан, Россия

Женские общественные организации представляют собой важный элемент гражданского общества, играющий значительную роль в решении социальных, экономических и культурных вопросов, касающихся женщин и гендерного равенства. В Хакасии, как и в других регионах Российской Федерации, эти организации активно участвуют в формировании социальной политики, направленной на улучшение качества жизни женщин и укрепление их социального статуса. Распространенность женских общественных некоммерческих объединений в различных регионах коррелирует с уровнем социальной активности населения, динамикой ценностных ориентаций женщин.

Республика Хакасия входит в число субъектов Российской Федерации с низким уровнем представленности данных организаций [1, с. 38]. Удельный вес таковых среди иных НКО в регионе достигает 2 % (8 из 376 НКО). В настоящее время в регионе зарегистрировано восемь таких объединений. В их числе лига хакасских женщин «Алтынай», «Клуб деловых женщин», «Союз женщин России в Республике Хакасия», региональное отделение Всероссийского женского союза «Надежда России» Республики Хакасия, «Союз православных женщин Хакасии», региональное отделение общероссийской общественной организации «Деловые женщины России», региональное отделение общероссийского общественного движения «За права женщин России», региональное отделение Всероссийского общественного движения «Матери России» Республики Хакасия [2, с. 36].

Женские НКО в регионе демонстрируют стабильное положение на протяжении последнего 30-летнего периода, активно развивают спектр мероприятий, преимущественно социально-гуманитарного характера, включая деятельность, направленную на поддержку нуждающихся и социально уязвимых категорий граждан. В отличии от общероссийских здесь не представлены НКО многодетных, благотворительной и спортивной направленности… Несмотря на достигнутые успехи, существует ряд проблем, требующих пристального внимания и решения.

Одной из ключевых проблем является отсутствие представительских позиций женских объединений в органах государственной власти Республики Хакасия, таких как Верховный Совет и Правительство [2, с. 41–42]; недостаточное финансирование деятельности женских общественных организаций. Это ограничивает их возможности

в реализации масштабных проектов и программ, участия в политическом процессе, а также затрудняет привлечение высококвалифицированных специалистов. Кроме того, наблюдается дефицит квалифицированных кадров в сфере управления общественными организациями, что снижает эффективность их работы.

Перспективы развития женских общественных организаций связаны с консолидацией женских НКО на общероссийском и региональном уровнях; взаимодействием с государственными структурами в рамках реализации национальных проектов; необходимостью укрепления их финансовой базы; повышением квалификации сотрудников и расширением партнерских связей с бизнесом и другими общественными организациями. Важным является необходимость разработки и реализации комплексных мер, направленных на повышение уровня представительства женских организаций в органах государственной власти, а также на создании условий для их активного участия в решении важнейших социальных и политических вопросов.

Таким образом, деятельность женских общественных организаций в Хакасии имеет значительный потенциал для дальнейшего развития и укрепления своего влияния на социально-экономическое развитие региона. Однако для достижения этих целей необходимо решить ряд проблем, связанных с финансированием, кадровым обеспечением и информационной поддержкой, представительством в органах власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Силласте, Г.Г. Российские женские организации как форма социального сообщества и его социальная динамика в модусах глобализации и столкновения нового гендерного порядка / Г.Г. Силасте // Женщина в российском обществе. – 2021. – № 2. – С. 28–46.

2. Анайбан, З.В. Женские общественные объединения в современной Хакасии / З. В. Анайбан // Женщина в российском обществе. – 2021. – С. 33–43. – DOI: 10.21064/WinRS.2021.1.3.

УДК 315.75

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Усовская Э. А.
профессор кафедры менеджмента и коммуникаций,
Институт современных знаний имени А. М. Широкова
кандидат культурологии, доцент
г. Минск, Беларусь

Гендерные исследования стали самостоятельным направлением научного дискурса и по-прежнему занимают одно из ведущих положений в современной проблематике самых разных отраслей знания. Их появление связано с второй волной феминизма, общим контркультурным движением Нового и Старого света второй половины XX в., а также общим культурным контекстом поворотов постмодерна.

Введение в научный оборот категории гендера способствовало в некоторой степени освобождению биологической данности от социоролевой принадлежности с соответствующей маркировкой обязательных качеств, оппозицией «мужское–женское». Хотя нередко гендер продолжает выполнять функцию скрепы биологического и социального, когда за первым обязательно следуют так называемые женские и мужские обязательства. В то же время эмансипация женщин и мужчин во

многих обществах стала реальностью, в частности, на уровне формального юридического закрепления прав и свобод. Однако открытыми остаются вопросы о реальном их воплощении, что особенно важно для тех стран и культур, в которых патриархатные нормы остаются доминирующими. Более того, общий духовно-культурный и социально-политический фон гендерной и постколониальной проблематики демонстрирует определенного рода призыв к возвращению к традиционным ценностям, за которыми чаще всего скрываются нормативные требования к соблюдению социоролевых половых оппозиций. Это значит, что культурные нормы и ценности вносят собственную редакцию в понимание гендерных отношений.

Культурные различия указывают на индивидуальность решения обществом задач, стоящих в вопросах природной и социальной адаптации. Эти пути, способы воплощаются в ценностно-поведенческих, когнитивных моделях. Поэтому, как справедливо считают Фонс Тромпенаарс и Чарльз Хэпден-Тернер, «в каждой национальной культуре мира такие явления, как власть, бюрократия, творчество, товарищество, доверие и ответственность, воспринимаются по-разному. Описывая их, мы используем одни и те же слова, однако забываем о том, что смысл в каждом случае вкладывается разный и то, что привычно для нас, далеко не всегда привычно (или прилично) для людей иной национальной культуры» [1, с. 11–12]. Это значит, что и гендер рассматривается разными культурами по-разному, что создает серьезную дистанцию в осознании того, что такое мужчина и женщина, каковы их роли, обязательно ли соблюдение в их отношении равных прав и т. д., вновь и обостряя вопрос: «Где заканчиваются культурные различия и начинается право (универсальное, общечеловеческое?»).

В связи с этим на протяжении последних 20–30 лет обсуждение соотношения культурных различий и гендера, мультикультурализма, который часто стереотипно расценивается как абсолютизация национальной или этнической исключительности, и равноправия внутри культур, в том числе гендерного, не теряет остроты. Вопрос, есть ли противоречие между мультикультурализмом и правами женщин или они друг друга дополняют сегодня как никогда важен для мультикультурных обществ [2, p. 2].

Многочисленные примеры доминирования культурных норм как доминант и факторов неравенства свидетельствуют об использовании гендера (чаще всего в его биосоциоролевой версии) как инструмента эксплуатации, угнетения. К тому же существующие формально права чаще всего не действуют в семьях, где традиции, связанные с сексуальностью, телесностью и воспроизводством, невозможно контролировать или управлять ими. Далеко не все представители женских сообществ рассматривают ношение бурки, обрезание, невозможность получения образования как дискриминацию. Поэтому выразим полное согласие с мнением Сейлы Бен-Хабиб о том, что «в политическом смысле право на культурное самовыражение должно быть основано на всеобщем признании гражданских прав, и его не следует рассматривать как альтернативу им» [3, с. 31).

Таким образом, в настоящее время эмансипация и эгалитаризация общества и гендерных отношений, с одной стороны, продолжаются. С другой – сталкиваются с фильтрами, обусловленными национально-этнической спецификой. Более того, культурная глобализация и гибридизация сопровождают процесс гендерной трансформации, результатом которого становится перенос, замещение гендерных и других паттернов, четко структурировавших общественное устройство, повседневную культуру, мышление и поведение людей. Речь идет о том, что большинство

традиционных культур, обществ, основанных на приоритете религиозных ценностей, обладает четкой структурой и социополоролевой принадлежностью. Изменение гендерной идентичности, выходящей за биологический пол, связанный с социальными функциями, приводит к смене всего механизма культурного наследования и трансмиссии, а также к трансформации области сексуального и семейного.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск : Попурри, 2012. – 528 с.

2. Breton, A.C. Entanglements between gender equality and multiculturalism discourses: the case of Sweden / A. C. Breton, J. G. Ricalde Perez // Journal of Gender Studies. – 09 Jun. 2021. – P. 1 – 14.

3. Бен-Хабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бен-Хабиб. – Москва : Логос, 2003. – 350.

УДК 37.014-053.67(510)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Устюгова А. Г.
доцент кафедры всеобщей и славянской истории,
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
кандидат исторических наук, доцент
г. Гродно, Беларусь

В 2010-е годы правительство КНР, учитывая потребности новых секторов экономики, добилось определенного положительного результата в развитии профессионального образования и повышении его статуса, особенно высшего уровня. Это имеет принципиальное значение на фоне устойчивой демографической тенденции снижения прироста населения и его старения. Вместе с тем, в КНР продолжают действовать факторы, негативно влияющие на возможность получения равного по качеству образования. Среди них исследователи выделяют:

• *географическое положение отдаленных и гористых районов*, что влияет на их недостаточное государственное финансирование, неразвитость транспортной системы; расположенность школ далеко от центра города, и как следствие, затрудняет закрепление квалифицированных учителей в сельской местности [1].

• *различия в качестве образования для жителей сельских и городских районов, представителей различных этнических групп* страны. Это проявляется в неравномерном распределении образовательных ресурсов, недостаточном применении учащимися электронных устройств, серьезной нехватке библиотек, лабораторий, спортивного инвентаря, музыкальных инструментов, принадлежностей для рисования, электронных досок и проекторов и т. п. [2].

• *трудности для детей трудовых мигрантов* при поступлении в школы и низкое качество образования, плохие условия их обучения дома и давление на них всех последствий трудовой мобильности.

В совокупности эти причины препятствуют и расширению цифровой грамотности среди молодого поколения, особенно сельской молодежи. Это делает ее неконкурентоспособной в поисках работы, лишает возможности переезда в районный или столичный город, ограничивает получение высокой оплаты труда.

Правительство КНР прилагает постоянные усилия для решения этой проблемы. Однако молодое поколение по-прежнему ощущает разрыв и неравенство в образовательной ситуации, что особенно остро было прочувствовано в период пандемии COVID-19 (2020–2022) и продолжает влиять на шансы трудоустройства в постпандемический период [3].

Решение одной из фундаментальных проблем, с которой сейчас сталкивается молодежь, – обеспечение равенства в образовании – должно сопровождаться расширением строительства новых школ в удаленных и бедных провинциях. В этом может помочь *Project Hope* (Проект «Надежда»), успешные мероприятия которого в провинциях Гуйчжоу, Юньнань и Далянь уже помогли миллионам студентов из бедных слоев получить образование, что изменило их судьбу. В период пандемии эффективность деятельности Фонда снизилась. Восстановить его результативность предполагается с помощью новых маркетинговых стратегий, используя прессу и все виды СМИ, Интернет, особенно платформы *Weibo, QQ* и *Ren Ren.* Эти крупнейшие в мире социальные сети ускоряют распространение информации о проектах Фонда, получение общественной поддержки, сбор пожертвований для образовательных проектов [4, с. 45].

В период пандемии многие предприятия завершили технологическое обновление и перешли к крупномасштабному применению роботов и искусственного интеллекта [5]. В связи с возросшей необходимостью расширения профессиональной переподготовки и повышения квалификации молодых работников в июле 2020 года Министерство людских ресурсов и социального обеспечения Китая, Министерство финансов и Центральный комитет Коммунистической лиги молодежи издали *«Миллионы программ действий по обучению молодежи навыкам»* [6]. Эти государственные программы ориентированы на выпускников колледжей и других молодых специалистов, уже имеющих небольшой опыт работы.

В постпандемический период (2023–2024) возникли новые проблемы в образовательной сфере, которые создают дополнительные трудности для молодежи при трудоустройстве. К ним можно отнести:

1. *Переизбыток выпускников вузов по гуманитарным специальностям*, в то время как на рынке труда продолжает наблюдаться нехватка работников технических специальностей.

2. *Неопределенность ожиданий молодых людей относительно своей будущей занятости*. Юноши и девушки, впервые выходящие на рынок труда, имеют идеалистические представления о будущей профессии, не имеют четких планов насчет путей профессиональной самореализации.

3. *Молодые люди принадлежат к т. н. социальной «группе риска».* После окончания высшего учебного учреждения многие из них не могут в полной мере конкурировать с более опытными сотрудниками. Работники в возрасте после 25 лет и старше с уже имеющимся профессиональным опытом и более устойчивыми жизненными ориентациями остаются предпочтительными для работодателей по сравнению с выпускниками, только начинающими свою трудовую жизнь.

Таким образом, годы пандемии и вызванные ею социально-экономические изменения со всей очевидностью подтвердили, что занятость и образование являются двумя краеугольными камнями социального развития. Профессиональная подготовка и повышение квалификации, особенно в цифровой сфере, являются существенными факторами, снижающими остроту новых проблем для молодых людей, позволяющими идти в ногу с меняющимися требованиями, предъявляемыми рынком труда.

Вместе с тем для китайской молодежи остаются актуальными следующие проблемы современного образования:

• оторванность школьного образования в отдаленных провинциях, бедных и горных районах, сельской местности от динамичных экономических процессов;

• несоответствие содержания и качества как высшего, так и среднего профессионального образования требованиям современного быстро обновляющегося рынка труда.

Оказавшись в сложной жизненной ситуации, китайская молодежь остро реагирует на сохраняющиеся проблемы в образовании, активно обсуждает их на страницах газет, в социальных сетях, откликается в комментариях на публикации в официальных изданиях. Проблема обеспечения равных прав в получении образования остается заметной темой в социальном пространстве, вызывающей беспокойство работников государственных структур, провинциальных служб, сферы образования и всего общества. Она получает широкое освещение в центральных и провинциальных СМИ, которые стали площадкой для открытых и принципиальных дискуссий по этой проблеме [4, с. 44].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Wang, R. Education in China: Educational Equity and Access / R. Wang // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. – 2023. – Vol. 23. – P. 217–226.

2. Le, M.A. The discrepancies in educational equipment between urban and rural areas in Chinese compulsory education / M.A. Le // The Journal of Educational Research. – 2023. – № 28. – P. 11–20.

3. Wang, L. Exploring the education of children of migrant workers in China under the perspective of social stratification and mobility / L. Wang // Chinese Science and Technology Journal Database (full text version). Social Science. – 2022. – № 1. – P. 4.

4. Ren, X.A case study report on practical issues and recommendations for the Project Hope of China Youth Development Foundation / X. Ren // Pacific International Journal. – 2022. – Vol. 5. – № 2. – P. 43–51.

5. He, L. China's economic recovery is on track. But youth unemployment is getting worse / L. He // CNN Business. 2023.03.15. – Mode of access: https://edition.cnn.com/2023/03/15/economy/china-economic-recovery-unemployment-intlhnk/index.html. – Date of access: 02.07.2025.

6. Action Programs for Millions-Youth Skills Training // Chinese Government website. – Mode of access: http://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-07/31/content_5531384.htm. – Date of access: 21.06.2025.

УДК 004.8:303.425-057.875-055.1/.3

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ

Филинская Л. В.
доцент кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
кандидат философских наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Мир меняется с приходом искусственного интеллекта (ИИ), который перестал быть технологией будущего, так как прочно вошел в повседневные практики людей разного возраста, уровня образования, социального положения.

Жизнь современного студента уже немыслима без использования интеллектуальных технологий. Цифровые помощники решают самые разные задачи: поиск информации, перевод текстов на иностранный язык, написание курсовых и

дипломных работ и много других видов учебных заданий. Отсутствие регламентирующих документов по использованию ИИ не останавливает студентов, а напротив, стимулирует стихийное освоение цифрового пространства. Правовой вакуум и неопределенность внешних правил приводит к тому, что обучающиеся вырабатывают собственные стратегии: одни используют ИИ как «продвинутый инструмент» для поиска идей, структурирования текста, подготовки черновиков, другие применяют его для генерации готовых, например, курсовых работ, что вступает в противоречие с академическими нормами, установленными в сфере высшего образования.

Одна из задач социологического исследования, проведенного в Белорусском государственном университете в декабре 2024 года, состояла в изучении отношения студенческой молодежи к искусственному интеллекту, практик применения генеративных нейросетей в учебном процессе[1]. Были выявлены системные различия в восприятии и использовании ИИ между юношами и девушками, обучающимися в БГУ. Результаты опроса свидетельствуют о тотальном проникновении ИИ в студенческую среду. Об использовании технологии машинного интеллекта заявили 88,6 % юношей и 86,6 % девушек. Это говорит о том, что данная технология выполняет функцию универсального digital-инструмента. Вместе с тем фиксируются существенные различия в интенсивности использования: ежедневно к ИИ обращались 22,2% юношей и лишь 12,6 % девушек. Среди студенток выше доля тех, кто пользуется технологией эпизодически – реже 1 раза в месяц (18,3 % против 10,6 %). Девушки также реже, чем юноши обращались к платным сервисам/приложениям (соответственно 5,3 % против 9,8 %). Можно предположить, что на момент опроса (декабрь 2024 г.) сформировались 2 модели взаимодействия – системно-интегративная (мужская) и ситуативно-утилитарная (женская).

Наиболее значимо гендерные различия проявляются в целях использования. Если базовые образовательные запросы (поиск информации) доминирует в обеих группах (об этом заявили 88,5 % студентов и 82,6 % студенток), то в сложных задачах фиксируются расхождения. Для написания курсовых и научных работ ИИ применяли 22,3% юношей и почти в 2 раза меньше девушек (12,4 %). Разрыв наблюдается в применении для профессиональной деятельности (23,6 % против 21,3 %) и проверке знаний (28,4 % и 21,3 %). Возможно, это объясняется разной глубиной интеграции технологии в когнитивные процессы – представители мужского пола склонны делегировать ИИ сложные задачи, а женского – преимущественно рутинные операции. Однако данная гипотеза требует дополнительной проверки.

Отношение к перспективам внедрения нейросетей также не совпадает. Более половины (51,5 %) юношей хотели бы увеличить использование ИИ при расширении возможностей, тогда как среди девушек такой энтузиазм разделяют лишь 39,9 %. Следует отметить, что ситуация с использованием ИИ-инструментов меняется очень быстро. Сегодня появляются многочисленные материалы об использовании женщинами ИИ в организации питания семьи, создании тренировочных фитнес-программ, планировании путешествий, формировании личного стиля и гардероба, проведении воспитательных бесед с ребенком и др.

Данные опроса студенческой молодежи в БГУ свидетельствуют о том, что уровень доверия к результатам работы алгоритмов невысок у обеих групп, но статистически значимо выше у юношей (5,62 балла против 5,44 при 10-балльной шкале).

[1] Объем выборочной совокупности составил 1359 человек. Были опрошены студенты 3-4 курсов 15 факультетов БГУ.

Важно также отметить, что девушки демонстрируют устойчиво более высокий уровень осознания рисков. Они чаще признают существование рисков ИИ для общества (80,0 % против 75,6 %), обеспокоены угрозой замещения рабочих мест (46,3 % против 38,9 %). Юношей больше волнуют технические аспекты – кибербезопасность (56,0% против 46,8 %) и конфиденциальность (30,0 % против 24,2 %). Обе группы в равной степени опасаются неправильной интерпретации информации (68,0 %) и ее низкого качества (на это указали чуть более половины опрошенных обеих групп).

Наличие расхождений в базовых представлениях о роли ИИ показал анализ установок. В инструментарий опроса были включены 2 группы утверждений. В первую группу вошли утверждения с позитивным характером, связанные с преимуществами и потенциальными выгодами от внедрения ИИ. Вторая группа утверждений носила негативный характер, фокусировалась на рисках и угрозах, связанных с ИИ. Использовалась 5-балльная шкала (где 1- совсем не согласен с утверждением, 5 – полностью согласен). Распределение ответов на данный вопрос демонстрирует устойчивую гендерную тенденцию в восприятии новых технологий на этапе их появления и первых шагов по использованию. Представители обоего пола в целом согласны с позитивными аспектами ИИ – средняя оценка позитивных утверждений у студентов – 3,59 баллов, у студенток – 3,54 балла (оценка выше нейтральной тройки). Полное согласие зафиксировано в отношении утверждения «ИИ позволяет развивать новые отрасли» (совпадение оценки – 3,77 баллов). Вместе с тем, юноши проявляют выраженный техно-оптимизм: они сильнее верят в способность искусственного интеллекта повышать эффективность работы (3,83 балла против 3,65 баллов у девушек) и улучшать качество жизни (3,62 против 3,43). Девушки более оптимистичны только в отношении возможностей ИИ снижать уровень стресса у людей (3,02 против 2,90).

По негативным утверждениям разница в средней оценке более существенная – 2,79 у девушек и 2,53 у юношей. Девушки чаще соглашались с утверждением, что ИИ является угрозой для человечества (2,47 против 2,26), приведет к регрессу общества (2,98 против 2,67) и его использование не гуманно (2,03 у девушек и 1,77 у юношей). Таким образом, девушки проявляют большую чувствительность к социальным, этическим, гуманитарным последствиям технологий. Возможно, их больше беспокоит не то «что может делать ИИ, а то, как это повлияет на людей и общество». Еще один важный аспект следует учитывать, о котором уже стали активно писать: женщины, сталкиваясь с ИИ, могут чаще испытывать на себе «несовершенство» интеллектуальных технологий, например, алгоритмическое смещение в системах распознавания лиц при приеме на работу.

Зафиксированные отличия не говорят о том, что одна позиция «правильная», а другая «нет». Это лишь свидетельство того, что отражаются разные системы (ценностных ориентаций), фокус внимания и, по-видимому, разный опыт взаимодействия с технологиями.

Проведенный анализ позволяет выделить 2 модели отношения к ИИ:

• активно-инструментальная (доминирует у юношей), характеризуется высокой частотой использования, ориентацией на сложные задачи, техно-оптимизмом и акцентом на операциональных преимуществах (автоматизация, эффективность);

• прагматично-осторожная (доминирует у девушек), отличается избирательностью использования, ориентацией на базовые функции, повышенным вниманием к социальным и этическим рискам, скепсисом относительно преобразующего потенциала ИИ.

Высокие темпы адаптации искусственного интеллекта среди студенческой молодежи указывают на важные закономерности, которые могут стать основой для интеграции этих технологий в систему высшего образования. Результаты исследования целесообразно использовать для разработки дифференцированных образовательных стратегий и нормативных документов, учитывающих выявленные гендерные особенности взаимодействия с ИИ-технологиями.

Важно отметить, что установленные гендерные различия в оценках рисков и преимуществ искусственного интеллекта имеют широкую практическую значимость для ключевых стейкхолдеров цифровой трансформации:

1) при разработке ИИ команды сотрудников, состоящие только из мужчин, могут упускать важные этические и социальные аспекты своих продуктов; разнообразие взглядов и опыта в командах разработчиков критически важно для создания более безопасных, справедливых и полезных для всего общества систем;

2) понимание того, что различные демографические группы по-разному воспринимают риски ИИ, помогает формировать более сбалансированную политику и коммуникацию;

3) при внедрении ИИ-решений необходимо учитывать потенциальные опасения сотрудников-женщин; это требует дополнительной работы по разъяснению, обучению и формированию этических принципов использования технологий.

УДК 316.354+351.372

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОЦЕНТРИРОВАННОГО ПОДХОДА В БАНКОВСКОЙ СФЕРЕ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ СБЕРБАНКА)

Хамутовская С. В.
зав. отделом социологии гос. управления,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

В условиях активного развития информационно-коммуникационных технологий в конце XX века широкое распространение в различных сферах, включая банковскую, получил разработанный в 1940-х годах американским психологом К. Роджерсом в качестве недирективной, или клиенто-центрированной психотерапии человекоцентрированный подход[1], базу которого составляют утверждения о том, что природа человека, изначально социальная и конструктивная, эффективно раскрывается в процессе коммуникации с другими людьми в случае проявления последними эмпатии, конгруэтности, безусловного позитивного (безоценочного) принятия Другого [1]. По мнению зарубежных исследователей кандидата экономических наук, доцента И. В. Рожкова и Я. В. Тян, «человекоцентричность – это новая стратегия взаимодействия бизнеса, как с внутренними (сотрудниками), так и с внешними клиентами, пришедшая на место клиентоцетричного подхода» [2, с. 25]. Также внедрению человекоцентрированного подхода в бизнесе способствовало и появление

[1] В зависимости от перевода с английского словосочетания «Human-Centric Approach» также в научной литературе встречаются выражения «человекоцентричный подход», «человекоориентированный подход» в синонимичном «человекоцентрированному подходу» значении.

в конце 80-х-начале 90-х гг. high-impact предпринимательства – тенденции ведения бизнеса, учитывающей не только финансовый, но и социальный, а также экологический аспекты последнего, его влияние на устойчивое развитие конкретного социума. В нашей стране в настоящее время продолжается разработка проекта Стратегии цифрового развития Республики Беларусь на 2026-2030 годы и на перспективу до 2035 года. Ряд белорусских ученых, среди которых А. Е. Алексеев, Н. Г. Юневич, А. А. Богданова, считают, что новая стратегия должна опираться на человекоцентрированный подход, к примеру при формировании цифрового пространства учитывать потребности граждан и бизнеса в качественных и достоверных сведениях [3, с. 45]. В связи с вышесказанным представляется актуальным изучение опыта зарубежных стран, реализующих человекоориентированные подходы в тех или иных сферах, в том числе банковской.

В Российской Федерации одним из первых применять в своей деятельности человекоцентрированный подход стал Сбербанк. В его стратегии на 2024–2026 годы был обозначен переход на человекоцентричную бизнес-модель. Комментируя в 2024 году новый принцип работы отделений Сбербанка, старший вице-президент, руководитель блока «Сеть продаж» Т. Галкина указала, что клиентоцентричность нацелена на удовлетворение потребностей клиентов «здесь и сейчас», а человекоцентричность – «не только в настоящем, но и в будущем» [4]. На ее взгляд, «человекоцентричная модель поможет человеку достигать его жизненных целей, в конце концов, становиться счастливее, а рост бизнеса будет обеспечен за счет глубоких долгосрочных и доверительных отношений с человеком… Сотрудники отделений станут личными помощниками, которые будут решать более сложные вопросы в самых разных жизненных ситуациях. Мы хотим, чтобы офисы «Сбера» воспринимались как центры экспертизы, когда человек думает: «Если я не знаю, с чего начать, то я спрошу в "Сбере"» [4].

Опираясь на положения международного стандарта ISO 27500:2016 «The human-centred organization – Rationale and general principles» [2] [2, с. 26], содержащего рекомендации для интеграции человекоцентрированного подхода в процессы управления и принятия решений, в Сбербанке стремятся максимально учитывать интересы как сотрудников, так и клиентов. В отношении первых осуществляется:

1. «Использование индивидуальных различий сотрудников как организационной силы.
2. Применение общесистемного подхода к работе, в частности, понимание организационной структуры компании, взаимодействие ее компонентов друг с другом и полученных результатов.
3. Гарантирование в качестве приоритетов компании – здоровье, безопасность и благополучие.
4. Обеспечение эргономичности продуктов и решений организации (удобство их использования), а также их доступности в обеспечении стратегических целей.
5. Оценивание сотрудников и формирование осмысленной рабочей среды, в частности, развитие корпоративной культуры и поощрение стремления к совершенствованию.
6. Обеспечение открытости и доверия, в том числе внедрение социальной политики, которая может быть выполнена на всех уровнях организации.
7. Ответственное отношение к сотрудникам, сообществам, окружающей среде» [5].

[2] В переводе на русский язык «Организация, ориентированная на человека – Обоснование и общие принципы»

При работе с клиентами осуществляется:

1. На постоянной основе выявление потребительских предпочтений, касающихся как финансовых сервисов, так и иных вопросов, в решении которых может помочь банк (например, наличие либо отсутствие потребности в консультации по льготам, пособиям, налоговым вычетам и т.п.).

2. Организация комплексного общения, базирующегося на детальном консультировании, чему способствует «высвобождение» времени за счет перевода части трансакционных операций в онлайн-формат.

3. Использование искусственного интеллекта, в частности модели GigaChat, анализирующей большие объемы информации и позволяющей сотрудникам избегать ошибок при подготовке комплексных решений для клиентов, а также рассматривать различные варианты последних.

4. Развитие нефинансовых сервисов для клиентов (таких как, к примеру, создание копий или распечатка документов, помощь в поиске работы, оформление услуг для самозанятых).

5. Организация выездного сервиса, а именно доставки моментальных, именных, кредитных карт, «СберКарты», оформление образовательных, потребительских кредитов, вкладов, страховок и т. п. в то место, куда удобно клиенту. В 2023 году Сбербанк увеличил доставку его финансовых сервисов в 4 раза [4].

6. Мониторинг поведения, цифровых предпочтений и поколенческих трендов.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что применение человекоценрированного подхода в банковской сфере открывает новые возможности как для банков, так и для клиентов, позволяет сделать их взаимодействие более оперативным и эффективным, повысить уровень доверия друг другу. Опыт Сбербанка по внедрению данного подходя имеет позитивный характер и отражает необходимость учета как достижений цифровизации в социальной интеракции различных заинтересованных субъектов, так и реальных интересов и потребностей последних, которые, помимо прочих методов, могут быть выявлены с помощью соответствующих социологических опросов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Rogers, Carl R. Counseling and Psychotherapy: Newer Concepts in Practice / Carl R. Rogers. – Boston: Houghton Mifflin, 1942. – 450 p.

2. Тян, Я.В. Сущность и реализация человекоцентричной стратегии маркетинга / Я.В. Тян, И.В. Рожков // Практический маркетинг. – 2024. – № 12 (330). – С. 25-28.

3. Алексеев, А.Е. Подходы к стратегическому планированию цифрового развития на 2026-2030 гг. и на перспективу до 2035 г. / А.Е. Алексеев, Н.Г. Юневич, А.А. Богданова // Развитие информатизации и государственной системы научно-технической информации (РИНТИ-2024) : доклады XXIII Междунар. научно-технич. конф., Минск, 21 нояб. 2024 г. / ОИПИ НАН Беларуси, науч. ред: С.В. Кругликов [и др.]. – Минск, 2024. – С. 42-46.

4. Мы увеличили доставку финансовых сервисов в 4 раза // Коммерсант. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6524915 (дата обращения: 09.06.2025).

5. Акчурина, М.С. Человекоцентричный подход в управлении клиентским опытом / М.С. Акчурина // Проблемы современной экономики. – 2024. – № 2 (90). – URL: https://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=7775 (дата обращения: 25.06.2025).

УДК 159.99

«ОТЦОВСКАЯ ЛЮБОВЬ»: ЛЕГИТИМАЦИЯ КОНЦЕПТА В НАУЧНОМ И СОЦИАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ[1].

Хитрук Е. Б.
профессор,
Национальный исследовательский Томский государственный университет
доктор философских наук
г. Томск, Россия

Исследования норм (fatherhood) и практик (fathering) отцовства зародились в последней четверти XX столетия в рамках мужских исследований (men's studies) как одного из направлений социальных наук. Изначально исследования отцовства были тесно связаны с проблематизацией отстраненного отношения мужчин к воспитанию детей, их педагогической некомпетентности и незаинтересованности, порождающих тенденцию «потери отца» в современном обществе [1, с. 271]. На данном этапе ученые (прежде всего, социологи и психологи) предполагали, что преодоление указанной тенденции должно быть связано с развитием в мужчинах таких родительских компетенций, как включенность (непосредственное взаимодействие с ребенком, в том числе игры и необходимый уход), доступность (возможность для ребенка контактировать с отцом в тем моменты, когда ребенок действительно в этом нуждается) и ответственность (деятельная забота о благополучии ребенка). На основании указанных положений в 1980-е гг. такими учеными, как Джозеф Плек, Майкл Лэмб, Джеймс Левайн и Эрик Чарнов [2; 3; 4], была сформулирована концепция отцовской вовлеченности (the construct of paternal involvement). Постепенное развитие данной концепции к началу XXI столетия привело к осознанию того значимого обстоятельства, что предложенные ранее критерии успешности отцовского поведения являются недостаточными и не дают ощутимого положительного эффекта сами по себе. Ни увеличение количества времени непосредственного взаимодействия с ребенком, ни ответственного отношения к его благополучию, ни доступности отца еще недостаточно для того, чтобы отцовское влияние ощутимо положительно сказывалось на развитии ребенка. При этом все указанные характеристики обретают реальную силу только в сочетании с четвертым важнейшим компонентом отцовской роли, который Джозеф Плек обозначил как эмоциональную теплоту [5, p. 249]. Именно эмоциональная теплота придает осмысленность и подлинную ценность всем остальным измерениям вовлеченного отцовства.

Интересно, что Д. Плек и его коллеги не проблематизировали само понятие мужской эмоциональной теплоты, а, главное, не ставили под вопрос то небезынтересное обстоятельство, что эмоциональная теплота в их концепции не была связана с таким социально и индивидуально значимым феноменом как «любовь». В то же время очевидно, что, если бы речь шла об эмоциональной теплоте в отношениях между матерью и детьми, корреляция между этими понятиями, скорее всего, была бы незамедлительно установлена.

Указанная особенность концепции вовлеченного отцовства стала предметом пристального интереса со стороны известного румынского социолога Александры Махт. В своей замечательной работе 2020 года «Отцовство и любовь. Социальное

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00394, https://rscf.ru/project/24-28-00394/.

конструирование мужских эмоций» А. Махт утверждает, что употребление в контексте отцовских исследований концепта «эмоциональная теплота» вместо понятия «любовь» не является случайным. С момента своего возникновения в XIX столетии социологический дискурс не допускал использования термина «любовь» вне феминизированного контекста. То есть «любовь» по умолчанию представляла собой термин теоретически и практически применимый к «романтическим» отношениям или материнскому чувству, но недопустимый в рамках дескрипции собственно мужской внутрисемейной идентичности. А. Махт характеризует такой подход в качестве «социологически близорукого» и утверждает, что он опирается на недостоверные и псевдонаучные стереотипы [6, p. 13]. «Отцовская любовь», убеждена А. Махт, должна быть принята всерьез в контексте современного дискурса социальных наук не только потому, что дефеминизация любви необходима теоретически, но и потому, что только таким образом мы можем приблизиться к адекватному, корректному осмыслению практической трансформации отцовского поведения в современном обществе. Эта трансформация связана с поступательным дистанцированием от авторитарных форм отцовского поведения и определенным «дрейфом» в сторону именно любовного отношения к своему ребенку. В этом «дрейфе» от традиционных форм доминирования к новым формам вовлеченности, предполагающим реализацию мужской эмоциональной теплоты и любви, и свершается в современном обществе преодоление кризиса мужественности, свершается явление, которое в социальных науках принято обозначать термином «отцовская революция» [6, p. 19, 146; 7, с. 271].

Исследование трансформации норм и практик отцовского поведения, проведенное в 2025 г. на базе Томского государственного университета, в целом подтверждает гипотезу Александры Махт о необходимости легитимации концепта «отцовская любовь» как в собственно научном, так и в социальном дискурсе, поскольку ярко демонстрирует, что сами мужчины вопреки сковывающим их традиционным стереотипам начинают активно описывать свой отцовский опыт, употребляя в качестве понятия первостепенной важности понятие «любовь» [8, с. 137-170].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кон, И.С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.С. Кон. – М.: Академия, 2003. –336 с.

2. Lamb, M.E. Paternal behavior in humans / M.E. Lamb, J.H. Pleck, E.L. Charnov, J.A. Levine // American Zoologist. – 1985. – № 25. – Pp. 883–894.

3. Pleck, J.H. Facilitating future change in men's family roles / J.H. Pleck, M.E. Lamb, J.A. Levine // Marriage and Family Review. – 1985. – № 9(3–4). – P. 11–16.

4. Pleck, J.H. American Fatherhood: A Historical Perspective / Changing Men: New Directions in Research on Men and Masculinity / J.H. Pleck. – Newbury Park, CA: Sage, 1987. – P. 83–97.

5. Pleck, J.H. Integrating Father Involvement in Parenting Research / J.H. Pleck // Parenting: Science and Practice. – 2012. – № 12:2-3. – P. 243–253.

6. Macht, A. Fatherhood and Love. The Social Construction of Masculine Emotions / A. Macht. – Oxford. Palgrave Macmillan, 2020. – 194p.

7. Бадентэр, Э. Мужская сущность / Э. Бадентэр. – М. : Новости, 1995. – 304 с.

8. Хитрук, Е.Б. Отцовство как социальный феномен: монография / Е.Б.Хитрук, Р.А. Быков. – СПб.: Ниц Арт, 2025. – 218 с.

УДК 316.77

МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ КУЛЬТУРЫ В СТРАНЕ

Цыбульская Н. В.
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
кандидат социологических наук, доцент
г. Минск, Беларусь

Слово «культура» до сих пор является одним из наиболее часто употребляемых слов в европейских языках. То же можно сказать и о научном термине «культура»: сложно представить себе термин более многозначный и более распространенный.

В гуманитарных науках наиболее распространены два различной степени общности подхода к феномену культуры. Один из них, философский, представляет собой теоретическое осмысление сложных явлений культуры, и пока не находит достаточно адекватного отражения в системе эмпирических показателей культуры. Другой же подход воплощается в конкретно-социологическом анализе различных аспектов феномена культуры, который в рамках уже философского анализа становится базой для глубоких теоретических обобщений.

Социологическое рассмотрение культуры как социального феномена ставит своей задачей выяснить влияние культуры на все общественные системы, а также раскрыть особенности ее функционирования и развития в той или иной социальной среде. Именно поэтому в социологии обостряется внимание к культуре как к фактору социального развития человека, группы, всего общества. Актуализируется целый ряд аспектов, по которым ведется социологический анализ культуры – культура и социальная структура, культура и личность, культура и цифровые технологии, культура и новые (цифровые) медиа, а также многие другие.

Основное социологическое содержание культуры сводится к тому, что она выполняет роль поддержания целостности общества, обеспечивает хранение и передачу социального опыта. Обращение к социологии культуры весьма продуктивно для современного теоретического осмысления места и роли культуры в обществе.

Рассмотрим эмпирическую информацию, полученную в результате проведения сотрудниками Института социологии НАН Беларуси социологического мониторинга, в который были включены вопросы об отношении населения страны к современной культуре[1]. В качестве основы для анализа автором были выбраны следующие вопросы мониторинга: «Как Вы оцениваете современное состояние культуры в Беларуси?» и «Как Вы считаете, кто/что играет ключевую роль в формировании и укреплении белорусской культуры?»

Ответы на вопрос об общей оценке современного состояния культуры в Беларуси распределились следующим образом: немногим более половины опрошенных оценили современное состояние культуры в Беларуси в целом как стабильное, с хорошими перспективами развития; почти 30 % респондентов затруднились ответить; небольшое количество участников исследования выбрали один из вариантов ответа, отражающих

[1] Здесь и далее данные основаны на результатах исследования, проведенного Институтом социологии в мае-июне 2023 г. (N=1848 чел.) по республиканской выборке, репрезентативной по полу, возрасту, региону проживания, типу населенного пункта.

в той или иной степени отрицательную оценку современного состояния культуры в стране (см. рисунок 1).

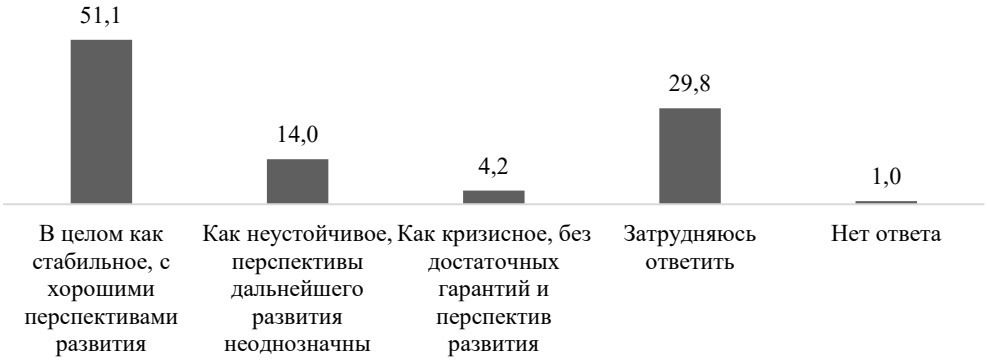

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете современное состояние культуры в Беларуси?», в %

Следует отметить, что мнение представителей некоторых социально-демографических групп значимо отличается от оценок современной культуры населением Беларуси в целом. Так, в сравнении с показателями по республике, жители Гродненской области (59,2 %) и сельчане (56,8 %) чаще оценивали современное состояние культуры в Беларуси в целом как стабильное. В то же время всего 45,4 % жителей столицы отметили указанный вариант ответа на вопрос. Кроме того, по сравнению с общим показателем по населению в целом (14,0 %) большее количество респондентов-минчан (19,8 %), а также 20,6 % респондентов с высшим образованием оценили современное состояние культуры в Беларуси «как неустойчивое, перспективы дальнейшего развития неоднозначны».

В результате анализа ответов на вопрос о том, кто (или что) играет ключевую роль в формировании и укреплении белорусской культуры, было выявлено, что социально-демографические признаки респондентов практически не повлияли на частоту их выбора самых популярных вариантов ответов. Так, подавляющее большинство опрошенных были единодушны в определении «Топ-5» основных социальных институтов, оказывающих влияние на формирование и укрепление белорусской культуры (см. рисунок 2).

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, кто/что играет ключевую роль в формировании и укреплении белорусской культуры?», в %

Таким образом, по мнению населения Беларуси, ключевую роль в формировании и укреплении белорусской культуры в первую очередь играют семья, учреждения образования и учреждения культуры. На четвертом месте по количеству выборов находятся средства массовой информации (СМИ), на пятом – молодежные организации и объединения. Следует указать, что для представителей всех исследуемых социально-демографических групп одинаковым оказался не только перечень пяти указанных популярных вариантов ответов, но и порядок позиций относительно количества отмеченных вариантов.

Отметим, что в ответах респондентов, представляющих разные социальные группы (по признаку возраста, уровня образования, типа населенного пункта проживания) были выявлены некоторые отклонения от общих значений по республике в распределении ответов на вопрос. Рассмотрим различия в частоте выборов указанных пяти наиболее популярных вариантов ответа на вопрос.

Реже выбирали варианты ответа «Семья» молодые люди в возрасте до 25 лет (59,2 %), а также респонденты с базовым и средним образованием (58,5 %). В то же время респонденты с высшим образованием отмечали этот вариант ответа чаще (71,0 %).

Подобные отклонения от значений в целом по республике присутствуют и в выборах варианта ответа «Учреждения образования (детские сады, школы)» представителями уже упомянутых социальных групп: молодые люди в возрасте до 25 лет (48,6 %), а также респонденты с базовым и средним образованием (51,0 %) реже отмечали этот вариант ответа, тогда как респонденты с высшим образованием выбирали его чаще (61,0 %). Наиболее же высокая доля указаний респондентов на то, что учреждения образования играют ключевую роль в формировании и укреплении белорусской культуры, выявлена в ответах жителей сельской местности (61,4 %).

Среди представителей разных социально-демографических групп респонденты с высшим образованием (43,0 %) чаще всего отмечали важную роль учреждений культуры в ее формировании и укреплении.

Вариант ответа «Средства массовой информации» в сравнении с показателем по населению в целом оказался наименее популярным у респондентов с базовым или средним уровнем образования (24,4 %). В то же время доля респондентов, имеющих высшее образование, является самой высокой среди представителей различных социально-демографических групп (35,6 %).

Одним из популярных ответов респондентов на вопрос был вариант «Молодежные организации и объединения». Максимальные отклонения от общего значения количества выборов указанного варианта ответа были выявлены у представителей возрастных групп: чаще всего его выбирали респонденты младшей возрастной группы (до 25 лет – 33,5 %), а реже всего – старшей возрастной группы (18,3 %). Можно предположить, что причиной своеобразного «противостояния» представителей противоположных возрастных полюсов в выборе указанного варианта ответа является его формулировка, так как молодые люди имеют больше информации о деятельности и значении молодежных организаций и объединений и в большинстве своем являются их участниками, а следовательно, в отличие от представителей старшей возрастной группы выбирали этот вариант «со знанием дела».

Таким образом, можем сделать вывод о том, что принадлежность респондентов к разным социально-демографическим группам в целом не оказала значительного влияния на их выбор вариантов ответов на исследуемые вопросы.

УДК 316.61

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ У ПРОГРАММИСТОВ

Цюхай Е. И.
старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Рынденко Д. В.
студент 4 курса кафедры социальной психологии и организационной психологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

В условиях стремительной цифровизации современного общества и роста востребованности специалистов IT-сферы особое внимание исследователей уделяется психологическим аспектам их труда. Программирование – интеллектуально и эмоционально напряженная деятельность. Немаловажным фактором, определяющим профессиональную успешность программистов, выступают их ценностные ориентации – система приоритетных убеждений личности, направляющих ее поведение [1].

Согласно теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца, последние формируют круговой континуум и представляют собой универсальные мотивационные цели, направляющие поведение личности в различных сферах жизни, включая профессиональную [2].

Ценностные ориентации определяют отношение индивида к работе, восприятие им удовлетворенности трудом, выступая своеобразной призмой, через которую преломляются цели и решения программистов. Следовательно, ведущие ценности *регулируют профессиональное поведение* – от степени инициативности и упорства в работе до соблюдения этических норм и стиля общения в коллективе [3].

Сталкиваясь с высокой степенью когнитивной нагрузки, дедлайнами и быстро меняющейся технологической средой, у специалистов IT-сферы все чаще фиксируются симптомы *эмоционального выгорания*. Оно проявляется как результат нервного перенапряжения, обусловленного спецификой профессиональной деятельности. На этом фоне отмечается резкое снижение работоспособности и эффективности труда [4].

В соответствии с моделью К. Маслач, «выгорающие» программисты испытывают интеллектуальное и эмоциональное истощение, сопровождаемое деперсонализацией и недооценкой собственных достижений. Благодаря востребованности профессии, при развитии эмоционального выгорания программисту проще отказаться от своих убеждений и целей, сменить место работы, чем выносить эмоциональное напряжение [5]. Это приводит к текучести кадров, организационной нестабильности и другим негативным последствиям данного состояния, представляя серьезную угрозу для здоровья и благополучия программистов.

Целью исследования стало выявление взаимосвязи между ценностными ориентациями и степенью эмоционального выгорания у программистов. Понимание характера их связи будет способствовать разработке более эффективных стратегий профилактики и коррекции последствий эмоционального выгорания у IT-специалистов.

Выборка. В исследовании приняли участие 67 программистов: 41 мужчина и 26 женщин, работающих в сфере информационных технологий. Возраст респондентов варьировался от 19 до 46 лет (средний возраст – 25,3 лет).

Методы исследования. Сбор данных осуществлялся с использованием 1) методики «Профессиональное выгорание» Н. Е. Водопьяновой и Е. С. Старченковой, созданной на основе опросника MBI К. Маслач и С. Джексон [6] и 2) методики «Профиль личности» Ш. Шварца, в адаптации В. Н. Карандашева [7].

Обработка полученных данных проводилась с помощью пакета SPSS Statistics v. 22: однофакторный дисперсионный и корреляционный анализ (с расчетом коэффициента корреляции Спирмена), а также использовался критерий Н-Краскела-Уоллиса.

Результаты. Между группами программистов с различной степенью эмоционального выгорания были установлены статистически значимые различия в средних значениях следующих ценностных ориентаций: универсализм (p=0,015), самостоятельность (p=0,017), стимуляция (p=0,015) и конформность (p=0,005). С усилением эмоционального выгорания выраженность указанных ценностей у программистов снижалась.

Подобная тенденция обнаружена и в ходе корреляционного анализа. Выявлены значимые корреляции между ценностными ориентациями и компонентами эмоционального выгорания программистов (см. таблицу).

Таблица. Значимые корреляции между ценностными ориентациями и компонентами эмоционального выгорания

Название шкалы	**Эмоциональное истощение**	**Деперсонализация**	**Редукция персональных достижений**
Универсализм	–0,266*	–	0,509**
Самостоятельность	–	–0,251*	–
Гедонизм	–	–0,284*	–
Безопасность	–	–0,283*	–
Конформность	–0,243*	–	0,444**
Стимуляция	–	–	0,480**

* – Корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01.

Как следует из таблицы, ***эмоциональное истощение*** обратно связаны с:

– ***универсализмом*** и ***конформностью***. При взаимодействии программистов с окружением попытки понять и позаботиться о благополучии окружения способны снизить накопленное эмоциональное напряжение. В то время для «выгоревших» и эмоционально истощенных специалистов эта ценность становится менее актуальной, а кроме того, им становится сложнее сдерживать действия, имеющие негативные социальные последствия (им становится труднее дисциплинировать себя, проявлять вежливость и уважение к окружающим).

Деперсонализация отрицательно коррелирует со следующими ценностными ориентациями:

– ***самостоятельностью***, выражающейся в способе мышления и выборе способов действия. Состояние эмоционального выгорания негативно сказывается на возможности самоконтроля и самоуправления программистов, что побуждает их отдаляться от окружающих, а автономия позволяет им оставаться эмоционально невовлеченными.

– ***гедонизмом***: стремление получить позитивные эмоции и избежать дискомфорта может побуждать индивидов к поиску эмоциональной опоры от окружения, уменьшая проявления деперсонализации; тогда как отстраненность или цинизм не дают в полной мере получать удовольствие и наслаждение жизнью;

– ***безопасностью***: стремление к безопасности побуждает программистов эмоционально отдаляться от окружения, чтобы эффективнее справляться с нагрузкой, избегая деперсонализации как механизма защиты. Однако усиление деперсонализации не позволяет в полной мере сохранять взаимное расположение и оказывать взаимопомощь, например, коллегам.

Корреляционный анализ выявил значимые взаимосвязи между ***редукцией персональных достижений*** и следующими ценностными ориентациями:

– ***универсализмом***, что объясняется склонностью программистов ставить идеалистичные и труднодостижимые цели. Это приводит к разочарованию в себе и/или к недооценке своих достижений, так как фокус внимания направлен на глобальные проблемы, а не на личные успехи;

– ***конформностью*:** чрезмерная зависимость от внешней оценки ведет к снижению своих реальных достижений из-за постоянного сравнения с другими или из-за страха несоответствия чужим ожиданиям, что усиливает переживание профессиональной неуспешности;

– ***стимуляцией***, так как при высокой потребности в стимуляции программисты часто ставят перед собой множество амбициозных, но разнонаправленных целей, что может приводить к ощущению недовольства результатами своих действий, а постоянный поиск новых впечатлений может мешать фокусировке на завершении поставленных задач, усиливая чувство некомпетентности.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать вывод, что в условиях стремительного развития цифровых технологий у программистов при повышении степени эмоционального выгорания структура ценностных ориентаций изменяется: на первый план выходят традиции и безопасность, а стремление к самостоятельности начинает снижаться. Более пристальное внимание к изучению ценностей специалистов IT-сферы может обладать потенциалом в профилактической работе с эмоциональным выгоранием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Moore, J.E. One road to turnover: an examination of work exhaustion in technology professionals / J.E. Moore // MIS Quarterly. – 2000. – Vol. 4 (1). – P. 141–168.

2. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России / Ш. Шварц [и др.] // Психология. Журнал ВШЭ, 2012. – Т. 9, № 2. – С. 43–70.

3. Operationalizing Human Values in Software Engineering: A Survey / M. Shahin [et al.] // The International Conference on Evaluation and Assessment in Software Engineering. – IEEE Access, 2022. – P. 75269–75295.

4. Муравьева, О.И. Профессиональное выгорание программистов: специфичность феномена / О.И. Муравьева, К.В. Козлова // Сибирский психологический журнал. – 2019. – № 73. – С. 98–110.

5. Забара, И.В. Эмоциональное выгорание у программистов с различным ценностно-смысловым отношением к профессиональной деятельности : автореф. дисс. …канд. психол. наук : 19.00.01 / И.В. Забара. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2019. – 23 с.

6. Водопьянова, Н.Е. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб. : Питер, 2008. – 336 с.

7. Карандашев, В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство / В.Н. Карандашев. – СПб : Речь, 2004. – 70 с.

УДК 341.232.7

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ПАРАДИГМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Чертков А. С.
доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М. А. Будановой,
Московский государственный педагогический университет
кандидат исторических наук
г. Москва, Россия

Современные геополитические стратегии государств, базируясь на безусловных приоритетах в области национальной безопасности и национальных интересов, уже не могут строиться вне сферы сформулированных национальных ценностей, разделяемых обществом и являющихся сутью проводимой государственной политики. В условиях разрушения равновесного состояния социально-экономических систем, вызванных демонтажем однополярного мироустройства, усиливается фактор гибридного противостояния государств, что, безусловно, сказывается и на цельности национальных ценностей, имеющих важное историко-культурное значение для развития цивилизованных социумов.

Как таковые национальные ценности того или иного этносоциума имеют глубокие исторические корни и генетическую память с мощным созидательным, а иногда и разрушительным потенциалом. Недооценка данного фактора приводит к самым мрачным сценариям, ведущим к деформации социально-экономических систем, социально-культурного пространства и цельности самих этносоциумных образований. На российском примере деформации культурных ценностей, начатой в конце 1980-х гг., становится понятно в каких уродливых формах может происходить ломка социокультурного пространства, затрагивающая мировоззренческую сферу и даже сферу национальных интересов. Российскому государству потребовалось пройти серьезные экономические испытания, политические кризисы, санкционное давление, недружественную изоляцию, чтобы задуматься об актуализации и формулировании своих национальных ценностей, вокруг которых сейчас объединяются здоровые силы общества, включая политические партии и общественные объединения.

Сформулированный академическим сообществом перечень российских духовно-нравственных ценностей и утвержденный соответствующим указом президента России от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [1], не вызвал разногласий в обществе не потому, что не было разночтений в их формулировке (больше обсуждали формы и механизмы его реализации), а потому, что ценностный консенсус был достигнут на старте проекта, т. к. соответствовал ожиданиям разделяющего их большинства. В российском обществе существовал запрос не только на выработку национальных ценностей, но и на осуществление на их основе государственной политики.

Российский опыт существования социально-экономической системы в условиях деформированных национальных ценностей показывает, что такое общество с легкостью перенимает навязываемые другими государствами андеграундные нравственные ориентиры и ценности, которые становятся мейнстримом в маргинальной среде, ориентиром для мировоззренчески неокрепшей части молодого поколения, покрывают коррозией опорные ценностные установки практически любой социальной группы.

Российские обществоведы рассматривают ценности как действенный фактор национальной безопасности, при этом отмечают, что у нас они «трактуются как мир духовных сущностей, связанных с историей и традицией народа и пронизывающих бытие современного общества» [2, с. 80], осуществляется их классификация и иерархия [3]. При этом все же необходимо исходить из концептуальной идеи заявленной государством, как главным проводником ценностной парадигмы: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1].

Обещано, что список общих для стран БРИКС традиционных ценностей будет представлен на втором форуме объединения «Традиционные ценности» (сентябрь 2025 г.) в Национальном конгрессе Бразилии. Безусловно, это будут рамочные общечеловеческие ценности, например, «милосердие», «здоровье», «процветание будущих поколений» и др., развивать содержательный, понятийный и методологический концепт которых гуманитариям еще предстоит, чтобы они не превратились в документ декларативного характера.

Также не вызывает сомнений связь основных ценностей с факторами национальной безопасности [4; 5]. Вместе с тем обращает на себя внимание упрощенческий подход обществоведов к обозначению ценностей иных цивилизаций, обозначаемых как мир потребностей, наживы и стяжательства. Такая постановка вопроса обедняет современную науку и ограничивает наши представления о других, положительных сторонах западного мира, также имеющего богатую историю, культуру и ценности. Отголоски позитивистского подхода на подмену понятия «ценности» термином «потребности» показывают нежелание по-новому осмыслить данную категорию, в поведенческой модели которой сегодня существует подавляющее большинство людей разных миров.

С другой стороны, концепт традиционных российских духовно-нравственных ценностей необходимо развивать на основе современных вызовов, которые диктует развернутое глобальное противостояние социально-экономических систем. Перманентное пребывание в режиме гибридно-информационных войн, грозящее перейти в естественное состояние современных социумов на постоянной основе, приведет к расширению механизмов реализации на практике государственной политики, основанной на традиционных ценностях.

Общество, развивающееся на основе актуализированных нравственных ценностей, коррелирует в связи с ними свою внешнюю политику. Подписанный в сентябре 2025 г. американским президентом указ о переименовании Министерства обороны (Department of Defense) в Министерство войны показывает, насколько мировая политика стала циничной и как быстро происходят изменения в, казалось, некогда незыблемых установках на сохранение доминирующих внешних стратегий, связанных с понятиями «укрепление мира», «сохранение человечества» и др.

Таким образом, национальные ценности являются важным источником формирования государственной политики государства, сформированные на их основе ценностно-ориентированные концепции, требуют разработок механизмов реализации и внедрения данных фундаментальных основ и стратегий развития общества, в том числе и в сфере национальной безопасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&ndc=603502873 (дата обращения: 09.09.2025).

2. Костина, А.В. Ценности как фактор национальной безопасности / А.В. Костина // Знание. Понимание. Умение. – 2023. – № 1. – С. 80–92.

3. Цинцадзе, Н.С. Классификация и иерархия правовых ценностей в теории права / Н.С. Цинцадзе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 2(130). – С. 189–194.

4. Позднякова, Е.В. Ценности и интересы как фундаментальные категории в сфере национальной безопасности. Часть 1. Национальные ценности / Е.В. Позднякова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 120–130.

5. Национальные интересы России: публично-правовые аспекты институционализации и обеспечения / В.П. Беляев, Г.С. Беляева, Б.Б. Бидова [и др.]. М. : Русайнс, 2020. – 176 с.

УДК 004.738.5-053.81(510)

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖИ В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Чжао Юаньлун
аспирант кафедры социологии,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Цифровая трансформация становится ключевым фактором, определяющим образ жизни, образование и социальные практики современной молодежи по всему миру. Однако в разных странах этот процесс имеет свои уникальные особенности, обусловленные политическими, культурными и экономическими условиями. В Китае формирование цифрового пространства является результатом целенаправленной и системной государственной политики. Государство выступает главным архитектором цифровой среды, активно создавая инфраструктуру, регулируя потоки информации и продвигая национальные стандарты.

Цифровое пространство китайской молодежи формируется благодаря систематическому планированию и контролю национальной политики. Национальное управление данных, созданное в конце 2023 года, играет центральную роль в цифровой системе, отвечая за координацию развития инфраструктуры данных, контроль за интеграцией, обменом, разработкой и использованием информационных ресурсов, а также за планирование и развитие цифровой экономики и цифрового общества в целом. Агентство предприняло ряд мер, по развитию цифрового пространства китайской молодежи, включая реформы рыночного распределения элементов данных и систему защиты данных, обеспечивая тем самым структурированную основу для цифровой жизни молодежи [1].

Наиболее известным примером государственного контроля является проект «Великий китайский файрвол»[1], который ограничивает доступ молодежи ко многим

[1] «Великий китайский файрвол» (англ. Great Firewall of China, Аббревиатура GFW, кит. 中国防火墙) является частью проекта «Золотой щит».

зарубежным ресурсам и социальным сетям. В 2021 году были введены ограничения на время, которое дети и подростки могут проводить в онлайн-играх [2]. Иностранные социальные сети такие, как Instagram и Facebook, запрещены, что создает условия для доминирования национальных платформ [3]. Этот государственный контроль используется не только для информационной безопасности, но и как инструмент культурного и социального управления.

Национальная платформа государственных услуг «умного образования» была запущена в 2022 году и на сегодняшний день стала крупнейшей в мире платформой государственных образовательных ресурсов, государственных образовательных услуг и непрерывного обучения. На ней зарегистрировано более 164 миллионов пользователей, а количество просмотров страниц превысило 61,3 миллиарда [4]. Национальная платформа «умного образования» для начальных и средних школ – это национальная онлайн-платформа образования, возглавляемая Министерством образования, которая объединяет широкий спектр высококачественных образовательных ресурсов, эффективно обеспечивая обучение в начальной и средней школе, самостоятельное обучение, повышение квалификации учителей и взаимодействие родителей и школы по всей стране. Она сыграла значительную роль в обеспечении равенства в образовании, а её ресурсы получили высокую оценку удовлетворенности.

Китайское правительство инвестирует в создание национальных образовательных платформ, которые призваны обеспечить качественное обучение внутри страны и экспортировать китайскую образовательную модель. При поддержке Министерства образования КНР были запущены две глобальные онлайн-платформы: XuetangX и iCourse International. Платформа XuetangX предлагает около 3000 онлайн-курсов от ведущих университетов мира, включая Массачусетский технологический институт и Пекинский университет. Платформы доступны с различных устройств и имеют интерфейсы на нескольких языках, включая английский, а в будущем и русский [5].

В социальной сфере такие платформы, как WeChat (социальное приложение с самой высокой активностью пользователей в материковом Китае), Douyin (материковая версия TikTok), Weibo (китайский аналог Twitter) и Xiaohongshu (предлагающая иллюстрированные научные руководства и советы по образу жизни), являются основными площадками для цифрового социального взаимодействия молодежи. Эти платформы не только предоставляют услуги общения, но и интегрируют разнообразные функции, такие как платёжные и сервисы, связанные с образом жизни, формируя экосистему суперприложений. Важно отметить, что Douyin и TikTok – это разные приложения с разным контентом и аудиторией, а доступ к TikTok из КНР без VPN-сервисов заблокирован [6]. Вузы активно используют WeChat для рекрутинга студентов, предоставления автоматизированных ответов и создания онлайн-сообществ, что подтверждает его центральную роль в цифровом взаимодействии [7]. По сравнению с зарубежными платформами китайские социальные приложения уделяют больше внимания управлению контентом и распространению позитивной информации, продвигая общепринятые ценности с помощью алгоритмических рекомендательных механизмов, одновременно защищая молодёжь от вредоносной информации.

В сфере обмена сообщениями WeChat и QQ (аналог WeChat) продолжают доминировать, но новые платформы как, например, DingTalk (мобильная офисная платформа, объединяющая обмен сообщениями, видеоконференции, управление календарём и совместную работу) быстро развиваются в сфере образования. Благодаря

локализованным инновациям эти приложения приобрели ряд особенностей, которые отличают их от зарубежных аналогов. Среди них можно выделить экосистему мини-программ WeChat, обеспечивающую интеграцию коротких видеороликов в социальные сети.

Таким образом, цифровое пространство молодежи КНР характеризуется тремя основными характеристиками: упорядоченным развитием, богатой экологией и местными особенностями. Под руководством государственной политики оно интегрировалось в глобальное цифровое пространство, сохраняя при этом отличительные особенности китайского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 中共中央 国务院印发《党和国家机构改革方案》[J].中华人民共和国国务院公报, 2023(09):6-10. doi:CNKI:SUN:GWYB.0.2023-09-002.

2. Китайским подросткам ограничат доступ в сеть. Стоит ли России перенимать этот опыт? // Информационный портал 360. – 03.08.2023. – URL: https://360.ru/tekst/obschestvo/kitajskim-podrostkam-ogranichat-dostup-v-set/ (дата обращения: 05.09.2025).

3. Назайкин, А.Н. Социальные сети-лидеры среди молодых российских и китайских пользователей / А.Н. Назайкин. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-lidery-sredi-molodyh-rossiyskih-i-kitayskih-polzovateley (дата обращения: 05.09.2025).

4. 集成化激发教育数字化澎湃动能—我国教育数字化进展系列综述之一/ 政府网站：中国教育部 // 中国教育报，12-05-2025. – URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5147/202505/t20250512_1190232.html (дата обращения: 05.09.2025)

5. Китай запускает две глобальные образовательные онлайн-платформы для поддержки обучения во время пандемии COVID-19 // Официальный сайт Института ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании (ИИТО ЮНЕСКО). – 16.03.2020. – URL: https://iite.unesco.org/ru/news/kitaj-zapuskaet-dve-globalnye-obrazovatelnye-onlajn-platformy-dlya-podderzhki-obucheniya-vo-vremya-pandemii-covid-19/ (дата обращения: 05.09.2025).

6. Дыминская, Е. Чем отличаются TikTok и его китайская версия Douyin / Е. Дыминская // SMM и продвижение: блог Екатерины Дыминской. – 29.04.2024. – URL: https://ekd.me/2024/04/douyin-vs-tiktok/ (дата обращения: 05.09.2025).

7. Ways to Use WeChat for Student Recruitment in China (2024) // Официальный блог Nanjing Marketing Group. – 2024. – URL: https://nanjingmarketinggroup.com/blog/10-ways-to-use-wechat-for-student-recruitment-in-china/ (дата обращения: 05.09.2025).

УДК 24.00.01

ЭСТЕТИЗАЦИЯ БЕЗОБРАЗНОГО КАК ЧЕРТА РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-КУЛЬТУРЫ

Чэн Ци
аспирант кафедры культурологии факультета социокультурных коммуникаций, Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

По своей сути восприятие безобразного является формой эстетического освоения мира, то есть совершенствованием воображения через призму категории уродства, одновременно воплощающего критическое мышление, способствующее более глубокому пониманию прекрасного.

С момента своего возникновения идея безобразного формировалась как производный элемент от более широкой концепции эстетического восприятия. В XVIII

веке основоположник эстетики Александр Готлиб Баумгартен впервые обозначил, что объектом эстетики являются две взаимосвязанные стороны единого целого, включающие прекрасное и безобразное. Он постулировал, что совершенство чувственного познания есть красота, в то время как его несовершенство есть уродство, и сформулировал задачу эстетики как достижение истины – то есть способность человека познавать истину через чувства и когнитивные способности, аналогичные рациональным [1, с. 63].

К XIX веку с появлением двух фундаментальных произведений, заложивших основы эстетики безобразного – «Эстетика безобразного» Карла Розенкранца и «Цветы Зла» Шарля Бодлера – западная эстетическая мысль на теоретическом и практическом уровнях вступила в этап осмысления категории безобразного как самостоятельного феномена. «Уродство» приобрело статус, равный «прекрасному», ознаменовав наступление эры всеобщего признания подобной концепции, распространения соответствующих тенденций и утверждения восприятия безобразного как полноценного элемента культурного поля [2, с. 268].

В традиционном понимании восприятие безобразного представляет собой акт суждения, критики, терпимости и преобразования уродства. Это негативный эстетический опыт, возникающий у субъекта при созерцании «некрасивых» явлений, относится к сфере человеческой чувственно-практической деятельности. Оно означает, что, сталкиваясь с дисгармоничным и не соответствующим общепринятым закономерностям объектом, субъект способен посредством рационального начала сформировать негативное эмоциональное и ценностное суждение. Цель восприятия безобразного заключается в том, чтобы побудить субъекта к пониманию смысла, скрытого за «безобразным», и, таким образом, достичь более глубокого и комплексного понимания прекрасного [3, с. 544].

Интернет-культура восприятия безобразного – это сложный социокультурный феномен, при котором намеренно провокационные, маргинальные или эстетически нарушающие нормы формы контента (видео, изображения, мемы, поведение) становятся объектом массового потребления, обсуждения и имитации в цифровой среде. Это не просто интерес к уродливому, а системное преобразование безобразного в значимый элемент культурного кода интернет-сообществ.

В интернет-культуре эстетизация безобразного проявляется в формах вульгарной культуры и является продуктом стремительной социальной трансформации [4, с. 135]. В сфере видеотрансляций на цифровых платформах исполнители, использующие эстетизацию безобразного, привлекают внимание аудитории («трафик») посредством заимствования повседневных культурных ландшафтов, создания виртуальных персонажей, основанных на контрасте, и балансирования на грани этических норм. В области коротких сетевых видео стримеры привлекают внимание пользователей и создают вульгарную социальную идентичность через китч, пародийный юмор, демонстрацию уродства и сексуализированный контент, что наносит значительный ущерб массовой культуре. В социальных медиа молодые пользователи, используя «уродливые» граффити-стикеры, «самоиронизируют» и «принижают себя» (самоуничижение), превращая себя в объекты насмешек и сатиры, чтобы высвободить подавленное психологическое состояние, обусловленное социальными нормами в реальной жизни.

В эпоху стремительного развития и совершенствования таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные и облачные вычисления, восприятие

безобразного претерпевает процесс отчуждения и приобретает явные отличия от своего традиционного понимания.

В эпоху искусственного интеллекта произошли кардинальные изменения как в производстве и распространении новостного контента, так и в моделях информационного взаимодействия с пользователем. Например, такие технологии больших языковых моделей, как GPT-4 и Sora, инициировали полномасштабную трансформацию парадигмы культурного производства. Сферы применения для эффективного генеративного создания контента с помощью искусственного интеллекта становятся всё более детализированными и универсальными. Однако в процессе глубокого обучения больших моделей и их тренировки на крупномасштабных выборках данных скрываются серьёзные этические проблемы, связанные с восприятием безобразного, в связи с чем выравнивание ценностей (value alignment) становится широко обсуждаемой и неизбежной дилеммой.

Так, контент, представляемый AI-дикторами, отличается неоднородным качеством и несёт в себе риск распространения дезинформации или тенденциозных репортажей, что трансформирует подлинное восприятие безобразного в его ложную, симулятивную форму. Злоупотребление технологиями глубокого синтеза на основе искусственного интеллекта серьезно загрязняет современную цифровую культурную экосистему и создаёт многомерные риски для безопасности, приводя к искажению и отчуждению самого процесса восприятия безобразного. Вредоносные социальные боты посредством автоматизированных действий, таких как репосты, комментарии и лайки, оказывают существенное влияние на эмоции, мнения и когнитивные установки пользователей социальных сетей, перенося восприятие безобразного в область взаимодействия с социальными ботами и формируя тем самым модель сосуществования человека и машины в условиях ложного и виртуального восприятия безобразного.

Широкое применение искусственного интеллекта углубляет тотальное отчуждение восприятия безобразного, затрагивающее всю цепочку – от субъекта распространения до содержания и, наконец, процесса распространения контента.

Феномен эстетизации безобразного в интернет-культуре претерпел фундаментальную трансформацию: из маргинальной контркультурной практики, уходящей корнями в классическую эстетику (К. Розенкранц), он превратился в системный, технологически опосредованный процесс алгоритмического отчуждения.

Ключевым драйвером этой трансформации выступила логика платформенного капитализма, в которой экономика внимания определяет культурные тренды. Рекомендательные алгоритмы, оптимизированные под максимизацию вовлеченности, активно продвигают провокационный и маргинальный контент, создавая самовоспроизводящийся цикл производства и потребления безобразного. Важнейшим качественным сдвигом стало появление нового субъекта этого процесса – AICG. Наделенные видимостью «души» и перформативными способностями, они, однако, лишены человеческой интенциональности. Их «творчество» является продуктом обработки тренировочных данных, что делает их идеальными акторами для масштабирования эстетизации безобразного, его доведения до крайних форм и постоянного поддержания в онлайн-среде. Таким образом, современная сетевая эстетизация безобразного представляет собой уже не столько акт эстетической рефлексии или социального протеста, сколько технологически детерминированную форму производства культурного контента, подчиненную целям извлечения прибыли.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе конкретных механизмов ценностного выравнивания для генеративного ИИ, а также в разработке нормативных основ, способных противостоять тотальной инструментализации безобразного в цифровой среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Борев, Ю.Б. Эстетика : учеб. пособие / Ю.Б. Борев – М. : Высш. шк., 2002. – 63 с.
2. Минь, Юаньчунь. Историческая эволюция западных эстетических концепций / Юаньчунь, Минь. – Чанчунь : Social Science Front, 2020. – С. – 266–270.
3. Каган, М.С. Эстетика как философская / М.С. Каган – СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 544 с.
4. Тянь, Сюймин. Культура уродства: этический кризис и его искупление / Сюймин Тянь. – Хух-Хото : Социальные науки Внутренней Монголии, 2013. – С – 135–140.

УДК 17:321.64

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПАТРИОТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ

Шершнева О. А.
старший преподаватель кафедры философии и методологии науки,
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

В современном обществе понятие патриотизма часто сводится к набору символов, ритуалов и эмоциональных порывов. Однако истинный патриотизм – это не просто любовь к Родине на уровне чувств, а глубокое, осмысленное и деятельное отношение к стране и ее народу. Именно философия, как многовековая школа мысли, играет ключевую роль в преобразовании этого чувства из спонтанного в зрелое, из мифологического в критическое, формируя тем самым подлинную патриотическую культуру личности [1].

Философия выполняет важнейшие функции в формировании патриотической культуры личности: мировоззренческая, критически-рефлексивная и ценностно-ориентирующая.

Во-первых, философия предоставляет инструменты для осмысления таких сложных категорий, как «Родина», «народ», «государство», «гражданское общество», «исторический путь». Философия позволяет увидеть Родину как сложный многослойный феномен: как «место-бытие», ландшафт, история которого вписана в культуру и идентичность народа; как культурно-историческую общность, где через язык, традиции, искусство, литературу формируется «дух народа»; как сообщество граждан, объединенных не только прошлым, но и общим будущим, общими ценностями и стремлением к всеобщей гармонизации. Через призму философских учений – от античных концепций добродетельного гражданина до современных теорий социального контракта – личность выстраивает собственную систему ценностей, выходя за рамки упрощенных трактовок.

Во-вторых, согласно философии, подлинный патриот – не тот, кто идеализирует прошлое и настоящее, а тот, кто способен к трезвому, критическому анализу. Философия учит рефлексии, сомнению и поиску истины. Она позволяет видеть не только достижения, но и трагические страницы истории, ее «белые» и «черные» пятна. Такой патриотизм основан на желании исправлять недостатки и способствовать развитию страны, а не на их

отрицании или оправдании. Это патриотизм ответственности, а не самовосхваления. Такой патриотизм сродни любви в семье: она не слепа, она видит недостатки и работает над их исправлением, потому что заинтересована в благополучии объекта любви.

В-третьих, философия помогает выявить и выстроить у гражданина его иерархию ценностей. Осмысленный патриотизм возникает тогда, когда ценности гражданина совпадают с теми ценностями, которые воплощают или к которым стремится его народ. Это делает патриотизм не только критическим, но и конструктивным [2]. Философия помогает определить ключевые ценности, на которых строится здоровое патриотическое сознание, среди которых можно выделить справедливость (стремление к построению справедливого общества в своей стране), свобода (понимание того, что любовь к Родине не должна подавлять индивидуальные свободы и права человека), солидарность и коллективная ответственность (осознание себя частью целого, чьи действия влияют на общее благополучие), уважение к наследию и традициям (но не догматическое следование им, а творческое осмысление и развитие).

Философское осмысление истории позволяет избежать двух крайностей: нигилистического отрицания своего прошлого и его некритичной героизации. Философия истории помогает понять причинно-следственные связи, многообразие факторов, влияющих на развитие государства, и место своей страны в мировом историческом процессе. Это рождает чувство сопричастности к великому и трагическому пути своего народа, понимание преемственности поколений.

Философия не является исключительно теоретической дисциплиной, она не замыкается в кабинетах, но призывает к действию. Сформированное с ее помощью патриотическое сознание – это не пассивная гордость, а активная гражданская позиция. Человек с такой осознанной позицией стремится выверенно понимать процессы, происходящие в стране и мире. Он способен эти процессы критически осмыслить, не поддаваясь пропаганде и манипуляциям. Будучи социально активным, человек-патриот участвует в общественной жизни, волонтерстве, местном самоуправлении. Он ответственная личность, поэтому соблюдает законы, платит налоги, заботится об экологии, то есть вносит свой конкретный вклад в благополучие своей малой и большой Родины [3].

Таким образом, роль философии в формировании патриотической культуры личности невозможно переоценить. Она выступает тем интеллектуальным и нравственным фильтром, который превращает простое чувство любви к Родине в сложное, многогранное и зрелое мировоззрение. Философия учит не только гордиться, но и мыслить; не только принимать, но и спрашивать; не только чтить прошлое, но и ответственно строить будущее.

Философия – это практический инструмент для формирования зрелой гражданской идентичности. И именно философия создает фундамент для подлинного патриотизма, который укрепляет нацию изнутри, делая ее духовно сильной, критически мыслящей и открытой к диалогу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Губин, В.Д. Философская антропология / В.Д. Губин, Е.Н. Некрасова. – М.: Форум, 2008. – 398 с.

2. Кравченко, С.А. Социология патриотизма: проблемы и перспективы / С.А. Кравченко // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 14-24.

3. Федотова, Н.Н. Социальный идеал и патриотизм: философско-аксиологический аспект / Н.Н. Федотова // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2019. – № 3. – С. 45-59.

УДК 316.4

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Штеер О. В.
заместитель декана финансово-экономического факультета
по идеологической и воспитательной работе,
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой
г. Новополоцк, Беларусь

В условиях глобализации и культурных трансформаций сохранение историко-культурного наследия становится ключевым инструментом в обеспечении социальной безопасности государства. Сегодня сложно переоценить роль историко-культурного наследия в развитии общества: оно формирует культурную идентичность, способствует интеграции различных групп общества, оказывает влияние на стабильность государственных институтов, определяет социальные нормы и ценности.

Сложность понятия «историко-культурное наследие» состоит в его многогранности: оно объединяет два концепта «историю» и «культуру». Чаще всего ученые, в том числе и в международном сообществе, используют дефиницию «культурное наследие». В Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия, принятой 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, под культурным наследием понимаются: памятники, ансамбли и достопримечательные места, которые имеют выдающуюся универсальную ценность с точки зрения истории, искусства или науки [1].

В исследованиях И.Э. Мартыненко [2, с. 22] проанализировано использование схожих понятий «культурные ценности», «памятники истории и культуры», «объекты культурного наследия», а также понятие «историко-культурное наследие» (используется в законодательстве Молдовы, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Узбекистана и Беларуси).

В Республике Беларусь, как отмечалось выше, на законодательном уровне закреплено понятие «историко-культурное наследие». Согласно главе 16 Кодекса Республики Беларусь о культуре «историко-культурное наследие представляет собой совокупность наиболее отличительных результатов и свидетельств исторического, культурного и духовного развития народа Беларуси, воплощенных в историко-культурных ценностях» [3]. Из определения следует, что историко-культурное наследие включает как материальные, так и нематериальные аспекты, которые формируют идентичность, ценности и нормы общества, что в свою очередь, определяет социальную безопасность.

Социальная безопасность подразумевает состояние общества, обеспечивающее максимальный уровень предоставляемых социальных благ и социальных условий, которые определяют качество жизни общества в целом и гарантируют наименьший риск для жизни и здоровья людей [4]. Социальная безопасность как социально-исторический феномен проанализирована в исследованиях ученых Гурбанова В.М. и Бегимай Сатывалдиевой [5]. Авторы отмечают, что становление социологических представления о социальной безопасности происходило на всех этапах развития общества и сегодня в

структуре национальной безопасности социальная безопасность занимает ведущие позиции наряду с экономической, политической, экологической безопасностью.

В Концепции национальной безопасности Республики Беларусь социальная безопасность определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от воздействия социальных угроз, обеспечивающее сохранение жизни, здоровья и благосостояния граждан, духовно-нравственных ценностей белорусского народа» [6].

Из вышеперечисленного следует, что социальная безопасность представляет собой комплексный подход, в основе которого обеспечение не только физической безопасности общества, но и духовное, культурное благополучие его граждан. Ключевая роль историко-культурного наследия в данном контексте состоит в формировании национальной идентичности.

Анализ зарубежных исследований показал, что в рамках отдельных подходов историко-культурное наследие рассматривают как ресурс и движущую силу устойчивого развития общества, что в свою очередь, обеспечивает его социальную сплоченность. Вводится понятие «межпоколенческой справедливости», которое отражает идею, что нынешнее поколение должно оставить мир в состоянии, которое позволит будущим поколениям процветать, а значит нужно придерживаться принципа: сохранять и передавать культурное наследие [7]. Приоритетным направлением в Европе и США является интеграция культурного наследия в устойчивую модель развития общества.

О том, что «идея о взаимосвязанности задач обеспечения национальной безопасности со сферой культуры, получила обоснование в международной политологической и философской литературе и прочно вошла в практическую политику во всем мире» пишут Катагощина М. В., Панаев Н. С. в своей работе, посвященной политике национальной безопасности стран Центральной Азии [8]. Авторы акцентируют внимание на том, что в концепциях национальной безопасности практически всех современных государств прописано, что культура, как фундаментальная социальная реальность, играет решающую роль в развитии общества. Поэтому государственная поддержка культурных ценностей и исторической памяти стали важными факторами противодействия экстремизму и политической нестабильности в ряде государств (например, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане и др.).

Сегодня проблема сохранения историко-культурного наследия и создание социальной безопасности в обществе, состоит в резком увеличении в последние годы внешних и внутренних угроз. Колин К.К. в своей работе «выделяет целые кластеры угроз: «природа», «общество», «человек» [9]. Наибольшую угрозу для социальной безопасности страны представляют такие угрозы как: усиление социального расслоения, противостояние культур, информационные войны, угроза новой мировой войны, нравственная и интеллектуальная деградация, «разрыв поколений», трансформация института семьи и др.

В работах, посвященных социальной безопасности в Российской Федерации и Республике Беларусь, историко-культурному наследию отводится главная роль в формировании социальной политики и стратегии национальной безопасности.

Таким образом, в данной работе проведен анализ связи между сохранением, использованием историко-культурного наследия и обеспечением социальной безопасности государства. В современном мире, полном глобальных вызовов и угроз именно наследие становится активным инструментом поддержания стабильности и устойчивого развития общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml – Дата доступа: 05.08.2025.

2. Мартыненко, И.Э. Историко-культурное наследие Беларуси: генезис, состав, порядок формирования, перспективы развития / И.Э. Мартыненко // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2015. – № 2(191). – С. 22-37. – EDN VZRQKP.

3. Кодекс Республики Беларусь о культуре. – Режим доступа: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1600413 – Дата доступа: 05.08.2025.

4. Черникова, С.А. Современные проблемы социальной безопасности / С.А. Черникова, В.П. Черданцев, Г.А. Вшивкова // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-4. – С. 836-838.

5. Губанов, В.М. Социальная безопасность как социально-исторический феномен / В.М. Губанов, Бегимай Сатывалдиева // Молодой ученый. – 2015. – № 15 (95). – С. 577-581. – URL: https://moluch.ru/archive/95/21306/.

6. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь 2024 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005 (дата обращения: 04.09.2025).

7. Taqa, A. The Role of Cultural Heritage in Sustainable Development – URL: https://www.researchgate.net/publication/388869475_The_Role_of_Cultural_Heritage_in_Sustainable_Development (дата обращения: 04.09.2025).

8. Катагощина, М.В., Панаев Н.С. Возрождение традиционной культуры как элемент политики национальной безопасности стран Центральной Азии в 1991-2010-е гг. / М.В. Катагощина, Н.С. Панаев // Genesis: исторические исследования. – 2024. – №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozrozhdenie-traditsionnoy-kultury-kak-element-politiki-natsionalnoy-bezopasnosti-stran-tsentralnoy-azii-v-1991-2010-e-gg (дата обращения: 04.09.2025).

9. Колин, К.К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / К.К. Колин // Стратегические приоритеты. – 2014. – № 1(1). – С. 6-30. – EDN TWOJWD.

УДК 316.658.4: [316.774:004.77] + 327.88:004

КИБЕРТЕРРОРИЗМ И РАДИКАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ ВЕРБОВКИ И ПРОПАГАНДЫ

Шумская Б. И.
младший научный сотрудник Центра политологии,
Институт социологии НАН Беларуси
магистр политических наук
г. Минск, Беларусь

Современное информационное общество сталкивается с трансформацией рисков, имеющих ярко выраженную цифровую природу. Одним из наиболее острых и быстро развивающихся форм такого риска выступает кибертерроризм, использующий онлайн-пространство для дестабилизации общества. Ввиду этого, востребованным становится анализ механизмов вербовки и пропаганды террористических организаций в Интернете.

Эскалация угроз кибертерроризма во многом обусловлена широкой доступностью и популярностью цифровых платформ и социально-медийных ресурсов. Современные коммуникационные технологии предоставляют террористическим организациям и радикальным движениям инструменты резонансной и масштабной разрушительной деятельности, содержащей вербовку новых участников, пропаганду экстремистской

идеологии, координацию атак и психологическое влияние на большие массы. Тревогу вызывает проблема радикализации, протекающая «мягко» и незаметно трансформирующая индивидуальное восприятие, ценности и поведение.

Технологические характеристики цифровой среды также играют существенную роль. Искусственный интеллект, алгоритмы машинного обучения, большие данные – всё это используется не только в сфере маркетинга и рекламы, но и радикальными группами ради точечного воздействия на уязвимые категории населения. Персонализированные алгоритмы позволяют настраивать воздействие по возрасту, полу, религиозным взглядам и интересам, формируя высокоэффективные кампании идеологического влияния.

Следующим фактором риска выступает распространение дезинформации, фейков и конспирологических теорий. Данные элементы создают питательную почву для развития недоверия к государственным институтам, размывают границы между правдой и вымыслом, формируют альтернативные, часто враждебные картины мира. Именно в когнитивно-хаотичной среде проще всего внедрить радикальные идеи под видом «альтернативного знания» и «истинного просвещения». Вовлеченность в рассылки псевдонаучных и антиинституциональных нарративов фиксируется у множества онлайн-сообществ, часть из которых напрямую связана с экстремистскими структурами. Так, согласно исследованию START (2005–2016), 68,1% одиночных террористов прошли процесс радикализации через соцсети, тогда как среди членов террористических групп этот показатель составил 50,2%. В 2016 году цифры увеличились до 88,2% и 76% соответственно. Примечательно, что 45,4% исламских экстремистов использовали социальные сети в качестве основного канала идеологической обработки [1, с. 1–4]. Данные указывают на системную роль цифровых платформ при современной стратегии вербовки и радикализации.

Повышенную опасность представляют платформы с высокой степенью охвата и вовлечённости аудитории: Telegram, Facebook, Instagram, X, TikTok, YouTube и Reddit. Их популярность, мультимедийная насыщенность и технические параметры создают благоприятные условия для манипуляций и построения устойчивых террористических сообществ.

В таблице ниже описаны данные платформы с указанием их специфических рисков радикализации и зафиксированных случаев злоупотребления:

Таблица. Использование онлайн-платформ для террористической и экстремисткой деятельности на основании [2; 3; 4; 5]

Платформа	**Уязвимые функции и возможности**	**Зафиксированные случаи**
Telegram – более 900 млн. пользователей	каналы, чаты, боты; анонимность, шифрование; возможности рассылки.	Telegram заблокировал 16,32 млн. каналов в 2025 г., 130.000 из них распространяли информацию террористического характера.
Facebook и Instagram – более 5 млрд. пользователей	сложность отслеживания дезинформации; фейковые аккаунты и реклама.	Facebook использовался для распространения ненавистнической риторики против рохинджа в Мьянме (2016–2018).
X (Twitter) – более 500 млн. пользователей	хэштеги; кодовые слова и эмодзи; вирусное распространение материалов.	В первом полугодии 2022 года Twitter закрыл 30 616 аккаунтов, связанных с терроризмом и насильственным экстремизмом и ещё более 28 тысяч аккаунтов, связанных с насилием.
TikTok – более 1,5 млрд. пользователей	быстрая виральность; фильтрации контента сложна; алгоритмы вовлечённости.	В 2023 году в TikTok радикальное видео «Letter to America» Усамы бен Ладена от ISIS и Аль-Каиды набрало миллионы просмотров
YouTube – более 2,5 млрд. пользователей	механичное продвижение по числу вовлечённости; религиозная и политическая риторики в пропаганде.	С 2 по 3 авг. 2018 г. CEP изучила 649 видео. 36 содержали экстремистский контент, 18 откровенно жестокие. 1 было официальной пропагандой ИГИЛ, 11 – пропагандой др. экстремистских групп, 24 неофициально-пропагандистскими

Анализ представленных данных свидетельствует о том, что каждая платформа обладает индивидуальным набором уязвимостей. Telegram отличается высоким уровнем анонимности и децентрализации, что затрудняет оперативную блокировку вредоносного контента. Визуальные платформы TikTok и YouTube эксплуатируют в целях распространения символики, насилия и идеологически окрашенного видеоконтента, что наиболее эффективно воздействуют на молодежь. Алгоритмы рекомендаций на этих платформах могут непреднамеренно усиливать радикальные нарративы. Социальные сети с широкой аудиторией Facebook и X становятся ареной дезинформации, координации кампаний ненависти и масштабной идеологической обработки. Все семь платформ не являются нейтральной средой – их архитектура и принципы модерации напрямую влияют на уровень угрозы от кибертеррористических и радикальных групп.

Помимо открытых и полуоткрытых сетей, активность радикалов наблюдается и в рамках Даркнета. В нём террористы и их последователи чувствуют себя более защищёнными от надзора и отслеживания, что позволяет им развивать индивидуальные тактики противодействия, в том числе онлайн-подготовку, планирование диверсий и создание обособленных идеологических групп.

Таким образом, цифровая среда стала мощной экосистемой радикального влияния, в которой кибертерроризм приобретает новые формы – более персонифицированные, скрытые и устойчивые. Современные террористические организации применяют поведенческие паттерны цифровых поколений, мимикрируют их под массовую культуру и развлекательный контент, подменяя понятия и подстраивая идеологию под интересы целевых групп. При такого рода условиях целесообразно выделить ряд стратегических и тактических мер государств по противодействию киберрадикализации:

• ужесточить и актуализировать законодательство по киберпроявлениям терроризма и онлайн-радикализации, определив юридические рамки и ответственность за распространение экстремистских контента;

• развить каналы сотрудничества с крупными корпорациями ввиду раннего выявления подозрительной активности и удаления террористической материалов;

• финансировать академические и прикладные исследования по борьбе с цифровой радикализацией и кибертерроризмом;

• интегрировать систематическое обучение основам информационной гигиены;

• проводить международные совместные операции и обучающие мероприятия для правоохранительных органов и специалистов в сфере ИКТ.

Предложенные меры формируют многоуровневую систему защиты от онлайн-насилия и распространения радикальных идеологий. Фактором их успеха является адаптация стратегий к локальным условиям и непрерывный мониторинг онлайн-среды.

Резюмируя сказанное выше, Республика Беларусь выстраивает синтезированную модель противодействия кибертерроризму и экстремизму, опирающуюся на укрепление информационного суверенитета, развитие технологического потенциала и активное международное партнёрство.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Use of Social Media by U.S. Extremists : Research Brief, July 2018 / National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START). – College Park, MD : University of Maryland, 2018. – URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_PIRUS_UseOfSocialMediaByUSExtremists_ResearchBrief_July2018.pdf (date of access: 21.07.2025).

2. Telegram заблокировал около 16 миллионов групп и каналов в 2025 году / РИА Новости. – URL: https://ria.ru/20250703/telegram-2026982996.html (дата публ: 03.07.2025).

3. Эксперты ООН отметили важную роль Facebook в разжигании ненависти в Мьянме / ТАСС. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5027412 (дата обращения: 23.07.2025).

4. An update on Twitter transparency reporting / X Corp. – URL: https://blog.x.com/en_us/topics/ company/ 2023/an-update-on-twitter-transparency-reporting (date of access: 25.07.2025).

5. CEP analysis finds YouTube users 4x more likely to find extremist content than counter-narrative material / Counter Extremism Project. – URL: https://www.counterextremism.com/press/cep-analysis-finds-youtube-users-4x-more-likely-find-extremist-content-counter-narrative (date of access: 28.07.2025).

УДК 93/94

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ЖЕНЩИН В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Юкина И. И.
доцент факультета дополнительного образования,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
кандидат социологических наук, доцент
г. Санкт-Петербург, Россия

История женщин – интенсивно развивающееся в последние 30 лет исследовательское поле в современной российской историографии, несмотря на сохранившееся до сих пор критическое отношение некоторых историков к этому направлению. Женская история начала развиваться в России позже, чем в странах Европы и США. Там это произошло в 1960-х – начале 1970-х годов на второй волне феминизма, подъема леворадикального движения, сексуальной революции, которые принесли с собой новые ценности. В России История женщин стартовала в годы Перестройки на совершенно других основаниях – в стране начались процессы демократизации, ушел идеологический контроль. Одновременно с тем в российской историографии шел процесс отказа от фокусирования исторического знания преимущественно на политических процессах и событиях, отказа от претензий на абсолютную объективность исторического нарратива. Историков все больше интересовало исследование личных судеб, событий локального уровня, каких-то «казуальностей», которые шли в разрез с основными тенденциями общественного развития. Другими словами, историков больше интересовало частное, а не универсальное и влияние этого «частного» на общие тренды.

С середины 1990-х годов в российской исторической науке начался активный поиск новых теоретических подходов и методов исследования. Стал меняться выбор предметов исследования, методы, концептуальное обеспечение, язык, способы трансляции исторического знания. Особенно интенсивно стали развиваться историческая антропология и социальная история, а вслед за ними появились такие специальные исторические дисциплины как История ментальности, История повседневности, История детства, История женщин, Интеллектуальная история, История благотворительных учреждений и частных инициатив и др.

Название исторической дисциплины История женщин, как на английском языке, так и на русском несет в себе двойное понимание этого термина. С одной стороны, это историческое знание о женщинах, которые слабо вписаны в общее историческое

полотно развития человечества во всех без исключения национальных историографиях. Это констатация факта «невидимости» женщин во «всеобщей истории», которая таким образом не является «всеобщей» и «полной». В таком понимании Истории женщин, объектом исследований являются женщины, их жизни, их роль в обществе, изменения их ролей и статусов.

С другой стороны, История женщин – это исторический нарратив, созданный женщинами, т. е. история, увиденная глазами женщин. Это тоже исследование самих женщин, но главная идея та, что вся история, написанная человечеством, как минимум до начала XX века – это история, написанная мужчинами, т. е., по сути, это мужская история. Она изучает и описывает сферы жизни и деятельности мужчин, несет в себе мужской взгляд, мужские интерпретации, передает мужские ценности и представления и основывается на тех исторических источниках, которые выбраны мужчинами-историками.

И в том, и в другом понимании Истории женщин в ней присутствует феминистская рефлексия о недооценки роли женщин в развитии человеческой цивилизации и о несправедливости такого положения дел. Феминистский дух новой исторической дисциплины дал повод приверженцам «всеобщей и универсальной» истории увидеть в Истории женщин феминистскую интервенцию в науку. Причем то новое знание, которое несла История женщин – расширение исследовательского поля, привнесение новых исторических источников – не замечались. Сложности институционализации новой исторической дисциплины вставали перед сторонниками Истории женщин независимо от страны, в которой она начинала развиваться. Сегодня ситуация в целом изменилась. Теоретическая значимость Истории женщин для понимания пути развития человечества осознается, но этому предшествовал длинный путь со своими кризисами.

Прежде всего, имеется в виду кризис 1970-х годов в европейской и американской историографии. Несмотря на появление интересных новаторских работ, История женщин оставалась на обочине исторической науки. Выяснилось, что просто добавить женщин в историю не получается. Это была проблема синтеза частного и публичного, соединения исследований исторического процесса микроуровня и макроуровня.

Советская историческая наука в 1970–1980-х годах была в стороне от развернувшихся в странах Европы и США дискуссий вокруг применения гендерной теории в исторических исследованиях. Российские ученые познакомились с ней и адаптировали ее в начале 1990-х и в России также развернулась дискуссия о полезности применения гендерной теории, ее понятийного аппарата в исторических исследованиях. Одним из аргументов противников гендерного подхода был тот, что женщины всегда присутствовали в историографии в той или иной степени. И если им посвящено мало исследований, то потому, что они, в силу своей «природы», не участвовали в жизни общества. Сторонники гендерного подхода утверждали, что без деятельности женщин человечество в принципе не могло бы существовать, без их каждодневной постоянной работы в частной сфере, и что это нужно исследовать. Эти дискуссии дали мощный толчок к развитию Истории женщин в России. Другая трудность, которая встала перед сторонниками Истории женщин – сложности в поиске исторических источников. Женщины меньше, чем мужчины оставляли личные документы. Кроме того, эти документы сохранялись намного хуже и в семьях, и в архивном хранении. В итоге, обнаружение и введение в научный оборот новых исторических источников стало специфической чертой женской истории.

Исследовательское поле Истории женщин включает в себя практически все стороны бытия женщин разных эпох и регионов и все более разрастается. За годы

существования Истории женщин разработаны специфические категории, понятийный аппарат, периодизации, адаптированы исследовательские методы из смежных социальных и гуманитарных наук.

Критики Истории женщин были правы в том, что женщины в какой-то степени всегда присутствовали в исторических исследованиях и что женщины-историки тоже были. Но стоит обратить внимание на то, что интерес к женской теме в российской исторической науке, когда историки начали изучать не только жизнь и деятельность представительниц элиты, а женщин разных сословий, появился только во второй половине XIX века. Это было время подъема женского движения в России, его первая волна. Именно тогда историки обратились к «женской» теме. Импульсом послужила политическая активность женщин. Но принципиально новый этап в развитии Истории женщин начался с приходом в профессию женщин-историков. Это произошло уже самом в конце XIX – начале XX века. Женщины перестали быть только объектом исследования, они стали субъектом создания нового знания в истории и представили женский взгляд в историографии. Они расширили круг исследовательских тем и, что логично, обратились к теме осмысления исторических корней гендерного неравенства. Женское движение первой волны прямо и косвенно выступило инициатором и заказчиком этих исследований.

В советское время «женская» тема считалась второсортной и непрестижной. Хотя, конечно, писались статьи и защищались диссертации. Основными темами было описание деятельности женщин в революции, их работа в партии большевиков, их роль в построении социалистического общества, личности женщин-коммунисток, и решение «женского вопроса» коммунистической партией. Новый всплеск интереса произошел в поздние советские годы (1970–1980). Это был ответ на работы зарубежных ученых, которые приезжали в Советский Союз, работали в российских архивах, писали историю русских женщин. Прежде всего, я имею в виду таких исследователей как Р. Стайтса, Б. Энгел, Р. Ратчайлд, Л. Эдмондсон. Задачей их исследователей было изучение сложившихся отношений господства и подчинения между мужчинами и женщинами в российском обществе и женские практики отстаивания своих прав. Их работы несли в себе дух феминисткой идеологии. Для советских историков это было ново.

Если говорить о современном, постсоветском развитии Истории женщин в России, то следует отметить, что она развивается в двух стратегиях. Первое направление – литературно-описательное по принципу «добавления» женщин в историю. В его рамках изучаются судьбы и достижения женщин разных эпох в разных регионах, их роли и статусы. Второе развивается на базе гендерной методологии. Ее часто называют Гендерной историей. Включение понятия «гендер» в аналитический аппарат позволил российским историкам, также как и ученым других стран, выйти на новую постановку исследовательской задачи, новые интерпретации исторического процесса и исторической реальности. Это направление в Истории женщин или Гендерная история – по сути дела является междисциплинарным научным направлением, соединяя в себе исторические исследования и женские и гендерные исследования. Объектом этой дисциплины, назовем ее Гендерной историей, является не только женщина и все аспекты ее жизнедеятельности, но и институты социального контроля, институты власти, методы и механизмы воспроизводства неравенства.

Обычно выделяют три сферы / направления институционализации – теоретическую, эмпирическую и организационную. Интенсивное расширение исследовательского поля, изучение ранее табуированных тем, появление множества

статей, монографий, защита диссертаций все это говорит об институционализации Истории женщин в эмпирической сфере. Едва ли не большинство работ основываются на возвращенных из небытия архивных документах. Так создается эмпирическая база дисциплины. Причины такого интенсивного развития Истории женщин лежат в открывающихся перспективах соединения исследований женских жизней с историей повседневности, локальной историей, историей семьи, детства и т.д. Это, в свою очередь, дает возможность поднять новые пласты исторического знания и сделать реальные исторические открытия.

Признаками теоретической институционализации считаются формирование понятийного аппарата, обсуждение проблем методологии исследований, формирование профессионального языка для описания исследовательского поля, развитие института критики и рецензирования, анализ изучаемых в рамках дисциплины тем и тенденций, а также включение национальных исследователей в международную дискуссию. В той или иной степени эти процессы идут в рамках сообщества историков, работающих в этом направлении.

В организационной сфере обычно выделяют такие показатели, как проведение конференций, защита диссертаций, чтение учебных курсов, работа научных центров по женской и гендерной истории при университетах и академических институтах, формирование профессионального сообщества. В Российской Федерации оформилось профессиональное научное сообщество исследователей Истории женщин, создана профессиональная ассоциация, которая представляет это направление в отечественной науке. В этом году в Казани пройдет уже XYIII конференция Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ), которая объединяет исследователей женской истории и является коллективным членом Международной федерации исследователей женской истории. Помимо этого, у российских историков этого направления существует свой научный журнал – «Женщина в российском обществе», который издается на базе Ивановского государственного университета с 1996 года. Его материалы посвящены исследованиям в сфере Истории женщин. Таким образом, это является бесспорным признаком институционализации Истории женщин в российской исторической науке.

УДК 316.356.4

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ИНКЛЮЗИИ

Яковлева Н. И.
научный сотрудник,
Институт социологии НАН Беларуси
г. Минск, Беларусь

В условиях современного тренда на развитее наукоемких производств и цифровой экономики, а также конкуренции в сфере качества человеческого капитала именно человек становится основной ценностью государства. Однако, в виду неопределенности современного мира и динамических трансформаций социальной реальности многие люди на протяжении жизни сталкиваются с явлением социального исключения, обусловленным также снижением в силу тех или иных причин социальной активности (болезнь, инвалидность, старость), что ограничивает использование уже накопленного личностного ресурса и раскрытие потенциальных возможностей человека. Возникает ситуация

социальной изоляции уязвимого человека и членов его семьи, то есть сама личность не реализует своих потенциальных возможностей, а также снижается трудовая и социальная активность его ближайшего окружения, более того, довольно часто данная категория граждан становится получателем социальных услуг, таким образом общество лишается потенциала в собственное развитие и вынуждено нести дополнительную социальную нагрузку. К категории лиц с наибольшим риском эксклюзии относятся люди с нарушениями здоровья и травмами, инвалидностью, матери и отцы – одиночки, пожилые и члены семей указанных групп. Социальная исключенность ведет к тому, что данные социальные группы становятся полностью или частично лишены доступа к рынку труда, социальным услугам, культурной и досуговой деятельности, испытывают ограничения в доступе к информации и коммуникативным сферам, что лишает общество части ресурса в собственное развитие, по причине недооценки социального потенциала отдельных групп или категорий граждан.

Так несмотря на то, что в последние годы мейнстримом социального развития стали идеи построения инклюзивного общества, активного долголетия, поддержания человеческого потенциала люди с особыми потребностями все ещё испытывают на себе проявления исключения из общественной жизни. Так, согласно данным поискового исследования среди семей, осуществляющих уход за инвалидом подавляющее большинство респондентов, ответило отрицательно на вопрос об удобстве посещения совместно с инвалидом объектов инфраструктуры. Ежедневно на прогулку совместно с инвалидом выходят менее 15% опрошенных, подавляющее большинство опрошенных делают это 1-2 раза в неделю. Основными практиками проведения времени вне дома и вне объекта социо-медицинской помощи являются походы к магазину, по двору либо просто посидеть на скамейке. 60% опрошенных отметили, что не имеют возможности посещать культурные мероприятия, кинотеатры, выставки в виду их удаленности, несоответствия нормам инклюзивного пространства, дороговизны [1]. Данная ситуация приводит к снижению качества жизни уязвимых социальных групп, обострению социально-психологических и физиологических последствий, неравенству и дискриминации по таким признакам как трудная жизненная ситуация, заболевание, инвалидность, возраст.

В тоже время по результатам опроса по проблемам людей с инвалидностью, проведенного Институтом социологии в 2023 году большинство респондентов (84,3%) считают, что люди с особыми потребностями вполне способны вносить вклад в развитие общества наравне с остальными [2]. Большинство респондентов практически во всех сферах жизнедеятельности готовы взаимодействовать с людьми с инвалидностью.

Таким образом, с учетом социо-демографических трансформаций белорусского общества (постарения и увеличения доли лиц с особенностями здоровья в структуре населения), актуализируется задача реализации политики социальной инклюзии – обеспечение равного участия всех граждан в общественной, экономической и культурной жизни, устранение барьеров, препятствующих доступу уязвимых групп населения к услугам социального обеспечения и здравоохранения, образования, трудовой занятости. В данном контексте социальная инфраструктура, формой реализации которой являются объекты культуры, спорта, досуга, парковые зоны, придомовые площадки – пространство рекреации, выступает важным фактором формирования социальной инклюзии, способствует поддержанию ресурсов человека, формированию инклюзивного пространства на основе создания условий самоактуализации личности, опыта взаимодействия.

Мировая практика организации специального инклюзивного пространства позволила прийти к выводу, что социализация уязвимых категорий граждан в условиях

исключительно специально организованного пространства не в полной мере эффективна, и необходимо создание дополнительной открытой коммуникативной социальной среды для приобретения и распространения новых практик взаимодействия, организации жизни и включенности в общество лиц с особыми потребностями.

Наиболее эффективно процесс инклюзии лиц с особыми потребностями протекает в условиях эффективно организованной среды социального и коммуникативного взаимодействия, находящейся в непосредственном доступе в условиях реализации практик повседневной жизни, досуга. Создание в населенном пункте доступного в рамках повседневной рутины инклюзивного пространства станет значимым и общественно принятым инструментом в процессах формирования инклюзивного общества за счет повышения информированности, расширения пространства коммуникации, увеличения доступности инклюзивно-адаптированных объектов социальной инфраструктуры.

Объекты социального инклюзивного пространства в городской среде, с возможностью одновременного пребывания различных социальных групп, становятся для социально-исключенных категорий граждан средством социализации, поддержания активности и здоровья, в том числе позволяют повысить уровень инклюзии всего общества, которое не всегда готово принять лиц с особым статусом, в силу низкой информированности, отсутствия навыков и практики коммуникации. Изменения на уровне общества в направлении принятия и коммуникации с отдельными категориями уязвимых граждан, носят обусловленный характер и связаны с трансформацией поведенческих практик на уровне повседневной жизни.

Технологии социального инклюзивного взаимодействия в рамках адаптивного инклюзивного опыта инкорпорируются в повседневные практики человека, расширяя тем самым опыт, смыслы, приобретаемые в процессе взаимодействия субъектов, что повышает эффективность процесса инклюзии, способствует активизации потенциала личности и группы, приводит к созданию инновационных типов коммуникации, формирует активную гражданскую позицию участия, повышает уровень сплоченности в обществе.

Однако, значимость включения в пространство населенного пункта зон социальной инклюзии тем не менее ставит ряд задач, связанных с учетом динамики градостроительства, планами жилой застройки, развитием транспортных магистралей, целесообразностью внедрения технологических информационных систем и конструкций, исследованием возможности адаптации существующих объектов инфраструктуры под цели инклюзивного взаимодействия, потребности населения. В тоже время, взаимообусловленность позиций населенного пункта в условиях развития городской среды и жителя, нуждающегося в современных доступных пространствах инклюзивной рекреации, может быть скорректирована путем применения информационных и высокотехнологичных конструктивных решений точечной застройки, спроектированной в соответствии с реальными потребностями различных социальных групп. Развитие данного направления в полной мере соотносится с идеей развития города как центра социально-экономического развития государства и общества, основанного на наиболее эффективном использовании ресурсов, в первую очередь социальных, человеческих.

Направленность на человека (гуманизация) городского пространства, как среды, которая аккумулирует социальную активность и жизнедеятельность населения в огромных масштабах, является важным фактором развития человеческого потенциала, и как следствие, развития и становления инновационной экономики в масштабах государства. Главной движущей силой развития в данном случае должно стать участие граждан в жизни города и управлении им, ведущими факторами которого могут быть:

информированность; наличие сообществ и групп, заинтересованных в участии в процессах городского планирования; анализ и учет мнения населения относительно трансформации городской среды. Результатом подобных взаимодействий может стать высокофункциональное, привлекательное для жизни всех социальных групп пространство городской агломерации, способное максимально эффективно использовать территориальный и ресурсный потенциал.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гавришева, Т.М. Изучение проблем семей, воспитывающих ребенка-инвалида / Т.М. Гавришева, И.В. Шабашёва // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. статей. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. – С. 110-112.

2. Мнение населения Республики Беларусь о проблемах людей с инвалидностью // [Электронный ресурс] https://socio.bas-net.by/mnenie-naseleniya-respubliki-belarus-o-problemah-lyudej-s-invalidnostyu/(дата обращения 02.09.2025)

3. Ермак, С.С. Новая городская утопия. Конкурентоспособность муниципалитетов/ С.С. Ермак // [Электронный ресурс] Эксперт-Урал. – 2012. – № 33 (521). URL: http:// expert.ru/ural/2012/33/novaya-gorodskaya-utopiya/media/153605/ (дата обращения: 11.04.2022

4. Тарасов, Л.В. Прогрессивные тенденции современной международной политики в отношении инвалидов/ Л.В. Тарасов // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2011. №1. – // [Электронный ресурс] URL: https://cyberleninka.ru/article/n/progressivnye-tendentsii-sovremennoy- mezhdunarodnoy-politiki-v-otnoshenii-invalidov (дата обращения 12.08.2025

5. Хасиева, М.А. Социокультурные проблемы полицентрического развития городов в контексте урбанизации / М.А. Хасиева // Философия и культура. М., – 2022. – №3. – С. 1-8.

УДК 316.346.2

SEXUAL SHAME (UYAT) AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF WOMEN IN KAZAKHSTAN

Alimbekova G. T.
Candidate of Sociology,
Director of the Public Opinion Research Center
Almaty, Kazakhstan

Bakytzhanova A. A.
corresponding author, doctoral student of the Department of Sociology and Social Work,
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

Introduction. Sexual shame is a key factor affecting women's reproductive health: it reduces desire, causes difficulty with arousal, orgasm, pain, and postponement of a visit to the doctor. In Kazakhstan, this is due to the concept of uyat, which regulates women's publicity and sexuality, which simultaneously protects honor and reinforces taboos on intimate topics. There is little empirical research, which creates a gap: it is assumed that the internalization of shame mediates the connection of cultural norms with women's reproductive behavior, influencing contraception, seeking help, and perception of sexual problems.

Literary review. Studies have documented a high prevalence of female sexual difficulties (desire, arousal, orgasm, pain), underestimated due to stigma and unwillingness

to talk about it [1]. Female sexuality has a multifactorial nature biological, psychological, interpersonal and sociocultural determinants form both variations of the norm and clinical disorders [2]. The consequences include decreased quality of life, depression, and dissatisfaction with relationships [2; 3]. Sexual shame acts as a cross-cutting emotional mechanism associated with anxiety, guilt, low self-esteem, and difficulties in sexual function [12; 13]. In psychology, shame is interpreted as a self conscious emotion associated with the devaluation of the Self and the desire to hide from condemnation [4; 5; 6], and in the theory of affects – as an interruption of a positive experience, which explains its connection with depression, PTSD and intimacy problems [7; 8]. Sexual shame stands out as a special construct aimed at the sexual body and identity, acting intrapersonally and interpersonally [4; 9; 10]. Modern models of sexual response show that the perception of a stimulus as safe or shameful triggers a cognitive-affective cascade that enhances or suppresses arousal [11; 12]. Sociocultural norms, "double standards" and shamming practices generate anxiety, guilt, and shame, which is associated with impaired desire and pain symptoms. [7; 8; 10; 13]; cognitive beliefs ("sex is sinful", "desire fades after menopause") exacerbate difficulties [14]. For Kazakhstan, this is manifested through the ujat, which regulates the publicity and sexuality of women, increases self-censorship and postpones seeking help [14; 15]. In the group of pain disorders, shame and guilt dominate, reducing desire and narrowing intimacy; the lack of empathic clinical communication exacerbates problems [16].

Comorbid chronic conditions. In urogynecological and somatic diseases (for example, urinary incontinence, endometriosis, pelvic floor dysfunction), sexual shame and embarrassment enhance disorders of desire and orgasm, complementing physiological limitations; the medicalization of sexual difficulties can increase self-stigmatization and a sense of "defectiveness" [17]. This is critical for the primary level, where the brevity of techniques and the hierarchy of interaction can inadvertently reinforce the "shame of silence."

Trauma and PTSD as shame enhancers. Childhood sexual abuse is one of the strongest risk factors for future sexual problems. Shame and self-blame that arise after trauma predict difficulties even after a few years and turn out to be more significant than the objective characteristics of violence [15]. Sexual shame better explains the connection between trauma and sexual dysfunction than dissociation or attachment disorders, as confirmed by Barlow's cognitive-affective models [18]. In adult violence, social reaction and stigmatization are also internalized as shame, which leads to avoidance of sexuality and decreased satisfaction [18]. PTSD exacerbates the situation by disrupting the processes responsible for desire and orgasm; shame mediates these disorders and supports sexual difficulties [18]. In Kazakhstan, where seeking help is often complicated by the risk factor, such mechanisms can lead to delayed diagnosis and a chronic course of problems.

The integrative model and implications for research in Kazakhstan. The integrative model shows that sociocultural messages and "double standards" form negative attitudes, increase shame and disrupt emotional regulation, reducing desire and causing avoidance; moderators are partner support, communication quality, traumatic experience and chronic conditions. [12; 13; 16; 18]. In Kazakhstan, it is important to operationalize uyat and study it as a latent variable related to body image, sexual patterns, pain outcomes, and seeking help. The practices of "uyat emes", clinical communication without stigma, emphasis on body image, emotional regulation and partner interventions are promising [16; 18]. Sexual shame should be considered as a specific predictor of key outcomes (desire, arousal, orgasm, pain), and not reduced to general categories of "tradition" **[19].**

Sexual shame in international comparison and its impact on reproductive behavior. Sexual shame as a cultural code (uyat in Kazakhstan, izzat in South Asia, ḥayā' in the Middle East, "honor–shame" in the Mediterranean, and modesty attitudes in East Asia) is manifested through gender double standards, family and social sanctions, taboos on physicality, and low willingness to discuss intimate issues. As a result, women later start talking about contraception, more often choose "invisible" or traditional methods, postpone visits to the doctor for pain or disorders, and less often participate in screening and vaccination. In Kazakhstan, uyat is reinforced by post-Soviet medical secrecy and hierarchical practices: the first visit to a gynecologist is postponed, information is filtered through family, medical terminology is avoided, and symptoms are interpreted through the prism of "shame." This leads to hidden or refusal of contraception, delayed diagnosis, and risky abortion strategies, which makes uyat a systemic regulator of reproductive behavior.

Sociocultural foundations of the phenomenon affecting women's reproductive behavior. Kazakh culture traditionally attached great importance to women's honor and modesty, which was enshrined in proverbs ("Kyzga kyryk zherden tyu") and rituals (betashar, salem salu), emphasizing respect for elders and harmony in the family. The symbols of a woman's status were kimeshek and special speech taboos (at tergeu). The Kalymala and Amangerlik institutes provided family support, and postpartum practices (kalzha, kyrkynan shygaru) provided maternal and child health care. The phenomenon of uyat served as a moral regulator of behavior, forming norms of modesty and respect. In modern Kazakhstan, the health care system is being strengthened, but there remains a need to develop sexual and reproductive health programs, especially for young people.

Conclusion. Sexual shame is an important factor affecting women's reproductive health: it is associated with impaired sexual function and in Kazakhstan is manifested through the cultural code of uyat, which simultaneously protects honor and dignity, but restricts openness and access to medical care. Despite a decrease in maternal mortality (about 12 cases per 100,000 births) and a high level of qualified maternity care, barriers remain: only 45-55% of women use modern methods of contraception, and one in five pregnancies ends in abortion [20].

REFERENCES

1. Weinberger, J.M. Female sexual dysfunction: A systematic review of outcomes across various treatment modalities / J.M. Weinberger, J. Houman, A.T. Caron, J. Anger // Sexual Medicine Reviews. – 2019. – Vol. 7, no. 2. – P. 223–250. – DOI: 10.1016/j.sxmr.2018.11.005.

2. Brotto, L. Psychological and interpersonal dimensions of sexual function and dysfunction / L. Brotto, S. Atallah, C. Johnson-Agbakwu [et al.] // The Journal of Sexual Medicine. – 2016. – Vol. 13, no. 4. – P. 538–571. – DOI: 10.1016/j.jsxm.2016.01.019.

3. Hendrickx, L. Sexual difficulties and associated sexual distress in Flanders (Belgium): A representative population-based survey study / L. Hendrickx, L. Gijs, P. Enzlin // The Journal of Sexual Medicine. – 2016. – Vol. 13, no. 4. – P. 650–668. – DOI: 10.1016/j.jsxm.2016.01.018.

4. Clark, N. The etiology and phenomenology of sexual shame: A grounded theory study: Doctoral dissertation / N. Clark. – Seattle: Seattle Pacific University, 2017.

5. Westerlund, F. To see oneself as seen by others: A phenomenological analysis of the interpersonal motives and structure of shame / F. Westerlund // Journal of Phenomenological Psychology. – 2019. – Vol. 50, no. 1. – P. 60–89. – DOI: 10.1163/15691624-12341385.

6. Nolin, M.-C. Social reactions to disclosure of sexual violence in adulthood and women's sexuality: The mediating role of shame and guilt / M.-C. Nolin, B. Bőthe, S. Bergeron [et al.] // Journal of Sex & Marital Therapy. – 2023. – Vol. 49, no. 3. – P. 270–286. – DOI: 10.1080/0092623X.2022.2124464.

7. Andrews, B. Predicting depressive symptoms with a new measure of shame: The Experience of Shame Scale / B. Andrews, M. Qian, J.D. Valentine // British Journal of Clinical Psychology. – 2002. – Vol. 41, no. 1. – P. 29–42. – DOI: 10.1348/014466502163778.

8. Cândea, D.-M. Shame-proneness, guilt-proneness and anxiety symptoms: A meta-analysis / D.-M. Cândea, A. Szentagotai-Tătar // Journal of Anxiety Disorders. – 2018. – Vol. 58. – P. 78–106. – DOI: 10.1016/j.janxdis.2018.07.005.

9. Seebeck, J. Development of the sexual shame inventory: Doctoral dissertation / J. Seebeck. – Seattle: Seattle Pacific University, 2021.

10. Shadbolt, C. Sexuality and shame / C. Shadbolt // Transactional Analysis Journal. – 2009. – Vol. 39, no. 3. – P. 163–172. – DOI: 10.1177/036215370903900303.

11. Nobre, P.J. Cognitions, emotions, and sexual response: Analysis of the relationship among automatic thoughts, emotional responses, and sexual arousal / P.J. Nobre, J. Pinto-Gouveia // Archives of Sexual Behavior. – 2008. – Vol. 37, no. 5. – P. 652–661. – DOI: 10.1007/s10508-007-9258-0.

12. Fischer, V.J. The relationship between emotion regulation and sexual function and satisfaction: A scoping review / V.J. Fischer, G. Andersson, J. Billieux, C. Vögele // Sexual Medicine Reviews. – 2022. – Vol. 10, no. 2. – P. 195–208. – DOI: 10.1016/j.sxmr.2021.07.001.

13. Atallah, S. Ethical and sociocultural aspects of sexual function and dysfunction in both sexes / S. Atallah, C. Johnson-Agbakwu, T. Rosenbaum [et al.] // The Journal of Sexual Medicine. – 2016. – Vol. 13, no. 4. – P. 591–606. – DOI: 10.1016/j.jsxm.2016.02.007.

14. Nobre, P. Sexual dysfunctional beliefs questionnaire: An instrument to assess sexual dysfunctional beliefs as vulnerability factors to sexual problems / P. Nobre, J.P. Gouveia, F.A. Gomes // Sexual and Relationship Therapy. – 2003. – Vol. 18, no. 2. – P. 171–204. – DOI: 10.1080/1468199031000061281.

15. Quinn-Nilas, C. The relationship between body image and domains of sexual functioning among heterosexual, emerging adult women / C. Quinn-Nilas, L. Benson, R.R. Milhausen [et al.] // Sexual Medicine. – 2016. – Vol. 4, no. 3. – P. e182–e189. – DOI: 10.1016/j.esxm.2016.04.001.

16. Pazmany, E. Body image and genital self-image in pre-menopausal women with dyspareunia / E. Pazmany, S. Bergeron, L. Van Oudenhove, J. Verhaeghe, P. Enzlin // Archives of Sexual Behavior. – 2013. – Vol. 42, no. 6. – P. 999–1010. – DOI: 10.1007/s10508-012-0056-7.

17. Basson, R. Sexual sequelae of general medical disorders / R. Basson, W. W. Schultz // The Lancet. – 2007. – Vol. 369, no. 9559. – P. 409–424. – DOI: 10.1016/S0140-6736(07)60197-4.

18. Pulverman, C.S. Sexual dysfunction in women with a history of childhood sexual abuse: The role of sexual shame / C.S. Pulverman, C.M. Meston // Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy. – 2020. – Vol. 12, no. 3. – P. 291–299. – DOI: 10.1037/tra0000505.

19. Herman, J.L. Posttraumatic stress disorder as a shame disorder / J.L. Herman // Shame in the therapy hour / ed. R.L. Dearing, J.P. Tangney. – Washington, DC: American Psychological Association, 2011. – P. 261–278. – DOI: 10.1037/12326-012.

20. United Nations Population Fund. Kazakhstan // UNFPA Data Portal. – URL: https://www.unfpa.org/data/KZ (дата обращения: 02.09.2025).

УДК 316.356.2

SOCIO-LINGUISTIC FACTORS AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF YOUTH IN KAZAKHSTAN

Bakytzhanova A. A.
corresponding author, doctoral student of the Department of Sociology and Social Work,
Al-Farabi Kazakh National University
Almaty, Kazakhstan

Alimbekova G. T.
Candidate of Sociology,
Director of the Public Opinion Research Center
Almaty, Kazakhstan

Introduction. The reproductive behavior of young people in Kazakhstan is determined by social conditions, primarily the place of residence and the language of instruction. In cities, access to digital resources and medical services is broader, while in rural areas, knowledge is more often limited to school and oral advice. The language factor enhances the differences: A significant part of the programs and materials are presented in Russian, which reduces the awareness of Kazakh-speaking youth. Research question: How do language and territorial context influence the level of knowledge and reproductive behavior of young people in Kazakhstan? Hypothesis: rural and Kazakh-speaking youth have a lower level of awareness and limited access to reliable sources compared to urban and Russian-speaking youth.

Literary review. Theories of cultural diversity and universalism emphasize that cultural codes, language, and family practices determine access to medical information and shape daily health practices [1]. The concept of health literacy considers it as a key social determinant [2], which correlates with Bourdieu's theory of cultural capital, where education and reading skills provide unequal health opportunities [3]. Research confirms that low literacy limits the perception of medical texts [4], and medical literacy is related to education and language [5]; WHO data shows low sexual awareness among adolescents in Central Asia, especially in rural areas [6; 7]. In Kazakhstan, according to PISA-2022 data, more than 60% of schoolchildren have not reached the basic reading level [8], while Kazakh-speaking students significantly lag behind Russian-speaking ones (–51-83 points), which reduces access to information about contraception and prevention. CIOM research (2018) shows that rural youth rely more often on oral advice than on official sources. Thus, linguistic and territorial differences reinforce structural inequalities in access to medical knowledge, affecting reproductive behavior, which confirms the need for an integrated approach to cultural and institutional determinants of health.

Research methodology. The research is based on secondary analysis and comparative comparative analysis. Three data sets were used: international educational assessments (PISA-2022, PIRLS-2021) [8], national sociological materials (CIOM, 2018) and the 2024 report on youth reproductive health. The comparison is carried out along three axes: (1) time (2018→2024), (2) language of instruction (Kazakh/Russian), (3) territorial context (city/village, regions). The interpretation is based on two frameworks: health literature (Nutbeam) and social determinants of health [7]. The indicators are given in the original units of the sources, without harmonization beyond what is necessary to maintain the validity of the comparison. Limitation: secondary data does not allow us to assess individual cause-and-effect relationships; the strong side is the representativeness and comparability of trends.

Results. A comparison of the research results from 2018 and 2024 makes it possible not only to record the dynamics of knowledge and attitudes of young people in the field of reproductive health, but also to identify the underlying social mechanisms that determine these dynamics [9; 10].

If an extremely low prevalence of comprehensive knowledge about HIV was diagnosed in 2018/AIDS and contraception, then in a later study the focus shifts to structural differences related to the language of instruction, type of settlement and involvement in information campaigns. Thus, it is not just about an increase or decrease in the proportion of informed adolescents, but about the formation of stable patterns of inequality, where possession of a certain linguistic and cultural capital becomes a key factor in access to knowledge.

At the same time, the data indicate a gradual transition from situational awareness, when individual knowledge is fragmented, as was observed in 2018, to more institutionalized forms of education related to participation in preventive measures and access to educational resources. However, the continuing difference between Kazakh-speaking and Russian-speaking youth demonstrates that the development of the information environment does not eliminate, but rather perpetuates socio-linguistic segregation in the field of health.

Thus, the analysis of these two reports allows us to consider the reproductive health of young people not only as a medical category, but also as an indicator of social stratification, where linguistic affiliation, educational environment and territorial factors determine inequality in access to vital knowledge and practices.

Table 1. Comprehensive knowledge about HIV

Year	Proportion of young people with full knowledge about HIV	Differences in the language of instruction	Differences in place of residence
2018	9.1% answered all 5 questions correctly	Russian – 15.2% / Kazakh – 5.3%	City – 9.6% / Village – 7.0%
2024	17.7% (Russian training) / 8.4% (Kazakh training)	The gap has increased by almost 2 times	It was not recorded directly

Table 2. Knowledge about methods of contraception (condoms)

Year	Proper knowledge about the protective properties of condoms	Differences in language	Differences in place of residence
2018	34.4% (answered both questions correctly)	Russian – 49.9% / Kazakh – 24.9%	City – 35.2% / Village – 31.0%
2024	47.9% (Russian training) / 26.3% (Kazakh training)	The gap persists	Last contact usage: city – 64.1% / rural – 52.6%

Table 3. Awareness of STI treatment

Year	The indicator	Differences in language	Differences in place of residence
2018	35.3% gave correct answers to questions about treatment	Russian – 46.2% / Kazakh – 28.5%	City – 36.9% / Village – 29.0%
2024	49.7% (Russian) / 38.9% (Kazakh) are aware of the consequences of STIs	The gap remains significant	Contacting a medical center for symptoms: city – 49.4% / village – 36.5%

Table 4. Attitudes towards people living with HIV

Year	The indicator	Dynamics
2018	The stigma was fixed indirectly through myths about transmission routes	High level of misinformation (54.5% believed that HIV can be transmitted through a mosquito bite)
2024	64% (Russian education) and 49.3% (Kazakh education) consider people with HIV to be "just like everyone else"	The stigma is decreasing, but the language gap remains significant

Table 5. Access to services and participation in prevention

Year	Indicator	Meaning
2018	Access to anonymous HIV testing was limited	Participation in information events is low
2024	They know where to take anonymous testing: 30.2% (Russian) / 21.4% (Kazakh)	Participation in prevention: 33-35.7% (rus.) / 23-27.5% (kaz.)

By 2024, prevention campaigns have become a familiar part of the youth environment, but their coverage remains uneven: the language of instruction and place of residence directly affect access to information and services. The level of knowledge about HIV and contraception has increased compared to 2018, but the gap between Russian and Kazakh speakers, as well as between urban and rural youth, has persisted and intensified.

Rural adolescents are less likely to use modern methods of contraception, are more likely to face their unavailability, and are significantly less likely to be tested for HIV. Financial barriers remain a key constraint. Despite the growth of tolerance and participation in information events, socio-linguistic differences continue to determine the level of awareness and reproductive behavior of young people in Kazakhstan.

Conclusion. The reproductive health of young people in Kazakhstan is not only a medical, but also a social category reflecting inequality in language, place of residence and income level. These factors determine differences in knowledge and access to services, perpetuating the gap between urban and rural, Russian-speaking and Kazakh-speaking adolescents.

Comprehensive measures combining educational, medical, and social approaches are needed to overcome these differences. The elimination of linguistic and territorial barriers, as well as consideration of economic constraints, should be key priorities in order to ensure equal access of young people to reliable information and modern reproductive health practices.

REFERENCES

1. McFarland, M.R. Leininger's culture care diversity and universality: A worldwide nursing theory: 3rd ed. / M.R. McFarland, H.B. Wehbe-Alamah. – Burlington, MA: Jones & Bartlett Learning, 2019.

2. Nutbeam, D. Health literacy as a public health goal: A challenge for contemporary health education and communication strategies // Health Promotion International. – 2000. – Vol. 15, no. 3. – P. 259–267.

3. Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. J. Richardson. – New York: Greenwood, 1986. – P. 241–258.

4. OECD. PISA 2022 results. – Paris: OECD Publishing, 2023.

5. Sørensen, K., Van den Broucke, S., Fullam, J., Doyle, G., Pelikan, J., Slonska, Z., Brand,H. Health literacy and public health: A systematic review and integration of definitions and models // BMC Public Health. – 2012. – Vol. 12. – Article 80.

6. WHO Regional Office for Europe. A focus on adolescent sexual health in Europe, Central Asia and Canada: Health Behaviour in School-aged Children international report from the 2021/2022 survey. Vol. 5. – Geneva : World Health Organization, 2024. – URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789289061155 (дата обращения: 08.09.2025).

7. Marmot, M. Social determinants of health inequalities // The Lancet. – 2005. –Vol. 365, no. 9464. – P. 1099–1104. – DOI: 10.1016/S0140-6736(05)71146-6.

8. Министерство просвещения Республики Казахстан; Национальный центр исследований и оценки образования «Талдау» им. А. Байтұрсынұлы. Результаты Казахстана в PISA-2022: Национальный отчет. – Астана, 2024.

9. Центр изучения общественного мнения (ЦИОМ). Социологическое исследование по изучению состояния репродуктивного здоровья подростков и молодых людей 15–19 лет, их сексуального поведения и доступа к услугам и информации в области охраны репродуктивного здоровья. – Алматы: ЦИОМ, 2018.

УДК 004.8:34+37.014.5

LEGISLATIVE MITIGATION OF ETHICAL AND LEGAL RISKS IN AI-DRIVEN EDUCATION

Laputko K. V.
Senior Lecturer,
Belarusian State University
Minsk, Belarus

The development of digital technologies is fundamentally transforming the educational environment and the processes of youth socialization. One of the key factors driving this transformational process is the active integration of artificial intelligence (AI) into the operations of educational institutions and digital platforms that provide educational services. AI systems are being used for personalizing learning, automating knowledge assessment, adapting educational content, predicting academic performance, and even providing psychological support to students.

Undoubtedly, such technological solutions open up new opportunities for improving the efficiency of education, expanding its accessibility, and taking into account the individual characteristics of learners. However, the use of AI in the educational sphere, particularly when it comes to underage users, raises a wide range of ethical and legal issues that require thorough academic reflection and regulatory oversight.

First and foremost, it is important to highlight the issue of transparency in the functioning of AI systems. Most educational digital platforms that utilize AI algorithms operate as so-called «black boxes», where the decision-making processes remain opaque not only to students themselves but also to their parents, educators, and regulators. As a result, there is a lack of understanding about the criteria by which individual educational trajectories are formed, and why specific recommendations or grades are given to a particular student.

The opacity of AI systems creates risks of bias and discrimination. Algorithms trained on limited or improperly selected datasets can unconsciously reproduce social stereotypes and exacerbate educational inequality. Particularly vulnerable in this context are young users from socially disadvantaged backgrounds, as well as individuals with disabilities.

Another ethical concern is the invasion of privacy and the insufficient protection of students' personal data. The collection and processing of large volumes of information about students' behavior, academic performance, and psychological state – without clear limitations and transparent procedures – can lead to violations of their digital rights and misuse by platform developers or operators.

Moreover, the active integration of AI into the educational process may negatively affect the development of critical thinking and social interaction among youth. There is a risk of «algorithmic dependency», where students lose the ability to independently analyze information and make decisions, relying solely on AI-generated recommendations. At the international level, the legal regulation of artificial intelligence (AI) in education is still in the active development stage. The European Union, through its proposed Artificial Intelligence Act (AI Act), is introducing a risk-based approach that imposes specific requirements on high-risk AI systems, including those used in the educational sector. According to the AI Act draft, such systems must undergo mandatory certification, bias testing, and be designed to ensure transparency in their operations [1].

In the United States, the regulation of AI in education is currently addressed through general voluntary standards and initiatives, such as the guidelines developed by the National

Institute of Standards and Technology (NIST) [2]. A notable initiative in this area was the Blueprint for an AI Bill of Rights, which outlines principles for the protection of citizens in the context of automated systems [3]. Some individual states are making attempts at localized regulation; however, there is no comprehensive federal-level legal act that uniformly covers all aspects of AI application in digital educational environments.

China, on the other hand, combines strict centralized regulation of technology with fragmented measures aimed at the strategic development of AI in critical sectors, including education and the protection of minors. Particular attention is given to the control of student data, mandatory state certification of educational AI systems, and ensuring compliance with national safety standards.

In the Republic of Belarus, the regulatory framework governing the use of artificial intelligence (AI) in educational platforms is at an early stage of development. Current legislation on personal data, digital development, and the protection of minors does not yet adequately address the risks and specific features associated with the integration of AI into the educational environment. There is also no specialized legislation that defines the status and use of AI as a high-risk technology in the context of education.

Given the rapid expansion of AI applications in the educational sector and the vulnerability of the youth audience as a user group, it is highly relevant for Belarus to develop a comprehensive legal approach to regulating AI in digital education.

This approach should include the following elements:

1. Adoption of a dedicated law that defines the legal status and regulatory framework for AI as a high-risk technology in the field of education;
2. Development of mandatory standards for safety, transparency, and non-discrimination concerning AI systems used in digital educational platforms;
3. Introduction of additional safeguards for the protection of minors' personal data and privacy;
4. Integration of ethical principles established by international organizations (such as UNESCO [4], Asilomar, OECD [5]) into national legislation;
5. Promotion of digital literacy among youth, their parents, and educators to foster conscious and safe use of AI technologies.

The implementation of these elements can be achieved through the development and rollout of specialized strategies. For example, educational institutions could establish AI ethics committees, conduct regular audits of data processing practices, and enforce clear access authorization policies for personal information. Such mechanisms would not only minimize the risk of misuse but also increase trust in digital educational platforms.

At the same time, it is advisable to combine detailed legal regulation with fragmented measures aimed at improving related legal areas–such as human rights protection, national security, and the regulation of the digital economy.

The use of artificial intelligence in digital educational platforms offers vast opportunities for enhancing the education system. However, it requires a careful and balanced approach from both ethical and legal perspectives. Without the establishment of clear regulatory frameworks that ensure a balance between innovation and the protection of students' rights–particularly those of minors–the implementation of AI may not yield the expected results and could exacerbate existing social risks.

Taking into account international experience and its own strategic priorities, the Republic of Belarus is well-positioned to develop a modern model for regulating AI in the educational environment–one that combines comprehensive legislative regulation with measures aimed at ensuring the safety, fairness, and transparency of new technologies.

REFERENCES

1. Regulation of the European Parliament and of the Council Laying Down Harmonized Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act). – Brussels, 2021.

2. National Institute of Standards and Technology. AI Risk Management Framework. – URL: https://www.nist.gov/itl/ai-risk-management-framework (дата обращения: 25.06.2025).

3. White House Office of Science and Technology Policy. Blueprint for an AI Bill of Rights.– URL: https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/ (дата обращения: 25.06.2025).

4. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381137 (дата обращения: 25.06.2025).

5. OECD. Recommendation on Artificial Intelligence. – URL: https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449 (дата обращения: 25.06.2025).

УДК 323

TRANSFORMATION OF THE NORDIC WELFARE STATES: BETWEEN UNIVERSALISM AND RESILIENCE

Chekmazov A. I.
Independent researcher,
Master in Regional Studies (European Studies)
Moscow, Russia

The Nordic welfare state has long been recognized as a paradigmatic socio-economic model combining universal social protection and a competitive market economy. Its distinctiveness lies not only in the breadth of social rights but also in the institutional embedding of solidarity, redistribution and economic dynamism. However, in the contemporary context of a changing world order, globalization and institutional crises, this model is undergoing substantial transformation.

This study analyses the specific role of Northern Europe in the emerging world order, the structural pressures that challenge the Nordic welfare model and the trajectories of its ongoing transformation. The analysis seeks to highlight both the resilience of the Nordic model and the tensions that may reshape its future development.

Globalization, the financial crises of the late 20th and early 21st centuries as well as the ideological ascendancy of neoliberalism have increased pressure on universalist welfare systems Institutional reforms, demographic ageing, migration and increasing demands for the efficiency of public spending are shaping a new reality in which classical Nordic universalism is being challenged. The growing influence of transnational corporations, financial austerity and pressure on public budgets have undermined the classical welfare compromise. Policy responses increasingly emphasize market flexibility, privatization and efficiency in public spending [1, p. 129]. Within the Nordic countries, these dynamics have been reflected in the adoption of New Public Management techniques, the digitalization of services and a redefinition of the state's role in regulating and delivering welfare. These changes bring to the fore the question of preserving the principles of the welfare state, including social protection, solidarity and equality, while adapting it to modern realities.

The Nordic countries have traditionally played a prominent role in the «third way» – a combination of market economic efficiency and social protection through high trust and universal institutions. Rune Halvorsen, Bjørn Hvinden and Mi Ah Schoyen emphasize that despite critical challenges – such as limited labour opportunities for vulnerable groups, wage

control and citizen motivation – the Nordic states are often on par with other developed democracies, which demonstrates the resilience and adaptability of the design of their welfare systems [2]. The resilience of the Nordic model is also evident in the current debate: these welfare states maintain high employment, low poverty rates and sustainable social solidarity. At the same time, there are significant intra-state differences – countries adapt universalism in their own ways, influenced by national histories, institutional traditions and economic realities [3, p. 126].

The fundamental characteristic of the Nordic model is universalism – an approach in which social rights are provided to all citizens (not just those who pay or work). The idea of decommodification – reducing dependence on market status and income – is embodied in the right to health care, education and social transfers based on citizenship rather than on insurance contributions [4]. This model is underpinned by extensive institutional and ideological foundations, including a large tax-financed public sector, universal service provision and substantial female labour market participation alongside autonomous labour relations.

However, new discourses emphasizing market flexibility, individual responsibility and the deinstitutionalization of trade unions reflect a gradual shift away from collective social guarantees to more individualized strategies. The Nordic states have increasingly incorporated neoliberal logics into their institutional frameworks. According to Yngve Solli Heiret, Norway's integration into global financial systems – through sovereign wealth funds and international investments – illustrates a process of neoliberalization, while social-democratic institutions remain firmly in place domestically [5]. In Sweden, Max Jerneck argues that institutional differentiation, rising inequality and increased costs on immigrant integration indicate a shift toward welfare chauvinism [6, p. 122]. These developments reflect a broader ideological realignment in which market-oriented reforms and individualized welfare strategies coexist with the traditional universalist ethos of the Nordic model.

Institutionally, the flexibility of the labour market through the flexicurity model (the golden triangle: flexible hiring, high income security, active labour market policy) remains the basis. Christian Lyhne Ibsen demonstrates that the 2008–2009 financial crisis did not dismantle the model's compromises but exposed underlying tensions, with firms making concessions in collective bargaining to preserve employment [7]. Fiscal sustainability remains contested: Andrea Celico and Martin Rode report that while tax morale remained stable or improved short-term, long-term effects require further investigation [8].

Even with the growth of the private market for services, universalism remains a cornerstone. Particularities – such as differences in the share of private provision between countries – do not undermine the overall ideological framework. Empirical evidence further suggests the model's relevance in times of crisis. For example, during the COVID-19 pandemic, Nordic governments reinforced universal benefits and active labour market interventions, signalling renewed reliance on welfare instruments [9]. Moreover, despite crises such as the 2008–2009 financial crisis, the COVID-19 pandemic, the Nordic welfare states have not collapsed; rather, they have demonstrated a capacity for adaptation [10, p. 229].

In conclusion, the Nordic welfare model rests on universalism, de-commodification, progressive taxation and institutionally mediated market-social balance. Though global pressures, ideological shifts and fiscal constraints are reshaping the model, its normative core persists. The challenge for future sustainability lies in balancing efficiency with equity, preserving solidarity amid demographic, economic and ideological transformation. Currently, the model is undergoing significant transformations: ideological shifts under the influence of

global challenges, an increased role for the private sector and market mechanisms, reforms of labour laws and social insurance and the introduction of new conditions for receiving benefits. Nevertheless, universalism and de-commodification remain as an ideological basis, even if in practice they manifest themselves through restructured forms. The sustainability of the system depends on the ability to flexibly adapt, balancing between social guarantees and efficiency requirements.

REFERENCES

1. Черкасов, А.И. Скандинавская модель социального обеспечения и ее особенности / А.И. Черкасов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 9 (97). – С. 122–130.

2. Halvorsen, R. The Nordic Welfare Model in the Twenty-First Century: The Bumble-Bee Still Flies! / R. Halvorsen, B. Hvinden, M.A. Schoyen // Social Policy and Society. – 2016. – Vol. 15, № 1. – P. 57–73.

3. Hellman, M. The Nordic Welfare State's Value Base and Resilience: A Status Update / M. Hellman, A. Alanko, T. Olsen // Nordisk Välfärdsforskning | Nordic Welfare Research. – 2021. – Vol. 6, № 3. – P. 125–127.

4. Kuisma, M. Oscillating Meanings of the Nordic Model: Ideas and the Welfare State in Finland and Sweden / M. Kuisma // Critical Policy Studies. – 2016. – Vol. 11, № 4. – P. 433–454.

5. Heiret, Y.S. The Neoliberalization of the Norwegian Welfare State / Y.S. Heiret // Nordisk Välfärdsforskning | Nordic Welfare Research. – 2024. – Vol. 9, № 1. – P. 48–65.

6. Jerneck, M. Cosmopolitanism and Welfare Chauvinism in Sweden / M. Jerneck // Migration and Integration in a Post-Pandemic World: Socioeconomic Opportunities and Challenges / ed. by L. Lerpold, Ö. Sjöberg, K. Wennberg. – Cham : Palgrave Macmillan, 2023. – P. 107–129.

7. Ibsen, C.L. Strained Compromises? Danish Flexicurity During Crisis / C.L. Ibsen // Nordic Journal of Working Life Studies. – 2011. – Vol. 1, № 1. – P. 45–65.

8. Celico, A. Can We All Be Denmark? The Role of Civic Attitudes in Welfare State Reforms / A. Celico, M. Rode // Empirica. – 2024. – Vol. 51. – P. 87–125.

9. Greve, B. Nordic Welfare States – Still Standing or Changed by the COVID-19 Crisis? / B. Greve, P. Blomquist, B. Hvinden, M. van Gerven // Social Policy Administration. – 2021. – Vol. 55, № 2. – P. 295–311.

10. Chekmazov, A. The Main Factors of the Recent Development of European Welfare States: Swedish Case / A. Chekmazov, V. Butenko // Przegląd Europejski. – 2021. – Vol. 2021, № 3. – P. 227–232.

УДК 342.3

COMPARATIVE ANALYSIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF BELARUS AND CHINA BASED ON PAST EXPERIENCE

Filimonova A. F.
Belarusian National Technical University (BNTU)
Faculty of Management Technologies and Humanization (FMTH)
Department: foreign language
Minsk, Belarus

Teacher China's experience in building and developing an innovative economy is recognized as one of the most successful in the world. The country has transformed from an economic system characterized by a low level of technological development into one of the world's innovation centers, open to international trade and technology exchange. A number of proposals for using China's experience to commercialize innovations and R&D (the process

of creating new knowledge, products, technologies or improving existing ones in order to improve or create new goods, processes and services) results, covering all stages of their development – from the idea to the sale of final products on the world market, and creating favorable conditions for this are presented below [1, p. 175]:

1. Development of innovation policy.

One of the key factors of success is the official recognition at the highest political level and the definition of an innovation course as the main driving force of the country's development. Accordingly, this approach has become, in fact, mandatory at all levels of government, both national and regional. It has become decisive in the development of all strategic program documents of the country. What is even more important is that it has not become purely declarative, but has begun to be actually implemented, including all segments of society in this process. 24 government agencies are authorized to manage policy instruments, two of which occupy a central place. These are the State Council and the Ministry of Science and Technology (MST). Together, these bodies are responsible for managing half of all innovation policy instruments. Other central bodies responsible for policy implementation include the National Development and Reform Commission (NDRC), the National Science Foundation of China, the Ministry of Industry and Information Technology, and the Ministry of Economy. In addition, numerous STI support programs and instruments are under the jurisdiction of local authorities in various provinces.

At the same time, the state is actively transforming both the economic and scientific sectors, doing so in a synchronous manner.

In the Republic of Belarus, innovation development issues are also designated as a priority, but today they are still quite fragmented. Most of the regional state bodies have their own vision of this process and operate within the framework of their departments. Namely, a jointly built innovation policy, tied to strong horizontal ties and cooperation, produces a synergistic effect, i.e. cooperation of all ministries and other regional state bodies is necessary, as well as taking into account national priorities and development goals when developing a sectoral innovation strategy. Reconsidering approaches to the formation of innovation policy and mechanisms for its implementation requires more holistic approaches, as confirmed by the experience of China.

2. Support for innovative entrepreneurship (SMEs).

China has come a long way in creating a system of support for innovative entrepreneurs. The basis of this strategy was the adoption of a solid legislative and regulatory framework that provides a legal basis for supporting innovation in the business sector.

Another key element of the strategy to support the development of new products by innovative entrepreneurs was the promotion of an expanded network of support institutions, such as business incubators, technology parks, accelerators and other similar structures. These innovation support institutions perform a wide range of functions: about a third of national incubators also created business accelerators in one form or another; half of them acted as angel investors and incubator shareholders; the vast majority provided mentoring services to the companies they helped.

This experience seems useful for study and possible use, in particular, by the Administration of the Belarusian-Chinese Industrial Park «Great Stone».

The experience of China and, practically, all innovation-leading countries confirms the need to create conditions for the active growth of innovative SMEs, which are the driver of the development of the innovation sphere. In the Republic of Belarus, certain steps have been and are being taken in this direction, but it is still too early to talk about the creation of a critical mass of innovative SMEs in the country. In this regard, it is proposed that the Ministry

of Economy, the Ministry of Finance, the Ministry of Taxes and Duties, as well as industry ministries, consider China's experience in this area, the support tools it uses, incentives, etc., and continue developing a wider range of tools that stimulate the development and facilitate the activities of innovative SMEs. It should be emphasized that the capabilities of the SPIR program, the resources of the RCIF, and the BIF can, to a certain extent, provide support and promote the growth of innovative SMEs. However, at present, they are not being used to their full extent.

3. Publication activity.

One of the important indicators characterizing the development of the innovation sphere is the country's publication activity. With regard to China, it is worth noting the growth of publication activity since 2012. Thus, the number of articles published in scientific and technical journals (physics, biology, chemistry, mathematics, clinical medicine, biomedical research, engineering and technology, earth and space sciences) in 2018 amounted to 528.3 thousand articles (an increase of 2.65 times compared to 2012) [2, p. 1390].

Large universities in China have entered into partnership agreements with foreign publishers and have begun publishing their own English-language journals. The issue of publication activity is very relevant for Belarusian science. The need for financial support for this activity is obvious. China's experience in finding solutions, forms of financial and other incentive support for the growth of publications, of course, requires consideration, both in organizations of the NASB and the Ministry of Education, and in industry research institutes.

Based on the conducted research, proposals have been prepared for using the Chinese experience of commercializing innovations, covering all stages of their development – from the idea to the sale of final products on the world market. Of course, pure copying of policies and instruments does not give the same effect. But their meaningful refraction, adaptation to national conditions can give a positive result. It should be noted that China at one time very actively studied and used the experience of world innovation leaders in building its NIS, adapting it to its conditions and specifics.

REFERENCES

1. Kuznetsov, B.T. Innovative management: a textbook / B.T. Kuznetsov, A.B. Kuznetsov. – M. : Unity-Dana, 2015. – 364 p.

2. Bederkhanova, V.P. Higher technical education: features and development prospects / V.P. Bederkhanova // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2017. – No. 132. – P. 1389–1399.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Агиевец С. В. Цифровое здравоохранение: развитие правового регулирования 3

Аксеневич А. М. Анализ позиций Республики Беларусь в международных рейтингах по гендерному неравенству 6

Алейникова С. М. Социологический анализ социально-демографических групп: опыт БИСИ.....9

Артюхин М. И., Пушкевич С. А. Аспирантура НАН Беларуси в оценках экспертов....12

Бабосов Е. М. Приоритетная значимость социальной ориентированности политической деятельности 14

Балич Н. Л. Моделирование регионального развития в контексте ресурсов, возможностей и перспектив развития территорий 17

Банщиков А. В. Понятие гендера в контексте изучения интеллекта.....20

Барановский Н. А. Национальная идея как политико-идеологическая основа ускорения общественного развития современной Беларуси 23

Богданова А. А. Технологии искусственного интеллекта в кадровых процессах: перспективы и опыт Республики Беларусь 27

Бровчук Н. М. Отношение жителей Беларуси к патриотизму: взгляд сквозь призму социологии 30

Буконкин Д. А. Правовые механизмы обеспечения информационного суверенитета в условиях санкционного давления: белорусская модель.....32

Бурмистров В. М. О научном потенциале и некоторых аспектах гендерных исследований в вооруженных силах Республики Беларусь.....34

Бурмистрова Е. С. Визуальная самопрезентация политиков в цифровом пространстве: базовые подходы к исследованию.....38

Васина О. В. К вопросу о гендерной идентичности молодежи в реалиях современного общества 40

Верес И. А., Середа О. Я. Функциональное нарушение репродуктивного здоровья женщин и пути коррекции 41

Вечер Л. С. Физическая культура и спорт как фактор социальной безопасности государства.....43

Виноградова К. С. Маскулинные качества в структуре женской гендерной идентичности как предиктор психологического благополучия.....45

Войтеховский А. В. О патриотизме и патриотическом воспитании личности 47

Вонсович Л. В. Идеологическая политика Республики Беларусь как один из факторов обеспечения ее политической безопасности 50

Воробьева С. В. Парадоксы самоидентификации в цифровой цивилизации: диалектика логических и социальных аспектов 53

Воронина С. Н. Восприятие безопасности интернета и поведенческие особенности пользователей в Беларуси 57

Ворошень О. Г. Динамика показателей деятельности академической аспирантуры за период 2012-2023 гг. 60

Вычеров Д. А., Лобатюк В. В. Проблемы использования ИИ в образовательном процессе высшей школы 63

Гаврилик О. Н. Студенты о Великой Отечественной войне: результаты исследования исторической памяти 65

Галанзовский А. С. Социологический ситуационизм: общество спектакля Ги Дебора как подавление социального воображения 67

Галич Л. П. Современные подходы и практики профессионального развития работников: отечественный опыт 70

Гапанович-Кайдалов Н. В. Социальное знание как фактор повышения эффективности медицинского образования 73

Гаптарь В. М. Важность совершенствования подходов по подготовке кадров со средним специальным образованием 76

Глушакова Е. А. Суверенный политический выбор субъектов принятия решений как фактор обеспечения политической безопасности 78

Голякович Ю. О. Роль женщин в управлении и принятии решений: мировой опыт и современные тенденции 80

Гончаров А. Б. Технологии политической дестабилизации, применяемые в «цветных революциях» 82

Горбач М. И., Толстяк Т. А. Потенциал электронных библиотек в современном обществе: социологический аспект 86

Григорьева Н. С. История, актуальное состояние и перспективы гендерных исследований в России 88

Грошева Л. И., Грошев И. Л., Грошева И. А. Специфика потребительской культуры в среде молодёжных трудовых коллективов 91

Данилов А. Н. Социальная экология: стратегия коэволюции и трансформация современности 94

Денискина А. И. Цифровые навыки как дифференцирующий ресурс на рынке труда 99

Джусибалиева А. К. Внешняя миграция молодежи Казахстана: социально-экономические факторы и меры регулирования 101

Домасевич И. В. Социальная стратегия развития организации в современных условиях 108

Дорощенко А. В., Макаренко О. П., Малышева Е. А., Казюко И. П. Внедрение инновационных технологий в образовательный процесс 111

Драгун Д. В. Концептуальные границы радикализма и экстремизма 113

Дудин П. Н., Кобелев С. В. Искусственный интеллект в исторической социологии: методологический опыт анализа буферных обществ на примере маньчжуро-монгольского мира 117

Екадумов А. И. Идеологизация в мире цифровых медиа 118

Екадумова И. И. Платформизация как фактор трансформации национальных медиасистем 121

Еремина Е. В., Ефремов М. А. Миграционный дискурс в ценностной парадигме современной российской молодежи 124

Ермолович Е. П. Влияние цифровизации на сохранение традиционных семейных ценностей: вызовы и перспективы 127

Ефимова Г. З. Роль заведующего кафедрой в управлении академическим развитием научно-педагогических работников 130

Затонацкий А. Ю. Военная социология в России и за рубежом: история и современность 132

Зеленская М. М. Специфика социологических исследований в сельских населенных пунктах Республики Беларусь 135

Зенченко С. В. SWOT-анализ государственной политики Республики Беларусь по регулированию учебной миграции 138

Злотников А. Г. Многофакторность социолого-демографического развития 141

Ильина Е. М. Цифровая трансформация в объективе белорусской политологии: источниковая база исследования 144

Карапетян А. Г. Научная дипломатия как фактор формирования социокультурного пространства интеграционных объединений 147

Кармызова Д. Д. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на современном рынке труда 150

Карнейчик В. В., Корзан И. Д., Михайлова Д. Д. Гендерный дисбаланс в спортивной индустрии: эволюция участия женщин и социокультурные барьеры 153

Касяновская А. С., Кошур Н. В. Формирование исторической памяти обучающихся в УО «Гродненский государственный политехнический колледж» 156

Кисель Н. К. Наука в контексте социокультурных трансформаций современного общества 159

Клименко В. А. Институциональные механизмы создания общего научно-технологического пространства СНГ 162

Климович А. И. От периферии к центру: изучение локальных философских традиций – новая оптика региональных исследований 165

Кобяк О. В. Комплексный показатель цифровой компетентности: методика расчёта на примере данных социологического исследования молодёжи Беларуси и Монголии 168

Коваленко А. С. Гендерные стереотипы и профессиональная самореализация молодежи России и Беларуси 171

Колядко И. Н. Сетевое общество: концептуальные основания и особенности социодинамики 174

Комарова И. К. Цифровизация в Республике Беларусь: риски и угрозы национальной безопасности 177

Команда И. П. Особенности ценностных ориентаций мужчин и женщин 180

Корсак А. И. Военно-мемориальная деятельность как инструмент сохранения исторической памяти 183

Костюкевич С. В. Понятие интеллектуализации в социологии 186

Крывалап А. Д. Феномен дыстанцыі ў даследаванні культуры штодзённасці ў рэгіянальным кантэксце 189

Крыштановская О. В., Лавров И. А. Мужчины и женщины в политике: фактор укорененности 192

Курбачева О. В. От нарратива ассимиляции к культурному разнообразию: философская ретроспектива 195

Курилович Н. В. Высшее образование Республики Беларусь в гендерном измерении 197

Лабоцкая А. А. Особенности цифровой трансформации Евразийского экономического союза 201

Лай Юньцзян Особенности системы социального обеспечения в Китае в условиях социально-экономических реформ 205

Латышев Д. М. Репрезентация колледжей и техникумов Свердловской области в информационном поле 207

Леденева А. В. Ведущие идеи цифровой трансформации высшего образования как социального института 209

Лещинская И. И. Искусственный интеллект в современном образовательном процессе: проблемы и основные подходы их решения 212

Лихачева С. Н. Отношение жителей Могилевской области к историческому прошлому: социологический анализ 215

Луканин А. В. Виртуализация социальных институтов и трансформация ценностных ориентаций молодежи в информационном обществе 218

Лысенко Н. Н., Манвелян Д. М. Трансформация транзиции во взрослость современной молодежи: диспозиция социальной роли и самоидентификации 221

Макарова М. Н. Возможности интеграции аксиологического и социокультурного подходов при анализе факторов склонности к коррупции 223

Малмыгин А. С. Дефицит кадров как управленческая проблема в условиях трансформации социально-экономических отношений 226

Мальцева О. Е. Связь базисных убеждений и копинг-стратегий у студентов-первокурсников 227

Маркевич А. И. Основы народовластия в трудах древнегреческих мыслителей 230

Маркин М. Е., Ивакина А. Ю., Смаль А. Р., Голева С. А. Социальная адаптация организаций культуры к новым запросам посетителей (кейс подмосковного музея-заповедника) 233

Мартищенкова Е. В. Сравнительный анализ оценок населения и экспертов эффективности реализации социальной политики в Беларуси 235

Мартищенкова Е. В., Гуцева Г. З. Особенности восприятия различными категориями населения рисков от ионизирующих и неионизирующих излучений 238

Мельник В.-Е. С. Гендерные стереотипы в рекламе 241

Михайловский В. С. Междисциплинарность в современной науке 243

Михалкин А. А. Капитализм платформ и прекариат 245

Мицкевич Ю. В. Преимущества продвижения учреждений культуры в социальных сетях 247

Молчанов П. Ю. Формирование посткапитализма в условиях социально-экономических трансформаций первой четверти XXI века 250

Мороз О. В., Адаменя Д. В. Цифровая реклама и трансформация общества: нормы и практики 252

Морозова Н. Н. Гендерные различия на рынке труда Республики Беларусь 255

Морозова О. С. Глобализация, цифровизация, миграционные процессы и новые угрозы безопасности как вызовы современного общества 258

Мудрова С. В., Рудковская М. М., Бушкевич Д. А. Платформенная занятость женщин: изучение в системе современных социоэкономических исследований 260

Муха В. Н. Повседневные практики сельских женщин: влияние рурбанизации 263

Мушта А. А. Проблемы разработки индикативных показателей реализации исторической политики и их мониторинга в интересах обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь 265

Нейман К. П. Особенности медиапотребления в семьях разных поколений 268

Никитина И. Ю. Социальное знание через призму археологии знания Мишеля Фуко 272

Нищименко Е. С. Искусственный интеллект как инструмент дискредитации в информационном пространстве 274

Новаковская Д. Б. Цифровизация кадровой работы в государственных органах как ключевой фактор трансформации социально-экономических отношений 277

Ображей О. Н. Восприятие населением Беларуси рисков и возможностей цифровых технологий: социологический анализ 278

Островский С. Н. Основные проблемы современного образования в контексте духовно-нравственного развития личности 281

Пашкевич О. А. Реализация гендерной политики в Республике Беларусь в контексте занятости сельских женщин 283

Перепелкин В. А. Публичная политика в эпоху цифровизации 286

Петров Е. А. Глобальная турбулентность как фактор трансформации общественно-политической модели Беларуси 288

Пищикова М. В. Социальная включенность в образовании: формирование социального капитала будущих поколений....291

Подвальская В. С. Цифровые компетенции населения Республики Беларусь (результаты социологического исследования)....292

Подгайская Л. И. Продовольственная безопасность Беларуси через сотрудничество с Китайской Народной Республикой 295

Посталовский А. В. Показатель «доверие к СМИ» в медиаисследованиях аудиторных предпочтений 298

Посталовская О. А. Современный экополитический процесс: понятие, структура, практика реализации 300

Похомова А. А. Социальный феномен реципрокности в исследовании мотивации волонтерской деятельности 302

Прокопович Т. И., Мороз О. В. Использование игровых техник в образовании: как «игровой язык» меняет восприятие серьёзных тем 305

Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Эмпатия и эмоциональная рефлексивность как важнейший методический прием при анализе «мужских» и «женских» текстов....308

Радевич Е. В. Современные социокультурные трансформации и кризис идентичности в условиях глобальных рисков....310

Ратникова И. М. Современное общество как предмет исследования критической теории 312

Ревенко В. В. Современные политические провокации против Республики Беларусь 315

Румянцева Т. Г. История изучения наследия И. Канта в Калининграде как яркий пример развития региональных исследований....318

Русакова М. М., Ткач С. Отчуждение труда в условиях современного цифрового общества....320

Рысюкевич Н. С. Роль физической культуры в контексте гуманизации общества....323

Савич Н. А. Социальная ответственность в контексте современного общества 325

Саврас С. А. Формирование цифровой идентичности сотрудника как определяющий элемент его профессиональной репутации....326

Сакович А. Ю. Перспективы развития социологических исследований белорусской провинции....329

Салтанович И. П. Цифровизация как основа нового социокультурного контекста: вызовы и перспективы 333

Сарна А. Я. Дискурс цифровизации в белорусской публичной сфере (по материалам минского форума «Цифровая экономика») 336

Светлова Е. С. Развитие электронных налоговых сервисов и их влияние на налоговую дисциплину в России 339

Семёнова А. В. Удовлетворенность населения белорусских регионов работой объектов розничной торговли и общественного питания 342

Сидоренко И. Н. Двойное бремя: политика идентичности и насилие в постколониальном измерении 345

Симхович В. А. Молодежь Беларуси о социальных последствиях цифровизации 348

Смагина Е. В. Гендерные структуры в служении сестер милосердия столичных общин (Российская империя, вторая половина XIX в.) 351

Смыкова Е. Ю. Влияние глобальных трендов на развитие современного туризма 354

Снисаренко К. Л. Информационно-психологическое противоборство в современном мире 356

Сойко А. Д. Трансформация института образования в условиях цифровизации общества 359

Соловей А. П. Программы научного наставничества для женщин: от идеи к реализации 361

Соловьев Э. Г. Эволюция партийных систем – новая точка бифуркации 364

Сосновская Н. А. Оценка населением возможностей трудоустройства на территориях, пострадавших от аварии на ЧАЭС 368

Стариченок В. В. Великое Княжество Литовское в белорусском общественном мнении 370

Сташис В. О. Функция социальной философии в контексте гуманитарных исследований 373

Степанов С. В. История гигиены детства в Российской империи: исторические исследования в российской науке XXI века 375

Столяров Д. В. Влияние процессов глобализации на жизнь молодёжи в сферах семьи, здравоохранения и образования 377

Сулейманова Р. Н. Женские организации в Республике Башкортостан: создание, итоги деятельности в 1990–2000-х годах 381

Сухотский Н. Н. Историческая память о Великой Отечественной войне в восприятии современной белорусской молодежи: социологический аспект 383

Сычков А. В. Преодоление цифрового неравенства: опыт Японии 387

Трошкина И. Н. Деятельность женских общественных организаций в Хакасии: состояние, перспективы 390

Усовская Э. А. Гендерный аспект культурных различий.....391

Устюгова А. Г. Образовательные проблемы современной китайской молодежи 393

Филинская Л. В. Гендерные различия в восприятии и использовании искусственного интеллекта студенческой молодежью 395

Хамутовская С. В. Специфика применения человекоцентрированного подхода в банковской сфере в контексте цифровизации общества (на примере Сбербанка)...398

Хитрук Е. Б. «Отцовская любовь»: легитимация концепта в научном и социальном дискурсе. 401

Цыбульская Н. В. Мнение населения Беларуси о современном состоянии культуры в стране.....403

Цюхай Е. И., Рынденко Д. В. Взаимосвязь ценностных ориентаций и эмоционального выгорания у программистов 406

Чертков А. С. Национальные ценности в парадигме национальной безопасности....409

Чжао Юаньлун Особенности цифрового пространства молодежи в Китайской Народной Республике.....411

Чэн Ци Эстетизация безобразного как черта развития современной интернет-культуры 413

Шершнева О. А. Роль философии в формировании патриотической культуры личности 416

Штеер О. В. Историко-культурное наследие как фактор социальной безопасности государства: теоретические подходы в зарубежных и отечественных исследованиях 418

Шумская Б. И. Кибертерроризм и радикализация общества: использование онлайн-пространства для вербовки и пропаганды 420

Юкина И. И. Институционализация истории женщин в российской исторической науке.....423

Яковлева Н. И. Социальная инфраструктура как фактор развития инклюзии.....426

Alimbekova G. T., Bakytzhanova A. A. Sexual Shame (UYAT) and Reproductive Behavior of Women in Kazakhstan 429

Bakytzhanova A. A., Alimbekova G. T. Socio-linguistic Factors and Reproductive Behavior of Youth in Kazakhstan 433

Laputko K. V. Legislative Mitigation of Ethical and Legal RIsks in Ai-driven Education .436

Chekmazov A. I. Transformation of the Nordic Welfare States: Between Universalism and Resilience 438

Filimonova A. F. Comparative Analysis of Innovative Development of Belarus and China Based on Past Experience 440

Научное издание

СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ, ЗАКОНОМЕРНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Материалы V Международной научно-практической конференции
(г. Минск, 30–31 октября 2025 г.)

Материалы публикуются
в авторской редакции

Ответственный за выпуск
А. В. Посталовский

Подписано в печать 13.10.2025.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 24,34.
Тираж 100 экз. Заказ 1222.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by